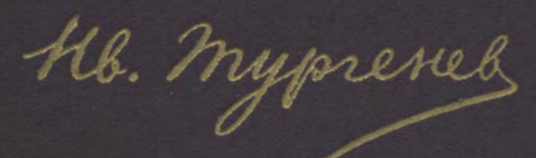
И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

1

И. С. ТУРГЕНЕВ
Акварель К. А. Горбунова, 1838 г.
Государственный литературный музей, Москва.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

Издание второе, исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1982

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

Том первый

1831—1849

◆

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1982

Т $\frac{4702010100—147}{042(02)\text{-}82}$ Подписное

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание писем И. С. Тургенева предпринимается на основе осуществленного Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) АН СССР и издательством «Наука» в 1961—1968 годах издания писем писателя в 13-ти томах (15-ти книгах).

По сравнению с предшествующим предлагаемое ныне вниманию читателей издание является исправленным и существенно дополненным, и прежде всего дополненным новонайденными письмами И. С. Тургенева, как опубликованными за последние годы в СССР и за рубежом, так и пока еще известными лишь по автографам.

Основные принципы издания остаются неизменными и заключаются в следующем.

Все письма, входящие в издание, располагаются в общем хронологическом ряду, имеющем единую для всех томов нумерацию. Основной материал каждого тома составляют письма в собственном смысле, т. е. личные обращения Тургенева в свободной эпистолярной форме к индивидуальным адресатам, а иногда и к коллективным — например, письма в литературные организации, в редакции газет и журналов, если эти обращения не представляют собою критических статей, публицистических выступлений или художественных очерков, входящих в собрание сочинений; сюда же относятся коллективные письма с участием Тургенева — с его подписью или с написанными им частями текста. Помимо этого основного материала, в издание входят, с особой нумерацией, «Официальные письма и деловые бумаги», т. е. обращения Тургенева в правительственные учреждения, в учебные заведения или к лицам, занимающим официальное положение, составленные по узаконенной канцелярской форме или хотя бы и в форме письма, но отражающие не личные, а лишь служебные или официальные отношения.

При установлении общего хронологического ряда писем, т. е. при определении и формулировании датировок каждого письма, соблюдаются правила, предусматривающие разные возможные случаи. Если на письме имеется авторская дата, она сохраняет в печатном тексте формулировку подлинника, причем ошибки, нередкие у Тургенева (несовпадение дней недели и чисел месяца, чисел старого и нового стиля и т. п.), здесь не устраняются. Независимо от

наличия или отсутствия авторской даты, ее правильности или ошибочности каждое письмо снабжено редакторской датой, печатающейся в виде подзаголовка к номеру письма и наименованию адресата. Редакторские даты единообразны (с большей или меньшей возможной точностью) и содержат в себе: число и месяц (в старом и новом стиле, причем дата нового стиля заключается в круглые скобки); год (или два года — для дат конца декабря ст.ст.— начала января н.ст.); место написания письма. Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода, причем «началом» месяца считаются 1—5 числа, «серединой» месяца — 13—17 числа, «концом» месяца — 25—31 числа (с оговоркой о старом или новом стиле датировки). Письма, датируемые по почтовому штемпелю, обозначаются «около, не позднее» числа штемпеля. При наличии нескольких писем неопределенной датировки они располагаются в порядке убывающей точности их редакторских датировок; в случае одинаковой возможности для нескольких писем последней даты порядок их определяется возможными начальными датами. Письма, датированные несколькими числами (например, письма-дневники к П. Виардо, Аксаковым, Анненкову), помещаются по последней дате, независимо от начальной. Если в один день написаны письма к нескольким лицам и нельзя установить их последовательность, они располагаются в порядке алфавита адресатов. Все редакторские даты при отсутствии или неточности авторской даты обосновываются в примечаниях к письму. Сомнительные или предположительные даты отмечаются в редакторском подзаголовке знаком вопроса в круглых скобках (?).

Тексты писем, публикуемых по подлинникам, печатаются с соблюдением возможной точности в расположении дат, обращений, приписок, заключительных формул, подписи и т. д. Недописанные или сокращенно написанные слова, кроме общепонятных сокращений, раскрываются полностью (если только сокращение не является необходимым элементом стиля или не имеет особого конспиративного или иного значения,— такие сокращения объясняются в примечаниях). Редакторские дополнения недописанных слов заключены в угловые скобки ⟨ ⟩; такими же скобками с тремя дефисами между ними заменяются слова, неудобные для печати. Сомнительные чтения отмечаются в тексте знаком вопроса в угловых скобках ⟨?⟩. Неразобранные слова обозначаются курсивом в угловых скобках ⟨*нрзб.*⟩ с цифрой, соответствующей числу непрочитанных слов, если их больше одного. Все редакторские пояснения и примечания к тексту печатаются в сносках, обозначенных буквами, курсивом, в отличие от слов, зачеркнутых или неверно написанных Тургеневым, которые в тех же сносках приводятся прямым шрифтом. Примечания к тексту, принадлежащие самому Тургеневу, печатаются

в сносках со звездочками, тем же шрифтом, что и основной текст. Слова, подчеркнутые Тургеневым, воспроизводятся курсивом, названия газет, журналов и произведений даются в кавычках.

Переводы на русский язык иноязычных писем выделены в особый раздел; переводы отдельных иноязычных слов, фраз и отрывков, находящихся в русском тексте, помещаются в составе примечаний к каждому письму (названия иностранных газет и журналов не переводятся). Встречающиеся в иностранном тексте письма иноязычные слова и фразы (например, немецкие фразы во французских письмах и т. п.) даются в тексте перевода в оригинале и переводятся под строкою. Адреса и даты (кроме адресов получателей на конвертах), написанные на ином языке, чем язык текстов писем, переводятся без особого указания на их иноязычие.

Письма Тургенева печатаются в основном по современным нормам орфографии, с сохранением, однако, некоторых характерных особенностей авторского написания. Сохраняются все те особенности авторской орфографии, которые отражают произношение Тургенева или, во всяком случае, влияют на произношение слов, а также особенности, представляющие намеренную стилизацию — архаизмы, диалектизмы, варваризмы, вульгаризмы и пр. В случаях неустойчивой орфографии, колеблющейся от письма к письму (а в некоторых случаях — и в пределах одного письма), эти колебания сохраняются; сохраняются особенности написания, отражающие эволюцию орфоэпии Тургенева и его стилистики за ряд лет в продолжение его литературной деятельности. Прочие особенности и колебания в орфографии, представляющие лишь формальные или графические моменты, устраняются и приводятся, как сказано, к современным нормам.

То же относится и к пунктуации: она в основном нормализована (введены, например, нередко отсутствующие в эпистолярной скорописи запятые перед придаточными предложениями, причастными и деепричастными оборотами и пр.), но сохраняются характерные для Тургенева употребления тире (внутри фраз), многоточий, эмоциональных знаков, а также расстановка знаков, имеющих интонационное значение. Не сохраняются частые у Тургенева тире в конце фраз, после точки, за исключением случаев, когда такие тире имеют значение абзаца — перерыва между двумя разными темами.

Орфография и пунктуация иноязычных текстов подчинены тем же основным правилам, соответственно нормам каждого языка, но с соблюдением особенностей, характерных для эпохи или лично для Тургенева.

Явные буквенные описки Тургенева и явные опечатки в текстах, публикуемых по печатным источникам, исправляются без

оговорок; более серьезные описки (или опечатки) оговариваются в подстрочных примечаниях.

Восстанавливаются без оговорок отдельные слова и фразы, вычеркнутые в письмах Тургенева при подготовке их к публикации самими его корреспондентами (например, немецкие фразы интимного характера в письмах к П. Виардо и т. п.).

Пояснительный аппарат к текстам писем состоит из примечаний и указателей.

Примечания содержат в себе историко-литературные, биобиблиографические, исторические и т. п. пояснения к тексту письма; они обозначены цифрами, которые даются в текстах писем и повторяются в переводах.

Каждый том писем содержит указатели: а) писем Тургенева по адресатам; б) мест пребывания Тургенева за период, охватываемый томом; в) произведений Тургенева, упоминаемых как в письмах, так и в комментариях; г) аннотированный указатель личных имен и названий периодических изданий, встречающихся в томе; имена адресатов писем отмечаются в указателе звездочками.

Аннотации к личным именам содержат лишь самые необходимые биографические справки общего характера и указания на взаимоотношения данного лица с Тургеневым (также в общем плане). Сведения о переписке Тургенева с данным лицом содержатся в указателе в тех случаях, если это лицо является адресатом Тургенева в данном томе или если известно, что в период, охватываемый данным томом, это лицо было в переписке с Тургеневым, но письма обеих сторон или одной стороны до нас не дошли. В некоторых случаях дополнительные сведения о письмах Тургенева и к Тургеневу, не дошедших до нас, но известных по упоминаниям, даются в примечаниях к соответствующим томам.

В последующих томах (начиная со 2-го) лица, упоминавшиеся в предшествующих, входят в указатель без аннотаций, со ссылкой на тот том, где о них приводятся основные сведения.

Ссылки на места хранения подлинников, на публикации, на литературу предмета (названия сборников, издания сочинений Тургенева и других писателей-классиков, важнейшие исследования, часто цитируемые) даются в сокращениях. Список условных сокращений помещается в каждом томе; условные сокращения, раскрытые в предшествующих томах, в последующих не отмечаются; сводный список условных сокращений, принятых в издании, будет помещен в последнем его томе.

Общие замечания к каждому тому печатаются перед комментариями.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

1

Письма писателей — важный источник, имеющий большое и разностороннее значение для изучения личности и творчества их авторов, времени, в которое они жили, людей, которые их окружали и входили с ними в непосредственное общение. Но писательское письмо — не только историческое свидетельство; оно существенно отличается от любого другого бытового письменного памятника, архивной записи или даже прочих эпистолярных документов; письмо находится в непосредственной близости к художественной литературе и может порой превращаться в особый вид художественного творчества, видоизменяя свои формы в соответствии с литературным развитием, сопутствуя последнему или предупреждая его будущие жанровые и стилистические особенности.

В русских учебных руководствах риторики и поэтики начала XIX в. письмо определялось как промежуточный вид между диалогом и монологом, как «разговоры или беседы с отсутствующими», заступающие место «изустного разговора, но заключающие в себе речи одного лица» [1],— как своего рода застывшая, запечатленная на бумаге речь, обращенная к действительному или воображаемому собеседнику. Однако многообразие форм, придерживаться которых рекомендовалось при писании писем в реальной жизни, подлежало тогда еще более или менее строгой регламентации, в соответствии с правилами поведения и формами личного общения в обществе, скованном всякого рода условностями, социальными преградами и запретами; отсюда и распространенность, в особенности в тех общественных слоях, которые были непричастны к литературе и творческой деятельности, «письмовников» различных типов — руководств и пособий для сочинения писем по готовым образцам. Писательская практика, напротив, ломала традиционные эпистолярные штампы, высмеивала их и очень рано стала придавать письмам как произведениям художественного творчества самодовлеющее зна-

---

[1] Г р е ч Н. И. Учебная книга российской словесности. СПб., 1819. Ч. 1, с. 42. Родственные признаки «письма» и «разговора», подвергшегося письменной фиксации, долго служили еще предметом для различных сопоставлений и сближений. См., например: K a p s t e i n A. Gespräch und Brief. Buchenbach — Baden, 1924.

чение. В жанровом смысле писательское письмо могло приближаться то к дневнику, как одному из видов внутреннего монолога, то к мемуарам, как одной из форм автобиографического повествования. Разнообразие видов писем литературных деятелей, впрочем, всегда было настолько значительным, что эти виды едва ли поддаются сколько-нибудь удовлетворительной классификации или систематическому обозрению. Можно говорить лишь об относительной связи их с литературой того или иного исторического времени, поскольку бытовое частное письмо и письмо как элемент литературного произведения (в том числе и важнейший, определяющий его структуру) всегда находились между собой в параллельных взаимодействиях и неизменно заключали в себе сходные стилистические признаки.

В истории западноевропейских литератур XVII—XVIII вв. письмо как литературный жанр приняло довольно устойчивые формы. Оно способствовало возникновению особого вида романа, романа-переписки, удержавшегося и позже в качестве одного из излюбленных и удобных видов словесного творчества. В то же время «литературное письмо» как один из способов умственного общения автора с окружающими его людьми числило среди своих мастеров многих писателей и других примечательных исторических лиц; последние благодаря своим письмам, оказавшимся достойными печати, приобретали также и литературное имя [2].

В русской литературе второй половины XVIII в. и начала XIX в. наблюдались подобные явления. Такой же популярностью пользовался у нас тогда эпистолярный роман, приближавший действие к естественной обстановке или к обстоятельствам реальной жизни и совершенствовавший технику воспроизведения в повести или романе психических состояний и эволюции немногих действующих лиц — воображаемых корреспондентов. Позднее весьма совершенные образцы эпистолярных повестей в русской литературе дали Пушкин («Роман в письмах», 1829), Достоевский («Бедные люди», 1846), Тургенев («Переписка», 1856; «Фауст. Рассказ в девяти письмах», 1856) и др., а наряду с этим техника включения писем действующих лиц в повествование большой эпической формы продолжала развиваться. И здесь Пушкин первый дал удивительные образцы литературного мастерства,— это столь не похожие друг

---

[2] Duret V. L'art de correspondre et les maîtres du genre épistolaire du siècle de Louis XIV. Vienne, 1866. См. также: Vic. de Broc. Le style épistolaire. Paris, 1901. Книга де Брока предлагает для сопоставления наиболее прославленные образцы писем от Цицерона и Плиния младшего до Буало, г-жи де Севинье, Ментенон, Дюдеффан и Вольтера. Такие же хрестоматии избранных писем имеются и в других западноевропейских литературах — английской, немецкой и др.

на друга и в то же время типические письма Савельича в «Капитанской дочке», старой няни в «Дубровском», Татьяны в «Евгении Онегине» и др. Однако в эволюции письма в русской литературе и общественной жизни первой половины XIX в. по сравнению с другими странами наметились свои особенности.

В начале XIX столетия письма русских литераторов представляли собой важный фактор общего литературного развития; эти письма выходили за сравнительно узкие пределы бытового средства связи, приобретая особую функцию, как и вся рукописная литература, живее и полнее отображавшая умственные запросы русского общества, чем подцензурная печать. Чем сильнее был цензурный гнет, тем бо́льшее распространение получала рукописная литература и тем самым повышалась роль утаенных от цензурного досмотра эпистолярных листков, по необходимости восполнявших все виды легальной печати: они были хроникой новостей, достопримечательных событий общественной жизни и комментарием к ним, изложением заветных мыслей и чувств, которыми стоило поделиться с доверенными лицами. Письма служили и другой цели, являясь своего рода опытным участком для разнообразных жанровых и стилистических экспериментов: они способствовали разработке литературного языка, мастерству воспроизведения непринужденной, живой, звучащей речи [3]. Недаром письма именно в то время получили столь широкое распространение и искусство их писания доведено было до такого совершенства: при самом своем возникновении многие из них приобрели самостоятельное литературное значение как своего рода шедевры словесного мастерства. Достаточно вспомнить дружескую переписку Пушкина, П. А. Вяземского, А. И. Тургенева и всего их литературного круга. Письма нередко и писались тогда как бы в расчете на будущее опубликование [4] и во всяком случае часто предназначались не для одного лишь адресата. Они ходили по рукам в копиях, их переписывали, читали вслух в интимном дружеском кругу; их хранили в домашних, семейных архивах для будущих поколений, пользуясь в то же время возможными случаями

[3] Степанов Н. Дружеское письмо начала XIX в.— В сб.: Русская проза/Под ред. Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Л., 1926, с. 74—101; Паперно И. А. О двуязычной переписке пушкинской поры.— Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1975, т. XXIV, Труды по рус. и славян. филол., вып. II, с. 148—156; Todd William Mills III. The Familiar letter as a literary genre in the age of Pushkin. Princeton, New Jersey, 1976. 230 p.

[4] Об одном из писем П. А. Вяземского А. И. Тургенев в своем ответном послании отзывался так: «Жуковскому письмо очень понравилось, и он хотел у меня отнять его, но это значило бы отнять его у бессмертия, ибо я берегу твои письма, чтобы со временем под свободным небом издать их в свет и сделать из тебя самого второй том Галиани» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. I, с. 232).

и поводами для напечатания то полностью, то в извлечениях и обработке. Иные из корреспондентов в писании многочисленных дружеских писем почти полностью исчерпывали свою творческую потребность, превращали сочинительство писем в самоцель, в главную отрасль своей умственной деятельности; таков был, например, А. И. Тургенев, мало и редко печатавший свои сочинения, но бывший поистине неутомимым и всеми ценившимся корреспондентом: заграничные письма его к друзьям представляют собой не только замечательные образцы русского эпистолярного стиля, но и первоклассные документально-исторические источники.

Многие из писательских дружеских писем первой половины XIX в. в силу особых условий русской исторической жизни могли приобретать также особое общественно-политическое звучание: они превращались порой в красноречивые и содержательные политические памфлеты, в своеобразное, ничем не стесняемое «исповедание веры», в изложение целой системы взглядов, философских убеждений, прокламировали их социально-политические воззрения, надежды, прогнозы. Это прежде всего некоторые письма декабристов, рассчитанные на узкий круг читателей-единомышленников или противников (например, критико-полемические письма М. Ф. Орлова 1819—1820 гг. к Д. П. Бутурлину, реакционному историку), «Философические письма» П. Я. Чаадаева, отразившие духовный кризис дворянской интеллигенции после восстания декабристов, еще позднее — такой прославленный в истории русской общественной мысли социально-политический трактат, как письмо Белинского к Гоголю, служившее ответом на гоголевскую «Переписку с друзьями»; характерно, что эта «Переписка» — плод заблуждений и ошибок смятенного духа автора, дошедшего до проповеди обскурантизма,— в жанровом отношении восходила к «эпистолярной» форме дидактического трактата, поучения, пастырского увещания. А наряду с одобренными цензурой письмами Гоголя и презревшим ее мстительность ответным письмом на них Белинского в русском обществе стало звучать, всё громче и призывнее, вольное слово писем Герцена, одного из признанных европейских мастеров программного пропагандистского политического письма, с призывами к разуму и совести и требованиями революционного дела.

Все перечисленные явления русской эпистолярной литературы, несмотря на глубокие идейные различия важнейших ее памятников, свидетельствуют о той особой и выдающейся роли, которую письмо играло в первой половине XIX в. Различным его видам и формам было обеспечено заметное и почетное место в истории русской мысли и литературного развития. В этот период письмо прошло у нас все стадии своей эволюции как самостоятельного литературного жанра, испробовало различные пути своего применения и стилистической

обработки, звучало во всех регистрах человеческих голосов и в разных вариантах своей социальной обусловленности и общественных функций. Всё это было хорошо известно Тургеневу. Литературная деятельность его началась еще в то время, когда эпистолярный жанр пользовался популярностью у читателей, культ «дружеского письма» был широко распространен за пределами писательских кругов, а прочно установившаяся эпистолярная традиция содействовала выработке у каждого литератора навыков к писанию писем различных видов и назначения. На глазах Тургенева создавались прославленные впоследствии произведения эпистолярного жанра; он внимательно изучал лучшие его образцы, относящиеся как к прошлому, так и к настоящему русской и западноевропейских литератур.

И в воспоминаниях о Тургеневе, и в его собственных письмах находится много тому свидетельств. Так, знакомясь с эпистолярной литературой древнего Рима, Тургенев «крайне интересовался» «Письмами» Цицерона [5]. Он прекрасно знал французскую эпистолярную литературу XVIII в. (хороший подбор этих книг хранился в библиотеке в селе Спасском); в частности, он восторгался последним неотправленным письмом г-жи Ролан к Робеспьеру, опубликованным в ее мемуарах, называл это письмо «настоящим шедевром» (письмо к Л. и П. Виардо от 18(30) сентября 1850 г.). Столь же основательным было его знакомство с эпистолярными памятниками английской литературы — от писавшихся для печати «Писем леди Монтегью» (он приводит большую выписку отсюда в письме к П. Виардо от 28 июля (9 августа) 1849 г.) и романов Ричардсона до житейских писем Байрона, изданных Т. Муром. Немецкая литература, в которой эпистолярный жанр был представлен широко и разнообразно, также не была обойдена Тургеневым. Интересуясь сочинениями Жан-Поля, он, несомненно, знал его знаменитое и столько раз воспроизводившееся определение: «Книги — это обширные письма к друзьям, письма — это лишь тонкие книги для всего мира»[6]. Известны отзывы Тургенева о таких прославленных образцах немецкой эпистолярной прозы, как письма Мерка, которым он предполагал посвятить особую статью, или «Переписка Гёте с ребенком» Беттины фон Арним, столь популярной в кружке Станкевича. Все

[5] Е. М. Феоктистов вспоминает, что, с увлечением читая «Письма» Цицерона, Тургенев по вечерам сообщал друзьям свои впечатления об этой книге «с обычным своим остроумием и блеском» (Тургеневский сборник/Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921, с. 175).

[6] Это был лишь вариант афоризма, принадлежащего немецкому сатирику XVIII в. Т. Гиппелю: «Тот, кто пишет письмо, должен думать, что он обращается ко всему миру; тот, кто пишет книгу, — адресует ее к близкому другу» (см.: Jean Paul. Sämtliche Werke/Historisch-kritische Ausgabe von E. Berend. Weimar, 1930. Bd. V, Erste Abteilung, S. 471, 550).

эти читанные Тургеневым книги писем разных эпох и на разных языках — с их жанровым сходством и стилистическими отличиями — открывали перед ним широкие возможности для сопоставлений, а вместе с тем и для выработки собственной эпистолярной манеры. Тургенев в состоянии был оценить изящный и легкий стиль салонной болтовни в письмах французских, тяжеловатый повествовательный стиль писем английских и не менее специфические особенности писем немецких, с характерной для них философской отвлеченностью. Перепиской русских писателей, в особенности пушкинской поры, как изданной, так и неизданной, Тургенев интересовался особо на протяжении всей своей жизни. В 1878 г. он опубликовал в «Вестнике Европы» письма Пушкина к жене, предоставленные ему для печати дочерью поэта, а в 1880 г. хлопотал о получении других, никому не известных тогда писем Пушкина, находившихся в то время у его сыновей [7]. Ранее Тургенев готовил к изданию письма Е. А. Баратынского, врученные ему в подлинниках, и пытался раздобыть письма А. А. Дельвига от его младшего брата [8]. Всеми этими рукописями Тургенев был увлечен не только потому, что в них «нравы и быт эпохи» «отразились хотя быстрыми, но яркими чертами», но и потому также, что в них запечатлены живые человеческие черты их авторов (в письмах Пушкина, по его словам, «так и бьет струею светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямизна и верность его взглядов»); Тургенев не мог не оценить также их выдающиеся литературные качества; он был первым подлинным ценителем этих замечательных памятников русской эпистолярной прозы. Все это в немалой степени помогло и самому Тургеневу в конце концов стать одним из видных и общепризнанных мастеров эпистолярного искусства.

2

Первые дошедшие до нас письма Тургенева относятся к началу 1830-х годов, ко времени его отрочества и юности. Уже в то время,

---

[7] Садовников Д. Н. Встречи с И. С. Тургеневым.— Русское прошлое, 1923, кн. 3, с. 101.

[8] См. письма Тургенева к С. Т. Аксакову от 31 мая (12 июня) 1854 г. и к Некрасову от 15 (27) и 29 октября (10 ноября) 1854 г. Публикуя в «Современнике» 15 стихотворений Баратынского, Тургенев упомянул полученное им «от г-жи Баратынской небольшое, но драгоценное собрание писем ее покойного мужа к ней, к Пушкину и др., и также несколько писем Дельвига к Баратынскому» и, озабоченный тем, что без следа пропадают подобные рукописи, обращался с просьбой ко всем друзьям и приятелям Баратынского: «Не захотят ли те из них, у которых находятся его письма, прислать мне их в копиях?» (Современник, 1854, № 10, с. 147—148). Хотя статья о Баратынском была «почти кончена», а «письма его все переписаны», Тургенев не довел до конца эту работу, и она не была напечатана.

побуждаемый к этому родными, он приучался писать длинные письма, письма-дневники, своего рода хроники, с последовательным обозрением всего, что с ним происходило, описанием хода его учения, впечатлений от книг, им прочитанных. Писать письма такого рода было в то время в обычае в русских дворянских семьях; не без оснований им придавалось особое педагогическое значение. В конце 20-х годов журнал «Московский телеграф» (Тургенев-мальчик читал его внимательно) поместил на своих страницах целую статью под заглавием «Необходимость переписки между родными», в которой не без иронии относился к этому распространенному тогда обыкновению. Ситуация, описанная в «Московском телеграфе», весьма близка к той, благодаря которой до нас дошли ранние письма Тургенева, писанные еще неопытным пером будущего романиста.

В этом журнале рассказывается о некоем дядюшке, упрекающем своего племянника за то, что тот мало ему пишет. Племянник оправдывается: «Да о чем же мне писать, дядюшка? Если наполнить письмо только одними учтивыми фразами и уверять в покорности своей к услугам вашим, так об этом писать нечего: надобно доказывать любовь свою к родным не на письме, а на деле». Дядя упорствует: «Да все-таки, хоть бы что-нибудь да написал». «Ах, дядюшка! — отвечает племянник.— Письмописание доведено у нас до такой степени совершенства, что если примемся за перо, то напрасно будем искать новых выражений: все они ежедневно разъезжают по губерниям, так что иногда подумаешь, будто играешь в волан с тем, с кем имеешь переписку». Но эти доводы дядюшку не убеждают, и молодой человек, с неудовольствием видя, что ему придется покориться необходимости писать «хоть вздор, хоть одни учтивости»,— потому что «*между родными так водится*», — составляет типические образцы таких писем, которые «целыми кипами ежедневно приезжают во все почтамты» [9].

Ранние письма Тургенева к отцу и матери, до нас не дошедшие, вероятно, несколько походили на эти образцы, представляя собою почтительные, но довольно бессодержательные отписки в ответ на поучения и наставления: как известно, особой душевной близости между Тургеневым-мальчиком и его родителями не было. Относительно отца, С. Н. Тургенева, известно, что он был не только заботлив, но и требователен по отношению к сыновьям. Он сам писал им длиннейшие письма, в которых подробно расспрашивал о жизни, в особенности о ходе учебных занятий, и добивался, чтобы ответы на все вопросы были столь же обстоятельны. По словам одного из его писем 1830 г., ему надо было писать «не просто: „мною учителя довольны, стараюсь помнить твои приказания“», но сооб-

[9] Н — в И. Необходимость переписки между родными.— Московский телеграф, 1827, ч. XV, с. 115—121.

щать подробно о каждом предмете в отдельности: «во французском, немецком языках занимаешься тем-то; в латинском №№, в русском то-то; если что переводите; в географии тоже, в истории и русском языке мы „там-то" читаем, и так по очереди все предметы, какие тебе преподают,— не забудь и музыку» [10]. Не знаем, что на подобные запросы отвечал отцу «дружочек Ваня» и всегда ли бывал он в этих случаях достаточно исполнителен, усерден и словоохотлив. До нас, однако, дошли письма Тургенева-мальчика к его дяде с отцовской стороны, Н. Н. Тургеневу, которые позволяют составить об этом известное представление, поскольку они написаны в форме тех самых «журналов», которых от сыновей требовал отец. Впрочем, сохранившиеся письма, вероятно, непринужденнее и доверительнее тех, которые писаны были отцу,— между дядей и племянником существовала настоящая дружба,— и это придает им особый интерес. Эти письма не только обстоятельны, но полны действительно занимательных подробностей, при всей их еще детской наивности: между записями об уроках и отзывами о первых наставниках мелькают порой довольно меткие суждения о прочитанных книгах и текущих журналах, свидетельствующие о ранних литературных склонностях Тургенева и о незаурядной для его лет начитанности [11]. В последующих дошедших до нас письмах Тургенева-юноши он уже выступает перед нами как складывающийся поэт и литератор, упорно работающий над своим образованием: заглавия читанных книг вперемежку с более уверенными отзывами о них попадаются в его письмах все чаще, рядом с впечатлениями о первых самостоятельных странствиях и учении за границей. Следует пожалеть об утрате писем Тургенева этого периода к матери; впрочем, он писал ей редко и скупясь на подробности; в ее письмах к нему, длинных, эмоциональных, своеобразных и посвоему очень интересных, то и дело жалобы на его нерадивость и невнимание к ней: «Ах, Ваничка, Ваничка, вот и еще день пятницы, а от тебя писем нет, вот уже две недели»; «А ты, злодей, ленив писать. Ох! при моем горе и нет ни одной от тебя грамотки»; «Была бессонница 5 недель... 5 недель без писем! О, ради бога, не мучь меня, пиши. Пиши, или я не ручаюсь за жизнь». Но тоска матери чаще всего оставалась без сыновьего отклика. Сначала Варвара Петровна требовала от своего «Ванички» писем подробных и откровенных («не пиши, а болтай с твоею матерью и другом»), потом довольствовалась короткими записками, когда ж и они становились

[10] Клеман М. К. Отец Тургенева в письмах к сыновьям.— Тургеневский сборник/Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921, с. 131—143.

[11] Коншина Е. Н. Письма И. С. Тургенева к Н. Н. Тургеневу. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей. М., 1956. Вып. 18, с. 328—339.

редкими, прибегала даже к весьма характеризующим ее угрозам. «Три недели я не получала от тебя писем, mon cher Jean,— писала она ему однажды.— Слава богу, что не получала оттого, что ты не писал! Теперь буду покойна». Тем не менее она сообщает ему снова свой «господский деспотический приказ»: «Ты можешь и не писать. Ты можешь пропускать просто почты,— но! — ты должен сказать Порфирию — я нынешнюю почту не пишу к мамаше. Тогда Порфирий берет бумагу и перо. И пишет мне коротко и ясно,— Иван С., де, здоров,— боле мне не нужно, я буду покойна до трех почт. Кажется, довольно снисходительно. Но! — ту почту, когда вы оба пропустите, я непременно *Николашку* высеку: жаль мне этого, а он прехорошенький и премиленький мальчик... Что делать, бедный мальчик будет терпеть». По-видимому, даже эти угрозы не оказывали надлежащего действия. Одно из писем В. П. Тургеневой 1840 г. свидетельствует, что «Ваничка», в то время берлинский студент, оправдывался перед нею как мог, но всё же, очевидно, не в состоянии был победить в себе неохоту поддерживать с нею регулярную письменную связь. «Ты пишешь, что трудно тебе письмо писать, что тут надо уменье, способность! Но все это не к матери; тут не надо никаких сочинений и объяснений, не надо наполнять трех страниц». Конечно, В. П. Тургенева была права: ссылка на «неуменье» писать письма звучала явно неубедительно. Причины этого нежелания вести с ней переписку лежали гораздо глубже — в тех чувствах отчужденности от матери и недоверии к ней, которые у Тургенева-юноши постепенно возрастали и укреплялись; не с нею хотелось ему вести длинные задушевные письменные беседы [12].

В эту самую пору — в конце 30-х и начале 40-х годов — Тургенев любил и умел писать письма, но не к родным, а к друзьям и сверстникам. Здесь он бывал и достаточно болтлив, и вполне откровенен, и весел, и серьезен, смотря по обстоятельствам. Его дружеские послания полны откликов на все текущие события интеллектуальной жизни — литературы, театра, искусства; они очень содержательны, как и многие другие дружеские письма передовых русских литераторов послепушкинского периода, и очень примечательны по своим литературным и стилистическим особенностям. Есть среди них и письма романтического склада, полные лирики, живописности, пейзажных зарисовок, родственные его ранним стихотворным опытам, свидетельствующие о том, как быстро возрастала опытность его пера и совершенствовалось его литературное мастерство. В дружеских посланиях Тургенева этой поры явствен-

---

[12] Малышева И. Письма матери (Из неизданной переписки В. П. Тургеневой с сыном).— Тургеневский сборник/Под ред. Н. К. Пиксанова Пг., 1915, с. 24—48.

но различимы также и особые стилистические приметы, приближающие их к типичным «кружковым» письмам 40-х годов; в то время складывался новый тип дружеского письма, похожего на длинный, риторически приподнятый философский монолог, проникнутый самоанализом и рефлексией. То, что этот эпистолярный род был также близок Тургеневу, показывают не только некоторые из его писем, но и первые прозаические повести [13].

Ранние письма Тургенева дошли до нас в сравнительно малом числе; тем больший интерес представляют они для раскрытия его личности и истории его жизни. Собранные в один хронологический ряд, письма эти имеют значение для нас прежде всего как важнейший и незаменимый документальный биографический источник, своего рода ключ к пониманию условий интеллектуального роста и развития Тургенева как писателя. Хотя они и неполны и не с одинаковой равномерностью отражают все этапы этого развития, но все же дают о них довольно отчетливое представление. Вслед за образцами писем «годов учения» располагаются в этом ряду письма «годов странствий», за ними идут письма сравнительно недолгого периода непосредственного, близкого участия Тургенева в литературных и журнальных делах Москвы и Петербурга, в течение которого его эпистолярная активность приобрела специфическую деловую направленность; затем начались долгие годы жизни Тургенева за границей, в особенности способствовавшие его частому обращению к письму как к лучшему, а подчас и единственному средству общения с соотечественниками.

---

[13] Младшие современники Тургенева до конца его жизни не забывали, сколь многим он был обязан идейной атмосфере и литературным традициям 40-х годов. Характерно, что в комплекс представления о людях этого «замечательного десятилетия» (каким это представление сложилось в третьей четверти века) в качестве одного из признаков, определяющих особенности их психического склада, входило присущее этим людям уменье писать письма особого стиля, позднее утраченное. Существует рассказ Н. Н. Златовратского о встрече с Тургеневым в начале 1880 г. группы молодых русских литераторов-народников. «Тургенев, может быть, наивно думал, что мы вдруг оживимся, заговорим, заволнуемся так же вольно, широко, беззаветно, как бывало это в кружках Станкевича и Белинского»,— вспоминает он, говоря о себе и о своих друзьях, сидевших по углам, замкнутых и сосредоточенных, «из которых каждое слово надо было тянуть клещами», и продолжает: «О, как далеко было это время от тех блаженных времен, когда могли вестись эти беззаветные, бесконечные разговоры о „матерьях важных", когда юные приятели могли писать друг другу письма в 10, 20 и более печатных листов, когда между ними царила такая же дружба, как между платонически влюбленными институтками» (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930, с. 301—302).

Уже ранние частые отлучки за границу принуждали его быть исправным и деятельным корреспондентом. Тургенев писал тогда письма тем охотнее, чем сильнее нуждался в ответах на них. С конца 50-х годов, когда он жил преимущественно за границей, он привык писать письма еще чаще, чем прежде. С этих пор переписка становится для него одним из наиболее надежных способов поддержания постоянной связи с родиной, с русской жизнью, в недрах которой зрели новые общественные силы и подготовлялись значительные перемены: за всем этим он хотел следить с полным и сосредоточенным вниманием. Недаром П. В. Анненкову он писал 1(13) августа 1859 г., что любит «сидеть перед раскрытым окном ⟨...⟩ медленно мешая образы собственной фантазии с воспоминаниями далеких друзей и далекой родины», а через несколько лет И. П. Борисову (16(28) марта 1865 г.): «Вы не поверите, как я люблю получать от Вас письма ⟨...⟩ они составляют почти единственную мою связь с некоторой „сутью“ русской жизни, которая с каждым днем слабеет и теряется для меня». От «больших, милых и умных», по словам Тургенева, писем к нему И. П. Борисова веяло «таким родным орловски-степным воздухом», что ему, невольному парижанину, «здесь, на чужбине», оставалось только «благодарить да дышать поглубже» (письмо от 22 февраля (6 марта) 1863 г.). И перед Тургеневым возникал родной пейзаж и неодолимое желание «побывать опять в наших некрасивых и неудобных,— но почему-то привлекательных местах». «Кто мне растолкует то отрадное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего особенно пленительного — а мне весело. Это и есть чувство родины»,— писал он И. П. Борисову 11(23) декабря 1861 г.

Многочисленные письма Тургенева тех лет из-за границы поддерживали и укрепляли прежние дружеские узы, устанавливали новые, обеспечивали для него возможность узнавать то, что его интересовало, быть в курсе всех важнейших событий русской общественной и литературной жизни. В своей довольно значительной части это письма о литературных и редакционных делах, письма-вопросы или перечни его неотложных текущих нужд, денежные выкладки, житейские просьбы, советы или соображения. Среди этих писем уже много посланий к соратникам по журнальным редакциям и к простым исполнителям его поручений, посредникам в его личных делах. Характерно, что, нуждаясь в систематической информации из России, Тургенев не довольствовался теми сведениями, которые он мог получить из обычных дружеских писем, и с отъездом из России в июле 1856 г. наладил получение ежемесячных подробных отчетов из Петербурга за особое и специально оговоренное вознаграждение; таковы были посылавшиеся Тургеневу хроникальные пись-

ма-отчеты второстепенных литераторов, близких к редакции «Современника», например Е. Я. Колбасина [14]. Благодаря Е. Я. Колбасина за посылаемые ему «литературные известия», Тургенев писал ему 19(31) октября 1856 г.: «Они мне были очень приятны, и я рассчитываю на продолжение ваших ежемесячных отчетов. Без них я здесь точно в мешке; ни один родной звук не доходит». В переписке Тургенева последующих десятилетий письма такого рода, нередко носившие сугубо деловой житейский характер, также занимают немалое место, в особенности за те периоды его жизни, когда его очередные приезды в Россию по тем или иным причинам задерживались или оттягивались на неопределенное время. Конечно, эти письма представляют интерес и как материалы для истории его жизни, и благодаря своему культурно-историческому содержанию,— прежде всего по обилию данных, которые можно из них извлечь, относительно общественного и литературного кругозора Тургенева, широты или интенсивности его любопытства ко всему, что происходило тогда в России; в сочетании же с ответными письмами его корреспондентов эта часть его переписки может составить редкую по полноте сообщаемых сведений летопись русской литературной жизни. В сравнении с нею переписка других русских писателей той же поры много беднее фактами, если она не возникала при сходных обстоятельствах длительного разобщения обменивавшихся письмами корреспондентов; следует также иметь в виду, что при сосредоточенности тогдашней русской литературной жизни в немногих культурных центрах у русских литераторов всегда было меньше поводов, чем у Тургенева, долго жившего за границей, для столь длительного, деятельного и систематического обмена письмами по всем важнейшим вопросам русской литературной жизни.

Наряду с письмами литературного и делового характера раннего периода, имевшими более практическое назначение, чем его письма к литераторам в 60—70-е годы, в составе большого эпистолярного наследия Тургенева ярко выделяется другая, менее обширная, но не менее интересная группа его писем — письма к доверенным лицам, к близким, интимным друзьям, в личном и письменном общении с которыми он всегда очень нуждался. Лучшие образцы этих писем также относятся в основном к раннему периоду, однако в мень-

---

[14] Об этом своеобразном соглашении, заключенном между Тургеневым и Е. Я. Колбасиным, последний рассказал сам в пояснении к письму Тургеневу от 14(26) декабря 1856 г., опубликованному в 1884 г.: «Тургенев просил меня сообщать ему письменно, в виде рефератов, обо всем, что делается в русской литературе. Зная, что я был завален срочными журнальными работами, Ив. Серг. упрямо настаивал на каком-либо вознаграждении, несмотря на то, что я упорно от этого отказывался. Наконец мы согласились покончить на 10 рубл.» (Первое собрание писем. СПб., 1884, с. 36).

шем числе они встречаются и позже. Эти письма образуют как бы замкнутые в себе циклы, группируясь по лицам, к которым они обращены. Письма каждого из подобных циклов тяготеют друг к другу не только в силу направленности своей к единому адресату; они отличаются также общими для них структурными и стилистическими особенностями, всецело обусловленными личностью получателей и всеми оттенками отношений к ним пишущего. Эпистолярное искусство Тургенева заключалось, в частности, именно в его умении с одинаковой легкостью и свободой пользоваться всеми жанрами, формами и стилями письма, разнообразить их, применяясь не только к собственным настроениям и чувствованиям, но и к особенностям тех, кто должен был стать их первыми читателями. Выключаемые из общего хронологического ряда в свой собственный цикл, они обнаруживают и свой «сюжетный» стержень — историю отношений автора к адресату, большею частью сложную, психологически напряженную, с одним или несколькими кризисами, а иногда и с развязкой. В истории переписки Тургенева подобные письма к одному лицу постепенно замещают прежние дружеские письма его к нескольким лицам или такие, которые преднамеренно сохраняли за собою возможность разглашения хотя бы в интимном товарищеском кругу.

Письма к друзьям — лучшие их образцы дают нам юношеские и студенческие годы Тургенева — зачастую прямо рассчитаны были на чтение вслух, на дружное веселье сверстников; в них господствовали непринужденная болтливость, острая, подчас и нескромная шутка. Дружеские письма к одному доверенному лицу, в особенности если таким лицом являлась женщина, чаще всего проникнуты были лиризмом, философствованиями, заключали в себе описательные страницы; эти письма внушались чувством глубокой внутренней симпатии и были тем многословнее, чем более рассчитывали на сочувствие и заинтересованность рассказом. Чаще всего циклы подобных писем и возникали на почве влюбленности или длительного сердечного влечения. Таковы, например, несколько ранних писем Тургенева к Татьяне Бакуниной в период их «премухинского романа», в еще большей степени — письма Тургенева к Полине Виардо конца 40-х годов, писанные из уединения сельского поместья в Куртавнеле,— в тот период, когда устанавливалось и зрело мастерство Тургенева как писателя-прозаика. Впоследствии, живя в Париже, Тургенев переписывался с П. Виардо и ее семьей во время ее разъездов в концертных турне по всей Европе; эти отлучки ее также превращали Тургенева в усердного корреспондента, если он сам не принимал участия в таких поездках, и он часто брался за перо, чтобы сообщить о себе, узнать новости об ее артистических успехах или просто для того, чтобы в одиночестве завести с ней откровенную дружескую беседу. Многие из писем Тургенева к П. Виардо, писавших-

ся в такие периоды, особенно ранние, превращались порой в настоящие дневники, исповеди, длинные беседы с отсутствующим другом, полные заветных мыслей, интимных признаний. «Вы — мой исповедник»,— пишет Тургенев ей в письме от 24 ноября (6 декабря) 1850 г.; «Говорю вам это, чтобы не было на свете ничего такого, чего бы вы не знали обо мне»,— читаем в другом (18(30) сентября 1850 г.), или еще: «Меня тяготит самая мысль скрыть от вас хотя бы и тяжелую, но интересную вещь» (8(20) декабря 1850 г.).

Когда началась постоянная жизнь Тургенева в семье Виардо, окружавший его здесь привычный, как бы устоявшийся быт, при всех его преимуществах и удобствах, на которые он нередко указывал своим русским корреспондентам и собеседникам, не устранял, но с годами все более обострял часто возникавшее в нем чувство одиночества, заброшенности, пустоты. Его не могли развеять артистическая атмосфера, царившая в доме, те разноплеменные толпы интересных людей — писателей, музыкантов, художников, артистов, с которыми у него устанавливалось и личное общение. С какими-то кризисами, наступавшими порой в мучительной по своей сложности, обреченности и глубине любви к Виардо, следует, вероятно, связывать поиски Тургеневым новых душевных связей, всегда окрашенных в своеобразные лирические тона, которые приводили к возникновению новых циклов его писем, несколько напоминающих по своему характеру письма к П. Виардо. Такова была его десятилетняя переписка с гр. Е. Е. Ламберт (1856—1867), в последний период его жизни — с М. Г. Савиной (1879—1883), столь же похожая на дневник откровенностью признаний, сосредоточенностью мысли, литературной отделкой. К этой же группе его писем можно отнести из ранних лет — письма к С. А. Миллер (впоследствии жене поэта А. К. Толстого), из поздних — к Ю. П. Вревской, где на более короткое время, но отчетливо проявлялось его желание вести письменную беседу особо интимного стиля, писать не обычные, не бытовые письма,— то описательные, то напряженно-лирические, которые под его пером и действительно превращались в маленькие шедевры эпистолярного стиля.

В начале 50-х годов Тургенев обмену письмами с человеком, к которому он испытывал чувство приязни, иногда противопоставлял преимущества личного общения с ним в душевной, длительной беседе. «В час разговора больше скажешь, и больше узнаешь, чем в год переписки»,— писал он К. С. Аксакову 16 (28) января 1853 г. Сходная мысль высказана им вскоре в письме к С. А. Миллер от 6 (18) марта 1853 г.: «Я очень хорошо знаю, что никакая переписка личного свидания заменить не может; самые хваленые письма между так называемыми умными людьми мне всегда казались натянутыми и мелочными — притом вашему, что вы ни говорите, не-

обыкновенному уму должно быть тесно в узких рамках письма,— все-таки я был бы рад, если б вы изредка мне отзывались». И Тургенев прибавлял, словно опасаясь упреков в навязчивости: «Я сам вовсе не намерен щеголять перед вами тем, что французы называют les beautés du style épistolaire,— я просто желаю, чтобы та нить, которая существует между нами, не прерывалась до возобновления нашего знакомства». Эти заявления Тургенева имели в то время особые основания: оба цитированных письма написаны им в Спасском, в вынужденном одиночестве затянувшейся ссылки, когда мучительной и поистине неутолимой была для него жажда личных встреч, непрекращающегося интеллектуального общения: в ту пору ни книги, ни оживленный обмен письмами не могли заменить ему живых людей, увлеченных собеседников, которые умели бы и спорить, и слушать. Листы бумаги, которым поневоле приходилось поручать не только заветные мысли, но даже то, что легче было бы высказать вполголоса, с глазу на глаз, не передаваемой письменными словами интонацией устной речи, казались ему безжизненными, мертвящими, узкими рамками, стесняющими ум и чувство. Отсюда и возникали опасения, что его искренние письменные излияния будут приняты лишь за штампы эпистолярного стиля. Но уже к концу 50-х годов житейские обстоятельства Тургенева сильно изменились, и это не могло не оказать своего воздействия на его отношение к письму и к той роли, которое оно призвано было играть в его жизни. В этот период значение для него письма как дополнительного, но очень важного средства связи с избранными собеседниками безусловно повысилось. В просто собеседниках, с которыми можно было завести тонкий, артистический, остроумный, веселый разговор, он теперь нуждался гораздо менее, чем раньше, но для задушевного монолога или диалога с далекими отсутствующими друзьями письмо представляло теперь единственную и тем более ценившуюся им возможность. В особенности письма становились для него важны в периоды возникающей заочной дружбы; тогда писание их приравнивалось в его сознании к процессу художественного творчества.

В первые годы переписки с гр. Е. Е. Ламберт Тургенев однажды получил от нее письмо, которое, несомненно, заставило его задуматься о том, что представляли собою его собственные письма и как воспринимались они теми, к кому были обращены. «Ваш человек принес мне письма, но я его отпустила, потому что я душевные письма не люблю писать, как ответы на какие-нибудь пустые записки,— писала Е. Е. Ламберт Тургеневу.— Мне кажется, что нам не очень нужно видеться,— писать лучше; по-моему — при свидании много бывает лишнего и пустого — с иными людьми хотелось бы иметь душевную связь». Душевная близость, по ее мнению, легче закрепляется в двусторонних письмах, чем суетных, отвлекающих

устных разговорах. Она признается, что ей хочется писать только тогда, когда на нее слетает «ангел тишины»: недаром это письмо начинается фразой: «Не читайте днем, пожалуйста». В такие часы «мне приятно думать о тех, которых я люблю, и говорить с ними на бумаге.— Милый Иван Сергеевич, нехорошо быть писателем! — Вы так привыкли передавать мысли Ваши только публике, что перед листом белым, назначенным доброму другу, Вам в голову ничего не идет, а намереваетесь Вы „говорить". Дни уходят, сейчас не скажем, а там впечатление изгладилось...— Я скверно пишу, да так сразу и писала бы двадцать страниц без запинки,—а к вам-то придут на ум прекрасные вещи, и сказать бы их можно,— да как же быть автору?— у него льется только то, что печатается,— он точно кокетка». «Прощайте — больше писать не буду; просто смешна Вам покажется эта переписка во вкусе Clarisse Harlowe» [15].

В этом замечательном письме, так хорошо раскрывающем душевный облик его корреспондентки — незаурядной женщины, тяготившейся своим положением в петербургских светских кругах, презиравшей этикет, салонную болтовню и обязательные визиты,— Тургенев получил новое решение того самого вопроса, который интересовал его в предшествующие годы: о сравнительной ценности письменной и устной беседы. Вместе с тем Е. Е. Ламберт посылала ему и упрек, тонко почувствовав «литературность» его писем, их стилистическое сходство с теми страницами, которые он писал для многих, для публики, для печати, что уменьшало доверие к его искренности: предпочитая письмо невзыскательное и неискусное, но согретое сердечным теплом, таким, которые отзываются «красотами эпистолярного стиля», она, однако, не могла не заметить, что и сама несколько походит на героиню старинного романа Ричардсона. Тургенев читал это послание с огромным интересом и ответил тотчас же: «Ах, любезная графиня, какое хорошее письмо Вы мне написали! Я его прочел несколько раз с каким-то невольным умилением. Всегда хорошо раскрывать перед другим свою душу: хорошо для себя и для другого. Только напрасно Вы обвиняете меня в авторском кокетстве: если я для Вас не мог написать более десяти строк — то для публики я бы двух слов не написал — в теперешнем своем расположении духа» (12 (24) декабря 1859 г.). Это не только оправдание; это утверждение ценности переписки, какою бы она ни была по своим литературным достоинствам, для установления душевной близости между людьми, их лучшего взаимопонимания.

---

[15] А. Гранжар, опубликовавший это письмо вместе со всеми другими письмами Е. Е. Ламберт к Тургеневу, хранящимися в Париже, с полным основанием датирует его 10(22) декабря 1859 г. (Granjard H. Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs». Paris, 1960, p. 68).

Деятельным корреспондентом и мастером эпистолярного стиля Тургенев становился не только в силу указанных причин. Немалое значение имело при этом еще одно обстоятельство, которое следует иметь в виду при оценке его писем, как весьма важного и обширного отдела в его творческом наследии. Живя большею частью за границей всю вторую половину своей жизни, Тургенев, несомненно, очень болезненно ощущал свою языковую изоляцию; об этом есть ряд свидетельств как его самого, так и его современников. Окруженный людьми, не говорившими по-русски, среди своих ежедневных впечатлений иногда подолгу не имевший возможности слышать звуки родной речи, которой не могли заменить и русские книги, как бы принудительно выключавшийся из ее стихии, Тургенев порой до болезненности ощущал потребность говорить по-русски. Эта потребность получала не слишком частое удовлетворение в семье его парижских друзей, где он поневоле приучался говорить «по-басурмански» (письмо к В. П. Боткину от 25 октября (6 ноября) 1856 г.) и где русский язык для всех оставался непривычным экзотическим наречием. В письме к Л. Н. Толстому от 16 (28) ноября 1856 г., упоминая, что к нему на загородную виллу приехал А. А. Фет, Тургенев рассказывал: «В моей комнате я с ним спорил до того, что стон стоял во всем доме от диких звуков славянской речи». Именно этих звуков, которые могли устрашать его окружающих, часто физически недоставало ему самому. В. А. Соллогуб утверждает, что Тургенев, живя на чужбине, любил «побаловать себя иногда русским словцом», и вспоминает по этому поводу забавный случай, происшедший в его присутствии за обедом в одном из самых фешенебельных лондонских клубов. Выведенный из себя утомительным церемониалом и бесстрастной молчаливостью прислуживавших лакеев, Тургенев внезапно ударил по столу кулаком и стал кричать как сумасшедший: «Редька! Тыква! Кобыла! Репа! Баба! Каша! Каша!». На испуганные возгласы собеседников Тургенев отвечал: «Мочи моей нет! Душит меня здесь, душит! Я должен себя русскими словами успокоить» [16]. Подобные ощущения возникали у него и на склоне лет. По записи Д. Н. Садовникова, в 1880 г., в Петербурге, на одной из «пятниц» у Я. А. Полонского, Тургенев сам рассказывал: «Недавно в Париже, в общей карете, мне пришло сильное желание декламировать русские стихи и я, забывшись, начал свою декламацию. Публика была, понятно, удивлена,— с кем это я говорю. Это вышло так смешно!» [17].

Если устной русской речью Тургеневу удавалось пользоваться

---

[16] Соллогуб В. А. Воспоминания/Под ред. С. П. Шестерикова. М.; Л., 1931, с. 445—447.

[17] Садовников Д. Н. Встречи с И. С. Тургеневым, с. 102.

только тогда, когда он принимал у себя соотечественников [18], то к родной письменной речи он мог обращаться беспрепятственно. Русским писателем Тургенев становился прежде всего за письменным столом, наедине с собой, с пером в руке, склоненный над бумажными листами. По воспоминаниям А. В. Половцева, Тургенев признавался ему: «Теперь наиболее близкие мне люди не знают по-русски ⟨...⟩ За письменным столом снова становишься писателем» [19]. Речь здесь шла, конечно, обо всех видах письменной творческой деятельности. В нередкие у Тургенева периоды ослабления творческой деятельности, во время возникавших тогда своего рода творческих пауз, помимо ведения дневника, именно письма занимали его досуги. Но даже и тогда, когда Тургенев испытывал приливы творческих сил, писание писем играло для него подсобную, но важную роль: оно иногда предшествовало работе над текстом повести или романа. Прежде чем писать страницы своих произведений, Тургенев иногда садился за русские письма: они быстро восстанавливали в нем размах словесного творчества, будили и настраивали мысль, возбуждали охоту к литературному труду, вдохновляли на дальнейшие творческие усилия. Надо думать, что частично именно отсюда происходили нередкие, полностью еще не учтенные текстуальные совпадения между произведениями Тургенева и его письмами, превращающие порой эти письма в своего рода варианты к его художественным текстам. Стоит напомнить несколько примеров подобных параллельных мест, так как они представляют интерес и для изучения процесса его творчества и для определения художественной структуры его писем.

Уже давно было указано, что в письме Тургенева к П. Виардо от 30 мая (11 июня) 1849 г. содержится как бы первоначальная редакция его стихотворения в прозе «Природа», напечатанного тридцать лет спустя. В другом письме к ней же (от 1 (13) августа 1849 г.) Тургенев рассказывает виденный им сон, воспроизведенный с совпадающими подробностями в XI главе «Призраков»; в письме к

---

[18] С. Ромм, одна из учениц П. Виардо, также свидетельствует, что Тургенев «очень любил говорить по-русски», но, заговаривая с ней, получал шутливые замечания П. Виардо: «Gros malhonnête, de nouveau vous parlez votre langue barbare!» ⟨О, невежа, вы опять говорите на вашем варварском языке!⟩; впрочем, по ее рассказу, это бывало только при посторонних: П. Виардо всегда просила не забывать, что тут сидят «лица, не понимающие этого языка»; когда же не было гостей, она «не только не прерывала нас, но сама задавала вопросы, следя за разговором: не было чужих — и „варварский“ язык никого не смущал» (Из далекого прошлого. Воспоминания об И. С. Тургеневе.— Вестник Европы, 1916, № 12, с. 99—100, 107).

[19] Половцев А. В. Воспоминания об И. С. Тургеневе.— Календарь Царь-колокол. М., 1887, с. 77.

ней же от 28 июля (9 августа) 1849 г. Тургенев рассказывает также о материнской любви одной куропатки, которая для спасения своих птенцов «превосходно сыграла свою роль»: здесь нетрудно узнать первые очертания будущего рассказа «Перепелка». Отдельные письма представляют также интересные комментарии к художественным текстам. В письме к П. Виардо от 31 августа (12 сентября) 1850 г. Тургенев рассказывает о девушке, которая послужила прототипом для героини «Аси»; в письме к Гончарову от 7 (19) апреля 1859 г. Тургенев передает впечатление от игры Бозио в «Травиате» незадолго до смерти артистки; слова Тургенева в письме близки к рассказу, как Елена и Инсаров смотрят в Венеции «Травиату» («Накануне», гл. XXXIII).

Имеются также случаи полных текстуальных совпадений отдельных мест в письмах и произведениях Тургенева — пейзажных отрывков, метафор, сравнений и т.д. «Мне право кажется, что какие-то темные волны без плеска сомкнулись над моей головой — и иду я на дно, застывая и немея»,— писал Тургенев Е. М. Феоктистову 26 февраля (9 марта) 1852 г. под впечатлением смерти Гоголя; вся эта фраза дословно повторена в XI главе «Рудина» [20]. В письме Тургенева к С. Т. Аксакову от 12(24), 16(28) мая 1853 г. есть такие строки: «Вчера мы ходили вдоль осинового леса со стороны тени, вечером; солнечные лучи забирались с своей стороны в глубь леса и обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен; а листва их почти синела — и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей»; весь этот тонкий пейзаж, как бы написанный акварелью, вошел полностью в начало XI главы «Отцов и детей». В том же романе (гл. VII) есть строки, текстуально совпадающие со строками письма Тургенева к. А. А. Фету от 16 (28) июля 1860 г.: «Павел... одинокий холостяк, вступал в то смутное, сумеречное время, время сожалений, похожих на надежды, надежд, похожих на сожаления, когда молодость прошла, а старость еще не настала».

Автореминисценции присущи всякому художнику. В русской литературе типичные случаи повторений приемов, образов, сопоставлений мы находим у многих писателей, в частности у Пушкина,

---

[20] «Подобных примеров,— заметил Н. М. Гутьяр, впервые указавший на ряд параллельных мест в письмах и произведениях Тургенева,— можно найти несколько десятков, пользуясь только напечатанными письмами Ивана Сергеевича» (Гутьяр Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907, с. 376). См. также: Гутьяр Н. Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева.— Сб. ОРЯС имп. Академии наук. СПб., 1910. Т. 87, с. 11—15; Истомин К. К. «Старая манера» Тургенева (1834—1855 гг.). СПб., 1913, с. 125 и сл.

Лермонтова и др. Тургенев не составляет в этом смысле исключения и подтверждает лишь общее правило. Однако повторяемость тех или иных словесных формулировок может у каждого писателя вызываться и особенностями его творческого метода, и заданием, которое он себе ставит. Автореминисценции Тургенева, сравнительно редко встречающиеся у него в произведениях одного жанрового ряда, представляют для нас особый интерес, потому что они подчеркивают стилистическое родство между его письмами и произведениями: письма являлись для него в некотором смысле экспериментальным участком, откуда можно было делать потом пересадки в более упорядоченные и обработанные страницы его повествовательной прозы [21]. Этим, может быть, и объясняется частая повторяемость в письмах определенного периода тех или иных стилистических формул или уподоблений, чем-либо привлекших пристальное внимание художника; созревая окончательно, эти формулы переносились потом в художественные произведения. Так, для 50-х годов такой устойчивой формулой в письмах был образ «гнезда» [22] в применении к его соб-

---

[21] О стилистической близости писем Тургенева к печатным страницам его художественной прозы Б. М. Эйхенбаум писал: «Эпистолярный стиль Тургенева — особенно тот, которым он пишет к друзьям,— очень близок к стилю его литературных произведений, а иногда и прямо совпадает. Он, по-видимому, сохранял черновики некоторых писем или делал из них выписки, чтобы потом воспользоваться ими как „заготовками". Но эти заготовки совсем не похожи на сырой материал — они скорее похожи на литературные цитаты. В них сказывается опыт эпистолярной стилистики, выработанной в 40-х годах» (Эйхенбаум Б. М. Артистизм Тургенева.— В его кн.: Мой временник. Л., 1929, с. 95—96. См. также предисловие Б. М. Эйхенбаума к кн.: Островский А. Тургенев в записях современников. Л., 1929, с. 9).

[22] А. В. Дружинину Тургенев писал 5(17) декабря 1856 г.: «Осужден я на цыганскую жизнь — и не свить мне видно гнезда, нигде и никогда»; через несколько дней, 8(20) декабря,— Л. Н. Толстому: «Я уже слишком стар, чтобы не иметь гнезда, чтобы не сидеть дома»; в письме к Н. А. Некрасову от 12 (24) августа 1857 г. из Куртавнеля читаем: «Полно сидеть на краюшке чужого гнезда. Своего нет — ну и не надо никакого»; ближайшую параллель составляют слова Берсенева в «Накануне» (гл. XXVII): «Что за охота лепиться к краешку чужого гнезда»; те же слова — в письме к М. А. Маркович от 10(22) июля 1859 г. и т. д. Это — случай излюбленного уподобления, постоянно возникавшего в сознании художника. Оно встречается еще в ранних стихотворениях Тургенева («Гроза промчалась», 1884; «Один, опять один я», 1844), в «Дневнике лишнего человека» (1849) и в позднем стихотворении в прозе «Без гнезда». Отметим, однако, то же уподобление в письме к Тургеневу его матери от 28 мая 1839 г.: «Смешно... в 50 лет начать гнездо вить... Вы как хотите и где хотите,— мое гнездо в могиле» (Малышева И. Письма матери... — Тургеневский сб./Под ред. Н. К. Пиксанова, с. 47).

ственной горькой судьбе, для начала 80-х годов — уподобление себя «моллюску» или «устрице» [23].

Родство некоторых писем Тургенева со страницами его лирической прозы иногда ощущалось читателями и непосредственно, помимо возможных параллельных сличений их друг с другом. В связке писем Тургенева к М. Г. Савиной хранилось его письмо от 19 мая 1880 г.,— одно из наиболее интимных «кризисных» посланий к ней, полное откровенных признаний, писанное Тургеневым в минуту глубокого душевного волнения. Савина имела полное основание выделять это письмо из всех прочих и особенно тщательно и ревниво таила его от посторонних взоров. В конце концов она вручила его на хранение А. Ф. Кони, чтобы не поддаться искушению в минуту слабости и не уничтожить его. А. Ф. Кони прочел его со вниманием и дал ему следующую характеристику (в письме к М. Г. Савиной от 29 июля 1885 г.): «Это одно из ненапечатанных „стихотворений в прозе“,—и если бы Вы не были *Савина*, то одного этого письма было бы довольно, чтобы, впоследствии, с гордым сознанием того, чем Вы, хотя бы и в частной жизни, *были*, протянуть такое письмо Вашим внукам и сказать им: „Вот!“... Но тем дороже это письмо! Сколько в нем „дерзостной чистоты“ помыслов, какой язык и какая реальная поэзия... Это письмо — Ваше право на гордость, на сознание своего превосходства над многими... Благодарю Вас очень, что Вы мне дали его» [24].

Среди писем Тургенева немало подобных посланий, значительных по содержанию, напряженных по своей эмоциональности, тончайших по изяществу своей стилистической обработки, рисующих не только автора, но и тех, к кому он обращается, «односторонних по своему источнику и двухсторонних по вызываемому ими впечатлению», как их определял тот же А. Ф. Кони, с полным основанием сопоставлявший их — по их литературно-художественному значению — с подобными же циклами писем, пользующимися широким признанием в западноевропейских литературах, каковы, например, письма Мирабо к Софи Монье или «Письма к неизвестной» П. Мериме. Такого рода письма могут быть подвергнуты интересному психологическому и стилистическому анализу. В письмах к М. Г. Савиной,— внимательно вчитываясь только лишь в их обращения и заключительные строки,— А. Ф. Кони пытался уследить

---

[23] Эти образы настойчиво преследовали Тургенева в последний год его жизни, когда он был прикован к постели тяжелой предсмертной болезнью. См. письма его к А. В. Плетневой, Л. Б. Бертенсону, Ж. А. Полонской, Д. В. Григоровичу от сентября—октября 1882 г.

[24] Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. Пг., 1918, с. 94.

развитие охватившего Тургенева чувства, похожего на влюбленность, «с его приливами и временными отливами, с вызываемыми ими мечтами и убивающей их безнадежностью». «Так,— пишет он,— в письмах, адресованных всегда „милой“ или „милейшей“ Марии Гавриловне, встречаются обращения: „к моему другу“, „к душе моей“, „моей голубушке“, к „прелестной кошечке“, „сизокрылой голубке“. Они подписаны сначала „искренне преданным“, который скоро сменяется „душевно преданным“, „искренним“, „старым“, „неизменным“, „верным другом“, а затем „любящим“, „искренне любящим“ ту, которой адресованы письма»[25]. Аналогичные наблюдения делались и относительно писем Тургенева к Г. Флоберу, представляющих как бы историю последовательного нарастания дружбы между обоими писателями[26]. В чередовании эпитетов в обращениях и автохарактеристик в концовках писем, действительно, раскрываются некоторые оттенки в отношениях автора писем к их адресатам; так, например, автор диссертации о «заключительных формулах» в письмах Гёте пришел к далеко идущим выводам об отношениях Гёте к людям, к которым он обращался письменно, пытаясь найти известную закономерность в его концовках и раскрывая одновременно традиции эпистолярного стиля эпохи[27]. Письма Тургенева могут представить не менее интересный материал для характеристики его индивидуальной манеры писать письма и русского эпистолярного искусства XIX в.

Существует рассказ Е. М. Гаршина о том, как Тургеневу приходилось порой, скрепя сердце, пользоваться всеми условностями бытового эпистолярного стиля в письмах к малознакомым людям: «Забавно было видеть, как и здесь сказался всегдашний добродушный юмор Ивана Сергеевича, когда он на наших глазах писал... соседу (которого собирался посетить. — *М. А.*): „Многоуважаемый“, говорил и писал Иван Сергеевич, прибавляя: „нисколько не уважаю“, с „особенным удовольствием“ — „никакого удовольствия не предвижу“»[28] и т. д. Б. Садовский не только усмотрел в этом анекдоте доказательство якобы присущих Тургеневу «двуличия и лукавства», но утверждал даже, что «если предположить, что Тургенев с такими же прибаутками, произносимыми если не вслух, то мысленно, писал и прочие свои письма, то трудно видеть в этом одну

---

[25] Там же, с. XXVII.

[26] М. Дубинский замечает, что «язык этих писем, сначала суховатый и сдержанный, мало-помалу разогревается, становится свободнее и, в конце концов, переходит в пламенную речь» (Дубинский М. Письма И. С. Тургенева к его французским друзьям.— Вестник иностранной литературы, 1902, январь, с. 281).

[27] Schrader E. Die Schlussformel in Goethes Briefen. Greifswald, 1911.

[28] Исторический вестник, 1883, кн. 11, с. 383.

забаву. Тем более невозможно принять на веру многочисленные заявления уважения и приязни, которыми наполнены письма Тургенева» [29]. Этот упрек сделан с явным пристрастием. Необходимо помнить о традиционных формах вежливости и об их стилистическом выражении, которое всегда тщательно регламентировалось; кроме того, речевые формулы вежливости в русском языке XIX в. изменялись так быстро, что даже в языке Тургенева они порою имеют уже для нас архаический колорит [30]. Наконец, письмо письму рознь, и никто не знал этого лучше Тургенева: именно поэтому в огромной массе писем Тургенева есть письма всех родов и видов, с весьма разнородными стилистическими качествами, изучение которых представляет несомненный интерес. «Письма писателей — особый вид

---

[29] Русский архив, 1909, кн. 1, № 4, с. 614.

[30] Отметим, например, что одно из наиболее привычных для Тургенева обращений в письмах — «любезный» или «любезнейший», синонимическое слову «добрый» или «милый», восходит еще к словоупотреблению карамзинской поры; в настоящее время оно звучит как устарелое, так как приобрело теперь значение фамильярное или даже пренебрежительное. Между тем Тургенев придерживался его с удивительной последовательностью; обращение «многоуважаемый», напротив, встречается у него редко, преимущественно в поздних письмах, и всегда в качестве обращения к малознакомым и совсем незнакомым людям вместо традиционной формулы «милостивый государь», сохранявшей еще в его время оттенок особой почтительности. См., например, обращение к П. А. Вяземскому — «многоуважаемый князь» — в письме от 24 декабря 1859 (5 января 1860) г., вместо прежних «любезный князь», или начало письма к Салтыкову-Щедрину от 30 ноября (12 декабря) 1870 г.: «Любезнейший Михаил Евграфович (позвольте отложить в сторону церемонное „милостивый государь")».

По подсчетам, произведенным по своду писем Тургенева, опубликованных в тринадцати томах Писем Полного собрания сочинений и писем писателя (М.; Л., 1960—1968), в обращениях, состоящих из прилагательных с существительным, прилагательное «любезнейший» (в превосходной степени) стоит в начале письма 1697 раз, а «любезный» — 1121 раз (см.: Климова Н. В. Структура и стилистические функции обращений в «Письмах» Тургенева.— В сб.: Исследования по русскому языку. Днепропетровск, 1970, с. 127—133). Концовки и заключительные формулы перед подписью в письмах Тургенева еще ждут своего исследователя. Ср.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 22—23. Любопытно, что в конце XIX в. выбор обращений к адресатам писем по-прежнему тревожил русских писателей. Так, например, Н. С. Лесков в письме к Л. Н. Толстому от 18 мая 1894 г., обращаясь к нему «высокочтимый», особо оговаривал непривычное начало своего письма и ссылался при этом на Тургенева: «„Прилагательные" в начале писем, равно как и „уверения" перед подписью — ужасны, и я это чувствую всю жизнь, и Тургенев, помнится, этим томился. Я и отступаю от этого давно, где это только противно тому, что я чувствую, и мы все, с Вашего почина, это поослабили...» (см.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. М., 1962, с. 590).

художественного творчества,— справедливо замечал Ю. Никольский по поводу цикла писем Тургенева к Е. Е. Ламберт.— К сожалению, до сих пор еще они почти не подвергаются эстетическому анализу; в будущем он будет плодотворно применен к богатому эпистолярному наследию Тургенева» [31].

Для того чтобы вполне оценить художественную природу тургеневских писем, необходимо также вспомнить, какое большое место занимают письма в текстах его произведений на всем протяжении его творчества.

Обращение к письму как к двигателю повествования или ключу к развязке было одним из излюбленных приемов Тургенева. Среди его произведений мало таких, где письма, которыми обмениваются действующие лица, не играли бы значительной или даже решающей роли. Мы находим их уже в ранних стихотворных произведениях. Таковы, например, предсмертная записка Марцеллины в «Искушении святого Антония» (1842) или длинное прощальное письмо Дуняши в поэме «Андрей», часть II, строфа LIII (очевидно, полное отзвуков писем к Тургеневу Т. Бакуниной), после которого поэту оставалось прервать свой поэтический рассказ:

Он жадно пробежал письмо глазами...
Исписанный листок в его руках
Дрожал... Он вышел тихими шагами
С улыбкой невеселой на губах...
Но здесь, читатель, мы простимся с вами...

Так и Антонио, получивший письмо Марцеллины, говорит:

Как сердце бьется... К старческим губам
Прижмись, письмо... прижмися крепче, ближе.
Одарены непостижимой силой
Вы бледные, трепещущие строки,
Начертанные в час тоски безумной...

Нельзя не вспомнить здесь также прощальную записку Аси, «торопливо начерченную карандашом» («Ася», гл. XXI), письма покойного Якова Пасынкова, сообщаемые в эпилоге повести, письмо старика Ипатова в конце «Затишья», письмо-концовку в «Вешних водах» и т. д. Не менее существенна также динамическая роль писем в развертывающихся повествованиях Тургенева; таковы, например, записки и письма Маши и Кистера в «Бретёре» (1847), французская записка Эрнеста к Варваре Павловне, послужившая поводом для разрыва с ней Лаврецкого, и письмо Лаврецкого к ней («Дворянское гнездо», гл. XVI), письма действующих лиц в более поздних романах,

[31] Северные записки, 1915, май-июнь, с. 259.

вплоть до «Нови», где именно письма фиксируют катастрофические события или перемены в их судьбе.

Не говорим уже о тех произведениях, весь текст которых составлен из писем, образующих сложные психологические конфликты и определяющих сюжетный ход повествования («Переписка», «Фауст. Рассказ в девяти письмах»). Поразительно также разнообразие эпистолярных образцов, включенных Тургеневым в его художественную прозу. Мы находим здесь лирические любовные послания, светские бессодержательные записки, письма-дневники с лирико-философскими медитациями, типичную старообрядческую «грамотку» Федула Ивановича в рассказе «Собака», полуграмотное подметное немецко-русское письмо, полученное Ергуновым, и ему же адресованное послание «на немецком языке, которое он немедленно велел себе перевести и впоследствии неоднократно нам показывал» («История лейтенанта Ергунова»). В повесть «Бригадир» (1867), возникшую на основе фамильных бумаг и старых семейных преданий, Тургенев не только включил письмо бригадира к В. П. Тургеневой в его подлинном виде (гл. XV), со всеми его типичными орфографическими особенностями, но и подчеркивал, что без этого письма повесть не могла быть написана. Анненкову Тургенев писал 24 апреля (6 мая) 1867 г. о длительных розысках этого письма в Спасском и Петербурге, потому что оно «составляло необходимую принадлежность моего рассказа и давало ему смысл». «Письмо его, по-моему, chef d'œuvre; к сожалению, не я — его автор»,— сообщал Тургенев Анненкову 9(21) мая 1867 г.

Особую и очень важную группу в эпистолярном наследии Тургенева составляют письма 60—70-х годов к друзьям-литераторам, советчикам его по литературным вопросам, первым читателям его рукописей, с которыми он мог свободно беседовать о литературном ремесле, о новинках отечественной и зарубежной литературы, о событиях русской и западноевропейской политической и общественной жизни. В отличие от более ранних писем того же назначения они приобретают в этот период новые черты. Письма Тургенева к литераторам 40-х — начала 50-х годов были чаще всего посланиями молодого автора в журнальные редакции и посвящены профессиональным делам. В 60-е годы он был уже известным писателем; суждения его по литературным вопросам стали более уверенными, ответственными и серьезными: это были письма мастера, наставника и подлинного ценителя. Эта группа, в свою очередь, распадается на замкнутые циклы писем по адресатам, очень разнообразные по своему типу и содержанию; в каждом из этих циклов есть, однако, и свои особенности, всегда обусловленные не только личностью адресатов, но и теми отношениями, которые связывали с ними автора. В отличие от циклов писем, имеющих преобладающий лирико-философ-

ский характер, письма Тургенева, посвященные литературным и общественным вопросам, отличаются трезвостью, серьезностью, порой суховатостью, легко впадают в сатирический тон. Тургенев не только просит в них совета, интересуется отзывами о не напечатанных еще произведениях, но и сам судит без всяких стеснений о книгах и людях, событиях текущей жизни. Один из наиболее содержательных циклов этого рода — письма к Анненкову, числом около трехсот, которые, вместе с ответными письмами Анненкова, когда они будут опубликованы полностью, несомненно, составят одну из самых увлекательных бесед о русской литературе в течение нескольких десятилетий, запечатлевшую наиболее знаменательные этапы в развитии русской литературной жизни. Менее содержательны и серьезны письма Тургенева к В. П. Боткину или А. А. Фету, с которыми у него рано обнаружились существенные разногласия по многим важнейшим общественно-политическим и эстетическим вопросам, но в этих письмах, легко принимающих колорит легкомысленной житейской болтовни, рассыпано множество ценнейших данных для истории творческих замыслов Тургенева, его эстетических воззрений, его взглядов на те или иные произведения искусства.

Значительный интерес этих циклов заключается в том, что многие входящие в них письма адресованы не в Россию, а в различные города Западной Европы и представляют своего рода образцы вольной беседы, которую вели между собой русские литераторы, находившиеся за рубежом. Таковы письма Тургенева к Герцену или Огареву, а позднее — к весьма многочисленным представителям русской революционной эмиграции, с которыми Тургенев в 70-е годы поддерживал деятельное общение. Очень характерна в этом же смысле переписка Тургенева с Салтыковым-Щедриным. В известной степени то же наблюдение относится и к переписке Тургенева с Анненковым или Боткиным: они подолгу жили за границей, странствуя из страны в страну, и в своих посланиях к Тургеневу свободно касались таких событий и фактов общественно-политической и литературной жизни, которые, вероятно, не обсуждались бы ими в письмах, отправляемых через почтовые отделения Российской империи. Редакторы «Первого собрания писем» Тургенева (1884) принуждены были ослабить или выкинуть вовсе отдельные «опасные» фразы из многих писем Тургенева. Тем не менее даже в таком исправленном виде эти письма представлялись небезопасными. Два напечатанных в издании 1884 г. письма (от 3 и 19 января 1876 г.), посланные Тургеневым из Парижа в Ниццу Салтыкову-Щедрину, едва не вызвали запрещение петербургского цензурного комитета; поводом оказался весьма хвалебный отзыв Тургенева о читанном им в рукописи сатирическом очерке Салтыкова-Щедрина «Переписка Николая Павловича с Поль де Коком», несмотря на то, что имя

«Николай Павлович» (т. е. Николай I) в книге напечатано было с сокращениями [32].

Письма Тургенева этого рода в известной мере проигрывают в отрыве от тех писем, которые они вызывали или на которые они служили ответами. Это можно сказать, например, о переписке Тургенева с Анненковым. Тургенев любил «энциклопедически-панорамическое» перо Анненкова, очень ценил его содержательные письма — критические обзоры, письма-памфлеты, в которых немалое место занимали также закулисные писательские разговоры и слухи. «Получать от Вас письма — для меня праздник,— писал Тургенев Анненкову 24 февраля (8 марта) 1853 г.— Вы на бумаге так же умны, как в разговоре en tête à tête с человеком, к которому Вы расположены — et c'est beaucoup dire». Эта переписка двух друзей «вводит нас в круг многолетних отношений, где всё основано на взаимном тонком понимании друг друга, взаимном глубоком уважении и приязни» [33].

Переписка с другими корреспондентами зачастую превращалась у Тургенева в горячий спор о России и ее будущем, о русской и западноевропейской культуре и их судьбах; для того чтобы уследить все этапы таких споров, всё их развитие и оценить аргументы спорящих, существенно иногда иметь перед глазами, притом в последовательном хронологическом расположении, двустороннюю переписку корреспондентов в ее полном, а не фрагментарном виде. В этом смысле особенно существенны рядом с письмами Тургенева письма к нему Белинского и Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Гончарова или Толстого. Письма Тургенева этого рода служат существенным подспорьем для лучшего уразумения его идейных разногласий со многими его современниками и являются важными документами для истории русской литературной борьбы. В критические минуты острых письменных дискуссий, тянувшихся иногда продолжительное время, письма Тургенева достигали гневной саркастической силы и были полны не только оскорбительной язвительности, но и горделивого сознания его правоты. Тургеневу, по-видимому, даже нравился самый процесс закрепления этих дискуссий на бумаге в письменном слове, так как это повышало их значение и способство-

[32] Как видно из опубликованного Ю. Г. Оксманом «Дела С.-Петербургского цензурного комитета о бесцензурной книге „Первое собрание писем И. С. Тургенева“ 1884 г.», цензор обратил внимание комитета на несколько «опасных» мест в указанных письмах Тургенева к Салтыкову-Щедрину. См.: Литературный музеум (Цензурные материалы I отд. IV секции Гос. архивного фонда)/Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пб. [1921], с. 407.

[33] Литературная мысль. Пг., 1922, кн. 1, с. 191; ср.: Клевенский М. М. Литературные советники Тургенева.— В сб.: Творческий путь Тургенева/Под ред. Н. Л. Бродского. Пг., 1923, с. 226—243.

вало прояснению точек зрения. «Как приятно вести дружескую — но ругательную переписку!— писал, например, Тургенев А. А. Фету, одному из своих постоянных и непримиримых оппонентов.— Оно и освежительно, и согревательно, и носит несомненный отпечаток истины,— словом, очень хорошо. Будем же по-прежнему любить и ругать друг друга» (письмо от 21 сентября (3 октября) 1867 г.). Фет, однако, придерживался противоположного мнения. В том письме (от 12 января 1875 г.), которое завершило разрыв его отношений с Тургеневым, Фет выразил свое удивление по поводу того, что подобные размолвки доходили у Тургенева до кульминации не при личных свиданиях и устных беседах, но именно в письмах. «Браниться или, по выражению петербургских литераторов, заушаться можно, в крайнем случае, лицом к лицу, а не на 3000-верстном расстоянии»,— писал он Тургеневу и прибавлял: «Думайте, что хотите, но не беспокойтесь отвечать» (И. С. Тургенев. Материалы и исследования. Орел, 1940, с. 43).

Но письма Тургенева не только закрепляли обиды и вражду; они служили также вестниками для примирения. Обмен письмами с Л. Н. Толстым, после долгих лет разлуки, способствовал восстановлению их дружбы. Состоялось примирение Тургенева и с Фетом; правда, несколько писем, посланных Тургеневым Фету после 1878 г., были хотя и приветливы, но осторожны и не свидетельствовали о прежней близости. На письма Тургенева рассчитывали его петербургские друзья, стремившиеся тогда же примирить его с умиравшим Некрасовым. «Я бы сам охотно написал Некрасову,— сообщал Тургенев Ю. П. Вревской 18 (30) января 1877 г.— Перед смертью все сглаживается — да и кто из нас прав — кто виноват? „Нет виноватых", говорит Лир... да нет и правых. Но я боюсь произвести на него тяжелое впечатление: не будет ли ему мое письмо казаться каким-то предсмертным вестником ⟨...⟩ Мне кажется, я не имею права идти на такой риск». Хорошо известно, что письмо так и не было написано: его заменила безмолвная, но многозначительная встреча 24 мая 1877 г. у постели умирающего; сам Тургенев рассказал о ней в стихотворении в прозе «Последнее свидание».

Хотя письма, адресованные Тургеневу, известны еще далеко не полностью и в сохранившейся их части многие ожидают своего опубликования, но даже из реплик Тургенева корреспондентам видно, какой значительной частью своей поразительной осведомленности во всех подробностях русской жизни он обязан был переписке, вестям, которые нескончаемым потоком шли к нему из отечества. Корни, которыми Тургенев привязан был к родной земле, лежали глубоко и требовали от него постоянного обмена письмами с самыми разнообразными корреспондентами, тем более деятельного, чем реже представлялась ему возможность хотя бы для кратковременных при-

ездов в Петербург, в Москву, в родные места Орловщины. Тургенев обращался и к доверенным лицам, управлявшим его земельными владениями и расположенными здесь просветительными учреждениями, например школой, и к крестьянам Спасского, и к агентам по продаже имущества; очень важными для него были его деловые сношения с редакциями журналов, издателями, литературными посредниками всякого рода. Подобная переписка резко увеличивалась в периоды, когда начиналось печатание какого-нибудь из его произведений [34].

Письма Тургенева к тем, с кем он не предвидел возможности близкой встречи, длиннее, обстоятельнее, чем его обычные деловые записки; этим, вероятно, объясняется и то, что письма его к французским корреспондентам лаконичнее тех, которые он писал в Россию [35]. Этим же, до известной степени, объясняется, по-видимому, исправность и аккуратность его как корреспондента, находившаяся в явном противоречии с общеизвестной неисправностью его в выполнении своих работ к назначенным срокам. Даже болезни и обилие житейских дел редко препятствовали ему своевременно откликаться на полученные им письма, сроки же представления обещанных рукописей обычно затягивались. Тургенев, отвечая на письма, словно боялся упустить еще одного собеседника-соотечественника. Отсюда обилие среди его адресатов совершенно случайных лиц, ничем не примечательных и никак себя не проявивших; разнообразию и количеству их удивлялся еще Анненков, после смерти Тургенева первым допущенный П. Виардо к разбору его бумаг.

Среди писем Тургенева особую и очень многочисленную группу образуют письма к начинающим писателям и писательницам

---

[34] Так, например, проходившая в трудных общественных условиях подготовка к печатанию «Нови» вызвала значительную эпистолярную активность Тургенева: одному М. М. Стасюлевичу менее чем за год — с 15(27) июля 1876 по 4(16) апреля 1877 г.— Тургенев послал 54 письма и телеграммы, касающиеся этого романа (см.: Беляев М. Д. «Новь». К переписке П. В. Анненкова с Тургеневым.— Литературная мысль, Пг., 1922, кн. 1, с. 189—190).

[35] Такое наблюдение давно уже делалось, в частности, относительно писем Тургенева к Флоберу, в которых нередко мелькают фразы вроде «мы еще поговорим об этом»; в письме от 9 (21) декабря 1876 г. Тургенев говорит: «Я нахожу, что вы слишком долго остаетесь вне Парижа; если бы я мог поговорить с вами, все это улеглось бы, но писать надо было бы слишком много: 1-е) это скучно; 2-е) на бумаге надо говорить все, даже то, что само собой понятно». «Общая характерная черта писем Тургенева к Флоберу — необыкновенная беглость,— замечает М. Дубинский.— Тургенев как бы только делает штрихи, намекает, оставляя за собой удовольствие подробнее побеседовать обо всем впоследствии» (Дубинский М. Письма И. С. Тургенева к его французским друзьям.— Вестник иностранной литературы, 1902, январь, с. 283).

с различного рода советами по литературным и житейским вопросам, полные заботливости, участия, готовности прийти на помощь и словом и делом. Заинтересованность Тургенева «молодыми талантами», в которых он, впрочем, нередко ошибался, была хорошо известна в широких кругах русского общества, и это поощряло письменные обращения к нему множества людей, жаждавших признания или просто одобрительного слова. В редакционно-издательских кругах, однако, скептически относились к увлечениям Тургенева вновь открытыми им «молодыми дарованиями». В сатирическом «Соннике» Н. Ф. Щербины отмечалось: «Тургенева во сне видеть — предвещает получить тонкую способность суметь откопать талант там, где его вовсе нет». Количество рекомендательных писем, написанных Тургеневым по поводу самых разнообразных рукописей, присылавшихся ему для прочтения и оценки, очень велико; большая их часть отличается неизбежными в таких случаях преувеличениями и представляет лишь относительный интерес,— прежде всего своим числом, характеризующим доброту и отзывчивость писателя, или для определения круга людей, искавших у него поддержки. Гораздо интереснее письма Тургенева к самим начинающим литераторам, в которых он высказывал общие суждения о писательском ремесле, давал умные и дельные советы, основанные на собственном опыте. Многие из этих писем очень значительны по своему содержанию: мы находим в них и признания о собственном литературном труде, его процессе и выработавшихся приемах, и воспоминания о том, как начиналась его литературная деятельность, о пережитых им самим сомнениях и колебаниях на творческом пути, и «заветы» старика литературной молодежи. Характерно при этом, что наиболее важные из этих писем, имеющие неоспоримое значение для истолкования его творчества, не всегда обращены к тем лицам, из которых в конце концов выработались известные писатели. Когда дело касалось русской литературы и ее будущего, Тургенев бывал глубоко серьезным и откровенным, в высокой степени чувствовавшим ответственность за каждое произносимое им слово, независимо от того, к кому оно обращалось. Весьма содержательны и заключают в себе ценнейшие автобиографические данные даже те письма Тургенева, которые адресованы людям, не заслужившим еще известности, не выступавшим еще в печати, только пробовавшим свои силы. О большинстве этих людей сам Тургенев имел слабое представление, а иные из них, много лет спустя, предоставляя свои письма для опубликования, даже скрывали свое имя. Так, например, сообщая в 1898 г. «четыре письма Тургенева к г-же К.», Ф. Д. Батюшков обращал внимание на то, что в первом из этих писем Тургенев отвечал адресату, до такой степени мало ему известному, что прямо ставил вопрос: «Кто вы?» «И это обстоятельство не помешало ему

высказать несколько задушевных замечаний, под непосредственным впечатлением полученного письма от „неизвестной"»[36]. В другой раз, посылая большое письмо от 14(26) декабря 1878 г. к некоему Е.В.А. (инициалы эти доныне остаются нераскрытыми), где идет речь о важных вопросах литературного мастерства, Тургенев начинал и оканчивал его указанием, что он плохо представляет себе, с кем он ведет письменную беседу: «Откровенно говоря, я лишь смутно припоминаю содержание статьи, присланной Вами год тому назад; только впечатление сохранилось во мне, что автор — человек умный, развитой — но призванный действовать не на беллетристическом поприще». В заключение же Тургенев просил своего адресата прислать ему фотографию: «Я увижу, совпадает ли Ваш образ с тем, каким он сложился в моей голове». Ценные суждения, серьезные мысли, дававшиеся Тургеневым иногда в блестящей афористической форме, встречаются даже в маленьких записках, адресаты которых остаются неустановленными. В одной из таких записок Тургенев говорит о демократической сущности литературы: «В ответ на Ваш вопрос позвольте мне сказать, что поэзия никому и ни в какой век собственно не нужна; она — роскошь,— но роскошь, доступная всякому, даже беднейшему: в этом ее смысл и красота и польза. Ив. Тургенев. Париж. Декабрь 1872».

Письма-советы по литературным вопросам начинающим писателям Тургенев давал еще в 50-е годы. Одно из таких писем, от 12(24) июня 1851 г., приводит в своих воспоминаниях К. Н. Леонтьев; оно адресовано к нему — тогда двадцатилетнему юноше — и представляет собою целый трактат о метрических особенностях русского гекзаметра, крайне полезный для начинавшего стихотворца. Публикуя это письмо, К. Н. Леонтьев справедливо отметил, что «оно само говорит за себя» и «делает большую честь доброму сердцу и литературной добросовестности» Тургенева. Особенно много писем этого рода Тургеневу приходилось писать в последнее десятилетие его жизни, и некоторые из них столь же интересны по своему содержанию: таково, например, письмо к В. Л. Кигну (Дедлову) от 16 июня 1876 г., задавшему Тургеневу, по его собственным словам, «трудную задачу» — рассказать, «как я работаю, и как надо работать вообще»; таковы письма к Е. В. Львовой (1873—1879) с советами о способах воспитания у начинающего беллетриста «вкуса и мышления», о выборе жизненного сюжета, о работе над стилем; таковы письма к Л. Я. Стечькиной (с 1878 г.), к Л. Ф. Ломовской (Маклаковой-Нелидовой), к А. Н. Луканиной, к драматургу

---

[36] Батюшков Ф. Д. Тургенев-критик. Четыре письма И. С. Тургенева к г-же К.— В его кн.: Критические очерки и заметки. СПб., 1900, ч. I, с. 50—51.

В. А. Цуриковой (1872—1883), к поэтессе М. Богаевской (1880) — приятельнице вдовы Белинского, к О. К. Гижицкой (1877—1878) и многим другим.

Может быть, именно тем обстоятельством, что в письмах Тургенева находится так много признаний о процессе его собственного творчества, раскрыты некоторые тайные источники его мастерства, сделано столько профессиональных наставлений и указаний его собратьям по перу, объясняется особая популярность этих писем в кругах русских литераторов. Отметим, например, естественный и вполне закономерный интерес молодого А. П. Чехова к «Первому собранию писем» [37].

Один из мемуаристов, рассказывая о последних годах жизни Тургенева, особо подчеркивал его постоянную готовность «покровительствовать писателям и отыскивать таланты»: «Живо принимая к сердцу успехи и интересы русской литературы, Иван Сергеевич обнаруживал особенную слабость к начинающим литераторам, внимательно прочитывал неимоверное количество представляемых ему на просмотр рукописей, старался пристроить то, что могло быть напечатанным, поправлял и просиживал иногда целые часы с авторами, указывая им на недостатки их произведений.— Как вам не скучно, Иван Сергеевич, возиться постоянно с этим хламом? Признайтесь, что до смерти надоело,— обращался я к нему, заставая его почти всегда с карандашом в руках за грудой исписанных тетрадей». «Совсем нет,— отвечал Тургенев,— я ведь ничем обязательным не занят, времени у меня много, и всегда рад сделать все, что могу; сам я пишу теперь очень мало; единственную услугу, какую я могу оказать русской литературе,— это помогать советами и указаниями начинающим писателям и уговаривать неспособных к писательской карьере заняться чем-нибудь другим» [38]. И Тургенев действительно делал это до последних дней своей жизни: стоит вспомнить, например, его замечательное письмо о правах и обязанностях писателя по отношению к себе и к обществу, написанное к Л. Ф. Ломовской за полгода до смерти, 20 января (1 февраля) 1883 г., или к А. Ф. Федотову, от 12(24) января 1883 г., приславшему ему рукопись своей пьесы, с обещанием просмотреть рукопись

---

[37] М. Л. Семанова свидетельствует, что в библиотеке Чехова в Ялте доныне хранится «Первое собрание писем» Тургенева «в котором сделаны подчеркивания некоторых, по-видимому, наиболее близких Чехову мыслей Тургенева о реалистическом методе письма, например, на стр. 154, в письме к Я. П. Полонскому от 27 февраля (11 марта) 1869 г.: „Я — в теченье моей сочинительской карьеры — никогда не отправлялся от идей, а всегда от *образов*“» (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1957, Т. 134, с. 199).

[38] Н. М. [Ремезов Митрофан Нилович]. Черты из парижской жизни И. С. Тургенева.— Русская мысль, 1883, кн. 11, с. 315.

«со всевозможным вниманием», несмотря на то, что он не оправился еще от тяжелой и мучительной операции. Когда были опубликованы письма Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечькиным, Е. Соловьев с полным основанием писал в 1903 г., что эти письма — «настоящая маленькая поэма, которую можно было бы озаглавить: „Чужая рукопись". Благодаря совершенно изменившимся условиям жизни, большинству современных писателей едва и на свою собственную рукопись удается уделить столько внимания, труда, хлопот, как это сделал Тургенев для чужой. И вы чувствуете, что отношение Тургенева — настоящее...» [39].

Неудивительно поэтому, что посетители Тургенева как за границей, так и в России постоянно заставали его за писанием писем; он занят был этим почти каждодневно, независимо от своих прочих дел или состояния здоровья. «Он сидел у себя в спальне и писал письма. Ноги его были закутаны одеялом»,— вспоминала А. Н. Луканина [40]. В письме к Я. П. Полонскому от 13 мая 1875 г. сам Тургенев жаловался, как много времени отнимает у него это необходимое, но утомительное занятие: «...Засел с 10 часов вечера (а теперь 3 часа ночи) — и пишу, пишу как угорелый всем корреспондентам, письма которых составляют нечто вроде пирамиды на моем столе». По воспоминаниям Е. М. Гаршина, Тургенев в Спасском показывал своим гостям подобную пирамиду из 26 писем, сложенных в порядке их получения для последовательных ответов на них [41]. С этой огромной перепиской, требовавшей и времени и труда, связаны были те частые упреки, которые Тургенев, аккуратный и исправный корреспондент, нередко адресовал ко всем тем, кто ждал от него быстрых ответов. «Да; но где Ваш адресс? — писал Тургенев П. В. Шумахеру 26 января (7 февраля) 1877 г.— Как истый россиянин, Вы Вашего адресса не выставили; что тут делать? Вспомнил я, что в одном из Ваших прежних писем Вы его выставили; вот и я принялся искать, высунув язык — и, перерывши пять тысяч ненужных бумаг, наконец нашел его! Пожалуйста, вперед выставляйте его в каждом письме, как это делают европейцы!» «Прошу Вас прислать мне 〈...〉 Ваш адресс, который Вы — извините! — по свойственной всем нашим соотечественникам привычке в письме своем не выставили»,— сообщал Тургенев М. А. Милютиной 24 декабря 1869 (5 января 1870) г. «Не могу не отметить одной характерной подробности,— говорит М. Г. Савина в своих воспоминаниях о Тургеневе.— Во всех письмах Иван Сергеевич аккуратно обозначал

---

[39] Соловьев Е. О жизни и книгах. Тургенев и его новые письма.— Журнал для всех, 1903, № 9, с. 1122.

[40] Луканина А. Мое знакомство с И. С. Тургеневым.— Северный вестник, 1887, кн. 2, с. 41.

[41] Исторический вестник, 1883, кн. 11, с. 383.

время и всегда в заголовке ставил адрес. Его раздражала „русская манера“ не писать адреса и тем самым лишать возможности тотчас ответить на письмо. Особенно он нападал на Григоровича (Дмитрия Васильевича), который всегда забывал это делать. Я запомнила этот урок на всю жизнь»[42].

Если бы все письма Тургенева состояли из деловых сообщений и записок, письменных свидетельств его доброжелательности к любому просителю, взявшемуся за перо, то и тогда, конечно, они сохраняли бы известное значение как документальные записи биографического характера. Однако в общем составе писем Тургенева удельный вес подобных автографических отписок и торопливых ответов на заданные вопросы безусловно невелик. Они теряются в массе писем, являющихся документами первоклассного исторического и художественного значения.

Таким образом, дошедшие до нас письма Тургенева охватывают полвека (с 1831 по 1883 г.). В течение нескольких десятилетий Тургенев стоял в центре не только русского, но и западноевропейского, лучше сказать — мирового литературного движения, находясь в непрерывном общении со всеми выдающимися деятелями русской культуры и большинства западноевропейских стран. Среди русских писателей XIX в. трудно назвать сколько-нибудь примечательное лицо, с которым бы он не был в личных отношениях или переписке. Он состоял в переписке с выдающимися писателями Франции, Англии, Германии, Италии, Австрии, Дании, Швеции, Испании, Соединенных Штатов; сохранились его письма к писателям и журналистам чешским и польским, сербским и болгарским. Он писал также к музыкантам и композиторам, артистам и художникам.

Все эти письма — как русским, так и иностранным корреспондентам — касаются важнейших событий мировой истории от революции 1848 г. до Парижской Коммуны включительно, общественного движения во всех странах, всех освободительных и захватнических войн этого периода, от национально-освободительной войны в Италии, войны Севера и Юга в Америке до франко-прусской войны и освободительных войн на Балканах. В письмах Тургенева широко отражено научное и литературное движение в странах Европы на всех его существенных этапах, развитие искусств во всех этих странах — музыки, живописи, скульптуры, театра. Неудивительно, что когда в зарубежной печати периодически появлялись отдельные публикации этих писем (например, к Г. Флоберу или П. Мериме, к немецким или английским литературным друзьям), то они рассматривались критикой как яркие явления литературной жизни. Даже одна небольшая группа писем Тургенева, опубликованная в 1923 г. в Гер-

---

[42] Тургенев и Савина, с. 70.

мании, вызвала такую их оценку в немецком журнале: «Письма Тургенева представляют крупнейший интерес не только с литературной и биографической стороны, но и в качестве драгоценнейших материалов для истории умственной жизни Европы в XIX столетии» [43]. Такими являются они и на самом деле.

3

Одну из существенных особенностей писем Тургенева составляет то, что очень многие из них, притом весьма значительные по своему содержанию, обращены не к русским, а к иностранным корреспондентам и написаны на разных иностранных языках.

Как известно, Тургенев настойчиво и последовательно отстаивал ту мысль, что если писатель хочет остаться подлинным художником, то может творить только на одном, родном для него языке. Неоднократные заявления этого рода содержатся в печатных выступлениях Тургенева, а также в его письмах. Любопытно, что это свое убеждение Тургенев счел нужным довести до своих читателей даже через французскую прессу. Отвечая на упреки, раздававшиеся по его адресу в русской печати, будто бы некоторые его произведения написаны по-французски, а не только переведены на этот язык, Тургенев писал в парижской газете «Temps» (в номере от 20 мая 1877 г.): «Я никогда не писал ни строчки (я говорю о литературе) на другом языке, кроме своего русского, и даже признаюсь вполне откровенно, что не понимаю авторов, способных на такой tour de force: писать на двух языках» [44]. То же самое, но в гораздо более сильных выражениях, Тургенев пытался внушить и своим русским корреспондентам (например, С. А. Венгерову в письме от 24 мая 1875 г.) и своим иностранным собеседникам, хотя без всяких затруднений объяснялся с каждым из них на его родном языке. Известны, например, подобные декларации Тургенева в поздних письмах его к Л. Пичу — от 9(21) ноября 1880 г.[45], Э. Цабелю — от 12(24) нояб-

---

[43] Literarisches Zentralblatt, 1924, Nr. 1, S. 44.

[44] Тогда же Тургенев напечатал в газете «Наш век» (1877, № 72, 13 мая) аналогичный протест, в котором «спешил заявить»: «Я никогда не писал (в литературном смысле слова) иначе, как на своем родном языке; уже с одним дай бог человеку справиться, и мне это, к сожалению, не всегда удавалось».

[45] Характерно, что и в этом интимном дружеском письме, писанном по-немецки, Тургенев высказывает свою заветную мысль почти в тождественных, но лишь экспрессивно подчеркнутых словах: «Вы, мой старый друг и благодетель, думаете, что я мог написать хотя одну строчку на другом языке, кроме русского?! Так Вы меня позорите?! Для меня человек, который считает себя писателем и пишет не только на одном — притом своем родном языке, — мошенник и жалкая, бездарная свинья». В своих воспоминаниях Л. Пич также отметил, что Тургенев «всегда высказывал, что для

ря 1881 г. [46] и др. Приведем здесь еще одно аналогичное свидетельство, принадлежащее старшей дочери Теккерея, Анне Изабелле Ричи, также писательнице, встречавшейся с Тургеневым в Англии в 70-е годы. В своих мало известных у нас воспоминаниях о Тургеневе А. Ричи рассказывает: «Мистер Кросс, бывший тогда еще очень юным, спросил Тургенева — писал ли он когда-нибудь по-французски. Тургенев ответил ему: вы не написали ни одной книги, в противном случае вы не спрашивали бы меня об этом. Хорошо можно писать только на своем родном языке. Когда я пишу по-русски, я свободен; когда я пишу по-французски, это меня задерживает; когда я пишу по-английски, на мне как бы надеты тесные сапоги. И тем не менее,— заключает мемуаристка уже от себя,— Тургенев превосходно говорил и писал по-английски» [47].

Во всех своих заявлениях Тургенев имел в виду художественное творчество в прямом, узком значении этого слова и был, конечно, по-своему прав. Тем не менее он никогда не скрывал, что нередко прибегал и сам к иностранной речи для подсобных литературных целей, например переводческих; писание же писем на иностранных языках было для него столь привычным делом, что он едва ли мог принимать его в расчет, когда говорил о творческом процессе писателя-художника; такова была, наконец, старая традиция, еще державшаяся в дворянских семьях в ту пору, когда Тургенев начинал свою деятельность, и не окончательно изжитая даже среди литераторов. И все же языковая культура Тургенева была столь высока, а его темперамент и мастерство художника проявлялись с такой закономерностью во всем, к чему только прикасалось его перо, что многие его иностранные письма, особенно адресованные доверенным лицам, писателям, деятелям искусства, нередко мало в чем уступают письмам его на русском языке и, в свою очередь, имеют значение первоклассных литературных источников. Хотя они и написаны не на родном для писателя языке, но отчетливо выражают его мысли и отличаются выдающимися стилистическими качествами; в письмах к иностранным писателям Тургенев также мог быть и живописцем природы, и лириком, и юмористом, владевшим всеми тайнами того языка, который он избирал для письменной беседы; так, например, французские письма его к Гюставу Флоберу или немецкие письма к Людвигу Пичу, по авторитетным оценкам, достигают большей художественной силы. Давно уже отмечалось, что во французских письмах Тургенева, особенно в письмах к Виардо, есть

него непонятно, как можно описывать происходящее в душе поэта на каком бы то ни было языке, кроме родного» (Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 89).

[46] Вестник Европы, 1909, кн. 4, с. 658.

[47] Lady Ritchie. Blackstick papers. London, 1908, p. 241.

«страницы, которые как по внутренней поэзии, так и по внешней отделке нисколько не побледнели бы при сравнении с образцами таких виртуозов слога, как Флобер или Ренан»[48]. «Письмо, в котором Тургенев описывает холод в Веймаре, имеет не много равных страниц в немецкой литературе»,— замечает об одном из писем Тургенева к Пичу издатель их, Альфред Дорен[49].

Диапазон языковых познаний Тургенева был очень широк. С ранних лет он свободно владел несколькими языками — французским, немецким, английским, впрочем, нисколько не в ущерб русскому[50]; в начале 40-х годов, после его странствований, к этому основному фонду прибавились хорошие практические навыки в языке итальянском; в конце того же десятилетия он прилежно занимался испанским, в начале 50-х годов принялся за польский, затем за чешский, в конце 60-х и в 70-е — за сербский и болгарский и т. д. Следует также иметь в виду, что из древних языков Тургенев основательно изучил греческий и латинский: в студенческие годы он мог сочинять длинные дружеские письма по-латыни и не забыл этот язык до конца жизни[51]. «На всех языках он говорил не свободно (как

---

[48] Вестник Европы, 1909, кн. 3, с. 252.

[49] Iwan Turgeniew an Ludwig Pietsch. Briefe aus den Jahren 1864—1883, hrsg. von Alfred Doren. Berlin, [1923,] Vorwort, S. 7.

[50] Знакомство с письмами отца и матери Тургенева разрушило старую легенду о недостаточном внимании в этой семье к родной речи (Клеман М. К. Русский язык и литературные интересы в семье Тургенева.— Литературная мысль, кн. 2. Пг., 1923, с. 222—229). «Вы все мне пишете по-французски или по-немецки, — а за что пренебрегаете наш природный? Если вы в оном очень слабы, это меня очень удивляет»,— писал С. Н. Тургенев сыновьям и прибавлял: «Пора! Пора! Уметь хорошо не только на словах, но на письме объясняться по-русски — это необходимо» (Клеман М. К. Отец Тургенева в письмах к сыновьям.— Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони, с. 135).

[51] О степени знакомства Тургенева с классическими языками в его юные годы дают представление его экзаменационные работы 1842 г., писанные по-латыни (см. публикацию А. Н. Егунова «Об эпиграмме Гомера. Студенческая работа Тургенева на латинском языке». Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л.: Наука, 1964. Вып. 1, с. 200—211). О прочности этих познаний свидетельствуют многочисленные латинские цитаты, встречающиеся в позднейших письмах Тургенева. В письмо к П. В. Анненкову от 1(13) августа 1859 г., посланное из Куртавнеля, Тургенев — может быть, в целях конспирации — ввел целый ряд латинских фраз, содержащих в себе тонкие насмешки над «цезарскими» замашками Наполеона III, восклицая: «Преторианский дух на меня действует — не могу не говорить по-латыни!», но добавлял не без иронии: «Боюсь продолжать латинскую речь; не знаю, поймете ли вы ее, ученый друг мой». По свидетельству Я. П. Полонского, Тургенев в последние годы жиз-

принято выражаться), а удивительно. Необыкновенно изящно, но утрпруя и не копируя национального говора, но выговаривая верно и твердо»,— свидетельствует о Тургеневе М. Н. Толстая (сестра Л. Н. Толстого), встречавшаяся с ним в середине 50-х годов [52].

Разнообразие, пестрота, долговременность этого многоязычного опыта Тургенева были исключительны даже для его времени, когда знание иностранных языков было у нас довольно распространено. В русских дворянских культурных семьях первых десятилетий XIX в. обучение иностранным языкам составляло неотъемлемую часть получаемого детьми воспитания; усвоенное ими дома закреплялось затем частыми поездками в чужие края. Тем не менее редко кто овладевал более чем одним или двумя иностранными языками в объеме, достаточном для салонной беседы или простого житейского общения в иностранной среде. Тургенев же,— как об этом, в частности, свидетельствуют его письма,— изучал иностранные языки и в детстве, и в зрелые годы с удивительной настойчивостью и в наиболее благоприятных условиях для их усвоения: достаточно вспомнить здесь, к примеру, хотя бы то, что рассказывает он сам об изучении испанского языка под руководством природного испанца, учившего его навыкам устной и письменной речи на лучших образцах классической испанской литературы в годы, когда он мог болтать по-испански в семье Виардо и писать по-испански письма ее родственникам; однажды в письме к П. Виардо — от 5(17) января 1848 г.— Тургенев сообщил, что он даже вступил в анонимную переписку на испанском языке, «не имеющую иной цели, кроме нашего усовершенствования в изучении magnifica lengua castellana». Успехи, сделанные Тургеневым в изучении языка Сервантеса и Кальдерона, были, действительно, поразительны: при начале занятий он обещал П. Виардо, что через четыре месяца будет говорить «только на этом языке» (письмо от 14(26) ноября 1847 г.), и на самом деле в короткое время достиг возможности читать труднейшие испанские литературные тексты и отмечать орфографические ошибки в тех письмах к нему П. Виардо, которые писаны были по-испански (см. письмо к ней от 2(14) декабря 1847 г.) [53]. Не менее характерны

ни «забыл по-гречески, но латинские книги читал еще легко и свободно» (Нива, 1884, № 6. с. 132).

[52] С⟨т а х о в и ч⟩ М. В 1903 году о 1853.— Орловский вестник, 1903, № 224.

[53] О занятиях Тургенева испанским языком см. в статьях: А л е к с е е в М. П. Тургенев и испанские писатели.— Литературный критик, 1938, № 11, с. 136—139; Z v i g u i l s k i A. Tourguénev et l'Espagne.— Revue de Littérature Comparée, 1959, № 1, p. 56—58; Б р о н ь Т. И. Испанские цитаты у Тургенева.— Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л.: Наука, 1964. Вып. 1, с. 303—312.

и поводы, побудившие его к серьезным занятиям западными и южными славянскими языками [54]. Внимание Тургенева к ним привлечено было развертывавшимся на его глазах национально-освободительным движением в Австро-Венгерской монархии и на Балканах; кроме того, он хотел научиться читать на тех языках, на которые в то время довольно широко переводились его собственные произведения. Свое отношение к той роли, которую изучение языков играет в процессе личного самоусовершенствования, Тургенев отчетливо выразил в одной из своих заграничных корреспонденций, напечатанных в «Атенее» (1858): «Путешествие в чужой стране то же, что знакомство с чужим языком; это обогащение внутреннего человека». Тургенев, вероятно, мог прибавить также, на основании собственного опыта, что работа над чужим языком всегда оказывает весьма сильное воздействие на язык писателя,— обостряя его языковое чутье, возбуждая его стилистическую изобретательность. Собственные языковые познания Тургенева, его постоянные практические наблюдения над контрастными различиями лексики и грамматической структуры различных языков или их относительной близостью очень способствовали его уменью владеть всеми ресурсами русского языка. По-видимому, это хотел сказать Ф. И. Буслаев, готовивший монографию о языке Тургенева, в одной из своих заметок к этому незавершенному труду: «Вполне владея чужим языком, Тургенев тем больше ценил свой родной» [55].

Из всех западноевропейских языков, которыми Тургенев владел с полной свободой, наиболее близким для него и вместе с тем частым и привычным для его писем стал язык французский, конечно, прежде всего потому, что последние десятилетия своей жизни Тургенев провел преимущественно во Франции, всецело погруженный в стихию французской речи.

В семье Виардо говорили по-французски, хотя здесь часто слышались многие западноевропейские языки и сама хозяйка свободно изъяснялась на любом из них: современники неоднократно удивлялись той легкости, с которой она овладевала чужими языками, и той свободе, с которой она ими распоряжалась [56]. Может быть, имен-

[54] Польским языком Тургенев основательно занимался в 1852 г. во время своего ареста (см. письмо к П. Виардо от 1(13) мая 1852 г.), но он постоянно обновлял знания и позже, читая сочинения Мицкевича в подлиннике. О намерении «хоть несколько узнать» сербский язык Тургенев писал своему переводчику Н. Вучетичу (20 ноября 1869 г.), прося прислать сербскую грамматику и сербско-немецкий словарь.

[55] Андреева А. Из заметок Буслаева о Тургеневе.— Вестник Европы, 1899, кн. 12, с. 730.

[56] Bamberger L. Erinnerungen. Berlin, 1899, S. 285; Исторический вестник, 1901, январь, с. 220.

по поэтому в письмах к ней, писанных по-французски, Тургенев делал нередко разноязычные приписки. В письме к П. Виардо от 7(19) декабря 1847 г. почти однозначная заключительная фраза — доброе пожелание — последовательно повторена на трех языках — испанском, немецком и русском (Que Dios bendiga a Vd; leben Sie recht, recht wohl; boudté zdorovy i pomnité nass); через два года (в 1849 г.) Тургенев спрашивал ее в письме: «Vy ponimaïete po Rousskу? Ili oujé pozabyli? А ну-ка, что это значит?» По-видимому, русский язык П. Виардо знала пассивно [57].

Впрочем, немецкое (реже — испанское или даже, в единичных случаях, русское) обращение, вступительные или заключительные фразы в письмах Тургенева к П. Виардо могли иметь и особое экспрессивное значение: они не только скрывали от посторонних взоров насыщенный эмоциональный колорит этих фраз, но и особо подчеркивали его; словно средства одного языка оказывались недостаточными для передачи всей напряженности выражаемых чувств: иноязычие должно было усиливать их, выделяя эти явно лирические куски текста из общего спокойного повествовательного стиля письма. Напомним здесь, в качестве примера, вставные фразы или приписки из французских писем Тургенева к П. Виардо 1850 г.: «Mein Gott, ich möchte mein ganzes Leben als Teppich unter Ihre lieben Füsse, die ich 1000 mal küsse, breiten. Тысяча приветствий всем, а что вас касается, Sie wissen, dass ich Ihnen ganz und auf ewig angehöre» (31 октября/12 ноября 1850 г.); или: «Прошу простить меня und mir erlauben, diese liebe Füsse, diese Füsse, denen meine ganze Seele angehört, als Zeichen der Verzeihung, auf das inbrünstigste zu küssen»; или: «Willkommen, theuerste, liebste Frau, nach siebenjähriger Freundschaft, willkommen an diesem mir heiligen Tag!»

---

[57] Знакомство с русским языком П. Виардо приобрела в России. В. Колонтаева (Воспоминания о селе Спасском.— Исторический вестник, 1885, октябрь, с. 58) утверждала, что П. Виардо «знала в совершенстве пять или шесть иностранных языков», «а между тем, по желанию московской публики, ей предстояло петь на сцене русские песни и романсы. Тогда Иван Сергеевич предложил ей свои услуги; в качестве учителя русского языка он почти ежедневно являлся к ней на урок». Данные о том, насколько хорошо П. Виардо овладела русским языком, которые можно извлечь из мемуарной литературы, довольно противоречивы; между тем из писем самого Тургенева явствует, что он сам читал ей свои произведения (см., например, его письмо от 6 февраля 1867 г., в котором он вспоминает о чтении ей отрывков из романа «Дым»). Г. А. Лопатин рассказывал, что, навещая Тургенева в Париже в 70-е годы, он «не раз заставал у него m-me Виардо, с которой Тургенев читал по утрам по-русски» (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, с. 119). С. И. Лаврентьева (Пережитое. Из воспоминаний. СПб., 1914, с. 82) прямо утверждала, что П. Виардо «хорошо владела русским языком».

Подобные же немецкие вставные фразы, с еще более лирической окраской, встречаются в письмах Тургенева к Виардо конца 60-х годов (см., например, письма от 6 февраля и 11 марта 1867 г.), посвященных очередным делам и новостям [58].

Такое неожиданное на первый взгляд переключение из одного языково-стилистического регистра в другой практиковалось Тургеневым в его письмах и в раннюю пору. Большое и важное прощальное письмо Тургенева к Т. А. Бакуниной (1842), перед их разрывом, в своей самой ответственной заключительной части написано по-немецки (Т. А. Бакунина писала ему письма по-немецки, по-французски и по-русски) [59]. Иногда, ради экспрессивности, Тургенев еще более расширял многоязычие в своих письмах. Пытаясь по возможности усилить изъявление своей радости по поводу рождения у Виардо сына, Тургенев свое письмо из Зинцига от 12(24) июля 1857 г. начинает приветственными восклицаниями: «Hurrah! Ура! Lebe hoch! Vivat! Evviva! Zito!» — и заключает его рядом иноязычных междометий, цитат из гимнов и молитвенных возгласов: «Vivat! Hurrah! Allons enfants de la patrie! Alaf Köln! (Это радостное восклицание употребляется только в Кёльне; я нахожу его очень славным). Allah! Il Allah Razul Mohammed Allah» [60].

Писанные по-немецки дружеские письма Тургенева к Л. Пичу также нередко прерывают фразы на разных языках или забавные языковые каламбуры, шуточные этимологии и сближения языков: подобными шутками Тургенев уснащал также порою и письма к русским друзьям — Фету, Анненкову и др. [61]

---

[58] Анализируя эти немецкие вставки во французских письмах Тургенева и обнаружив среди них *единственный* случай интимного обращения на «ты» («Liebe, theuere! Gott sei mit dir und segne dich!»), А. Ярмолинский предположил, что они писались по-немецки с умыслом — сделать их затруднительными для понимания в семье; Луи Виардо, по его собственному признанию, немецкий язык знал плохо (Y a r m o l i n s k y A. Turgenev. The man — his art — and his age. London, 1926, p. 94).

[59] Голос минувшего, 1919, № 1—4, с. 201—205; К р е с т о в а Л. В. Т. А. Бакунина и Тургенев.— В сб.: Тургенев и его время/ Под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг., 1923, с. 33.

[60] Ту же мусульманскую формулу заклятия см. в письме к Л. Пичу от 7 марта 1869 г. Она была широко известна и нередко употреблялась в литературе. Тургенев мог заимствовать ее из последнего письма Вольтера к Екатерине II (от 5 декабря 1777 г.).

[61] См. шутливые обращения в письмах к Л. Пичу — на испанский лад («Pitchio de mi alma»), латинский («Pitchissime carissime»), латинский «ботанический» (Pitchius grandiflorus), а также шуточный макаронический итальянско-русский призыв к Анненкову «Addio, caro Annenkovini, Non manjiar tutta teliatini». См. итальянскую приписку в письме к А. А. Бакунину от 9(21) апреля 1842 г., прерываемую русским вопросом, который Тургенев задает сам себе,

От весьма обильных, щедро рассыпанных по всем его произведениям разноязычных фраз и цитат Тургенев не мог отказаться и в своих письмах к соотечественникам, даже в тех случаях, когда они могли быть восприняты как преднамеренное щегольство, были излишними и сам он не мог быть уверенным, что они будут поняты адресатами (таковы, например, латинские цитаты, испанские или итальянские крылатые слова в письмах к граф. Е. Е. Ламберт). Здесь действовала сила привычки, речевые навыки, которые в письменной беседе проявляли себя столь же закономерно, как и в изустном разговоре. Тургенев удерживал в памяти огромное количество разноязычных фраз и цитат и пользовался ими при всех возможных случаях. Известно, впрочем, какие тонкие слуховые или смысловые эффекты Тургенев умел извлекать из столкновений разноязычных фраз в русском художественном тексте или при передаче исковерканной иностранной речи — русской в устах иностранца, иностранной в устах русского. Все произведения Тургенева изобилуют эпизодами, где собраны и анализируются тонкие фонетические или синтаксические наблюдения [62]. Интересно, что Тургенев при этом, как уже отмечал В. И. Чернышев, не только не отличался пристрастием к варваризмам, но даже «видимо избегал их» [63]. В письмо к Анненкову от 1(13) августа 1859 г. Тургенев включил фразу, сплошь состоящую из русифицированных иностранных слов: «Вы — мастер резюмировать данный момент эпохи», и прибавил с юмором:. «говоря по-русски». В письме к Е. Е. Ламберт от 6(18) июля 1863 г. он подчеркнул, что в его русскую фразу случайно проскользнуло французское метафорическое выражение: «Подстреливать куропаток и зайцев — единственное занятие, которое, говоря по-французски, *улыбается* мне». Именно прекрасное знание западноевропейских языков и присущее Тургеневу тонкое языковое чутье помогли ему

---

[62] О воспроизведении Тургеневым иноязычных речений в его произведениях и письмах см.: Малаховский В. А. Тургенев—лингвист.— Русский язык в школе, 1941, № 1, с. 15; Алексеев М. П. «Фосс-паркэ» в текстах Тургенева.— Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л.: Наука, 1967. Вып. 3, с. 185—187; см. также замечания об иностранной речи в языке персонажей его романов в книге: Цейтлин А. Г. Мастерство Тургенева-романиста. М., 1958, с. 328—335; однако в повестях и рассказах Тургенева находятся также не менее интересные и обильные примеры наблюдений языковедческого характера по поводу французского, немецкого, итальянского, даже румынского языков (см., например, «Вешние воды», «Историю лейтенанта Ергунова» и др.).

[63] Чернышев В. И. Русский язык в произведениях И. С. Тургенева.— Изв. АН СССР, Отд. общ. наук, 1936, № 3, с. 491.

сделать любопытное наблюдение, сообщенное в письме к Герцену от 14(26) марта 1861 г., относительно языка манифеста 19 февраля 1861 г.: «Сам манифест явным образом написан был по-французски и переведен на неуклюжий русский язык каким-нибудь немцем».

До нас дошли письма Тургенева на французском, немецком и английском языках. Французских писем всего больше. По-французски он изредка писал и тем своим русским корреспондентам из аристократического круга, для которых этот язык был обиходным, но никогда этим не злоупотреблял. Свое первое письмо к С. А. Миллер (будущей жене поэта А. К. Толстого, ходатайству которой он в значительной степени обязан был освобождением из ссылки) Тургенев начинал с характерной оговорки, что он не будет пользоваться этим языком петербургских высших сфер: «Позвольте мне... писать вам по-русски, по-французски оно гораздо легче — но дружелюбному чувству, которое я питаю к вам, как-то привольнее выражаться на родном языке» (письмо от 6(18) марта 1853 г.). Другое письмо к той же корреспондентке (от 19(31) мая 1853 г.) писано по-французски, но заключается следующей припиской на русском языке: «Я не знаю, почему я вам всё это письмо писал по-французски — так случилось,— но, прощаясь с вами, мне хочется сказать вам на родном нашем языке, как искренне я к вам привязан и как живо вас помню...». Иной раз французские фразы проскакивали в его письме случайно, автоматически, как следствие установившейся необходимости говорить ежедневно исключительно на этом языке. Так, В. П. Боткину Тургенев пишет 25 октября (6 ноября) 1856 г.: «Я никого не вижу и не знаю, кто бы мог так отлично исполнить эту роль, как ты. Il faut que tu aies la haute main sur tout cela — я во Франции привыкаю говорить по-басурмански». А. В. Дружинину Тургенев пишет из Парижа 13(25) января 1857 г.: «Дай бог, чтобы „Совр⟨еменник⟩“ не был совсем задавлен (ce que je crains, entre nous soit dit) ⟨чего я опасаюсь, говоря между нами⟩. Почему я эту фразу написал по-французски? — Неизвестно». В следующем письме ему же, от 3(15) марта 1857 г.: «C'est de la divination (извините французскую фразу)». Все письма Тургенева к граф. Е. Е. Ламберт (кроме нескольких малозначительных французских записок) писаны Тургеневым по-русски, тогда как она писала ему сначала по-французски, затем по-русски. «Напишите мне несколько слов (по-французски, разумеется)»,— писал ей Тургенев 3(15) ноября 1857 г. Через несколько лет он уже радовался тому, что она перешла на русский язык: «А знаете ли Вы, что Вы отличным русским языком пишете? Маленькие грамматические ошибки (я *бреду* вместо я *брожу*) только придают прелести Вашей речи. Если Вам не тяжело писать на этом языке — пишите: Вы увидите, что хотя он не имеет *бескостной* гибкости французского языка — для вы-

ражения многих и *лучших* мыслей он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе» (письмо от 12(24) декабря 1859 г.). Тем не менее корреспондентка его постоянно испытывала затруднения и колебания по этому поводу: «Не разучилась ли я писать порусски и не приняться ли опять за нашего общего знакомого (фигляра без костей, по-вашему) — за французский язык? Скажите чистосердечно»,— спрашивала она Тургенева 27 сентября 1860 г., но два месяца спустя признавалась снова: «Как я давно с вами не говорила по-русски. Это для меня наслажденье, но не всегда я в силах писать на родном языке» (28 ноября 1860 г.) [64].

Своим иностранным корреспондентам, независимо от их национальности, Тургенев также нередко писал по-французски, прямо ссылаясь на то, что это для него наиболее привычно. Так, первое из одиннадцати писем Тургенева к Паулю Гейзе, от 29 сентября 1861 г., написано по-французски, остальные по-немецки, точно так же письма его к Фридриху Боденштедту до февраля 1864 г. написаны по-французски, а в первом из них, посланном из Парижа (от 29 сентября 1861 г.), Тургенев прямо говорит: «Краснею оттого, что пишу Вам по-французски, но положительно этот язык для меня наиболее удобен, когда я держу перо в руке». Первое письмо Тургенева к В. Р. Рольстону, от 7(19) октября 1866 г., начинается следующими строками: «Прошу Вашего разрешения писать Вам пофранцузски; я хорошо знаю литературу Вашей страны, говорю поанглийски довольно бегло, но мне было бы трудно писать на этом языке». В 70-е годы Тургенев писал Рольстону уже по-английски (первое английское письмо его к Рольстону написано 26 января 1872 г.). Томасу Карлейлю Тургенев также писал сначала по-французски (первое письмо Тургенева Карлейлю датировано 28 февраля (12 марта) 1858 г.), позднее (29 апреля 1871 г.) — по-английски. Из трех писем Тургенева к американской писательнице Эмме Лазарус два написаны по-английски (от 2 сентября 1874 г. и 23 октября 1876 г.), третье (от 1 августа 1877 г.) — по-французски, очевидно, после того, как он узнал, что этот язык ей хорошо знаком: «Начну с того, чтобы испросить Ваше разрешение писать по-французски — этот язык столь же близко знаком Вам, как Ваш родной, мне же легче пользоваться французским, чем английским» [65].

Письмо Тургенева к английскому журналисту Т. Э. Чайлду от 10 августа 1877 г., вероятно, по тем же соображениям написано по-французски, письмо же его к писателю и критику Эдмунду Госсе от 27 декабря 1881 г.— по-английски.

---

[64] G r a n j a r d H. Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs», p. 123, 127.

[65] Letters to Emma Lazarus in the Columbia University Library, ed. by Ralph Leslie Rusk. N. Y., 1939, p. 17—19.

Все эти примеры позволяют установить известную закономерность в чередовании языков писем: бо́льшая свобода в пользовании той или иной иностранной письменной речью возникала у Тургенева после того, как он находился более или менее продолжительное время в стране этого языка. Так, пребывание его в Англии в 1870—1871 гг. сильно способствовало активизации его навыков в английской речи: этим и объясняется, что на 70-е годы приходится наибольшее количество писем, писанных им по-английски. Подобным же образом жизнь его в Баден-Бадене очень оживила его хорошее знание языка немецкого, к которому он также прибегал неоднократно как к языку письменных сношений.

В последнее десятилетие своей жизни Тургенев без каких бы то ни было затруднений пользовался всеми тремя указанными иностранными языками. Его иностранные собеседники оставили по этому поводу немало интересных для нас свидетельств. Один из американских делегатов на международном литературном конгрессе в Париже в июне 1878 г.— Томас Уентворт Хиггинсон, рассказывая о встрече с Тургеневым, вспоминает, что русский писатель «сердечно приветствовал нас как американцев 〈...〉 и тепло говорил о тех наших соотечественниках, которых он знал, например об Эмме Лазарус и профессоре Бойесене», и прибавляет: «Все это говорил он по-английски и продолжал говорить на этом языке, хотя и не с полной легкостью и правильностью, и несмотря на то, что мы просили его говорить по-французски» [66]. Генри Джеймс, воспоминания которого о Тургеневе относятся приблизительно к тем же годам, свидетельствует, что Тургенев знал «английский язык удивительно хорошо», но что «он любил говорить на нем с англичанами и американцами, а я предпочитал слышать его остроумную французскую беседу... Он думал, что для англичанина или американца недоступно совершенное знание разговорного французского языка... Говорить по-английски ему удавалось не часто, так что, когда выпадал такой случай, он нередко употреблял в разговоре фразы, попадавшиеся ему в прочитанных английских книгах» [67].

Письма Тургенева, писанные на немецком языке, представляют значительный интерес не только потому, что они позволяют судить о степени знакомства его с немецким языком в разные периоды жизни,

---

[66] Higginson Thomas W. Cheerful Yesterdays. London, 1898. Отрывки из воспоминаний Хиггинсона о Тургеневе перепечатаны в журнале «The Anglo-Russian», 1898, vol. II, № 6, p. 198 (под заглавием «An American Abolitionist on Tourgueneff»); мы цитируем их по этому источнику.

[67] Минувшие годы, 1908, № 8, с. 51; Иностранная критика о Тургеневе, с. 133.

но и в сравнительном отношении — для оценки многоязычия как одного из источников его индивидуального литературного стиля.

Близкое знакомство Тургенева с немецким языком относится к столь же раннему времени, как и с языком английским [68]; во все последующие десятилетия жизни оно непрерывно укреплялось. Годы учения в Берлинском университете, частые поездки в Германию, довольно продолжительный период жизни в Баден-Бадене, постоянные сношения с немецкими издателями и переводчиками способствовали этому в большой степени. Известны широкие личные и эпистолярные связи Тургенева с многочисленными немецкими писателями его времени — П. Гейзе, Т. Штормом, Б. Ауэрбахом и др. Большинству из них он писал по-немецки. Существует немало свидетельств о прекрасном знании Тургеневым немецкого языка. Л. Фридлендер, например, утверждал, что Тургенев «говорил и писал по-немецки без запинки, редко употребляя французское или английское слово, когда подходящее немецкое ему не припоминалось» [69]. А. Дорен, опубликовавший по автографам писанные по-немецки письма Тургенева к Л. Пичу, особо отметил прекрасный язык этих писем: «Удивительно, насколько Тургенев владеет немецким языком, — до последних тонкостей выразительности,— тем более удивительно, что этот язык был третьим по счету из тех, которыми он распоряжался полновластно. Почти с полной свободой и уверенностью пользуется он чужим идиомом; у него встречаются лишь небольшие погрешности в построении предложений, синтаксисе, грамматике, пунктуации,— но никаких против духа нашего языка» [70].

Все иноязычные письма Тургенева заслуживают специального изучения как источники его языкового опыта, как показатели его тонкой лингвистической культуры.

Что же касается французского языка писем Тургенева, то он в особенности заслуживает изучения, не только как одно из наиболее привычных в его долголетней практике средств эпистолярных связей, но и как интересный материал для истории этого языка и тех изменений, какие происходили в нем на протяжении XIX в.

Французский язык писем Тургенева мало походит на тот, которым изредка пользовались в своих письмах другие русские писатели

---

[68] В конце 20-х годов Тургенев учился в немецком пансионе Вейденгаммера и в середине следующего десятилетия сочинял уже немецкие стихи. О своем раннем знакомстве с английским языком сам Тургенев рассказывал Н. В. Гербелю. См.: Атеней. Историко-литературный временник. Л., 1926. Кн. 3, с. 121.

[69] Friedländer L. Erinnerungen, Reden und Studien. Strassburg, 1905, Bd. I, S. 196.

[70] Iwan Turgeniew an Ludwig Pietsch. Briefe aus den Jahren 1864—1883, S. 15. То же подтверждали Ю. Шмидт и Г. Брандес, считавший, что Тургенев говорил по-немецки, «как немец».

его времени. Еще в первой половине столетия писать письма по-французски было в обычае среди литераторов дворянского круга, и они делали это довольно свободно, не слишком погрешая против грамматических правил. Но французский язык, живший в русских устах, приобретал постепенно все более архаический характер, как бы застывая в чужеродном для него окружении. Уже французский язык Пушкина или Вяземского, основанный главным образом на классической французской литературной речи XVIII в., имел некоторые архаические черты в сравнении с тем, на котором говорили и писали в то время в Париже, и мог, вероятно, казаться несколько старомодным младшему поколению французских романтиков. Бытовые условия употребления французского языка в России в последующие десятилетия еще более усилили наметившийся ранее разрыв между живым обиходным французским языком и той отклонявшейся от его норм русско-французской речью, которая приобретала у нас черты своеобразного «диалекта», окрашенного сильными воздействиями русской разговорной речи. Юмористическим памятником этого своеобразного жаргона явились макаронические стихи «Сенсаций и замечаний госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» И. П. Мятлева; в последующие годы из такого «нижегородско-французского» словоупотребления немало юмористических эффектов извлекли и русские драматурги и русские беллетристы, в том числе и сам Тургенев, не раз забавлявшийся над потугами болтать по-французски непривычных к этому любителей или над жаргоном, придуманным ими для этой цели. Однако исковерканная на русский лад французская речь, в которой фонетические и лексические искажения приобретали слишком явные черты, складывалась и слышалась у нас вовсе не в тех общественных слоях, где французский язык издавна пользовался распространением; между тем наряду с ней свойства «диалекта» постепенно приобретала у нас и традиционная французская речь дворянских гостиных или высших чиновных кругов; здесь отклонения от языка, на котором в то время говорили во Франции, были хотя и менее явными, но все же заметными, тем более что они становились устойчивыми и приобретали известную закономерность.

Тургенев, владевший французским языком не только как образованный парижанин, но и как писатели-французы [71], остро ощу-

---

[71] И. Тэн отмечал, что чистота и выразительность французской речи Тургенева не раз напоминали ему l'art de causer французских салонов XVIII в. (Giraud V. Essai sur H. Taine. 2-me éd., Paris, 1901, p. 190, 271). Об образцовом французском языке Тургенева сохранился также ряд других свидетельств: См.: Haumant E. La culture française en Russie. Paris, 1910, p. 366; Huber-Noodt U. L'occidentalisme de Tourguéneff. Paris, 1922, p. 15.

щал все типические признаки этого «петербургского» или «московского» французского языка своего времени. В ряде его произведений, написанных за границей, а также в его письмах мы встречаем немало тонких наблюдений и замечаний по этому поводу, имеющих значение исторических свидетельств. В «Дыме», например, изображая Литвинова, встретившего в Баден-Бадене «довольно многочисленное общество дам и кавалеров», Тургенев пишет: «Литвинов тотчас признал их за русских, хотя они все говорили по-французски... потому что они говорили по-французски» (гл. X). В том же романе Ирина говорит о Потугине: «И по-русски можно с ним говорить, хоть дурным языком, да русским, а не этим вечным приторным, противным, петербургским французским языком!» (гл. XII). Это и был тот самый, ставший уже старомодным, выродившийся французский литературный язык с его застывшими салонными формулами учтивости, архаическими элементами в лексике и синтаксическими построениями по русскому образцу, который все еще по традиции считался у нас если не образцовым, то правильным, и поэтому даже пригодным для литературных целей [72]. Попытки воспользоваться им в печати, например для переводов с русского, Тургенев неоднократно признавал покушениями с негодными средствами; он резко отзывался о тех французских литераторах или случайных лицах, которые пытались переводить на подобный язык произведения русской литературы. «Французская речь, так, как она живет в русских устах — им ⟨французам⟩ особенно противна»,— писал Тургенев М. В. Авдееву 25 января 1870 г. По поводу выполненного в России перевода одного из романов Авдеева Тургенев сообщал автору, мечтавшему издать свой роман в Париже: «Перевод Ваш сделан русским и, вероятно, написан тем московско-французским языком, который французам просто ужасен: приходится решительно всё переделывать, ибо мы, русские, и не подозреваем, какие они пуристы» (письмо от 18(30) апреля 1868 г.) [73]. «Здешние издатели при одном упоминании „русской дамы“ переводчицы приходят в ярость до пены у рта»,— писал Тургенев тому же Авдееву 26 апреля (8 мая) 1873 г.

---

[72] Жюльетта Адан в одной из своих книг о русском великосветском обществе (изданной под русским псевдонимом) с иронией отзывается о тех «стереотипных формах языка, которые в Петербурге считаются французскими, во всем остальном мире считаются русскими, и которые не являются ни теми, ни другими» (Comte Paul Vassili. La société russe par un Russe. Paris, 1878, vol. I, p. 56. Цит. по.: Haumant E. La culture française en Russie, p. 454).

[73] Ср. в письме Тургенева к М. А. Языкову от 14(26) сентября 1877 г. по поводу присланных через него переводов некоего Петровского, которому, по словам Тургенева, «еще долго придется трудиться над изучением французского языка».

Известно, наконец, как сурово встретил Тургенев неудачную попытку В. М. Михайлова перевести «Евгения Онегина» Пушкина французскими стихами [74].

Причина переводческих неудач заключалась, однако, не только в свойствах «петербургско-московского» французского языка, типические черты которого впоследствии были описаны [75], и даже не в том, что придирчивые французские редакторы были «пуристами»; причины эти, несомненно, лежали глубже,— в тех существенных изменениях, которым французский язык подвергся в XIX в.

Заметные сдвиги в сложном развитии французского языка — как литературного, так и разговорного — произошли на глазах у Тургенева. Историки французского языка отмечают, например, что в течение этого столетия народно-парижский язык оказал сильное воздействие на разговорную речь широких масс во Франции и что он сыграл также немалую роль в обновлении средств выразительности во французском литературном языке. Соотношения между литературным и разговорным языком изменились, отражая новую социальную действительность национальной жизни и перемены во взаимодействиях ее социальных сил. Интересно, например, что в области фразеологии во второй половине XIX в. получили широкое распространение и устойчивое употребление идиоматические выражения, никогда прежде не встречавшиеся в таком количестве в печати и в произведениях художественной прозы; в области лексики характерным для этого периода является обилие неологизмов, в значительно меньшем числе употреблявшихся в первой половине XIX в. От Бальзака до Флобера, Гонкуров и Золя идет во французской литературе ряд разнообразных попыток раскрыть все средства и возможности, которые таил в себе французский язык, дотоле стесненный в своем развитии, применить их для создания действительно широкой многокрасочной картины социальной действительности своего времени или давнего исторического прошлого. Тургенев, несомненно, был широко посвящен во все споры, шедшие тогда в кругах французских писателей относительно литературного языка, и хорошо знал все производившиеся на его глазах лингвистические эксперименты. Неизменный участник «кружка пяти» (кроме Тургенева, в этот кружок входили Г. Флобер, Э. Гонкур, А. Доде, Э. Золя), Тургенев был также судьей и экспертом во всех областях этого языкового новаторства, в чем бы оно ни проявлялось, будь то флоберовская доктрина «propriété des mots» — искусство пользоваться всеми ресурсами лексики, или парижские арготизмы, кото-

[74] Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы. М.; Л., 1948. Кн. 1, с. 53—54.

[75] Welter G. Les fautes que font les Russes en parlant français. Москва, 1904.

рыми Э. Золя упорно, с артистическим умыслом и без всякого стеснения начинял страницы своих романов, или болезненное тяготение Э. Гонкура к неологизмам, изысканным и эфемерным, или, наконец, южнофранцузские диалектизмы в повествовательной прозе А. Доде.

Тургенев являлся в то же время непосредственным свидетелем тех языковых процессов, которые происходили во Франции не за рабочими столами его друзей писателей, но в гораздо более широких литературно-артистических кругах. Он был, разумеется, очевидцем тех языковых изменений, какие обнаружились после 1870 г., когда арготизмы захлестнули французский театр и ежедневную прессу, заставив на время забыть классическую французскую речь ради жаргона французских бульваров. Этот процесс был настолько явным и заметным, что обращал на себя внимание посторонних наблюдателей, в том числе и русских путешественников, приглядывавшихся к нему извне, а не изнутри, как это мог делать Тургенев, и не столь длительно, как он. Заезжий русский путешественник с некоторым испугом свидетельствовал в конце 70-х годов, что в Париже «язык, на котором ведутся разговоры, не имеет ничего общего с языком Расина и Вольтера», что «язык Вольтера устарел теперь, как язык Остромирова Евангелия, вся литература и общество употребляет argot», и приводил длинный список этих новых слов арготического происхождения, получавших в Париже повсеместное употребление [76]. По этой же причине французский язык «помпадуров» Салтыкова-Щедрина представлял собою, по его собственной характеристике, «непостижимую смесь языка кафешантанов и языка кокоток». Любопытно, что и Достоевский, пародийно изобразив в «Бесах» в лице Кармазинова Тургенева, придал его французскому языку те же «арготические» черты [77].

Письма Тургенева, писанные по-французски, представляют значительный интерес именно потому, что они в высокой степени отразили на себе все те изменения во французской речи, которые он наблюдал сам, живя во Франции [78]. Они могут быть подвергнуты

---

[76] Скальковский К. В Париже. СПб., 1898, с. 171, 303.

[77] Haumant E. La culture française en Russie, p. 452—453.

[78] Еще Анненков опубликовал письмо к нему Тургенева от 10(22) июня 1859 г., в котором сделан ряд интересных замечаний о языке французских «мужичков», которые «сильно ругаются и употребляют необыкновенно замысловатые выражения». Д. Н. Садовников записал беседу с Тургеневым о французской поэзии и об «откровенности» языка поэтов Ж. Ришпена, Бушора и др. (Встречи с И. С. Тургеневым.— Русское прошлое, 1923, кн. 1, с. 81). Тургенев до конца жизни не переставал интересоваться особенностями французской лексики и ее русскими эквивалентами. Так,

такому же языковедческому анализу, какому подверглись язык писем Флобера или лексика «Дневника» Гонкуров.

Интерес с этой стороны представляют, однако, не только французские, но и русские письма Тургенева, в которых то и дело встречаются французские фразы и, в особенности, идиоматические обороты. Тургенев был очень восприимчив к ним и постоянно пересыпал ими свою речь. В его письмах идиоматизмов так много, что из них можно было бы составить специальный словарик. В воспоминаниях Я. П. Полонского о Тургеневе в пору его последнего пребывания на родине рассказывается о тех беседах, какие он вел с ним в то время, в частности именно о французском языке: «Иван Сергеевич беспрестанно изобретал разные французские фразы и говорил мне: ну-ка, переведи... попробуй!.. Например, говорил Тургенев, как ты переведешь „Vous m'en direz tant", „En égard à votre père", „Tête-bêche", „Ah! que nenni!", „Vous allez vider le plancher", „Il rit jaune et fila doux"... Помню, как мне трудно было передать смысл фразы: „Vous me le faites à l'oseille". Oseille — значит „щавель", и вероятно в старину говорилось: omelette à l'oseille. Нужно при этом вспомнить басню, как журавля лисица угощает яичницей на сковороде, чтобы фразу эту перевести словами: „Вы со мной плутуете"». «Этого мало,— продолжает Я. П. Полонский.— Тургенев сочинил для меня целое письмо по-французски, для того чтобы я перевел его, т. е. поломал себе голову, отыскивая точь-в-точь подходящие русские выражения, т. е. не отступая ни на волос от смысла французской фразы. Многим знатокам французского языка, конечно, это не интересно; но подлинник этого письма (черновой брульон) у меня сохранился, и я решаюсь для любопытных переписать его». И Полонский действительно приводит это письмо-эксперимент, своеобразный языковой фокус, весь текст которого сплошь состоит из идиоматических фраз, лишенных содержания и едва ли поддающихся переводу на какой-либо язык. Оно может служить столь интересным свидетельством познаний Тургенева во французском языке, что заслуживает полного воспроизведения:

«Mon cher Monsieur,

Votre lettre en égard à notre situation respective ne pouvait mieux tomber; tout vient à point à qui sait attendre et ce n'est pas là

в письме к А. В. Торопову от 11(23) ноября 1876 г. он просил доставить ему «последнее издание макаровского русско-французского и французско-русского словаря». О точке зрения Тургенева на проблему многоязычия в литературном творчестве см. в докладе М. П. Алексеева на VI конгрессе по сравнительному литературоведению в г. Бордо: Le pluralinguisme et la création littéraire.— Actes du VIe Congrès de L'Association internationale de littérature comparée. Stuttgart: Kunst und Wissen — Erich Bieber, 1975, p. 37—40.

une affaire qu'on puisse traiter par le menu. Mais je ne veux suivre vos conseils que sous bénéfice d'inventaire. Après tout, il n'y a pas péril en la demeure et dans l'action de M. NN. Je ne vois guère de quoi fouetter un chat. Je n'en saurais démordre sans vouloir pourtant fournir caution bourgeoise. Donnant — donnant. Il y a certainement du tirage dans nos affaires, mais à quoi bon y mêler le tiers et le quart et n'était le désir de sortir du pétrin, j'accepterais volontiers tour ce passe-droit qui me met la bride au cou. Libre à vous de me morigéner. Quant à moi, je dis: Donnant — donnant» [79].

Не следует, впрочем, думать, что за этим словотворчеством скрывалось своего рода эстетическое любование языком, всеми средствами которого он овладел с полным совершенством. Знание чужого языка не обязательно предполагает пристрастие к нему. У Тургенева действительно не было пристрастий ни к французскому, ни к какому-либо другому языку, кроме родного. Он сам признавался с полной искренностью в предисловии к своим «Литературным и житейским воспоминаниям» (написанном в Баден-Бадене в 1868 г.), что его «преданность началам, выработанным западною жизнью», не помешала ему «живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской речи». Недаром также в письмах к гр. Е. Е. Ламберт Тургенев писал о «бескостной гибкости французского языка» и, сравнивая этот язык с «предупредительным лакеем», который «забегает вам навстречу и иногда заставляет вас говорить не совсем то, что вы думаете», противопоставлял ему русский: «То ли дело возиться с этим молодым, свежим, неуклюжим, но здоровым языком». В этой сравнительной оценке двух языков, соотношения которых он изучал на практике в течение всей своей жизни, Тургенев высказывал личное убеждение, сложившееся в виде итога; любопытно, однако, что то же самое о французском языке и до него утверждали многие другие русские писатели, начиная от Пушкина и его друзей [80].

---

[79] Полонский Я. П. Тургенев у себя в последний приезд его на родину.— Нива, 1884, № 7, с. 163; перепечатано в книге: Полонский Я. П. Повести и рассказы. СПб., 1895. Ч. II, с. 585. Как в первопечатном тексте этой статьи, так и в перепечатке французские тексты этого «воображаемого» письма искажены; мы внесли в них некоторые поправки.

[80] П. А. Вяземский вспоминает, что когда Пушкина спросили однажды, умна ли та собеседница, с которой он долго разговаривал, Пушкин будто бы ответил «очень строго и без желания поострить»: «Не знаю... ведь я с ней говорил по-французски» (Разговоры Пушкина. Собрали С. Гессен и Л. Модзалевский. М., 1929, с. 83). У В. К. Кюхельбеккера в письме 1832 г. есть следующие строки: «Пишу, мой милый друг, тебе сегодня по-русски, раз — потому, что хочу писать о многом и много, а на французском мне трудно разговориться; во-вторых, потому, что даже боюсь на последнем языке

Необходимо в связи с этим подчеркнуть, что нигде, может быть, Тургенев не отзывался о русском языке с более страстной любовью и уверенностью в его силах, как именно в своих письмах; задолго до того, как его знаменитое стихотворение в прозе «Русский язык» получило свою окончательную печатную редакцию, оно уже в очень близкой форме сообщалось в письмах к его русским друзьям и корреспондентам [81].

4

История опубликования эпистолярного наследия Тургенева, насчитывающая уже более ста лет и еще не законченная, представляет немалый интерес, так как она весьма характерно отразила в себе происходившие в этот период изменения отношений русского общества и читателей разных слоев к частному письму и биографическому документу, к личности писателя вообще и к остающемуся после его смерти рукописному архиву.

Попытки опубликования писем Тургенева, в выдержках или полностью (помимо тех, довольно многочисленных «открытых писем», «писем в редакцию» и т. д., которые он сам направлял по различным поводам во многие органы периодической печати), неоднократно предпринимались еще при его жизни. Это были письма Тургенева к отдельным лицам или учереждениям, представлявшие известный общественный или литературный интерес; они заключали в себе признания или заявления, по характеру своему перераставшие значение сообщений личного свойства, и публиковались зачастую без ведома или согласия самого писателя. Так, например, казанский библиограф П. П. Васильев еще в 1870 г. пытался напечатать выдержки из двух писем к нему Тургенева 1869 г. (в одном из них Тургенев сообщал перечень известных ему переводов его про-

---

иногда сказать вовсе не то, что сказать бы желал» (Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 412). Напомним, наконец, письмо к Гоголю А. О. Смирновой от 18 декабря 1844 г.: «Извините меня, если я слишком резко выразилась. У меня-таки есть резкость в выражениях, да притом я по-русски пишу с трудом. По-французски можно делать упреки с комплиментами, а по-русски никак нельзя» (Русская старина, 1888, октябрь, с. 144).

[81] Н. В. Щербань вспоминает: «Говорили о России, о ее положении в Европе, об ее будущности, о тех, кто скептически относится к ее судьбам<...> и я, быть может, сомневался в них,— заметил Тургенев,— но язык? Куда денут скептики наш гибкий, чарующий, волшебный язык? Поверьте, господа, народ, у которого такой язык, народ великий» (Щ е р б а н ь Н. В. Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем.— Русский вестник, 1890, кн. 7, с. 12—13). См. также письма Тургенева к А. А. Фету (1871), к О. К. Гижицкой (1878) и др.

изведений на иностранные языки, в другом — вспоминал о затруднениях при выпуске в свет «Записок охотника» отдельной книгой)[82].

В 1875 г. С. А. Венгеров в своем критико-биографическом этюде «И. С. Тургенев» напечатал (с пропусками) письмо к нему Тургенева от 19 июня 1874 г., присланное в ответ на «щекотливые» вопросы, поставленные ему критиком, и содержавшее в себе весьма важные признания автобиографического характера[83]. Появление его в печати раздосадовало Тургенева: 6 (18) июня 1875 г. он писал А. В. Топорову: «Венгерову я, разумеется, никакого права не давал печатать мое письмо — и мне это было неприятно; но ведь не протестовать же?» Через несколько лет был напечатан отрывок из письма Тургенева к А. А. Русову — воспоминание о знакомстве и встречах с Т. Г. Шевченко[84], в журнале Киевского университета увидело свет письмо от 5 мая 1878 г. с благодарностью за избрание почетным членом этого университета[85], в следующем году в «Петербургском листке» — письмо от 19 марта 1879 г. к петербургским студентам, вскоре полностью перепечатанное также в брошюре П. Васильева[86], и т. д.

---

[82] П. П. Васильев предполагал опубликовать письма в первом номере предпринятого им журнала «Библиографические записки», который, хотя и был набран, но в свет не вышел. Один из трех сохранившихся экземпляров этого издания находится в Институте русской литературы (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. И. С. Тургенев. М.; Л., 1958. Вып. IV, с. 42).

[83] Венгеров С. Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографические этюды. Иван Сергеевич Тургенев. СПб., 1875, с. 99—100 (переиздано в 1877 г. под заглавием: «И. С. Тургенев. Критико-биографический этюд»). Публикуя письмо, Венгеров привел также и отрывки из своего обращения к Тургеневу, на которое письмо служило ответом. «Щекотливый» вопрос, на который Тургенев отвечал с полной искренностью и откровенностью, был поставлен так: «...Вы, как человек, так красноречиво и многозначительно восставший против крепостничества, должны были, сделавшись после смерти Вашего отца владельцем его имения, освободить оставшихся Вам крестьян. Сделали ли Вы это? А если не сделали, то какие *уважительные* причины заставили Вас не осуществить на деле то, что Вы таким искренним и убежденным тоном проповедовали в Ваших повестях?» (с. 98—99).

[84] Пискунов Ф. М. Шевченко, его жизнь и сочинения. Киев, 1878, с. 89—96 (ср.: Литературный вестник, 1903, кн. 5, с. 5—8).

[85] Университетские известия, 1879, кн. 9, ч. 1, с. 4—5 (первой пагинации); перепечатано в сб.: И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, с. 82—83.

[86] Петербургский листок, 1879, № 60, 27 марта; перепечатано: П. В⟨асильев⟩. Описание торжеств, происходивших в честь И. С. Тургенева во время его пребывания в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879. Казань, 1880.

В последних случаях границы между письмом «частным» и «открытым» (т. е. прямо рассчитанным на распространение через прессу и публичное обсуждение) стирались, чему, впрочем, в известной степени содействовал и сам Тургенев. Некоторым своим сочинениям, предназначавшимся для печати, он намеренно придавал форму частных писем, с личными и далеко не официальными обращениями к редактору периодического издания или к другому лицу-посреднику, по инициативе которого, как предполагалось, оно и будет обнародовано. Это был старый литературный прием, с помощью которого, по расчету автора, писания этого рода должны были приобретать в глазах публики характер случайных публикаций; они допускали более интимный тон и в то же время снимали с автора известную долю ответственности за содержание. Так, например, некролог П. Мериме, написанный Тургеневым (скрывшимся под инициалами И. Т.), опубликован был в газете «С.-Петербургские ведомости» в октябре 1870 г. с подзаголовком «Из частного письма». Дата «Баден-Баден, 28 сентября/10 октября», выставленная перед текстом, усиливала для читателя иллюзию полного тождества с обычным частным письмом этой краткой характеристики покойного французского писателя, сопровождавшейся личными воспоминаниями о дружеских с ним связях. Подобным же образом и руководствуясь аналогичными соображениями, Тургенев поступил, направляя в печать небольшую статью, известную ныне под заглавием «Несколько слов о Жорж Санд». Она была опубликована в 1876 г. с подзаголовком «Письмо И. С. Тургенева к издателю „Нового времени“»[87] и с внешней стороны имела такую же видимость частного письма: перед текстом ее выставлено: «С. Спасское-Лутовиново, среда 9/21 июня 1876 г.», начинается она с обращения к Суворину: «Любезный Алексей Сергеевич»; не менее характерна также концовка: «Извините несвязность и отрывчатость этого письма и примите уверение в дружеских чувствах преданного вам Ив. Тургенева». Такая форма письменного сообщения была на этот раз избрана Тургеневым потому, что, как видно из действительно «приватных» писем его к М. М. Стасюлевичу от июня того же года, он усиленно работал тогда «над романом.., исключительно над романом» («Новь») и не имел ни времени, ни сил писать что-либо другое. Поэтому те «несколько слов», которые хотелось сказать Тургеневу своевременно по поводу кончины Ж. Санд, были облечены им в строки непритязательного письма — непосредственного, быстрого, но все же как бы случайного отклика. Такое впечатление от этой некрологической заметки усиливалось также тем, что Тургенев включил в нее большой отрывок из личного письма к нему П. Виардо. Совершенно

[87] Новое время, 1876, № 105, 15 июня.

так же Тургенев поступил в 1875 г. по случаю смерти поэта А. К. Толстого: он написал прочувствованное письмо к М. М. Стасюлевичу, которое последний и напечатал вместо некролога в одиннадцатой книжке «Вестника Европы» за этот год с датой и обозначением места написания этой «маленькой статьи», как ее именовал сам Тургенев (письма к Я. П. Полонскому от 13 октября 1875 г. и М. М. Стасюлевичу от 25 октября 1875 г.). Иногда Тургенев пользовался формой дружеского письма для того, чтобы довести до сведения читателей кое-какие данные из истории создания своих произведений и внушить определенное к ним отношение. Так, например, в 1874 г. Я. П. Полонский опубликовал письмо к нему Тургенева от 13 января того же года не только с разрешения, но и по особой просьбе писателя (ср. его письмо к Полонскому от 5 февраля 1874 г.): письмо это сопровождало рассказ «Живые мощи», направлявшийся в сборник «Складчина», и должно было служить к нему предисловием. Еще более тонкий расчет руководил Тургеневым, когда на юбилей польского писателя Юзефа Крашевского, праздновавшийся в Кракове в октябре 1879 г., он откликнулся 15 (27) сентября 1879 г. письмом на имя В. Д. Спасовича, прямо рассчитанным на публичное оглашение. Оно было напечатано в ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1879 г. в корреспонденции из Кракова о юбилее Крашевского[88], но после смерти Тургенева вошло в «Первое собрание» его писем как письмо к Спасовичу, хотя совершенно лишено каких-либо признаков приватного письма, да и подлинным адресатом своим имело не Спасовича, но самого Крашевского. Были и случаи появления в печати таких писем Тургенева, частью текста или материалом которых он просил воспользоваться своих адресатов, но какие он вовсе не предполагал печатать целиком[89].

Бывало, однако, особенно в последние годы жизни Тургенева, что неожиданные публикации в периодической печати его писем вполне приватного назначения вызывали у него огорчения и досаду. Редакторы газет пользовались тем, что в эти годы он особенно охот-

---

[88] Вестник Европы, 1879, кн. 11, с. 416.

[89] На одну из таких несомненно случайных публикаций указала Т. П. Голованова в заметке «История одного текста» (Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1957, т. XVI, с. 360—365). Речь идет о письме Тургенева к А. А. Краевскому, напечатанном в февральской книжке «Отечественных записок» 1851 г., с длинным перечнем опечаток в тексте комедии «Провинциалка», увидевшей свет в предшествующей книжке того же журнала. То, что перед нами действительно «частное письмо», видно из первых его строк («У меня есть до вас просьба, любезный А. А.» и т. д.); однако Краевский, вместо того чтобы извлечь из него перечень опечаток, по небрежности или в спешке отправил его в печать целиком.

но обращался к ним с различными заявлениями, разъяснениями, предупреждениями и т. п. публичного характера, и под этим предлогом печатали и такие его письма, какие оглашению явно не подлежали; недаром в полемической заметке, напечатанной в «Новом времени», по его адресу был высказан прямой упрек: «Почтенного И. С. Тургенева положительно обуяла страсть к письмам» [90]. Так произошло, например, с его письмом от 7 (19) февраля 1878 г. к редактору одесской газеты «Правда», которое было напечатано в этой газете тотчас же по получении его из Парижа, против воли Тургенева, и получило неприятную для него слишком широкую огласку [91]. Письмо это заключало в себе ответственные по своей комплиментарности отзывы Тургенева о газете, в которой его приглашали сотрудничать, и вместе с тем отказ от этого сотрудничества под предлогом, что он «совершенно оставил литературные занятия». «Я положил перо,— писал Тургенев,— и уж больше за него не возьмусь». Публикуя это письмо, газета сопроводила его заметкой «от редакции», в которой пояснялось, что письмо прислано было Тургеневым в ответ на напоминание об обещанных им, но не присланных статьях: «Но, к величайшему сожалению, ответ этот такого свойства, от которого невольно станет тяжело на душе каждого почитателя таланта Ивана Сергеевича». Несмотря на почтительную форму редакционного разъяснения, обнародование этого письма полностью сильно раздосадовало Тургенева. «Я, конечно, не ожидал такой бесцеремонности от редакции „Правды“ — хотя следовало бы привыкнуть к такого рода проделкам»,— с возмущением писем он М. М. Стасюлевичу 28 февраля (12 марта) 1878 г., хотя, по существу говоря, был прав лишь отчасти; конечно, заявление его об отказе от литературной деятельности было преждевременным, слишком поспешным, недостаточно продуманным и обоснованным; для оправдания перед редактором газеты уместнее было привести какой угодно другой, менее ответственный предлог; после же обнародования этого письма, да еще с сопровождавшими его сожалениями, Тургеневу, действительно, оставалось «положить перо». Поэтому он пустился даже на хитрость: «А статья о Пушкине? скажете Вы,— писал он Стасюлевичу в том же письме.— Она — точно — явится с моим именем; но я ее пишу с задней мыслью: под последней строкой будет стоять: 1877-й год. Так что и „Правда“ будет сыта — и „Вестник Европы“ — цел».

Таким образом, силою обстоятельств даже сугубо личные письма Тургенева могли порою приобретать значение «открытых» пуб-

---

[90] Новое время, 1877, № 432.

[91] Правда, 1878, № 42, 19 февраля; отрывок перепечатан также в газете «Голос», 1878, № 55, 24 февраля.

личных заявлений, и тогда границы между ними стирались [92]. Может быть, не всегда учитывал это и он сам. В самом деле, известность писателя в последние годы его жизни была настолько широка, что каждое его слово ловилось на лету, вызывало к себе пристальное, настороженное, но далеко не всегда бескорыстное внимание. Некоторые письма Тургенева, из числа тех, которые не могли быть обнародованы, ходили в списках по рукам [93]. Известны были также случаи неосторожного разглашения отзывов и характеристик Тургенева, заимствованных из его частных писем и не предназначенных для широкого круга собеседников; отличаясь меткостью или даже острой сатирической интонацией, отзывы эти могли повлечь за собою нежелательные последствия; поэтому разглашение их вызывало энергичные протесты писателя. Об одном из таких случаев, когда в Петербурге стали широко известны отрицательные отзывы о французской актрисе С. Бернар, гастролировавшей в России, Тургенев писал В. В. Стасову 9 (21) января 1882 г., «Мнение мое о статьях г. Суворина по поводу Сарры Бернар я высказал в частном письме к Григоровичу — и, конечно, не мог ожидать, что оно станет публично известным; сожалею об этом. Но я не привык отказываться от своих мнений, даже тогда, когда, высказанные в дружеской, частной беседе, они, против моей воли, становятся гласными». П. Н. Полевой, вскоре после смерти Тургенева, также засвидетельствовал: «Тот, кому известно, до какой степени сильно развита сплетня в наших столичных литературных кружках, поймет, конечно, что каждое слово Тургенева доходило по адресу, разносимое его услужливыми друзьями или теми людьми, которые сами присваивали себе это почетное наименование. Живые связи с людьми

---

[92] Поэтому издатели сочинений Тургенева постоянно оказывались в затруднении, к какой категории его писаний следует относить те или иные из названных выше «писем».

[93] Л. Н. Майков свидетельствует, что еще при жизни Тургенева ему удалось раздобыть копии нескольких документов, относящихся к столкновениям Гончарова с Тургеневым, в том числе письмо Тургенева к Гончарову от 28 марта 1869 г. (Майков Л. Н. Ссора между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым.— Русская старина, 1900, январь, с. 6—7). В копиях ходили по рукам эпистолярные документы, относящиеся к другой знаменитой ссоре,— между Тургеневым и Достоевским, доставленные в конце 1867 г. П. И. Бартеневу (ср.: Русский архив, 1884, № 3, с. 238, и 1902, кн. III, № 9, с. 144—149). Переписывались также и обращались в публике письма к Тургеневу, например «приторно-жеманное послание» Аполлона Майкова,— по определению Е. Я. Колбасина,— призывавшее Тургенева бросить Париж и вернуться в Россию (Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого. Переписка Н. В. Шелгунова с женой. СПб., 1901, с. 80—82; Тургенев и круг «Современника», с. 344—346).

прерывались вследствие почти постоянного пребывания Тургенева за границей, а суровые отзывы его делали свое дело»[94].

Периодические публикации писем Тургенева начались после его смерти. Уже в 1883 г., под свежим впечатлением утраты, в многочисленных статьях о нем, появлявшихся в русской и заграничной печати, в некрологах и воспоминаниях напечатано было довольно много писем Тургенева, нередко снабженных пояснениями самих адресатов. Конечно, эти первые публикации были еще очень случайны и, более того, иногда прямо преднамеренны; иные из них как бы принуждали мертвого писателя отзываться из могилы на мелкие дела живых, вмешивали его в еще не закончившуюся полемику по различным злободневным вопросам литературной и общественной жизни. Некоторые из первых публикаторов писем Тургенева преследовали просто тщеславные цели, торопясь засвидетельствовать публично «короткость» своего знакомства с знаменитым писателем или выдавая известную всем исправность и аккуратность его как корреспондента за действительное сочувствие или интерес к их собственным делам. Бо́льшая часть писем этого рода представляла для современников незначительный интерес, поэтому появление их в печати вызывало порой довольно резкие критические отклики; некоторые письма, напротив, имели животрепещущее значение и привлекали всеобщее любопытство (таковы были, например, распорядительные письма Тургенева к издателям его сочинений или завещательные распоряжения) или же представляли собой ценные документы литературного прошлого (к их числу относится, например, появившееся в ноябрьской книжке «Русской старины» 1883 г. письмо Тургенева к Т. Н. Грановскому от 4(16) июля 1840 г.). Письма Тургенева стали появляться одновременно как в русской, так и в иностранной печати. Так, в год смерти Тургенева было опубликовано несколько писем его к французским писателям, в частности к А. Доде[95]; тогда же отрывок из его письма конца 60-х годов с очень интересной оценкой творчества Лессинга появился в немецком журнале[96]; в немецких же газетах опубликованы были письма Тургенева «к одному из германских литераторов, с которым покойный И. С. был в близких приятельских отношениях в продолжение тридцати лет» (т. е. к Л. Пичу); они тотчас же перепечатаны были и в «Живописном обозрении» (1844, №№ 27, 29, 30, 31, 32) — «в самом точном переводе».

---

[94] Живописное обозрение, 1844, № 47, с. 322.
[95] Новое время, 1883, № 2755.
[96] Caro J. Ein Brief Turgenieff's über Lessing.— Deutsche Revue über das gesammte Nationale Leben der Gegenwart, hrsg. von Rich. Fleischer. Breslau; Berlin, 1883, Bd. IV, S. 225—226.

Все эти ранние публикации, при всей их разнокачественности, во всяком случае, свидетельствовали, что многочисленные письма Тургенева береглись их владельцами, уже в те годы собирались для коллекций автографов, становились даже предметами купли-продажи [97]: с конца 80-х годов письма Тургенева начинают мелькать в аукционных каталогах как русских, так и особенно западноевропейских антиквариатов [98].

В первые годы после смерти Тургенева в России заметно повысился интерес к его личности, к истории его жизни, к его широким общественным и литературным связям, но прежде всего, конечно, ко всему, что вышло из-под его пера и оставалось еще недоступным читателям. Естественно, что в это время среди петербургских литераторов, связанных с Тургеневым личным знакомством, возникла мысль издать его письма отдельной книгой. На заседании комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, состоявшемся 2 сентября 1883 г.,— первом после смерти Тургенева — постановлено было «учредить в его память неприкосновенный его имени капитал, для выдачи на проценты с этого капитала вспомоществований; одним же из средств для составления фонда предположено издание его переписки, под общей редакцией председателя общества В. П. Гаевского». Вскоре это издание было осуществлено, однако с немалыми затруднениями и осложнениями внешнего и внутреннего характера.

В. П. Гаевский знал Тургенева лично, встречался с ним в России и за границей и находился в приятельских отношениях со мно-

---

[97] Четыре письма Тургенева к его дяде Н. Н. Тургеневу хранились в собрании автографов Г. Л. Кравцова и были предоставлены для издания В. П. Гаевскому в 1883 г. (Первое собрание писем, с. 7, № 3, 5, 8, 39; Венгеров С. А. Из альбома Г. Л. и А. П. Кравцовых.— Привет. Художественно-научно-литературный сборник. СПб., 1898, с. 217). В дневнике Гаевского есть такая запись от 31 октября 1883 г.: «Заезжал к Стасюлевичу и встретил там Гинцбурга, который купил за 500 руб. 33 письма Тургенева к Е. Я. Колбасину. Последний предлагал продать их „Вестнику Европы“, но Стасюлевич отказался. Продавать дружеские письма — это что-то гадкое, на которое может пойти человек или очень голодный или совсем продажный» (Красный архив, 1940, № 3 (100), с. 236). Как видно из предисловия к «Первому собранию писем», Г. О. Гинцбург купил 40 писем Тургенева к братьям Е. Я. и Д. Я. Колбасиным.

[98] Lettres autographes composant la collection de M. Alfred Bovet décrites par Etienne Charavay. Paris, 1887. Здесь под № 1324 значится письмо И. С. Тургенева на французском языке к неизвестному лицу, датированное 12 мая 1857 г. С этих пор письма Тургенева из заграничных коллекций автографов стали часто попадаться в антикварных каталогах Франции, Англии и Германии. Некоторые из этих писем остаются неизвестными и поныне.

гими его друзьями и корреспондентами. В бумагах Гаевского, а также в его дневнике за 1883 г. есть много записей, позволяющих составить себе представление о сложном процессе подготовки этого издания к печати. Собирание писем Тургенева Гаевский начал по свежим следам, еще до того, как тело покойного писателя прибыло в Петербург и состоялось самое погребение. Сохранился листок, очевидно относящийся к этому времени, на котором рукою Гаевского написано: «Письма Тургенева к:». За этим следует предварительный перечень вероятных корреспондентов Тургенева, столбиком, а сбоку от него стоит отметка: «Спросить у этих лиц» [99]. В результате личных бесед и переписки Гаевского список этот быстро пополнился. Иные из тех, к кому он обратился с просьбой о содействии предпринятому делу, быстро откликнулись на его просьбу, другие — дали уклончивый ответ или отвечали отказом. Уже 11 сентября 1883 г. Гаевский отметил в своем дневнике: «Заходил к Я. П. Полонскому, от которого получил более 150 писем к нему Тургенева для издания их, в числе других, в пользу Литературного фонда, и сегодня же вечером принялся разбирать их» [100]. Обращение к Полонскому было вполне естественным: близость его к Тургеневу была хорошо известна в Петербурге. Когда А. С. Суворин в одной из статей, вызванных смертью Тургенева, упомянул Я. П. Полонского как одного из долголетних свидетелей жизни покойного, Полонский тотчас же откликнулся письмом к Суворину (от 3 сентября 1883 г.), в котором с благодарностью подтверждал это: «Вы правы — Тургенев с лишком 30 лет был в самых близких дружеских сношениях со мной — одних писем его у меня наберется на целые томы... В руках моих значительный материал для биографии Ивана Сергеевича и для уяснения этой в высшей степени замечательной личности» [101]. Полонский широко разгласил также, что его жене Тургенев обещал предоставить накопившиеся у него письма разных лиц — для просмотра и отбора, одни для хранения, другие для уничтожения [102]. Письмами Тургенева к нему и к его жене, Жозефи-

[99] Этот листок хранится среди других рукописных материалов Гаевского по подготовке к изданию писем Тургенева в Институте русской литературы (Р. II, оп. 3, № 30). В перечне стоят фамилии 15 лиц; самая последовательность их расположения потверждает совершенно предварительный характер списка (Виардо, Рольстон, Анненков, В. Я. Карташевская, Савина, Стасюлевич, Фет, Гаршин, В. Стасов, Маркевич, В. Боткин, Катков, Евг. Тур, Л. Толстой, Головнин).

[100] Из дневника В. П. Гаевского.— Красный архив, 1940, № 3 (100), с. 230.

[101] Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927, с. 139.

[102] Письма Тургенева к Ж. А. Полонской это действительно подтверждают; в сентябре 1881 г. он писал ей из Буживаля: «Я еще

не Антоновне, Полонский особенно дорожил и, несомненно, хранил их в порядке, чем и объясняется столь быстрое получение их Гаевским. Через несколько дней письма Тургенева доставил Гаевскому Д. В. Григорович. Обращался Гаевский также к М. В. Белинской, вдове великого критика, которая сообщила ему, что писем Тургенева к Белинскому было «очень немного, потому что во все время знакомства они жили в одном месте и виделись ежедневно, с 1843 по 1847 г. в Петербурге, а весной и летом 1847 г. за границей. Все письма к Белинскому и его бумаги она во время издания его сочинений передала Николаю Христофоровичу Кетчеру, который до сих пор не возвратил их, несмотря на неоднократные напоминания» [103]. Под 3 ноября находим новую запись: «Получил письмо от Фета ⟨...⟩ Он пишет, что готов доставить письма Тургенева, но не ранее апреля, так как они у него в деревне»; и на следующий день — такое свидетельство: «В. Стасов писал Карташевской о доставлении писем Тургенева, которых у него около ста. Она сначала согласилась, но, просмотревши письма, отказалась» [104]. Адресовался Гаевский даже к М. Н. Каткову. То, что он сделал это не без внутренних затруднений и колебаний, исключительно ради полноты задуманного издания, подтверждает дошедший до нас черновик его письма к Каткову (1883 г.), сильно измаранный, в котором, однако, читаются следующие строки: «Несмотря на долгие годы, в течение которых мы не встречались, не поколеблюсь просить вашего содействия в одном деле. По поручению лит. фонда и в его пользу, я издаю переписку Т⟨ургенева⟩ и не считаю себя вправе не обратиться к вам с покорнейшею просьбою сообщить для этого издания, если признаете возможным, его письма. Переписка должна представить большой ли-

---

не приступил к разбору моих писем, но слово свое сдержу»; в другом письме: «... подтверждаю сделанное мною обещание, и, отправляясь в Петербург... повезу с собою разные бумаги и письма, которые оставлю вам,— иные для хранения,— другие для уничтожения после моей смерти». Однако в следующем году Тургенев изменил свое решение вследствие размолвки, происшедшей у него с Полонским, после того как Ж. А. Полонская взяла в Спасском, без особого разрешения Тургенева, пачку его писем. Право распоряжаться своей корреспонденцией Тургенев передал тогда П. В. Анненкову (Звенья. М., 1950. Т. VIII, с. 227, 251—252, 256). Подробно вся эта история рассказана в дневнике Е. А. Штакеншнейдер (запись от 12 сентября 1885 г.) со слов Полонского, просматривавшего хранившиеся у нее письма Тургенева к нему (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки 1854—1886. М., Л., 1934, с. 443—446. Ср. Утевский Л. С. Смерть Тургенева. Пб., 1923, с. 15).

[103] Из дневника В. П. Гаевского.— Красный архив, 1940, № 3 (100), с. 232.

[104] Там же, с. 236. Отрывки из этих писем к В. Я. Карташевской увидели свет лишь в 1919 г. (Голос минувшего, 1919, № 1—4).

тературный интерес. Если это предположение справедливо, было бы жаль оставлять их неизданными. С другой стороны, вследствие прежних приязненных, а впоследствии враждебных отношений ⟨с Тургеневым⟩, Вы могли бы затрудниться, по чувству деликатности, печатать письма Т⟨ургенева⟩»[105]. Поэтому Гаевский предлагал напечатать письма Тургенева самому Каткову, в его собственных изданиях, полагая, очевидно, что затем их можно будет перепечатать: «Появление их на неутральной почве, независимо от благотворительной цели издания, представляется удобным». Мы не знаем, какой отклик последовал со стороны Каткова на это осторожное и тактично обоснованное предложение Гаевского, но в «Первом собрании» письма Тургенева к Каткову не появились.

Слухи о подготовляемом издании попадали и в печать, порождая иногда неприятные казусы. В. П. Гаевский еще в октябре того же года отметил, например, что, как это явствует из московской корреспонденции газеты «Новое время», он якобы вскоре «будет читать в Обществе любителей российской словесности письма Тургенева к Савиной». «Между тем,— записывал Гаевский 8 октября,— Савина, которую я сегодня видел в заседании и которая вовсе не расположена давать писем к ней, вероятно, имеющих слишком интимный характер, очень удивлена этим известием. Действительно, распоряжаться людьми, не спросивши их, и оповещать об этом Европу,— по меньшей мере бестактно»[106].

Получил Гаевский также несколько писем из-за границы, в частности письмо от В. Р. Рольстона, содержание которого следующим образом отразил в своем дневнике: «...сообщает, что поручил своему другу и другу Тургенева — Онегину разобрать письма Тургенева и прислать ко мне те, которые он признает заслуживающими издания»[107]. Под 14 октября Гаевский сделал и такую запись: «Сегодня получил письмо от Полины Виардо, которая обещает по возвращении в город выбрать из своей корреспонденции с Тургеневым несколько его писем»[108].

Год спустя, когда подготовка к изданию писем Тургенева уже завершалась, Гаевский, подводя итог затраченным на это усилиям,

---

[105] *ИРЛИ*, Р. II, оп. 3, № 30.

[106] Из дневника В. П. Гаевского.— Красный архив, 1940, № 3 (100), с. 235.

[107] Там же, с. 234. В архиве Гаевского, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, сохранилось два письма Рольстона к Гаевскому относительно писем Тургенева (от 24 сентября и 6 октября 1883 г.) вместе со многими материалами, относящимися к подготовке писем Тургенева к изданию. О том, как Рольстон отбирал письма Тургенева для А. Ф. Отто-Онегина по просьбе Гаевского, см.: Литературный архив. М.; Л., 1951. Т. 3, с. 366.

[108] Там же, с. 235.

должен был признать, что надежды его далеко не оправдались. М. М. Стасюлевичу, принимавшему близкое участие в отыскании и отборе писем Тургенева, В. П. Гаевский писал 6(18) августа 1884 г., что письма эти расположены в хронологическом порядке и подготовлены к печати: «Собрание их увеличилось письмами: к Грановскому (1840 г.), с которого начинается переписка, к покойному государю со съезжей (1852 г.) и к Н. А. Милютину и его жене (1867—1875). Письма эти напечатаны в „Русской старине", и я забыл отдать их в переписку. Из 30 писем к Милютиным я полагаю перепечатать только 20; остальные же 10 слишком бессодержательны и потому для нашего издания непригодны. Кроме того, есть неизданные письма: 3 к Пыпину, 1 к Глазунову и 1 к Топорову» [109].

Многие первоначально обещанные письма адресатами доставлены не были. Ни одного письма не было получено из-за границы. Особенно Гаевский надеялся на то, что с помощью М. М. Стасюлевича и Анненкова он еще сможет раздобыть хоть несколько писем из обширной переписки Тургенева с П. Виардо. «Переписка с Виардо была бы весьма важным приобретением для нашего издания и вознаградила бы за ту скуку, которую нагонит на читателя масса писем к Полонским,— сообщал Гаевский Стасюлевичу в том же письме.— Я не опасаюсь того, что наше издание даст врагам Тургенева повод издеваться над ним: поводы всегда найдутся и без писем; но опасаюсь нареканий, что мы печатаем письма, не имеющие отношения к его общественной деятельности, или бессодержательные. Я выбросил уже несколько десятков писем, и попросил бы Вас еще раз просмотреть наше издание в этом отношении, тем более, что томик выходит довольно объемист» [110].

П. В. Анненков, просмотревший всю собранную к тому времени коллекцию писем и сам принимавший участие в ее пополнении, придерживался того же мнения. Ему казалось, что «переписка Тургенева ⟨...⟩ напоминает некоторые обстоятельства его жизни — это ее единственная заслуга — но света на его личность проливает мало. Она вся состоит из поручений, да из таких приговоров о людях, которые, хотя и понятны в его положении, но в публику и в печать не годятся». «Не понимаю, что будет читать Гаевский в Москве из его переписки. Теперь оказывается, что серьезной корреспонден-

---

[109] М. М. Стасюлевич и его современники. СПб., 1912. Т. III, с. 636.

[110] Там же.— В упоминавшейся выше небольшой папке бумаг Гаевского с материалами по изданию «Первого собрания» (*ИРЛИ*, Р. II, оп. 3, № 30) сохранился переписанный писарской рукой перечень: «Письма Тургенева, врученные 18 июня 1884 г. М. М. Стасюлевичу для напечатания»; от другого перечня («Ненапечатанные и пока не подлежащие печатанию письма Тургенева»), к сожалению, уцелел лишь заголовок.

ции с русскими друзьями покойник предавался редко. Он гораздо более говорил с ними по душе, чем писал искренно»[111]. Посланные ему Стасюлевичем два письма Тургенева к В. Н. Житовой и письмо его к матери Анненков также признал не подходящими для печати: «Все это довольно незначительно и мало пригодно для какой бы то ни было характеристики покойного»[112].

Особенно много хлопот доставили издателям попытки получить для печати копии писем Тургенева к виднейшим русским писателям. Этими письмами интересовались прежде всего потому, что надеялись встретить здесь содержательные, ответственные суждения Тургенева по важнейшим литературным и общественным вопросам, а также его критические отзывы о произведениях его корреспондентов. Известную роль в настойчивых поисках документальных материалов этого рода играло и то обстоятельство, что о столкновениях, горячих спорах и враждебных взаимоотношениях Тургенева со многими русскими писателями в обществе ходили разнообразные толки и слухи, лишенные всякой достоверности: в переписке его стремились найти отгадку тех сложных причин, которые привели Тургенева к разрыву с ними, справедливо предполагая, что эти причины далеко выходили за пределы недоразумений личного характера.

Не без труда удалось, например, раздобыть восемь писем Тургенева к Достоевскому, однако все они относились ко времени их знакомства, задолго предшествовавшему ссоре, а одно из них представляло лишь официальную рекомендацию. Письма эти предоставлены были для издания вдовой писателя, А. Г. Достоевской. Об этом сообщил уже О. Миллер в статье «Несколько слов о взаимных отношениях Достоевского и Тургенева», напечатанной в «Неделе» (1884, № 8). Он писал здесь: «По поводу „Отцов и детей“ у Тургенева с Достоевским завязалась переписка, из которой видно, что тогдашние их отношения были самые дружественные. Относящиеся сюда письма переданы были А. Г. Достоевскою взявшему за себя издание Тургеневских писем В. П. Гаевскому». К этому сообщению О. Миллер сделал и следующее примечание: «Желательно, чтобы и письма Достоевского об этом, находящиеся, надо думать, в бумагах Тургенева у г-жи Виардо, были доставлены А. Г. Достоевской для будущего дополненного издания писем ее покойного мужа»[113]. Однако О. Миллеру, по-видимому, осталось неизвестным, что на передачу писем Гаевскому А. Г. Достоевская согласилась лишь после его упорных настояний и что при этом половину хранившихся у нее

[111] Там же, с. 419.
[112] Там же, с. 420.
[113] Миллер О. Русские писатели после Гоголя. Чтения, речи и статьи. Изд. 3-е. СПб., 1887. Ч. 1, с. 383.

писем она тщательно скрыла у себя от посторонних взоров. Все это обнаружилось лишь в конце 1921 г., из ее собственноручной заметки, найденной в ящике с бумагами Достоевского: «По совету К. П. Победоносцева, мне не следовало *никому* давать на просмотр имеющихся у меня писем, а тем более дарить их. Единственное исключение было сделано года два-три спустя; когда после смерти Тургенева стали издавать первое собрание его писем, В. П. Гаевский, председатель литературного фонда, зная, что у меня имеются письма Тургенева к моему мужу, упросил меня дать ему их переписать. Я дала 5 писем, которые и появились в изданной им книге»[114]. А. Г. Достоевская допустила неточность; на самом деле она предоставила не пять, а восемь писем, об остальных же восьми предпочла умолчать; все 16 писем Тургенева, сбереженные ею, найдены были в том же ящике с бумагами Достоевского. Естественно, что любопытство читателей середины 80-х годов, очень интересовавшихся идейной подкладкой и подробностями ссоры Тургенева с Достоевским в 1867 г., о которой случайные данные были разглашены и проникли тогда же в печать, осталось неудовлетворенным. Добавим к этому, что вскоре после смерти Тургенева в печати появились кое-какие сведения о письме его к П. И. Бартеневу, явившемся откликом и вместе с тем отповедью на письмо Достоевского к А. Н. Майкову (в котором действительно было рассказано о столкновении с Тургеневым в Баден-Бадене). А. Н. Майков отдал это письмо «на хранение» П. И. Бартеневу; слухи о нем быстро дошли и до Тургенева, и он тотчас послал об этом запрос Бартеневу (22 декабря 1867 г./3 января 1868 г.); именно об этом письме вновь заговорили в 1888 г. Однако Бартенев печатать его отказался; уточнив некоторые даты, он сообщил лишь, что это письмо Тургенева «про Достоевского» начинается словами: «До сведения моего дошло ...» и оканчивается: «Мне остается просить вас извинить меня, что я решился обратиться к вам, не имея чести быть лично вам знакомым»[115]. К этому письму Тургенева и прочим документам, возникшим вокруг его ссоры с Достоевским, П. И. Бартенев вернулся в своем журнале лишь тридцать пять лет спустя: только тогда это письмо Тургенева было впервые опубликовано в полном виде[116]. Тем не менее существовали копии

---

[114] Из архива Достоевского. Письма русских писателей/Ред. и вступление Н. К. Пиксанова. М.; Пг., 1923, с. 105—106.

[115] Бартенев П. Архивная справка.— Русский архив, 1884, № 3, с. 238 (первоначально эта заметка была напечатана в 1883 г. в «Московских ведомостях» и «Новом времени»); Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка/Под ред. И. С. Зильберштейна. Л., 1928, с. 183—185.

[116] Русский архив, 1902, кн. 3, № 9, с. 144—149; ср.: Русская старина, 1902, кн. 2, с. 330—333.

с него; одна из них еще в 1888 г. поступила в Публичную библиотеку из бумаг Е. П. Ковалевского [117].

Настойчивы были также попытки познакомиться с письмами Тургенева к Л. Н. Толстому: в разыскании их принимала участие целая группа заинтересованных лиц. Так, 19 ноября 1883 г. А. Н. Пыпин обратился с письмом к М. М. Ковалевскому с просьбой о материалах для биографии Тургенева и прежде всего о присылке его писем, потому что «вещи подобного рода у нас еще слишком подвержены опасности исчезновения, от всяких причин, а особенно от неумения их ценить»; при этом Пыпин полагал, что было бы «в высокой степени любопытно», если бы удалось побудить Л. Н. Толстого написать воспоминания о Тургеневе, «потому что их отношения были очень близки»; но «если бы он и сделал это, он, может быть,— даже вероятно,— не стал бы входить в собственно историко-литературные подробности писем Тургенева (предполагаемых мной у него — писем с половины 50-х годов), а эти подробности были бы для меня все-таки чрезвычайно интересны» [118].

В ответном письме к Пыпину (от 11 декабря 1883 г.) М. М. Ковалевский известил: Толстой «выразил полную готовность доставить Вам письма Тургенева к нему. Напишите ему два слова об этом предмете, и он вышлет их Вам в Петербург» [119]. Известно также письмо самого Л. Н. Толстого к Пыпину по этому же поводу (от 10 января 1884 г.), в котором, между прочим, говорится: «Письма Тургенева с удовольствием вам сообщу. Боюсь, что многих не найду. Я очень неряшлив. Около масленицы поеду в деревню, и что разыщу, то пришлю вам. Секретов, т. е. такого, что бы я скрывал от других, у меня нет никаких. И потому делайте из писем, что хотите. Теперь же посылаю *одно письмо*, которое мне здесь передала сестра. Мне кажется, что оно вам будет интересно... У нее, кроме этого письма, должны быть интересные письма» [120]. Обещание это, однако, выполнено не было; поэтому Пыпин обратился еще раз к Толстому через Алексея Веселовского, который и выполнил это поручение. 18 февраля 1884 г. Алексей Веселовский писал Пыпину из Москвы: «Случилось так, что через два-три часа после получения Вашего письма мне пришлось увидеться с Львом Толстым и провести с ним вечер. Я передал ему Ваш вопрос. Он немного сконфу-

[117] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1888 г. СПб., 1891, с. 79.

[118] Из переписки деятелей Академии наук. Л., 1925, с. 35—36.

[119] Там же, с. 81. В приписке к этому письму М. М. Ковалевский сообщал также: «Посылаю Вам немногие уцелевшие у меня письма Тургенева. Пригодятся ли они Вам, не знаю. По миновении надобности Вы их мне возвратите. Есть кое-что личное в них».

[120] Новое о прошлом. Л. Н. Толстой об И. С. Тургеневе.— Современник, 1913, кн. 3, с. 312—313; Тургенев и его время/Под ред. Н. Л. Бродского, с. 5—6.

вился, вспоминая о своей неисправности, но объяснил ее тем, что письма находятся у него в деревенском доме в холодном помещении, куда он по своему нездоровью боится входить. Если Вы желаете иметь последнее письмо Тургенева к Толстому, то оно здесь в Москве, „у моей жены", как выразился Т. Об остальной переписке придется отложить хлопоты до лета, когда растворятся, наконец, двери в таинственную холодную комнату. Такую надежду мне прямо подал Толстой»[121].

В конце концов, однако, хлопоты А. Н. Пыпина увенчались успехом, и в издание Гаевского удалось ввести 16 писем Тургенева к Толстому, включая и то знаменитое предсмертное письмо из Буживаля от конца июня 1883 г., в котором Тургенев просил Толстого — как своего друга и как «великого писателя русской земли» — вернуться к литературной деятельности. Именно этим письмом и заканчивалось «Первое собрание писем».

Стоит отметить здесь же, что в 90-е годы Л. Н. Толстой с интересом перечитывал изданные к тому времени письма Тургенева к разным лицам и выражал свое удовлетворение тем, что они опубликованы. В. Ф. Лазурский рассказывает в своем дневнике (запись от 31 июля 1894 г.), что Толстой в книжках «Вестника Европы» «отыскал письма Тургенева к Аксакову», «очень обрадовался и стал читать вслух. Письма относятся ко второй половине пятидесятых годов. „Мое время",— говорил Лев Николаевич. Он останавливался на объяснении упоминаемых Тургеневым мест и лиц, радовался блестящему изложению, восхищался его критическими замечаниями, по поводу его характеристики современной французской литературы повторял: „Удивительно хорошо!" ... На вопрос Марии Львовны он ответил, что у него („у Сонечки, верно") есть писем десять Тургенева, хороших, длинных»[122].

5

«Первое собрание писем И. С. Тургенева 1840—1883 гг.» вышло в свет в конце октября 1884 г.[123] Редакторы издания отчетливо сознавали его неполноту и недостатки. Всего в этой книге могло быть напечатано лишь 488 писем к 55 лицам. В предисловии отме-

---

[121] Из переписки деятелей Академии наук, с. 71.

[122] Дневник В. Ф. Лазурского.— Литературное наследство. М., 1939. Т. 37—38, с. 476.

[123] Книга вышла в свет 29 октября 1884 г. в количестве 6025 экземпляров. См.: Литературный музеум (Цензурные материалы I отд. IV секции Гос. архивного фонда), с. 407. «Предисловие» к книге помечено 28 октября 1884 г.; тот же год стоит на титульном листе; на обложке — 1885.

чалось, что предлагаемое собрание, «конечно, не исчерпывает громадной переписки Тургенева и составляет, можно сказать, еще весьма небольшую часть всего, писанного им друзьям, знакомым, а иногда и незнакомым ему лицам, из которых далеко не все доставили комитету свою переписку». Существенным недостатком книги было то, что хотя, по словам редакторов, «письма печатались прямо с оригиналов», многие тексты их «были сокращены или доставившими их лицами, или редакциею, в тех местах, которые имеют совершенно интимный характер, или вообще не могли быть признаны пока удобными для печати по близости времени».

Следует, впрочем, отметить, что хотя письма Тургенева напечатаны были в «Первом собрании писем» совершенно неудовлетворительно с точки зрения требований, предъявляемых ныне к публикациям такого рода, многие тексты, вошедшие в это издание, сохранили свое значение до наших дней; они не переиздавались, а так как некоторые из оригиналов теперь утрачены, то эти письма доныне цитируются и воспроизводятся именно по «Первому собранию», являющемуся, таким образом, первоисточником для публикации утраченных писем [124]. С другой стороны, известное значение доныне сохраняют за собой также примечания к письмам, так как они «сделаны большею частью лицами, их доставившими».

«Первое собрание писем» имело большой успех [125] и вызвало много рецензий и откликов в периодической печати. Суждения о книге, однако, оказались весьма разноречивыми; она возбудила много толков и несогласий. Как это и предвидел В. П. Гаевский, наряду с похвалами по адресу издателей сразу же раздались также раздраженные и недовольные голоса. Бо́льшая часть критиков, правда, признавала неоспоримое историческое и литературное значение изданных писем; нашлись, впрочем, и такие рецензенты, которые называли это издание «капитальной бестактностью», «медвежьей услугой» писателю, оскорблением его памяти.

Сочувственная оценка новой книге дана была в большой статье, помещенной в журнале «Новь». Автор ее, скрывшийся под псевдонимом «Л. Долин», свидетельствовал, что «Письма» Тургенева

---

[124] Рукопись «Первого собрания писем» Тургенева, составленная и отредактированная В. П. Гаевским и М. М. Стасюлевичем и служившая для набора, хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (ф. 293, оп. 1, ед. хр. № 1757—1761). В копиях писем, составляющих этот оригинал, имеются многие места, вычеркнутые затем редакцией, что позволяет пополнить тексты, не сохранившиеся в подлинниках. См. статью: Лемке М. Дополнения к «Первому собранию писем» Тургенева.— Книга и революция, 1920, № 3—4.

[125] См.: Юбилейный сборник литературного фонда, 1859—1909. СПб., 1909, с. 33.

«составляют настоящее событие дня, о котором не перестают толковать как в печати, так и в частных, особенно литературных, кружках», и подчеркивал, что это не просто собрание писем видного русского писателя, что среди них находятся образцы русской эпистолярной прозы. «Тургенев владел эпистолярной формой в совершенстве. Кому случалось когда-либо видеть письма Тургенева в подлиннике, тот, конечно, обратил внимание на то, как они гладко, без всяких помарок, написаны von einem Guß — как говорят немцы. Этой внешней легкости вполне соответствует и плавность внутренняя. Письма Тургенева написаны обычным блистательным его слогом, с той только разницей, что в них он с бо́льшей непринужденностью, чем в печати, давал место своему удивительно меткому юмору, который делал такой привлекательной его устную беседу. И если ко всему этому присоединить, что в письмах своих Тургенев касается самых жгучих литературных, а нередко и общественных вопросов, то понятен будет огромный интерес, представляемый вышедшим „«Первым собранием“ его писем». Автор рецензии с горячностью настаивал также на том, что необходимо обнародовать и другие письма Тургенева, по тем или иным причинам не вошедшие в «Первое собрание», и обращался с призывом ко всем, у кого такие письма сохранились: «*Обязанность*,— да, говорим мы не обинуясь,— *обязанность* людей, у которых есть письма Тургенева, поделиться ими с публикою, каким путем, т. е. отдавши литературному фонду или напечатавши в газетах и журналах,— это, конечно, безразлично. Тургенев — один из тех писателей, каждая строчка которых драгоценна»[126]. Нетрудно заметить, что эта интересная статья, отчетливо выделяющаяся из прочей критической литературы о «Первом собрании писем» своей беспристрастной исторической оценкой опубликованных в этой книге документов, несомненно, принадлежала человеку, имевшему в руках подлинные письма Тургенева и слышавшему его «устную беседу». Действительно, под псевдонимом «Л. Долин» скрылся С. А. Венгеров[127], молодой в то время критик, уже обративший на себя внимание статьями и литературными этюдами, помещавшимися им в периодических изданиях (под другим псевдонимом: «Фауст Щигровского уезда»), в особенности же книгой о Тургеневе, вышедшей двумя изданиями (1875, 1877) с подлинным именем автора. Именно эта книга привела С. А. Венгерова сначала к письменному, а затем и к личному знакомству с Тургеневым, к которому он обращался за разъяснениями

---

[126] Долин Л. Первое собрание писем Тургенева.— Новь, 1884, т. I, № 3, с. 492—498.

[127] Поляков А. С. Труды профессора С. А. Венгерова. Библиографический перечень. М., 1961, с. 15 (№ 81).

биографического характера [128]. Любопытно, что в «Первом собрании писем», которое в «Нови» рецензировал Венгеров, помещено было три письма Тургенева к нему самому (под № 188, 204 и 214 от 19 июня 1874 г. и от 24 мая и 10 декабря 1875 г.) и что они напечатаны здесь полностью, без всяких сокращений,— несомненно, с личного согласия адресата,— несмотря даже на то, что последнее из этих писем Тургенева поистине беспощадно к молодому критику и не могло не оставить у него чувства глубокой горечи. Тем более последовательным представляется и обращение Венгерова ко всем адресатам Тургенева с призывом к дальнейшей публикации его писем: сам он, как видим, полностью выполнил этот свой долг.

В том же году появилось и несколько других, вполне сочувственных отзывов о «Первом собрании», в частности в провинциальной прессе [129], отклики же других, более влиятельных и, во всяком случае, более распространенных газет и журналов, были гораздо сдержаннее. Так, например, в рецензии, опубликованной в «Новом времени», отмечалось, что «Первое собрание писем Тургенева заключает не более четвертой части его обширной переписки»; поэтому высказывалось пожелание, «чтобы обнародование дальнейшего материала тургеневских писем не затягивалось в долгий ящик», но с той лишь оговоркой, «чтобы этот материал при издании редактировался более осторожно и выбор отличался большей взыскательностью» [130]. Дальнейшие возражения рецензентов шли именно

---

[128] Венгеров С. А. Четыре встречи с И. С. Тургеневым.— Бирюч петроградских гос. театров, 1918, № 2, с. 42—45; встречи эти состоялись в Петербурге в 1876 и 1878 гг. О впечатлении, которое произвела на читателей в конце 70-х годов книга Венгерова «И. С. Тургенев», вспоминал С. Ф. Либрович (На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М., 1916, с. 417—420). Ср. выше, с. 82—83.

[129] Арс. Маркевич в своей заметке об этом издании, дающей довольно подробный его пересказ, назвал его «выдающимся явлением в нашей литературе за последнее время» (Русский филологический вестник, 1884, № 4, отд. 2, с. 17—34). В большой рецензии, помещенной в газете «Киевлянин» (1884, № 263, 29 ноября), говорилось: «Изданием писем Тургенева русская литература обогатилась весьма ценным автобиографическим материалом для характеристики личности нашего знаменитого писателя, а русское общество приобрело как бы новое художественное произведение, в котором каждый найдет для себя много поучительного».

[130] Новое время, 1884, № 3140, 23 ноября (автором статьи был В. П. Буренин). Укажем здесь же и остальные газетные статьи о «Первом собрании»: Меч Вл. [В. О. Михневич]. Литературное событие.— Новости и биржевая газета, 1884, № 317, 16 ноября; Оса [Н. А. Баталин]. Дневник писателя. Письма И. С. Тургенева.— Минута, 1884, № 295, 9 ноября; Ключ к письмам И. С. Тургенева.— Саратовский дневник, 1884, № 276, 20 декабря; Минаев Дм. Чем хата богата. Общественные и литературные заметки.

в этом направлении: их не удовлетворял ни выбор писем, ни принципы их издания. Так, например, П. Н. Полевой в большой статье, посвященной «Первому собранию», объявлял, что, листая томик писем Тургенева, он положительно не мог решить, «чему следует более удивляться: бестактности общества, издавшего письма, или наивности тех лиц, которые решились сообщить писанные к ним эпистолы?». «Трудно себе представить,— писал он далее,— более неуклюжую, более медвежью услугу, нежели та, которую оказали памяти Тургенева его друзья, вновь возбуждая над его едва закрывшеюся могилою все перекоры и всю вражду, которые еще так недавно стихли над прахом почившего писателя». По убеждению критика, собрание писем Тургенева должно было бы явиться в свет «не ближе как лет через 15—20»; теперь уже оно производит странное впечатление, потому что «многие из друзей и приятелей покойного И. С. Тургенева гораздо лучше обрисовываются в написанных к ним письмах, нежели сам автор их, Тургенев». П. Н. Полевой полагал также, что в книге «много балласта», что в нее «внесено много писем, не имеющих ни малейшего значения», и что, наконец, в тексте целого ряда писем напрасно оставлены места, «неудобные и по близости времени», и «по интимному характеру»; «все же многоточия совершенно прозрачны и не оставляют никакого сомнения насчет своего содержания» [131].

Статья эта обратила на себя внимание и широко обсуждалась читателями, в особенности потому, что на аналогичную точку зрения встали и некоторые другие органы русской печати. Сходные мысли высказывал, в частности, такой влиятельный и распространенный журнал, как «Русская мысль», в котором также появилась рецензия на «Первое собрание писем» Тургенева, написанная Виктором Михайловским [132]. Книга в целом вызвала его сочувственную

Скандальная книга. Издание тургеневских приятелей. Отношение Тургенева к близким людям и современным писателям.— Одесский листок, 1884, № 264, 29 ноября; Я н у с. Еще о Тургеневских письмах.— Новороссийский телеграф, 1884, № 2940, 13 декабря.

[131] П о л е в о й П. Капитальная бестактность. (По поводу собрания писем И. С. Тургенева).— Живописное обозрение, 1884, № 46, с. 305—307. Необходимо отметить, что П. Н. Полевой и сам находился в сношениях с Тургеневым; в 1877 г. он обратился к нему с просьбой прислать автобиографию для своей «Истории русской литературы», что Тургенев и исполнил; письмо к нему Тургенева от 17 октября 1877 г. (в хорошем факсимильном воспроизведении) П. Полевой напечатал в издававшемся им «Живописном обозрении» еще в 1883 г. (№ 39, с. 193), и оно вошло в «Первое собрание писем» (№ 261).

[132] Русская мысль, 1884, кн. 12, Библиографический отдел, с. 39—40; в той же книжке журнала (с. 5). помещен также написанный В. Михайловским довольно резкий отзыв о письмах Тургенева к М. А. и Н. А. Милютиным, опубликованных в январской книжке

оценку; он даже высказывал пожелание, чтобы в дальнейшем редакция «ускорила ознакомление с драгоценным материалом, поступающим в ее распоряжение», и чтобы последующие сборники писем Тургенева выпускались чаще, хотя бы и в меньшем объеме. Хотя В. Михайловский и находил, что в «Первое собрание» вошло немало ценных писем Тургенева, содержащих в себе «очень важные критические замечания на все наиболее выдающиеся произведения русских писателей этого времени», «еще более важные разъяснения его собственных произведений, его взглядов на русскую молодежь, на одобрительные и не одобрительные стороны ее стремлений» и т. д., но все же, с его точки зрения, в книгу проскользнул ряд не интересных для публики писем или даже «записок» совершенно «ничтожного» значения. Редакция, писал он, поступает правильно, когда «откидывает все то, что имеет совершенно интимный, семейный характер и целые письма того же рода, только мало откидывает, на наш взгляд». Исходя из литературных обстоятельств своего времени и имея в виду то и дело упоминающихся в письмах покойного писателя еще живых людей, их интересы и связывающие их житейские отношения, В. Михайловский внушал, в сущности, ту же мысль, что и П. Полевой,— о несвоевременности издания подобных документальных материалов, оставшихся от недавно умерших писателей, или о необходимости делать самый строгий отбор; ему не нравилась, в частности, по тем же основаниям, допущенная редакторами «Первого собрания» «слишком частая, иногда неудачная и ненужная замена фамилий буквами, которые в большинстве то ничего не скрывают, то сбивают с толку», «а так как имена заменены буквами при отзывах резких и, главным образом, о людях, враждебных Тургеневу, полные же имена оставлены там, где речь идет о лицах, которым он сочувствовал, хотя в суждениях своих, несколько более мягких, тоже не щадил, или, по крайней мере, прямо в лицо». Можно упомянуть здесь еще довольно желчный фельетон о «Первом собрании писем» П. Д. Боборыкина, в отзывах которого о Тургеневе и его друзьях проглядывает уязвленное самолюбие автора и затаенная личная обида [133], статью Ф. Булгакова «Литературная не-

---

«Русской старины»; рецензент и здесь осуждает «погоню за лоскутами бумаги, исписанной рукой знаменитости» и стремится доказать, что «преувеличение уважения... к памяти покойника легко может переходить в ее профанацию»; по его мнению, из 30 писем и записок Тургенева к Милютиным «три-четыре письма могут дать кое-что, очень, очень немногое. Напечатание же остальных мы можем приравнять к тому, если бы вздумалось обладателю клочка волос Тургенева опубликовать фотографию этого драгоценного сувенира».

[133] Боборыкин П. Папеньки-маменьки.— Новости и биржевая газета, 1884, № 315, 14(26) ноября.

разборчивость», где высказана досада на комитет Литературного фонда, пожелавшего будто бы показать читателям Тургенева в «правдивом неглиже»; критик настаивал на том, что пользоваться частными письмами писателей необходимо «отнюдь не в угоду каким-либо личным своим видам и кружковым распрям», что обязанностью редакторов подобных изданий является «деликатно обращаться с мыслями и чувствами покойного 〈...〉 иначе многие из писем потеряют значение исторических документов и сделаются просто орудием пасквиля в руках любителя скандалезности» [134] и т. д.

Раздавались, впрочем, и примирительные голоса, призывавшие к более спокойным и обдуманным суждениям. Так, Д. В. Аверкиев, приступавший к изданию своего периодического «Дневника писателя», в первом же январском выпуске этого своеобразного журнала за 1885 г. объявил, что он намерен «побеседовать... о письмах Тургенева на иной лад, чем принятый в обычных суждениях о них», и вскоре выполнил свое намерение: четыре статьи, в которых он пытался «уяснить, при помощи писем покойного романиста, его истинное значение в ряду других так называемых писателей сороковых годов», печатались в его «Дневнике» в течение большей части этого года [135]. О самой же полемике, вызванной «Первым собранием писем», он отозвался как о бесплодной и бесцельной. «Письма Тургенева вызвали сенсацию в журналистике, впрочем, столь же поверхностную, преходящую, как сама ежедневная пресса. Всякий выхватил из них, что́ ему было на руку, и, потренькав на излюбленной струнке, почел свое дело оконченным. Одни с радостью и не без изумления открыли, что и Тургенев умел сказать порой крутое и резкое слово... Другие выписали тургеневские резкости ради подтверждения собственного мнения о том или ином писателе. Многие находили, что издание „Писем“ Тургенева вообще преждевременно; отчасти это, конечно, справедливо, но не исключительно в данном случае, а относительно всех подобных изданий. Тургенева даже упрекали в двоедушии, в том, что он иначе отзывался в глаза, чем за глаза. Смеем думать, что Тургенев был виновен в таком недостатке настолько же, насколько повинно в нем и остальное человечество... Издатели „Писем“ получили свою долю хулы. Их упрекали в том, что они поместили резкие отзывы об одних и скрыли таковые о других. Издатели могли бы на то ответить, что они обнародовали пока только „первое собрание писем“, как значится на обертке. Притом, замечу от себя, есть не малое число либеральных авторитетов, которые только тем и держатся, что простецы думают, будто Турге-

---

134 Исторический вестник, 1885, № 1, с. 139.

135 Аверкиев Д. В. Дневник писателя. СПб., 1885, вып. I, с. 6—7; вып. II, с. 62—67; вып. V, с. 159—164; вып. VI, с. 179—196; вып. VII—VIII, с. 262—273.

нев был о них высокого мнения». Остановившись далее на нескольких, «столь взволновавших многих» неодобрительных отзывах Тургенева о других писателях (Некрасове, Достоевском, А. К. Толстом и др.), встречающихся в только что обнародованных письмах, Д. В. Аверкиев пытался найти им объяснение и прибавлял: «Вообще, нельзя не заметить, что Тургенев был не силен в кулаке; резкость, чем бы она ни вызывалась, была ему не к лицу; отзывы, сделанные им в раздражении, вовсе не метки; они не задевают, а только касаются тех, к кому они относятся» [136].

Отметим также, что в самый разгар полемики в русской периодической печати приводились также мнения о «Письмах» Тургенева зарубежных литераторов, подкреплявшие спорившим теми или другими аргументами. Так, например, газета «Новости» в специальной заметке поместила отзыв о «Первом собрании писем», принадлежащий маститому польскому писателю Юзефу Крашевскому, полагая, что он появился «весьма кстати» ввиду возникших в России разногласий и толков об эпистолярном наследии Тургенева. Ю. Крашевский прислал этот отзыв в письме, направленном из крепости Магдебург в редакцию варшавского «Tygodnik illustrowany». По мнению Крашевского, письма Тургенева, изданные в Петербурге, «чрезвычайно интересны для тех, кто желает ближе познакомиться с ним как с писателем и человеком». «Я читал,— прибавляет Крашевский,— интересный этюд об этой переписке в „Крае" („Kraj"), впрочем далеко не исчерпывающий предмет [137]. Я полагаю, что изданное собрание писем Тургенева не обнимает собою всей переписки, оставшейся после Тургенева, который, может быть, не хотел ее публиковать» [138].

Шум, поднятый в русской печати по поводу «Первого собрания писем», огорчил, прежде всего, несколько преданных друзей Тургенева. Им казалась ненужной и неуместной возникшая полемика, так как они, в частности, хорошо знали, что опубликованные письма вовсе не составляют важнейшей части его эпистолярного наследия. «Что Вам сказать насчет писем? — писала М. Г. Савина к А. Ф. Ко-

---

136 Там же, вып. II, с. 62—67.

137 Статья, озаглавленная «Korespondencja Turgienieva» и опубликованная в журнале «Kraj», 13(20) stycznia, 1885, принадлежит В. Д. Спасовичу (перепечатана в его сочинениях: Włodzimierz Spasowicz. Pisma, t. VI. Petersburg, 1892, s. 221—240). Спасович дает здесь характеристику Тургенева как писателя и человека, снабженную многочисленными цитатами из его писем, опубликованных в «Первом собрании».

138 Новости и биржевая газета, 1885, № 96, 9(22) апреля. О письмах Тургенева к Ю. Крашевскому см.: Mikulski T. Z korespondencji Turgienieva.— Zeszyty Wrocławskie, 1950, Nr. 3—4, s. 85—87.

ни 18 ноября 1884 г.— Я страдала не менее Вас. Ведь мы это предвидели: хотя, впрочем, подобного я не ждала. Сегодня „Театральный мирок“ (есть такая газета) упрекает меня за сокрытие „интересной переписки“ и говорит, что письма „такого лица есть общее достояние“, что имена современников можно заменить инициалами и что я зарываю талант в землю. Воображаете Вы себе, как бы их разобрал Боборыкин? Истинно — бедный Иван Сергеевич!» [139].

Ближайшим следствием этой полемики было то, что дальнейшая публикация писем Тургенева замедлилась и что многие лица, обладавшие неопубликованными письмами его, не вошедшими в «Первое собрание», воздержались от их обнародования и спрятали их еще глубже от посторонних взоров [140]. Но в сущности ближайшие современники Тургенева еще не понимали — да и не могли понять по естественным причинам — значение его писем как документальных литературных источников. Не понимали этого ни В. П. Гаевский, произвольно сокращавший тексты полученных им писем или выбрасывавший их из книги, готовившейся к изданию, целыми пачками, ни даже Анненков, роль которого для истории сохранения и дальнейшей публикации переписки Тургенева должна быть подчеркнута особо.

С Анненковым Тургенев, как известно, находился в долголетней переписке. Из огромного количества писем, полученных им от Тургенева, Анненков предоставил для «Первого собрания» только два — от 24 декабря 1864 г. (5 января 1865 г.) и от 1(13) мая 1882 г. и сделал это по понятным причинам: первое служило опровержением сведений о дочери Тургенева, сообщенных в «Воспоминаниях» Н. В. Берга; второе, уже и ранее опубликованное в «Русской старине», 1883 г., представляло собою нечто вроде литературного завещания. «Все, что отыщется после меня в моих бумагах, как-то: начатые романы, повести, неконченные и недоделанные, рассказы — а равно и мои личные записки и корреспонденцию, также рукописи напечатанных сочинений, предоставляю Вам самим, лю-

139 Тургенев и Савина, с. 93. М. Г. Савина имеет в виду статью «Арабески» в журнале «Театральный мирок», 1884, № 46. См. также статью П. Боборыкина «Папеньки-маменьки».

140 Письма Тургенева к М. Г. Савиной оставались неопубликованными до 1918 г., к В. Я. Карташевской — до 1919 г.; письма его к гр. Е. Е. Ламберт увидели свет лишь в 1915 г., хотя она умерла в том же 1883 г., что и Тургенев. Незадолго до смерти Е. Е. Ламберт передала эти письма А. Д. Свербееву, который принес их в дар Московскому Румянцевскому музею с тем, чтобы они хранились в запечатанном пакете двадцать лет; впоследствии он увеличил срок еще на пять лет. Лишь в сентябре 1914 г. «музей получил возможность исполнить свою обязанность и удовлетворить давним ожиданиям русского образованного общества» (Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. М., 1915, с. X).

безный Павел Васильевич, в полное распоряжение и употребление, смотря по Вашему усмотрению», — писал Тургенев в этом письме.

Хотя это письмо не имело юридической силы, но с ним все же вынуждены были считаться. Именно на этом письме основаны были надежды В. П. Гаевского и М. М. Стасюлевича, что им удастся получить для издания хоть несколько писем Тургенева к П. Виардо [141]; предполагалось также, что Анненков будет допущен к разбору обширной корреспонденции Тургенева, сохранившейся в его бумагах в Париже [142]. П. Виардо предоставила ему это право, о чем Анненков сообщал Стасюлевичу: «Получил письмо от Mme Viardot. Она замечает: „В моем письме („потерянном", по замечанию Анненкова.— *М. А.*) я говорила вам, что если бы Тургенев и не просил вас разобрать его корреспонденцию, то я попросила бы вас об этом, как его самого близкого друга, как самого надежного судью его литературной деятельности"» [143].

Осуществить это удалось только весною 1885 г. В письмах Анненкова к Стасюлевичу находится много весьма любопытных данных о том, как происходил самый процесс разбора корреспонденции Тургенева. Характерно, между прочим, что писем, полученных и сохраненных Тургеневым, оказалось так много, а на просмотр их потребовалось столь продолжительное время, что Анненков не смог справиться с этой работой в кратковременное пребывание свое в Париже и увез с собою большую часть предоставленных ему бумаг в Дрезден, потом в Берлин. Продолжая эту работу, он писал Стасюлевичу: «Я получил там (в Париже) всю корреспонденцию Тургенева, в которой между разным хламом встречаются однако же письма великого значения — между прочим тут множество и Ваших отчетов. Все вместе представляет по объему нечто вроде цепи Юнгфрау или Индейских гор. И все это надо разобрать и прочитать, что я и начал делать, но не одолел еще и четверти, хотя уже послал г-же Виардо целый транспорт прочитанных бумаг Т⟨ургенева⟩ по почте. Удивительно, как покойник сберегал все записочки, тысячи просьб о пособиях, советах, брульоны своих повестей с пометками и поправками своими и проч.». «Г-жа Виардо, — прибавлял Анненков далее, — собирается все просмотренные бумаги бросить в огонь (их держать негде, так как она уже продала свой дом на rue de Douai за 260 тыс. фр.). Не сыщете ли Вы покупщика бумаг в импе-

141 М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, с. 636.

142 Еще в начале января 1885 г. Анненков напоминал Стасюлевичу о необходимости запросить П. Виардо, «когда намерена она назначить мне в Париже день передачи писем Тургенева, на что я уполномочен покойным письменно» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, с. 435).

143 Там же, с. 419.

раторской библиотеке или между частными людьми? Обидно было бы по-деревенски просто жечь то, что нам не нужно, хотя другим, может быть, и пригодилось бы» [144]. Как видно из последующих писем Анненкова, разбор этих бумаг занял у него несколько месяцев, до самого конца 1885 г. 19 июля Анненков писал, что «занят был разбором громадных кипов бумаг из кабинета Тургенева и еще не пришел к концу. Три кипы прочтены и возвращены владелице, а остается еще три» [145]. Просвет наметился только к началу ноября того же года. «Извещаю вас,— писал Анненков 2 ноября,— что дремучий лес переписки Тургенева, в котором я вращался все лето, начинает редеть, показываются кусты, доносятся знакомые голоса и все предвещает близкое появление поляны, а с нею и полного света божьего» [146], и еще через несколько дней: «Кончил, батюшка, разбор переписки Тургенева и вздохнул полной грудью. Думал, что не одолею, а тут новая беда: надо передать, что вычитал в фолиантах всех просителей, которых легион. Представьте, есть и такие, которые рекомендовали ему воспользоваться премией, кажется „Нивы", за лучшую повесть, посидеть дня два-три и полученную премию выдать как пособие просителю. Вы думаете, Тургенев был возмущен наглостью просителя? Нимало. Он отыскал его и облагодетельствовал» [147]. В письме от 12 ноября мы находим своего рода итог проделанной Анненковым работы, то общее впечатление, которое он вынес от чтения множества писем, адресованных Тургеневу: «Я обрел в бумагах г-жи Виардо, ей возвращенных, обильную жатву для внутренней литературной нашей истории, для изображения затей и капризов самого Тургенева, для картины потачки его женским друзьям в их капризах, перенесенных и в литературу, и разных их привередничаний. Я перечитал возы всех этих глупостей, в которых Тургенев постоянно является однако же гуманным европейцем, и отправил целые обозы их обратно, назад в Париж, удержав при себе те, которые почему-либо мне показались интересными» [148].

Данное свидетельство заслуживает внимания. С одной стороны, это характеристика тех эпистолярных материалов из архива Тургенева, которые и доныне находятся в Париже (в Национальной библиотеке) и в значительной части уже опубликованы. Современный исследователь может судить о них беспристрастнее и вернее, чем Анненков, потому что среди этого «ненужного хлама», который он вернул владелице, несмотря на перспективу их сожжения (что, впрочем, П. Виардо не осуществила), оказалось немало ценных ли-

[144] Там же, с. 438.
[145] Там же, с. 441.
[146] Там же, с. 443—444.
[147] Там же, с. 445—446.
[148] Там же, с. 449.

тературных документов, а все они вместе взятые составляют, конечно, ценнейший материал для комментария к письмам самого Тургенева и суждений об их адресатах. С другой стороны,— и это следует подчеркнуть особо,— Анненков «удержал при себе» те письма к Тургеневу, которые показались ему интересными, положив начало тому эпистолярному фонду из бумаг Тургенева, который в конце концов оказался в России и составил документальную основу для целой серии изданий двусторонней переписки Тургенева или писем к нему разных лиц. В числе писем, отобранных Анненковым из парижского архива Тургенева, оказались, прежде всего, его собственные письма к Тургеневу; по-видимому, он изъял их полностью [149]. «Удержал» Анненков также письма к Тургеневу членов семьи Аксаковых, показавшиеся ему важным источником для понимания идейных разногласий Тургенева со славянофилами в 40—50-е годы: эти письма напечатал Л. Н. Майков по оригиналам, предоставленным ему Г. А. Анненковой, вдовою критика [150]. При себе Анненков на всякий случай оставил еще ряд писем к Тургеневу, проливавших свет на историю сложных взаимоотношений или даже драматических столкновений писателя с их авторами, например письма Гончарова. Анненков позаимствовал оттуда несколько цитат для своей статьи «Шесть лет переписки с Тургеневым» (напечатанной еще при жизни Гончарова), где очень кратко рассказано о «литературном недоразумении», происшедшем между Гончаровым и Тургеневым и о последовавшем за этим «третейском суде» (23 марта 1860 г.); полностью письма Гончарова, долго лежавшие в бумагах Анненкова в подлинниках, увидели свет лишь полвека спустя [151]. Таково же происхож-

---

[149] Русское обозрение, 1894, январь, с. 5. Публикация их началась в том же журнале в 1898 г.

[150] Русское обозрение, 1893, август, с. 449. Письма эти вместе с ответными письмами Тургенева были напечататы здесь не полностью; впоследствии опубликовано было еще несколько писем Тургенева к Аксаковым из той же пачки, находившейся у Анненкова (Литературный архив. М.; Л., 1953. Т. 4, с. 188—196).

[151] И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома/Предисловие и примечания Б. М. Энгельгардта. Пб., 1923, с. 9—10. Что же касается писем к Гончарову Тургенева, то они почти полностью были уничтожены самим Гончаровым. Уцелели лишь два письма: 1) от 7(19) апреля 1859 г., то самое, которое Гончаров давал списывать своим знакомым (опубликовано Л. Н. Майковым в «Русской старине», 1900, кн. 1, с. 18—19), и 2) письмо от 14(26) марта 1864 г., случайно забытое Гончаровым в читанной им книге и потом найденное в этой книге у его племянника (опубликовано М. Суперанским в «Вестнике Европы», 1908, кн. 12, с. 460). Кроме того, отрывки из двух писем к нему Тургенева (от 21 июня (3 июля) и 11(23) ноября 1856 г.) Гончаров включил в свою «Необыкновенную историю» с таким примечанием: «Выписываю здесь несколько мест из оставшихся у меня немногих писем Турге-

дение обнаруженных в бумагах Анненкова нескольких писем к Тургеневу А. А. Фета. С одного из них (от 12 января 1875 г.) — последнего, написанного Фетом перед его разрывом с Тургеневым,— Анненков даже снял копию, попавшую к М. М. Стасюлевичу [152]; впоследствии нашелся и подлинник его, а также трех других писем Фета к Тургеневу [153], несомненно взятых Анненковым из того же парижского архива Тургенева. Из бумаг Анненкова, после смерти его вдовы — Г. А. Анненковой (в 1899 г.), хранившихся в разных местах и частично рассеявшихся [154], почерпнуты были для издания также некоторые другие письма к Тургеневу, восходящие к тем же «кипам», которые предоставлены были П. Виардо в 1885 г. для первого просмотра. Нет, однако, сомнения, что многие письма к Тургеневу всевозможных корреспондентов, бывшие у Анненкова в руках и им читанные, впоследствии были утрачены. И сам Анненков, как мы видели, отнесся к ним довольно небрежно, не предвидя, что все они в целом со временем смогут представить значительный исторический интерес; иные из них, вероятно, были растеряны при обратной доставке их в Париж или в последующий период их хранения у П. Виардо и ее наследников.

Еще до поездки в Париж для ознакомления с архивом Тургенева Анненков приступил к работе над циклом статей о Тургеневе, основанных на личных воспоминаниях о нем. Начало положено было очерком «Молодость Тургенева» («Вестник Европы», 1884, кн. 2) [155],

---

нева, где он упоминает о моих романах вскользь. Большую часть писем, после примирения с ним, я сжег. Уцелели случайно только четыре или пять. Не знаю, сохранятся ли они у меня в бюро — и на случай их утраты привожу несколько фраз» (Сборник Российской Публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. II, с. 153—155). Оригиналы этих писем, по-видимому, не сохранились.

[152] М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, с. 478—480; Садовский Б. А. Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916, с. 173—175.

[153] Бухштаб Б. Четыре письма А. А. Фета.— В сб.: Тургенев. Материалы и исследования/Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940, с. 33—45.

[154] О части архива Анненкова, находившейся в Симбирске, и о судьбе хранившихся там писем Тургенева см. в статьях: Столов Ник. 1) Литературные находки в Ульяновске, 1922—1926.— Ульяновский Общественник, 1927, № 7, с. 49—50; 2) К переписке И. С. Тургенева с П. В. Анненковым.— Край Ильича, № 3, Казань, 1928, с. 43—49.

[155] Ему предшествовала известная мемуарная статья Анненкова «Замечательное десятилетие» (Вестник Европы, 1880, кн. 5), вся XXXIV глава которой была в значительной степени посвящена Тургеневу и его дружбе с Белинским. Тургеневу она показалась «просто чудесной»: «... меня он вывернул, как перчатку, показав мне самому все мое сокровенное»,— писал он М. М. Стасюлевичу 7(19) мая 1880 г.

но следующая статья, «Шесть лет переписки с Тургеневым», задержалась и увидела свет лишь год спустя («Вестник Европы», 1885, кн. 3 и 4), потому что в это время им велись переговоры с П. Виардо о рукописном наследии Тургенева. Статья «Шесть лет переписки с Тургеневым» была отдана в печать до того, как в руках Анненкова оказалась основная часть парижского архива Тургенева; он располагал лишь письмами Тургенева к нему самому, которые и составили документальную основу его очерка; он успел включить в него лишь малую часть парижских материалов. Однако эта вторая мемуарная его статья о Тургеневе появилась в печати уже после выхода в свет «Первого собрания писем», в составлении и редактировании которого Анненков также принимал участие; следовательно, он не мог не учесть впечатления, произведенного этой книгой на читателей и критиков, да и сам не считал ее удачной: ему представлялось, что обнародованные письма Тургенева далеко не оправдывают тех надежд, какие на них возлагались. Опытный мемуарист-повествователь, далекий от интересов архивиста-публикатора, Анненков полагал, что издание текста писем Тургенева, не сопровождаемых пояснениями самих адресатов и не подчиненных определенному литературному или критическому заданию, не оправдывает себя и ведет лишь к недоразумениям. По его мнению, письма писателя должны публиковаться не полностью и как бы вставляться в соответствующую им рамку; ошибочно давать их в руки читателя в виде документов самодовлеющего значения, так как этот читатель не в состоянии будет ни оценить их надлежащим образом, ни дополнить их соответствующими фактическими справками для лучшего понимания. Отрицательно отзываясь о некоторых читанных им письмах Тургенева, которые не годятся в печать, потому что хотя и «напоминают некоторые обстоятельства его жизни», но «проливают мало света на его личность», Анненков замечал в письме к М. М. Стасюлевичу: «Придется шарить в собственных воспоминаниях и в них искать настоящего ключа к его образу мыслей» [156]; в другом, более позднем письме (12 ноября 1886 г.), говоря о работе над статьей о переписке Тургенева, Анненков существенной ее стороной считал не столько включенные в нее письма или отрывки из писем, сколько собственные пояснения к ним, на том основании, что пока владельцы подобных эпистолярных документов, «как у нас всегда бывает, не обнаруживали охоты — делиться ими с публикой» [157]. Таким об-

[156] М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, с. 419.

[157] Там же, с. 448—449. По признаниям Анненкова, ни одна из старых его работ не потребовала столько труда, как эта: «Классификация и перебеление писем Тургенева заняли у меня столько времени, что я не ожидал» (там же, с. 432).

разом, Анненков предпочитал сплавлять в единое целое и письма писателя, отобранные для воспроизведения, и собственные воспоминания об их авторе, видоизменяя несколько столь привычный для него мемуарный жанр. Тем не менее в цикле его мемуарных статей о Тургеневе в этом смысле также наблюдается известная эволюция: сначала в них главенствовали собственно воспоминания, рассказ от первого лица; затем письма, включавшиеся в текст повествовательной статьи, становились не дополнительной, иллюстрирующей ее частью, тесно сплетающей отзывы автора этих писем о событиях и людях с суждениями самого мемуариста, но частью важнейшей, органической, как бы сюжетной основой, к которой лишь пристраивались эпизоды, взятые из собственных воспоминаний их публикатора. Так написан мемуарный очерк «Шесть лет переписки с Тургеневым», в который вставлено свыше 30 писем Тургенева 1856—1862 гг., приведенных в больших выдержках или с небольшими сокращениями; комментируются они множеством весьма существенных фактических данных из жизни Тургенева периода его разрыва с «Современником», жизни за границей, начала работы над романом «Отцы и дети». Следующая и последняя работа Анненкова этого цикла, написанная им незадолго до смерти,— «Из переписки с И. С. Тургеневым в 60-х годах» («Вестник Европы», 1887, кн. 1 и 2),— сохраняя важнейшие особенности его предшествующих мемуарно-документальных очерков, уже отходила от них, так как увеличивала документальную часть за счет воспоминаний в собственном смысле: очевидно, Анненков, подавленный грудой рукописных материалов, оказавшихся в его распоряжении, находился теперь у них на поводу; он привел на этот раз и большее количество писем Тургенева, и осторожнее сокращал их. На той же документальной основе, после разбора парижских бумаг, написана была им также статья «К ссоре Тургенева с Толстым», не увидевшая света при жизни не только Анненкова, но и Л. Н. Толстого [158].

Позиция, занятая Анненковым в спорах относительно публикации писем покойных писателей, представляется очень типичной именно для 80-х годов. Издание переписки недавних деятелей без сокращений в то время осуждалось не им одним, что и высказалось вполне явственно в полемике, возникшей по поводу «Первого собрания писем» Тургенева. В известной мере Анненков следовал здесь также и более старой традиции, в частности мнению самого Тургенева. Когда дочь Пушкина, графиня Н. А. Меренберг, предоставила Тургеневу для печати письма своего отца к матери, Тургенев первоначально пришел к заключению, что «эти письма скорее мог-

[158] Там же, с. 449.

ли бы быть предметом биографического „этюда“ — чем поступить голым материалом в литературно-публичный водоворот»; так, по крайней мере, изложил точку зрения Тургенева именно Анненков[159]. Когда же Тургенев все же решился на опубликование этих писем и обнародовал их в «Вестнике Европы», раздались протестующие голоса, тем более, что он, по собственным словам, ограничился «только самыми необходимыми и немногочисленными исключениями»[160].

Упреки Тургеневу раздавались тогда с разных сторон и доходили до него в форме слухов или даже непосредственных угроз. Об одном из таких случаев он сам сообщал М. М. Стасюлевичу (в письме от 25 марта 1878 г.): «Вообразите! Меня какой-то А. В. письменно предуведомил, что сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить меня за издание писем их отца.— Почему же меня, а не родную сестру, разрешившую печатание? Впрочем, я полагаю: это просто сплетня, если не мистификация». Это не помешало Тургеневу через несколько лет опубликовать еще два

---

[159] Там же, с. 78—79.

[160] Подробную характеристику исключений и поправок, допущенных Тургеневым в тексте писем Пушкина, представил В. И. Срезневский (Пушкин и его современники. СПб., 1904. Т. 1, вып. II, с. 12—13) на основании корректуры первой их публикации; характерно, однако, что, по его наблюдению, «в изданный в „Вестнике Европы“ текст писем многие поправки Тургенева не введены и текст представлен в более неприкосновенном виде, чем предлагал Тургенев». И. А. Гончаров в статье «Нарушение воли» (1889) засвидетельствовал, что «о письмах Пушкина, изданных под редакцией Тургенева, поднялся в свое время в обществе дружный ропот против многих писем поэта, очевидно не предназначенных в печать», и объяснял это не проявленным Тургеневым, как редактором их, «недостатком такта и деликатности» или «неуважением к памяти Пушкина»: «...напротив: Тургенев именно и погрешил благодаря страстному поклонению Пушкину». Очень типичным для того времени является также отзыв о письмах Пушкина, опубликованных Тургеневым, принадлежащий Г. Е. Благосветлову (в письме к А. П. Пятковскому от 2 марта 1878 г.): «За что и про что Тургенев взялся рекомендовать и редактировать этот домашний хлам, которому дальше семейного бюро не следовало ходить? Что сбарышничал Стасюлевич, это понятно, но дети-то за что топчут память отца? Ведь эта переписка роняет Пушкина хуже, чем „Записки“ Вигеля — их автора. Да что в ней интересного? Что в ней общественного? Неужели все обеденные меню и записки прачек составляют исторические документы? Пора бы этой пошлости положить конец, вразумив этих дураков, что не всякий же домашний сор имеет право на историческое значение» (Русская старина, 1915, № 3, с. 645). См. также: Измайлов Н. В. Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной.— Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л.: Наука, 1969. Вып. 5, с. 399—416.

письма Пушкина и одно — его отца, Сергея Львовича, извлеченных из архива Н. И. Тургенева [161].

В середине 80-х годов, когда тогдашние исторические журналы «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник» непрерывно печатали документальные материалы, в том числе и эпистолярные, требования предъявлять особую «разборчивость» при их обнародовании слышались отовсюду. В «Русской мысли», например, с многократными и весьма энергичными заявлениями по этому поводу выступал В. Михайловский, не упускавший случая поговорить лишний раз о необходимости строгого отбора при подготовке к печати документов из частных архивов, кстати напомнив тут же мнения иностранных писателей и публицистов, восстававших против «вторжения в частную жизнь знаменитых людей после их смерти», или разбранить тех отечественных литераторов, которые, с его точки зрения, ревниво берегли или предавали гласности любой клочок бумаги, если только на нем имелись строки, начертанные писательским пером. Об этом В. Михайловский говорил и по случаю появления в печати писем Тургенева, и в связи с критико-биографическим очерком С. А. Венгерова о А. Ф. Писемском, в котором автор довольно широко и, по тогдашнему мнению, бесцеремонно и бестактно воспользовался черновиками писем покойного писателя и письмами к нему разных лиц, предоставленными ему вдовой писателя, Е. П. Писемской. «Не касаясь прав вдовы писателя располагать каждым куском бумаги, исписанной рукой умершего мужа, как наследственной литературной собственностью, мы позволим себе заявить некоторое сомнение относительно такового же ее права на письма живых еще лиц, адресованных к ее супругу, какой бы литературно-критический интерес они ни представляли»,— писал В. Михайловский и прибавлял: «Еще бо́льшему сомнению подвергаем мы право литератора пользоваться таким материалом, не заручившись по меньшей мере согласием авторов таких писем на опубликование полностью или отчасти содержания писем и записок, извлеченных из шкафов, ящиков, корзин под столом и мало ли еще откуда» [162]. Признания же А. В. Старчевского («Наблюдатель»,

[161] Вестник Европы, 1880, кн. 12, с. 819—821. О принадлежности этой публикации И. С. Тургеневу см. в заметке М. К. Клемана в сб.: И. С. Тургенев. Материалы и исследования/Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940, с. 14.

[162] Русская мысль, 1884, кн. 11, Библиографический отдел, с. 46. Стоит отметить, что в том «довольно обширном собрании писем разных лиц» к А. Ф. Писемскому, которое было предоставлено в распоряжение С. А. Венгерова, по его словам, оказалось «больше всего (до 30) писем от Ив. Серг. Тургенева, с которым покойный был очень дружен, и от П. В. Анненкова». В своем очерке С. А. Венгеров привел из них несколько выдержек, действительно не всегда удачных, например из весьма интимного письма Тургене-

1884), что он спас из печи связку писем и бумаг О. И. Сенковского вопреки намерению их владельца, побудили В. Михайловского провозгласить еще раз, что «не должно переходить известной границы, отделяющей документы общественного характера и значения от документов частных, интимных, не составляющих и не могущих составлять публичного достояния по весьма многим соображениям... Против опубликования таких-то рваных бумаг, вытащенных из печей и иных мест, не может, по нашему мнению, не возмущаться чувство порядочности и уважения к неприкосновенности переписки как живых лиц, так и умерших. Тут-то именно и возникает вопрос о разборчивости: что подлежит опубликованию и что не подлежит? — Вопрос очень деликатный, щекотливый и, кажется, спорный. Мы думаем, что уважение к умершему и осмотрительность по отношению его безответной личности более обязательны, чем в отношении живого человека, могущего возражать, защищаться, объяснять, словом, постоять за себя. Между тем, на практике мы видим совсем иное, совершенно противоположное»[163].

В «Воспоминаниях» К. Ф. Головина находится несколько откликов на тот же, всех волновавший тогда вопрос, и на этот раз по поводу писем Тургенева. «Создалась легенда о его ⟨Тургенева⟩ необычайном мягкосердии», — пишет он. Но «надо было появиться его письмам, — плохую услугу оказал ему его друг М. М. Стасюлевич, издав их после смерти великого писателя, — чтобы двоедушие этого, с виду открыто приветливого человека обнаружилось перед глазами всех»[164]. Упоминая в другом месте мемуаров о знакомстве

ва к Писемскому с характеристикой его жены — Екатерины Павловны (см.: В е н г е р о в С. А. Алексей Феофилактович Писемский. СПб., 1884, с. 2, 45, 107). Через два года все эти письма были опубликованы полностью (Тридцать писем И. С. Тургенева к А. Ф. Писемскому.— Новь, 1886, т. XII, № 23, с. 183—195). С. Ф. Либровичем, отметившим, что они «напечатаны прямо с оригиналов и расположены в хронологической последовательности» и что «только в одном письме, восьмом по порядку, пришлось в двух местах, означенных точками, сделать небольшие сокращения — по близости времени»; в предисловии же к этой публикации сказано: «Напрасно было бы вдаваться в рассуждения — какое значение имеет *каждая строчка*, упавшая со стола такого светила русской литературы, как И. С. Тургенев. Тем более лишне разъяснять — какой драгоценный дар оставил по себе этот бессмертнейший из бессмертных русских людей в своих письмах».

[163] Русская мысль. 1884, кн. 12, Библиографический отдел, с. 2—3.

[164] Г о л о в и н К. Мои воспоминания. В 2-х т. СПб., 1908. Т. I, с. 219. Речь идет здесь, несомненно, о «Первом собрании писем» Тургенева, изданном В. П. Гаевским при ближайшем участии М. М. Стасюлевича. В качестве примера, иллюстрирующего «двоедушие» Тургенева, обнаружившееся после публикации его писем, Головин ссылается на свое знакомство и беседы с Тургеневым, из

своем с Я. П. Полонским (в 1886 г.), Головин рассказывает: «Темою для разговоров служил нам всего чаще И. С. Тургенев, с которым Яков Петрович был так дружен. Недавно только появились отдельной книжкой письма Тургенева, из которых большая часть была адресована Полонскому. Яков Петрович находил, как и я, что плохую услугу оказали великому писателю, напечатав его корреспонденцию. Непонятно вообще, как позволяют себе с такой бесцеремонностью, едва сошел в могилу крупный человек, копаться в его частной жизни и делать достоянием публики то, что при его жизни, конечно, обнародовать бы не посмели. Разве выдающиеся личности в самом деле вынуждены оплачивать свою известность такою тяжелою данью? Разве их частная жизнь должна быть выставлена напоказ для удовлетворения праздного любопытства?» [165]. Правда, и Головин не безусловно осуждал обнародование всех писем писателя: письмо умиравшего Тургенева к Л. Н. Толстому и на него произвело сильное впечатление; про это письмо он писал, что оно не будет забыто, «до того истинное благородство звучит противоречием с взаимною нелюбовью, разъединявшею великих писателей» [166].

В конце 80-х годов тот же вопрос о «разборчивости» и праве потомков на эпистолярное наследие писателей был вновь поднят в русской печати в связи с изданной В. В. Стасовым книгой «И. Н. Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критические статьи» (СПб., 1888) и с новой силой — в связи с известной статьей Гончарова «Нарушение воли», напечатанной в мартовской книжке «Вестника Европы» за 1889 г. Характерно, что в новой полемике, возникшей по этому поводу, постоянно упоминались письма Тургенева и Крамского как наиболее неудачные образцы публикаций этого рода. Гончаров, например, прямо ссылался на «Первое собрание писем» Тургенева как на пример явного нарушения желаний покойного писателя: «Несмотря на то, что письма Тургенева прошли через руки нескольких лиц, под редакцией старого и опытного литератора В. П. Гаевского,— и тут проскользнуло несколько писем..., которых Тургенев, конечно, не разрешил бы печатать, и много других, где он делает резюме, а иногда и неоправданные отзывы о людях или сочинениях». Сочувственно откликаясь на завещание Гончарова не печатать его писем после его смерти, Н. С. Лесков писал: «Если деликатность Гончарова некоторые называют „крайностию“, то пусть говорящие таким образом вспомнят только,

---

которых он убедился, «до какой степени могли казаться интимными его отношения к человеку, которого он в одном из своих писем бранил самым недвусмысленным образом. Этот человек был некто Б. А. Чивилев» (с. 219).

[165] Там же, т. II. СПб., 1910, с. 107—108.

[166] Там же, с. 60.

что за суета была поднята распубликованием писем Тургенева и Крамского! Как трясли их кости, когда оставшиеся на земле знакомцы этих покойников с азартом пережившего сверстника стали трясти свои „портфели" и вытащили из своих ящиков тургеневские письма и, наконец, предали их тиснению для разбора: кого, чем и для чего заденут и как оскорбят и опечалят». «Пусть и случай, до которого касалось письмо, уже минул,— оговаривался Лесков далее,— или пусть даже ниже выяснилось все в обратном смысле и последующее совсем изменило отношение автора письма к тому, кому оно было написано... Все равно: Ату его!.. Валяй! Печатай! Жестокие нравы!» [167].

О Тургеневе и его письмах шла речь и во многих других откликах на статью Гончарова. Д. Я. Колбасин — один из старых адресатов Тургенева — написал статью, в которой не только высказывал свое искреннее сочувствие к статье Гончарова и осужденному в ней обычаю, по словам Гончарова, «предавать публичному оглашению частные интимные письма, писанные одним лицом к другому — и только для одного этого лица», но и упомянул о своей переписке с Тургеневым: «У меня сохраняется много писем Ивана Сергеевича, но я никогда не решусь обнародовать их, без строгого выбора писем, имеющих общественный интерес, и писем чисто интимных, в которых Тургенев под минутным впечатлением, а иногда и для красного словца, был несправедлив к заметным литературным деятелям и наверно пришел бы в ужас, если бы эти мимолетные суждения были обнародованы на позорище света» [168].

Приведенные данные достаточно явственно свидетельствуют о том, при каких обстоятельствах и в каких условиях начиналось собирание и издание писем Тургенева. Этот начальный период собирательских и издательских усилий охватывает приблизительно первое десятилетие со дня его смерти. Лишь после этого вре-

---

[167] ⟨Лесков Н. С.⟩ Замогильная почта Гончарова.— Петербургская газета, 1891, № 341 (без подписи); см. также: Лесков Н. С. Собр. соч. М., 1958. Т. XI, с. 215.

[168] М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, с. 665. Любопытно, что Д. Я. Колбасин вспоминал далее о тех письмах к нему Тургенева, которые увидели свет в «Первом собрании писем», но посвоему объяснил их появление в печати и ни словом не обмолвился о продаже их Г. О. Гинцбургу: «Покойный брат мой (писатель) Елисей Яковлевич Колбасин, без ведома моего, будучи уже лишен зрения, по ошибке напечатал 8 писем, адресованных Тургеневым мне, замешавшихся в его переписку. Если я соберусь когда-нибудь написать воспоминания об отношениях моих к Тургеневу и другим писателям, то будьте уверены, что ограничусь только строгими выдержками из писем, имеющих литературный интерес... Подлинные же письма Ив. С. Тургенева, и то с выбором, я завещаю Одесской Публичной библиотеке» (там же, с. 666).

мени к дальнейшим публикациям его писем стало устанавливаться более спокойное и здравое отношение. Уходили из жизни друзья и сверстники Тургенева, особенно болезненно и тревожно воспринимавшие загробный голос писателя, звучавший в его письмах, впервые появлявшихся в печати, и судивший их самих и их время; прежние споры отходили в прошлое и допускали более трезвые оценки событий давних лет, житейских отношений, былых распрей, преданных забвению; письма, в которых все это было запечатлено с яркостью подлинной реальности, постепенно приобретали значение исторических документов, свидетельств, тем более ценных, чем меньше изменений допущено в них издателями. Правда, и в то время находилось немало людей, понимавших истинную цену эпистолярным материалам и постоянно тревожившихся за их судьбу; это были по преимуществу историки и историки литературы, постоянно имевшие дело с рукописями и отдававшие себе полный отчет в том, какое неожиданное значение в руках умелого ученого может получать порой самая незначительная на первый взгляд автографическая записка. Такой был, например, Ф. И. Буслаев, который в поздние годы жизни «отвернулся от Гончарова», прочтя его статью «Нарушение воли». «Он находил безобразно-возмутительной мысль, что может быть скрыто что-либо из жизни писателя или вообще известного человека — от народа, от критики»,— пишет о Буслаеве близко знавший его В. А. Лебедев [169]. Большую статью в защиту изданий мемуаров и переписки тогда же напечатал А. Н. Пыпин, утверждавший, что этот материал «бывает нередко исполнен первостепенного интереса». По его мнению, и в воспоминаниях и в переписке людей различного литературного положения «мы можем следить один господствующий исторический вопрос — о тех путях, какими шло литературное развитие. В этих материалах, в случайных письмах, заметках, писанных для себя, интимных рассказах,— перед нами является то, что вовсе не высказывалось в свое время в печати, а только думалось и чувствовалось; писатель или вообще образованный человек передает здесь нередко сполна ту мысль, которую он должен был или затемнять до неузнаваемости или совершенно умалчивать. Нередко, читая также эти письма, мы бываем поражены их истиной, которая в свое время должна была скрываться; читая о тех стеснениях, какие некогда испытывала литература, мы удивляемся излишеству недоверия, какому они подвергались, ничтожности поводов, поднимавших некогда целые бури, весьма не безопасные для тех, над кем они разражались» [170].

---

[169] Лебедев В. А. Из жизни Ф. И. Буслаева.— Русская старина, 1908. февраль, с. 299.

[170] В-н. ⟨Пыпин А. Н.⟩ Литературные воспоминания и переписка.— Вестник Европы, 1890, кн. 10, с. 716—759.

Это был трезвый голос подлинного историка, звучавший еще в пору горячих споров о праве потомков заглянуть в рабочий кабинет писателя и о необходимости знать всех тех лиц, без исключения, с какими он находился в устном или письменном общении в различные периоды жизни. Неудивительно поэтому, что именно А. Н. Пыпину обязаны мы сохранением множества ценных писем Тургенева, в частности к Некрасову, и что именно он начал публикацию многих из них, когда представилась возможность.

Вообще в этот период, несмотря на затруднения всякого рода, публикация писем Тургенева, в том или ином виде, продолжалась непрерывно. Большие отрывки из писем вводились в книги воспоминаний, их печатали отдельными сериями — по его адресатам, по месту хранения, по разнообразным поводам, хотя порой еще с традиционными оговорками [171]; не менее традиционными были также все еще иногда вызывавшиеся ими протесты заинтересованных лиц. Следуя принципам Анненкова, переписку свою с Тургеневым издал и объяснил А. А. Фет, включивший текст самих писем в книгу своих воспоминаний [172]; аналогичным образом поступил В. В. Стасов.

---

[171] Так, например, Л. Н. Майков (в предисловии к изданным им письмам Тургенева к Анненкову) высказывал такое мнение о литературном значении писем Тургенева, которое хотя и казалось привычным, но уже не могло остаться без возражений. Л. Н. Майков обращал внимание на то, что «переписка Тургенева была очень значительна; он имел обычай не оставлять без ответа все получаемые им письма, от кого бы они ни приходили», и заключал отсюда, что Тургенев «не обладал эпистолярным талантом или, по крайней мере, нисколько не заботился придавать своим письмам хотя некоторую литературную форму. Он писал их наскоро, словно по необходимости, и потому немалая их доля — как видно из сборника, изданного в 1884 г.,— представляет лишь ограниченный интерес» (Русское обозрение, 1894, январь, с. 6). Впоследствии это суждение неоднократно вызывало энергичные возражения (см.: Гревс И. М. История одной любви. И. С. Тургенев и П. Виардо. М., 1927, с. 16—17).

[172] Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890; «Отрывки из писем И. С. Тургенева к А. А. Фету» (восполняющие некоторые пропуски или искажения) напечатаны в книге: Северные цветы на 1902 год. М., 1902, с. 180—190; Н. Л. Бродский, сличив письма Тургенева, как они даны в издании Фета, с автографами, пришел к заключению, что они напечатаны «в изувеченном виде» и что «пользоваться эпистолярным наследием Тургенева в редакции Фета невозможно» (Бродский Н. Л. Фет — редактор Тургенева.— Звенья, М.; Л., 1933. Т. II, с. 469—479). Публикуя их, Фет не только допустил множество ошибок, пропусков и т. д., но и сознательно и упорно придавал им «специфическую окраску». Характеризуя «обработку», которой подвергал письма Тургенева П. В. Анненков, Л. Н. Майков приводил аналогичные примеры, с тем, однако, различием, что оправдывал Анненкова: «Очень понятно, что сам Анненков принужден был ограничиться лишь извлечениями из писем; в его обработке исключены из них не только разные частности и кое-

Публикуя свою статью «Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним», он предварял ее следующими соображениями: «Приступая к печатанию писем Тургенева, сколько у меня их уцелело, я вначале думал ограничиться, со своей стороны, лишь несколькими небольшими примечаниями, но потом убедился, что мне необходимо войти в некоторые подробности, иначе будет непонятно, почему в продолжении целых 15 лет мы были с ним, и при личных свиданиях, и в переписке — в сношениях самых дружеских, но вместе и в постоянном антагонизме»[173]. Н. В. Щербань, в свою очередь, публикуя письма Тургенева в большой статье «Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем», снабдил их обильными комментариями[174]. В 1892 г. в Женеве с объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова,— встречавшегося с Тургеневым и хорошо знавшего многие обстоятельства его жизни,— впервые опубликованы были письма Тургенева к Герцену; в последующие годы (1893—1894) Публичная библиотека в Петербурге напечатала 33 письма Тургенева к А. А. Краевскому; в журналах увидели свет письма Тургенева к Аксаковым и Аксаковых к Тургеневу; Л. Н. Майков приступил к обнародованию писем Тургенева к Анненкову и т. д.[175]

Одновременно началась также довольно интенсивная публикация писем Тургенева в заграничной печати. Необходимо отметить,

---

какие резкие выражения, обычные, впрочем, в откровенной дружеской переписке, но и все то, что Ив. Серг. говорил в ней своему корреспонденту о нем самом». Однако «в настоящее время,— прибавлял Майков,— уже не представляется надобности в подобных сокращениях: ныне издаваемые письма Тургенева, написанные за четверть века перед тем, могут явиться в печати почти без всяких пропусков, как важный биографический и историко-литературный материал» (Русское обозрение, 1894, январь, с. 6).

[173] Северный вестник, 1888, № 10, с. 145.

[174] Русский вестник, 1890, кн. 7, с. 3—28; кн. 8, с. 3—26.

[175] Десятилетие спустя после смерти Тургенева все еще продолжались споры о праве потомков на знакомство с подробностями частной жизни писателей. Откликом на эти споры явилась статья А. М. Горького, без подписи, в «Самарской газете» (1895, № 81) под заглавием «Как ссорятся великие люди». Поводом для нее послужили новые материалы о ссоре Тургенева с Л. Н. Толстым (в изложении И. Иванова). Горький считал, что у нас «роются пошло и ехидно в жизни писателя», что публике нравится «это переворачивание трупов людей, память о которых, как о много потрудившихся для нее, должна быть свята и дорога ей», и восклицал: «Бедные русские крупные люди! Жалкая русская публика!». В. Г. Короленко, однако, не согласился с Горьким и писал ему 23 апреля 1895 г., что «жизнь общественного деятеля всегда будет на виду» (Короленко В. Г. Избранные письма. М., 1936. Т. III, с. 92—95; здесь полностью воспроизведена и статья А. М. Горького).

что еще в 1886 г. в Лейпциге появился немецкий перевод «Первого собрания писем» Тургенева, сделанный Г. Руэ (с некоторыми сокращениями) [176]; книга эта обратила на себя внимание и надолго сделалась для западноевропейских критиков источником цитат и разнообразных суждений о Тургеневе как о писателе и человеке; с этого же немецкого издания письма Тургенева переводились и на другие языки [177]. Переводились также и более поздние издания писем Тургенева к разным лицам, появившиеся на русском языке [178]; не обошлось при этом и без забавных недоразумений [179].

С конца XIX столетия в заграничной печати также все чаще стали появляться письма Тургенева, извлеченные из архивов западноевропейских писателей. Однако, как и в России, первоначально все эти публикации в писательских кругах встречали двойственное отношение: любопытства, умеренного опасениями, далеко не бескорыстной заинтересованности или показного равнодушия. Первые попытки очертить круг личных отношений Тургенева к французским литераторам наталкивались на значительные препятствия, так как многочисленные письма его и к нему, о существовании которых сообщалось уже и ранее, оставались еще не опубликованными. Когда в середине 90-х годов французско-русский литератор

---

[176] Turgeniew I. S. Briefe. Erste Sammlung (1840—1883). Aus dem russischen übersetzt und mit biographischer Einleitung und Anmerkungen versehen von Dr. Heinrich Ruhe. Leipzig, 1886.

[177] См. рецензию на письма Тургенева в переводе Г. Руэ: Harnack O. Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte. 1886, N. F. Bd. III, S. 167—169; см. также: Scholz A. Iwan Turgeniew in seinen Briefen.— Die Grenzboten. Begründet von Julian Schmidt und Gustav Freytag. 1885, S. 346, 464; Katcher L. Turgenev in his letters.— Universal Review, 1890, vol. VIII, p. 577—596. В книге Ф. Томсен приведено много писем Тургенева в датском переводе, сделанном с немецкого перевода Г. Руэ (Thomsen Frede. Ivan Turgeniew og Pauline Viardot. Ein Tidsbillede, København, 1915).

[178] K. Kawelins und I. Turgenjews social-politischer Briefwechsel mit A. I. Herzen. Mit Beilagen und Erläuterungen, hrsg. von Prof. M. Dragomanow. Autorisierte Übersetzung aus dem russischen von Dr. Boris Minzes. (Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten, hrsg. von T. Schiemann, Bd. IV). Stuttgart, 1894.

[179] Так, например, в журнале «Литературное обозрение» (1899, № 12, с. 525—526), в заметке «Письма Тургенева» были сообщены (приведенные уже и ранее в «Одесских новостях») «извлечения из серии неизданных писем И. С. Тургенева к друзьям», появившихся в американском журнале «Atlantic Monthly»; однако при ближайшем рассмотрении эти «неизданные письма» оказались попросту выдержками из писем Тургенева к В. В. Стасову, опубликованных в «Северном вестнике» (1888, № 10); в «Литературном обозрении» они сообщены в обратном переводе с английского.

И. Д. Гальперин-Каминский [180] предпринял энергичные поиски этих писем во Франции, он с сожалением должен был сообщить, что многие из них оказались для него недоступными, другие, по-видимому, были утрачены или остались неразысканными. Выяснилось, например, что безвозвратно погибли письма Тургенева к П. Мериме: они сгорели в 1871 г. вместе с другими бумагами писателя при пожаре дома на Rue de Lille в Париже, где находилась квартира Мериме [181]. Не могли быть им отысканы и долгое время считались пропавшими письма Тургенева к В. Гюго [182]. Доступ же к ряду писем Тургенева, оригиналы которых хранились в частных руках, оказался тогда для Гальперина-Каминского, по разным причинам, и вовсе закрытым. Иные из адресатов этих писем, еще находившиеся в живых, или их наследники не склонны были делать принадлежавшие им документы достоянием читателей, считая публикацию их несвоевременной, даже вовсе излишней; непосредственными же поводами для отказа предоставить их для печати, по-видимому, служили плохо или превратно истолкованные взаимоотношения Тургенева с теми французскими писателями, которых он относил к числу своих друзей. Так, например, И. Гальперину-Каминскому не удалось получить копий с писем Тургенева к Ж. Симону, А. Доде, Э. Гонкуру,— к последним двум, несомненно, из-за той громкой истории, которая возникла в конце 80-х годов вокруг «Воспоминаний о Тургеневе» И. Я. Павловского: в этой книге, пристрастной и недостоверной, приведены крайне неодобрительные отзывы о Доде и Гонкуре, якобы высказанные Тургеневым в устной

---

[180] И. Д. Гальперин-Каминский (1858—1936), родом из Киевской губернии, закончил свое образование во Франции. В 1890 г. он принял французское гражданство и посвятил себя журнальной и публицистической деятельности. На рубеже XIX—XX вв. он пользовался некоторой известностью как критик и плодовитый переводчик русских писателей (в том числе Тургенева и Л. Толстого) на французский язык и французских (Золя, Доде и др.) — на русский, имея довольно широкие связи как во французских, так и в русских литературных кругах.

[181] Halpérine-Kaminsky E. Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris, 1901, p. 16. Последующие поиски этих писем Тургенева подтвердили их утрату (Клеман М. К. И. С. Тургенев и Проспер Мериме.— Литературное наследство, т. 31-32, 1937, с. 708); лишь опубликованные впоследствии 86 ответных писем Мериме к Тургеневу позволили, до известной степени, составить себе представление об их переписке и о характере их отношений друг к другу (см.: Parturier Maurice. Une amitié littéraire. Prosper Mérimée et Ivan Tourguenev. Paris, 1952).

[182] Впоследствии были найдены три письма Тургенева к В. Гюго (Strémooukhoff D. Lettres de Tourgénev à Victor Hugo.— Revue des études slaves, 1951, t. XXVII, p. 241—245).

беседе [183]. По разным мотивам письма Тургенева не предоставили для издания также многие другие лица. «Переписка Тургенева с Эмилем Ожье, одним из его близких друзей, по всей вероятности, останется навсегда неизвестной. Несмотря на свои поиски, Поль Дерулед не нашел никаких ее следов,— писал Гальперин-Каминский.— Г-же Э. Абу также мало посчастливилось с письмами к автору „Романа доброго малого“. Письма к Максиму Дю-Кану, если только они существуют, могут увидеть свет лишь в 1910 г. одновременно с другими оставленными им литературными документами. Г-жа Адан желает сохранить письма Тургенева, чтобы отвести им место в своих мемуарах». Это был довольно неутешительный итог, в особенности если принять во внимание, что Гальперин-Каминский перечислил здесь далеко не всех лиц, к которым он обращался в поисках писем Тургенева. Некоторые из писем к названным им адресатам впоследствии были опубликованы, другие неизвестны и поныне. Тем не менее коллекция писем Тургенева к его «французским друзьям», собранная Гальпериным-Каминским, все же оказалась довольно значительной. Он начал их публикацию в журнале «Cosmopolis» (1896—1897) и в других периодических изданиях, а в 1901 г. выпустил их в Париже отдельной книгой [184]; еще ранее, по французским журнальным публикациям, они перепечатывались и в русских изданиях, в переводах, и объединены были в книге в 1900 г. [185] В это первое собрание французских писем Тургенева вошли его письма к Сент-Беву, Т. Готье, Г. Флоберу, Ж. Санд, А. Тома, Э. Золя, Ги де Мопассану, Ж. Кларти, А. Терье, Л. Депре, Дюран-Гревиллю и др. Это собрание во всяком случае уже раскрывало довольно широкую картину многих связей Тургенева с французскими писателями, издателями, музыкантами, артистами и т. д. и намечало пути дальнейших разысканий писем, оставленных им во Франции.

Среди писем, опубликованных Гальпериным-Каминским, может быть наибольшее любопытство читателей привлекли к себе письма Тургенева к П. Виардо, тем более, что появлению их в печати предшествовала довольно громкая история, обошедшая столбцы многих периодических изданий. П. Виардо была еще жива

---

[183] Pavlovsky Isaac. Souvenirs sur Tourguéneff. Paris, 1887, p. 73.

[184] Halpérine-Kaminsky E. Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris, 1901.

[185] Письма И. С. Тургенева к Полине Виардо и его французским друзьям, изданные Гальпериным-Каминским. М., 1900. Существует и английский перевод этих писем Тургенева: Tourguéneff and his French Circle, ed. by Ely Halpérine-Kaminsky, tr. by Ethel M. Arnold. London, 1898.

(она умерла 5(18) мая 1910 г.); в 1897 г. до нее дошли слухи о том, что какая-то часть ее переписки с Тургеневым готовится к печати. Она испытала немало волнений, так как всегда упорно противилась этому и не выполнила ни одного из своих обещаний, неоднократно дававшихся ею с 1884 г.,— предоставить «несколько» писем Тургенева для издания. На этот раз П. Виардо решилась протестовать публично и через своего поверенного В. Герарда опубликовала следующее заявление: «Значительное количество писем, адресованных мне И. С. Тургеневым, были у меня похищены, где, когда и кем, я того определить не могу. Лицо, во владении которого они ныне находятся и которое утверждает, будто оно приобрело их при какой-то распродаже, уведомило меня, что оно намеревается предать их гласности. Лицо это скрывает от меня свое имя, но, по-видимому, оно живет в Орловской губернии. Я поручила ответить этому лицу, что я воспротивлюсь всеми законными средствами опубликованию этих писем. Лучшее средство, которое находится в моем распоряжении, чтобы препятствовать такому нарушению моих прав собственности на эти письма,— есть обращение ко всей русской прессе с оповещением о краже, жертвой которой я сделалась, и с предупреждением против могущего появиться предложения отдать эти письма в печать,— предложения, которое никто не мог бы принять, не предвидя моего права преследовать его за это» и т. д. [186]

Подробности этой довольно темной истории доныне остаются недостаточно проясненными. Однако Гальперин-Каминский, приступив в следующем году к публикации части этих писем в «Revue Hebdomadaire», уже с разрешения П. Виардо, рассказал, что будто бы эта связка писем Тургенева была «забыта» или «потеряна» ею в Баден-Бадене, при отъезде оттуда во время франко-прусской войны, что этот пакет был найден неким «просвещенным соотечественником и почитателем Тургенева» среди малозначимых бумаг, в ящике, купленном им у берлинского букиниста, а этот последний, кажется, приобрел его «у вдовы французского врача» [187]. Во всяком случае, «после двухлетних переговоров» П. Виардо разрешила, наконец, обнародование части этих писем, после самого тщательного их просмотра.

Редакторская работа П. Виардо над письмами Тургенева оказалась довольно значительной. Она исключила не только некоторые места, но «даже целые письма, испещренные порой меткими, но отнюдь не злыми замечаниями, направленными против известных лиц, или даже касающихся подробностей частного характера» [188]. Эти

[186] Исторический вестник, 1898, № 1, с. 415—416.
[187] Вестник Европы, 1900, кн. 9, с. 375—376.
[188] Там же, с. 376.

письма печатались в иностранной и русской прессе в течение нескольких лет («Revue Hébdomadaire», 1898—1899; «Revue Bleue», 1906), а в 1907 г. они были объединены в особой книге [189]. Это издание перепечатывалось шесть раз.

История публикации писем Тургенева к его «французским друзьям» весьма характерна: отклики, которые эти книги вызвали во Франции, во многом напоминали, с кое-какими местными отличиями, полемические статьи, появлявшиеся в русской печати второй половины 80-х годов по поводу первого русского собрания его писем. К концу века во Франции, как и в России, еще были живы многие современники и корреспонденты Тургенева. Иные из них, как мы видели, прямо противодействовали обнародованию его писем, опасаясь, по-видимому, что эти эпистолярные документы смогут возобновить старые литературные сплетни и пересуды, оживить полузабытую полемику, нанести ущерб установившимся литературным репутациям: все хорошо знали, что Тургенев близко стоял к виднейшим французским писателям своего времени, был широко посвящен в закулисную сторону тогдашней литературной жизни и достаточно откровенен в письменных беседах со своими приятелями. Некоторые французские критики, отзываясь о книге, изданной И. Д. Гальпериным-Каминским, полагали, что он преждевременно предавал гласности такие факты, события, эпизоды из истории литературной жизни, которые не стали еще достоянием истории и допускали нежелательные кривотолки. Другие, напротив, полагали — аналогия с мнением русских рецензентов «Первого собрания писем» Тургенева наблюдалась и здесь,— что известная часть его французских писем, обнародованных Гальпериным-Каминским, имеет малое значение по своему содержанию, что эти письма потеряли свою злободневность и не имеют большого интереса для читателей, недостаточно посвященных в суть тех житейских дел и отношений, о которых в письмах идет речь. «Меня упрекали за то, что я ничего не выбросил из этой корреспонденции, включая в нее даже записки в несколько строчек, с первого взгляда не имеющие значения,— вспоминает Гальперин-Каминский.— Меня, однако, наоборот, единственно заботит то, что на свой страх я пожертвовал некоторыми из этих записок. Помню письмо, полученное мною от одного очень известного русского писателя, где он умоляет меня ничего не пропускать. „Все драгоценно,— писал он,— все, что хоть сколько-нибудь ближе знакомит нас с этим великим человеком“. В самом деле, одна строка, одно слово, не представляя непосредственного интереса, могут установить какой-нибудь факт, с точностью

[189] Ivan Tourguéneff. Lettres à Madame Viardot, publiées et annotées par E. Halpérine-Kaminsky. Paris, 1907.

определить число. Даже самое количество писем, которыми обменялись между собою корреспонденты, свидетельствует уже о степени близости между лицами, их писавшими; таким образом, мы видим, например, что больше всего Тургенев писал Флоберу и Золя. Итак, следует принять во внимание не собственное значение такой-то записки или письма, а совокупность этих литературных документов».

К этим безусловно справедливым замечаниям Гальперин-Каминский прибавил также соображения, высказанные бельгийским критиком его книги: «Между различными статьями, вызванными этой перепиской, я нашел в одной из брюссельских газет остроумные замечания по поводу писем Тургенева к Золя, из которых некоторые показались небезынтересными. Бельгийский журналист начинает с того, что эти письма, „написанные на скорую руку, спросонья, беспорядочным слогом, с фамильярной простотой,— в сущности, не письма, а скорее записки, отличающиеся лаконизмом телеграмм“. И все же он признает, что такие письма для нас драгоценны своими откровениями, пояснениями и даже поправками, которые они вносят,— ведь зависть особенно любит искажать великие имена. Уже из-за одного этого обнародование их законно, и суровые и высокомерные цензоры, говорящие о вредном любопытстве, здесь неуместны. И для автора, и для читателя одинаково важно, чтобы гений был освещен возможно ярче» [190].

Несколько позже началась и также шла довольно интенсивно публикация его писем к различным корреспондентам в Германии, Англии и других странах.

Тот же И. Д. Гальперин-Каминский сделал попытку разыскать письма Тургенева к его «немецким друзьям». Сам он считал, что «после многолетних поисков, неоднократных поездок в Берлин, Мюнхен, Висбаден, Страсбург и продолжительной переписки с германскими корреспондентами» ему «удалось собрать если не всю, то наиболее значительную и интересную часть писем, которую он писал им». Однако он ошибался; ему не только не удалось обнаружить наиболее интересные части этой переписки, но с этими письмами в Германии повторилась приблизительно та же история, что и во Франции. Публикация найденных им писем началась в «Revue Bleue» с февральской книжки 1909 г.; русские переводы тотчас же помещались в «Вестнике Европы» [191]. В предисловии Гальперин-

---

[190] Северный вестник, 1898, № 3, с. 88.

[191] Halpérine-Kaminsky E. Lettres de Tourguéneff à ses amis de l'Allemagne.— Revue Bleue, 1909, 6 février, p. 161—166; 13 février, p. 194—202; 20 février, p. 225—231; 27 février, p. 257—263;

Каминский приводит длинный список лиц, с которыми Тургенев состоял в переписке, по свидетельству его старейшего немецкого приятеля Л. Пича; но указывает тут же, что попытки получить письма Тургенева к ним далеко не всегда увенчивались успехом [192]. «Казалось бы, что особенное значение должны были иметь письма, адресованные к знаменитым романистам,— Ауэрбаху, Гейзе, Шпильгагену и Фрейтагу», но результат обращения к тем лицам, во владении которых должны были находиться эти письма, был довольно незначительным. Сын Ауэрбаха нашел в бумагах отца только пять писем Тургенева, из которых годным для печати признано было одно, остальные же представляли собой незначительные записки. «Пауль Гейзе, который в начале 50-х годов посвятил восторженную статью „Запискам охотника", помнит, что он одно время переписывался с русским собратом, но, по его мнению, самый факт исчезновения переписки говорит о ее незначительности, иначе она сохранилась бы у него». Тем не менее впоследствии отыскались и были опубликованы 11 писем Тургенева к П. Гейзе (1862—1882); все эти письма очень содержательны и имеют немаловажное значение для характеристики творчества обоих корреспондентов [193].

Ф. Шпильгаген «сразу же заявил о маловажности тех немногочисленных записок, которые он в разное время получил от Тургенева и не счел нужным сохранять». Гальперин-Каминский приводит

---

6 mars, p. 294—298; Письма Тургенева к его немецким друзьям.— Вестник Европы, 1909, кн. 3, 4, 5, 6.

[192] «Письма Тургенева сохранились только у Л. Пича, Ю. Шмидта, Роденберга, Фридлендера, Ауэрбаха и Цабеля, которые сами или их наследники 〈...〉 любезно предоставили в мое распоряжение. Единичное исключение составляет Рейнгольд Линдау, немецкий генеральный консул в Константинополе, отказавшийся мне сообщить имеющиеся у него письма Тургенева, ввиду „невозможности их обнародования"»,— сообщает Гальперин-Каминский (Вестник Европы, 1909, кн. 3, с. 253). Нет никакого сомнения, что имеется в виду не Рейнгольд, а Рудольф Линдау (1829—1910), писатель и дипломат; в юности он жил во Франции и сотрудничал в «Revue des Deux Mondes» и в «Journal des Débats», много путешествовал, состоя при немецких посольствах в разных странах, в том числе и в Париже (1872—1878); в его беллетристических произведениях немецкая критика усматривает отчетливые следы воздействия на него Тургенева. Два письма к нему Тургенева впоследствии были опубликованы, см.: I o n a s G. Turgenevs Briefe an Paul und Rudolf Lindau (1874—1882).— I. S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen. Berlin, 1965. Bd. I, S. 108—145.

[193] P e t z e t E r i c h. Paul Heyse und Iwan Turgeniew. Westermann's Monatshefte, 1924, april, S. 185—195; О р л о в с к и й С. 〈Шиль С. Н.〉 И. С. Тургенев в переписке с П. Гейзе.— Печать и революция, 1925, кн. 7, с. 96—111.

также письмо, полученное им от вдовы Г. Фрейтага: «Я с радостью сообщила бы Вам письма Тургенева к моему мужу. К несчастью, я ничего не нашла в бумагах его. Он, должно быть, уничтожил их, как уничтожил множество других писем. Между обоими покойными писателями существовали несомненно дружеские отношения, так как Тургенев посылал моему мужу свои сочинения с любезными надписями; с другой стороны, мне известно, какое искреннее уважение и симпатию мой муж питал к Тургеневу» [194].

Правда, это были лишь первые собирательские попытки, которые и здесь, как и везде, наталкивались порою на самые неожиданные препятствия и редко исключали необходимость дальнейших усилий. Позднее найдено было множество новых и очень важных писем Тургенева к его немецким корреспондентам в Германии, Австрии и других странах. Таковы, например, не только письма его к Т. Шторму, к австрийской писательнице Марии фон Эбнер-Эшенбах, М. Гартману, многим другим его критикам и переводчикам и даже к Л. Пичу (случайно отколовшиеся от той большой их коллекции, которую в 1923 г. издал отдельной книгой Альфред Дорен) [195].

Позже других начали появляться в печати письма Тургенева к английским и американским корреспондентам, круг которых также оказался довольно широким (В. Рольстон, С. Джерролд, Г. Э. Чайлд, Дж. Элиот, Дж. Льюис, Т. Карлейль, Э. Госсе и многие другие). Хуже других нам известны письма Тургенева к писателям Испании и Италии, но некоторые из них еще могут быть обнаружены. Так, например, видный испанский романист Перес Гальдос говорил И. Я. Павловскому в Мадриде, вскоре после смерти Тургенева: «Я знаю все его сочинения и люблю как друга, хотя лично никогда не знал. Он писал мне два раза, и я храню его письма как святыню» [196]. Письмо Тургенева к итальянскому критику Д. Чамполи (от 10 апреля 1881 г.) известно лишь в отрывке, напечатанном еще при жизни Тургенева [197].

---

194 Вестник Европы, 1909, кн. 3, с. 254.

195 Storm Gertrud. Theodor Storm und J. Turgeneff. Vergilbte Blätter aus der grauen Stadt. Regensburg und Leipzig, 1922, S. 93—103; Turgeneff und Theodor Storm.— Ostdeutsche Monatshefte, 1923, Januar, № 10, S. 463—469; Geserick I. Maria von Ebner-Eschenbach und J. Turgenev.— Zeitschrift für Slawistik, 1958, Bd. 3, H. 1, S. 43—64; Rammelmeyer A. Zwei Briefe I. S. Turgenews an Ludwig Pietsch.—Festschrift für D. Čyževskyi zum 60 Geb. Berlin, 1954, S. 250—256, и др.

196 Яковлев И. ⟨Павловский И. Я.⟩ Очерки современной Испании, 1884—1885. СПб., 1889, с. 172.

197 В газете «Fanfulla della Domenica», 1881, № 18, 1 Maggio, p. 1—2 (перепечатано в кн.: Ciampoli D. Studi letterari. Cata-

К началу XX в. в русской и заграничной печати появились уже многие сотни писем Тургенева. Но пользование ими было крайне затруднено, так как они рассеяны были в самых разнообразных книгах, альманахах, сборниках и газетах, далеко не всегда находимых даже во всех крупных библиотеках. Так как за «Первым собранием» писем Тургенева 1884 г. «второго» не последовало, а раздробление его эпистолярного наследия продолжалось, то уже в то время возникала мысль об объединении всех писем Тургенева, уже изданных, но распыленных и затерявшихся, в каком-нибудь одном сводном издании. В 1901 г. «Литературный вестник» так определял эту задачу: «Обширная переписка Тургенева далеко не вполне известна русской читающей публике, в особенности потому, что целый ряд писем появился в разных сборниках и мало распространенных провинциальных изданиях. Желательно поэтому, чтобы в новое издание писем знаменитого романиста вошло все, что когда-либо было опубликовано в печати» [198]. Этот призыв, однако, остался без ответа и еще долгое время не мог найти исполнителей, в частности потому, что новые находки следовали одна за другой с не меньшей быстротой, чем в предшествующие десятилетия. Задача объединения всех этих публикаций в одном сборнике или даже в целой серии их становилась все более сложной и трудной для осуществления. С другой стороны, менялись уже и самые принципы публикации писем, исключавшие возможность механической перепечатки ранее изданных, так как несоответствие их подлинникам становилось все более очевидным. Разноречивые толки, сопровождавшие выход в свет «Первого собрания», теперь были уже невозможны, поскольку письма воспринимались в эти годы, прежде всего, как документы литературного прошлого; правда, отдельные серии писем Тургенева, появлявшиеся в первой четверти нашего столетия, не раз со-

---

nia, 1891) Чамполи писал, что, когда он обратился к Тургеневу с просьбой сообщить о себе биографические сведения, русский писатель ответил ему письмом, в котором была такая фраза: «Ma vie n'offre rien de saillant et ne saurait intéresser les lecteurs étrangers». Эти слова Тургенева воспроизведены были и в русской печати и впоследствии неоднократно цитировались (см.: Рускин Л. Иностранная летопись.— Новости и биржевая газета, 1883, № 164, 14(25) сентября; Мандельштам И. Несколько слов об И. С. Тургеневе.— В кн.: Жемчужины Тургеневской поэзии и прозы. СПб., 1883, с. XXII).

198 Литературный вестник. 1901, т. I, кн. 1, с. 23.

ставляли довольно крупные события литературной и научной жизни, но сомнения, какие они возбуждали, и споры вокруг них уже мало походили на те, которые были отражены в русской печати середины 80-х годов.

Опубликованный в 1900 г. законопроект об авторском праве на литературные, музыкальные и художественные произведения включал в себя, между прочим, особую статью (§ 13), по которой предполагалось запретить издание писем писателя «в течение 50 лет после смерти последнего из корреспондентов», если на то не будет дано согласие его наследниками. В печати началось широкое обсуждение как этого законопроекта в целом, так и в особенности этой его статьи. Русское библиологическое общество посвятило особое заседание обсуждению законопроекта и опубликовало следующий результат прений, возникших по этому поводу: «Если бы такая статья введена была в закон ранее, то мы до сего времени не имели бы писем И. С. Тургенева, А. К. Толстого, Н. В. Гоголя и многих других писателей и таким образом лишены были возможности, в течение очень долгого времени, составить себе правильное понятие о виднейших представителях нашей литературы. С другой стороны, мы видим, что издание писем А. С. Пушкина, И. С. Тургенева и других, состоявшееся вскоре после смерти означенных писателей, не имело никаких печальных последствий ни для доброго имени самих писателей, ни для их корреспондентов». Допуская, однако, возможность таких случаев, когда «опубликование писем в целом их виде, особенно писем, заключающих в себе некоторые интимные подробности, могло бы быть нежелательно для наследников корреспондентов», Русское библиологическое общество полагало, что наследникам следует предоставить известные права, но, «во-первых, в течение не более 25 лет со дня смерти последнего из двух корреспондентов, и во-вторых, с тем, чтобы наследникам предоставлено было право не разрешать или запрещать издание всех писем вообще, их право цензуры, в силу которого они могли бы не допускать к печати отдельные письма или же отдельные места в том или ином письме, как поступила, например, в последнее время г-жа Виардо Гарсия при опубликовании писем к ней И. С. Тургенева» [199].

В этом любопытном документе невольно обращают на себя внимание неоднократные ссылки на письма Тургенева и на историю их опубликования как на примеры типические в своем роде, в особенности допускающие обобщения принципиального характера. В са-

---

[199] «Известия о деятельности Русского библиологического общества в 1901 году» (в приложении к «Литературному вестнику», 1901, т. I, кн. 3, с особой пагинацией), с. 41.

мом деле, именно переписка Тургенева, может быть в бóльшей степени, чем переписка других русских писателей, давала особые основания для постановки общих проблем литературно-общественного и юридического характера — о правах наследников на распоряжение ею, о желательных принципах издания писем, об ответственности тех или иных лиц за вносимые в них изменения или неприкосновенность публикуемого текста и т. д. Именно переписка Тургенева, в том виде как она публиковалась в русской печати, наряду с общими вопросами правового и этического порядка, возбуждала также многие специфические вопросы, не возникавшие при обнародовании писем других русских писателей. Огромное количество писем Тургенева осталось за рубежом, и они постепенно появлялись в заграничных изданиях. Простая перепечатка этих писем в русских переводах создавала уже некоторые юридические затруднения (с точки зрения правил действовавших в то время литературных конвенций), но имела также и чисто литературный аспект: большинство переводов писем Тургенева, печатавшихся в русских журналах и газетах, выполнено было не только ремесленно, но и неряшливо, порою с грубыми искажениями, бессмыслицами, опечатками; поэтому они лишь в силу крайней необходимости могли быть привлекаемы биографами Тургенева к истолкованию его личности и творческой деятельности. С другой стороны, иностранные письма Тургенева для своего понимания требовали особых пояснений и справок, которых ни переводчики этих писем, ни зачастую даже исследователи Тургенева не могли сообщить своим читателям либо из-за недостаточной разработанности его биографии зарубежного периода, либо по неосведомленности в обстоятельствах и подробностях литературной жизни Западной Европы в третьей четверти XIX столетия. Все это приводило к тому, что многие тексты зарубежных писем Тургенева, в том виде, в каком они обращались среди русских читателей, не могли служить надежным источником для изучения Тургенева, хотя и представляли собой первоклассный для этой цели материал.

Не менее печально обстояло дело с текстами русских писем Тургенева: не говоря уже о тех, которые были опубликованы в XIX в., письма, печатавшиеся позже, воспроизводились плохо: с искажениями собственных имен, пропусками, путаницей в датах (чему немало способствовала разница в календарях — русском и западноевропейском, приводившая к нередким ошибкам и самого Тургенева), с небрежным, неточным, ошибочным чтением самого текста и т. д. В силу этого и русские письма Тургенева были плохо и недостаточно восприняты его исследователями, которые хотя и привлекали их в качестве материалов для своих монографий, ста-

тей и очерков о Тургеневе, но ошибались в определении их действительного значения и не в состоянии были пользоваться ими критически и с надлежащей полнотой. Вся русская критическая литература о Тургеневе первой четверти XX столетия полна и ошибочных чтений тургеневских писем, и столь же ошибочных их истолкований. Однако именно в эти десятилетия появлялись уже хорошо исполненные отдельные издания больших серий его писем к отдельным адресатам, например к Л. Н. и Л. Я. Стечькиным (1903), к М. М. Стасюлевичу (1912), к гр. Е. Е. Ламберт (1915), к М. Г. Савиной (1918), к Л. Пичу (1924), к Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому (1928), к В. П. Боткину (1930) и др., не говоря уже о многочисленных более мелких публикациях в периодических изданиях. Однако появлявшиеся в этот период опыты оценки писем Тургенева, как особого отдела в его литературном наследии или как специфического источника для понимания его личности, отличались крайней субъективностью или тенденциозностью и в истории изучения Тургенева значения не имели [200].

Еще в конце XIX в. — по-видимому, не без влияния описанной выше дискуссии по поводу «Первого собрания» писем Тургенева — к письмам Тургенева как к биографическим документам установилось настороженное и недоверчивое отношение. А. Андреева полагала, например, что по этим письмам невозможно представить себе

---

[200] В. Б⟨рюсов⟩ в заметке «О письмах Тургенева» утверждал, например, что «письма Тургенева гораздо менее замечательны, чем письма других наших выдающихся писателей — Пушкина, Гоголя, Хомякова, Достоевского». В письмах Тургенева, по его мнению, «слишком много условного, слишком много французских вежливостей. Автор боится обидеть того, кому пишет, перед всеми как-то заискивает, ни о чем не говорит серьезно» (Русский архив, 1902, кн. 1, № 2, с. 367—368). Крайне тенденциозна статья Б. Садовского «И. С. Тургенев. Опыт историко-психологической характеристики» (Русский архив, 1909, кн. 1, № 4, с. 601—629; перепечатана в его книге: Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916, с. 31—56), основанная на подборе цитат из писем Тургенева и воспоминаний о нем современников; пользуясь письмами для своей «психологической характеристики», автор тем не менее отрицает их значение, говоря, например, что даже письма Тургенева к П. Виардо «дают очень мало для биографии знаменитого писателя» (с. 625). Статья Б. Садовского получила единодушное осуждение. К. К. Истомин («„Старая манера“ Тургенева», с. 60) справедливо заметил, что, «следуя методу автора, можно очернить любого писателя». На случайных данных основана и столь же тенденциозная статья о письмах Тургенева Д. В. Философова «Суд современников» (в его книге: Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы. М., 1912, с. 204—217).

психическое состояние Тургенева даже в те моменты, когда письма были написаны, а еще труднее воссоздать эволюцию его душевной настроенности в какой-либо определенный период; по ее мнению, у Тургенева «часто, как вообще у людей подвижных и впечатлительных, тон интимной переписки отражает только случайные, преходящие ощущения, которые исчезают в общей сложности преобладающего образа мыслей, особенно если письмо адресуется лицам, знакомым с этим образом мыслей. Кроме того, многие склонны из своей жизни отмечать в письмах только то, что вызывает их недовольство, сбывать с души тяжелые, неприятные впечатления, между тем как все бодрые, жизнерадостные ощущения употребляются ими на энергическую и плодотворную работу. Это видим и у Тургенева: тут он констатирует охлаждение к литературе, отвращение к перу, неспособность к работе, а рядом читаем: „кое-что задумал", „кончил рассказ" и т. д.» [201].

Однако полтора—два десятилетия спустя, после того как были опубликованы многие десятки и сотни новых писем Тургенева, отношение к ним как к рукописным документам, зафиксировавшим жизненные факты или душевные настроения, резко изменилось. В это время его письмам придавалось уже самодовлеющее и, может быть, даже слишком преувеличенное значение. «Письма писателя,— утверждала, например, исследовательница Тургенева Т. Ганжулевич в 1915 г.,— это единственная область, которая дает возможность разглядеть духовный мир писателя-художника, уловить скрытые и для него, двигающие к творчеству нервы его духовного *я*» [202]. Характеризуя цикл писем Тургенева к гр. Ламберт, их издатель Г. П. Георгиевский также писал, что «их первое и самое главное значение, конечно, биографическое»; «мало того, в них изложены сокровенные переживания души Тургенева и его творческого гения, и тоже им самим изложены, и значит, не подлежат ни сомнению, ни оспариванию, ни перетолкованию. Поэтому биографическое значение писем Тургенева тесно примыкает к значению их для истории творческих замыслов и для истории его сочинений» [203].

---

[201] Андреева А. И. С. Тургенев в кругу французских литераторов.— Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1896 год. М., 1896, с. 555.

[202] Ганжулевич Т. Интимное в жизни художника.— Наша старина, 1915, декабрь, с. 1168.

[203] Георгиевский Г. П. И. С. Тургенев в переписке с графиней Е. Е. Ламберт.— Голос минувшего, 1914, № 10, с. 192—193. См. также статью Г. П. Георгиевского в кн.: Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. М., 1915.

Для той поры, может быть, наиболее справедливую характеристику писем Тургенева как источника для понимания его личности дал А. Ф. Кони — один из немногих оставшихся тогда в живых современников Тургенева, несколько раз встречавшийся с ним, хорошо знавший близких его друзей и долго и пристально его изучавший. В своей речи памяти Тургенева, произнесенной на собрании Академии наук (в марте 1909 г.), А. Ф. Кони говорил: «Драгоценный материал для суждения о Тургеневе дают его письма. В них не только сказывается великий русский писатель со своими печалями и страданиями, с отношением к родине, к жизни и смерти, к искусству и творчеству и, наконец, к самому себе и друзьям, но и блестит его юмор, и тихо светится задушевная грусть... В них Тургенев, говоря о том или другом, незаметно для себя свидетельствует о самом себе»[204].

Одним из инициаторов систематической и планомерной подготовки к изданию полного собрания писем Тургенева выступил, еще за несколько лет до Октябрьской революции, Н. К. Пиксанов. В 1913 г., в письме в редакцию немецкого исторического журнала, Н. К. Пиксанов сообщил об основании под его руководством «Тургеневского кружка» при Высших женских курсах в Петербурге и от имени этого кружка обратился к немецкой общественности с призывом разыскивать новые документальные материалы к истории жизни и творчества И. С. Тургенева, в частности — его еще не опубликованные письма[205]. В предисловии к вышедшему два года спустя под его редакцией «Тургеневскому сборнику» Н. К. Пиксанов писал: «Составляет настоятельную задачу библиографически зарегистрировать всю массу уже напечатанных писем Тургенева. Но еще более необходимо разыскивать и опубликовывать письма неизданные». Составление полного перечня опубликованных в печати писем Тургенева взяла на себя Н. Г. Богданова, под руководством Н. К. Пиксанова. Эта работа была доведена до 1918 г., но, к сожалению, не увидела света[206].

---

[204] Кони А. Ф. На жизненном пути. СПб., 1913. Т. II, с. 411. (Ранее напечатано в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук», 1909, кн. IV, с. 1—39).

[205] Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte, 1913, Bd. III, S. 156.

[206] Тургеневский сборник/Под ред. Н. К. Пиксанова, с. X, XIV. Рукопись указателя, составленного Н. Г. Богдановой, с дополнениями Н. К. Пиксанова, в двух экземплярах, сохранилась в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР. Позднее группа учеников А. Г. Фомина — Э. Збарж, Г. Масловская и А. Пейсин — составила продолжение

После широко отмеченного в нашей стране в 1918 г. 100-летия со дня рождения И. С. Тургенева родилось первое намерение издать полное собрание его писем. «Научное издание переписки Тургенева» признано было в то время, по словам Н. Л. Бродского, «важной очередной задачей». «Только имея проверенный текст, восстановленный по рукописям и по печатным изданиям, можно изучать манеру письма, стиль, войти в лабораторию творчества Тургенева, только сведе́ние воедино обширнейшего эпистолярного материала Тургенева, рассеянного по журналам, газетам, сборникам и хранящегося в разных архивах, развернет перед исследователями личность Тургенева с его многообразными интересами»,— писал Н. Л. Бродский, рекомендуя приступить к «организованным и планомерным» розыскам материалов и к их критическому изданию [207].

Эту задачу взяло на себя «Тургеневское общество», основанное в мае 1919 г. В изданном под редакцией председателя общества А. Ф. Кони «Тургеневском сборнике» сообщалось: «Общество приступило к подготовке к изданию полного собрания его 〈Тургенева〉 писем. Избранная с этой целью комиссия, под председательством Б. Л. Модзалевского, деятельно работает над собиранием и подготовкой их к печати 〈...〉 Издание всего огромного количества писем (около 4000) потребует большой и очень продолжительной работы и займет, по приблизительному подсчету, 8 томов» [208]. Работа начата была довольно интенсивно, но завершить ее не удалось.

В 1935 г. работа над изданием собрания писем Тургенева возобновилась в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР под руководством М. К. Клемана, И. Л. Маяковского и Ю. Г. Оксмана. К печати подготовлены были два первых тома. Тексты первого тома, отредактированные М. К. Клеманом, сохранились в машинописных копиях в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

В разное время, независимо от полного издания, предпринимались и попытки частичной публикации писем Тургенева в сборниках хрестоматийного типа или в виде «Избранных писем», входивших в состав собраний сочинений писателя. Составитель одного

указателя писем Тургенева, доведя его до 1934 г., как раздел работы «Материалы для библиографии И. С. Тургенева за 1917—1934 гг.»; рукопись этой работы хранится также в Пушкинском Доме.

[207] Бродский Н. Л. Юбилейная литература о Тургеневе.— Научные известия, 1919, № 2, с. 220—221.

[208] Тургеневский сборник/Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921, с. 10—11.

из таких изданий Н. Л. Бродский, представляя читателю в 1924 г. выборку из 229 писем Тургенева, писал: «Будем надеяться, что настоящее небольшое собрание писем творца „Отцов и детей“ побудит наших тургеневистов дать русскому читателю *полное собрание переписки Тургенева*,— только имея его в руках, можно ощущать твердую почву при комментировании ⟨Тургенева⟩ ⟨...⟩ сказавшего: „моя биография в моих сочинениях“ и давшего в письмах ценнейший материал для истории литературного и общественного развития в России»[209]. Н. Л. Бродский, издавая «Избранные письма» Тургенева в 1949 г. (429 писем; значительная часть из них дана в отрывках и извлечениях), выражал надежду, что в недалеком будущем «встанет вопрос о подготовке академического полного собрания сочинений Тургенева вместе с его перепиской»[210].

Эта работа была начата в 1955 году, когда Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР приступил к подготовке издания Полного собрания сочинений и писем Тургенева в 28-ми томах. Издание было осуществлено в 1960—1968 годах. Эпистолярное наследие писателя составило в нем 13 томов, из которых два последних вышли в свет каждый в двух книгах. В редакционном предисловии к 1-му тому Писем было сказано: «Настоящее издание писем И. С. Тургенева представляет собою собрание всех доныне известных его писем, опубликованных и неопубликованных, сохранившихся в подлинниках (где бы они ни находились) или только в печатных текстах». Этому принципу неизменно следовали на всем потяжении издания его редколлегия и весь коллектив его участников.

Успеху издания немало способствовала постоянная помощь, которую Пушкинский Дом получал со стороны многих научных учреждений и отдельных лиц как в Советском Союзе, так и за его пределами. Интересующийся читатель найдет названия этих учреждений и имена лиц, всемерно содействовавших полноте издания, в соответствующих его томах. Но и здесь хочется особо отметить участие в нем славистов Франции, ГДР, Англии.

И тем не менее, не все, что должно было войти в это издание тургеневского эпистолярия, в него вошло, не все, что было напечатано в нем, печаталось по тем авторитетнейшим источникам, какими являются подлинники тургеневских писем. Так, за неимением этих подлинников, хранящихся в частных собраниях, часть писем Тургене-

[209] И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах. Ч. 2. Письма И. С. Тургенева/ Под ред. и с прим. Н. Бродского (серия «Историко-литературная библиотека», вып. 7). М., 1924, с. 3.

[210] Тургенев И. С. Собр. соч. М., 1949, Т. XI, с. 386.

ва к Полине Виардо печаталась по их первым, не всегда полным и не свободным от ошибочных прочтений подлинного текста публикациям, подчас переводным. Многие десятки писем писателя вообще остались за пределами издания, так как их владельцы не пожелали тогда опубликовать их. Значительное количество писем Тургенева выявлено уже в последнее десятилетие.

Однако не эти отдельные неудачи, неизменно сопутствующие любому большому делу, определили значение первого полного собрания писем Тургенева. 6264 письма писателя было напечатано в нем, и из них 1638 писем были опубликованы здесь впервые. Впервые столь полно собранные воедино, письма Тургенева вызвали широкий общественный резонанс, привлекли внимание к ним читателей всего мира. Этому обстоятельству мы и обязаны в первую очередь теми новыми находками, о которых уже отчасти сказано выше. Публикации новонайденных писем Тургенева в последнее десятилетие стали частыми явлениями в нашей и зарубежной печати.

Письма Тургенева к Полине Виардо и членам ее семьи, несколько лет назад предоставленные для публикации ее наследниками, вышли в свет во Франции [211] и в настоящем издании смогут стать достоянием широкого советского и зарубежного читателя. Войдут в него и десятки других писем Тургенева, неизвестных в пору осуществления первого издания и опубликованных уже после его завершения [212]. Будут и новонайденные письма, которые впервые уви-

---

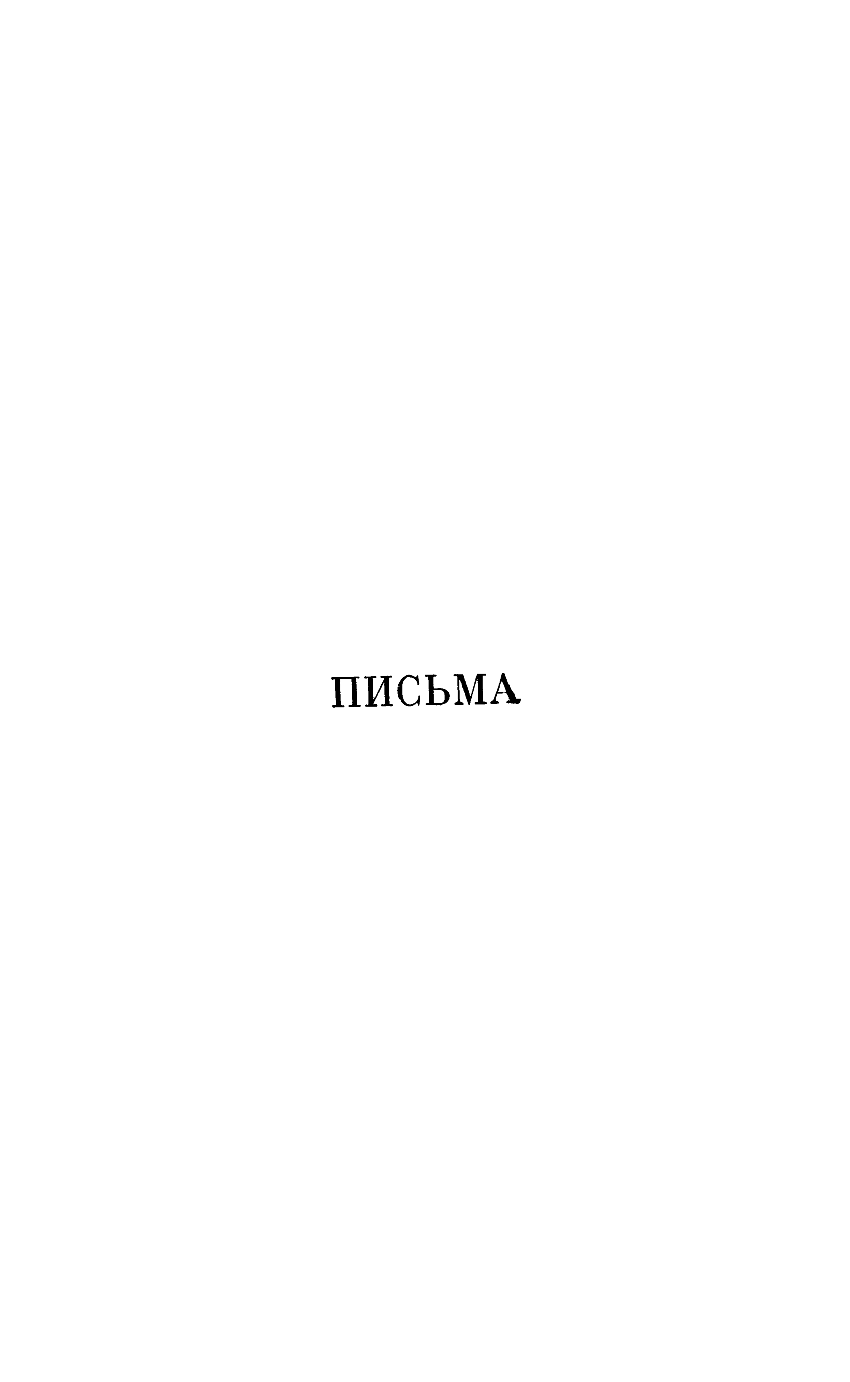
[211] Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite. Textes rec., annot. et précédés d'une introd. par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1971 (t. 1), 1972 (t. 2); Lettres inédites de Tourguénev à Pauline Viardot et à sa famille. Publ. et annot. par Henri Granjard et Alexandre Zviguilsky avec la collab. de Duša Perović. Introd. de Henri Granjard. Lausanne, 1972; Quelques lettres d'Ivan Tourguénev à Pauline Viardot. Textes établis, introd. er annot. par Henri Granjard. Paris — La Haye, 1974.

[212] См., в частности: Потапова З. Неизвестные письма И. С. Тургенева итальянским литераторам.— Вопросы литературы, 1968, № 11, с. 84—95; Montreynaud Florence. Les dernières années de Turgenev en France. Dix-neuf lettres de Turgenev à des amis français.— Cahiers du monde russe et soviétique, 1972, vol. 13, p. 40—56; Waddington P. 1) An unpublished letter of Turgenev to Pauline Viardot.— Slavonic and East European Rev., 1970, Apr., p. 272—275; 2) Two unpublished letters from Turgenev to the Buloz family.— Ibid., 1973, July, p. 439—444; 3) Some unpublished letters by Turgenev.— New Zeeland Slavonic J., 1975, № 1, p. 51—76; 4) Some letters from A. I., I. S. and N. I. Turgenev to Richard Monkton Milnes (Lord Houghton).— Ibid., 1975, № 2, p. 61—83.

дят свет на страницах начинающегося издания, и письма, которые еще не открыты или известны пока только их владельцам и узкому кругу близких к ним лиц.

Письма Тургенева — этого несомненного мастера эпистолярного жанра,— представленные в настоящем издании в значительно более полном объеме, чем это было в предшествующем, — раскроют нам новые аспекты в его творчестве, подчеркнут лишний раз органическую связь его писем с произведениями, засвидетельствуют многообразие интересов, широту горизонтов, изобилие связей великого художника слова с людьми разных поколений, разных социальных слоев, разных профессий — не только России его времени, но и других стран мира.

М. П. Алексеев.

ПИСЬМА

1831

1. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

22, 23, 24, 25, 26 марта (3, 4, 5, 6, 7 апреля) 1831. Москва

Милый дядя!

Извини меня, если я не мог тебе написать во вторник письма: зато я нынче напишу тебе предлинное письмо.

Я буду тебе писать его вроде журнала с воскресения. Начинаю.

Воскресенье, 22-го марта. Я в этот день встал в седьмом часу; оделся и пошел в церковь. После обедни мы отправились в наемном возке на Воробьевы горы; выехавши из заставы, мы попросились идти пешком по дороге; нам позволили; только что я вышел и прошел немного, как по обыкновенной мне неловкости я посклизнулся и бух в грязь: замарал шубу, штаны и разорвал их! Что делать! Встал да пошел. Как мы пришли к Анне Ивановной, то меня провели в кабинет, сняли штаны, и пока я дожидался, что их зашьют, сидел я один около двух часов в шлафроке. Один! Хорошо, если б меня посадили где-нибудь наверху: а то я был только отделен перегородкою, не запертою от компате, где завтракали! Досада и скука! Я там должен был завтракать, а из нечего делать взял я какую-то книгу, которая там лежала. Какая ты думаешь? Немецкий молитвенник; я его принялся читать, как мне принесли штаны; я вышел, и мы скоро уехали домой, где не обедали, по милости повара. После времени обеда поехали мы с г-ном Лабансвым к Гагариным; танцевали там кадрилы французские, старую и новую, галлопад, мазурку и экосес. Мне не так хотелось танцевать; так посуди же, как мне было досадно, что какая-то косая, уродливая и притом очень злая дама[а] вдруг закричала во всё горло: «Bravo, Mr Tourgiéneff, bravo!». Я тебе говорю, что она была зла, потому что она про свою маленькую сестру при всех всё говорила: что она неловка, неумна, дурно воспитана etc; и то так злобно, что я невольно сказал про себя, на нее смотря, как Пушкин говорит: «Змея, змея!» [1].

[а] *В подлиннике ошибочно.* дама дама

Однако ж кончим эту материю: она, наверно, тебе не нравится. Мы от Гагариных поехали к г-же Яковлевой. Мамаша была уже там; нас там спрашивали о здоровье, о папаше и пр. Наконец мы уехали домой, и я спешил лечь спать.

Понедельник, 23-го марта. Я проснулся рано и спешил вниз и начал готовить уроки г-ну Фалантину. Ты, верно, еще не знаешь, что Платон Николаевич хочет переменить его и на его место взять *Грегориуса какого-то*. Да не пиши Платону Николаевичу об этом: ведь это тайна. Вдруг бьет восемь часов и г-н Фалантин входит, садится, поправляет переводы: «Haben sie das Buch, aus welchem sie übersetzt haben»,— сказал он. Я иду в библиотеку, гляжу — нету! «Искал, искал да наконец устал»,— говорит Крылов [2]; так случилось и со мною. Говорю: нету: и за то учитель четкими буквами пишет роковые слова: «Не был доволен». Что же вышло: Никанор изволил утром взять[б] книгу без спроса; Платон Николаевич меня простил. После того был наш самый строгий учитель Дмитрий Никитич; мы ему говорили историю, грамматику и стихи. Вот что он мне записал:

Грамматики = очень хорошо.

Стихи = весьма хороши.

История = хороша; но прибавление не выучено.

N.B. За прибавление я благодарен Дмитрию Никитичу: я совсем позабыл, что надо их[в] выучить; он за меня просил, и меня простили.

После обеда был г-н Гардорф, выслушал мой урок и задал мне вперед. Тут я пошел на двор, бегал, потерял калошу: но ее нашли; так прошел понедельник.

Вторник, 24-го марта. Всё шло надлежащим порядком; я приготовил г-ну Дубле сочинение «L'Ambition»; мне поставили «хорошо»; после того был Платон Николаевич и дал геометрический урок; я знал хорошо. После обеда был г-н Щюровский. В этот день мы не получили, однако ж, письма. На этот раз прощай.

Середа, 25-го марта. В этот день был праздник: Благовещение; мы пошли в церковь, потом начали бегать по двору: испачкались все грязью и пришли домой; разделись и после обеда мы поехали к г-же Яковлевой: там играли в жмурки и видели Левушку Яковлева. Нам было

[б] *Далее зачеркнуто:* ее

[в] *Так в подлиннике.*

очень весело, и мы поздно приехали домой. Невольно я подумал о Голове в «Руслане», как она говорит ему: «Я спать хочу: теперь уж ночь, прощай!» [3] etc...

Четверг, 26-го марта. Нынче был г-н Валентин у нас, и я знал хорошо: после Платон Николаевич... Да вот одна задача; попробуй реши ее.

Один фонтан наполняет пруд в 12 дней; второй в 9; во сколько времени, если пустить обоих, наполнят они пруд?

Вечером был г-н Лабанов, а в 8-м часов сижу уж я за столом классным, на моем месте, и оканчиваю письмо; на учительском сидит Николенька, ест шепталу и читает альманах; против меня Никанор читает «Телеграф»; против Николеньки сидит г-н Мейер и читает так [г] «Мифологию»; мамаша сидит за своим столом [д], учит немецкие слова.

Теперь кончился мой журнал; прибавлю еще словца два.

Я слышал, что ты писал, что едешь в милицию [4]. Дядя, я тебя не пущу: если поедешь, так обниму тебя, и тогда поезжай со мною или останься. Да ты шутишь, я тебя знаю.

Вот еще новость: мамаша получила от папаши для тебя прекрасную фуфайку шерстяную, а мамаша премиленькую чашку. Да уж мне пора догадаться, что я болтаю уже чресчур и так. Прощай!

Целую тебя тысячу раз и остаюсь
твой без выражения тебя любящий племянник
Иван Тургенев.

P. S. В будущем письме скажи мне о Скобе.

Да, кстати, г-н Мейер просил меня изъявить тебе свое почтенье.

Мамаша будет тебе писать завтра.

2. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

27, 28, 29, 30 марта (8, 9, 10, 11 апреля) 1831. Москва

Милый дядя!

Опять за перо, опять писать к тебе, милый, милый дядя; но я продолжу журнал снова.

Прошлый мой журнал кончается в четверг: теперь я начинаю с пятницы.

[г] *Далее зачеркнуто:* же

[д] *В подлиннике:* за своем столе

Пятница, 27-го марта. Утомленный вчерашними уроками, проспал я назначенное время, вскочил, гляжу на часы, ½ седьмого. Скорее одеваюсь, спешу; но слова «Vous n'aurez aujourd'hui pas de thé» г-на Мейера разрушили мою надежду. Однако ж он нас простил. Г-н Дубле был у нас; я для него приготовил сочинение «La Mémoire», за которую он мне поставил «хорошо». В риторике он меня спрашивал речь Мирабо, очень красноречивую. Например, говоря о своих врагах, которые старались его свергнуть с[а] его высоты, он восклицает: «Que m'importe! ces coups de *bas en haut* ne m'arrêteront pas dans ma carrière!..». Это место превосходно[1]. После[б] Дубле был г-н Вивиенн; я нарисовал для него руку, держащую виноград.

После обеда был г-н Дубенский; вместо чтоб тебе описывать класс, я тебе скажу одним словом, что он мне поставил всё «отлично».

Вечером приехали к нам гости, именно: г-н Веревкин, г-жа Обрезкова, г-жа Шишкина. Но однако ж уж поздно: пора спать.

Суббота, 28-го марта. Встав довольно рано, начал я готовиться г-ну Щюровскому об синтаксисе. Класс шел порядком, после мы поговорили о медицине, и он уехал; после него был Платон Николаевич, вечером не было никого.

Воскресенье, 29-го марта. Я проспал время, потому что думал: нечего делать. Пошли к обедне. Оттуда мы[в] были у бабушки Бибиковой. Бывши дома, пообедали и[г] гуляли по Тверскому бульварю. Уже дня четыре как совсем не видно ни саней, ни снегу. Москва-река понемногу сходит. В этот раз погода была прекрасна. Но как Николенька уморился, то мы воротились. Я начал читать «Телескоп», журнал, которого взял от студента Никанор и нам дал. Я сличил его с «Телеграфом». Смешно видеть, как один хвалит то, что другой порицает. Вот пример:

О Дмитриеве, Михайле.

«Телеграф».	«Телескоп».
Принужденно, вяло, сухо.	Чисто, сильно, без принуждения [2].

[а] *Далее зачеркнуто:* своей

[б] *Далее зачеркнуто:* обеда

[в] *Далее зачеркнуто:* пошли в

[г] *Далее зачеркнуто:* пошли гулять

О Ротчеве.

«Телеграф».	«Телескоп».
Виден талант большой.	Очень худо [3].

Посуди, кому верить?

Понедельник, 30-го марта. Утром был г-н Фалантин (в последний раз) . . . хм. . . хм. . . Я перевел для него «Рыцарский поединок» [4], сделал сочинение, выучил стихи, всё — «очень хорошо». После был Дмитрий Никитич. Я ему говорил:

1-е. Стихи. Мне понравилось в моем уроке, в описании Кавказа, стихи:

Утесов *мшистые громады*,
Текущи *с ревом* водопады
Во *мрак пучин с гранитных скал*,
Леса, которых *сна от века*
Ни стук секир, *ни человека*
Веселый глас не возмущал, etc.

И еще:

. . . . Елени,
Орла послышав *грозный крик*,
Стеснясь в толпу, *шумят ветвями*,
И козы легкими ногами
Перебегают по скалам! [5]

2-е. История. О франках.

3-е. Грамматика. О причастиях.

За всё поставили «очень хорошо». После обеда был г-н Гардорф. Мы после купили птичек премиленьких, которых имен я однако ж позабыл.

Журнал мой кончен: еще немного тебе написать и довольно.

1-е. Не позабудь, пожалуста, сделать ящичек, как я тебя просил.

2-е. Напиши мне о Скобе, есть ли от него [д] хорошие жеребята.

3-е. Когда приедешь, не позабудь привести верховых лошадей.

4-е. Ответь мне на это письмо: я твое буду хранить как мой талисман.

[д] *Было:* есть ли у него

Скоро ли я перестану тебя целовать заочно: так мне хочется тебя самого крепко, крепко поцеловать.

Твой тебя до n^n любящий племянник

Иван Тургенев.

P. S. Я совсем позабыл написать о Грегориусе, наследнике престола Фалантинова, он был у нас ныне и расспрашивал меня о немецком языке. Николенька тебе не будет писать нынче.

3. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

31 марта, 1, 2 апреля (12, 13, 14 апреля) 1831. Москва

Милый дядя!

Мой журнал:

Вторник, 31-го марта. Утром приехал к нам г-н Дубле; композиция моя была «L'Homme vain» и окончание Мирабо речи; оно еще лучше начала. Читая сию речь, я восхищался до такой степени, что нельзя выразить. После был г-н Платон Николаевич. Из алгебры мы делали задачи, очень любопытные. Пообедавши, был г-н Щюровский. Мы говорили после класса, как ты думаешь, о чем: о философии! .. еще более... мы углублялись в глубочайшую премудрость и пр. и пр. С некоторых дней так на дворе тепло, что нынче $12^1/_2$ градусов тепла.

Середа, 1-го апреля. Обманывал, был обманут, смеялся над обманутыми я в этот день. Утром, как я готовился, Николенька мне принес свернутую бумажку и сказал: «Вот письмо». Я развернул: ничего не было. Я пошел к г-ну Мейеру и сказал, что к нему пришел слуга г-на Владимирова; он вскочил, никого не было. Но всего лучше обманут был Сережа. Мы согласились с Никанором и написали старинным почерком:

«Милостивый государь!

Извещаю Вас о смерти Вашей любезной матушки Васильевной. Как Николаю Николаевичу нет времени, то он приказал мне написать.

Ваш и пр.

Павел Москалев.

Из Спасской домовой конторы».

Намазали печать и отдали Сереже. Тут-то начались вздохи, слезы и бог знает что; наконец, его разуверили. Были нынче из учителей: рисовальный и г-н Дубенский.

Милый Дядя!

Мой Журналъ:

<u>Вторникъ, 31-го Марта.</u> Утромъ пріѣхалъ къ намъ Г-нъ Дубюкъ. Композиція подъ назв.: La Nonne d'Avila и окончаніе Мирандо рыцаря еще лучше начала. Читавши сіи стихи я восхищался до такой степени, что не въ силахъ выразить. Послѣ былъ Г-нъ Платонъ Николаевичъ. Изъ Алгебры мы дѣлали задачи очень мудреныя. Пообѣдавши былъ Г-нъ Игоровскій: Мы говорили послѣ иного, какъ ты видишь о чемъ: О Философіи! — еще болтали, углубляясь въ глубочайшую премудрость и пр. и пр. Съ нѣкоторыхъ дней такъ на дворѣ тепло ~~что~~ вышло 12½ градусовъ тепла.

<u>Середа 1-го Апрѣля.</u> Обманывали, было весело шутить, смѣялись надъ обманутыми въ этотъ день. Утромъ какъ я готовился, Николинька мнѣ принесъ свернутую бумажку и сказалъ: Вотъ письмо: я развернулъ, ничего не было. Я послалъ къ Г-ну Мейеру и сказалъ, чтобъ ему принесли свѣчи Г-на Владиміра: онъ вспомнилъ, никого не было. Но всѣхъ лучше обманутъ былъ Серёжа. Мы сочинили письмо отъ Миканорыча и написали его поперемѣнно:

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА К Н. Н. ТУРГЕНЕВУ ОТ 31 МАРТА, 1, 2 АПРЕЛЯ (12, 13, 14 АПРЕЛЯ) 1831 г.

Первая страница.

1-ое. Стихи:

Или, по *топким берегам,*
В траве высокой, в чаще леса
Рассыпавшись, *добычи ждут.*
Скалы свободы их *приют,*
Но жизнь в аулах их *бредет*
На костылях угрюмой лени... [1]

2-ое. География Турции. Да, знаешь ли, как в Турции добывают пенковые вещи? Эта пена находится в земле, бела, мягка, как воск, а по недельному подвержению солнечным лучам твердеет, желтеет, и выходят пенковые трубки.

3-е. История. О франках.

Четверг, 2-го апреля. Нынче был Валентин; ему хотели отказать, но он был и давал урок. После [а] был г-н Платон Николаевич; он мне поставил «прекрасно».

Вот наш урок:

Из линий «а» и «в» и угла «к» составить треугольник и разобрать все случаи, коих для острых углов 3, для тупых 1 и для прямых 1.

Кажется, легко, а очень трудно. После обеда был г-н Гардорф и наследник престола немецкого языка г-н Григориус. Ему показались наши переводы очень трудными, сочинение мое ему очень понравилось, задал нам уроки и уехал.

Вот и журналу аминь.

Много, много мне нынче тебе писать, дядя, в письме: первое и главное то, что мы еще до сих пор не получали писем от папаши [2], не оттого, что он не писал, но что почта до сих пор не приходила по причине скверной дороги. Теперь в Москве с большой части улиц подымается уж пыль, как проезжают. Река сошла, и пропасть человек сбирается смотреть на Каменном мосту, как огромные льдины почти в половину реки летят, лезут, вдруг бух об аркаду и разрушаются с треском в малые льдины, другая через нее, третья, четвертая... Можно сказать об них:

Глотают друг друга в бореньи воя,
(льдины) (ю) (льдины) (ие)
Из моря рождается море другое [б,3] .

[а] *Далее зачеркнуто:* обеда

[б] *Вписанное над строкой дает иную редакцию:* Из льдины рождаются льдины другие

Вот и другой стих: из льдин порождаются льдины другие. Этот моего сочинения.

В будущую почту отвечай мне, пожалуста, особенно хоть только этот раз.

Целую тебя со всего сердца и остаюсь твой тебя так любящий племянник, как ты меня любишь,

Иван Тургенев.

P. S. Сережа тебе не хочет писать, говоря, что не знает, что писать. Николенька тебе пишет одни имена: «Фелькерцам, Скоба, ящик». Ответь на письмо. Особливо не забудь, я тебя прошу, последнего [4].

4. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

3, 4, 5 (15, 16, 17) апреля 1831. Москва

Милый, милый дядя!

Я думал долго, как начать, наконец решился: я тебя невыразимо люблю, люблю до бесконеч⟨нос⟩ти, одним словом, нельзя и написать на бумаге то, что я чувствую. Шаркнет ли кто в передней, я лечу туда: не почтальон; вот уже неделя, как нет мне совершенных радостей — я не получаю ни слова, ни привета, ничего. Ах, дядя, ты это не чувствуешь: каждый раз получаешь письма и не отвечаешь. Напиши мне хоть в мамашином письме два слова — и я весел. Я тебя прошу не в первый раз: всякий раз ты[a] исполнял, исполни и эту просьбу. Когда я знаю о твоем здоровье, тогда веселее учусь, веселее играю, слаще сплю. Дядя, дядя, никогда я тебя не просил так усильно, нынче в первый раз. Ах, как бы я желал, чтоб с начала было б хорошо!

Мой журнал.

Пятница, 3-го апреля. Утром встал я рано и дописал тебе письмо, потом готовился г-ну Дубле. Сочинение было — письмо. В риторике я учил начало «Генриады» [1] и знакомые стихи:

Je chante ce héros qui régna sur la France
Et par droit de conquête et par droit de naissance etc.

На них есть музыка.

После был Вивиенн.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* се

(В сию минуту я прочел твое письмо прошлого года, а мне казалось, что я читаю нынешнее письмо. . . Мне было так легко, так весело!)

После обеда читал я Карамзина, потом был Дмитрий Никитич.

1-ое. Стихи. Особенно мне понравились

Смиренно отдал ты поклон
Жилищу *Вихря-Атамана*;
И из *заветного стакана*
Его здоровье на Цымле
Пил [2] etc.

2-е. География. О азиатской Турции.

Какие имена, не упомнишь: Кади-Киос, Гузуль-Гиссар, Эскиудар, Изниконмид, Кара-Гиссар, Диарбекр, Тарабазон, Бунир, Баши и пр.

3-е. История. О Италии, Испании, Британии и Восточной Римской империи.

Мне поставили «отлично» по ревности и виду.

Суббота, 4-го февраля [3]. Утром от 8—10 был — латинский учитель: толковал урок, написал очень хорошо, и начались рассуждения о медицине, о натуре, о философии; словом, г-н Щюровский есть философ. После него был Платон Николаевич и поправлял тетради арифметические. После обеда пошли мы гулять. Москва разлилась ужасно: в 1810-ом году была только ей подобна; льдины, бочки, бревна, крыши домов, горшки, ящики — всё летит по реке, которая с ужасным ревом клубится, бушует, стенает, вертится, взвивается, кипит. Она даже потопила улицу со стороны Кремля, не говоря о той стороне, которая потоплена.

Воскресенье, 5-го февраля [3]. Всё было как обыкновенно, кроме одного: я купил чижа с самкой, снегиря с самкой, посадил их в садки. Но та птичка, прежняя, была удушена другою: они были двое самцов; самка чижа скоро вынесет яйца.

Устал!

Мне больше не о чем тебя просить. Но осведомиться хочу о твоем здоровье и как идут дела наши в Спасском.

Да еще! Я вчера впервые почувствовал неизъяснимое волнение и переворот во всей внутренности, читая «Изменника» Бестужева: я принимался раза два его докончить — не мог. Я дрожал и едва дочитал до конца. Слова: «с судорожным движением открыл глаза, затекшие

кровью...»[4]. Не могу дальше писать. Целую тысячу раз тебя и остаюсь твой тебя обожающий племянник

Иван Тургенев.

5. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

7, 8 (19, 20) апреля 1831. Москва

Милый дядя!

Как я обрадовался, когда получил твое письмо, милый дядя! Запрыгало у меня от радости сердце. Так я был рад! Ах, дядя, извини, что я тебе вчера так написал усильно: мне так хотелось твоего письма. Ах! если б у меня были крылья, я б полетел туда и прижал бы тебя крепко, крепко к груди, расцеловал бы тебя... Но куда я зашел?.. Пора начать мой журнал.

Журнал.

Вторник, 7-го декабря[1]. Длан, длин, длан, длин, длан! — колокольчик разбудил меня; я встал и, одевшись, пошел вниз. Начал готовиться г-ну Дубле.

Теперь я тебе опишу класс весь, как был.

Пришел, сел и вынул из жилета тотчас конфет[2], дал нам по две, поправил перевязку на больном пальце и начал заниматься Сережею. После того Николенька прочел анализ, я также; он прочел композицию, я сделал то же. Из риторики не понравилось мне: она очень не по моему вкусу.

(Тут пришла мамаша и сказала: «Дядя приедет к Святой!». Дядя! я был обрадован так, что прыгнул бы до потолка. Привези, пожалуйста, верховые лошади; моя была бы росту среднего, как Федорова лошадь; гнедая, вороненькая или рыжая, а если хочешь, серая, чтобы скоро бежала и не слишком борза. Вот какую я люблю.)

После был Платон Николаевич: он не давал уроку и был всё при мамаше: она очень больна. После обеда был г-н Щюровский, учитель латинского и философии. Он занимался с нами, и я получил «очень хорошо».

Середа, 8-го апреля. Утром был г-н Никто[3].

Мы списывали для папаши; а я для тебя и для папаши. От 10 до 12 мы готовились к Дмитрию Никитичу Дубенскому. Он приехал ровно в 1 час.

1-ое. Стихи. Известные Державина:

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми и пр.[4]

О красоте их я не смею судить: но они мне кажутся превосходными.

2-ое. История. Мы учили Восточную империю и аравитян.

3-е. География. Кончили Турцию и начали Азию.

За всё поставили мне «очень хорошо».

После него был г-н Никто. Мы пошли гулять и пришли поздно.

Я бы еще написал, да почта дожидается: я опоздал. Прощай, целую тебя тысячу раз и остаюсь

твой тебя вечно любящий племянник

Иван Тургенев.

1834

6. Н. С. ТУРГЕНЕВУ

25 февраля (9 марта) 1834. Москва

Lieber Nicolas!

Ich bin nicht schuldig, daß ich so lange geschwiegen habe, ich war krank und man hat mir zwölf Blutigel <an den>[а] Hals gesetzt. Ich habe dein<en>[б] Brief an Vater gelesen und habe dich beklagt, daß der Anfang des Dienstes dir so schwer sich zeigt[1]. Sei gesund und munter; alles wird gut gehen. Mutter fährt vielleicht diese Woche nicht, denn das Wetter abominabel ist[2]. Ade. Ich bleibe dein Freund und Bruder

I. Turgeneff.

P. S. Kaufe und schicke mir (das Geld werd' ich dir schicken) Wolfs «Litteratur» im *1 Band*[3].

[а] *В подлиннике:* ans

[б] *В подлиннике:* dein

1836

7. С. М. ФИГЛЕВУ

27 ноября (9 декабря) 1836. Петербург

Сергей Михайлович,

Так как Вы обещали нам приходить нас навещать, то мы надеемся, что Вы придете к нам сегодня откушать... Маменька Вас будет ожидать. Сделайте одолжение, скажите сему посланному Ваш ответ, который, я надеюсь — будет утвердительный.

Вам преданный
Иван Тургенев.

Сего 27-го ноября
1836-го года.

На обороте:

Милостивому государю
Сергею Михайловичу
Фиглеву.

1837

8. А. В. НИКИТЕНКО

26 марта (7 апреля) 1837. Петербург

Милостивый государь
Александр Васильевич,

Препровождая Вам мои первые, слабые опыты на поприще русской поэзии, я прошу Вас не думать, чтоб я имел малейшее желание их печатать — и если я прошу у Вас совета — то это единственно для того, чтобы узнать мнение Ваше о моих произведениях, мнение, которое я ценю очень высоко. Я колебался, должен ли я был послать *драму*, писанную мною 16 лет, мое первое произведение,— я столько вижу в ней недостатков, и вообще весь план ее мне теперь так не нравится, что если б я не надеялся на Вашу снисходительность—а главное —если б я не думал, что по первому шагу можно по крайней мере предузнать будущее, я бы никогда не решился бы Вам ее послать [1]. С год тому назад я ее давал П. А. Плетневу — он мне повторил то, что я давно уж думал, что всё преувеличено, неверно, незрело... и если есть что-нибудь порядочное — то разве некоторые частности — очень немногочисленные [2]. Считаю долгом заметить, что (Вы, конечно, это тотчас заметите) размер стихов очень неправилен. Переделывать их теперь не стоило труда — и я было хотел ее предать совершенному забвению — когда ближайшее знакомство с Вами побудило меня показать ее Вам. «Повесть старика» — недоконченная и вряд ли когда окончаемая поэма — писана в 1835-м году [3]. И наконец: «Наш век» — произведение, начатое в нынешнем году в половине февраля, в припадке злобной досады на деспотизм и монополию некоторых людей в нашей словесности [4]. Прошлый год был посвящен переводу — Шекспирова «Отелло» (который я не кончил — только до половины 2-го акта), «Короля Лира» (с большими пропусками) и «Манфреда». Первые два перевода мною истреблены — мне они казались слишком дурны после переводов Вронченки [5], Панаева... [6] Притом это было ложное направление — я совершенно не гожусь в переводчики. «Манфред» у меня не списан — оттого я и не посылаю его к Вам. Если то, что я Вам по-

слал — покажется Вам не совершенно дурным — то если Вам будет угодно мне сказать, я Вам доставлю еще три маленькие конченые поэмы: «Штиль на море», «Фантасмагория в летнюю ночь» — и «Сон» [7]. Сверх того у меня около 100 мелких стихотворений — но всё не переписано — разбросано... «Наш век» — не кончен — я работаю теперь над ним. Впрочем, от Вашего решения будет зависеть, должен ли я продолжать. Еще одна просьба: не говорите об этом Петру Александровичу, я обещал *ему* — перед знакомством с Вами — доставить мои произведения — и до сих пор не исполнил обещания [8]. Мнения его, которые я, впрочем, очень уважаю — не сходятся с моими. Притом — я Вам скажу откровенно — при первом знакомстве с Вами я к Вам почувствовал неограниченную доверенность... И еще забыл Вам сказать — что мною в конце прошлого года начата драма, которой первый акт и весь план совершенно кончен; я надеюсь, по приезде моем из деревни — привезти ее уже конченную (в сентябре) [9]. Засим прошу у Вас снисходительности за смелость, которую я принял, Вас обеспокоить — и прошу Вас верить в те чувства уважения и совершенного почтения, с которыми я остаюсь,

Ваш покорнейший слуга
Иван Тургенев.

26-го марта
1837-го года.

9. Г. С. ДЕСТУНИСУ

21 апреля (3 мая) 1837. Петербург

Вы, наверное, пеняете на меня, г-н Дестунис, что я так долго не шлю к Вам тетрадки Вашей [1] — но, узнавши причину, Вы, наверное, будете более снисходительны. На прошлой неделе меня дышлом каретным выкинуло из дрожек; я себе расшиб чашку и вывихнул плечо; благодаря бога, плечо мне тут же вправили и к колену приставили пиявки — что меня спасло. Я и теперь не могу ходить и пишу к Вам с постели. Впрочем как я надеюсь завтра встать, то пришлите мне, сделайте одолжение, Вашу 6-ую тетрадь, которую я Вам даю слово возвратить непременно к воскресению с благодарностью. Если Вас теперь дома нету — то приготовьте ее к 6 часам вечера — мой человек у Вас будет. Также прошу Вас назначить мне, до

какого именно стиха Греффе толковал «Эдипа» [2] и что сделал Фрейтаг из Горация и Цицерона?

Весь ваш
Иван Тургенев.

1837-го года
21 апреля.

На обороте:
Г-ну Дестунису.

10. Г. С. ДЕСТУНИСУ

25 апреля — 2 мая (7—14 мая) 1837. Петербург

Господин Дестунис, я у Вас был и отдал там Вашу 6-ую тетрадь Ивановского; Вы бы меня очень обязали, если б приготовили 7-ую сегодня к 4 часам пополудни, которую я бы Вам к экзамену Греффе с благодарностью возвратил.

Вам преданный
Иван Тургенев.

11. Г. С. ДЕСТУНИСУ

2 (14) мая 1837. Петербург

Одна болезнь моя помешала мне, г-н Дестунис, доставить Вам Вашу тетрадь Ивановского; если она Вам очень нужна, то я ее тотчас пошлю к Вам — если же Вы можете повременить до завтрашнего утра — то я Вам буду очень обязан. Также — сделайте одолжение, пришлите программу Куторги [1], если она есть у Вас — она через Вас [a] к Вам возвратится.

Вам преданный
Иван Тургенев.

2-го маия
1837-го года.

На обороте:
A Monsieur Destounis.

---

[a] *Так в подлиннике.*

12. Г. С. ДЕСТУНИСУ

5(17) мая 1837. Петербург

Не думайте, г-н Дестунис, что тетрадь была вчера не готова; но мой знакомый, когда я к нему за ней зашел, не помнил, куда ее дел, и мы искали с час — не могли найти — что, как Вы поймете, было для меня чрезвычайно неприятно; я собирался к нему сейчас ехать — как он мне ее присылает — она у него как-то попала в ящик, где он никак не думал ее найти. Возвращаю Вам ее с благодарностью; маленькое же прибавление Вы получите сегодня же непременно — я его не успел списать. Также Вы меня очень обяжете, если можете доставить мне программу Ивановского, которую я вместе с тетрадкой Вам возвращу. Честь имею остаться

Ваш покорный слуга
И. Тургенев.

Сего 5-го маия
1837-го года.

На обороте:

Г-ну Дестунису.
Подле университета, в доме Коробовского.

13. С. М. ФИГЛЕВУ

12 (24) июня 1837. Петербург

12-го июня 1837-го года.

Милостивый государь
Сергей Михайлович,

Мне было бы душевно грустно, если б я мог подумать, что Вы мое продолжительное молчание, в котором я и не оправдываюсь, припишете чему-нибудь иному, как не моей врожденной лени и — также непривычке писать письма. Вы можете быть уверены, что то чувство искреннего уважения, которое я всегда имел к Вам, к покойной Алесандре Яковлевне [1], и то чувство братской дружбы и любви к незабвенному Мише [2] — никогда не перестанут обитать в моей душе. Вы, может быть, не забыли, что я нелицемерно разделял с Вами Вашу горесть — но до сих пор еще я не наполнил той пустоты, которую я ощущаю с самой кончины Миши — он был мне *другом* в полном смысле слова,

а друзей — так по крайней мере я думаю — не приобретают — нам дает их провидение. Я часто невольно мыслью переношусь и в прошедшее — и в Ваше теперешнее одиночество — дай Вам бог силу и твердость! Но перестанем об этом.

К крайнему моему сожалению, я нахожусь в невозможности исполнить мое намерение пробыть с Вами несколько дней — поспешность, с которой я нахожусь вынужденным ехать в нашу деревню, лишает меня этого удовольствия. Надеюсь, однако ж, увидеть Вас здесь хотя несколько дней зимой,— я же завтра в 9 часов отправляюсь в дилижансе и через неделю должен быть уже в Спасском. Итак, простите, почтенный Сергей Михайлович; не забывайте меня, а я всегда вспоминаю об Вас с тем истинным уважением, которое я всегда к Вам питал. Еще одна просьба — может быть, в конце нынешнего года я решусь издать в свет нечто из моих трудов — позвольте мне посвятить их памяти моего бывшего друга [3].

С истинным почтением остаюсь навсегда
Ваш покорнейший слуга
Иван Тургенев.

P. S. Если Вам будет угодно меня удостоить Вашим ответом, мой адресс: Орловской губернии в город Мценск. Извините, что я пишу Вам на полулисте: по обычной рассеянности начал писать навыворот — окончив первую страницу, заметил свою ошибку, переписывать не хотелось — принужден был отрезать.

14. А. В. НИКИТЕНКО

13(25) сентября 1837. Спасское

Милостивый государь
Александр Васильевич,

Позвольте мне прибегнуть к Вашему посредничеству. Вам известно, что я нынешней весной подвергался испытанию для получения кандидатской степени и, как я мог судить из списков, довольно удачно [1]. Оставался один экзамен из русской истории, отложенный до конца вакаций, по причине болезни жены профессора Устрялова. Я намеревался прибыть к 5-му сентябрю в Петербург и накануне отъезда, упав с дрожек, сломал себе руку. Это не-

ожиданное происшествие заставило меня отложить отъезд мой на 6 недель; и потому покорнейше прошу Вас, если это будет иметь неблагоприятное влияние на получение диплома или вообще на экзамен, которому я еще не подвергался, замолвить обо мне слово в Совете. С сей же почтою отправляю донесение к г-ну ректору [2]. Надеясь на благоволение, которое Вы мне всегда оказывали, смею думать, что Вы не оставите моей просьбы без внимания. Засим, с истинным чувством уважения и преданности, остаюсь

Ваш покорнейший слуга
Иван Тургенев.

13-го сентября 1837-го года.
Мценский уезд.

1838

15. С. М. ФИГЛЕВУ

26 марта (7 апреля) 1838. Петербург

Петербург.
Марта 26-го
1838-го года.

Милостивый государь
Сергей Михайлович,

Я только на днях узнал от Теплова, что Вы поручили мне комиссию, которую мне было очень приятно исполнить — и потому прошу Вас это замедление приписать одному моему cousin'у [1]. Впрочем [a], это не требовало особенной поспешности, ибо Вы не можете получить этот журнал ранее маия месяца, как и все заграничные периодические издания, не заплатив дороже обыкновенного. Посылаю при сем два билета: один на Ваше имя на «Penny Magazine», другой на имя *кн. Шихматовой* на «Journal des jeunes personnes».

Поверьте мне, почтенный Сергей Михайлович, что я очень и очень сочувствую Вашей горести в положении, в котором Вы теперь находитесь, и молю бога, чтоб он дал Вам силу перенести Ваше грустное одиночество. Я не имею даже мысли сравнить потерю, которую я сделал в моем друге, покойном Мише, с той, которую Вы понесли: но я должен Вам сказать, и надеюсь, что Вы мне поверите, что с тех пор, как он скончался, у меня не было не только подобного ему истинного друга, но даже я не находил ни одного молодого человека, с которым было бы мне вполовину так отрадно делиться своими чувствованиями. Никто не может лучше оценить молодого человека, как его товарищи — а лучшим доказательством его прекрасных качеств было всеобщее дружественное расположение всех, кого только я знал — к нему; но я ⟨не⟩ хочу растравлять и без того незажившие раны Вашего сердца. Скажу Вам лучше нечто о себе: а именно, что в маие нынешнего года я еду за границу — в Берлин [2], где я проведу года два — буду учиться прилежно и, вернувшись —

---

[a] *Далее зачеркнуто:* так как

надеюсь выдержать экзамен в магистры [3]. Занятия мои идут обыкновенным порядком: не забываю старого, учусь новому, делаю кое-что на досуге — а главное — здоров и весел, сколь возможно. Правда, что меня, кроме душевных страданий — физические мучения не легко преодолевают и не оставляют никакого следа в моем характере: не далее как в сентябре месяце прошлого года я на дороге сломал себе опять руку, шел с этой рукою верст 7 пешком, ждал 12 часов перевязки — но всё кончилось благополучно: руку вправили — и я приехал сюда без дальнейших приключений.— Дядя [4] на днях сюда приехал — кланяется Вам: он брал живейшее участие в Вашем несчастии и доселе всё еще соболезнует к Вашему безотрадному положению; брат служит [5] и курит как нельзя усерднее; маменька здорова, слава богу. Кланяйтесь от моего имени Mr et Mme Wulf, если они еще не уехали в Воронеж.

С истинным уважением и нелицемерною любовью
остаюсь бывший друг Вашего сына
И. Тургенев.

1839

16. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

8(20) июня 1839. Берлин

20-го июня 1839-го года.
Берлин.

Я собирался отправить к Вам ответ на первое письмо Ваше [1], любезнейший Тимофей Николаевич, как дверь растворилась и вошел Станкевич. Признаюсь, я очень удивился — но он мне объяснил, что он приехал сюда отдыхать и посоветоваться [2]. Я думаю, что к этому присоединилось желание видеть Вердера — и быть может — Берту. Он еще не знает, куда его пошлют — в Зальцбрунн или в Крейтц⟨нах⟩ [3]. Мне кажется — пора ему решиться и не терять времени. Он немного похудел и кашляет. Во время нашего отсутствия беды на меня валились, как шишки на бедного Макара: во-первых, получил я письмо о пожаре нашего дома [4], где жила маменька — почти всё сгорело — спасли только самое главное — она живет во Мценске и очень желает меня видеть; брат принужден ехать на ремонт [5]; во-вторых, некая бестья, которую человек мой приводил 2 раза ко мне в ноябре и которую я в лицо — à la lettre — не знаю (в комнате было темно), подала на меня просьбу о взыскании с меня — за родины, крестины и похороны будто бы моего детища, за 6-ти недельнюю болезнь и, что смешней всего — за *defloratio*. Я — и нарушение невинности! Скажите на милость! С убытками процесса вся штука станет мне талеров 200: я взял адвоката и — жребью грозному послушный, я потупил равнодушно безнадежное чело [6]. Всё это очень горько.— Второе письмо я Ваше получил и передал вложенное Станкевичу [7].

Литературных новостей мало: появилась «История Германии во время Реформации» — *Ранке* — 2 части.[8] Он пользовался малоизвестными архивами. «История Богемии» — *Палацкого*, 1-ая ч. [9] Продолжение «Истории России до 1505-го года» — *Штраля* [10], брошюра *Мишеле* — «Шеллинг и Гегель» [11].

В театре был я раза четыре: *Лёве* в «Jean de Paris» [12] очаровательна; m-lle *Шлегель* из Дрездена в «Роберте» [13] — поет хорошо, лицо — настоящий блин. На Königstadt'ском воскресили старую Posse *Bäuerle* «Der verzauberte Prinz» — Бекман прекрасен, Эйхбаум мила; всё — кажется. Правда, Вы не видали баядерок [14]: представьте себе смуглых, полунагих, пестро одетых девчонок; сзади стоит группа трех индейцев, старика и двух взрослых мужчин в белом с головы до ног — один тянет раздирающую ноту из инструмента вроде кларнета, другой бьет в род барабана, третий постукивает двумя камешками и поет в нос странные слова. Баядерки почти не сходят с места,— согнувши коленки вперед, они проворно топают ногами, кривляют всё тело, водят руками мерно по воздуху, бледнеют, входят в исступление... Они произвели на меня тяжкое впечатление: мне казалось — они трепещут перед своим богом, как птица судорожно бьется при взгляде гремучей змеи — и из той же самой причины — das Monstrum der Gottheit bei den Orientalen,— говорит Шиллер [15]. Оно их пожирает. То ли дело «Баядерка» Гете — «Sie weiss sich so lieblich im Kreise zu tragen — Und neigt sich, und biegt sich, und reicht ihm den Strauss» [16]. В индейцах преобладает еще растительная натура: я заметил, что один из них стоял в течение получаса, как камень — не шевельнул пальцем.

Между книгами и тетрадями, принесенными мне от Вас — я нашел очень подробную выписку из Турнера «Истории англосаксов» [17] — что прикажете с ней предпринять?

Не читал я «Короля Ингурда» Мюллнера — то, что Вы сказали о ней, можно сказать тоже о его «Schuld» [18]. Мне хочется прочесть «Сапфо» — Грилльпарцера, читал ее разбор — Бёрне [19]: я ему верю. На днях кончил я роман *Сувестра* — «L'homme et l'argent» [20] — и прошу Вас — если возможно достать его в Зальцбрунне — *«взять да прочесть»*: аминь, аминь — хорошо. «Les ailes d'Icare» — до сих пор очень интересно; неужели ваш Зальцбрунн такое *Loch*, что и «Journal des Débats» не получается [21]? Кстати — я не знаю, прочли ли Вы эту штуку — всё равно. P. Брукер, один из писавших под именем M. Raymond, написал *философическую* поэму [22] — в ней находится следующая строфа:

1. Oui — d'une octave à l'autre, en Dieu, foyer suprême —
2. Chaque évolution de la triplicité
3. Sous l'œil, en développant la prisme en théorème,
4. Déchaine, dans l'essor de son activité,
5. De sept courbes en jeu la gamme élémentaire!

(«Journal de Paris»).

Каково? Философическая поэма! — Недавно пришла мне в голову мысль — я занимался наблюдениями над собственным характером — что «von lauter Werden komm' Ich nie an die That»; у французов, напротив, всякий зародыш мысли тотчас переходит в дело и слово: не диво, что являются и подобные глупости; каждая глупость есть неразвитая мудрость, выступившая до времени в тело — Missgeburt. Не так ли? Впрочем, я, быть может, завираюсь — это со мной случается часто.

Кстати. Вердер дошел до *Grund* в отделении о *Wesen* — и я могу сказать, что я изведал хоть l'avant-goût того, что он называет — die spekulativen Freuden. Вы не поверите, с каким жадным интересом слушаю я его чтения, как томительно хочется мне достигнуть цели, как мне досадно и вместе радостно, когда всякий раз земля, на которой думаешь стоять твердо, проваливается под ногами — так мне случалось при Werden, Dasein, Wesen etc. Я думаю, все эти ощущения Вам знакомы. Курсы кончаются 1-го августа, по случаю перестройки университета — около 7-го я буду, если бог даст, в Москве — около 15-го мы увидимся [23]. До того времени выздоравливайте —это всё, что мне остается Вам желать. До свидания, любезнейший Т⟨имофей⟩ Н⟨иколаевич⟩ — жму Вам дружески руку — и прошу Вас верить искренней привязанности

предацного Вам

И. Тургенева.

17. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

4 (16) декабря 1839. Петербург

Пишу к Вам по обещанью, любезный Грановский, хотя еще сам не успел здесь оглядеться. Я был в больших хлопотах по случаю перемены квартеры нашей и пр. Однако успел быть у некоторых людей. Оттого ли, что я гораздо

более ожидал от Петербурга, чем он может дать — но мне здесь довольно грустно. Судите сами: у Плетнева я был и застал его над корректурой «Современника». От него я узнал, что Гоголь живет у Жуковского, хандрит жестоко и едет обратно в Рим [1]. Он прочел им как-то главы две-три из нового своего романа [2] — и, говорят, превосходная вещь этот роман; но он делает это с большим трудом — и печатать не хочет. После смерти Плетнева жены — его середы расстроились — хотя я и не вижу тому причины — она на них играла всегда пассивную роль [3]. Но его — потеря жены, кажется, очень огорчила. Он вспоминал о Вас и велел напомнить Вам о себе. Напишите ему несколько слов — Вы его очень обрадуете. У Никитенки по пятницам собираются те же люди: Сорокин, Кони, Михайловы, Гебгардты [4] — Вы их знаете? Никитенко сам — человек теплый и открытый всем впечатленьям, его гости — я их мало знаю. Кони собирается издавать Пантеон русского и всех возможных театров. Цель этого изданья мной хорошо не понята. Он мне, кажется, хочет предложить поступить в сотрудники [5] — но я всё еще колеблюсь погрузиться в русский литературный мир — в «сей грязный омут, господа» [6]. Краевский, кн. Одоевский [7] etc. составляют особую clique, что там делается — неведомо мне сие. Полевой [8] не имеет сотрудников и набирает их в высших классах кадетских корпусов, инженёрных и других училищ, из учеников, начитавшихся разной дребедени и переводящих повести, данные им Полевым в воскресение,— украдкой, в течение всей недели, при свете ночников. Сенковский продолжает свой путь так же, как и прежде. В них не видно перемены [9] etc. Но боже мой! где ж ты, молодое поколенье, черт возьми!

Я всё не перестаю читать Гете. Это чтение укрепляет меня в эти вялые дни. Какие сокровища я беспрестанно открываю в нем! Вообразите — я до сих пор не читал «Римских элегий». Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! Гете — в Риме, в объятьях римлянки! Особенно III-ая, V-ая, VII-ая, XII-ая и XV-ая [10]. Эти элегии огнем пролились в мою кровь — как я жажду любви! Но это томленье бесплодно: если небо не сжалится надо мной и не пошлет мне эту благодать. А — мне кажется — как я был бы добр, и чист, и откровенен, и богат, полюбив! С какой радостью стал бы я жить и с ней.

Грановский, Вы это понимаете — Вы не станете надо мной смеяться, не правда ли?

Как бы в противуположность моему чтению Гете прочел я Вернера (Захария) «Das Kreuz an der Ostsee» [11]. Это творенье исполнено дикими красотами, и, говорят, первая, ненапечатанная часть его, в которой король пруссаков-идолопоклонников, старый Вайдевутис, давший им первые законы, вырезывает из дерева им трех богов, в которых вселяются демоны, и Вайдевут не в силах побороть своих творений,— эта часть еще прекрасней, при всем безобразии вымысла. Вернер был проникнут духом християнских легенд — и в его «Kreuz an der Ostsee» дух убитого апостола Адальберта является в виде старика — Барда, и всякий раз, при произношении другим имени Иисуса — быстрое пламя вспыхивает и гаснет над его головой. В последней сцене любовники (*Мальгона*, дочь Конрада, герцога Мазовии, и *Вармио*, сын Вайдевута, обращенный в христианство) торжествуют при помощи молитв Адальберта над влечением страсти, гибнут непорочными и венчаются венцами мучеников и т. д. Это суровое, безотрадное ученье под стать пескам и туманам Северной Пруссии, как веселая любовь и полная жизнь «Римских элегий» — роскошной природе и наитию древности, их вдохновившей.

Между прочим, должен Вам сказать — что я снова нездоров. У меня сделалось очень тягостное сердцебиенье — и мне доктором запрещены пряности, чай, кофе, говядина, вино, сладости, женщины и все grandes émotions. Скажите на милость — что ж осталось мне? Впрочем, мне теперь немного лучше.

Надеюсь на несколько строк от Вас. Мне очень любопытно знать, что Вы — как и т. д. Если Драшусов [12] приехал и может располагать деньгами, то нельзя ли получить от него, что он мне должен? Мне деньги теперь крайне нужны. Кланяйтесь ему от меня. Что его здоровье? Если Вы будете писать Станкевичу — не забудьте поклониться ему от меня. Крюгеру, если он в Москве — мой дружеский поклон.

Прощайте: желаю Вам успехов и здоровья, а я остаюсь навсегда искренно преданный Вам

Иван Тургенев.

P. S. Говорят — la figure d'un créancier est toujours désagréable: и Вы, хотя посредственный заимодавец Драшусова, подпадаете под ту же категорию. Хочу избавить Вас от этой неприятности — а потому пришлите мне адресс Драшусова. Мой адресс: на Гагаринской улице, у Пустого Рынка, в доме Ефремовой, № 11.

С. Петербург. 4-го декабря 1839-го года.

На обороте:

Его высокоблагородию
милостивому государю
Тимофею Николаевичу
Грановскому.
В Москве.
Спросить в университете.

1840

18. А. В. НИКИТЕНКО

14 (26) января 1840. Петербург

Милостивый государь
Александр Васильевич,

Рекомендую Вам молодого человека, моего родственника, Алексея Владимировича Сомова, покинувшего военную службу для более свободного поприща. Он имеет и желанье и способность заниматься литературой, и Вы, взявши его под Ваше покровительство, можете сделать ему большую пользу и, может быть, образовать из него со временем одного из тех людей, в которых Россия нуждается. Он Вам скажет, что я уехал в Рим — совсем неожиданно [1]; извините меня, если я у Вас не был перед отъездом, и позвольте мне изредка присылать в Ваш журнал письма, которые, уже по одним подробностям италиянской жизни, природы и памятников древности, может быть, не будут совершенно лишены интереса [2].

С совершенным уваженьем остаюсь
преданный Вам
Ив. Тургенев.

Воскресенье
14-го января.

19. А. Т. МАРКОВУ

Февраль — 9 (21) апреля 1840. Рим

Любезный Алексей Тарасович!

У меня есть до Вас следующая просьба. Один мой знакомый желает купить одну картину — но хотелось бы ему знать на ее счет мнение знатока; — я ему указал на Вас — и он, совершенно полагаясь на Ваш вкус, просит позволения прислать к Вам на квартиру эту картину, с тем чтобы Вы решили, какое ее достоинство. Надеюсь, что Вы не откажетесь исполнить мою просьбу — и с совершенным уважением остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Вторник.

20. Н. В. СТАНКЕВИЧУ

14, 15 (26, 27) апреля 1840. Неаполь

26-го апреля, вечером.

Пишу к Вам, любезный Станкевич, из Maison Garnie, № 28, Santa Lucia, вечером — после утомительного дня [1]. Ефремов ложится спать, говорит и делает разные непристойности, что я отчасти приписываю картинкам полунагих дев, окружающим его изголовье. Сегодня он был в весьма странном расположении духа — и делал каламбуры, от которых у меня волосы становились дыбом. Но во всем нужен порядок... N.B. Сегодня Ефремов мылся *мылом*; и сейчас велит прибавить, что был необыкновенно хорош; даже надевал белые перчатки,—собственно *одну*— на левую руку, а другую держал в руке для придания себе контенансу.— Итак, во всем нужен порядок, хоть бы в письме, писанном в полудремотном состоянье. Вид Неаполя неописанно прекрасен—из наших окон—но особенно с замка S. Elmo. Прямо перед нашим домом, на другой стороне залива, стоит Везувий; ни малейшей струи дыма не вьется над его двойной вершиной. По краям полукруглого залива теснятся ряды белых домиков непрерывной цепью до самого Неаполя; там город и гавань, и Кастель-дель-Ово: на высоком зеленом холме стоит замок S. Elmo—почти на середине залива.—Но цвет и блеск моря, серебристого там, где отражается в нем солнце, пересеченного долгими лиловыми полосами немного далее, темно-голубого на небосклоне, его туманное сияние около островов Капри и Некия — это небо, это благовонье, эта нега...

Wer einmal in Neapel gewesen ist, Kann nie ganz unglücklich sein (Göthe) [2]. Приезжайте в Неаполь — ей-богу, здесь хорошо. Пока я любовался Неаполем, Ефремов ходил к Дьяковой [3]; собирался он писать к Вам завтра, да ⟨---⟩ же его знает; говорит, что похорошела и здорова и Вас ожидает; а сам он и задумчив, и мягок, и кисел, и удивлен.— Подошел ли я слишком близко к бастионам, что ли — но меня собирались арестовать — впрочем, отпустили с миром. На дворцовой площади встретился я с Ефремовым; осмотрели Новый замок, гавань — и пошли обедать. Здесь едят гораздо лучше, чем в Риме. Пообедавши, поехали по железной дороге в Портичи; думали, что Помпеи близко, и ошиблись: Помпеи оттуда—8 миль. Мы сошли вниз — под землю — посмотреть театр Геркуланума. Лава залила всё здание слоем вышиной в 75 футов и прев-

ратилась в твердый камень. Вырывая колодезь, напали на каменные скамьи театра. Отрыть всего было невозможно — довольствовались проложеньем узких коридоров, пересекающих театр во всех направлениях. Он был чрезвычайно велик; вся ширина сцены отрыта и значительно превосходит S. Carlo [4]. Видел постаменты, на которых стояли статуи Бальбусов [5] с надписями; комнаты актеров; в одном месте отпечаток в лаве — бронзовой маски. На возвратном пути против нас сидела милая девушка, напоминающая Шушу — и, по моему мнению, лучше ее; я молча любовался ей — Ефремов рисовался, но довольно несчастно; мы приехали; вот ее черная шляпка пропадает в толпе; вот она и скрылась — и навек. Но она на несколько мгновений заняла мою душу, и воспоминание об ней будет

мне отрадно. — Простите — до завтра; ветр ужасно свищет; двери и окна трясутся в доме; море шумит и плещет — плохо английским кораблям.

Если вы хотите ответить мне, пишите во Франкфурт.

27 апреля, утром.

Сегодня день снова хорош; над морем носится туман. — Ефремов сидит рядом со мной и — варвар! — спиной к Везувию; он, кажется, намерен расположить свое посланье в виде хрии — и очень долго думает над каждым периодом [6]. Вчера, вернувшись из Портичи, катались мы в лодке по морю; продрогли и пошли на гавань: там было очень много народу. Четыре кружка было составлено; в первом говорил, распевал и похаживал взад и вперед импровизатор, черноглазый молодой малый; кругом сидели мальчишки оборванные, старики с важными лицами;

женщин я не заметил; во втором кружке старик с орлиным носом читал крикливым голосом рукописную поэму; третий был самый замечательный: толстый человек, очень похожий на Мирабо, безногий, в черной бархатной куртке, говорил важным голосом речь; его слушали все с большим вниманьем. В четвертом кружке был Пульчинелла; к Петрушке приходил Доктор и перед появленьем пел: «Vengo, vengo-vengo, vengo, vengo, quà...», а там густым басом: «Chi il diavolo sarà!». Доктор входит, кланяется и поет: «Sapete chi son io?». Петрушка раскланивается и знакомится. На сцену приносят больного, и Доктор берет его в объятья и носится с ним, повторяя: «Povero giovenotto!». Мы с Ефремовым вспомнили об Вас. Тут Ефремову захотелось и есть и спать; он оттащил меня, и мы пошли обедать. Съевши несколько апельсинов — он начал уверять меня, что он слаб, как цыпленок; а всему виной Клюшников, вызолотивший его внутренность [7].— Я, чтоб его не огорчать, притворился, будто верю его слабости; не забудьте, что он выпил за ужином бутылку соммы. И мы пришли — он лег спать, я стал писать письмо.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте
преданного Вам Тургенева.

P. S. Ефремов читал мое письмо и сознается в справедливости всех моих слов. О, Александр Павлович! Вы хороший человек [8].

На обороте:

Al Signor
Signor de Stankéwitsch.
Roma, via Corso, № 71, 2-e piano.
Franco.

21. Н. В. СТАНКЕВИЧУ

26 апреля (8 мая) 1840. Генуя

Генуя, 8-го маия 1840.

К довершению бед моих, любезный Станкевич, не нашел я счеты моих злодеев — и Вы — если можете заплатить— дайте им по их счетам, 7 пиастр⟨ов⟩ одному, ок⟨оло⟩ 40 ф⟨ранков⟩ другому. Не сердитесь на меня, что я Вас обременяю подобными глупостями — и рад бы иначе. Генуя хороший город, но все эти дни льет проливной дождь и мешает наслаждаться. Я познакомился на пароходе с англичанином Dalrymple, который сказывал мне, что он сильно страдал грудью и кашлял — и не по сложению,

а от простуды. Ездил в Вест-Индию, но не добился толку; в прошлом году в начале декабря поехал в Мальту и там совершенно воскрес: зима там удивительная; и он теперь, здоровый и потолстевший, едет домой жениться. Предлагаю Вам эти факты, за верность которых я ручаюсь — на рассмотрение. Мне очень хотелось бы знать, что вы намерены с собой начать; напишите мне в Берлин — я вам отвечу и сообщу о Вердере и пр.[1] Что, батюшка, ей-богу — престранная вещь: так привык слышать каждый день голосок Шушу — что теперь и грустно. Что еще страннее — так это то, что я почти никогда не говорил с ней более 3-х минут сряду — а так было приятно быть в одной комнате с ней: извините — однажды я с ней говорил долее; это было во время возвращения из Сорренто, вечером — ехав вдоль морского берега. Впрочем, ничего, ничего — молчанье [2].

Хочется мне... и колется. Ну, уж так и быть — не стану церемониться; чтобы дать Вам понятье о моих ощущеньях в отношеньи к Шушу, вот Вам какие стишки я подмахнул:

Что тебя я не люблю —
День и ночь себе твержу.
Что не любишь ты меня —
С тихой грустью вижу я.
Что же я ищу с тоской,
Не любим ли кто тобой?
Отчего по целым дням
Предаюсь забытым снам?
Твой ли голос прозвенит —
Сердце вспыхнет и дрожит;
Ты близка ли — я томлюсь
И встречать тебя боюсь —
И боюсь и привлечен...
Неужели я влюблен?..

Addio; кланяйтесь Маркову и прочим.

И. Тургенев.

На обороте:

Roma,
Vicolo del Babuino № 7,
al Signor
Signor Al. Markof.
Fr⟨anc⟩o.

А Вас покорно прошу доставить это письмо Н. В. Станкевичу. Roma.

22. А. П. ЕФРЕМОВУ

5 (17) мая 1840. Франкуфурт

Франкфурт, 17-го маия 1840 го г.

Любезный Александр Павлович,

Подъезжая под Висбаден,
Я взглянул на мои штаны;
И воспомнил Ваши кудри,
И что будете там Вы [1].

N.B. Мои штаны золотисто-желтого цвета. Без шуток, грешно было бы мне проехать так близко подле Висбадена и не оставить записочки. Что я пережил в эти 13 дней? Где не был? В Ливорно, в Пизе, в Генуе; проехал всё королевство Сардинское, видел статую С. Карла Борромейского, ездил по Лаго Маджиоре, в санках на Св. Готард — черт бы его побрал — был, кажется, в Люцерне, в Базеле, в Келе, в Маннгейме, в Майнце — постепенно потерял зонтик, шинель, шкатулку, палку, лорнетку, шляпу, подушку, ножик, бумажник, три полотенца, два фуляра и две рубашки и теперь скачу в Лейпциг с чемоданом, sacco di vuoti, пачпортом в кармане и ⟨---⟩ в штанах и только! И смех и горе! Притом, ей-богу, нисколько не преувеличиваю. Спешу сообщить Вам очень для меня[а] радостное известье: с моими деньгами я, кажется, доеду до Берлина; а то я, право, боялся, что меня посадят где-нибудь в тюрьму и откупиться, право, было бы нечем — всё потерявши! Но —

Фу! прозаические бредни — [2]

Где она? что она? Ей-богу, другой бы сказал: «влюблен, ⟨---⟩», — и сказал бы напрасно. Это не любовь, а так — пустота, тоскливость, жажда — то, что веет в этом, напр., письме — а что в нем веет? Я начинаю подозревать, что я вчера слишком много выпил рейнвейна — будучи в Майнце; ибо я и сантиментален, и смешлив, и готов похабничать. Да и сегодня велел себе спросить бутылочку Assmannshäuser'а и скромненько и тихонько улизывал и уписывал ее в уголку растерянции. Вследствие всего этого я сейчас поймал себя в странном занятье: смотрел на немку, сидящую передо мной (я пишу это знаменитое письмо в одном из здешних caffés, под гром биллиардных шаров), и думал думу: отчего у ней на конце носа прыщ? И в са-

---

[а] *Далее зачеркнуто:* приятное

мом деле прыщ, ей-богу, прыщ. И не могу я придумать — отчего бы у ней быть этому прыщу?

Какое смешное слово: прыщ.

Попробуйте произнести его несколько раз сряду, с большим раскатом на *р* — раскрыв углы рта — и смотреть, не улыбаясь, в зеркало. Будет очень странно.

Кажется, я вру? Пьяный друг ⟨ваш?⟩ [б] Вас обнимает.

Тургенев.

Напишу Вам из Берлина. ⟨Не⟩[б] всегда же быть мне пьяным.

На обороте:

Herrn Herrn A. von Efremof.
Berlin[в], poste restante.

23. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

18 (30) мая 1840. Берлин

Берлин. 30-го маия 1840-го г.

Я в Берлине восьмой день, любезный Грановский, уже огляделся и немного обжился и чувствую потребность писать к Вам. Я приехал сюда, почти не останавливаясь, из Неаполя (в 15 дней), и так велико во мне было стремленье вернуться в Берлин — что я покинул Италию без большого сожаленья. Признаюсь — не верится теперь — скитаясь по пыльным улицам Берлина, под дождем и при холодном ветре — что не далее как за 20 дней срывал теплые, сочные апельсины с деревьев в Сорренто, слушал плеск Средиземного моря. Я здесь не нашел ни Белявского [1], ни Триттена — один поехал в Баден, другой в Англию. Маттисон здесь. Русских мало — и тех я еще не знаю. Я в Италии привык к обществу. Каждый вечер мы (Станкевич, Марков (живописец) и я) проводили у Ховриных, наверно известных Вам по имени... нас привлекала дочь, милая, умная девушка [2]. Невольно вспоминается мне зима, проведенная мной здесь с Вами... но мне кажется, я не могу быть вполне счастливым — Судьба-с! Вы и Станкевич вполне довольствовались друг другом: Вас связывало и давнее знакомство, и обмен мыслей, общие желания; на что Вам был третий? Притом, моя болезнь — и множество нелепостей в моем Wesen, которым я всё еще недоволен и над которым буду, кажется, трудиться весь свой век, пока не буду лежать «in cold obstruction»,

[б] *Кусок вырван.* (*Примечание в копии*).

[в] *Было:* Wiesbaden

к⟨ак⟩ говорит отец Шекспир [3]. Я в Риме немного сблизился с Станкевичем [4], и я был бы неблагодарен, как черт знает что, если б не был рад и доволен, что хотя дружески знаком и с ним и с Вами! «Du bleibst doch immer was du bist!»,— сказал Гёте [5]. «Nur seine Grenze erkennen»,— гов⟨орит⟩ Вердер. Кстати, он мне дает уроки. Дело, слава богу, идет на лад. Он мне с слезами на глазах говорил о покойном Алтенштейне: «Er war ein grosser Geist im höchsten Sinne des Worts... nur hatt'er bleierne Fessel zu tragen». Я думаю — Вы уже знаете, что управлять министерством *пока* — предоставлено сыну покойного — Ладенбергу [6]. Король всё еще очень слаб [7]. Лёве немного, немного постарела — и поет так же хорошо... с теми же грехами, как и прежде. Бессер вчера вернулся с ярмарки в Лейпциге — там готовится Buchdruckerfest. В Майнце не будет ничего — и почти везде старались заглушить это. Вы вправе требовать от меня многое об Италии — но я сам еще не знаю ясно, что я оттуда вынес: но что я выехал богаче, чем приехал, в этом я уверен. Со мной случилось то же, что с бедным человеком, получившим огромное наследство: трудно и запуганно. Целый мир, мне не знакомый, мир художества — хлынул мне в душу — но сколько прекрасного и великого ускользнуло от моих взоров, как еще я нелепо понимал изящное! Но, несмотря на это, Formen- und Farbensinn во мне проснулся и развивался: я начинал находить наслажденья в художестве, до тех пор мне неизвестные. Скажу Вам на ухо: до моего путешествия в Италию мрамор статуи был мне только что мрамор, и я никогда не мог понять всю тайную прелесть живописи. Но, с другой стороны, смущало меня в Риме положение народа, притворная святость, систематическое порабощение, отсутствие истинной жизни... все движения, колебающие Северную и Среднюю Европу, не переходят Апенинов. Нет! русский народ имеет неисчислимо более надежд и силы, чем италиянцы — особенно южные — они отжили и сошли с поприща истории. Может быть, в Северной Италии, там и сям, еще не исчез гордый дух, любовь свободы республик Ит⟨алии⟩ в средних веках — может быть; я не знаю ни Пиемонта, ни Ломбардо-в⟨енецианского⟩ к⟨оролевств⟩а — но Рим, но Неаполь! Стоит прогуляться на *molo* вечером: вот [a] аббат проповедует крикливым голосом, показывая на Христа, окровавленного всюду, на каждом сгибе — и мелкие деньги сыплются на тарелку, раз-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: пастор

носимую капуцином, из карманов православных; вот шарлатан; вот импровизатор; вот pulcinello [8]. Народ, лежавший почти целый день в блестящем песке приморья, теперь сидит и слушает, и крестится, и молится; а между тем у вас украли платок, портфёль, часы, если возможно.— Посмотрите наверх — вдоль моря, кругом: наверху, на горе стоит замок; у моря — другой... третий; гремят барабаны, войска стоят всюду — le roi de Naples se précautionne. Между импровизаторами есть люди замечательные: особенно один, безногий — чрезвычайно похожий на Мирабо. Жаль, что я не мог понимать неаполитанского наречья: в фарсах pulcinelli много истинно комического.

Мне Вердер советовал читать недавно вышедшие сочинения Лудвига Achim v⟨on⟩ Arnim; он уверяет меня, что нигде средние века не представлены так истинно и живо, как в его романе «Die Kronenwächter» [9]. Читаю я современную немецкую лит⟨ератур⟩у: до сих пор ничего не попалось хорошего. Маркграфы, Марловы, Мундты [10], Дреклер-Манфреды [11] — бог с вами, друзья мои! И тем обиднее, что это не просто вздор; нет — но удивляешься, как должны быть неблагодарны почвы, оплодотворенные новыми идеями и так скудно, так плачевно развивающие их! Не курица несет золотые яйца — золотая курица не разродится никаким яйцом. Я познакомился, впрочем, с одним Tüchtigen Mann, Chamisso — я его не знавал (я говорю про его сочиненья). Прочтите — если он у Вас — его «Frauenliebe und Leben»; «Die Klage der Nonne»; «Das Dampfross»; «Die Jungfrau v⟨on⟩ Stubbenkammer» [12]. Из исторических книг начал я читать очень любопытную брошюру: «Maximilien 1-r» p⟨ar⟩ Le Glay [13] — прочел «Philosophie und Christenthum» Фейербаха! О славный человек, ей-богу, этот Ф⟨ейербах⟩ [14]! Скажите Драшусову [15] (кланяйтесь ему и Крюгеру), чтобы он сделал одолжение и отдал мои книги — Hugo, Heine (и еще, кажется?) на Самотеку, в приходе Спаса на песках, в доме моей матери, служителю Кириле Табаленкову.

Прощайте; будьте здоровы. Станкевич не совсем был хорош, когда я его оставил. Известий еще я не получал [6] от него, ни от Ефремова, с которым я познакомился. Я здоров: не забывайте меня и напишите когда-нибудь.

Преданный Вам от души

И. Тургенев.

---

[6] *Далее зачеркнуто*: ни

На обороте:

Russland. Moskau.
Его высокоблагородию
милостивому государю
Тимофею Николаевичу
Грановскому.

В Москве. Отдать в правление им⟨ператорского⟩ мос⟨ковского⟩ университета.

24. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

4 (16) июля 1840. Берлин

Берлин, 16-го/4-го июля 1840-го года.

Нас постигло великое несчастие, Грановский. Едва могу я собраться с силами писать. Мы потеряли человека, которого мы любили, в кого мы верили, кто был нашей гордостью и надеждой... 24-го июня, в Нови — скончался Станкевич. Я бы мог, я бы должен здесь кончить письмо — что остается мне сказать — к чему Вам теперь мои слова? Не для Вас, более для меня продолжаю я письмо: я сблизился с ним в Риме [1]: я его видел каждый день — и начал оценять его светлый ум, теплое сердце, всю прелесть его души... тень близкой смерти уже тогда лежала на нем. Мы часто говорили о смерти: он признавал в ней границу мысли и, мне казалось, тайно содрогался. Смерть имеет глубокое значение, если она выступает — как последнее — из сердца полной, развившейся жизни: старцу — она примирение; но нам, но ему — веление судьбы. Ему ли умереть? Он так глубоко, так искренно признавал и любил святость жизни, несмотря на свою болезнь он наслаждался блаженством мыслить, действовать, любить: он готовился посвятить себя труду, необходимому для России... Холодная рука смерти пала на его голову, и целый мир погиб. Вот здесь — die kalte Teufelsfaust, die sich — *nicht* vergebens tückisch ballt. От 11-го июня получил я от него письмо из Флоренции [2]. Вот Вам отрывки: «...во Флоренции я имею иногда отдых, вообще я поправился и, кажется, дело *идет вперед*... Наконец решено, чтобы я провёл лето на озере Комо... Mme Diakof [3], услышав в Неаполе о моей болезни... приехала с сыном, и мы вместе пробудем лето».— Он мне тут доверяет свое отношение к покойной сестре Дьяковой [4]. Помните:

«Закрылись прекрасные очи» — хорал Клюшникова [5]? И *он* умер, и Станкевич умер! — «В Дьяковой я нашел настоящую сестру, по-прежнему; ее заботы и участие действуют на поправление сил моих больше всего». Его мучило тягостное отношение к Берте: он поручал мне сходить к ней, узнать и т. д.— «У меня в голове много планов — но когда их не было? Собираюсь зимой работать над Историей философии. Есть в голове тоже несколько статей. Бог знает, *как* это всё переварится»... «Напишите о Вердере; скажите ему мое почтение; скажите ему, что его дружба будет мне вечно свята и дорога и что всё, что во мне есть порядочного, неразрывно с нею связано... Прощайте, *пока*!».

Вот еще отрывок: «Фроловых я застал еще здесь. Лиз⟨авета⟩ Пав⟨ловна⟩ была ужасно больна; теперь, к счастию, стала поправляться; я думаю, по выздоровлении ее, они поедут в Неаполь. Кенни наняли здесь дом на целый год».

Через 14 дней он умирал, ночью, в Нови.

12-го июля получил я следующее письмо от Ефремова:

«Нови, 27-го июня.

Иван Сергеевич! Немного собравшись с духом, спешу уведомить вас о несчастье, случившемся со всеми нами. В Нови, городке миль 40 от Генуи, по дороге в Милан, в ночь с 24 на 25-е умер Станкевич. Он ехал в Комо. Не знаю, что писать, голова идет кругом, хаос. Кончивши все дела в Генуе, я располагаюсь ехать прямо в Берлин, если ничто не остановит. Теперь хлопочу, чтобы приготовить всё для перевоза его тела в Россию. Прощайте. Надеюсь скоро с вами увидеться. Прощайте, ваш А. Ефремов».

Я с нетерпением его ожидаю, узнаю всё — и тотчас всё Вам напишу. Боже мой! как этот удар поразит Вас, Неверова, Фроловых, Кенни, Бакуниных, всех его знакомых и друзей! Я не мог решиться сказать об этом Вердеру: я написал ему письмо [6]. Как он был глубоко поражен! Я ему сказал при свидании: «In ihm ist auch ein Teil von Ihnen gestorben». Он чуть-чуть не зарыдал. Он мне говорил: «Ich fühle es.—Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens: meine besten Schüler, meine Jünger sterben ab — ich überlebe sie!». Он мне прочел превосходное стихотворение «Der Tod», написанное им тотчас после получения известия. Если он согласится, а его спишу и пошлю к

Вам.— Я оглядываюсь, ищу — напрасно. Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю? Кто, достойный, примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст погибнуть его влиянию, будет идти по его дороге, в его духе, с его силой? О если что-нибудь могло бы заставить меня сомневаться в будущности, я бы теперь, пережив Станкевича, простился с последней надеждой. Отчего не умереть другому, тысяче другим, мне напр.? Когда же придет то время, что более развитый дух будет непременным условием высшего развития тела и сама наша жизнь условие и плод наслаждений творца, зачем на земле может гибнуть или страдать прекрасное? До сих пор казалось — мысль была святотатством, и наказание неотразимо ожидает всё, превышающее блаженную посредственность. Или возмущается зависть бога, как прежде зависть греческих богов? Или нам верить, что всё прекрасное, святое, любовь и мысль — холодная ирония Иеговы? Что же тогда наша жизнь? Но нет — мы не должны унывать и преклоняться. Сойдемтесь — дадим друг другу руки, станем теснее: один из наших упал — быть может, лучший. Но возникают, возникнут другие; рука бога не перестает сеять в души зародыши великих стремлений и, рано ли, поздно—свет победит тьму. Да, но нам, знавшим его,— его потеря невозвратима. Едва ли не Rahel сказала: «Wäre noch nie ein junger Mann gestorben, hätte man nie die Wehmuth gekannt». Из сердца творца истекает и горе и радость.— Freude und Leid; часто их звуки дрожат родным отголоском и сливаются: одно неполно без другого. Теперь черед горю...

Прощайте; будьте *Вы* здоровы. Напишите мне слово ответа. Мне кажется, я Вас еще более полюбил со смерти Станкевича.

Ваш И. Тургенев.

25. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

26 июля (7 августа) 1840. Берлин

Мы все здесь в тревоге на Ваш счет, любезный Грановский. Зная Вашу привязанность к покойному Станкевичу— мы не можем без опасения подумать о Вашем состоянии при получении известия о его смерти. По расчетам, ответа от Вас еще быть не может, и мы с тоской его ожидаем [1]. Бакунин здесь: он мне отдал Вашу записку [2], я с ним вполне и тесно сошелся; глубокая, искренняя натура! Мы ви-

димся каждый день: первые 5 ночей, за неимением квартиры, он даже ночевал у меня.

Цель моего письма следующая: Вы знаете отношения покойного к Берте [3]. Узнавши о прибытии Ефремова и о смерти Станкевича, она приехала из Штеттина: сперва подсылала сестру, некоего Фрауде и пр. Наконец, была сама у Ефремова. Ефремов пригласил меня ехать вместе с ним к ней. Она казалась очень расстроенной, но вела себя прилично. Она показала нам письмо руки Станкевича, из которого видно, что Драшусов занял у нее в прошлом году 112 тал⟨еров⟩ (или, как Ефремов говорит,— не у нее, а у Станкевича — и Станкевич подарил ей эти деньги: всё это вам должно быть известно). Драшусов обещал отдать ей в январе и до сих пор ничего не выслал. Я почел себе за долг поддержать ручательство Станкевича и, видя ее грустное положение, дать ей 75 т⟨алеров⟩. Попросите от меня Драшусова прибавить эту сумму к 111 талер⟨ам⟩, которые он мне должен и которые отдаст со временем; а остальное выслать на имя Ефремова (Dorotheenstrasse, № 18). Мы ей тотчас перешлем эти деньги. Сверх того она намекает, и очень ясно, на то, что будто Станкевич уговорил ее остаться в Берлине, когда она хотела возвратиться в Мекленбург и примириться с родными; что через это она с ними расторгнула все связи и даже лишилась не только участка в наследстве дяди, но даже всего наследства: будто было завещание, qui la rendait légataire universelle, и это завещание увезено или уничтожено дядей (братом умершего) и т. д. За это, по ее понятиям, она вправе требовать вознаграждения и даже хотела обратиться к отцу Станкевича и теперь пишет к Вам письмо, довольно неприятное, как Вы можете представить. Адресс написал я: я не мог sans mauvaise grâce отказаться; но вторично — избегну, просто откажу. Ефремов Вам кланяется и велит Вам сказать, что в последнее время перед смертью он часто изъявлял желание совершенно с ней прекратить всякое сношение, получить от нее свой портрет, письма и т. д. Вы сами знаете, *что* и *как* думал об этом Станкевич. Притом она, кажется, прескверное создание: успела быть у священника, говорила с ним и пр. Я оттого и написал ей адресс, что она бы непременно от него или другого его узнала. Мы все решились не вступать с ней более ни в какие сношения, исключая пересылки остальных денег. Вы рассу́дите лучше нас, что́ Вам следует предпринять. Из последнего письма

Станкевича ко мне ясно видно, как ему это всё тяготело. «Будет об этой дряни,— говорит он.— Поверьте, тошно думать». И точно — полно об этой дряни... [4]

Бумаги покойного и часть его книг прибудут сюда не ранее 20-го августа н.с. Все его книги хранятся здесь у Бессера и будут храниться до Вашего разрешения — что с ними делать...

Бакунин и Ефремов остаются здесь всю осень. Я хочу сделать небольшое путешествие в Дрезден и Нюрнберг. Сегодня кончил Вердер — прекрасно [5]. Извините, что не пишу Вам бо́льшего письма. Из Дрездена получил огромное [6]. Министром просвещения будет решительно *Эйхгорн*. Король позволил *Арндту* читать снова в Бонне, и студенты приняли его с восторгом [7]. Говорят, *Гриммы* прибудут в Берлин (почти верное известие)... [8]

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте меня.

Ваш Тургенев.

Берлин.
7-го августа н.с. 1840.

P. S. Ефремов писал к Вам 2 письма — и просит от Вас ответа...

На обороте:

Russland. Moskau.
Его высокородию милостивому государю
Тимофею Николаевичу Грановскому.
В Москве.
В императорский Московский университет.

26. А. П. ЕФРЕМОВУ
24 августа (5 сентября) 1840. Мариенбад

Мариенбад.
Сентября 5 дня 1840 г.

У меня лежит на столе и подвигается к концу четвертое соборное послание к берлинской братье [1]; но важное дело требует скорого решения, и потому посылаю *тебе* (позволяешь?), о Е⟨фре⟩мов, эту записку. Во-первых, я получил письмо Michel'я [2] и целую его в лоб. Мои письма поневоле длинны: я только с вами мыслю и живу; в прочем однообразие и скука; ваши короткие письма меня радуют: они служат мне признаком вашей обильной жизни. Скажи, однако, Мишелю:

а) Чтобы он спросил себе у Schlesinger'а новые «Lieder» Siegmund'а Goldschmidt'а («Der Todte», «Der⟨...⟩»[a], третью забыл). Говорят, новый Шуберт.

в) Что позволение пишется с «е», а не с «ѣ».

Впрочем, целую его в лоб.

Тебя и Скачкова благодарю за обещание [3].

Вот моя просьба к тебе: ты добропорядочный человек. Надень фрак (смотри — не навыворот, ибо не хорошо), причешись, умойся, надень *обе* перчатки и, оставив моську дома, ступай, умильно улыбаясь, к Озерову. Изложи ему мои обстоятельства насчет пачпорта (он их, впрочем, знает, но мог забыть); срок моему пребыванию за границей — 24 сентября н.ст. Около 3-х месяцев тому назад мой *старый* пачпорт с письмом Мейендорфа отправлен в Петербург к Эссену, и оттуда ни ответа, ни привета; попроси его от меня: нельзя ли об этом уведомить посланника (он теперь в Берлине) и принять нужные меры. Будь красноречив, представь Озерову, что мое воспитание (не смейся) не кончено; употреби сравнение незрелого плода, если хочешь; тронь его сердце. Слышишь? Можешь даже глаза поднять к небу и вздыхать. Всё это соверши без отлагательства на другой же день получения моего письма. Я надеюсь на тебя, не измени же мне. А если изменишь, приеду в Берлин и побью. Ты не забудь следующего: от получения пачпорта зависит мое пребывание в Берлине. В Берлине я останусь непременно, но принужден буду сочинить себе болезнь или вообще прибегать к противузаконным мерам; избавь же меня от подобных хлопот. Ты можешь сказать Озерову, что, если меня не станут выгонять из Берлина, я буду очень доволен моей судьбой. Притом с чем же выгнать? Пачпорта не имеется; а они не обязаны знать, на сколько он мне дан; я сам им сказал, мог им не сказать. Вся вина Фегезака, что он послал оригинал, не копию, и я ему до крайности обязан; а то бы я теперь возвращался уже в пасть василиска, говоря без фигур, в объятья матушки-России [4]. Ты начал заниматься логикой; дай бог тебе успех! Посмотрю я, к моему возвращению какой ты будешь философ? А возвращусь я не ранее конца сентября. К тебе явится с рекомендательным письмом некто Г⟨уди⟩м-Л⟨евко⟩вич, добрый, довольно пустой малый; извини, что я тебя обеспокоил; пристал ко мне: дайте письмо, дайте! Я, зная твою доброту и услужливость,

---

[a] *Далее в тексте публикации помета:* (не разобрано)

дал [5]. Еще скажи Бакунину: грешно ему возбуждать во мне гордыню и приводить в замешательство: благодарит судьбу за знакомство и т. д. Хоть и краснеешь, а невольно радуешься, что порядочный человек тебя считает тоже порядочным. Такой чудак Бакунин! Уверяет меня, что Фрауенштедт глуп, и наивно советует мне прочесть. Впрочем, я его и вас всех, православных христиан, т. е. тебя, целую, предварительно очистивши твое лицо (?!) [6]. Ну, друг, будь же здоров и не поминай лихом.

Твой Ив. Тургенев.

27. М. А. БАКУНИНУ И А. П. ЕФРЕМОВУ

27, 28, 29 августа (8, 9, 10 сентября) 1840. Мариенбад

I. Turgenevii ad amicos Berolinenses.
Epistola quinta.

8-го сентября 1840-го года.

Мне очень досадно, что я с собой не взял Гомера. Как было бы мне отрадно скитаться в сосновом лесу и читать о битвах der lanzenkundigen Männer! Душа желает поплавать в эпическом море. Das erste Kunstwerk eines Volks, das Wiederleben im Gesange seiner Vergangenheit. И какой народ — какие образы! А у меня был же и сиротеет теперь на полке милый Фосс [1]. Совсем из ума тогда вышло.

Как для меня значителен 40-й год! Как много я пережил в 9 месяцев! Вообрази себе — в начале января скачет человек в кибитке по снегам России. В нем едва началось брожение — его волнуют смутные мысли; он робок и бесплодно-задумчив. С ним едет толстый человек, секретарь посольства, пробивший по-своему себе дорогу, человек рассудка — и желудка, попавший в милость, поверхностно насмешливый, хранящий как последнюю святыню — сентиментальное поклонение Шиллеру, презирающий философью и честолюбивый — впрочем, добрый, родной (Кривцов). Человек, легко примиряющийся с любым разрешением сомнений, но упрямый по слабости, профан в художестве [2]. Они едут — расстаются в Вене. Молодой человек остается десять дней в жирной столице Австрии и приезжает в Италию, в Рим.— В Риме я нахожу Станкевича. Понимаешь ли ты переворот, или нет —

---

6 *Так в тексте публикации.*

начало развития моей души! Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть последним его товарищем, которого он посвящал в служение Истине своим примером, Поэзией своей жизни, своих речей! Я его увидал — и прежде, еще непримиренный, я верил в примирение: он обогатил меня тишиной, уделом полноты — меня, еще недостойного... Я видел в нем цель и следствие великой борьбы и мог — отложивши ее начало — без угрызения предаться тихому созерцанию мира художества: Природа улыбалась мне. Я всегда живо чувствовал ее прелесть, веяние бога в ней; но она, прекрасная, казалось, упрекала меня, бедного, слепого, исполненного тщетных сомнений; теперь я с радостью протягивал к ней руки и перед алтарем души клялся быть достойным жизни! Перед одним человек безоружен: перед собственным бессилием — или если его духовные силы в борьбе... теперь враги мои удалились из моей груди — и я с радостью, признав себя целым человеком, готов был с ними вступить в бой. Станкевич! Тебе я обязан моим возрождением: ты протянул мне руку — и указал мне цель... и если, может быть, до конца твоей жизни, ты сомневался во мне, пренебрегал меня, быть может — чтó я заслужил моими бывшими мелочами и надутыми порывами — ты теперь меня всего знаешь и видишь истинность и бескорыстность моих стремлений. Благодарность к нему — одно из чувств моего сердца, доставляющих мне высшую отраду.— Я приехал в Берлин, предался науке — первые звезды зажглись на моем небе—и, наконец, я узнал тебя, Бакунин. Нас соединил Станкевич — и смерть не разлучит. Скольким я тебе обязан — я едва ли могу сказать — и не могу сказать: мои чувства ходят еще волнами и не довольно еще утихли, чтобы вылиться в слова. Покой, которым я теперь наслаждаюсь — быть может, мне необходим; из моей кельи гляжу я назад и погружен в тихое созерцание: я вижу человека, идущего сперва с робостью, потом с верой и радостью по скату высокой горы, венчанной вечным светом; с ним идет товарищ, и они спешат вперед, опираясь друг на друга, а с неба светит ему тихая луна, прекрасное — знакомое — и незнакомое явление: ему отрадно и легко, и он верит в достижение цели.

9-го сентября.

Я, кажется, в прошедшем письме [a] тратил очень много лишних слов: я мог ограничиться примером рыбы. *Фи-*

[a] *Далее зачеркнуто:* терял

лософическое убеждение каждого есть его создание, и если в искусстве нельзя создать ничего без дисциплины, тем более в философии, где средство и цель нераздельны и движутся в духовном мире, wo die Vernunft aus dem Verstand, der Geist aus der Vernunft hervorbricht und der in unserer Tiefe lebende Gott in unser ganzes Wesen übergeht. Wie kann man da die Vermittlung des Denkens läugnen! Und *des reines Denkens*, da wir ja das höchste Denkende, die Idee, Gott in uns erschaffen sollen. Was haben die Neoschellingianer? Gott als eine tiefe Aspiration der Seele, eigentlich ein Abstractes an dem sie bunte Träumereien anhängen. Eine philosophische Ueberzeugung *fassen* ist das höchste Kunstwerk — und die Philosophen sind die grössten Meister und Künstler. Eigentlich hört hier die Kunst auf — Kunst zu sein — sie löst sich auf in der Philosophie [6].

Случалось ли тебе сорвать долгую ветвь камыша или распуколку розы, сдирать его скатанные оболочки и всё находить другие, всё белее и мягче, всё теснее скатанные, и с радостью доискиваться последнего, сокрытого зерна. Я в детстве часто трудился подобным образом и досадовал и задумывался, видя, что последние оболочки так тонки и нежны, что отодрать их невозможно. Вот образ философической системы. Но ты будь терпелив, дай расцвести цветку, и ты будешь любоваться его изящной формой, наслаждаться его запахом и перечтешь все его распустившиеся листики и тычинки.

Michel! нам надо будет заняться древними языками. Нам надо будет работать, усердно работать в течение зимы. Я надеюсь, мы проведем ее прекрасно. Университет, занятия,— а вечером будем сходиться у твоей сестры [3], ходить слушать хорошую музыку, составим чтения; Вердер будет к нам приходить. Постой, дай перечесть, сколько месяцев наслаждения — с 1-го октября по 1-е мая — 7 месяцев, 210 дней! Весной я должен ехать в Россию — непременно. Но осенью я снова возвращусь [4]. Ты дай мне письма к своим: как я желаю хоть видеть их. Скажи им обо мне как о человеке, который тебя любит; больше ничего [5]. Ты не поверишь, как я счастлив, что могу говорить тебе — ты. У меня на заглавном листе моей энциклопедии написано: «Станкевич скончался 21-го июня 1840 г.», а ниже: «я познакомился с Бакуниным 20 июля

[6] *Далее зачеркнуто:* Знаешь ли ты

1840 г.»[6]. Изо всей моей прежней жизни я не хочу вынести других воспоминаний* У меня всего было 2 друга — и первого звали Michel [7]. Он умер; мы с ним вместе росли, вместе дожили до 18 лет — и он умер. Но ты будешь жить — и я буду жить и, может быть, оба — недаром. Прощай.

10-го сентября.

Потребность сатирической драмы после трилогии греков беспощадно обнаруживает человеческое сердце, и последним впечатлением афинянина, выходящего из театра, было злобное, желчное веселие, в котором вяли все прекрасные восторги, волновавшие его душу во время представления трилогии [8], и сам он смеялся над своим священным ужасом. Оставив в стороне несоразмерность сравнения, я чувствую теперь непреодолимую потребность остриться и тешиться, и хотя мне подобные любезности никогда не удаются, я намерен испытать твое терпение и великодушие Ефремова следующей нелепостью:

«Нечто, или: Чемодан[9], или: и т. д.

Сцена в небе. Ворота рая. Привратник, св. Петр, спит. (Входят Бакунин и Тургенев и несут большой, довольно длинный чемодан).

Т. Ба! Да мы у ворот рая! *Б*. Разумеется, вот и св. Петр. *Т*. Какой красный нос у Петра! (Чемодан шевелится). Угомонись! Остряк! Не пронести нам его, Бакунин. *Б*. Авось... (Петр просыпается). *П*. Что вы за люди? А! Знаю вас! Прошу не болтать лишнее — на что мне ваши имена? Я знаю вас — мы всё знаем. Впущу, впущу. (Глядя через плечо). Бог знает, что с нашими господами подеялось — впускают сорванцов, безбожников, молокососов... Эх! кабы мне... *Б*. Но... *П*. Перестань болтать, дружок: приучайся уважать старших. (Отворяет дверь). Ну, входите, что ли? (Увидя чемодан). Это что у вас? *Б*. Чемодан. *П*. Вижу, что чемодан. Да на что? *Б*. Как на что? Тут наши платья... *П*. Вздор! У нас вы на казенном иждивении. *Т*. Старое белье. (Чемодан шевелится с негодованием). *Б*. Книги... В скучный час не худо. *П*. В скучный час... То-то ваша братья, молокососы... В скучный час! Отчего ж я не скучаю? И бога-то я не вижу, всё сижу у дверей да любуюсь на грешные рожи... Вздор! Вы плутуете. Откройте чемодан. (Чемодан от страха сжимается).

---

* Правда, было бы жаль и других: но те имеют смысл исторический.

Б. (С большим жаром). Помилуйте! как можно? Какие мы плуты! Этот чемодан — очень невинный чемодан. Извольте посмотреть. (Катает, гнет чемодан во все направления — свертывает кольцом и т. д.). Можно ли тут быть человеку? *П.* (Щупает чемодан). В самом деле — мягко! Чрезвычайно мягко! приятным образом мягко! Хе! хе! хе — хорошо бы... очень мягко! (Садится на чемодан). Вы позволяете? *Т.* С большим удовольствием. *П.* (С отрадой). А-а-а... старым костям любо. Друзья мои, будьте благодетелями. Подарите мне ваш чемоданчик: судите сами — сидишь, сидишь у дверей на ступеньке... с вашего позволения, неприятно. Потешьте старика! *Т.* (Глядя на *Б.*). И не знаю... Как ты... *Б.* (Глядя на *Т.*). Куда ни шло... а впрочем... *П.* Удивительное дело! Отроду покойнее не сиживал — потешьте... (Петр с визгом вскакивает и, держась одной рукой за некоторую часть тела, отбегает и с испугом оглядывается. Из чемодана торчит красная, всклокоченная голова Ефремыча и щелкает зубами. Бакунин и Тургенев проворно подхватывают чемодан и вбегают в царство небесное). *Б.* (Ефремову). Это что за нелепость? *Е.* (Ухмыляясь). За неимением остроты. Слышен голос Петра: «Контрабанда! контрабанда!».

Вот тебе пример, до чего может дойти во мне нелепость.

Вот мой план: я остаюсь здесь до 20-го. На возвратном пути в Дрезден посещаю Саксонскую Швейцарию. 24-го я в Дрездене. 28-го на пароходе в Лейпциге, 30-го езжу в Halle и обратно. 1-го еду в Берлин. 2-го октября — я с вами, разумеется, если всё будет благополучно. Хотелось бы съездить из Лейпцига в Веймар на два дня... Но я так желаю быть скорее в Берлине [10]. Увижу, увижу...

Сегодня вспомнил мой перевод песенки Clärchen в «Эгмонте». Сообщаю. Ты спросишь: *Warum*? *Denn*... Так. Не то чтоб я считал его удачным — а так, просто так, вследствие того, что я тебе без малейшего зазрения совести пишу тебе [в] только то, что мне в голову входит или в голове проходит.

Одной лишь любовью
Блаженна душа.
Радостей,
Горестей,
Дум полнота!

[в] *Так в подлиннике.*

Стремленье,
Томленье,
И мук череда!
То неба восторги,
То смерти тоска...
Одной лишь любовью
Блаженна душа... [11]

Я придумал нечто вроде музыки на эти слова и пел их целый день. Как они далеки от оригинала, я чувствую глубоко — да что мне за дело. Das deutsche Lied klingt in mir, wenn ich dieses singe: но мне приятно, что я, русский, выражаюсь тогда по-русски. Вот всё.

Прощай, милый Бакунин; прощай, милый Ефремыч.

10-го сентября[1] 1840-го года.

Мариенбад.

Ив. Тургенев.

Варваре Александровне мой поклон. Сашу за меня поцелуйте.

28. М. А. БАКУНИНУ И А. П. ЕФРЕМОВУ

3, 8 (15, 20) сентября 1840. Мариенбад

Мариенбад 15 сентября 1840.

Вот, друзья мои — эмблема жизни вашего друга. Капля воды, падающая в бочку, и еще капля, и еще капля... (Без растолкования вы бы не поняли) бульк... бульк... бульк... и т. д. Целый день никого не видишь, кроме доктора, служанки Peppi, домашнего раба и моих любезных уток. Их всего 11; я им дал разные названия. Одну, жирную, хромую, с большим зобом и вообще важной наружности назвал Ефремычем; другую — маленькую, вертлявую, охотницу помахивать хвостиком — Скачковым; третья, худая, длинная, беспрестанно бегает, вытянув шею и ковыляя — за мухами — точно ты — Бакунин; преглупого серого селезня с зеленым носом окрестил Погребовым [1]. Так текут мои дни — и-дил-ли-

[1] *Было:* августа

чес-ки. Идиллия, как сухой творог, не идет в горло мне. Читать и много писать почти не могу: глаза болят и голова туда же. Сочиняю умственно эпиграммы на Ефремыча: не удаются. Вообще значительно поглупел. Доктор уверяет про мою болезнь, что она «wohltätige Krisis»; я смотрю ему в глаза и думаю: «Ах ты........!». А он улыбается. Так на свете всё превратно! — Я вру.

У нас в деревне был (прежде, теперь сгорел) огромный дом [2]. Нам, детям, казался он тогда целым городом. В нашей части (в нашей комнате) стояли запыленные шкафы домашней работы черной краски с стеклянными дверцами: там хранились груды книг 70-х годов, в темнобурых переплетах, кверху ногами, боком, плашмя, связанных бючевками, покрытых пылью и вонявших мышами. Мне было лет 8 или 9. Я сговорился с одним из наших людей, молодым человеком, даже стихоплетом, порыться в заветных шкафах. Дело было ночью; мы взломали замок, и я, став на его плечи, исцарапавши себе руки до крови, достал две громады: одну он тотчас унес к себе — а я другую спрятал под лестницу и с биением сердца ожидал утра. На мою долю досталась «Книга эмблем» и т. д., тиснения 80-х годов, претолстейшая: на каждой странице были нарисованы 6 эмблем, а напротив изъяснения на четырех языках. Целый день я перелистывал мою книжищу и лег спать с целым миром смутных образов в голове. Я позабыл многие эмблемы; помню, напр.: «Рыкающий лев» — знаменует великую силу; «Арап, едущий на единороге» — знаменует коварный умысл (почему?) и прочее. Досталось же мне ночью! единороги, арапы, цари, солнцы, пирамиды, мечи, змеи вихрем крутились в моей бедной головушке; я сам попадал в эмблемы, сам «знаменовал» — освещался солнцем, повергался в мрак, сидел на дереве, сидел в яме, сидел в облаках, сидел на колокольне и со всем моим сидением, лежанием, беганием и стоянием чуть не схватил горячки. Человек пришел меня будить, а я чуть-чуть его не спросил: «Ты что за эмблема?». С тех пор я бегал «Книги эмблем» пуще черта; и даже в прошлом году, бывши в Спасском, взял ее в руки с содроганием [3]. Г-ну Серебрякову [4] (он после бежал и теперь отличается на Кавказе) досталась «Россияда» Хераскова. О «Россияда»! и о Херасков! Какими наслаждениями я вам обязан! Мы с Леоном уходили каждый день в сад, в беседку на берегу пруда и там читали — и как читали! или правильнее: он читал — и как читал! сперва

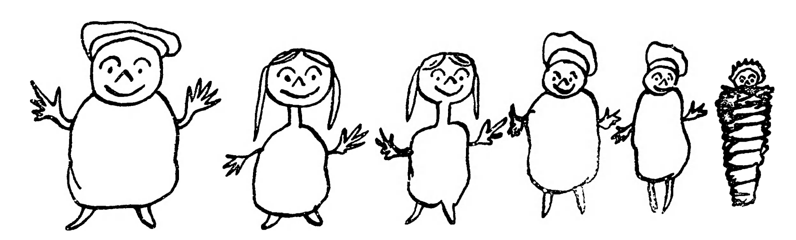
каждый стих скороговоркой, так себе — начерно; потом с ударением, с напряжением и с чувством — набело. Немного пестро — но приятно. Я слушал —мало! внимал — мало! обращался весь в слух — мало! — и классически: пожирал — всё мало! глотал — всё еще мало! давился — хорошо. Леон был человек вежливый и предлагал мне книгу — но я отказывался. Читать скороговоркой я мог не хуже его; но я не надеялся достигнуть торжественности его возгласов [5]. Притом же он несколько говорил в нос, что в то время, особенно при произношении буквы *О*, мне весьма нравилось — и пел на крылосе чахоточным тенором, приводившим в восторг соседа нашего, кривого Чапкина. Уверяю вас, что я не прибавляю ни одной прикрасы — «ein Werdender wird immer dankbar sein». Но возвратимся «à nos canards». Хочу вам слегка упомянуть имена остальных 7: Офицер, Москва, Шеллинг, Моя будущность, Николай Павлович,! Небо Италии и Шварц. Изъяснение, если потребуете, в будущем письме.

Это письмо было начато 15-го поутру — а вечером я получил твое письмо, Б⟨акунин⟩ [6]: ты можешь судить по моим письмам, как оно меня поразило и взволновало; но как брошенный камень не морщит поверхности болота (гётевское сравнение), так и твое письмо с его следствиями, тревоживши меня целые два дня и две ночи — улеглось на мягком, кашеподобном дне моей жизни. От скуки, признаюсь, беру перо и германидоротеизирую [7]. Как тебе нравится мое новое словцо? — Слушай: à la Karamsin:

«Чувствительные души! примите меня в ваш священный круг! я нашел друга — и проливаю радостные слезы; я нашел друга — и благодарю премудрое провидение...» и т. д. «О друг мой,— сказал я, обливаясь горячими слезами», и т. д. «Мы обнялись и смешали наши слезы» и т. д. — Странная участь слез, подумаешь! Их глотают как вино, мешают как лекарство, проливают как воду, удерживают как лошадей; поливают, обливают, заливаются, истекают слезами; они катятся градом, потоками, даже реками; слезы радостные — слезы горестные, слезы горькие — слезы сладкие, слезы раскаяния — слезы умиления, слезы утешительные — слезы восхитительные, слезы — жемчуги, слезы — алмазы, слезы кровавые — слезы обильные, о слезы, слезы, сле-е-езы, молите бога за нас!

Мною найденный друг — пес, или, пожалуй, собака. Он небольшого росту и очень жирен, но, вопреки обык-

новению собак подобного разряда, ласков и снисходителен. Я назвал его Филантропом, потому что во всем Мариенбаде он единственное создание, изъявляющее ко мне сожаление, несколько оттененное нежностью. Утки мои очень любезны, как утки (немец сказал бы quâ утки); но до нынешнего дня, несмотря на мои приношения, разделяют мнение обо мне Н. Г. Фролова. Моя хозяйка толстая особа — впрочем, с виду не злая: но где ей до меня. У ней 6 детей (она 7 лет замужем), а седьмой — причиной довольно значительного округления ее стана, довольно похоже на парус, наполненный... дыханием ветров. Дети ее,— но погодите:

легко рисуются, и за то спасибо. Гамалистика состоит из служанки Peppi; сверх того процветают: служанка-грыб и босоногий женский индивид, deren Individualität ich bis jetzt noch nicht mir anzueignen im Stande war. Был да сплыл юноша, прозванный мной «der junge hoffnungsvolle Kellner aus Prag» — наш брат, славянин, который надувал меня mit einer bewunderungswürdigen Virtuosität. Хозяин — гусь [8]. Я перестаю писать — ибо чувствую свою глупость.

20-го сентября.

Друзья мои, скачка! скачка! Немецкий клеппер и русская кляча! Бакунин назначается судьей, Ефремов жокеем! Без иносказаний, вследствие глупости, лишающей меня возможности написать вам порядочное письмо, сообщаю вам два стихотворения: моего произведения. Советую вынуть носовые платки, ибо трогательно.

Динь-динь-динь-динь.— Начинайте.

Немец

Ich lag im hochgewachs'nen dunklen Kraute,
Es duftete so lieblich rings umher:
Der Felsen stieg steil abwärts, der ergraute —
Es schillerte weithin das grüne Meer.

Vom Süden kamen Schwäne hergezogen —
Im Eichenlaub leis wispelte der Wind...
Ich dacht' an sie — an sie die ich betrogen
Und weinte wie ein Kind.

—

Die Sonne schien: und tausend zarte Fädchen
Von Halm zu Halm — sie wehten her und hin;
Es war so schön; doch das verlass'ne Mädchen,
Es kam mir nicht, es kam nicht aus dem Sinn.
Das Herz zerfloss in tausend heisse Thränen —
Ich wusste nicht wie's enden konnte gar —
Und mich ergriff ein mächtig dringend Sehnen
Nach dem, was längst entschwunden war.

—

Als ich zog hin, wie war sie bleich und traurig!
Wie bitter still verschlossen war ihr Mund!
Es wurde Nacht — der Wind blies dumpf und schaurig;
Ich fühlte wohl — ihr Herz war blutend wund.
Sie wusste nicht — was sagen und was lassen;
Es zitterten die Lippen ihr so sehr;
Sie liebte mich — und konnte sich nicht fassen;
Ich liebte sie nicht mehr.

—

Was ich ihr sagt' im Scheiden — längst vergessen
Ist es von mir; doch war's kein freundlich Wort.
Ich war vergnügt und fröhlich — ja vermessen;
Und leichten Sinn's und muthig zog ich fort.
Aus meiner stillen Öde zog mich mächtig —
Ein Heer von Jugendträumen, bunt und licht:
Ich dachte nicht[a]
Und ich vergass — die Zukunft schien so prächtig —
Ob — eines Mädchens Herz brach — oder nicht.

—

Doch als mein Fuss berührte meine Schwelle —
Da brach es los in herber Qual und Lust;
Sie lief mir nach mit wilder Liebesschnelle
Und hielt mich, heftig weinend. Durch die Brust
Erinn'rung zuckte wie verklung'ner Lieder
Gelinder Nachhall, da sie mich umfing —
Doch was entschwand, das kehrt ja niemals wieder * —
Ich küsste leis die Stirn' ihr und ich ging.

—

[a] *Вписано над строкой как вариант и не зачеркнуто.*
* Что было, то не будет вновь.

Und hatt' ich das — o! hatt' ich das geschworen
In jener schönen, ewig-schönen Nacht —
Als taumelnd fast, liebtrunken, und verloren
Sie gab mir hin der jungen Glieder Pracht?
Ach unter meinen Thränen, meinen Küssen
Blieb sie so stumm — ich schwur: sie sah mich an —
«Auch du wirst mich noch einst verlassen müssen»...
Und ich — ich hab's gethan!

—

Und jetzt... da jeder Hoffnung ich entsage,
Da von dem Kampf ich kehre: matt und wund —
Mit bitt'rer Reu gedenk' ich jener Tage
Des lieben Kinds und mancher gold'ner Stund.
Vergessen hat sie mich!.. O Gott, verwehr'es!
Doch ich verdien's — was deine Hand mir bot —
Stiess ich zurück... Ich lieg am Rand des Meeres
Und wünsche mir den Tod.

1839.

Русский

Вы говорили мне — что мы должны расстаться —
Что свет нас осудил — что нет надежды нам;
Что грустно вам, что должен я стараться
Забыть вас — вечер был; по бледным облакам
Плыл месяц; тонкий пар лежал над спящим садом;
Я слушал вас, и всё не понимал:
Под веяньем весны, под вашим светлым взглядом —
Зачем я так страдал?

—

Я понял вас: вы правы — вы свободны;
Покорный[б] вам иду — но как идти,
Идти без слов, отдав поклон холодный,
Когда нет мер томлениям души?
Сказать ли, что люблю я вас... не знаю;
Минувшего мне тем не возвратить;
От жизни я любовь не отделяю —
Не мог я не любить.

—

Но неужель всё кончено — меж нами
Как будто не бывало милых уз!
Как будто не сливались ⟨мы⟩[в] сердцами —

[б] *Вместо* покорный *было начато:* послу⟨шный⟩
[в] *В подлиннике ошибочно:* не

И так легко расторгнут наш союз!
Я вас любил... меня вы не любили —
Нет! Нет! не говорите да! — меня
Улыбками, словами вы *дарили* —
Вам душу предал я.

Идти — брести среди толпы мне чуждой
И снова жить, как все живут; а там
Толпа забот, обязанности, нужды —
Вседневной жизни безотрадный хлам.
Покинуть мир восторгов и видений,
Прекрасное, святое сердцем понимать,[г]
Не в силах быть — и новых откровений
Больной душе печально ждать —

Вот что осталось мне — но клясться не хочу я,
Что никогда не буду знать любви;
Быть может, вновь — безумно — полюблю я,
Всей жаждой[д] неотвеченной души.
Быть может — так; но мир очарований,
Но божество, и прелесть, и любовь —
Расцвет души, и глубина страданий
Не возвратятся вновь.

Пора! иду, но прежде — дайте руки —
И вот конец и цель любви моей!
Вот этот час — вот этот миг разлуки...
Последний миг — и ряд бесцветных дней,
И снова сон, и снова грустный холод...
О мой творец! не дай мне позабыть,
Что жизнь сильна, что всё еще я молод,
Что я могу любить!

1840.

Как вполовину набитый чемодан — сено, втыкаю я здесь следующее колено:

К А. Н. Х.[9]

Луна плывет над дремлющей землею
Меж бледных туч,
Но движет с вышины волной морскою
Волшебный луч.

[г] *Было:* Прекрасное — всем сердцем — понимать,
[д] *Было* Всей правдой

Моей души тебя признало море
Своей луной;
И движется и в радости и в горе
Тобой одной.

Тоской любви и трепетных стремлений
Душа полна;
И тяжко мне; но ты чужда смятений,
Как та луна.

Ну, Sir Michael Cassio [10], решай! И напиши мне, насколько кто кого обскакал, на полноса, на две головы и т. д. Немец — вершком выше, но немного чувствителен, русский храбрей. Ефремову дай от меня на водку за работу.

Окончательно расскажу вам очень милую сказку (я ее прочел в «Romantisches Deutschland» [11]). Св. Бернгард особенно отличался ревностью к божьей матери, и именно к одному чудотворному образу. И образ ему благоволил. Однажды наш старик засуетился в келье и пришел поздно. А богородицын образ не удержался и спросил: «Bernharde, cur tam tarde?». Старик нахмурился и проворчал сердито: «Taceat mulier in ecclesia». Богородица прикусила язычок и молчит даже до наших болтливых дней.

Прощайте, друзья, и не взыщите, если надоел. Слава богу, до сих пор от вас худых писем нет. 2 письма из России, с адрессом руки драгоценного Ефремыча, получил [12]. Здоровье мое слегка поправляется. Addio.

И. Тургенев.

29. А. П. ЕФРЕМОВУ

15(27) сентября 1840. Лейпциг

Сообщается тебе, о Александр благословенный [1], что я вчера приехал в Липецк [2] и сегодня отправляюсь в Дрезден. В Дрездене же буду советоваться с доктором Геденусом о моем здоровье — правильнее — о моей болезни. Пробуду я в Дрездене 5 дней; на 6 день я прибуду в Берлин. Советую вашей братье выстроить мне на дороге в Потсдам трухмальную арку следующим образом: Бакунин становится буквой «с»; ты, за невозможностью придать твоему телу *не*круглое положение, становишься подпорой Бакунину; на шее Бакунина становится Скачков, одетый в розовое tricot (collant), на голову ему возлагается венок, в одну руку дается труба, в другую — пальма (бумажная, пожалуй), он представляет славу. Так как,

по всей вероятности, он в скором времени замерзнет, то все эти предметы не худо привязать к его членам. Я вылезу из коляски; сперва скажу вам речь; по окончании речи Е⟨фре⟩мов 101 раз звукоподражает пушечному выстрелу: звуки, не выходящие из верхнего отверстия, в счет не принимаются. После всех выстрелов я проезжаю на четвереньках под аркой, за невозможностью пройти стоя, и иду далее, вы же идете за мной и поете. Таким образом намерен я возвратиться в город Берлин.

Сегодня, 27, 28, 29, 30, 1 я пребываю в Дрездене; 2, непременно 2, я у вас; вы из письма моего легко можете заметить, что я чуть не рехнулся с радости. В пятницу я с вами, пробыв 7 недель в разлуке. Здесь толкотня, возня и ужасная ярмарка Addio. До свиданья, друзья, до свиданья!

Мой поклон Варваре Александровне.

Ив. Тургенев.

Лейпциг
27 (15) сентября 1840.

P. S. Бедная Mme Lafarge! [3]

30. М. А. БАКУНИНУ И А. П. ЕФРЕМОВУ

18(30) сентября 1840. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{30-го}}{\text{18-го}}$ сентября, 1840.

Есть сказка Фуке, в которой убийце объявляет гений, что каждый день его жизни будет хуже предыдущего: а в первый день весь дом его разрушился — приятная будущность[1]! Это на меня писано, хотя я никого не убивал действительно: мысленно быть может — и то в сердцах. Третьего дня я прибыл в Дрезден, и с того времени здоровье мое всё хуже, хуже, и я опять, как рак на мели. Сегодня, напр., я совсем уничтоженный человек и не только в Берлин ехать, по улице пройтись не могу. Я бы не стал сообщать вам эти плачевные новости, если б я не вспомнил, что вы вправе, по моим письмам, ожидать меня послезавтра. Экая ⟨---⟩ дочь судьба! Не дает мне отдыху — что ты будешь с ней делать? Ругаться? А она, пожалуй, совсем прихлопнет. А лобызать ее руку, после данного щелчка, и подличать я не хочу. Не удивительное ли дело? Вчера еще вечером ложился спать — все-таки человек: а сегодня поутру хуже какого-нибудь Ефремыча. Боясь опять себя сглазить, не скажу вам, когда прие-

ду: когда бог принесет. Встретил здесь Гольца; он сегодня едет в Берлин — я с ним здесь был очень мало: он бегал по разным знакомствам. Исподтишка скажу вам: дней через десять надеюсь непременно быть, если моя судьба меня опять не побьет [2]. А судьба моя всегда за мной ковыляет в виде старой, гадкой бабы с толстым носом и дубиной в руках: вот и теперь скорчилась и сидит в углу, и дуется, и грозит мне... вот, вот треснет. И я, как ни рисуйся, а, признаюсь, слегка потрушиваю. Что мне делать с старой бабой? У других она молоденькая, своенравная бабенка: иногда потреплет — а там и по головке гладит. А моя — просто свинья. Хуже киевской ведьмы, вот что с дедом играла в носки в преисподней. Жительство мое — Hôtel de Russie, напиши хоть ты, кулеобразный Ефремыч, или ты, шестообразный Michel — несколько строк. Также насчет скачки, кто кого обогнал.

Кланяйтесь от меня Варваре Александр⟨овне⟩.

Прощайте.

Погребову обычный подъестественник.

Ваш злой, больной, расстроенный
ожесточающийся друг
Тургенев.

Доктор был, нюхал табак, качал головой и спрашивал меня носовым дискантом: «да уж не простудились ли вы?». А я почему знаю? Право — пресмешной вопрос.

На обороте:

Franco. Herrn Herrn
A. v. Efremoff. Berlin. Dorotheenstrasse, № 18.
2 Treppen hoch.

31. А. П. ЕФРЕМОВУ

2(14) октября 1840. Дрезден

Дрезден.
14 октября 1840.

Помнишь, любезнейший Е⟨фре⟩мыч, мое последнее письмо [1] было непозволительным образом горько и укоризненно, и хотя я всё еще лежу в постели (вот уже 325 часов сряду), но наконец я, кажется, поправляюсь и сегодня надеюсь встать. Если судьба моя опять не побьет меня, ожидайте меня к 25-му. Очень я удивился, не увидевши ни тебя, ни Бакунина в списке важных лиц, участвующих в завтрашней церемонии; искал даже в цуге;

но там сказано: der Wagen des Königs mit 6 weissen Pferden angespannt, но имен не выставлено [2]. Почти уверен, что твоя badauderie победит твою лень и ты будешь завтра 6 часов сряду киснуть перед дворцом и, наконец, иметь удовольствие быть обрызганным с головы до ног каретой какого-нибудь Landesherr'а и прокричать вместе с герольдом: «Es lebe der König F⟨riedrich⟩ W⟨ilhelm⟩ d⟨er⟩ IV-e!» Я же завтра, в 10 часов утра, pour fêter dignement ce grand jour, обреюсь; моя борода, не бритая в течение 6-ти недель, меня самого ужасает. Мое нетерпенье увидеть вас превосходит всякие границы: во сне то и дело вижу вас, особенно тебя, Е⟨фремов⟩, в шлафроке, с руками, сложенными на чреве, с сладко-жирно-задумчивой улыбкой на губах, с прищуренными глазами, с нечесанными волосами, ужас! Но всё ты тогда не так ужасен, как в незабвенный день первого твоего посещения В⟨арвары⟩ А⟨лександровны⟩ в Неаполе. Я глядел тебе вслед и внутренно восклицал: «О… о ты, пространством бесконечный» [3], откуда достал ты такой паскудный, чахоточный, болезненный фрак с воротником в виде старого хомута, с хвостом в виде стерляжьего носа, с побелевшими, лихорадочными пуговицами? Какой негодный, меланхолический старый гриб превратился в твою испуганную, взволнованную шляпу? Отчего штаны твои так судорожно взбираются вверх, выставляя всем зрителям напоказ твои сбитые полусапожки? Высокий, широкий, иссиня-черноватый галстух почтительно облекал твой жирный подбородок, и дребезжащий жилетик спускался в виде хобота на твое нестянутое брюхо; на левой руке красовалась жесткая, узкая, лоснистая белая перчатка, и твои пальцы, не привыкшие к подобному плену, коченели от удивления и испуга и с трудом удерживали другую ненадетую перчатку; в правой руке торжественно и задумчиво колебалась твоя известная палка. А теперь — то ли дело? Мальчишки, гонявшиеся за тобой в первые дни твоего приезда в Берлин, теперь, встретясь с тобой, в невольном припадке уважения почтительно снимают фуражки…

А ты не поверишь, милый Е⟨фремов⟩, время, прожитое нами в Неаполе, мне будет вечно дорого. Помнишь ли ты наши комнатки на S⟨ant⟩a Lucia в 5-м этаже, море, апельсины, Везувий, устрицы, Баию и Corona di ferro? A Sorrento, 1 мая…

Ах, Е⟨фре⟩мыч, Е⟨фре⟩мыч, отчего мы с тобой не влюблены?

Я писал Скачкову, что в воздухе пахнет порохом. Это вздор, это несчастная политическая острота; для меня в воздухе пахнет любовью. Очень, очень для меня роковое время; такой уж я чудак: для других весна, но для меня это тихая грусть природы, это бледно-синее небо, слой желтых листьев по длинным аллеям, обнаженные, темно-бурые ветки, крик синиц, вся прелесть осени неотразимо ложится мне на душу, и я томлюсь, готов полюбить.

Я завираюсь. Прощай. Если ты, по получении этого письма, не написал мне еще насчет денег и тотчас не напишешь, то я quos ego!.. [4] Без шуток, напиши: я хочу быть покойным — дошли ли они.

Твой И. Тургенев.

32. А. П. ЕФРЕМОВУ

6(18) октября 1840. Дрезден

Дрезден.
18 (6) окт. 40.

Милый Е⟨фре⟩мов, скажи от меня Бакунину, что я от всей души радуюсь его намерению жить со мной в одном доме и что я не теряю никак надежды провести зиму, как мы предполагали. Хотя, признаюсь, я не всегда с успехом противлюсь унынью и раз даже написал такое к вам письмо, что послать было совестно; но зато в другое время я бодр и терпелив и говорю: «Духа же... унынья не даждь мне, господи!» [1]. Не могу сказать наверное, когда приеду, думаю — около конца месяца. Меня очень обрадовало известие насчет В⟨арвары⟩ А⟨лександровны⟩ и Саши [2]. Поверьте мне, Алекс⟨андр⟩ Павлович, здоровье— хорошая вещь, лучше свежепросольных огурчиков. А что свежепросольные огурчики так хороши, что [а] это и в семинарии не бывавшему известно. Теперь же есть у меня до тебя просьба насчет топления. Я думаю, долговязому Michel'ю всё равно — мерзнет ли он или нет, и он, пожалуй, моей конуры не велит топить; но ты обратись к моей кривой хозяйке, вели непременно топить ежедневно, чтобы к моему приезду и комната прогрелась и печка бы не дымилась. Пожалуйста, объясни это дело порядком моей⟨...⟩ [б]. А у вас торжества, леминации, излияния граж-

---

[а] *Далее в тексте публикации многоточие, обозначающее, по-видимому, пропуск.*

[б] *Далее в тексте публикации помета:* (не разобрано)

данских сердец, излияния королевских сердец, трогательное единодушие, восторженные восклицания по программе, речи в стихах, слезы умиления и т. д.[3] Всё это очень хорошо, и я бы посмотрел охотно на всю эту сумятицу; но моя болезнь, видно, сговорилась с моим добрым гением, который, заклятый республиканец, носит красную шапку и кричит: «A bas les aristocrates!» — и не дала мне насладиться трогательным зрелищем гульдигунга. К моему удивлению, замечаю, что у нас, вечно челом бьющих славян, нет слова для перевода «Huldigung»?

Можете сообщить Скачкову следующую остроту: когда король заставил весь народ кричать «Ja» и уверял, dass es ist der schönste Laut der deutschen Sprache, неужели он забыл, что крик ослов тоже «J-a!». Помнишь римских ослов, Е⟨фре⟩мов? Но римские ослы кричат больше ночью и возбуждаемые близостью прекрасного пола — немалое преимущество: повод, гораздо более благородный, естественный и человеческий.

Впрочем, надо признаться, всё это я говорю более для красного словца; дай бог Фридриху В⟨ильгельм⟩у счастье и генеральский чин! Хотя мне многое не нравится. Кстати, скажи Скачкову, что он хотел прислать мне список университетских лекций. Будет мешкать, пока я выеду из Дрездена.

А пропо [4], по-французски Dresde пишется без «s». И отчего ты не пишешь немецкого адресса. Или немецкий язык тебе всё не дается?

Сегодня опять выпустили из меня немножко крови, как пиво из бочки: ставили стаканчики; но я уже хожу по комнате и имею удовольствие видеть в окне напротив моего очень хорошее личико, впрочем весьма редко. Признаться, до сих пор всякий раз, увидя меня, она отбегала от окна с некоторым... ужасом; но я приписываю подобное влияние на нее моей ослепительной красоте.

«La dernière Aldini» и «Léone Léoni» G. Sand'а так хороши, что я умственно поцеловал ее третий пальчик правой руки, на котором, наверно, есть немного чернил [5].

Addio, caro Alessandro. Кланяйся В⟨арваре⟩ А⟨лександровне⟩, поцелуй и Сашу, а Michel'ю, по обыкновению, наговори грубостей.

Подпись моя, когда я буду далай-ламой, а ты президентом Соединенных Штатов:

Иван Тургенев.[в]

[в] *Далее в тексте публикации помета:* ⟨*фантастический росчерк*⟩

33. М. А. БАКУНИНУ И А. П. ЕФРЕМОВУ
16 (28) октября 1840. Дрезден

Дрезден.
28 (16) октября 40.

Почтенные! Надеялся я праздновать сегодняшний день, день моего рождения, при звуках кимвальных и восклицаниях, среди друзей, венчанных розами (представь себе Е⟨фре⟩мыча в хламиде, в сандалиях, с руками, обнаженными до плеч, и с розами на голове), и творить обильные возлияния в честь Дионисия и Афродиты — и что же? Сижу в комнате богомерзкого трактира и запиваю горькие пилюли приторной микстурой. Но меня утешает богиня надежды: она пляшет передо мной и кивает зеленым венцом, и, кажется, теперь она недалека: протяну руку и поймаю. Если я действительно прибуду в Берлин 1 числа, поставлю я алтарь шпанским мухам и в честь их буду жечь курительные свечи. Скачкова я буду ругать язвительно по приезде в Б⟨ерлин⟩. Что же он не прислал мне Vorlesung's Catalog? А? Бакунин, прошу тебя приказать моей хозяйке только что не вызолотить мою комнату 1 ноября: вытопить, вычистить, резеды наставить и ожидать меня с трепетом любви. Одна беда — мне по крайней мере до Нового года велено вести себя добропорядочно: вина не пить etc. А то задал бы великолепный симпосион [1]. Боюсь я всё еще моей старой суки-судьбы — ни с села ни с города еще раз хлопнет. Доктор мне объявил, что das war die vierte Recidive. Отчего же не быть 5-й, 6-й, 55-й и 66-й и т. д.? Но всему же есть конец, даже терпению немецкого народа; а известно, что немец не только терпелив, но даже при терпенье учтив. Например, Allerhöchste Herrschaft бьет его большим пучком розог; в пылу упражнения из пучка вываливается несколько хлыстов; немец тотчас обращается к секущему: «O Allerallerhöchster! 4 хлыста упали». И потому если такому терпенью есть конец, то, вероятно, и моей болезни. Еще в одном должен каяться: дельного почти ничего не читал, кроме Ротшера и «Логики» [2], все поглощал хранцузские романцы. И ей-богу, когда в голове кровь стучит как молот, никаким другим чтеньем нельзя заняться. Самые замечательные книжонки в пространном море французских книжонок были: «La dernière Aldini» Занда, «Mémoires d'un sans-culotte breton» Сувестра, «Une folle histoire» Карра, «Le capitaine Pamphile» Дюма [3]. Засим прощайте. До свиданья.

Ваш от души Ив. Тургенев.

1841

34. БЕТТИНЕ АРНИМ

Конец 1840 или начало 1841 (?). Берлин

Gnädige Frau,

Als Sie mir gestern von jener wunderbaren Gedankenverbindung erzählten, die in Ihnen beim Anblick eines glimmenden Feuers entstand, ferner — als Sie von der Natur als von einem Geistigen, Lebendigen sprachen und mich am Ende frugen — ob Ich Sie verstanden hatte — so bejahte Ich es: es liegt mir aber viel zu sehr am Herzen zu wissen — ob Ich es wirklich verstehe.— Jene innige Verbindung des menschlichen Geistes mit der Natur ist nicht umsonst das Liebevollste, das Schönste, Tiefste unseres Lebens: nur mit Geistigem, mit Gedanken kann sich unser Geist, unser Denken so innig vermählen. Man muss aber eben so wahr sein, wie die Natur es selbst ist — um in diesen Bund treten zu können — damit jeder Gedanke der Natur, jede Regung in ihr sich unmittelbar in der Menschenseele in bewusste Gedanken, in geistige Gestalten verwandle.— Aber auch der Mensch, der noch der Wahrheit fremd ist — fühlt es: die Sehnsucht des Abends, das Stille zu sich Gekehrtsein der Nacht, die gedankenvolle Heiterkeit des Morgens wechseln ab in seiner Brust: er ist aus Fleisch und Blut, er atmet, er sieht: er kann sich nicht dem Einfluss der Natur entziehn: er kann nicht ganz in der Lüge leben. Je mehr der Mensch zur Einfachheit der Wahrheit strebt, desto reicher und inhaltsvoller wird ihm der Umgang mit der Natur — und wie sollt es auch anderes sein — da die Wahrheit nichts anderes ist als des Menschen Natur? Ist man auf *dem* Standpuncte (und auf diesem Standpunct stehen viele Menschen) — wie unendlich süss — und bitter — und freudig und schwer zugleich ist das Leben! Man ist in einem steten Kampfe — und nie wird man sich retten durch einen Rückschritt: man muss den ganzen Kampf durchkämpfen. Der tiefe, schöne Sinn der Natur leuchtet einem auf — und verschwindet: es sind Ahnungen, die wie sie aus der Seele hervorzittern, gleich wieder verschwinden; bald scheint es:— die Natur (und unter Natur versteh' Ich den ganzen leben-

digen, fleischgewordenen Geist) wolle reden — und plötzlich verstummt sie und liegt todt und schweigend: es lagert sich die tiefste Nacht um das Auge. Dass man nicht in der Wahrheit wahrhaft lebt — erkennt sich so leicht! Gehe man nur in das freie Feld, in den Wald hinaus — und wenn man auch bei aller Freudigkeit immer noch in der geheimsten Seele einen Druck, ein inneres Gebundensein fühlt, das grade dann hervortritt, wenn die Natur den Menschen ergreift — so erkenne man noch seine Grenze, jenes Dunkel das nicht im Lichte des sich Hingebens verschwinden will, so sage man sich: «Du bist doch noch ein Egoist!». Dass man aber dazu gelangen kann, wie Sie gestern sagten, keine Persönlichkeit zu haben, und grade in dem Geist, dem man sich ergeben hat, erst persönlich sein («*je allseitiger, desto individueller*», — sagen Sie in der «Günderode» [1]) — dieses haben Sie uns bewiesen — oder nein — Sie haben es gelebt — und wir schauen. — Dass Sie, indem Sie sahen, wie der Wind vom Feuer weg die Asche wehte — an Göthe dachten und *wie* Sie es dachten — war, Ich bin daran fest überzeugt, — kein *Vergleich*: es verging keine Zeit zwischen Ihrem Sehen und Ihrem Denken: unmittelbar verwandelte sich jene Regung in der Natur in diesen Gedanken: denn wie die Natur, bis in ihre geheimsten Schwingungen, vor Ihnen offen liegt — so liegt Ihr Geist ganz der Natur offen: wie die Pflanzen aus dem Boden der Erde, wachsen Ihnen die Gedanken hervor — und es ist dieselbe Entfaltung des Geistes — welcher dort als organisches Gebild, hier als der Gedanke dieses Gebildes, als Seelenflanze in das Licht heraus sich offenbart. — So sollte jeder Mensch sein: anstatt wie viele es thun, z. B. beim Liede der Nachtigall, in ein höchstens sehnsüchtiges Brüten zu verfallen, sollte den Leuten ein unendlicher Quell von Gedanken, von liebevollen Gefühlen in der Brust schlagen — und eben so mannigfaltig und unendlich wie die Gestalten der Natur, sollten die Gestalten des Gedankens sein, in dem kleinsten wie in dem grössten göttlich, einfach wie das Wort der Natur — welches «Gott» ist — bald in sich ruhig gesammelt wie ein tiefes Thal beim Sonnenaufgang, bald ausgelassen und wild wie der Sturm — reich und so mannigfaltig wie der Ton. Eins sein und unendlich in sich verschieden — ist das nicht ein Wunder? *Ein* Wunder und eine Welt von Wundern ist die Natur: so soll auch jeder Mensch sein — so ist er auch; und dass er es ist, haben uns die Herrlichen aller Zeiten offenbart. Sind

wir denn umsonst — Menschen? Hat sich denn umsonst alles Geistige der Natur in den einen lichten Punct zusammengedrängt — welches Ich heisst? [2] Was wäre Natur ohne uns, — was wären wir ohne Natur? Beides ist nicht zu denken! Dass Sie selig sind und es sein werden, dass Sie wahr sind und frei[a] — die Bürgschaft davon ist uns in Ihrer Liebe, ja — in ihrem Mitleid zur Natur, die da, von den Menschen verlassen, trauert: darum hat sie es mit Ihnen redlich gemeint, mit Ihnen geredet, Ihnen all' Ihr Leben offenbart — auch ihre Trauer — wie jener Bach, dem Sie einst zuriefen: «Kind! was weinst du? was fehlt dir?» — da er so ängstlich in dem Schilf murmelte [3]. Darum haben Sie nie die Natur *beschrieben*: Ich möchte sagen — die Natur hat sich unter Ihrer Feder in Worte verwandelt: was das Wort bedeutet, was es Göttliches in sich hat — was Kunst, was Form heisst — haben Sie uns erst gelernt. — Glauben Sie nicht — Ich wollte mir Rechenschaft geben über jenes Glück, das Ich fühle, wenn Ich Sie lese: so viel Hingebungsfähigkeit ist mir vom Himmel gegeben worden — dass Ich mich ganz vergessen kann — Ich weiss selbst nicht ob das was Ich eben geschrieben habe, auch Recht sei: Ich will es auch nicht wissen; das Glück redet aus mir — und Ich lasse es reden. — Wenn mir das Wort fehlt, wenn es mir versagt ist — so fehlt mir die Natur, denn das Wort ist die Natur des Geistes, des Gedankens. Aber innerlich fühl' Ich mich ganz: Ich habe eine Ahnung der Seeligkeit, die berechtigt ist — der Seeligkeit der Wahrheit. Ich habe das Wort gefunden: zwischen Ihnen und der Natur ist keine Grenze: in beiden lebt der eine Gott, der in Ihnen sich als Gedanken, als Offenbarung erfasst: ist er gross? Wie können Sie es wissen, es sagen? Dünkt Gott sich selber gross? Wie Sie es gestern sagten: ist der Gedanke — Besitz, Eigenthum? Ist nicht jeder ein Werkzeug — ist nicht das Wort, das Ausgesprochene, — Gottes Rede, deren Sinn Ihnen durch ein freudiges Wunder offenbar[б] wird? Glauben Sie nur — Sie haben immer Recht, was auch die Leute sagen mögen: durch die einfache Berührung mit dem Wahren offenbart sich in jedem Verhältniss, in jeder That — das Wahre, der Begriff. Was man nicht zugeben will, was die Engherzigen schreckt — muss doch zugegeben werden: «Wer wahr ist —

---

[a] *Далее зачеркнуто:* ist
[б] *Далее зачеркнуто.* für

der ist gut, und frei, und selig — und weise»—und das alles ist kein Verdienst: es ist das Einfachste — ja, es sollte das Gewöhnlichste sein, das Alltäglichste.

35. А. В. НИКИТЕНКО

20 мая (1 июня) 1841. Петербург

Я недавно — на прошлой неделе — приехал в Петербург, почтенный Александр Васильевич, и собирался в пятницу быть у Вас — но занемог и едва ли буду в состоянии до того времени выйти из комнаты.— Мне хотелось у Вас спросить совета насчет книг, которые я должен получить из-за границы — и я принужден прибегнуть к письму. Дело состоит в следующем: я завтра ожидаю с пароходом «Александра» ящик с книгами [1]; хотя я старался выбрать такие, которым, по моему предположению, цензура не представит никаких препятствий — но, быть может — в числе ⟨их⟩ есть и запрещенные: к кому мне обратиться и кто властен позволить мне пропуск этих книг? Я кандидат философии и намерен держать в магистры [2]: эти книги мне необходимы. Если б[а] Вам угодно было назвать мне человека, от кого это всё зависит — я бы завтра к нему съездил и потолковал бы с ним. Я надеюсь, Вы не откажете мне в моей просьбе и не взыщете на меня за то, что я Вас обеспокоил. До свиданья.

Весь Ваш
И. Тургенев

Вторник.

На обороте:

Милостивому государю
Александру Васильевичу
Никитенко.
От Тургенева.

36. А. П. ЕФРЕМОВУ

16 (28) августа 1841. Спасское

Не смею пенять на тебя, милый Е⟨фре⟩мов, за твое трехмесячное молчание; я и сам такой же беспечный лентяй, как и твоя милость. Но вот что меня ужасно перетревожило: я получил письмо Мишеля (от 17 июня ст. ст.)

[а] *Далее зачеркнуто:* Вы были

когда ты думаешь? Третьего дня, т. е. 14 августа. У нас сгорел в Орле почтамт в числе многих других зданий, и этой беде следует, вероятно, приписать замедление в доставлении писем. В своем письме, которое ты, вероятно, читал, М⟨ишель⟩ просит меня о доставлении Штиглицу 198 р. 40 к. сер. и о высылке ему 500 р. монетой и прибавляет, что последний срок уплаты Штиглицу 10 августа; а сегодня 16! Вероятно, он уже распорядился какнибудь иначе. Но я, несмотря ни на что, сегодня же отправил 198 р. к брату с тем, чтобы тотчас удовлетворить Штиглица, если ему не заплатили. Больше денег у меня теперь нету; но я прошу брата переслать на твое имя тотчас по получении письма 500 р. для доставления Мишелю. Меня, однако, беспокоит мысль, что тебя в Берлине нет, что ты на вакации куда-нибудь уехал... Я решился написать к Бессеру [1], которого всегда мое письмо застанет в Берлине, обо всем и прошу его принять нужные меры для доставления денег Бакунину в случае твоего отсутствия, т. е. написать тебе письмо о прибытии денег или, если он твоего адреса не будет знать, Бакунину; мне кажется, лучше придумать ничего нельзя [2]. Если же ты в Берлине, тем лучше. Однако почему ты мне не писал? Ленивое, толстое создание! Я не писал потому, что нечего было писать; а ты... твое письмо было бы мне отрадой. Не говорю уже о том, сколько занимательного для меня оно могло бы содержать о Вердере, о Бакунине, о В⟨арваре⟩ А⟨лександровне⟩, о тебе, толстом человеке, etc., etc., etc.; ты был обязан, ты сам обещался мне дать отчет

а) о моей библиотеке [3],

в) о шкатулке моей, едущей из Италии, etc., etc. Теперь же прошу тебя, ради бога, напиши мне подробное письмо. Будь умница, пай — пожалуйста. Да узнай, что́ я должен Бессеру; потерял я счет его. К сожалению, не могу написать тебе долгого письма — ждут, едут на почту. Я жив, хожу на охоту и ничего не делаю. Прощай.

Друг твой Ив. Тургенев.

С. Спасское.
16 августа, суббота, 1841.

37. Т. А. БАКУНИНОЙ

17 (29) октября 1841. Москва

Посылаю Вам, Татьяна Александровна, письмо Мишеля [1]. Хотел бы я послать Вам и письмо Александрины Б⟨еер⟩, но до сих пор не отыскал его.— Николай скажет Вам, как мы с ним провели день в Твери — и о чем мы с ним говорили [2]. Познакомился я с Алексеем и полюбил его от души. Скоро будем мы иметь удовольствие видеть Вас здесь [3] — Willkommen! Я знаю, что Вы не любите, когда Вам говорят о Вашем здоровье,— я хотел бы Вам сказать одно: wie können Sie wissen, ob Ihr Leben keine hohe und heilige Bedeutung für Andere gewinnen kann, und ob es nicht schon vielleicht geschehen ist?..

Ich grüsse Sie herzlich und ehrfurchtsvoll.

Преданный Вам

Тургенев.

P. S. Нашелся ли похититель моей бедной березки? Поклонитесь, пожалуйста, Александру Михайловичу, Александре А⟨лександровн⟩е и Варваре А⟨лександровн⟩е[4] от меня.

38. Н. А. БАКУНИНУ

17 (29) октября 1841. Москва

Вы должны быть теперь в Прямухине, Бакунин par excellence[1] — и действуйте так, как хотели, как мы все от вас ожидаем [2]. Дай бог успеха! — Толковал я с вашими братьями: Эгмонт [3] первый решил, что Т⟨атьян⟩е А⟨лександровн⟩е жить надобно у Безобразовой: рассудительный Александр подтвердил и одобрил его мнение.— Кстати, у вас премилые братья: я их полюбил от души, особенно Эгмонта. Мы вас ждем сюда скоро — недели через три; Бейеровым я писал и известил их обо всем [4]; вероятно, они приедут в Москву. До свиданья, Бакунин умный и хороший, которого надобно, впрочем, обратить в христианскую веру.

Весь ваш

Тургенев.

17-го октября.

1841.

P. S. Прочтите письмо Мишеля [5], которое я вложил в особый пакет. Скажите маменьке, что я не забыл ни ошейника, ни лорнета.

39. Е. А. КАРЛГОФ

24 ноября (6 декабря) 1841 (?). Москва

24 nov⟨embre⟩.

N'avez vous pas l'intention d'aller demain aux montagnes des Moineaux[1]? Voulez-vous me permettre de vous y accompagner? Comment et à quelle heure y allez-vous? Je vous aurai adressé ces questions de vive-voix ce soir, mais je crains que les saintes Catherines ne vous enlèvent à nous autres pécheurs[2]?

Veuillez agréer mes hommages.

Turguéneff.

Si vous voyez M-lle Catherine Wassiltchikoff qui ⟨...⟩[a,3]

На обороте:

Madame
Madame de Karlhoff
в доме Мюллера
в Хлебн⟨ом⟩ переулке.

---

[a] *Далее угол листа с текстом оборван.*

40. БАКУНИНЫМ

12 (24) января 1842. Москва

Москва. 12 января 41[a].

Сейчас вернулся с медвежьей охоты, милые друзья, и спешу известить вас, что я не только жив и здоров, но даже убил одного медведя. Мы их нашли в берлоге трех,— правда, небольших, 2-х годовиков: подробности охоты я вам расскажу, когда приедете; скажу вам только, что мы все не сплошали и действовали смело — и что вообще удивительно было весело и хорошо.— Я вас скоро ожидаю в Москву и до вашего приезда не велю сдирать шкуру с медведя.— Милые сестры — побаивались за меня — не правда ли? Кланяюсь им в ножки; и я думаю — вернулся целый — их же молитвами. Прощайте — пора отправлять письмо на почту — хотел только подать вам весточку о себе. Приезжайте скорей в Москву. Милые, милые мои сестры, прощайте, помните обо мне — и знайте (как Пушкин сказал), что —

Ваша тихая пустыня,
Последний, грустный звук речей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей [1].

И вы, братья, прощайте, до свидания.

Ваш Тургенев.

41. А. А. БАКУНИНУ

13 (25) февраля(?) 1842. Москва

Хрия [1]

Тезис:
Я бы желал, чтобы черт побрал
всех старых тетушек.

Ибо,
а.) Если б не было на свете старых теток

[a] *Так в подлиннике.*

То,
b.) не было бы и моей.
А если б не было на свете моей тетки

То,
а.) она бы не могла быть именинницей.

Ибо,
b.) покойники своих именин не празднуют.
А если б моя тетка не была именинницей

То,
а.) я бы не был вчера у ней,

Ибо,
b.) я был бы у Татьяны Михайловны.

Вывод:
Какой вам угодно.
Я у вас сегодня в 2 часа.
(с позволения сказать:) Тургенев.

На обороте:

Алексею Бакунину.

42. А. А. БАКУНИНУ

20-е числа января—середина марта ст. ст. 1842. Москва

Алексей божий человек,
Мы можем прожить целый век —
Глупей вчерашнего нам не бывать,—
Хорошо, что отправились спать.
Посылаю вам письмо,
Всё в нем хорошо,
Только дурно одно:
Что глупо оно.
Прощайте,
За мной заезжайте.

На обороте:

Алексею Александровичу Бакунину.

43. Т. А. БАКУНИНОЙ

20-е числа марта ст. ст. 1842. Москва

Мне невозможно оставить Москву, Татьяна Александровна, не сказавши Вам задушевного слова [1]. Мы так разошлись и так чужды стали друг другу, что я[a]

[a] *Далее зачеркнуто:* могу

не знаю, поймете ли Вы причину, заставившую меня взять перо в руки... Вы можете, пожалуй, подумать, что я пишу к Вам из приличья... всё, всё это и еще худшее я заслужил...

Но я бы не так, хотя на время, хотел расстаться с Вами. Дайте мне Вашу руку и, если можете, позабудьте всё тяжелое, всё половинчатое прошедшего. Вся душа моя преисполнена глубокой грусти, и мне гадко и страшно оглянуться назад: я всё хочу забыть, всё, исключая Вашего взгляда, который я теперь так живо, так ясно вижу... Мне кажется, в Вашем взгляде нахожу я и прощение и примирение... Боже мой! Как грустно мне и как чудно — как бы я хотел плакать и прижать Вашу руку к моим губам и сказать Вам всё — всё, что теперь так тревожно толпится в душе...

Я иногда думал, что я с Вами расстался совсем: но стоило мне только вообразить, что Вас нет, что вы умерли... какая глубокая тоска мной овладевала — и не одна тоска по Вашей смерти, но и о том, что Вы умерли, не зная меня, не[б] услышав от меня одного искреннего, истинного слова, такого слова, которое и меня бы просветило, дало бы мне возможность понять ту странную связь, глубокую, сросшуюся со всем моим существом — связь между мною и Вами... Не улыбайтесь недоверчиво и печально... Я чувствую, что я говорю истину и мне не к чему лгать.

И чувствую, что я не навсегда расстаюсь с Вами... Я Вас увижу опять... моя добрая, прекрасная сестра. Мы теперь жили, как[в] старики — или, пожалуй, как дети — жизнь ускользала у нас из рук — и мы глядели за ней, как глядели бы дети, которым нечего еще жалеть, у которых еще много впереди — или, как старики, которым уже и не жалко жизни... Точно привидения во 2-м акте «Роберта-Дьявола» [2], которые и пляшут и улыбаются, а знают, что стоит им кивнуть головой — и молодое тело слетит с их костей, как изношенное платье... В доме Вашей тетушки [3] так тесно, так холодно, так мрачно... и Вы, бедная — век с ними...

Я стою перед Вами и крепко, крепко жму Вашу руку... Я бы хотел влить в Вас и надежду, и силу, и радость... Послушайте — клянусь Вам богом: я говорю истину — я говорю, что думаю, что знаю: я никогда

[б] *Далее зачеркнуто:* зная в

[в] *Далее зачеркнуто:* будто

ни одной женщины не любил более Вас — хотя не люблю и Вас полной и прочной любовью... я оттого с Вами не мог быть веселым и разговорчивым, как с другими, потому, что я любил Вас больше других; я так — зато — всегда уверен, что Вы, Вы одна меня поймете: для Вас одних я хотел бы быть поэтом, для Вас, с которой моя душа каким-то невыразимо чудным образом связана, так что мне почти Вас не нужно видеть, что я не чувствую нужды с Вами говорить — оттого что не могу говорить, как бы хотелось — и, несмотря на это — никогда, в часы творчества и блаженства уединенного и глубокого, Вы меня не покидаете; Вам я читаю, что выльется из-под пера моего — Вам, моя прекрасная сестра... О, если б мог я хоть раз пойти с Вами весенним утром вдвоем по длинной, длинной липовой аллее — держать Вашу руку в руках моих и чувствовать, как наши души сливаются и всё чужое, всё больное исчезает, всё коварное тает — и навек. Да, Вы владеете *всею* любовью моей души[г], и, если б я бы мог сам *себя* высказать — *перед Вами* — мы бы не находились в таком тяжелом положении... и я бы знал, *как* я Вас люблю.

Посмотрите, как постоянно Вы[д] со мною во всех моих лучших мгновениях: вот Вам песнь *Серафины* из «Д. Жуана»[4] (когда-нибудь Вам расскажу... да Вы сами поймете). Вы, я знаю, не подумаете, что Сер⟨афина⟩ — вы, а тот, кому она это говорит,— я: это было бы слишком смешно и глупо; но мое отношение к Вам...

Ihre Gestalt, Ihr Wesen ist immer in mir lebendig, verändert sich und wächst und nimmt neue Gestalte an, wie ein Proteus: Sie sind meine *Muse*; so hat sich zum B., die Gestalt der Seraphine aus dem Gedanken an Sie entwickelt und auch die der Inez, der Donna Anna vielleicht — was sag' Ich vielleicht — alles, was Ich denke und erfinde, ist auf eine wunderbare Weise mit Ihnen verknüpft.

Leben Sie wohl, meine Schwester; geben Sie mir Ihren Segen auf die Reise — und bauen Sie auf mich — bis jetzt noch — wie auf einen stummen Felsen, dem aber im innersten steinernen Herzen wahre Liebe und Rührung verschlossen ruht.

Leben Sie wohl; Ich bin tief gerührt und erschüttert — leben Sie wohl, meine beste, einzige Freundin.— Auf Wiedersehen. Turgeneff[5].

[г] *Далее было начато:* хотя он⟨а⟩

[д] *Было начато:* мн⟨е⟩

44. АЛЕКСЕЮ И АЛЕКСАНДРУ БАКУНИНЫМ

3 (15) апреля 1842. Петербург

Петербург, 3-го апреля 42-го.

Я хоть и не обещал писать к вам, о дети, но пишу, полагая, что вы не рассердитесь. Притом же я вам — сегодня же, но с тяжелой почтой — посылаю письма Гете к Стольберг [1].— Я здесь с 30-го марта. На будущей неделе у меня экзамен из философии [2]— я готовлюсь и никого не вижу. Впрочем, был у Ржевского и видел у него Клюшникова [3], который мне понравился и даже очень. Совсем стал другим человеком. Брат мне отвел прекрасную комнату с камином и *тремя*, заметьте — тремя волтеровскими креслами: а сколько подушек — уму непостижимо. Мы живем ⟨на⟩ [a] уединенной улице — шуму не слышно ни в какое время дня — брата почти не бывает дома; я пью утром славный чай — с прекрасными кренделями — из больших чудесных английских чашек; у меня есть и лампа на столе. Словом, я блаженствую и с трепетным, тайным, восторженным удовольствием наслаждаюсь уединеньем — и работаю — много работаю. Например, вчера съел за один присест Декарта, Спинозу и Лейбница; Лейбниц у меня еще бурчит в желудке — а я себе на здоровье скушал Канта — и принялся за Фихте: но этот человек несколько черств, и потому я, для отдыха — пишу к вам письмо.

Я вам тысячу раз повторял, что вы дети — и ничего не испытали; напр., вы никогда не изведали всего блаженства уединенья; надобно уметь и уединенью предаться; а вы... Ну полно об вас — стану лучше говорить о себе, как о предмете гораздо более занимательном.— Итак:

«Я»

сижу в креслах перед камином и читаю Фихте; вот вам ход моих мыслей:

...Wir sollen einen absoluten Grundsatz finden... хе... хе... надо бы подложить дров (исполняется...), das *Ich* setzt sich als Nicht *Ich*... хе...хе... Молча сижу под окошком темницы... [4] вслед за этим целый вихорь мыслей... (а каких мыслей — не ваше дело). Fichte behauptet — 25 раз сряду прочту эти два слова и не понимаю — наконец тряхну головой и принимаюсь опять... Зеваю; встаю — подхожу к окну и пою: та-ри-там, таритам, тарита...ра-ра

---

[a] *Бумага повреждена.*

(соната Грунда)... Гляжу минут десять на падающие ⟨сне⟩жинки... похожу: воображаю себя министром — ⟨«пора,⟩[б] пора»[5] — сажусь опять за Фихте — сперва 5 минут гляжу, улыбаясь, в огонь — потом: im Ich ist das Princip sich zu setzen und das Princip — sich auch nicht zu⟨setzen⟩[б]...

О блаженство, блаженство, блаженство уединенной, неторопливой работы, позволяющей мечтать и думать глупости и даже писать их.

У меня есть хорошее стихотворение «На станции»[6] — прочту, когда приеду к вам в Москву.

Впрочем, извините мне все мои глупости. Напишите ко мне, если угодно. Мой адресс: «*В Графском* переулке, в доме *Касовской*». Поклонитесь от меня Татьяне Александровне и напишите мне, пожалуйста, об ее здоровье.

У меня есть песенка, которая так начинается:

О дети вы, о дети,
О, милые, прощайте!
Хотите — позабудьте,
Хотите — вспоминайте!
И т. д.

Addio, signori miei, e voi, Alexeo (как по-италиянски Алексей?), o Alessio, o Alexiso, e voi, Alessandro, e tutti quanti.

Тургенев.

На обороте:

Его благородию
Алексею Александровичу
Бакунину.
В Москве.
У Поварской, в Хлебном переулке, в доме Волковой.

45. А. А. БАКУНИНУ

8—17 (20—29) апреля 1842. Петербург

Дети мои вообще!

Сын мой Алексей в особенности!

Объявляю вам, что я выдержал экзамен из философии блестящим образом — то есть наговорил с три короба разных общих мест — и привел профессоров в восторг,

---

[б] *Бумага повреждена.*

хотя я уверен, что все специально-ученые (историки, математики и т. д.) не могли внутренно не презирать и философию и меня: да, помилуйте, *я* бы их стал презирать, если б *они* меня не презирали!.. Другой мой экзамен после Святой [1]. Теперь доложу вам, что я и сплю и вижу «Искушение С. Антония» — 3 первые (большие) сцены совсем готовы — и к моему возвращению — всё, я думаю — будет кончено... [2] Вы познакомитесь с одной девицей — Аннунциатой, которая, хотя и любовница Черта — но, ей-ей, прелюбезная девица,— и т. д. и т. д. «Рыбаков» [3] я не трогаю — пусть себе лежат, пока дойдет до них очередь. Никого почти не вижу. Клюшников был у меня... Однако он болен и гниет. Бог с ним — делать нечего. Бедная Фита [4]! Теперь прошу вас отвечать мне непременно и скоро:

Куда мне писать к Мишелю, в Дрезден — или в Берлин [5]?

Мой адресс:

На углу Шестилавочной и Графского переулка, в доме *Касовской*, под № 1-м.

Хотите вы уже теперь познакомиться с Аннунциатой? Извольте. Вот вам песенка, которую она поет некоторым молодым людям:

1

Под окном сеньоры бледной,
Больше часу — при луне —
Ходит, бродит витязь бедный
В черном бархатном плаще.

2

То играет на гитаре
Песни полные тоски...
То поет о страстном жаре,
О звездах и о любви...

3

Вдруг — окошко растворилось —
И украдкой из окна
Показалась и склонилась
Милой донны голова.

4

Он умолк... Она с улыбкой
Говорит ему: «Сеньор,
Я боюсь за вас; ошибкой
Вас возьмет ночной дозор.

5

Хоть приподнят длинной шпагой
Край широкого плаща,
Хоть и веет злой отвагой
[От усов и от пера]... или: От высокого пера — Как лучше?

6

Хоть умны вы — и прекрасны,
Хоть в меня вы влюблены,
Но — ни мало не опасны...
Скромный друг чужой жены».

7

И окошко, как живое —
Затворилось — и домой —
Поглупев — едва ль не втрое,
Потащился витязь мой.

Как вам нравится Аннунциата [6]? Да, впрочем — вы толку не знаете. Покажите Татьяне Александровне — она тотчас скажет — хорошо или худо — я ей верю. Как ее здоровье? Скажите ей, что я очень часто о ней вспоминаю.

Прощайте.— Пожалуйста, напишите мне о Мишеле.— Да так ли я ставлю ваш адресс?

Ваш
Тургенев.

На обороте:

Его благородию
милостивому государю
Алексею Александровичу
Бакунину.
В Москве.

В Хлебном переулке, близ Поварской, в доме Волковой.

46. А. А. БАКУНИНУ

30 апреля (12 мая) 1842. Петербург

Здравствуйте, Алексей. Благодарю вас за письмо [1]. У меня завтра последний экзамен, *изустный* — письменный через несколько дней [2]. Мне некогда вам написать длинное письмо. Татьяну Александровну благодарю *очень* за память — и сам напишу непременно. «Искушение»

пишется урывками, по ночам — однако готово более половины [3]. Посмотрим, что вы скажете. Написал я стихотворение «Зимняя прогулка» — посвященная вам, Алексей... довольно длинное — я вам его прочту в Москве [4]; и другое, посвященное Татьяне Александровне. Это так начинается:

Осенний вечер... Небо ясно,
А роща вся обнажена —
Ищу глазами я напрасно:
Нигде забытого листа...
Нет — по песку аллей широких
Все улеглись — и тихо спят,
Как в сердце грустном дней далеких
Безмолвно спит печальный ряд.
И т. д.

Остальное я прочту, может быть, когда увижусь... Да! Вздумалось мне поместить в «О⟨течественных⟩ з⟨аписках⟩» — «Встречу» (казака и горца)... [5] но в моей тетради всё так перемарано — что я ничего не разберу. Перепишите, отец, да пришлите. Если же вы заняты экзаменом — так не надобно [6]. Пусть «О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩» страдают. Прощайте, я доволен [a] своей жизнью. Скажите Т⟨атьяне⟩ А⟨лександровне⟩, что я наперед воображаю, как я буду ездить в Шашкино верхом [7].— Addio.

Александру кланяюсь.

Ваш
Тургенев.

С. Петербург.
30-го апреля 42.

Завтра 1-го мая... Христос воскрес. 5 лет тому назад — помню — я писал:

Разыгрались снова силы,
В сердце пышет легкий жар...
Здравствуй, Май, ребенок милый,
Что ты мне приносишь в дар?

До сих пор ничего мне не принес он. Что-то будет в нынешнем году?

---

[a] *Далее зачеркнуто:* собой

На обороте:

Его благородию
Алексею Александровичу
Бакунину.
В Москву.

В Хлебниковом переулке близ Поварской — в доме Волковой.

47. А. А. БАКУНИНУ

1 (13) мая 1842. Петербург

В письме ко мне, любезный Алексей, были вложены следующие письма В⟨арвары⟩ А⟨лександровны⟩ — к Николаю и к родителям [1]. Эти письма меня не застали в Москве. Я их посылаю к вам — распорядитесь ими как следует. И от Michel'я я получил письмо и уж отвечал ему. Павел тоже пишет мне несколько строк [2].

Сегодня у нас пятница — мой экзамен в понедельник — выезжаю я отсюда в четверг. Если бог даст, я в то воскресение в Москве. До свидания.

Тургенев.

48. П. А. БАКУНИНУ

16 (28) декабря 1842. Петербург

Милый Павел,

Я получил твое письмо и тотчас отвечаю. Я очень рад, что ты доехал благополучно — и что все твои здоровы — поклонись им, пожалуйста, от меня. Мое здоровье поправилось — и я начинаю выезжать; был уже два раза у Л. П. Языковой [1] — которую я, кажется, очень и очень полюблю. Она удивляется, что ты ей не ответил на письмо, которое она тебе написала, и думает, что ты, должно быть, не получал никакого письма, что оно затерялось.— Хоть мне и грустно, что твои родители не хотят тебя понять, но это можно было предвидеть — и потому меня это не поразило. Ты мне пишешь о двух портретах — об одном я уже написал куда следует, о другом ты мне велишь похлопотать — но как? не говоришь — отдать ли здесь кому-нибудь, отправить ли к тебе — не говоришь... и потому я прошу тебя написать тебя[a], что мне с ним сделать [2].

---

[a] *Так в подлиннике.*

Мои планы всё еще в зародыше — посмотрим, что будет [3].— Мы переехали на новую квартиру — «на Стремянную, в дом Гусева» — и теперь находимся в больших тревогах — всё не у места.

Х-х...Погода скверная, и я того и гляди боюсь опять занемочь — потому что совсем я всё еще не справился... Когда ты будешь в Шашкипе, не забудь там поклониться кому следует, да и не забудь мне написать... не взыщи на меня за то, что мое письмо так коротко и так глупо — мне и некогда, да я еще не в своей тарелке.

Меня очень радует известие, что Татьяне Александровне лучше. Поклонись ей и всем другим твоим братьям и сестрам.— Addio — еще раз, а когда свидимся — тогда свистнем. Прощай.

Твой
Ив. Тургенев.

С. Петербург.
16-го дек. 42.

На обороте:

Его высокоблагородию
милостивому государю
Павлу Александровичу
Бакунину.

Тверской губернии, в город Торжок, в село Прямухино.

49. А. В. НИКИТЕНКО

Начало 1840-х годов (1841—1842) (?). Петербург

Извините меня, пожалуйста, любезный Александр Васильевич, что я Вас беспокою насчет моих стихоплетений [1]: я хотел бы Вас просить, кстати — процензировать их, хотя, может быть, я их и не напечатаю; но мне бы не хотелось заставлять Вас два раза читать стихи, которые, может быть, не стоят и однократного чтения.— Я надеюсь послезавтра вечером быть у Вас [2] — до свиданья.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Середа.

На обороте:

Его высокоблагородию
Александру Васильевичу
Никитенко.

50. А. А. БАКУНИНУ

4 (16) февраля 1843. Петербург

С. Петербург. 4-го февраля 43.

Ваше письмо [1], милый Алексей, несмотря на плохо написанный адресс, благополучно дошло до меня вчера вечером, и я тотчас же отвечаю. Мой адресс: «на Стремянной, в доме Гусева».— Очень я был рад, увидавши Ваш почерк: я очень к Вам привязан, Алексей — и тем более, что я по своей природе не очень способен любить — и если кого полюбил, то уже надолго. Меня очень удивила поездка Мишеля — пришлите мне поскорей его письмо [2]. Пожалуйста — пишите мне изредка — что Вы делаете в Москве? О Павле — что услышите. Я сам собираюсь ему в Шашкино написать большое письмо — меня очень часто занимает мысль о том, что там теперь делается.

Извещайте меня тоже о Прямухине и о его обитателях. Я — с прошлого года как-то отделился от вас всех: но не думайте, чтобы я перестал вас любить и помнить. Когда-нибудь мы увидимся, и я Вам многое расскажу. А теперь прощайте, будьте здоровы — и помните меня. Кланяйтесь Александру. Всем москвичам (исключая Грановского и Елагиных) скажите, что в них ни на грош нет толку.

Весь Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Я многое приготовил. Вы, может быть, обо мне скоро услышите [3].

На обороте:

Его благородию
Алексею Александровичу
Бакунину.
В Москве.
У Поварской, в Хлебном переулке, в доме Волковой.

51. К. С. АКСАКОВУ (?)

16 или 23 апреля (28 апреля или 5 мая) 1843 (?). Москва

Очень обязан я Ховриным за их память обо мне — но слухи, дошедшие до них — очень преувеличены. Я точно чуть было не занемог, но теперь почти справился и в состоянии выезжать. — Я Вас не жду к себе сегодня — а завтра сам явлюсь к Вам. Благодарю Вас за коляску. До свиданья.

Тургенев.

Пятница.

52. П. А. БАКУНИНУ

Около, не позднее 8 (20) июня 1843. Петербург

Милый Павел,

Я так чувствую мою вину перед тобой — что спешу отвечать тебе по пунктам, для большей аккуратности [1].

1) Портрет Мишеля, который, я полагал, давно у вас — оказался непосланным, по милости моих людей; завтра он отправляется по тяжелой почте.

2) Портрет Уваровой отдан мной во время моей бытности в Москве — твоему брату Алексею.

3) Деньги я получил 1000 и 200 (200 получил мой брат без меня). Послезавтра они отправляются через Штиглица [2] — и для избежания новых недоразумений — я велю *приму* послать им самим, а *секунду* вложу в мое письмо к Мишелю [3].

4) О моей *поэме* я говорить не хочу [4] — мне она, во-первых, весьма не нравится самому (без всяких шуток), а во-вторых, я не люблю возвращаться к своей блевотине, как говорит Писание.

5) Я живу в Павловском для большего уединения, гуляю, пью Крейцбрунн, ношу зеленый зонтик на глаза и пользуюсь сносным здоровьем.

6) Английских книг я тебе пошлю на следующей неделе *непременно*. Я, право, до того часто надуваю других обещаниями — что наконец сам своим обещаньям не верю — но на этот раз постараюсь исполнить твою просьбу. Политико-экономических книг у меня нету [5].

7) Не тоскуй, любезный друг, будь здоров, кланяйся от меня всем и не забывай преданного тебе

И. Тургенева.

На обороте:

Его благородию
Павлу Александровичу
Бакунину.
Тверской губернии, в город Торжок.

53. П. А. БАКУНИНУ

25 сентября (7 октября) 1843. Петербург

С. Петербург.
1843-го года, сентября 25-го.

Милый Павел,

Я в долгу перед тобою и вообще передо всеми вами; но не думайте — пожалуйста — что я перестал вас любить; напротив, я часто вспоминаю о вас — разные обстоятельства помешали мне написать к вам письмо. Скажи, пожалуйста, милый П⟨авел⟩, имеешь ли ты какое-нибудь известие о Мишеле [1] — где он и т. д. Если имеешь, напиши мне в скорейшем времени. В Цюрихе ли он или нет? — Я бы очень желал лично кого-нибудь из вас видеть... A propos,— помнится — Алексей хотел приехать в Петербург... Что ж он? переменил свои намеренья? Или вообще какие его намерения? Что его здоровье? Пусть он приезжает в Петербург — мы ему место сыщем [2]. Малейшее известие о ком-нибудь из вас всегда будет весьма интересовать меня. Милый П⟨авел⟩, пожалуйста, не забудь мне написать о Мишеле.— Что бы тебе приехать в Петербург? Напомни обо мне своим сестрам.

Искренно тебя любящий
Ив. Тургенев.

На обороте:

Тверской губернии, в город Торжок.
Его высокоблагородию
Павлу Александровичу
Бакунину.

54. ЛУИ ВИАРДО

Ноябрь ст. ст. 1843 — первая половина февраля ст. ст. 1844. Петербург

Mon cher Monsieur Viardot,

Je viens de chez Zinoview — voici ce qu'il m'a dit à propos de cette chasse: il faut être prêt pour quatre heures et il faut déjà avoir dîné: les chevreuils sont sûrs, les élans le sont aussi, mais pas à un même degré. Voulez-vous venir chez moi en costume de chasseur à $2^1/_2$ h.? Vous pourriez dîner chez moi et partir ensuite — le traîneau viendra nous chercher. Il faut que je vous dise que cette chasse ne nous coûtera pas plus de 40 r. ass. à chacun, et nous serons de retour demain vers les 7 h. du soir. N'oubliez pas de prendre un coussin avec vous, puisque ce n'est pas à la maison de campagne de M. Zinoview que nous allons, mais dans une de ses terres. Vous n'avez pas besoin de vous gêner. Si vous ne pouvez pas ou si⟨vous⟩ne voulez pas venir, eh bien, vous n'avez qu'à ne pas venir, je n'ai pas besoin de vous dire que nous serons tous enchantés de vous avoir pour compagnon de chasse [1].

Bonjour et au revoir. Le «Che quereis Panchito» [2] n'a pas cessé de me poursuivre depuis hier soir. C'est une adorable chose, et votre femme est, je ne dirais pas la plus grande, mais, à mon avis, la *seule* cantatrice de ce bas monde [3].

Tout à vous
J. Tourguéneff.

Samedi.

На обороте:

Monsieur
Monsieur Louis Viardot.
De la part de Tourguéneff.

55. К. С. АКСАКОВУ

Конец апреля ст. ст. 1844 (?). Москва

Посылаю Вам «Современник» [1], любезный К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩,— и благодарю за долготерпение. У Самарина [2] я был вчера после бала (у Небольсиных [3]) и просидел у него более часу.— Не будете ли Вы дома сегодня

после обеда? Я зайду к Вам — но если Вы располагали идти куда-нибудь[a], так, сделайте одолжение, не переменяйте своего намерения — мне велено после обеда гулять — и я пойду гулять в Вашу сторону. Я, слава богу, здоров — а на бале был не в своей тарелке, оттого что разные глупые мысли взошли на ум. До свиданья.

Ваш
И. Тургенев.

На обороте:

Константину Сергеевичу Аксакову.
От Тургенева.

56. ПОЛИНЕ ВИАРДО

9 (21) мая 1844. Петербург

St-Pétersbourg, le 9 mars[a] v. s. 1844.

Il n'y a que quatre jours que je suis revenu de Moscou, ma bonne et chère Madame Viardot, et je profite de la place que m'a donnée Eugène dans sa lettre pour me rappeler à votre souvenir. Mon séjour à Moscou n'a pas été des plus agréables, une fluxion de poitrine m'a confiné dans ma chambre pendant deux mois entiers, etc., etc., mais enfin me voici de retour.

J'ai été bien content d'apprendre par l'«Allgemeine Theater-Zeitung»[1] que vous êtes arrivée en bonne santé à Vienne; j'espère qu'après vous être reposée en France vous nous reviendrez tout aussi bien portante. Vous nous reviendrez, n'est-ce pas? Votre *bonne ville* de Pétersbourg vous attend avec impatience[2], jugez ce que doivent ressentir vos intimes, vos fidèles, votre vieille garde[3]. Je les ai tous revus; nous avons causé, ou pour parler à la Pizzo, médit de vous; je ne dirais pas que nous nous sommes rappelés d'une foule de choses, car nous n'avions rien oublié, mais nous nous sommes fait le plaisir de les redire l'un à l'autre. J'ai surtout beaucoup babillé avec Pizzo; c'est un bien noble et brave garçon qui vous est bien sincèrement attaché. Je l'ai fait chanter jusqu'à extinction de voix tout: et la dernière scène de «Roméo»[4] et la «Stadt»[5] et le «Ya se ha muerto»[6]. Mais à propos, savez-vous que je vous en veux de ne m'avoir rien chanté de votre «Album»?[7] Savez-vous qu'il y a des choses admirables dans cet album? «La Chapelle», par ex⟨emp-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: или

[a] *Так в подлиннике.*

le», ou bien «L'Ombre et le Jour», mais surtout les «Adieux aux beaux jours»; il y règne une tristesse passionnée sombre et douce qui vous fait frémir et pleurer, et puis quelle vérité d'expression! J'étais à même d'en juger. Pizzo part pour Vienne le 27 de ce mois; je reste ici... mes projets de voyage... il ne faut plus y penser.

Dans six semaines vous serez en France; je me réjouis d'avance de la joie que vous aurez à revoir votre mère, votre enfant [8] et toutes vos bonnes connaissances, mais si jamais votre pensée se reporte vers le Nord, n'est-ce pas que vous ne craindrez plus, comme vous avez pu le faire avant votre premier voyage, de ne pas y trouver de sincères et loyaux amis? Je dois vous dire que vous avez laissé ici des souvenirs bien profonds; on parle de vous, on vous aime; il n'y a que Mlle Wolkoff qui est votre ennemie déclarée: mais pour vous consoler, je m'empresse de vous annoncer que son frère Mr du Calembourg daigne vous accorder sa bienveillance... Il n'y a plus une seule place disponible au Grand Théâtre.

Je passerai l'été dans les environs de Pétersbourg [9]: je ne ferai que chasser du matin au soir; c'est si bon d'être tout le jour dans les champs, on peut y rêver tout à son aise, et vous savez que je suis un peu rêveur de mon naturel. A propos de chasse, j'espère que Viardot en a fait d'excellentes; si ma lettre le trouve à Vienne, dites-lui mille choses de ma part; priez-le de m'écrire quelques mots qu'il n'a qu'à m'adresser au Ministère de l'Intérieur [10]. J'ai prié Pizzolato de me donner de vos nouvelles quand il sera à Vienne. J'ai voulu revoir nos chères petites chambres, mais elles sont habitées par je ne sais plus qui — pardon de vous entretenir de tout cela — que voulez-vous? pauvres affamés que nous sommes, nous nous nourrissons de nos souvenirs.

Adieu donc ou plutôt à revoir. Soyez heureuse. Voyez-vous, quand je vous dis ce mot-là, je n'ai plus rien à ajouter, car je vous le dis du fond de mon cœur et je le dis souvent, parce qu'il me semble que de pareils vœux doivent être exaucés. Adieu donc encore une fois et permettez-moi de vous serrer la main comme par le passé.

Votre ami bien dévoué
J. Tourguéneff.

57. А. В. НИКИТЕНКО

Конец августа—сентябрь ст. ст. 1844. Петербург

Любезный Александр Васильевич,

Пользуюсь Вашим позволением и прошу Вас убедительно немножко поспешить просмотрением прилагаемой при сем безделки; Краевскому она нужна в октябрьский № «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩» [1], и он меня просил подвергнуть ее сперва Вашему суждению; его пугает слово «монах» [2] — но Вы увидите, что монах у меня человек весьма почтенный; некоторые стихи я сам зачеркнул, потому что чувствовал их неуместность; а потому я и надеюсь, что Вы к остальным будете снисходительны. Белинский хотел у Вас быть послезавтра; могу ли я надеяться, что Вы ему дадите какой-нибудь ответ? Я бы сам почел долгом явиться к Вам, но я — вот уже шестой день не выхожу из комнаты — болен. Надеюсь на Вашу снисходительность, прошу у Вас извинения и остаюсь с искренним уважением

преданный Вам
Ив. Тургенев.

Четверг. Утро.

На обороте:

Его высокоблагородию
Александру Васильевичу
Никитенко.
От Тургенева.

58. В. Г. БЕЛИНСКОМУ

Середина декабря ст. ст. 1844. Петербург

Любезный Белинский,

Вот Вам 2-я корректура «Разговора».— Мой человек через час зайдет за ней, потому что я обещался Працу доставить ему сегодня же эту корректуру. Всё, что Вы заметите, отметьте *карандашом* [1].

Ваш
Тургенев.

59. А. А. БАКУНИНУ

9 (21) января 1845. Петербург

С. Петербург 9-го января 1845-го г.

Любезный Алексей,

Вчера только получил я Ваше письмо [1] — но уже несколько дней тому назад собирался сам написать к Вам. Ваше письмо меня очень обрадовало; оно напомнило мне время, над которым я, право, не думаю смеяться — хотя я и не любуюсь им. Причины, заставившие меня как бы раззнакомиться с Вашим семейством — были довольно естественны [2]; подумавши сами об них, Вы — я думаю — согласитесь со мною в этом; но я никогда не переставал с любовью вспоминать о вас всех — по крайней мере об Вас, о Павле и о Татьяне Александровне. Мне иногда было больно думать о том, что вы все — может быть — делаете обо мне ложные заключенья, хотя я чувствовал сам, что вы имели на это полное право;[a] но я в последнее время жил уже не фантазией, как прежде — а более действительным образом, и потому мне было некогда много думать о том, что во всех отношениях — стало для меня прошедшим.— Месяца через два я оставляю Россию [3] — может быть — надолго; глаза мои очень стали плохи; и одно серьезное лечение может мне принести некоторое облегченье; мне бы не хотелось расстаться с теми немногими людьми, которых я здесь любил, не сказавши им, по крайней мере — прощального слова... Я очень был бы рад, если бы мы могли еще раз свидеться; но если нам не суждено увидеться перед моим отъездом — дайте мне Вашу руку; примите от меня искреннее уверение в моем неподдельном участии; и дай Вам бог пробиться мужественно вперед — не для того, чтобы достигнуть каких-нибудь благ — истины или знания,— но для того, чтобы сохранить до конца энергическое чувство человеческого достоинства, без которого жить — очень гадко и неприятно. Напишите мне об Вашем здоровье — о здоровье всех

---

[a] *Далее зачеркнуто:* притом

Ваших родных — поклонитесь им от меня... Я надеюсь съездить в Москву в конце февраля — повидаться с моей матерью перед моим отъездом [4]. Может быть, как-нибудь еще увидимся... Во всяком случае это письмо не будет последним [5]. Итак — пока — до письменного свиданья.— Посылаю Вам книжку, которая, может быть, на минуту заинтересует Вас [6].

Ваш
Ив. Тургенев.

60. В. Г. БЕЛИНСКОМУ

28 марта (9 апреля) 1845. Москва

Москва.
28-го марта 1845-го г.

Любезный Белинский,

Некрасов просит меня через брата отдать ему по обещанию — «Помещика» и требует ответа. Я всё это дело предоставляю совершенно на ваше благоусмотрение, хотя не могу сказать, чтобы мне хотелось напечатать эту вещь отдельно; мне кажется даже, что она совсем не годится для отдельного напечатания. Может быть, с помощью политипажей она разойдется — но мне от этого не будет легче. Делайте, как знаете [1].

Я теперь пишу две вещи: 1) статью для «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩» по поводу двух статей Киреевского в «Москвитянине» [2]; 2) поэму, под названием «Недолгая любовь» [3], о которой я говорил Некрасову. Я ее оканчиваю — и *эту* я готов напечатать либо отдельно, либо отдавши вам (если план, о котором вы мне говорили, состоится) [4].

Извините меня, что я ничего больше не пишу; я в нехорошем расположении духа. Будьте здоровы и напишите мне два слова, если вздумается.

Ваш
Т⟨ургенев⟩.

1846

61. ПОЛИНЕ ВИАРДО

Конец апреля—начало мая ст. ст. 1846. Петербург

Je viens d'écrire, Madame, une lettre d'affaires à Mme votre mère où je lui transmets avec fidélité tout ce qui se dit et se fait ici par rapport à la saison prochaine [1]. Vous pourrez vous la faire montrer et vous en jugerez vous-même. Je suis persuadé d'avance que tout ce que vous ferez sera bien fait, mais je dois vous dire que votre absence pendant cet hiver (si elle a lieu, ce que je ne veux pas encore admettre) attristera beaucoup de personnes. Je vous remercie infiniment pour votre billet et pour tous les détails que vous me donnez de l'arrangement de votre chambre; ils m'aideront à me représenter plus vivement ce qui me vient bien souvent à l'esprit... J'espère que vous aurez la bonté de me communiquer votre décision finale, chose bien importante pour beaucoup de personnes et sous beaucoup de rapports. Je vous souhaite de tout mon coeur les meilleures dispositions et inspirations pour l'ouvrage que vous vous êtes proposé; je vous souhaite surtout une bonne santé, beaucoup de tranquillité et d'activité. Quant à moi, j'ai mené depuis votre départ [2] une vie bien calme; j'ai beaucoup travaillé et avec assez de fruit; le petit écrit [3] que je vous envoie avec Salavoÿ avait été composé dans l'intention de servir de texte à des causeries, qui auraient dû avoir lieu cet hiver... vous le trouverez bien décousu. J'espère que que[a] vous accomplirez vos projets d'étude pendant cet été, en général *tous* vos projets (ne négligez pas d'aller prendre des bains de mer, si les médecins vous le conseillent). Si vous ne revenez pas cet hiver en Russie, j'espère avoir le plaisir de vous rencontrer quelque part en Europe l'année prochaine, car j'ai l'intention d'y faire un voyage.

Salavoÿ m'a dit que votre mari vous a acheté un cheval, j'en suis enchanté pour vous. Pensez quelquefois à moi pendant vos promenades autour de Courtavenel [4] ou bien quand vous entrerez dans la serre. Dans peu de jours je vais à la campagne; peut-être irai-je à Odessa [5]; mais avant de faire ce voyage, j'arrangerai mes affaires d'une manière définiti-

[a] *Так в подлиннике.*

ve, comme je l'avais résolu. *Ich bin immer der selbe und werde es ewig bleiben.* J'ai toutes sortes de projets (littéraires) dans la tête; je ne sais ce qui en résultera. Si vous le permettez, je vous écrirai une lettre ou deux de la campagne et d'Odessa; je me lancerai dans les descriptions. Ce que j'écris à Mme votre mère de votre engagement, etc., n'est que l'écho fidèle de ce qui se dit ici. Vous pouvez compter là-dessus et vous arranger en conséquence... Venez... Dans tous les cas, ayez la bonté de m'informer de votre résolution. Adieu, soyez bien portante et heureuse... revenez; vous trouverez ici *tout* comme vous l'avez laissé. Adieu encore une fois; dites à votre bonne mère combien je lui suis attaché. Je baise de nouveau les mains de la mère et de la fille et je reste

Yours for ever
J. Tourguéneff.

62. ПОЛИНЕ ВИАРДО

Начало мая ст. ст. 1846. Петербург

Je ne vous envoie ce travail [1], chère et bonne Madame Viardot, que parce que vous seriez peut-être désappointée, si vous ne le receviez pas. Mais en le relisant, j'ai senti combien il est incomplet, précipité et défectueux. J'avais entrepris une tâche trop vaste. Il faut que je dise pour mon excuse que je ne l'avais jamais destiné à être lu par vous seule: j'ai omis une foule de développements nécessaires que je comptais compléter par la parole (je ne perds pas encore l'espoir de le faire un jour à Pétersbourg ou autre part). Mais j'espère en votre indulgence. Mon amour-propre d'auteur qui se livre à vous pieds et poings liés ose cependant vous prier de ne pas l'exposer à d'autres critiques que les vôtres.

Je vous écris à la veille de mon départ pour la campagne [2]. Je pars sans savoir votre résolution que je vais attendre avec impatience [3]. Je vais passer quatre mois dans la retraite la plus absolue, au milieu de ces steppes que j'aime tant. Je prends quelques bons livres avec moi; avec mes souvenirs, mes projets, mes travaux, et la chasse, j'espère passer le temps assez agréablement. J'ose croire que vous n'oublierez pas de me faire parvenir de vos nouvelles de temps en temps. Portez-vous bien — soyez heureuse autant que vous pouvez l'être. Travaillez beaucoup et pensez un peu à ceux qui vous aiment. Salavoў vous remettra ce paquet; c'est un excellent

garçon, qui vous est sincèrement dévoué; ses conseils ne peuvent être que très bons.

J'aurais tant de choses à vous dire que je préfère me taire, du reste, vous pouvez en deviner la plus grande partie. J'ai prié Salavoÿ de m'écrire de Courtavenel; aurez-vous la bonté d'ajouter un petit mot à sa lettre? Je crois vous voir dans votre petit cabinet. De mon côté, j'ai maintenant un assez grand travail sur le tapis; je ne sais ce qui en deviendra [4]. J'ai été tout ce temps-ci très recueilli, quelquefois un peu triste; cependant, j'espère que tout s'arrangera. Vous trouverez tout naturel que je me sente toujours les mêmes affections; mais j'éprouve un secret plaisir à pouvoir le dire. Je le répète: soyez heureuse; c'est un vœu que je fais bien souvent. Priez, s'il vous plaît, Mme votre mère de me conserver ses bonnes grâces. Si vous voyez Maurice Sand, et s'il se rappelle encore de moi, saluez-le de ma part [5]. Pour votre frère, c'est une de mes passions [6].

Voilà bientôt trois mois que vous êtes partie... combien en reste-t-il jusqu'à votre retour?.. Retournerez-vous?

Adieu, Madame. Revenez-nous comme vous êtes partie (la santé excepté qui doit être mille fois meilleure). Vous trouverez ici tout comme vous l'avez quitté. Au revoir donc, *tôt ou tard*.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

P. S. Mes compliments à votre mari et à toute votre famille. Le petit écrit que je vous envoie doit rester secret pour une autre raison: c'est que tout innocent qu'il est, il pourrait m'attirer de graves désagréments [7]. On vient encore d'effacer plusieurs passages dans un article de votre mari (dans «L'Illustration») [8]. Adieu; je baise les mains à vous et à Mme votre mère. Vous n'oublierez pas le 1er octobre? [9,a]

63. ПОЛИНЕ ВИАРДО

21 октября (2 ноября) 1846. Петербург

St-Pétersbourg,
ce 21 oct. v. st. 1846.

Voici trois jours, Madame, que je suis arrivé à Pétersb⟨ourg⟩ de la campagne, où j'ai passé plus de cinq mois, et vous sachant à Berlin [1], je n'ai pas pu résister au désir de

---

[a] *Далее одна фраза зачеркнута.*

vous écrire. Après avoir été admis dans votre intimité et celle de votre mari, je ne puis me résigner à l'idée de vous devenir étranger, et je vous écris avec l'espoir que vous ne m'avez pas complètement oublié, et que vous recevrez avec quelque plaisir des nouvelles d'une ville où vous avez été tant aimée et l'êtes encore. Grâce à l'obligeante bonté de Mlle Laure qui a bien voulu répondre elle-même à ma lettre, j'ai cessé d'ignorer entièrement ce que vous avez fait cette année; Salavoÿ ne m'avait écrit qu'un tout petit billet. Il paraît que vous n'avez pas reçu les *deux* lettres (l'une à votre adresse, l'autre à celle de Viardot) que je vous ai écrites depuis mon départ de Pétersbourg [2]; je ne sais à quoi l'attribuer ou plutôt je m'en doute. Des personnes qui vous ont vue à Berlin il y a quinze jours m'ont dit que vous aviez l'air de vous porter à merveille; vous pensez bien que j'ai été heureux de l'apprendre. Pour Viardot, je ne doute pas que l'air natal et la chasse l'aient complètement guéri. A propos de chasse, vous pouvez lui communiquer que je n'ai fait que cela à la campagne et que son fusil s'y est acquis une certaine célébrité, bien plus que le chasseur, par exemple. Pour en finir avec ce que j'ai à dire de ma personne, je vous annonce que je me porte très bien, que j'ai vécu tout ce temps en véritable campagnard et que du reste, je suis toujours le même, car, pour mon bonheur ou pour mon malheur, je ne sais pas changer.

Le lendemain de mon arrivée à Pétersbourg, je suis allé au Théâtre-Italien. On donnait (pour la première fois cet hiver) la «Norma» avec Mme de Giuli (Norma), Guasco (P.) et une Mlle Viola (Ad.) [3]. J'ai ressenti un serrement au cœur assez pénible en entrant au théâtre — vous vous imaginez bien pourquoi — et je me suis surpris à regarder avec un certain plaisir les figures *connues* des choristes. Je ne vous entretiendrai pas de tous les détails de la représentation; mais voici l'impression que m'ont faite les chanteurs. Mme de Giuli a la voix très haute, peu forte (malgré ce qu'on en dit ici généralement), mais perçante et ne se fatiguant pas. Le timbre en est assez peu agréable au premier abord, mais on s'y fait assez vite; les notes basses sont sourdes et tremblantes. Elle a peu de goût, de la chaleur, l'accent dramatique ou plutôt mélodramatique; (dans la «Casta diva» elle chante comme si elle était amoureuse de la lune) elle manque de noblesse, elle exagère — comme cantatrice, car comme actrice, c'est à peu près un mannequin... cependant, elle fait de l'impression, elle émeut. Elle abuse des notes soute-

nues, des transitions brusques; son agilité est loin d'être perlée, mais a de l'éclat. En somme, elle plaît et doit plaire, car c'est certainement une cantatrice remarquable. Guasco est un bon chanteur aussi sans doute; mais il a perdu la voix. Ce qui en reste est retentissant, mais creux et flasque; les notes hautes lui coûtent beaucoup de peine; en général, il chante lourdement; je ne sais si cela provient de l'habitude du canto spianato. Il a beaucoup d'âme, de distinction et de goût; cependant, il ne vous contente qu'à demi; sa voix émoussée glisse et ne pénètre pas. Pour Mlle Viola, c'est une écolière dans toute la force du terme; une voix de mezzo soprano, quasi contralto, passable — mais Mlle Moltini elle-même!!! pourrait lui donner des leçons. Le rôle du grand prêtre a été rempli par un Mr Spech, lourd Allemand à la voix nasillarde et fausse, qui ne vaut pas Versing. On a fait répéter l'allegro du duo entre Norma et Adalgise — par routine probablement — car ce duo a été abîmé, grâce à Mlle Viola. Mme de Giuli a été parfaitement bien accueillie du public.

Je n'ai pas encore entendu les autres chanteurs: Rossi et surtout Collini (baryton) ont beaucoup plu; Mme Marra a fait un fiasco complet dans «L'Elisir» [4]. Mlle Adélaide Moltini (cousine de l'autre) débute demain dans le «Templario» [5]. On a donné jusqu'à présent «Ernani» [6], «Lucie» [7], «Lucrèce» [8], «L'Elisir» et «Norma». «Ernani» et «L'Elisir» ont disparu du répertoire.

On vous regrette beaucoup ici, Madame. On ne veut pas croire, malgré l'évidence, que vous ne veniez pas cet hiver à P⟨étersbourg⟩. Toutes sortes de bruits courent par la ville. Tantôt c'est l'Empereur qui a donné l'ordre formel de vous engager, coûte que coûte; tantôt, c'est Kavos qu'on dépêche vers vous avec une offre de 80 000 roub. Je n'ai pas été surpris, mais certainement bien content de vos succès à Berlin. Y passez-vous l'hiver? Allez-vous à Francfort? Si vous tenez à rester au courant des nouvelles du théâtre de Pétersbourg, il faudra bien que vous me disiez vos projets et me donniez votre adresse. Voici la mienne: à Mr J. T., rue Grande Podïatcheskoï, maison Zinovieff.

Je n'ai presque pas eu encore le temps de voir nos amis. J'ai rencontré Mr Goulewitch à Moscou; il doit venir ici l'un de ces jours. E. Guédéonoff écrit encore un drame [9]; Salavoï n'est pas de retour. Je ne crois pas pouvoir quitter Pétersbourg cet hiver; et mon projet de faire le voyage de Paris s'en est allé en fumée [10]. Cependant, rien encore n'est

décidé... Je hésite[6] ... je ne puis faire autrement pour le moment.

Mais savez-vous, Madame, qu'il a été bien cruel à vous de ne pas m'avoir écrit un seul mot daté de Courtavenel. Ce cher Courtavenel... J'y ai pensé bien souvent cet été. La serre a-t-elle été achevée? Avez-vous vu Mme Sand? Avez-vous fait de la musique le soir? *Avez-vous composé*? Voyez, s'il vous convient de m'en faire savoir quelque chose — nachträglich — comme disent les Allemands. Vous ne savez que trop combien tout cela m'intéresse.

Voici, Madame, une assez longue lettre. Si Viardot est à Berlin, dites-lui que je lui serre la main et le prie de m'écrire quelques mots. La correspondance est rouverte grâce à Dieu, il ne dépendra que de vous de la faire continuer. Votre silence m'a déjà assez contristé comme cela, croyez-le bien. Permettez-moi, avant de finir, de faire les vœux les plus sincères pour votre bonheur, et croyez qu'après vous avoir connue, il est tout aussi difficile de vous oublier que de ne pas s'attacher à vous. Recommandez-moi, s'il vous plaît, au souvenir de Mme votre mère; la petite Louise se porte-t-elle bien? a-t-elle grandi? Adieu; soyez heureuse et daignez penser quelquefois à votre ami bien dévoué.

J. Tourguéneff.

64. ЛУИ И ПОЛИНЕ ВИАРДО

8 (20) ноября 1846. Петербург

St-Pétersbourg,
ce 8/20 novembre 1846.

J'ai hâte de répondre à la bonne lettre que vous m'avez écrite tous les deux[1], mes chers amis. Elle m'a fait un plaisir véritable, en me prouvant que vous n'avez pas changé envers moi. Je vous remercie en même temps de tous les renseignements que vous me donnez sur votre vie passée et future. Si le sort ne m'est pas tout à fait contraire, j'espère pouvoir faire un petit voyage en Europe l'année prochaine, dès le mois de janvier, si bien qu'il ne serait pas impossible que vous, Madame, ayez un spectateur de plus dans l'Opern-Haus[2]. Je lis tous les articles des journaux prussiens qui vous concernent, je vous prie de le croire — et j'ai été bien heureux et bien content de votre triomphe dans la «Norma»[3].

---

[6] *Так в подлиннике.*

Ceci me prouve que vous avez fait des progrès, c'est-à-dire de ces progrès comme en font les maîtres et qu'ils ne cessent de faire jusqu'à la fin. Vous êtes parvenue à vous approprier l'élément *tragique*, le seul dont vous n'étiez pas encore entièrement maîtresse (car pour le pathétique, ceux qui vous ont vue dans «La Sonnambula» [4] savent à quoi s'en tenir), et je vous en félicite de tout mon cœur. Quand on a la noble ambition qui vous anime et une nature aussi richement douée que la vôtre, il n'est pas de couronne à laquelle on n'ait le droit d'aspirer, par la grâce de Dieu. Le choix des opéras que vous allez donner à l'Opern-Haus me paraît admirable (il va sans dire que je préférerais «Les Huguenots» au «Camp de Silésie» [5]). Pour l'«Iphigénie», j'oserais vous conseiller de relire avec attention la tragédie de ce nom, de Gœthe [6], d'autant plus que vous aurez affaire à des Allemands, qui, presque tous, la savent par cœur, et dont la manière de comprendre ou de se représenter Iphigénie est par cela même irrévocablement fixée. Du reste, la tragédie de Gœthe est certainement belle et grandiose, et la figure qu'il a tracée est d'une simplicité antique, chaste et calme — peut-être trop calme, surtout pour vous, qui (grâce à Dieu) nous venez du Midi. Cependant, comme il y a aussi beaucoup de calme dans votre caractère, je crois que ce rôle vous ira à merveille, d'autant plus que vous n'aurez pas besoin de faire un effort pour vous élever à tout ce qu'il y a de noble, de grand et de vrai dans la création de Gœthe,— tout cela se trouvant naturellement en vous. Iphigénie elle-même n'était pas une «pâle fille du Nord»; un poisson n'a pas de mérite à rester calme... Vous prononcez bien l'allemand, vous ne le francisez pas;— au contraire, vous exagérez un tant soit peu l'accentuation,— mais je suis sûr qu'avec votre application ordinaire vous avez déjà fait disparaître ce léger défaut. Pardon, mille fois pardon de ces conseils de pédant; vous savez qu'ils prennent leur source dans le vif intérêt que je prends à vos moindres faits et gestes; et puis il n'y a que la perfection qui puisse *vous* convenir et *nous* contenter quand nous vous écoutons. Prenez-vous-en à vous-même... pourquoi nous avoir gâtés?

Mon Dieu, que j'aurais été heureux de vous entendre cet hiver!.. Il faudra que j'en parvienne à bout d'une manière ou d'une autre.

Dans la lettre que j'ai écrite à Mme votre mère, j'ai donné quelques détails sur le théâtre d'ici, ce qui me dispense de revenir là-dessus. Je préfère vous féliciter sur l'emploi

de votre temps à la campagne... Oui, certes, je suis bien curieux de voir de votre ouvrage... [7] Patience! Je n'ai pas encore reçu le petit livre de Viardot (que je remercie beaucoup de son bon souvenir), mais je l'ai déjà lu [8], et j'y ai retrouvé cet esprit sobre et fin, ce style élégant et simple dont la tradition semble vouloir se perdre en France. A propos de littérature, le prince Karol du dernier roman de Mme Sand («Lucrezia Floriani»), paraît être Chopin [9]? Je vous dirai (si cela peut vous intéresser) que nous avons réussi à fonder un journal à nous [10], qui paraîtra dès la nouvelle année et qui s'annonce sous des auspices très favorables. Je n'y participe qu'en qualité de collaborateur. Je travaille beaucoup pour le moment, et je ne vois presque personne. Ma santé est bonne, mes yeux ne s'empirent pas, ce qui déjà est un grand bonheur. J'ai trois petites chambres assez jolies où je vis en vrai solitaire avec mes livres, que je suis enfin parvenu à rassembler des quatre parties du monde — mes espérances et mes souvenirs. J'aurais bien voulu avoir ici l'excellent cheval que je montais à la campagne, mais la vie est si chère à Pétersbourg. C'était une jument anglaise bai clair, admirable d'allure, de douceur, de force et de vigueur. Je sais bien une personne à laquelle j'aurais voulu pouvoir l'envoyer cet été... devinez-vous cette personne? J'ai eu de même le bonheur de faire l'acquisition d'un excellentissime chien de chasse, ou plutôt d'une chienne. Elle se nomme *Pif* (drôle de nom, n'est-ce pas? pour une chienne); ma jument, au contraire, a été baptisée (par une vieille Anglaise [11] qui demeure chez ma mère) *Queen Victoria*. J'avais un autre chien, un griffon, monstre de laideur, bon à rien, mais qui s'était attaché à moi. Celui-là répondait au nom de *Paradise Lost*... Voilà bien du bavardage et de l'enfantillage. J'en rougis et vous prie de l'excuser.

Il faut que vous me promettiez de m'écrire le *lendemain* de votre première représentation allemande; d'ici là, si l'envie vous en prend, tant mieux. De mon côté, maintenant que la digue est rompue, je vais vous inonder de lettres. J'écris cette fois-ci à votre adresse, car je ne sais si Viardot est encore à Berlin. Il est cependant étrange que nos lettres se soient perdues! Mille — non — un million d'amitiés à tous les vôtres. Je crois que vous n'avez pas besoin de mes protestations d'amitié et de dévouement pour y croire; nous sommes déjà de vieux amis, des amis de trois ans [12]. Je suis et serai toujours le même; je ne veux pas, je ne puis pas changer. Permettez-moi de vous serrer bien amicale-

ment les mains; je fais les vœux les plus sincères pour votre bonheur. A revoir, un beau jour; ah! je crois bien qu'il sera beau, ce jour-là! Louise n'est pas encore assez grande demoiselle pour se formaliser d'un gros baiser que je donne à sa petite joue rondelette. Adieu, encore une fois.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

Voici ma véritable adresse:
Kirpitchnoï Péréoulok, maison Brounst.

65. ПОЛИНЕ ВИАРДО

28 ноября, 3 декабря (10, 15 декабря) 1846. С.-Петербург

St-Pétersbourg,
ce $\frac{\text{28 novembre}}{\text{10 décembre}}$ 1846.

Voici bientôt trois semaines que je vous ai écrit [1], Madame, je m'imagine que vous désirez avoir des nouvelles du théâtre et de Pétersbourg — et je reprends la plume. Si mon imagination n'a pas le sens commun — j'espère que vous ne m'ôterez pas un si bon prétexte de vous écrire. Je commence par vous dire que selon toutes les probabilités j'aurai le bonheur de vous voir vers la mi-janvier de l'année prochaine; j'ai arrangé tant bien que mal mes petites affaires et je compte être libre dès la nouvelle année. Ainsi — vous voilà prévenue... soyez bien en voix pour ce temps-là! Je vous arriverai tout affamé de bonne musique. Car en vérité l'opéra d'ici — *ist auf den Hund* comme disent les étudiants. Depuis ma lettre à Mme Garcia (à laquelle je baise les mains) j'ai vu — en fait de nouveautés — «La Gazza» [2], «Ernani» [3] et «La Fille du Régiment» [4]. Vous ne saurez vous faire une idée de la manière atroce dont cette pauvre *Gazza* a été massacrée. Mme Moltini (de l'année dernière) recevait, ⟨vous⟩ vous le rappelez, de temps à autre quelques petits applaudissements; celle-ci—rien, mais rien à la lettre; aussi faut-il avouer que jamais plus insigne pécore (pardon de l'expression) n'est montée sur les planches d'un grand théâtre. On a fait à «La Gazza» les plus énormes coupures, le second acte commence par le duo de Ninette et de Pippo; immédiatement après, vient la scène du jugement; c'est à n'y rien comprendre. Le public était de glace — les acteurs idem; — tout ceci ne m'a pas empêché de remarquer que «La Gazza» est un vrai chef-d'œuvre, plein de grâce et de

finesse, s'élevant parfois jusqu'au dramatique le plus déchirant. J'en souffrais d'autant plus; c'était de la dentelle piétinée dans la boue. Imaginez-vous que Mme Moltini — par-dessus le marché—vous imite!! Vous imaginez-vous cela? Elle a dû vous entendre quelque part. Rossi faisait le Podestà. Ce rôle ne lui va pas le moins du monde; aussi n'ai-je pu juger de son talent. Cependant il m'a plu. (Depuis que je suis ici on n'a donné ni «L'Elisire», ni la «Linda» [5]), Tamburini (le pauvre homme!) se démenait dans le rôle de Fernando — et parvenait à grand-peine à arracher quelques applaudissements.— Passons à «Ernani».

Ce 3/15 décembre.

Ma lettre est restée inachevée. Je m'empresse de la finir aujourd'hui. «Ernani» marche avec plus d'ensemble. On voit que les chanteurs (Mme de Giuli, Guasco et Collini) sont plus à l'aise avec Verdi qu'avec Rossini. L'opéra en lui-même ne m'a plu que fort médiocrement. Le trio final du 2-ème acte fait cependant beaucoup d'effet, malgré la vulgarité de la mélodie. On l'a fait répéter. On ne peut nier que Verdi ne parvienne quelquefois à vous inspirer un sentiment de grandeur. Cependant je suis loin d'être verdiste et ne crois pas le devenir jamais. Vous connaissez «La Fille du Régiment»: ce n'est presque pas un opéra. Grâce au jeu de Tamburini, à deux ou trois jolis motifs et l'originalité du sujet, le public en a été assez content — et a fait répéter à Mlle Marra [6] son roulement de tambour — ce qui doit médiocrement flatter une cantatrice. «La Fille du Régiment» est parvenue à réunir 800 personnes, le nec plus ultra de cette année. Voilà toutes nos nouvelles théâtrales.

Le bon général Goulevitch est enfin revenu à St-Pétersbourg. Il m'a chargé de vous dire mille choses aimables (à propos — je ne sais ce que j'ai — j'écris le contraire de ce que je veux dire: excusez toutes ces ratures). Il espère que vous lui écrirez. J'ai vu le comte Matthieu W. qui m'a dit avoir reçu de vous une *longue* et *bonne* lettre; c'est ainsi qu'il s'est exprimé [7]. Cela m'a rassuré un peu, car il y avait eu dans l'«Allgemeine Pr⟨eussische⟩ Staats-Zeitung» (dans un des compte-rendus sur l'opéra italien) — une «merkliche Indisposition» [8] — qui me tourmentait passablement. N'est-ce pas que votre santé est bonne? Soignez-vous bien, je vous en conjure. Vous recevrez ma lettre quelques jours avant vos débuts à l'Opéra Allemand [9]... ai-je besoin de vous dire que mes vœux les plus sincères vous y accompa-

gneront? Vous n'en doutez pas — et c'est ce qui me fait grand plaisir. Il est doux de penser que ceux qu'on aime le savent et comptent là-dessus.

L'un de ces jours j'ai entendu Henselt (avec qui j'ai fait connaissance), C'est un homme d'un très grand talent — et tout à fait bon et aimable; une excellente nature d'Allemand. Vous savez que Pizzolato est reparti pour Venise? Le souvenir de Pizzolato se rattache au premier hiver que vous avez passé ici... Il n'était pas encore alors le pauvre fou qu'il est devenu ensuite. Viva la Santa Chiesa Romana!

J'ai été très occupé tout ce temps-ci et le suis encore jusqu'à présent, grâce à notre nouveau journal [10]. Je tâche de m'arranger de façon à pouvoir quitter Pétersbourg dès le nouvel an. Aussi travaillé-je à force. Je me suis imposé certaines obligations que je veux remplir et que je remplirai. Au bout de ces deux mois de travail assidu, je vois une foule de charmantes choses qui m'attendent et me donnent du courage. Quelle excellente chose n'est-ce pas déjà que de pouvoir vous dire: au revoir! — Au revoir donc, vous tous mes bons amis, à qui je serre bien cordialement la main (j'espère que votre mari est déjà de retour de Paris). Soyez heureux et portez vous bien.

Votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

На обороте:

В Пруссию, в Берлин.
Madame
Madame Pauline Viardot-Garcia
à Berlin.
Behrenstrasse, № 7a.

1847

66. А. В. НИКИТЕНКО

Конец 1846 — первая половина января ст. ст. 1847. Петербург

Любезный Александр Васильевич,

Панаев доставил мне от Вашего имени перевод Байронова «Сна» — и сказал, что Вы желаете знать мое мнение насчет этого перевода. Я вчера прочел и сличил его с оригиналом и убедился, что г-н переводчик плохо знает и английский и русский язык.— Посылаю Вам этот перевод [1].

Очень сожалею, что давно не имел удовольствия Вас видеть; Вы, говорят, были нездоровы? Надеюсь свидеться с Вами в пятницу — а до тех пор прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

Преданный Вам
И. Тургенев.

67. О. С. ОДОЕВСКОЙ

Конец 1846 — первая половина января ст. ст. 1847 (?). Петербург

Непременно явлюсь, любезная княгиня,— а «сей дом» продолжает «продаваться и внаймы отдаваться...».
До свидания.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Четверг.

На обороте:

Ее сиятельству
княгине Ольге Степановне
Одоевской.

68. Н. А. НЕКРАСОВУ (?) И И. И. ПАНАЕВУ (?)

1 (13) апреля 1847. Берлин

Берлин,
13-го/1-го апреля 1847 г.

Любезная, многоуважаемая мною Контора!

На Ваше письмо от четверга на Страстной спешу отвечать по пунктам [1].

1)

69. В. Г. БЕЛИНСКОМУ

5 (17) апреля 1847. Берлин

Берлин. 17 (5) апр. 47.

Я было начинал пенять на Вас, любезный Белинский, за то, что Вы не отвечаете на мои два письма [1], как полученное мною вчера от Тютчева письмо объяснило мне причину Вашего молчанья. Мне нечего Вам сказывать, что известие, сообщенное им — меня огорчило — и что я принимаю сердечное участие в Вашей потере [2]; но, признаюсь, почти столько же опечалило меня и то, что Ваше здоровье опять расклеилось. Берегите себя и постарайтесь не расклеиться совершенно (сколько это будет от Вас зависеть) — до *первого* парохода; а там — я почти готов ручаться за Ваше совершенное выздоровление. Как только я Вас увижу в Штеттине — я на Ваш счет успокоюсь.— Я полагаю, что недели две или три спустя по получении этого письма Вам можно будет отправиться [3]; устройте же все Ваши дела так, чтобы никакое препятствие не могло помешать Вашему отъезду. Я Вас только убедительно прошу об одном: не церемониться со мной и располагать моей особой. Как только Вы возьмете место на пароходе, прошу Вас тотчас известить меня; — и ожидайте встретить меня на набережной в Штеттине [4]. А впрочем, не печальтесь слишком, наблюдайте за собой, как за маленьким ребенком — и не тревожьтесь слишком. Мог бы я написать Вам кое-что о том, что здесь делается; но Вам теперь, вероятно, не до того. И потому — до свиданья; крепко жму Вам руку и оканчиваю мое письмо опять-таки той же просьбой: располагать мною.— Кланяюсь всем Вашим. Прошу Вас уверить Марью Васильевну в моем искреннем участии. До свиданья.

Ваш
Тургенев.

На обороте:

Виссариону Григорьевичу
Белинскому.

70. В. Г. БЕЛИНСКОМУ

21 апреля (3 мая) 1847. Берлин

Берлин, 3-го мая н. ст. 47.

Спешу ответить Вам на Ваше последнее письмо, любезный Белинский. О прошедшем говорить нечего — надобно думать о будущем. Я Вас буду ожидать в Штетти-

не непременно. В этом Вам не позволяется сомневаться [1]. Только Вы, пожалуйста, напишите мне еще письмо *за неделю* до вашего отъезда [2], т. е. до дня, назначенного компанией. Если лед Вас задержит несколько дней лишних — это ничего не значит. Я точно так же охотно проживу эти дни в Штеттине, как в Берлине; буду есть разных морских рыб, кататься по морю и ждать Вас. И будьте уверены, что Вы здесь выздоровеете совершенно. Вы остановитесь у меня на квартире в Берлине [3], я Вас свезу к Шенлейну — а потом мы отправимся в Силезию [4]. — Итак — до скорого свиданья.

N. B. Пароходы от Петербурга до Штеттина ходят не 5 дней, как Вы пишете [5], а всего двое суток.

Я не смею сам писать к Некрасову. Попросите от моего имени у него прощения за неисполнение обещаний [6]. Я находился в таком положении, что, право, не до литературы было. Но теперь надеюсь кончить обещанное. Четвертый № «Совр⟨еменника⟩» я получил от какого-то таинственного незнакомца, который оставил его у меня, не сказавши, кто он, ни где живет. Будьте все здоровы. — Вы в особенности. Жму Вам всем руки и остаюсь

Ваш

Тургенев.

71. М. В. БЕЛИНСКОЙ

10 (22) мая 1847. Берлин

Любезная Марья Васильевна, вчера вечером, к крайнему моему удовольствию, нашел я у себя на квартире Вашего мужа — и хотя мне досадно было, что я его не встретил по обещанию в Штеттине (чему, впрочем, я не виноват),— но радость видеть его в гораздо лучшем положении, чем я ожидал, заглушила все другие чувства. Вы можете теперь быть совершенно покойны на его счет; я его беру на свое попеченье и отвечаю Вам за него своей головой. Мы, вероятно, недолго останемся в Берлине и сперва съездим в Дрезден [1] — (потому что сейчас еще рано ему ехать в Силезию, на воды) — Вы можете писать к Вашему мужу, на имя здешнего банкира «Meyer et C°» — Behrenstrasse, № 44, pour remettre à Mr Belinski, или, если хотите, на имя банкира «Mendelssohn et C°» (это последнее еще лучше, потому что вексель Вашего мужа адрессован на его имя); а он (т. е. банкир) будет знать, где будет находиться Ваш муж; когда же мы, наконец, попадем в

Силезию, на постоянное жительство [2], мы Вам оттуда вышлем свой адресс. Повторяю Вам: будьте на его счет совершенно спокойны — старайтесь сами быть здоровыми. Кланяюсь Вам, Вашей сестре [3] и Вашей маленькой [4]. Жму Вам искренно руку и остаюсь

преданный Вам
И. Тургенев.

72. ПОЛИНЕ И ЛУИ ВИАРДО

10 (22) июля 1847. Лондон

Jeudi, le 22 juillet 47.
11 h. du soir.

Je rentre du théâtre, mes chers amis, et n'ai rien de plus pressé que de prendre la plume pour vous écrire. Or donc, ouvrez les oreilles et écoutez...

Je commencerai par vous dire que Ms les Masnadieri ont fait un fiasco tout à fait gentil, ce qui ne m'a pas chagriné le moins du monde [1]. La salle était extrêmement pleine; la reine y assistait avec son féal époux que j'avais l'honneur de voir pour la première fois et qui m'a fait l'effet d'un chasseur d'ambassadrice. A l'apparition de Verdi à l'orchestre, on a applaudi. Verdi a salué. Pour saluer il s'est retourné, et en se retournant il m'a montré sa figure, que j'ai trouvée expressive et commune en même temps. Tirez-vous de là comme vous pourrez, mais c'est l'impression qu'il a produite sur votre serviteur. «I Masnadieri», ce sont «Les Brigands» de Schiller tronqués et mutilés; aussi quelle idée d'aller prendre le sujet d'un libretto dans un drame aussi mal bâti, d'un drame qui n'est intéressant que comme le pressentiment poétique, mais vague de ce que la Révolution allait réaliser. Là-dessus, vous sentez bien qu'on pourrait facilement dire de ces choses qu'on est convenu de nommer profondes à propos de la différence du caractère national chez les Français et chez les Allemands, mais je préfère attendre, comme le lapin. Ainsi donc, imaginez-vous «Les Brigands» de Schiller en quatre actes [2], entremêlés de quelques incongruités modernes. Lablache faisait le père; je n'ai jamais vu de plus magnifique figure de vieillard; Gardoni — le bon Moor; Coletti * — le méchant..., Mlle Lind —

* A propos, Coletti n'est pas déjà si fameux; il a une voix forte, mais lourde et molle.

Amalia. Pour la musique, imaginez-vous tout ce qu'il y a de plus commun, de plus rebattu dans Verdi; du bruit, du tapage (avec les chœurs que vous savez), une cabaletta dans le genre (mais moins bien) de la dernière des «Lombardi» [3], la seule chose qu'on ait fait répéter, des duos unisono, des allegro accélérés, des chœurs chantés, des fragments de walse, du Verdi enfin, mais du plus mauvais. Les Verdistes (c'est-à-dire les Italiens) qu'il y avait dans la salle faisaient fureur, mais tous leurs efforts venaient se briser contre l'attitude glaciale et ennuyée du public, qui cependant était venu avec les meilleures dispositions du monde. Mlle Lind était enrouée; elle a mal chanté; et puis cette musique-là n'est pas faite pour elle; c'est des de Giuli qu'il faut pour la hurler. On n'a véritablement applaudi que deux ou trois traits sotto voce, qu'elle y a introduits pour se reposer un peu la voix. Verdi a été appelé deux fois, une fois après le 2-d, une fois après le 4-me acte, et encore con muy mala gana. Mais c'est qu'en vérité «I Masnadieri» sont détestables et qu'excepté le trio final, où il y a un peu d'entrain et de brio, il ne s'y trouve même pas de ces effets vulgaires, qui, s'ils ne frappent pas juste, frappent fort. Enfin, mauvais, mauvais, archimauvais! Voilà le résultat de mes observations.

Comme nous sommes sur le chapitre du mauvais, parlons un peu de «Robert le Diable» qu'on a donné avant-hier. Je vous le dis en vérité: les représentations de Berlin étaient à cent mille piques au-dessus de celle de Londres [4]. Fraschini est monstrueux, hideux, horrible dans le rôle de Robert; sa voix criarde et strangulée agace les nerfs; et puis il avait l'air d'un lièvre qui se donne au diable, complètement démoralisé. Staudigl a perdu sa voix; Mme Castellan s'est tout à fait gâté la sienne en voulant se donner des notes de poitrine; (Vous en répondrez, Madame, devant... quoi? mettons — devant la Providence) les chœurs — plus mauvais que jamais; Mlle Lind — charmante, mais... mais moins bien que je ne m'y attendais. En général, je vois que j'ai (par rapport à Mlle Lind) — selon ma louable coutume, commencé par aller trop à droite, puis je me suis jeté trop à gauche; je crois être maintenant dans la vraie voie. Elle n'est ni aussi faible que je le disais dans ma première lettre, ni aussi admirable que je le déclarais dans ma seconde [5]; elle est une cantatrice charmante, faisant certaines choses mieux que personne, mais... mais... Je n'ai pas besoin de dire *quoi* mais. Cependant, je vais l'essayer:

mais elle n'est pas tragédienne, mais elle a la voix bien fatiguée, mais elle joue un peu à l'allemande, mais je connais une certaine personne avec laquelle je l'ai comparée un peu à l'étourdi, etc., etc. Cependant, j'aurais bien voulu que vous, Madame, l'eussiez vue dans «La Somnambule» ou «Robert»... Elle a eu de très beaux moments dans son duo avec Bertram; quand il la saisit par le bras, elle pousse une espèce de cri étouffé et prolongé ou plutôt une espèce de frisson *parlé* (Dieu sait si vous me comprendrez) quelque chose que l'on fait quand on a froid et peur en même temps — enfin quelque chose de très vrai et d'un grand effet. En général, le rôle d'Alice lui va parfaitement. Alice, vous le savez, est une espèce d'ange. Dans le «Quando lasciai la Normandia», elle fait un trait délicieux; si c'est elle qui l'a trouvé, je l'en félicite. Que ne suis-je musicien pour vous le noter! Mais comme cela, c'est-à-dire comme ce que je suis, je serais réduit à vous l'expliquer par toutes sortes de comparaisons fort peu claires, et je crois en avoir déjà abusé dans cette lettre.

J'ai écrit tout cela d'un seul trait. Or il se fait tard, je pars demain pour Boulogne [6]. Dans dix jours je serai à Paris, et j'espère avoir le plaisir de vous voir. Adieu, Angleterre! Je te quitte sans regret, je t'assure, tout comme tu me vois partir, probablement. Ah! mon cher Viardot, quel chien j'ai vu ici! Comme je l'aurais acheté, s'il ne coûtait pas 300 fr.! Et comme je l'aurais volé, si je n'étais pas un homme plus ou moins vertueux, ou plutôt si j'avais pu le faire! Mais j'en emporte le souvenir pour tout le reste de mes jours.

Adieu, portez-vous bien, toute la famille. Je vous serre la main à tous fort affectueusement.

Votre
J. Tourguéneff.

На обороте:

Monsieur Louis Viardot.
Paris.
Rue de la Victoire, № 11.

73. М. Ф. КОРШ

Около 20 августа (1 сентября) 1847. Париж

Посылаю Вам через комиссионера Вашу книгу, любезная Марья Федоровна. Я еду сегодня. Не дайте Белинскому съесть меня живого. Будьте здоровы — до свиданья через две недели. Кланяюсь всем низехонько.

Ваш
И. Тургенев.

На обороте:

Mademoiselle
Mademoiselle Marie Korsch,
allée Marigny № 9, au second, chez M-e Hertzen.

74. В. Г. БЕЛИНСКОМУ

5 (17) сентября 1847. Куртавнель

Куртавнель.
17-го сент. 47.

Вы едете в Россию, любезный Белинский [1]; я не могу лично проститься с вами — но мне не хочется отпустить вас, не сказавши вам прощального слова — (кстати, я выслал вам в письме к Анненкову [2] билет на получение шубы, причем прошу у вас извинения в том, что давно этого не сделал). Анненков мне ничего не написал об вашем здоровье; он предпочел наполнить свою записку той аттической солью своего остроумия, которая иногда, к изумленью, как говорит Гоголь, напоминает вкус славянского бузуна [3]. Надеюсь, что д-р Тира́ вам помог: прошу вас написать мне об этом. Мне нечего вас уверять, что всякое хорошее известие об вас меня обрадует; я хотя и мальчишка — как вы говорите [4] — и вообще человек легкомысленный [5], но любить людей хороших умею и надолго к ним привязываюсь. В теченье этого времени я ничего не сделал путного; написал, однако, еще два больших очерка [6]. Старые я переписал и отправил к Некрасову [7]. Если до вашего приезда в Петербург их еще не напечатали, сделайте божескую милость, возьмите на себя корректуру. Сам я надеюсь, если какая-нибудь дьявольщина не помешает, явиться в Петербург к Новому году [8]. Пока — я ничего не могу сказать положительного. Что будет — то будет — великое слово фаталистов и людей безмозглых, как я. По прибытии в Петербург поклонитесь, пожалуйста, от меня нижайше всей вашей семье,

всем друзьям — и напишите мне два слова [9]; вы меня этим очень обяжете. Да, ради бога, обратите внимание на вашу кухню — а то опять вы себе расстроите желудок. А теперь прощайте. Ото всего сердца желаю, чтобы ваша поездка не оказалась бесполезной и дала бы вам новые силы. Крепко обнимаю вас. До свиданья.

Ваш
Тургенев.

75. ПОЛИНЕ ВИАРДО

7, 8, (19, 20) ноября 1847. Париж

Paris, 19 octobre [a] 47.

Savez-vous, Madame, que vos charmantes lettres [1] rendent la besogne très difficile à ceux qui osent prétendre à l'honneur de correspondre avec vous? J'en suis d'autant plus embarrassé qu'une légère indisposition (maintenant entièrement dissipée) m'ayant retenu dans ma chambre tous ces jours-ci — je ne puis vous envoyer — comme j'en avais l'intention — une petite revue de tout ce qui se passe à Paris. Me voilà donc réduit à mes propres ressources — comme la Médée de Corneille [2]. C'est fort inquiétant. Mais n'importe! Je compte sur votre indulgence... ah, mais — sans plaisanter! — Quelle abominable chose que l'abus de la parole! Voilà une phrase qui à force d'avoir été répétée — ne veut plus rien dire — et quand on l'emploie très sérieusement, on s'expose à n'être pas cru.— Enfin! comme dit votre mari.

Je commence par le commencement. Je commence par vous dire que nous sommes tous très enchantés de l'heureux commencement de vos pérégrinations — et que nous attendons avec impatience les nouvelles de votre début. Nous voyons d'ici tomber les fleurs et nous entendons les bravos. Hélas!.. Vous savez ce que veut dire cet — hélas! [3]

Eh bien — vous voilà donc au fin fond de l'Allemagne!.. Il faut espérer que ces braves *Bürger* sauront mériter leur bonheur. Vous êtes à Dresde... N'étions-nous pas hier à Courtavenel? Le temps *passe* toujours vite — qu'il soit rempli ou vide, mais il *arrive* lentement... comme une clochette de troïka russe.

Vous avez probablement parcouru Diderot. Il faut avoir lu ses paradoxes [4] pour s'en amuser, les réfuter et les oublier.

---

[a] *Так в подлиннике.*

Il raffermit — à ses dépens — dans son lecteur le sentiment du vrai et du beau! Votre esprit si droit, si *simple* et si sérieux dans sa finesse et sa grâce n'a pas dû goûter beaucoup le babil capricieux, miroitant et dilettantesque du *Platon français*. (Jamais homme ne fut plus mal surnommé!) Cependant on y pêche par-ci, par-là quelques idées neuves et hardies, ou plutôt quelques germes d'idées fécondes — son dévouement à la liberté de l'intelligence, son «Encyclopédie» — voilà ce qui le fera vivre. Son cœur est excellent; — mais quand il le fait parler, il y fourre de l'esprit et le gâte. Décidément — les feux d'artifice du paradoxe ne vaudront jamais le *bon soleil* de la vérité. Et cependant — quoi de plus quotidien que le soleil (pas à Paris, par exemple). Ma foi! Vive le soleil! Vive tout ce qui est bon pour tout le monde!

Mendelssohn est donc mort. Ce que vous en avez dit dans votre lettre à Mme votre mère — nous a paru à tous bien juste [5]. Je ne le connais presque pas; d'après ce que j'ai entendu de lui — je suis tout prêt à l'estimer — beaucoup; l'aimer... c'est une autre affaire. On ne fait de belles choses qu'avec le talent et l'instinct réunis; avec la tête et le cœur... J'ose croire que chez Mendenlssohn la tête prédomine. Je puis me tromper... mais du reste, vous savez que je ne tiens pas obstinément à mes erreurs, quand on me met le nez dessus — ce qui n'est pas difficile, vu les proportions de cet organe. Je suis éducable...

Et à propos comment va «die deutsche Sprache»? Parfaitement j'imagine. J'ai déjà pris un maître d'espagnol — el señor Castelar [6]. J'ai beaucoup travaillé tout ce temps-ci; je viens d'expédier un gros paquet à notre Revue [7]. C'est que je *tiens* à *tenir* mes promesses. J'achève de lire en ce moment un livre de *Daumer* sur les Mystères du Christianisme [8]. Ce Daumer est une espèce de fou, qui veut à toute force prouver que le Christianisme primitif, judaïque, considéré comme secte, n'est autre chose que le culte de Moloch renouvelé, que les premiers Chrétiens sacrifiaient et *mangeaient* des victimes humaines; et que Judas n'a trahi son Maître que parce qu'il ne pouvait vaincre l'horreur que lui inspirait un pareil repas. Daumer dépense beaucoup d'érudition pour prouver que cette horrible coutume s'est maintenue dans l'Eglise jusqu'au 14-e siècle! Ce ne sont que des folies; — mais ce qu'il y a de vrai dans son idée — c'est le côté sanglant, triste, antihumain de cette religion qui devrait être toute d'amour et de charité. Vous ne sauriez vous imaginer l'effet pénible que font toutes ces légendes

de martyrs qu'il vous raconte les unes après les autres, toutes ces flagellations, ces processions, ces ossements adorés, ces *autodafé*, ce mépris féroce de la vie, cette horreur des femmes, toutes ces plaies et tout ce sang!.. C'est tellement pénible que je ne veux plus vous en parler. Grâce à Dieu, ce n'est pas même du Chinois pour vous.

Dans ma prochaine lettre je vous donnerai des nouvelles sur l'Opéra-National [9], sur la «Cléopâtre» de Mme de Girardin (qui a réussi, à mon grand regret) [10] etc., etc... Cependant — dès aujourd'hui je puis vous dire que j'ai assisté hier soir à la première représentation de «Didier, l'honnête homme» [11], nouvelle pièce de Scribe — aux «Variétés». La donnée n'en est pas neuve — mais c'est parfaitement manigancé... Ferville y a été admirable de vérité, de noblesse et de sensibilité. Or, il paraît qu'une pièce identiquement pareille a été donnée hier soir au «Gymnase» sous le nom de «Jérôme le Maçon» [12]. C'est Bouffé qui y remplissait le rôle de Ferville. Je ne sais comment ces beaux esprits se sont rencontrés,— mais il est de fait que le «Gymnase» a fait relâche avant-hier et a répété jour et nuit, pour être prêt le même jour que l'autre théâtre. J'irai voir ce «Jérôme» — et vous ferai part de mes impressions. Bouffé est certainement bien plus Mendelssohn que Ferville. Mais Ferville est peut-être plus Rossini que lui [13]. Enfin nous verrons — et si j'ai dit une bêtise — je serai le premier à crier mon *mea culpa*.

Tous les vôtres se portent bien. Je vois Mme votre mère deux fois par jour.— Avant-hier nous avons été — toute la famille — (si j'ose m'exprimer ainsi) — voir «La Belle aux cheveux d'or» [14]. C'est fort amusant et fort splendide.

Je m'imagine que vous avez déjà été chez les Kaskel [15] et que vous vous y êtes fort... *amusée*. Par malheur, il est impossible de trouver ici le «Dresdner Tagblatt»; nous ne saurons pas comment la critique — *Sie construiren wird* — pour le moment, mais nous avons l'expérience du passé.

«Le Moniteur» annonce officiellement que Mlle Alboni est engagée au *Théâtre-Italien* et qu'elle y débutera le 2 décembre dans le rôle d'Arsace [16].

Sur ce, Madame, je prie Dieu de vous avoir en sa sainte et bonne garde. Portez-vous bien surtout et n'oubliez pas vos amis qui vous sont bien dévoués — ce qui n'est pas étonnant le moins du monde, car enfin... ma foi, à quoi l'absence serait-elle bonne, si on ne pouvait pas même en profiter pour dire aux personnes ce qu'on pense d'elles?.. Mais je

m'arrête à l'idée que vous devez avoir pour le moment un bourdonnement perpétuel de compliments dans les oreilles — et je me borne à vous dire — enfin tout ce que vous voulez.

J'espère que votre mari se porte bien, qu'il va chasser à outrance et nous écrire un joli petit article là-dessus [17]. Je vois assez souvent Mlles Viardot [18]. Je lui serre la main ainsi qu'à vous, j'embrasse la petite Louise de tout mon cœur. Si Mme Schumann se souvient d'un gros monsieur russe qu'elle a vu à Berlin [19]—dites-lui que ce gros monsieur la salue. Et quant à son mari, dites-lui donc de *souffler sa bougie* une fois pour toutes et d'aller se coucher. Il faut cependant finir cette lettre! Je vais la porter à Mme votre mère pour qu'elle y mette quelques mots.

Bonjour... portez vous bien de toutes les façons — — — et voilà.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

P. S. Je n'affranchis pas ma lettre; de cette façon elles ne s'égarent *jamais*. — J'ai remis le reçu de mille francs à Mme votre mère; je ne vous le dis maintenant que pour avoir le plaisir de vous remercier encore une fois [20].

76. В. Г. БЕЛИНСКОМУ

14 (26) ноября 1847. Париж

Париж.
26/14 ноября 47 г.

Что ж это вы не откликнетесь, отец и командир? [а] Четыре недели тому назад пустил я к вам письмо [1] — и хоть бы строчку в ответ. Нехорошо, ей-богу, нехорошо. И главное, непоощрительно для нашего брата, который готов исправиться, но требует, чтобы его за хорошее намеренье по головке погладили. Впрочем, мы здесь все теперь удовлетворены: №-а «Современника» достигли, наконец, берегов Сены [2]. Мы их теперь читаем с волчьей жадностью. И во-первых — скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке меня совершенно с ума свело; денно и нощно твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил [3].— «Вот эдаких бы людей-то сечь бы» [4] и т. д. Крупов тоже восхитителен [5]; письма также [6]. Из статьи о Гумбольдте (которую

[а] *Далее зачеркнуто:* Три

я, разумеется, не прочту) мне приятно заключить, что друг наш, Н. Г. Фролов, продолжает, по вашему выражению, держаться на высоте ума. Эдак он, пожалуй, допотеет до учености [7]. Тем более заслуги с его стороны. Ждем теперь 11-й № и вашей статьи [8]. Да поторопите контору. Словом, «Современник» идет хорошо. Одно: опечатки! Ни в одном трактирном тюфяке, ни в одной женской кровати нет столько блох и клопов, как опечаток в «Современнике». В моих «Отрывках» [9] я их насчитал 22 важных, иногда обидно искажающих смысл.— «Сторожился» вм⟨есто⟩ «сторонился», «ложась» вм⟨есто⟩ «ложились» (вследствие чего выходит, что мальчишки бегают ложась) — фразы целиком пропущены и т. д. Сие есть неприятно. Нельзя ли хоть на будущий год взять корректора? Ась? Скажите это гг. издателям. Вы, небось, захотите от меня теперь парижских новостей? — Гм.— Вопрос затруднительный!.. Вышла 2-ая часть истории Мишле [10], которую умные люди хвалят. Брошюра одного старика, современника революции, «Le Robespierre de Mr de Lamartine», в которой он доказывает, что Ламартин «сочинил» небывалого Робеспьера [11]. Я ее не читал, но прочту. К крайнему моему горю, «Клеопатра», трагедия г-жи де Жирардень, удалась, т. е. имела успех, потому, что удаться — в другом смысле — она не могла [12].— «Клеопатра» и г-жа де Жирардень, поддерживаемая г-м Теофилем Готье! [13] — Смех и горе! — Бессильные евнухи; пигмеи и синие чулки — и женщина, переварившая двух людей, [б] как Цезарь и [в] Антоний, и подавившаяся только на третьем, Октавие! [14]. Вот пока, кажется, всё. Музыкальные новости вас мало интересуют — политических я не знаю, художественные тоже вас не очень волнуют... Перейдем к обыкновенным материям.

Все мы здесь, по мере возможности, здоровы. Я работаю усердно, ей-богу. На днях я послал еще рассказец Некрасову, а через неделю пошлю *два* больших [15].— Вот мы как действуем! От Герцена изредка приходят письма [16]. Он тоже работает. Из программы «Сов⟨ременника⟩» вижу я, что хотят печатать моего «Поручика Петушкова» [17]. Так как они мне его не вышлют, то будьте великодушны, отметьте карандашом места слабые и попросите от меня Некрасова в нескольких словах их испра-

---

[б] *Далее зачеркнуто:* подобно

[в] *Далее зачеркнуто:* Август

вить — как-то: *ясно* сказать, что Василиса его любовницей сделалась и пр. и пр. [18] Совестно мне его утруждать — у него, чай, и без того хлопот полон рот — да делать нечего. К «Альманаху» его, скрепя сердце, кончу «Маскарад» [19] — и закаюсь писать стихи. Затеял я тоже статью под названием «Славянофильство и Реализм» [20] — может быть, хорошо выйдет. Вообще, я не намерен тратить время по-пустому.

Ну, а вы что, отец? Как ваше здоровье? Напишите хоть словечко. В ожиданье ответа жму вам руку крепко-на́крепко, кланяюсь всему вашему семейству и всем друзьям.— Холера к вам успела пожаловать? Смотрите, будьте осторожны. Я не франкирую письма в надежде, что и вы так со мной поступите. Прощайте; будьте здоровы и веселы.

Преданный вам
Ив. Тургенев [21].

77. ПОЛИНЕ ВИАРДО

14, 15 (26, 27) ноября 1847. Париж

Paris,
ce 26 novembre 47.

Je ne veux pas vous laisser partir de Dresde, Madame, sans vous saluer encore une fois, quoique je n'aie pas précisément beaucoup de nouvelles à vous donner. Madame votre mère a eu jusqu'à présent la bonté de me communiquer vos lettres [1]... vous pouvez vous imaginer tout le plaisir qu'elles nous ont fait. Décidément — il n'y a rien de tel que de recevoir des lettres! Nous ne pouvons que vous remercier des charmants détails que vous nous donnez sur votre vie à Dresde: Mlle Kamienska a fait notre conquête. Si vous pouviez trouver une maison comme celle-là à Berlin! Nous allons prier votre étoile de continuer à vous être propice — il faut qu'elle songe à mériter l'honneur de présider à vos destinées! Plaisanterie à part — tout va très bien, mais très bien, muy bien — jusqu'à présent; Dieu donne que cela aille ainsi jusqu'à la fin.

Pour ce qui est de nous [2] — ça va aussi très bien. Nous nous portons tous parfaitement, nous travaillons, nous nous voyons souvent, nous pensons beaucoup aux absents — nous nous rassemblons tous les soirs autour d'un brasero espagnol et *nous parlons espagnol*. Dans quatre mois je ne parlerai plus que cette langue; — mon maître me fait beaucoup de

compliments sur mon intelligence... C'est qu'il ne sait pas que j'ai la bosse de l'éducabilité. J'habite un petit appartement [3] fort propre, bien tapissé que j'affectionne beaucoup; (savez-vous que c'est très important quand on veut travailler?) il y fait bon — il y fait chaud et j'y vis comme une «mouche»... comme une mouche de la plus grosse espèce. A propos il faut que vous chantiez en Allemagne quelques-unes de vos chansons. La «Luciole» ou la «Chanson de Loïc», par exemple [4].

Samedi 27.

Passons à ma petite revue de Paris. Hier on a donné pour la première fois les «Lombardi» de Mr Verdi sous le nom de «Jérusalem» — au Grand-Opéra. Le libretto a été remanié; on y a ajouté une scène de dégradation de chevalier pour Duprez. Mr Verdi de son côté a composé quelques nouveaux morceaux parfaitement détestables. Je ne vous parlerai pas de la musique: vous la connaissez; c'est le comble du mauvais [5]; mais ce qui est inimaginable — ç'a été l'exécution. Non — il n'y a pas de théâtre au monde, excepté *l'Académie Royale de Musique* [6] — où tous les chanteurs — s'ils avaient été aussi mauvais que Mr Duprez, Alizard e tutti quanti — n'eussent été ensevelis sous un Chimborasso [7] de pommes cuites! La nouvelle débutante, Mme Julian n'a que deux ou trois notes passables dans le haut — qu'elle crie à tout rompre; le reste est lourd, inintelligible, part de la gorge — et puis, moi qui ai été assez longtemps en Allemagne, je n'ai encore entendu personne prononcer aussi mal qu'elle. Le succès n'a pas été si grand qu'on aurait du le croire, vu le nombre de chevaux et de danseuses qu'on a exhibés; — il est notoire qu'en fait de musique les Français aiment les chevaux et les mollets des danseuses. Et puis — cet éternel «degueulando» [8] comme disait votre frère [9] (que j'ai rencontré furieux et prêt à mordre les passants à la sortie) — ce soi-disant style *large* si commode pour ceux qui ne savent pas chanter, ces récitatifs emphatiques, ces chœurs unisono sur des thèmes de galop ou de polka.— Non, Madame, ne chantez pas à Paris; ce n'est pas votre place. Décidément il paraît que le temps des génies forts et bien portants est passé: la force brutale et vulgaire se donne à des médiocrités remuantes et productives comme Verdi — et ceux au contraire qui ont reçu le feu divin se perdent dans l'oisiveté, la faiblesse ou la rêverie. Les Dieux sont jaloux; ils ne donnent à personne tout à la fois. Mais cependant —

pourquoi nos pères ont-ils été plus heureux que nous? Pourquoi ont-ils assisté eux — à des premières représentations comme celles du «Barbier», voire même de la «Norma» [10],— tandis que nous autres nous sommes condamnés à des «Jérusalem»? Pourquoi nos jeunes talents, nos *espérances* — au lieu de nous donner des œuvres exubérantes, irrégulières, mais pleines de vigueur et de sève — accouchent-ils (tout au plus) de petits ouvrages bien arrondis, bien léchés, bien finis? — (témoin Ponsard avec sa «Lucrèce» [11], Augier avec sa «Ciguë» [12], David avec ses «Odes-Symphonies» [13]). Que signifie cette vieillesse prématurée? Pourquoi se copient-ils eux-mêmes dès leur second ouvrage? Pourquoi disent-ils si vite leur dernier mot? Voici par exemple Mr Etienne Arago qui vient de nous gratifier d'une comédie dans le même genre, spirituelle sans doute («Les Aristocraties»), mais vieille, réfléchie, arrangée, combinée [14]. Pourquoi tout cela? Pourquoi n'y a-t-il plus rien de spontané, de primesautier, de fort en un mot? Que signifie cette absence de sang et de sève?

Les pourquoi, dit le Dieu, finiront-ils jamais [15]?

J'ai vu Bouffé dans la pièce *jumelle* de M. Bayard dont je vous ai parlé dans ma lettre. Eh bien! je ne change pas d'opinion. Je préfère Ferville. (Du reste, c'est l'avis de tout le monde).— Bouffé — *ist auch ein Combinationstalent* — comme disent les Allemands. Pardon de la liberté grande!

Je n'ai pas encore pu voir «Cléopâtre». Mlle Rachel est indisposée [16]. Je parcours maintenant le 2^{d} volume de Michelet où il y a de très belles choses [17]. Mme Sand a inséré dans le «Siècle» un article excessivement louangeur sur Louis Blanc. C'est désagréablement exagéré... [18] Elle se prend de passion pour Louis Blanc maintenant... Nous savons comment tout cela finit chez elle.

Demain il y a «soirée» chez moi! Toute la famille [19] y sera! C'est que ma chambre peut contenir — 10 personnes — je vous prie de le croire. Mon espagnol va très bien. Je le répète: tout va bien, mais très bien, très bien, comme dit Mr Fampoux. Mme votre mère est un peu étonnée de n'avoir pas reçu de lettre aujourd'hui de vous, il est vrai que le service de la poste se fait bien mal dans ce pays. Les lettres de Dresde n'arrivent à Paris que le cinquième jour: — aussi quand elles arrivent — vous imaginez-vous combien elles sont *willkommen*!

Mille amitiés à votre mari, un bon baiser à la petite [20]. Je vous serre bien amicalement la main et me recommande à votre souvenir.

Vous allez à Hambourg — bon voyage! Portez-vous bien, tous

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

78. ПОЛИНЕ ВИАРДО

19 ноября (1 декабря) 1847. Париж

Paris, ce 1-er décembre 47.
Mercredi.

Quand cette lettre vous parviendra, Madame, vous aurez déjà, je l'espère, triomphalement débuté à Hambourg et si je vous écris maintenant, c'est que je ne veux pas que mes félicitations arrivent trop tard. Voici donc votre première campagne heureusement terminée.

J'en étais là de ma lettre quand Madame votre mère a eu la bonté de me communiquer celle que vous avez écrite le lendemain de votre représentation de «Robert». Vous pouvez vous imaginer le plaisir que m'a causé tout ce qu'elle contenait! J'en ai sauté de joie dans ma chambre. Ah! très bien, Madame, très bien, très bien. Parmi tous vos triomphes vous n'oubliez pas vos amis de Paris, vous leur donnez de vos nouvelles; c'est que vous savez sans doute que personne au monde ne prend une plus grande part à tout ce qui vous arrive. Nous n'avons plus qu'à vous remercier: aussi, croyez-le bien, le faisons-nous souvent et de bon cœur. Nous attendons maintenant des nouvelles de «Norma» et de «La Somnambule» en nous réjouissant d'avance de vos triomphes [1]. Ah! que c'est bon de recevoir de bonnes nouvelles! Danke, danke...

Voyons, que vous dirai-je de mon côté? Tout le monde se porte bien, voilà pour le commencement. Je vais bientôt recommencer mes leçons chez Mr Laborde que j'avais négligées jusqu'à présent. Je travaille beaucoup. Un de mes amis, mais que ceci reste entre nous, m'a montré une lettre de Gogol où cet homme si dédaigneux et si difficile d'ordinaire parle avec beaucoup d'éloges de votre très humble serviteur [2]. L'approbation de ce maître m'a fait un grand plaisir. Dans l'«Illustrated London News» il y a un petit article sur votre début à Dresde, où l'on emploie

les termes *quite astonishing*, *tremendous applause*, *an unprecedented furor*, etc. etc. Tichatschek vous a certainement bien secondée. A-t-il *mordu* sa voix quelquefois? Qui aurez-vous à Hambourg? Dans une semaine il n'y aura pas de lecteur plus assidu que moi du «Hamburger Correspondent». Je ne me puis[a] m'empêcher de vous répéter que tout va très bien, mais très bien (crachez trois fois, s'il vous plaît). Je suis de la meilleure humeur qui se puisse voir. Imaginez-vous, je chante!!

«Un caprice» a parfaitement réussi. Mme Allan y a été charmante, un tout petit peu pédante... ou plutôt... son jeu est un peu trop gras [3]. Si vous ne me comprenez pas (ce qui prouverait par parenthèse que je ne me comprends pas non plus), mettez que je n'ai rien dit. N. B. Je chante en Finnois dans ce moment [4].

Hier j'ai vu «Cléopâtre». Je ne comprends plus rien aux Parisiens. Je trouve cette pièce insupportable, prétentieuse, fatigante, fausse, criarde, toute imprégnée[a] d'un certain parfum de de[a] ce je ne sais quoi qui vous répugnait si fort dans les «Mémoires du Diable» [5] et cependant elle a du succès. Elle est bien versifiée: des petites pointes, des petites remarques soi-disant fines, des petites hardiesses, des petites gracieusetés par-ci, par-là, mais ça — une tragédie! Cléopâtre commence par faire empoisonner un esclave qui lui a demandé la mort pour une heure de bonheur et roucoule ensuite pour Antoine, pendant trois grands actes, comme une Parisienne énervée... et fort indécente, malgré tout! Les mots *amour*, *j'aime*, *tu aimes*, *je suis aimé*, *non*, *je ne suis pas aimé* reviennent sans cesse et vous fatiguent horriblement, car tout cela est faux, prétentieux, froid comme glace. Tout cela ne part ni du cœur ni même de la tête: c'est un bas bleu de quarante ans qui s'agite laidement devant vous. C'en est dégoûtant, je vous assure. Rachel a des costumes magnifiques; elle trouve des poses admirables, mais décidément elle baisse. Il m'a été impossible de saisir une parole de vers. Il est vrai que j'étais au fond de la salle. Le succès de «Cléopâtre» n'est pas très grand, malgré ce qu'en disent les journaux; je ne lui donne pas un mois à vivre. Mais voyez les héroïnes que choisit Mme de Girardin: Judith [6] et Cléopâtre. Voyez-vous ce qu'il y a de vilain là-dedans? Car, Dieu merci, ce n'est ni<le> côté biblique de la légende de Judith ni le spectacle étonnant de la chute

---

[a] *Так в подлиннике.*

de la république romaine qui ont attiré son attention sur ces sujets. (Faut-il dire: ont attiré? Je ne sais pas, comme dit le comte Wielhorski.) Du reste, comme mes lettres ne sont pas destinées à l'impression... etc., etc. Chanson finnoise.

Vous me trouverez peut-être assez bête et fort décousu. Je suis toujours comme ça quand je suis de bonne humeur. Je le serais bien davantage, de bonne humeur, je vous en réponds, si j'avais pu *hier soir* être à Dresde au lieu de Paris! C'est hier, n'est-ce pas, que vous avez chanté «La Somnambule»? J'y pensais bien souvent pendant cette interminable «Cléopâtre», et si j'ai applaudi quelqu'un, ce n'était pas Rachel. Enfin, *pazienza.*

Vous voilà donc à Hambourg. Eh bien, comment vous plaît cette ville? Où logez-vous? Sur le Jungfernstieg probablement?

Mais décidément je bavarde comme une pie. Il est temps de clore mon bec. (Mlle Alboni débute demain dans la «Sémiramide» [7].) Dans un mois, je vous promets, Madame, de vous écrire une lettre en espagnol, et soignée, je vous en réponds. Mille amitiés à votre mari. Louise, je t'embrasse de tout mon cœur. Et vous, Madame, je vous serre bien amicalement la main, je vous remercie most fervently de votre bon souvenir et reste à jamais

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

P. S. Avez-vous reçu une lettre de moi adressée à Dresde où je vous parlais entr'autres de l'opéra de Verdi [8]? Adieu encore une fois, à revoir.

79. ПОЛИНЕ ВИАРДО

26 ноября (8 декабря) 1847. Париж

Paris,
le 8 décembre 47.

Je commence par vous remercier, Madame, pour la bonne et charmante lettre que Madame votre mère m'a remise de votre part. Vous faites bien de vous souvenir de vos vieux amis; ils vous en sont tellement reconnaissants! Danke, danke.

Tous les détails que vous nous donnez de votre vie à Dresde sont lus et relus mille fois; les Dresdenois sont décidément un bon peuple... Je vous avouerais cependant

que les petites mesquineries de ce M-r Bank m'ont un tant soit peu vexé... ce M-r Truhn. En vérité, j'ai honte de le dire, mais ne pourrait-on pas, fi! je n'achève pas ma phrase et vous demande pardon d'avoir prononcé ce nom. Passons à autre chose.

Et avant tout, il faut que je vous dise que «maman» se porte très bien et Mlle Antonia aussi; et Mme Sitchès aussi; le papa Sitchès tousse un peu, mais ce n'est pas du tout étonnant. Des 900 000 mille[a] habitants de Paris, il y en a 899 999 qui ont la grippe, et le seul qui ne l'ait pas, c'est Louis-Philippe, car ce monsieur a tous les bonheurs [1]. Cependant, pardon! je m'oubliais; je n'ai pas la grippe non plus; mais c'est que moi aussi, je ne puis pas me plaindre de mon sort. Su hermano de Vd va très bien de même; il a fait magnifiquement relier un exemplaire de sa méthode, qu'il destine à la reine Christine, pour qu'elle apprenne à sa fille l'art de faire des fioritures et des transpositions [2]. A propos de musique, j'ai entendu Mlle Alboni dans «Sémiramide». Elle y a eu un *très grand* succès. Sa voix a entièrement changé de caractère depuis Pétersbourg; de brutale qu'elle était, elle est devenue molle, *trop* molle; elle chante à la Rose Chéri, maintenant; elle fait bien les agilités; le timbre de sa voix est excessivement doux et insinuant, mais pas d'énergie, pas de mordant. Comme actrice, elle est nulle; sa figure placide et grasse se refuse à toute expression dramatique; elle se borne de temps en temps à froncer péniblement le sourcil. Ce qu'elle a dit de mieux a été le «In si barbara sciagura». Les Parisiens en sont enchantés. Mme Grisi, talonnée par l'émulation, s'est surpassée; elle m'a vraiment fait plaisir [3]. Coletti n'a pas été mauvais non plus, quoique, en général, je trouve qu'il chante en père de famille. Hier, je suis allé, avec le jeune Leroy d'Étioles, à l'Opéra-Comique; on y donnait «La Dame blanche» [4]. Quelle jolie musique, galante, spirituelle et chevaleresque! C'est moins brillant, mais peut-être plus français encore qu'Auber; Boïeldieu est pâle quelquefois, mais jamais vulgaire (ce qui n'arrive que trop souvent au papa de «La Muette») [5]. Roger a chanté avec une fatuité et une prétention inconcevables. Vernet m'a fait un très grand plaisir dans la vieille pièce: «Le Père de la débutante». Tous les acteurs français sont essentiellement réalistes, mais personne ne l'est aussi finement, aussi «brovontément», dirait un

---

[a] *Так в подлиннике.*

Allemand, que Vernet. Il contente à la fois l'instinct et l'esprit du spectateur; il transporte d'aise le connaisseur, il fait rire et il fait sourire. Quel dommage qu'il se fasse vieux! Voilà quelqu'un qui s'entend à créer [6].— Il y a des artistes qui parviennent à se débarrasser de leur individualité; mais à travers la personne qu'ils représentent, on voit cependant l'acteur qui s'efface, qui s'observe... et cette espèce de contrainte réagit sur vous. Vous étiez encore ainsi à Pétersbourg, mais déjà alors votre talent brisait ses dernières entraves (je me rappelle maintenant les premières représentations de «La Somnambule»), et depuis?.. [7] Vous avez eu la bonté de dire dans votre lettre que vous préféreriez aux louanges dont on vous accable le serrement de main d'un ami... je crois bien que j'aurais voulu vous serrer la main après la représentation des «Huguenots», comme à Berlin avec Müller. Se acuerda Vd.? (A propos, savez-vous que mon maître d'espagnol est très content de moi? Je ne parle plus que cette langue à la rue Michodière, n° 8.)

Est-ce que les dames Kamienska (dont par parenthèse nous sommes un peu jaloux ici) ne viendront pas à Berlin pour le temps que vous y séjournerez? Je parie que cette idée leur est déjà venue. Ce ne serait pas déjà si surprenant.

Vous me dites que vous vous êtes mise à lire «Uriel Acosta», de Gutzkow [8]. N'est-ce pas que ce phantôme, que cet ouvrage pénible d'un homme d'esprit sans talent, tout farci d'allusions et de préoccupations politiques, religieuses et philosophiques, vous a déplu? Et puis, tous ces effets criards, ces coups de théâtre,— y a-t-il quelque chose de plus dégoûtant qu'une brutalité qui n'est pas naïve? L'ombre de Shakespeare pèse sur les épaules de tous ces auteurs dramatiques; ils ne peuvent se défaire de leurs réminiscences; ils ont trop lu, les malheureux, et pas du tout vécu! Ce n'est qu'en Allemagne qu'il a été possible qu'un écrivain déjà connu (M. Mundt, le mari de la sœur de Müller) se soit vu réduit à *afficher dans les gazettes* qu'il désirait une épouse (ce fait est littéralement vrai). On ne peut plus rien lire par le temps qui court. Gluck disait d'un opéra qu'il puait la musique (puzza musica). Tous les ouvrages qu'ont fait aujourd'hui puent la littérature, le métier, la convention. Pour trouver une source encore vive et pure, il faut remonter bien haut. Le prurit littéraire, le bavardage de l'égoïsme qui s'étudie et s'admire soi-même, voilà la plaie de notre temps. Nous sommes

comme les chiens qui retournent à leurs vomissements. C'est l'Ecriture qui le dit, naïvement, cette fois. Il n'y plus ni Dieu ni Diable, et l'avènement de l'Homme est encore loin. Je regrette beaucoup que nous n'ayons pas eu le temps de lire à Paris «Prométhée»... Oserais-je vous prier de ne pas le lire sans moi? Il y a encore Feuerbach, dont j'aurais voulu faire la connaissance. Parmi tout ce qui écrivaille maintenant en Allemagne, c'est le seul *homme*, le seul caractère et le seul talent [9]. Voici encore un bon et bel ouvrage, et pas littéraire, Dieu merci! le 2-d vol⟨ume⟩ de «La Révolution française», par Michelet. Cela part du cœur, il y a du sang, de la chaleur là-dedans; c'est un homme du peuple qui parle au peuple,— c'est une belle intelligence et un noble cœur. Le 2-d volume est infiniment supérieur au premier. C'est tout l'inverse pour le livre de Louis Blanc [10].

Je crains cependant que ma lettre ne devienne trop longue, et, malgré tout le plaisir que j'ai à babiller devant vous, je ne voudrais pas abuser de votre complaisance. Je n'ajouterai plus que quelques mots. Je mène ici une vie qui me plaît excessivement: toute la matinée je travaille; à 2 h. je sors, je vais chez maman où je reste une demi-heure, puis je lis les journaux, je me promène; après dîner, je vais au théâtre ou je retourne chez maman; le soir, quelquefois, je vois des amis, surtout M. Annenkoff [11], un charmant garçon aussi fin d'esprit qu'il est gros de corps; et puis je me couche, et voilà. Savez-vous qu'il y a aujourd'hui juste un mois que vous êtes partie?

Adieu, Madame!.. je vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur au monde. Rappelez-moi, s'il vous plaît, au bon souvenir de votre mari; je vais lui écrire un de ces jours; j'espère qu'il se porte à merveille. Nous attendons avec impatience de vos nouvelles. Embrassez Louise de ma part. Je vous serre la main bien amicalement, et je reste pour toujours

Votre dévoué
Iv. Tourguéneff.

P. S. Je... Mais non décidément, j'aurais trop de choses encore à vous dire; je préfère me taire. Je profite cependant de cette occasion pour vous resouhaiter tout ce qu'il y a de meilleur au monde.

80. ПОЛИНЕ ВИАРДО

2 (14) декабря 1847. Париж

Paris,
14 décembre 47.

Bravo, Madame, bravo evviva! Je ne puis commencer ma lettre autrement. Encore une grande victoire! Vous avez fait à Dresde et à Hambourg ce que la Diète vient de faire contre le Sonderbund; après avoir enfoncé les ailes vous allez mettre le centre (Berlin) en pleine déroute [1]. Et puis vous irez comme César à la conquête de la Grande-Bretagne [2].— (Tudieu — quel ton épique!) — Vous nous avez fait aussi beaucoup de plaisir en nous racontant votre voyage de Berlin à Hambourg. En général — ce qu'il y a surtout de charmant dans les lettres que vous écrivez à Mme votre mère — ce sont les détails que vous nous donnez... Les détails — mais c'est le coloris, la lumière du tableau; ne nous envoyez pas des simples dessins ou des grisailles. Chacune de vos lettres est relue une dizaine de fois,— toujours deux fois de suite à haute voix. (C'est moi qui fais l'office de lecteur.) Et puis après l'avoir dévorée en bloc — on se met à l'éplucher par-ci, par-là; l'appétit revient en mangeant — et on recommence. Je ne puis vous cacher que vous faites des fautes d'orthographe en espagnol! Mais ce n'est qu'un charme de plus... (corps penché en avant, sourire aimable, pied droit en arrière... chanson finnoise [3])

A propos — il y a encore une chose dans vos lettres qui nous rend bien contents: c'est de voir que vous vous *portez* bien. (Je crache trois fois!) Aussi — ne fût-ce que par émulation — nous nous portons tous tant que nous sommes à merveille.— Ce que c'est que l'émulation!

Je regrette de me voir forcé de vous le dire, Madame, mais cette fois-ci je n'ai absolument aucune nouvelle intéressante à vous communiquer.— Toute cette semaine je ne suis presque pas sorti de chez moi; j'ai travaillé à force; jamais les idées ne m'étaient venues si abondamment; elles se présentaient par douzaines. Je me faisais l'effet d'un pauvre diable d'aubergiste de petite ville qui se voit tout à coup assailli par une avalanche de visiteurs: il finit par perdre la tête et ne plus savoir où loger son monde.— Avant-hier j'ai lu une des choses que je venais de terminer à deux amis russes; ces messieurs ont ri à se tordre... Ça me faisait un effet extrêmement étrange et fort agréable... Décidément, je ne me savais pas si drôle que ça.— Et

puis il ne suffit pas de terminer une chose, il faut la copier (voilà une corvée!) et l'expédier... Aussi les éditeurs de ma Revue vont-ils encore ouvrir de grands yeux en recevant coup sur coup des gros paquets de lettres! — J'espère qu'ils en seront contents [4], je prie bien humblement mon *bon ange* (tout le monde en a un, à ce qu'on dit) de continuer à m'être favorable — et je vais continuer de mon côté à abattre de la besogne. C'est une excellente chose que le travail.

Ecoutez, Madame. Si après la réception de cette lettre, vous avez encore à chanter «Le Barbier», intercalez-y l'air de Balfe... Je veux qu'on me pende si le public ne casse pas les banquettes [5]. Je connais les Hambourgeois (Ich kenne meine Pappenheimer [6]), il leur faut quelque chose d'épicé.

(N. B.— Depuis quelques jours — tout en écrivant — je ne fais que chantonner l'air de Loïc [7]. Ah mon Dieu! et ma chevrière! — Vous l'aurez, Madame, vous l'aurez à Berlin [8]. Je vous en donne ma parole d'honneur.)

Depuis deux à trois jours nous avons ici un temps superbe. Je fais de grandes promenades avant dîner aux Tuileries. J'y regarde jouer une foule d'enfants, tous charmants comme des amours, et si coquettement habillés. Leurs caresses gravement enfantines, leurs petites joues roses mordillées par le premier froid de l'hiver, l'air placide et bon des bonnes, le beau soleil rouge à travers les grands marronniers,— ces statues, ces eaux dormantes, la majestueuse couleur gris-sombre des Tuileries — tout cela me plaît infiniment, me repose et me rafraîchit après une matinée de travail. J'y rêve — non pas vaguement — à l'allemande... j'y rêve à ce que j'ai fait, à ce que je vais faire, je me souviens... Je ne manque jamais (c'est à dire les 3 ou 4 fois que j'y ai été) d'aller faire ma visite au Lion de Barye — qui se trouve à l'entrée des Tuileries du côté de la rivière — mon groupe favori [9]. Le soir je vais chez «bonne maman». Nous y avons passé il y a quelques jours — cinq ou six heures avec Manuel — à faire mille extravagances... Cela nous a fait penser à Courtavenel, à Mascarille, à Jodelet etc., etc., etc., etc.[10] Vous n'êtes pas la seule qui y pensiez, Madame... Vous souvenez-vous du jour, où nous regardions le ciel si pur à travers les feuilles dorées des trembles... Vous souvenez-vous... Ah, mais je n'en finirais pas si je me mettais sur ce chapitre.

Mon Dieu, que c'est donc beau l'automne... pas quand il fait sale et crotté — (vos pflia, pflia sont parfaits de vérité) — mais quand le ciel est bien transparent, bien pa-

cifique... Il y a du Louis XIV vieillard dans un beau jour d'automne... Vous allez vous moquer de ma comparaison... Eh bien tant mieux! Riez même, riez aux éclats — à montrer toutes vos dents — vous savez ce que vous disait votre vieux Monsieur de Mecklembourg sur la route de Berlin à Hambourg [11].

J'ai promis à Madame votre mère de lui porter ma lettre — il faut lui laisser de la place. J'aurais dû y penser d'avance et resserrer davantage mes lignes. C'est pour le coup que vous aurez le droit de me nommer bavard.

Je vais écrire l'un de ces jours une lettre à votre mari. Le 2d vol. de Michelet est un chef-d'œuvre [12]. Louis Blanc se couvre de ridicule par sa querelle avec Eugène Pelletan [13].— Je salue bien amicalement le grand chasseur [14]. Je pense souvent à Louise pendant mes promenades aux Tuileries — et je l'embrasse bien fort. Que Dieu vous conserve tous! Je vous souhaite tout le bonheur imaginable, je vous serre fortement la main, je vous refélicite et je reste

Votre ami dévoué
J. Tourguéneff.

P. S. N'ayant pas trouvé Mme votre mère à la maison, je ferme cette lettre de peur de retard. J'écris cela dans la boutique d'un épicier et je vais cacheter ma lettre avec sa cire et le sceau de ses armes.

81. ПОЛИНЕ ВИАРДО

7 (19) декабря 1847. Париж

19 décembre 47.
Paris.

Madame — j'avais commencé, il y a quelques jours — une lettre fort triste (Dieu sait pourquoi!) que j'ai bien fait de ne pas achever.— Je ne vous en parle même que pour mémoire... je ne sais pas trop pourquoi je vous en parle.— Aujourd'hui je me sens tout dispos et de bonne humeur; je suis heureux de pouvoir jaser à mon aise et je vais m'en donner jusqu'au bout de la quatrième page.

Madame votre mère (qui se porte très bien ainsi que nous tous) m'a montré votre dernière lettre de Hambourg.— Ah Madame, Madame — ne vous fiez pas à une belle journée de décembre; c'est bien traître — et il a fait humide «le long» de la rivière [1].— J'espère que votre mal de gorge se sera dissipé bien vite et que «Les Huguenots» [2] ont eu

le même succès que «Le Barbier». Du reste je ne crois pas que vous vous amusiez beaucoup à Hambourg.— On n'y voit que des «marchants».— Toujours parlant — de chemins de fer, actions, emprunts et autres choses fort productives et fort stupides.— Je suis sûr qu'au fond de votre âme vous devez ressentir un secret dépit de devoir *amuser* de pareilles gens — car vous ne faites que les amuser! — Ils ne sont pas capables de sentir autre chose en vous écoutant: ils réservent tout leur sérieux pour la hausse et la baisse [3]. Cependant ils vous aplaudissent, ils crient, ils battent des mains... ils font leur devoir — et on ne les en remercie pas.

Les articles de journaux ont été traduits et remis à qui de droit.— A propos, envoyez moi donc des «paroles» — (vous savez comme pour «La Chevrière») je vous assure que je m'y mettrai de bon cœur, de muy buena gana; si je n'ai pas fait le pendant de «La Chevrière» jusqu'à présent, c'est qu'il m'avait semblé que vous n'y pensiez plus pour le moment... Mais je ne m'en tiens pas quitte... [4] Ce que vous nous dites de l'effet qu'a produit sur vous le «Joseph» de Méhul — me fait bien vivement regretter qu'on ne puisse l'entendre ici; dans ce grand diable de Paris on ne donne que de grands diables d'opéras comme «Jérusalem»...[5] Au moment où je vous écris ces lignes — une bande de musiciens ambulants se met à chanter dans ma cour le «Mourir pour la patrie» de Gossec... [6] Dieu! que c'est beau... j'en ai les larmes aux yeux... Ah ça — mais décidément les vieux musiciens valaient mieux que ceux d'à présent? Quelle énergie sérieuse, quelle conviction, quelle simplicité grandiose .. Chanté en 93 par des centaines de voix, cet hymne a dû faire battre bien des cœurs. En général, depuis quelque temps, je me détourne de plus en plus du temps présent; — il est vrai qu'il offre peu d'attraits; je me jette à corps perdu dans le passé. Je lis maintenant Calderon avec acharnement (en espagnol comme de raison); c'est le plus grand poète dramatique catholique qu'il y ait eu — comme Shakespeare — le plus humain, le plus antichrétien... Sa «Devoción de la Cruz» est un chef-d'œuvre [7]. Cette foi immuable, triomphante, sans l'ombre d'un doute ou même d'une réflexion — vous écrase à force de grandeur et de majesté, malgré tout ce que cette doctrine a de répulsif et d'atroce. Ce néant de tout ce qui constitue la dignité de l'homme devant la volonté divine, l'indifférence profonde pour tout ce que nous appelons vertu ou vice avec laquelle la Grâce se répand sur son élu — est encore un triomphe pour l'esprit humain, car

l'être qui proclame ainsi avec tant d'audace son propre néant, s'élève par cela même à l'égal de cette Divinité fantastique, dont il se reconnaît être le jouet. Et cette Divinité — c'est encore l'œuvre de ses mains. Cependant, je préfère Prométhée — je préfère Satan, le type de la révolte de l'individualité. Tout atome que je suis — c'est moi qui suis mon maître; je veux la vérité et non le salut; je l'attends de mon intelligence et non de la Grâce.

N. B. Excusez toutes ces fio-ratures [8].

Malgré tout Calderon est un génie bien extraordinaire et vigoureux surtout... Nous autres, faibles descendants de puissants ancêtres — nous arrivons tout au plus à être gracieux dans notre faiblesse... Je pense au «Caprice» de Musset (qui continue à faire fureur ici)... [9] Mais je pense aussi en même temps que je continue à ne pas avoir des nouvelles à vous donner; et cependant il s'est passé des choses assez intéressantes: Mr Michelet a ouvert son cours [10]; Mlle Alboni a chanté hier «La Cenerentola» [11] (je l'entendrai aujourd'hui, dimanche), on parle beaucoup d'une nouvelle fille électrique ou magnétique qui fait, pendant son sommeil, en écoutant de la musique — des gestes qui y ont rapport (à la musique) etc.

Mais que voulez-vous? Je tourne à l'ours; je ne sors presque pas de ma chambre — je travaille avec une ardeur incroyable... J'espère que ce ne sera pas du temps perdu.— Cependant j'ai l'intention de me secouer un peu et de courir Paris. Il faut cependant en avoir une idée.— J'ai reçu des lettres de mes éditeurs, qui me font toutes sortes de beaux compliments sur mon activité [12]: en même temps ils m'ont envoyé le dernier n° de notre Revue où j'ai trouvé une admirable nouvelle d'un Mr Grigorovitch [13]; personnage que je connais fort et qui m'a toujours semblé un être parfaitement nul et vide. Calderon aurait-il raison? Le talent — qui est aussi une espèce de grâce — se logerait-il dans la première tête venue? Garderait-il rancune à l'esprit pour les usurpations de ce dernier? Il est vrai que dans ces derniers temps — il s'est bien des fois fait passer pour du talent! — Mais les vrais élus sont ceux qui ont l'un et l'autre. — N'est-ce pas, Madame? Vous devez en savoir quelque chose.

J'écrirai demain une lettre à votre mari, que je vous prie de saluer bien amicalement de ma part. Je n'ai pas encore rempli la commission de Louise — et pour cause, ce qui ne m'empêche pas de l'embrasser sur les deux joues. Pour vous, Madame, — vous connaissez mon refrain ordi-

naire... Je vous souhaite tout ce qu'il y a de bon, de beau, de grand et de noble dans ce monde... du reste — c'est vous souhaiter — ce que vous possédez déjà. Soignez-vous bien, soyez heureuse, gaie et contente, vous et tous les vôtres. Vous ne restez pas à Hambourg plus de 4 à 5 jours — n'est-ce pas? Ma prochaine lettre vous y trouvera peut-être encore? Que Dios bendiga a Vd.— Leben Sie recht, recht wohl! Будьте здоровы и помните нас.

Votre
J. Tourguéneff.

82. ПОЛИНЕ ВИАРДО

13 (25) декабря 1847. Париж

Paris,
ce 25 décembre 47.

Nous étions tous, je vous l'avouerais, Madame, un peu inquiets de ne pas recevoir de vos nouvelles (il est vrai que vous nous aviez gâtés), quand votre lettre du 21, avec tous ses charmants détails, nous a comblés de joie. J'ai fait l'office de lecteur, comme de coutume, et je puis vous assurer que jamais mes yeux ne se portent mieux que quand ils ont à déchiffrer vos lettres, d'autant plus que vous écrivez parfaitement bien pour une célébrité. Du reste, votre écriture varie à l'infini; quelquefois elle est jolie, fine, perlée — une vraie petite souris qui trotille[a]; d'autres fois, elle marche hardiment, lestement, à grandes enjambées; souvent il lui arrive de s'élancer avec une rapidité, une impatience extrêmes, et alors, ma foi, les lettres deviennent ce qu'elles peuvent. Vous faites très bien de nous décrire vos costumes; nous autres réalistes, nous tenons au coloris. Et puis... et puis, tout ce que vous faites est bien fait. Vos succès à Hambourg nous causent une joie infinie; bravo, bravo! [1] N'est-ce pas que nous sommes bien *bons* de vous encourager?

Je vous remercie de tout mon cœur pour les bons et affectueux conseils que vous me donnez dans votre lettre à Mme Garcia. Ce que vous dites de la «quebradura» qu'on remarque toujours dans une œuvre interrompue est bien vrai... «*das sind goldene Worte*». Aussi, depuis que je suis à Paris, je n'ai jamais travaillé qu'à une chose à la fois et j'en ai conduit plusieurs à bon port, je l'espère du moins.

---

[a] *Так в подлиннике.*

Il ne s'est pas passé de semaine que je n'aie envoyé un gros paquet à mes éditeurs [2].

Depuis la dernière lettre que je vous ai écrite, j'ai encore lu un drame de Calderon, «La Vida es sueño». C'est une des conceptions dramatiques les plus grandioses que je connaisse. Il y règne une énergie sauvage, un dédain sombre et profond de la vie, une hardiesse de pensée étonnante, à côté du fatalisme catholique le plus inflexible. Le Sigismond de Calderon (le personnage principal), c'est le Hamlet espagnol, avec toute la différence qu'il y a entre le Midi et le Nord. Hamlet est plus réfléchi, plus subtil, plus philosophique; le caractère de Sigismond est simple, nu et pénétrant comme une épée; l'un n'agit pas à force d'irrésolution, de doute et de réflexions; l'autre agit — car son sang méridional le pousse — mais tout en agissant, il sait bien que la vie n'est qu'un songe [3]. Je viens de commencer maintenant le «Faust» espagnol, «El Magico prodigioso» [4]: je suis tout encalderonisé. En lisant ces belles productions, on sent qu'elles ont poussé naturellement sur un sol fertile et vigoureux; leur goût, leur parfum est sain et simple; le graillon littéraire ne s'y fait pas sentir. Le drame en Espagne a été la dernière et la plus belle expression du catholicisme naïf et de la société qu'il avait formée à son image [5]. Tandis que dans le temps de crise et de transition où nous vivons, toutes les œuvres artistiques ou littéraires ne représentent tout au plus que les opinions, les sentiments individuels, les réflexions confuses et contradictoires, l'éclectisme de leurs auteurs; la vie s'est éparpillée; il n'y a plus de grand mouvement général, excepté peut-être celui de l'industrie, qui, considérée sous le point de vue de la soumission progressive des éléments de la nature au génie de l'homme, deviendra peut-être la libératrice, la régénératrice du genre humain. Aussi, à mon avis, les plus grands poètes contemporains sont les Américains qui vont percer l'isthme de Panama et parlent d'établir un télégraphe électrique à travers l'Océan. Une fois la révolution sociale consommée— vive la nouvelle littérature! Jusque-là nous n'aurons que des Ponsard ou des Hugo ou tout au plus des prophètes puissants mais tourmentés et malades comme George Sand.

Une grande partie de ces réflexions m'est venue à l'esprit l'autre soir, pendant que j'assistais à la représentation d'une revue de l'année 1847, «Le Banc d'huîtres», au Palais-Royal [6]. C'était amusant, et je riais... Mais, bon Dieu! que c'était maigre, pâle, timide et mesquin à côté de ce

qu'aurait pu en faire — je ne dis pas Aristophane — mais quelqu'un de son école! Une comédie fantastique, extravagante, railleuse et émue, impitoyable pour tout ce qu'il y a de faible et de mauvais dans la société et dans l'homme même, et finissant par rire de sa propre misère, s'élevant jusqu'au sublime pour s'en moquer encore, descendant jusqu'au stupide pour le glorifier, le jeter à la face de notre orgueil... que ne donnerait-on pour y assister! Mais non, nous sommes voués au Scribe à perpétuité [7]. Bourgeoisie, société... en commandite, pose une couronne de feuilles de chou sur le front de ton plus illustre représentant!

Je ne désespère pas de vous lire «Les Oiseaux» ou «Les Grenouilles» d'Aristophane en retranchant tout ce qui est par trop cynique [8].

Ainsi vous voilà donc à Berlin [9]; vos deux premières campagnes sont terminées, et vous vous trouvez maintenant au milieu d'un peuple déjà conquis. Le bon Müller vous remettra cette lettre. En voilà un qui sera content de vous voir! Vous nous donnerez votre adresse: comme je connais Berlin par cœur, je saurai facilement trouver votre maison dans ma mémoire. Vous allez débuter dans une semaine. Je connais quelqu'un qui se mettra à étudier les journaux de Berlin. Il y a dans les «Didaskalia» de Francfort un article enthousiaste sur vous, daté de Hambourg. A propos, l'«Illustration» annonce votre engagement au Grand-Opéra pour l'hiver prochain. On écrit de Pétersbourg que le théâtre italien y est à l'agonie. J'ai parlé dans ma lettre à votre mari de «La Cenerentola» et de Mlle Alboni [10]. J'espère que vous allez vous porter tous, mari, femme et enfant, comme des anges, ou comme nous, car nous allons très bien, mais très bien.

Bonjour, Madame. Au risque de vous ennuyer en vous répétant toujours la même chose, je vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur, de plus grand et de plus beau sur la terre; vous savez si mes vœux sont sincères... Portez-vous bien et soyez heureuse.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

P.S.— Que Dios bendiga a Vd.

83. ПОЛИНЕ ВИАРДО

23 декабря 1847 (4 января 1848). Париж

Paris,
ce 4 janvier 48.

Ah! Madame, quelle bonne chose que les longues lettres! (comme celle que vous venez d'écrire à bonne maman par exemple). Avec quel plaisir on en commence la lecture! C'est comme si l'on entrait en été dans une longue allée bien verte et bien fraîche. Ah! se dit-on, il fait bon ici; et on marche à petits pas, on écoute babiller les oiseaux. Vous babillez bien mieux qu'eux, Madame. Continuez ainsi, s'il vous plaît; sachez que vous ne trouverez jamais des lecteurs plus attentifs et plus gourmands. Vous imaginez-vous Mme votre mère au coin de son feu, me faisant lire à haute voix votre lettre qu'elle a eu déjà presque le temps d'apprendre par cœur? C'est alors que sa figure est bonne à peindre! A propos, je n'ai pas encore vu son portrait; elle ne veut me le montrer que quand il sera achevé, ce qui ne tardera pas. J'ai aussi l'intention de prier Mr Léon de faire le mien au crayon [1].

Also, willkommen in Berlin [2]. Je sais où vous demeurez; ce n'est pas loin des Brandenburger Thor. Pardon de la liberté grande que je vais prendre en parlant de votre appartement, mais pourquoi certains endroits que l'on ne nomme qu'en anglais, probablement parce que les Anglais sont le peuple le plus décent en paroles, pourquoi ces endroits sont-ils exposés à l'inclémence des saisons et à la rigueur de l'air? Prenez-y garde, je vous en prie, et remédiez-y: c'est plus dangereux que cela ne paraît au premier coup d'œil par ce temps de grippe et de rhumatismes. Vous allez joliment vous moquer de moi et des matières dont je remplis ma lettre, mais je vous assure que j'en ai eu l'esprit frappé. Je vous vois d'ici sourire en relevant l'épaule droite et inclinant la tête du même côté (c'est un geste qui vous est familier et que je ne vous conseille pas d'abandonner, car il est très joli, surtout quand il est accompagné d'une certaine petite moue...), je vois s'épanouir la grosse barbe rousse de l'ami Müller...

Ainsi, vous avez débuté par «La Juive» [3]. Ce seul nom de «Juive» évoque en moi une foule de figures et de souvenirs: Mr Kraus, avec ses dents superposées, son ricanement et ses doigts couleur mine de plomb, Mr Lange, si mielleux, si réservé, si tendrement ému par son propre mérite, les

époux Pille-au-Nid [4], le gros Mr de Dalmatie, etc., etc. Savez-vous, Madame, qu'il faut que vous agrandissiez cette année «le cercle de vos connaissances»? Et à propos, Mme Isabella est-elle venue vous *lamer los zapatos*? (Ah! écoutez, n'allez pas permettre à Mr Truhn de le faire; vous savez — enfin! Je me doutais bien qu'il tournerait casaque, aussi n'ai-je pas été surpris de son article dans la «Zeitungs-Halle» le lendemain de votre arrivée à Berlin. Des gens comme lui peuvent tout au plus mettre un peu de boue sur votre passage; mais si vous tenez à avoir les semelles de vos souliers propres, empêchez-le de le faire, d'autant plus qu'il n'y a qu'à lui jeter un peu d'oubli méprisant pour aumône). Encore une fois, willkommen in Berlin. Portez-vous bien, composez, amusez-vous et soyez heureuse. Si vous pouviez y trouver une c-esse Kamienska [5] ou bien si vous pouviez lui faire quitter Dresde pour quelque temps!

Il faut cependant que je vous parle un peu de Paris et de ce qui s'y passe. Dans tous les cas, pour moi ce n'est pas le temps qui se passe le plus vite. Cependant, les événements ne nous ont pas fait défaut: la mort de Mme Adélaïde [6], la prise d'Abd-el-Kader [7] (voilà aussi un homme qui n'a pas su mourir à propos), le Nouvel An, l'ouverture des Chambres [8], la suspension du cours de Michelet [9], etc., etc. Mais votre mari vous en aura déjà parlé.

Le jour de l'an, nous avons dîné en famille chez Mme votre mère. Le soir on y a joué aux jeux innocents, et c'est Mr Guy qui proposait toujours les gages les plus hm. hm. Il a même fini par prendre galamment Mlle Antonia par la taille et lui a appliqué un gros baiser sur la joue... je me trompe, il n'était pas gros: on ne peut pas en donner sans dents. Enfin, nous nous sommes beaucoup amusés. Mr Leroy d'Etioles m'a mené avant-hier chez une Mme de Noirfontaine. Je m'y suis beaucoup ennuyé. J'ai même été surpris d'y retrouver un certain parfum de société de Pétersbourg qui ne m'a pas du tout enchanté. Il est vrai que son mari est un employé et que tous les employés du monde se ressemblent. J'ai entendu «L'Elisir d'Amore» [10] aux Italiens. Lablache m'a fait rire. Mme Persiani nage dans son rôle, par rapport à la voix, «comme un poisson dans l'eau»; eh bien! je vous assure, *ganz objectiv gesprochen* comme disent nos amis les Allemands, vous y êtes bien, mais bien meilleure. Mme Persiani doit être une méchante femme; quand Nemorino vient la supplier à la fin du premier acte, elle a fait un geste qui m'a rappelé une des femmes de cham-

bre de ma mère, l'être le plus froidement méchant que je connaisse. On voyait que la jouissance âcre de se venger, de faire du mal, la prenait à la gorge — c'en était dégoûtant, fi! Je m'en souviens, vous aviez aussi l'air fort content de pouvoir vous venger, de voir Mr Nemorino réduit à vous supplier, mais ce n'étaient que des petites broderies noires sur un fond clair... Quand on est bon au fond, on peut se donner de ces petits plaisirs-là. Vive le diable, quand on monte dessus.

J'ai vu hier le nouvel opéra d'Auber, «Haydée» [11]. Ce soi-disant opéra-comique a toutes les allures d'un grand opéra. Grands duos, grandes phrases, grands mots et pas une seule mélodie. C'est ce qui explique peut-être son succès; les habitués ne le sont pas à de pareils flons-flons.

La donnée même du libretto est triste et fausse; c'est l'histoire d'un homme qui a commis dans sa vie une action infâme, d'un Gudin, qui a triché au jeu; son adversaire s'est tué et les remords poursuivent l'assassin. Il se trahit en songe; son ennemi veut en profiter, etc., etc. Enfin, la vertu — non pas la vertu cette fois-ci, le vice repentant triomphe et la méchanceté succombe. Deux femmes sont mêlées à toute cette histoire. Le dénouement est d'une invraisemblance foudroyante. C'est du Scribe exagéré. Roger que j'écoutais hier avec un redoublement d'attention, vous savez pourquoi, s'est très bien acquitté de son rôle; il n'y a pas à dire, c'est un homme de talent et un très bon acteur. On voyait du reste qu'il était enchanté de cette musique à tapage et à grands effets. Cependant, il y a par-ci par-là de jolies choses. Mais quand le règne des barbons finira-t-il? Nous sommes las de ces grâces édentées, de cet esprit d'il y a vingt ans. Que font les jeunes, les forts? Je n'ai cessé de penser hier soir à Vivier. Avec les éléments qu'il y a à l'opéra comique, il pourrait faire un chef-d'œuvre. Mlle Grimm a une petite voix bien fraîche et bien vibrante dans sa petitesse. Mlle Lavoye — couci-couci [12]: j'ai trouvé qu'elle ressemblait à Karatiguina (pour le visage) [13]. Toutes deux retirent la lèvre inférieure, relèvent les sourcils et renversent la tête quand elles veulent faire des agilités sur des notes hautes, ce qui leur donne une expression inimaginablement ridicule; elles ont alors l'air doies saisies par le bec. J'étais assis tout près de l'orchestre; j'ai trouvé devant moi un livre qui traitait de l'histoire de Paris et dans les entr'actes je lisais des extraits de récits contemporains sur la Saint-Barthélemy, le massacre des Armagnacs et autres gentil-

lesses [14]. Des passions féroces, du sang par torrents, des cruautés inouïes, et puis la toile se levait et je voyais Mlle Lavoye, pimpante et parée avec ses mains qu' elle tient toujors ainsi: le cinquième doigt bien détaché... quel drôle de contraste! (*N. B.* C'est l'intérieur de la main que je vous montre... apprenez, Madame, à dessiner des mains!..) Ah! l'homme est une créature bien étrange.

Je vous quitte sur cette réflexion si neuve. Je vous remercie bien — *sehr* — *mucho* — *очень* — *much* des quelques paroles à mon adresse dans votre lettre à Mme Garcia [15]. Je serai bien content de recevoir une lettre de Mr Louis. Je vous salue tous bien amicalement. Je remercie Luisita [16] de son souvenir et lui rends la pareille. Bonjour, Madame, je vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur au monde. A los pies de Vmd.

Votre dévoué
J. Tourguéneff.

84. ПОЛИНЕ ВИАРДО

30 декабря 1847 (11 января 1848). Париж

Paris,
ce 11 janvier 1848.

Je viens de recevoir à l'instant la lettre que vous m'avez envoyée sous le couvert de Mme Garcia. Je remercie votre mari de son bon souvenir; quant à ce qu'il me dit de la situation de la France, je ne demande pas mieux que d'avoir tort — et d'être détrompé — le plus vite possible [1]. Mes petites nouvelles (qui du reste sont d'un genre diamétralement opposé à celui de Florian) [2] ne méritent pas l'honneur d'une traduction; mais l'offre que me fait el señor Luis [3] est trop flatteuse pour que je ne m'abonne pas dès à présent à en profiter plus tard, quand j'aurai fait enfin quelque chose de bon — si Apollon veut que ce bonheur m'arrive. En même temps je souhaite au grand chasseur... Halte-là! je ne lui souhaite rien. Si lui, l'homme raisonnable par excel-

lence, ne s'est pas laissé infecter par les superstitions de ma chère patrie — je ne suis pas Russe pour rien — moi et ne vaux pas lui gâter son plaisir.

Les articles sur la «Norma» m'ont fait éprouver ce que les Allemands nomment *Wehmuth*. En vous comparant avec vous-même d'il y a un an, Ms les critiques semblent remarquer un changement, un développement dans la manière dont vous faites ce rôle.— Et moi — ay de mi — je ne puis savoir ce qu'ils veulent dire: je ne vous ai pas vue dans la «Norma» depuis St-Pétersbourg. Diese Entwicklungsstufe ist mir entgangen. Je suis prêt à crier: Au vol! comme Mascarille [4]. Au fond (je vous le dis en secret et à vous seule) j'en suis un peu chagriné. Rellstab et Kossack parlent tous les deux «von einer milderen Darstellung»; je sais bien que ce n'est pas là une Milde à la Lind; je suis persuadé au contraire que cela doit être très beau, très vrai et très poignant. Oui, les grandes souffrances n'abattent pas les grandes âmes; elles les rendent calmes, plus simples — elles les assouplissent sans leur rien faire perdre de leur dignité.— «Les coups de marteau» dit Pouchkine quelque part — «brisent le verre et forgent l'acier» [5] — l'acier plus fin, plus souple et plus fort que le fer. Ceux qui ont passé par là, ceux qui ont *su* souffrir — (j'allais dire ceux qui ont eu ce bonheur — car c'en est un, que l'égoïste par exemple ou le lâche ne connaissent pas) — en gardent une empreinte qui les annoblit — s'ils y résistent. Dieux — que j'aurais été content d'assister à une représentation de la «Norma»! Cette femme au cœur si haut placé — et si naïf, si droit, si vrai, en lutte avec son amour et sa destinée — ces grands et simples mouvements des passions dans une âme primitive — ce cruel et doux mélange de tout ce qu'il y a de plus cher dans la vie — et de la mort — cette explosion délirante de la fin — cette intelligence si forte et si fière qui au moment de mourir se laisse enfin envahir toute entière par la tendresse la plus vive, par l'enthousiasme du sacrifice — n'en parlons plus.— Je tâcherai de vous *construire* dans la «Norma» d'après l'idée que j'ai de votre talent, d'après mes souvenirs... Il est vrai que je ne suis plus rompu comme autrefois à cet exercice allemand par excellence... enfin, j'essaierai.

Vous me parlez aussi du «Roméo», du troisième acte, dont Müller a loué les paroles... Cela me rappelle la petite chambre de Courtavenel, où nous les avons arrangés... Vous avez la bonté de me demander des remarques sur «Roméo» [6]... Que pourrais-je vous dire que vous n'auriez déjà su et senti

d'avance! — Plus je réfléchis à la scène du troisième acte, plus il me semble qu'il n'y a qu'une manière de la rendre — la vôtre. On ne peut s'imaginer quelque chose de plus affreux — que de se trouver devant le cadavre de tout ce qu'on aime; mais le désespoir qui vous saisit alors doit être tellement horrible que s'il n'est pas retenu et *glacé* par la ferme résolution de se donner la mort à soi-même ou par tout autre *grand* sentiment — l'art n'est plus en état de les rendre. Des cris entrecoupés, des sanglots, des évanouissements — c'est de la nature — ce n'est pas de l'art. Le spectateur lui-même n'en serait pas ému — de cette émotion profonde et poignante qui vous fait verser avec délices des larmes quelquefois bien amères. Tandis que de la manière dont vous voulez faire Roméo (d'après ce que vous m'en écrivez) — vous produisez sur votre auditoire une impression ineffaçable. Je me souviens de l'observation fine et juste que vous fites un jour sur les petits mouvements agités et continus que se donne Rachel tout en gardant une attitude calme et grandiose; cela n'était peut-être chez elle que du savoir-faire, mais — en général — c'est le calme, *provenant d'une forte conviction ou d'un sentiment profond*, le calme qui enveloppe pour ainsi dire de tous côtés les élans désespérés de la passion — qui leur communique cette pureté de lignes, cette beauté idéale et réelle, la vraie, la seule beauté de l'art. Et ce qui prouve la vérité de cette remarque, c'est que la vie elle-même — dans de rares moments—il est vrai, dans les moments où elle se dégage de tout ce qu'elle a d'accidentel et de commun — s'élève au même genre de beauté. Les plus grandes douleurs, avez-vous dit dans votre lettre — sont les plus calmes; et les plus calmes sont les plus belles—pourrait-on ajouter. Mais il s'agit de savoir réunir les deux extrêmes — ou sinon on paraîtra froid. Il est plus facile de ne pas attenter à la perfection — plus facile de rester à mi-chemin, d'autant plus que la plupart des spectateurs ne demandent pas autre chose — ou plutôt ne sont pas habitués à autre chose; mais vous n'êtes ce que vous êtes que par cette noble tendance à ce qu'il y a de plus haut — et croyez moi — ist der Punkt getroffen — tous les cœurs, même les plus vulgaires, bondissent et s'élancent. — A Pétersbourg — il fallait être soi-même — un peu artiste pour sentir tout ce que vos intentions avaient de magnifique; vous avez grandi depuis lors; — vous êtes devenue compréhensible pour tout le monde — sans cesser cependant d'avoir beaucoup de choses réservées aux élus.

Je vous écris tout cela tout chaud, tout bouillant; vous aurez la bonté de suppléer — avec votre finesse de divination ordinaire — à ce que mes expressions auront d'inexact et d'incomplet.— Je n'ai pas le temps de faire du style; je n'en ai pas même la volonté.— Je ne veux que vous dire ce que je pense.

Je dois finir ma lettre et je ne vous ai pas parlé de ce qui se fait à Paris. Je le ferai dans une autre lettre, très prochaine, si vous le voulez bien. Vous avez bien fait de nous envoyer l'article de Kossack; depuis la nouvelle année on ne tient plus la «Zeitungs-Halle» au «Cabinet de lecture» [7].

Tout le monde se porte bien. J'ai été hier aux Italiens. On donnait «La Donna del Lago» [8]. Quelle délicieuse musique! (malgré quelques longueurs et quelques vieilleries.) Mais aussi quel libretto! Mme Alboni y a été bien dans les Andante — et très molle dans les Allegro. Elle et Mme Grisi ont dit à ravir le petit duo du 2d acte. Mario a bien chanté son air. Les chœurs ont été détestables. (Quel dommage! Le chœur des bardes — est magnifique, autant qu'on en pouvait juger.)

Cette fois-ci, Madame, vous le voyez, je ne laisse plus de marge. Saluez Müller de ma part, s'il vous plaît. Et portez-vous bien, vous tous que j'aime beaucoup.— Je vous remercie pour votre bon souvenir, je vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur sur la terre, je vous serre la main bien fort et je reste pour toujours votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

P. S. A propos, je dois vous dire qu'avant-hier, *dimanche*, il y a eu une soirée musicale chez votre frère [9]. Il n'y avait que ses élèves: Barbot, Bataille etc. *Mlle Antonia* s'y est *fort* distinguée. Elle a chanté la partie de Sémiramide dans le quatour du «Serment» — *parfaitement* bien.— *Balfe y était*.— Tout le monde ici parle de votre engagement comme d'une chose conclue [10].— Adieu. Seien Sie auf ewig gesegnet, Sie edles, liebes, herrliches Wesen.

85. ПОЛИНЕ ВИАРДО

5, 6 (17, 18) января 1848. Париж

Paris.
17/5 janvier 48.

Madame votre mère vient de me montrer la lettre que vous lui avez envoyée le lendemain de la représentation d'«Iphigénie» [1], lettre pleine de choses fines et grandes à la fois — privilège que vous possédez — presque seule — et, j'ajoute le mot *presque* pour n'avoir pas l'air de vouloir vous dire un compliment. Ainsi, le public cette fois-ci a moins goûté cette belle musique et Sa Majesté y a été. Ce qui me vexe un peu, c'est de voir que — par le temps qui court — le goût du beau s'allie fort souvent à la faiblesse prétentieuse, le dilettantisme minutieux et sensualiste, voire même à la dépravation (témoins la haute personne que je viens de citer et le roi de Bavière). Ne pourrait-on pas avoir de la force et du goût en même temps? Ces deux choses s'excluieraient-elles? Pourquoi la jeunesse est-elle si... si «*plump*»? Pourquoi son exaltation même est-elle si naïvement fausse? Les vieillards ont toujours eu plus d'esprit qu'elle — et cela est bien naturel — faut-il qu'ils aient aussi plus d'instinct? Je suis vexé d'avance de l'article de Rellstab [2], malgré tous les éloges qu'il vous donnera; c'est aussi un vieux grigou, un vieux «flaireur»; et son *jeune* remplaçant, c'est Mr Lange [3]! Que ne donnerais-je pas pour lire un article vraiment jeune, chaleureux et fin, sur votre *Iphigénie*. Mais si, comme vous le dites, vous avez inspiré un artiste, vous devez être contente; cela vaut encore mieux que la parole. Du reste, je suis trop *gruñón* aujourd'hui; je finirai ma lettre demain.

Mardi 18.

J'ai lu l'article de Rellstab et aussi celui de Kossack [4], qui n'est pas mauvais. Kossack a certainement de l'esprit et du goût; pourquoi a-t-il un si vilain regard? J'ai trouvé en même temps dans la «Zeitungs-Halle» un article de ce Mr Truhn sur «Le Barbier de Séville»; il y dit des choses aigres-douces à Mlle Fodor, lui qui naguère encore lui of-

frait de son encens le plus impur. Fi! j'en veux à ce gredin de ce qu'il parle de vous...[5]

Vous ai-je dit dans ma dernière lettre que j'ai assisté à un concert du Conservatoire? on n'y a donné que du Mendelssohn [6]. La *Symphonie en la* m'a beacoup plu. C'est élégant, fort, élevé. L'exécution en a été *monstrueusement* parfaite; il est impossible d'imaginer quelques chose de plus étonnant.

Votre frère a de nouveau rassemblé quelques-uns de ses élèves dimanche passé. On y a exécuté entre autres le Sextuor de «La Cenerentola», le trio des masques du «D⟨on⟩ Juan», le duo de «L'Elisir» («Quant 'amore»), ce dernier par Bataille et Mlle Antonia, qui ne s'en est pas mal tiré, en vous copiant quelquefois assez heureusement. J'y ai entendu une Dlle Zehner, contralto, bonne fille, forte et fraîche, voix idem. Elle ne chante pas mal. Elle a l'air bon garçon (dans le genre de Georges du «Götz v⟨on⟩ Berlichingen» [7]) et me fait l'effet de savoir s'acharner à l'étude. Cela me rappelle le surnom que je vous ai donné à vous, ainsi qu'à toute votre famille, à Courtavenel [8] — errinern Sie sich? Da Ich einmal Deutsch gesprochen habe, so benutze Ich die Gelegenheit um Ihnen zu sagen, dass es gar nichts edleres, lieberes, theueres auf der Erde giebt als Sie. Nous nous sommes séparés fort tard a minuit et demi. Dimanche prochain nous nous réunissons de nouveau. *N. B.* Barbot chante très bien — mais quelle voix, hélas! ou plutôt holà!

Aujourd'hui, mardi, vous allez probablement chanter Roméo, et au moment où j'écris (il est onze heures et demie) vous devez être dans une jolie petite agitation. Je fais les vœux les plus sincères pour votre réussite. Il me semble qu'elle sera complète. Pourquoi ne puis-je être à Berlin aujourd'hui? Ah! pourquoi? pourquoi?

Ah çà! mais décidément, depuis quelque temps, je ne vous donne plus aucune nouvelle de Paris. Il est vrai que je me tiens coi dans mon trou. Voyons, cependant. J'ai été l'un de ces jours au Jardin d'Hiver, qui est en effet une admirable chose [9].— Figurez-vous un espace immense, rempli de fleurs, d'arbres, de statues, et recouvert à une hauteur prodigieuse par un immense *dais* en verre, soutenu par une foule de colonnes en fer de fonte, fines et sveltes; au fond, un superbe jet d'eau. Le seul *drawback* ou désagrément que j'y ai éprouvé a été une odeur de dalle mouillée, odeur chaude et légèrement nauséabonde. On dit aussi que la pluie y pénètre trop facilement. Mais je m'imagine qu'un beau bal au Jardin d'Hiver doit être un spectacle éblouissant.

Votre mari vous a certainement parlé du nouveau roman de Mme Sand, que le «Journal des Débats» publie dans son feuilleton: «François le Champi» [10]. C'est fait dans sa meilleure manière: simple, vrai, poignant. Elle y entremêle peut-être un peu trop d'expressions de paysan; ça donne de temps en temps un air affecté à son recit. L'art n'est pas du daguerréotype, et un aussi grand maître que Mme Sand pourrait se passer de ces caprices d'artiste un peu blasé. Mais on voit clairement qu'elle en a eu jusque par-dessus la tête des socialistes, communistes, des Pierre Leroux et autres philosophes; qu'elle en est excédée et qu'elle se plonge avec délices dans la fontaine de Jouvence de l'art naïf et terre à terre [11]. Il y a entre autres, tout au commencement de la préface, une description en quelques lignes d'une journée d'automne... [12] C'est merveilleux. Cette femme a le talent de rendre les impressions les plus subtiles, les plus fugitives, d'une manière ferme, claire et compréhensible; elle sait *dessiner* jusqu'aux parfums, jusqu'aux moindres bruits... Je m'exprime mal; mais vous me comprenez. La description dont je vous parle m'a fait penser au chemin bordé de peupliers qui conduit au Jarriel [13], le long du parc; j'ai revu les feuilles dorées sur le ciel d'un bleu pâle, les fruits rouges de l'églantier dans les haies, le troupeau de moutons, le berger avec ses chiens et une foule d'autres choses... Vous souvenez-vous?

Paris a été mis en émoi pendant quelques jours par le discours fanatique et contre-révolutionnaire de M. de Montalembert [14]; la vieille pairie a applaudi avec rage aux invectives que l'orateur adressait à la Convention. Encore un symptôme — et des plus graves — de l'état des esprits. Le monde est en travail d'enfantement... Il y a beaucoup de gens intéressés à le faire avorter. Nous verrons. A propos d'enfantement: la petite chienne de Mlle Jenny est morte en couches; pauvre petite bête! elle a dû beaucoup souffrir. Ce décès a fait contremander un vendredi.

Vous avez donc de la neige et des traîneaux; nous n'avons que de la boue et de la pluie. Je vois d'ici le bon Hermann Müller-Strübing entrer chez vous, une branche de lilas à la main. Donnez donc à Mme votre mère une petite description de votre appartement; cela aidera beaucoup l'imagination de vos amis, qui, je vous le promets, prend bien souvent son vol du côté de Berlin. Eh bien! et Mme Lange, continue-t-elle à vous plaire? Donnez-nous-en des nouvelles. Et les dames Kamienski?

Je travaille beaucoup et avec assez de fruit.

J'ai déjà lu presque tout le «Gil Blas» en espagnol [15], je traduis «Manon Lescaut» [16] et je suis entré en correspondance avec un autre élève de mon maître [17], correspondance anonyme et n'ayant d'autre but que celui de nous perfectionner dans l'étude de la «magnifica lengua castellana». Mais voyez quelle chance! dans ma première lettre, je me suis un peu égayé (je ne sais plus à quel propos) sur le compte du gouvernement autrichien, et il se trouve que mon correspondant est un juif de Vienne fort patriote. Du reste, mon maître m'assure que c'est un bon garçon et qu'il ne l'a pas pris en mauvaise part. En même temps, je travaille à une comédie destinée à un acteur de Moscou [18]. Vous voyez que je ne perds pas mon temps. (*N. B.* Vous voyez aussi qui j'utilise mes marges.)

Sur ce, je vous salue tous bien amicalement; l'un de ces quatre matins, je répondrai à l'aimable lettre du Sr. don Luis.

Portez-vous bien y que Dios bendiga Vd. Auf ewig ihr alter getreuer

J. Tourguéneff.

P. S. Dites, s'il vous plaît, à Müller, que je lui demande pardon de lui avoir écrit une si petite lettre et que l'un de ces jours je vais lui en envoyer une qui sera soignée! Je pense souvent à sa bonne et franche figure, ornée d'une magnifique barbe tricolore. Et à vous, Madame, je vous écrirai bientôt une lettre espagnole. Vm. verá (à propos, *echar* s'écrit sans *h*). Leben Sie wohl. Ich küsse Ihnen die Hände. Sie sind das edelste Geschöpf auf Erden.

J. T.

86. ГЕОРГУ И ЭММЕ ГЕРВЕГ

20-е числа марта н. ст. 1848. Париж

Eben kommt jemand zu mir von der Regierung [1] und sagt mir, sie hätte die Nachricht bekommen, Berlin sei in der Gewalt des Volks [2], der König nach Spandau geflüchtet [3].— Ich kann selbst nicht heraufkommen [4]. Ich huste wie ein krankes Schaaf.

87. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17, 18, 19, 20 апреля (29, 30 апреля, 1,2 мая) 1848. Париж

Paris, samedi 29 avril 1848.

Guten Morgen und tausend Dank, beste, theuerste, geliebteste Frau!..

Après cette espèce d'«Ave»,— voyons, de quoi vous entretiendrai-je aujourd'hui? Ma dernière... ou plutôt ma première lettre a été si folle, qu'il faut que je tâche d'être excessivement raisonnable cette fois-ci — et de remplir mes 4 pages sans marges. La dernière partie de ma «proposition», comme dirait un rhétoricien, est très facile à exécuter, d'autant plus que ma lettre ne partira qu'après-demain; pour la première, ma foi — elle deviendra ce qu'elle pourra. On fera son possible.— Je vous dirai donc, Madame, que tous ces jours-ci il a fait un temps brumeux, maussade, froidiuscule, pour ne pas dire froid, pleurnicheur et maladif — very gentlemanlike, en un mot c'est-à-dire atroce. J'attendrai un soleil plus propice pour aller à Fontainebleau; jusqu'à présent nous n'avons eu qu'un genuine English sun, warranted to produce a gentle and comfortable heat. Cependant cela ne m'a pas empêché d'aller hier à l'Exposition. Savez-vous que dans toute cette grande diablesse d'Exposition il n'y a qu'une petite esquisse de Delacroix qui m'ait véritablement plu? «Un lion qui dévore une brebis dans une forêt». Le lion est fauve, hérissé, superbe; il s'est bien commodément couché, il mange avec appétit, avec sensualité, avec toute tranquillité d'esprit; et quelle vigueur dans le coloris, ce coloris sale et chaud, tacheté et lumineux à la fois, qui est particulier à Delacroix.— Il y a aussi deux autres tableaux de lui: «La Mort de Valentin» (dans «Faust») et «La Mort du Christ», deux abominables croûtes — si j'ose m'exprimer ainsi. Du reste — rien. Quelle triste exposition pour inaugurer la République [1]!

Le soir j'ai été voir les «Cinq sens», ballet. C'est inimaginablement absurde. Il y a entre autres une scène de magnétisme — (Grisi magnétise Mr Petitpa pour lui faire naître le sens du goût) — qui est quelque chose de colossal en fait de stupidité. Il y avait beaucoup de monde; on a beaucoup applaudi. Grisi a fort bien dansé en effet.— Mais c'est ennuyeux, un ballet. Des jambes, des jambes et puis des jambes... c'est monotone [2]. Avant le ballet on a donné le 2-e acte de «Lucie» [3] avec Poultier!!, Portheaut!!! et une demoi-

selle Rabi ou Riba ou Ribi ou Raba — enfin un nom parfaitement anonyme. Cette demoiselle anonyme avait une peur atroce; mais sa voix est fort mauvaise; il est vrai de dire qu'elle est laide, ce qui ne l'empêche pas d'être vieille. Je puis vous offrir un dessin ou comme le disent les ingénieurs un tracé, une «coupe parallèle» de sa voix et de sa manière d'en tirer parti.

Dimanche, 30 avril.

Bonjour, Madame.— Quand on met le matin le nez à la fenêtre... tiens c'est un vers. Eh bien puisqu'il est venu tout seul il faut lui faire la politesse de lui donner un compagnon... «Peut-être on ne voit rien — quelque chose peut-être!» C'est du Hugo tout pur [4].— Mais je voulais dire autre chose. Je voulais dire que quand (oh, la maudite plume!) on met le matin le nez à la fenêtre et qu'on respire l'air du printemps — on ne peut s'empêcher de désirer être heureux. La vie — cette petite étincelle rougeâtre dans l'Océan sombre et muet de l'Eternité!!!, ce seul moment, qui nous appartient — etc., etc., etc. ... c'est bien lieu commun — et cependant c'est vrai. (Demain je m'achèterai d'autres plumes; celles-ci sont détestables et me gâtent le plaisir que j'ai de vous écrire.) — Voyons cependant... (Ah! grâce à Dieu! en voilà une qui est passable!) — J'avais promis d'être raisonnable. Qu'ai-je fait hier, samedi? J'ai lu un livre dont j'avais souvent parlé avec beaucoup d'éloges sans le connaître: je le confesse — «Les Provinciales» de Pascal, c'est admirable de tous points. Bon sens, éloquence, verve comique — tout y est. Et cependant c'est l'ouvrage d'un esclave — d'un esclave du catholicisme. «Les Chérubins, ces glorieux composés de tête et de plume», «les illustres faces volantes», qui sont «toujours rouges et brûlantes» du jésuite Le Moine m'ont fait rire aux éclats [5]. Puis je suis allé voir l'exposition des figures représentant la République — ou plutôt de 700 esquisses représentant cette figure — et je suis revenu indigné comme tout le monde. C'est une abomination inimaginable! — Quel concours!! Où es-tu jury [6]? Puis j'ai passé ma soirée chez un Mr Toutchkoff [7] dont je vous ai déjà parlé.— Nous y avons *mené* une conversation plus ou moins intéressante, mais fort pénible. Connaissez vous de ces maisons, où il est impossible de causer à esprit *couché*, où la conversation devient une série de problèmes, qu'on résout à la sueur de son intellect, où le maître de la maison ne se doute pas que souvent la plus délicate des

attentions est de ne pas faire attention à son[a] convive, où il y a de la glu à chaque parole? — Quel supplice! C'est un relais de poste qu'une pareille conversation et c'est vous qui faites le cheval. Puis en me couchant, j'ai lu le «Voyage autour de ma chambre» du comte de Maistre, autre chose que je ne connaissais pas. Mais ce voyage m'a fort peu plu; c'est une imitation de Sterne — faite par un homme de beaucoup d'esprit — et j'ai remarqué qu'en fait d'imitations, les plus spirituelles sont précisément les plus détestables — quand elles se prennent au sérieux.— Un sot copie servilement; un homme d'esprit sans talent imite prétentieusement et avec effort — avec le pire de tous les efforts — avec celui de vouloir être original. Une pensée captive qui se débat — triste spectacle! Les imitateurs de Sterne me sont surtout en horreur — des égoïstes remplis de sensibilité, qui se mijotent, se lèchent et se plaisent tout en se donnant des airs de simplicité et de bonhomie.— (Töpffer est un peu dans ce genre)[8].

L'expédition de mon ami Herwegh a fait un fiasco complet; on a fait un massacre atroce de ces pauvres diables d'ouvriers allemands; le chef en second, Bornstedt a été tué; pour Herwegh, on le dit de retour à Strasbourg avec sa femme. S'il vient ici, je lui conseillerai de relire «Le Roi Lear», surtout la scène entre le roi, Edgar et le fou dans la forêt.— Pauvre diable! Il aurait dû ne pas commencer l'affaire ou se faire tuer comme l'autre[9].

Le dernier bulletin de Mme Sand a fait sourire tout Paris; elle y cite Jean-Paul Richter et fait parler le Ministre de l'Intérieur de calomnies, de fruits mûrs, de vers rongeurs et d'œufs de mouche déposés dans les fruits.— Que diable va-t-elle faire dans cette galère[10]? — Mais je ne vais pas vous parler politique.

Votre mari revient-il à Paris? — M. Bastide se trouve sur la liste des élus[11].

Mme Sitchès m'a donné de vos nouvelles.— J'espère, Madame, que vous aurez la bonté de m'écrire bientôt... Tausend, tausend Danke für... Sie wissen wofür, Sie beste, theuerste Frau... Wie glücklich hat es mich gemacht! — A demain.

Lundi, 1-er mai. 11 h. du soir.

J'ai profité du beau temps qu'il a fait aujourd'hui pour aller à Ville d'Avray — petit village au-delà de Saint-

---

[a] *Далее зачеркнуто:* visiteur

Cloud. Je crois que j'y louerai une chambre.— J'ai passé plus de quatre heures dans les bois — triste, ému, attentif — absorbant et absorbé. L'impression que la nature fait sur l'homme seul est étrange... il y a dans cette impression un fonds d'amertume *fraîche* comme dans toutes les odeurs des champs — un peu de mélancolie *sereine* comme dans les chants des oiseaux. Vous comprenez ce que je veux dire — vous me comprenez bien mieux que je ne me comprends moi-même. Je ne puis voir sans émotion une branche couverte de feuilles jeunes et verdoyantes se dessiner nettement sur le ciel bleu — pourquoi? — Oui, pourquoi? Est-ce à raison du contraste entre ce petit brin vivant, qui flotte au gré du moindre souffle, que je puis briser, qui doit mourir — mais qu'une sève généreuse anime et colore — et cette immensité éternelle et vide, ce ciel qui n'est bleu et rayonnant que grâce à la terre? (Car hors de notre atmosphère il y fait un froid de 70 degrés et fort peu *clair*. La lumière se centuple au contact de la terre.) — Ah, je ne puis pas souffrir le ciel — mais la vie, la réalité, ses caprices, ses hasards, ses habitudes, sa beauté fugitive, j'adore tout cela. Je suis attaché à la glèbe, moi.— Je préférerais contempler les mouvements précipités de la patte luisante et humide d'un canard, qui se gratte le derrière de la tête au bord d'une mare — ou les gouttes d'eau longues et étincelantes tombant lentement du museau d'une vache immobile qui vient de boire dans un étang, où elle est entrée jusqu'aux genoux — à tout ce que les chérubins, «ces illustres faces volantes» peuvent apercevoir dans les cieux...

Mardi, 2 mai, 9½ h. du matin.

Je me trouvais hier soir dans une disposition d'esprit philosophico-panthéistique... Voyons autre chose — aujourd'hui.— Je veux parler de vous, ce qui prouve... que j'ai bien plus d'esprit aujourd'hui. Vous débutez dans «Les Huguenots»; c'est très bien; mais il ne faut pas qu'on ne vous fasse faire que des rôles dramatiques [12]. Si vous chantiez «La Somnambule»... c'est le meilleur rôle de Mlle Lind; elle y débute, eh bien après? Je crois pouvoir répondre d'un grand succès. Vous irez l'entendre après-demain; vous m'écrirez, n'est-ce pas, l'impression qu'elle vous aura faite? Dans tous les cas — ne vous laissez pas enfermer dans la spécialité des rôles dramatiques.— Les journaux disent, que c'est le 6, samedi, que vous débutez. Est-ce vrai? — Il y aura quelqu'un ce soir là à Paris, qui sera... je ne vous dis pas in-

quiet — mais enfin... Il ne sera pas dans son assiette ordinaire, je vous en réponds. Quelle drôle d'expression — être dans son assiette — comme un mets [13]. Et qui nous mange? Les Dieux? Et si l'on dit de quelqu'un qu'il est inquiet, qu'il n'est pas dans son assiette ordinaire — cette inquiétude provient peut-être de la possibilité d'être mangé par un autre Dieu que le sien? — Je dis des bêtises.— Les hommes nous broutent, les dieux nous mangent!!

J'ai été — avant-hier soir — voir Frédérick Lemaître dans «Robert Macaire». La pièce est mal faite et ignoble; mais Frédérick est l'acteur le plus puissant que je connaisse. Il en est effrayant. Robert Macaire — c'est encore un Prométhée — mais le plus monstrueux de tous. Quelle insolence, quelle audace effrontée, quel aplomb cynique, quel défi à tout et quel mépris de tout [14]! Le public est parfait de tenue: calme, froid et digne. Ma parole d'honneur — le dernier gamin jouit du talent de Frédérick en artiste — et trouve le rôle dégoûtant. Mais aussi quelle vérité accablante, quelle verve! Je me tais, car je sais que vous n'aimez pas Frédérick.— Mais—voyez-vous — le sens moral et le sens du beau sont deux bosses, qui n'ont rien à faire l'une avec l'autre... Heureux qui les possède toutes deux [15]!

Il fait un temps magnifique aujourd'hui. Je vais sortir dans une heure, pour ne rentrer que fort tard dans la journée. Il faut que je me trouve une petite chambre hors Paris. Ce qui m'a empêché de me décider pour Ville d'Avray c'est qu'il faut traverser la Seine (pour y aller) sur un pont de bateaux et à pied — les mariniers ayant profité de la Révolution de février pour détruire le pont du chemin de fer.— Et cela prend beaucoup de temps.

Je tâcherai de me faufiler dans les tribunes de l'Assemblée nationale le jour de l'ouverture [16]. Si je réussis, je vous promets la description la plus fidèle. De votre côté, Madame, quand vous serez bien casée, vous nous décrirez votre maison et votre salon.— Faites cela s'il vous plaît, пожалуйста.

Nun aber geben Sie mir Ihre lieben und theuren Hände, damit Ich die recht lange drücken und küssen kann.— Die rechte Hand besonders — Sie schreiben ja mit der rechten Hand? Was man nur lieber denken, sagen und fühlen kann, denke, sage und fühle ich jetzt.— Nicht wahr — davon sind Sie überzeugt? Leben Sie recht wohl, bestes, geliebtestes Wesen.— Et maintenant, Madame, permettez-moi de vous serrer la main. Mille amitiés à Mme Garcia, votre mari, Mlle

Antonia et Louise. Je salue Mlle Mina.— Noch einmal, leben Sie recht, recht wohl und bleiben Sie gewogen Ihrem alten, unwandelbar treuen und ergebenen Freund.

J. T.......

88. ПОЛИНЕ ВИАРДО

Около (после)] 3 (15) мая 1848. Париж

Relation exacte de ce que j'ai vu dans la journée de lundi 15 mai [*1848*] [1].

Je sortis de chez moi à midi.— La physionomie des boulevards ne présentait rien d'extraordinaire; cependant, sur la place de la Madeleine se trouvaient déjà 2 à 3 cents ouvriers avec des bannières. La chaleur était étouffante. On parlait avec animation dans les groupes. Bientôt, je vis un vieillard d'une soixantaine d'années grimper sur une chaise, dans l'angle gauche de la place, et prononcer un discours en faveur de la Pologne. Je m'approchai; ce qu'il disait était fort violent et fort plat; cependant, on l'applaudit beaucoup. J'entendis dire près de moi que c'était l'abbé Chatel. Quelques instants plus tard, je vis arriver de la place de la Concorde le général Courtais, monté sur son cheval blanc (à la La Fayette [2]); il s'avança dans la direction des boulevards en saluant la foule et se prit tout à coup à parler avec véhémence et force gestes; je ne pus entendre ce qu'il dit. Il retourna ensuite par où il était venu. Bientôt parut la procession; elle marchait sur seize hommes de front, drapeaux en tête; une trentaine d'officiers de la garde nationale de tous grades escortaient la pétition: un homme à longue barbe (que je sus plus tard être Huber) s'avançait en cabriolet. Je vis la procession se dérouler lentement devant moi (je m'étais placé sur les marches de la Madeleine) et se diriger vers l'Assemblée nationale... Je ne cessai de la suivre du regard. La tête de la colonne s'arrêta un instant devant le pont de la Concorde, puis arriva jusqu'à la grille. De temps à autre, un grand cri s'élevait: «Vive la Pologne!» cri bien plus lugubre à entendre que celui de: «Vive la République!» l'*o* remplaçant l'*i* [3]. Bientôt on put voir des gens en blouse monter précipitamment les marches du palais de l'Assemblée; on dit autour de moi que c'étaient les délégués qu'on faisait introduire. Cependant, je me rappelai que, peu de jours auparavant, l'Assembée avait décrété ne pas recevoir *les pétitionnaires à la barre*, comme le faisait

la Convention; et quoique parfaitement édifié sur la faiblesse et l'irrésolution de nos nouveaux législateurs, je trouvai cela un peu extraordinaire. Je descendis de mon perchoir et marchai le long de la procession, qui s'était arrêtée jusqu'à la grille de la Chambre. Toute la place de la Concorde était encombrée de monde. J'entendais dire autour de moi que l'Assemblée recevait dans ce moment les délégués, et que toute la procession allait défiler devant elle. Sur les marches du péristyle se tenait une centaine de gardes mobiles [4], *sans baïonnettes* au bout des fusils. Écrasé par la chaleur, j'entrai un moment aux Champs-Élysées; puis je revins à la maison, avec l'intention de prendre Herwegh. Ne l'ayant pas trouvé, je retournai sur la place de la Concorde; il pouvait être trois heures. Il y avait toujours un monde fou sur la place; mais la procession avait disparu; on en voyait seulement la queue et les dernières bannières de l'autre côté du pont. J'avais à peine dépassé l'obélisque que je vis venir en courant un homme sans chapeau, en habit noir, l'angoisse sur la figure, qui criait aux personnes qu'il rencontrait: «Mes amis, mes amis, l'Assemblée est envahie, venez à notre secours; je suis un représentant du peuple!» Je m'avançais aussi vite que je pus jusqu'au pont, que je trouvai barré par un détachement de gardes mobiles. Une confusion incroyable se répandit tout à coup dans la foule. Beaucoup s'en allaient; les uns affirmaient que l'Assemblée était dissoute, d'autres le niaient; enfin, un brouhaha inimaginable. Et cependant les dehors de l'Assemblée ne présentaient rien d'extraordinaire; les *gardes* la *gardaient*, comme si rien ne s'était passé. Un instant, nous entendîmes battre le rappel, puis tout se tut. (Nous sûmes plus tard que c'était le président lui-même qui avait ordonné de cesser de battre le rappel, par prudence, ou par lâcheté.) Deux grandes heures se passèrent ainsi! Personne ne savait rien de positif, mais l'insurrection paraissait avoir réussi.

Je parvins à faire une trouée dans la haie des gardes du pont et je me plaçai sur le parapet. Je vis une masse de monde, mais sans bannières, courir le long du quai, de l'autre côté de la Seine... «Ils vont à l'Hôtel de Ville! s'écria quelqu'un près de moi; c'est encore comme au 24 février». Je redescendis avec l'intention d'aller à l'Hôtel de Ville... Mais dans ce moment nous entendîmes tout à coup un roulement prolongé de tambour, et un bataillon de la garde mobile apparut du côté de la Madeleine et vint fondre au pas de charge sur nous. Mais comme, à l'exception d'une

poignée d'hommes dont l'un était armé d'un pistolet, personne ne leur fit résistance, ils s'arrêtèrent devant le pont, après avoir conduit les émeutiers au poste. Cependant, même alors, rien ne paraissait décidé; je dirai plus: la contenance de ces gardes mobiles était passablement indécise. Pendant une heure au moins avant leur arrivée et un quart d'heure après, tout le monde croyait au triomphe de l'insurrection; on n'entendait que les mots: «C'est fini!» prononcés d'une façon joyeuse ou triste, suivant la façon de penser de ceux qui les prononçaient. Le commandant du bataillon, homme d'une figure éminemment française, joviale et résolue, fit à ses soldats un petit descours terminé par ces mots: «Les Français seront toujours Français. Vive la République!» Cela ne le compromettait pas. J'ai oublié de vous dire que, pendant ces deux heures d'angoisse et d'attente dont je vous ai parlé, nous avions vu une légion de gardes nationaux s'enfoncer lentement dans l'avenue des Champs-Élysées et traverser la Seine sur le pont qui se trouve vis-à-vis des Invalides. Ce fut cette légion qui prit les émeutiers par derrière et les délogea de l'Assemblée. Cependant le bataillon de gardes mobiles, venu de la Madeleine, avait été reçu par les bourgeois avec des transports de joie... Les cris de: «Vive l'Assemblée nationale!» recommencèrent avec une nouvelle force. Tout à coup, le bruit se répandit que les représentants étaient rentrés dans la salle. Ce fut comme un changement à vue. Le rappel éclata de toutes parts; les gardes mobiles (mobiles en effet!) mirent leurs bonnets sur les pointes de leurs baïonnettes (ce qui, par parenthèse, produit un effet prodigieux) et crièrent: «Vive l'Assemblée nationale!» Un lieutenant-colonel de la garde nationale accourut haletant, rassembla une centaine de personnes autour de lui et nous raconta ce qui s'était passé: «L'Assemblée est plus forte que jamais! s'écria-t-il. Nous avons écrasé les misérables... Oh! messieurs, j'ai vu des horreurs... des députés insultés, battus!..» Dix minutes plus tard, tous les abords de l'Assemblée furent encombrés de troupes; des canons arrivaient lourdement au grand trot des chevaux; des troupes de ligne, des lanciers... L'ordre, le bourgeois, avait triomphé, avec raison, cette fois. Je restai encore sur la place jusqu'à six heures... Je venais d'apprendre qu'à l'Hôtel de Ville aussi le gouvernement avait remporté la victoire... Je ne dînai ce jour-là qu'à sept heures. De toute la foule de choses qui me frappèrent, je n'en citerai que trois: ce fut en premier lieu *l'ordre extérieur* qui ne cessa de

régner autour de la Chambre; ces joujoux de carton, appelés soldats, gardèrent l'insurrection aussi scrupuleusement que possible; après l'avoir laissé passer, ils se refermèrent sur elle. Il est vrai de dire que l'Assemblée, de son côté, se montra au-dessous de tout ce qu'on pouvait en attendre; elle écouta Blanqui pérorer pendant une demi-heure sans protester! Le président ne se couvrit pas [5]! Pendant deux heures, les représentants ne quittèrent pas leurs sièges, et ce ne fut que quand on les en chassa qu'ils partirent. Si cette immobilité avait été celle des sénateurs romains devant les Gaulois, ça aurait été superbe [6]; mais non, leur silence était le silence de la peur; ils siégeaient, le président présidait... Personne, un M. d'Adelsward excepté, ne protestait... et Clément Thomas lui-même n'interrompit Blanqui que pour demander gravement la parole! Ce qui me frappa aussi, ce fut de voir la manière dont les marchands de coco et de cigares circulaient dans les rangs de la foule; avides, contents et indifférents, ils avaient l'air de pêcheurs amenant un filet bien chargé. Troisièmement, ce qui m'étonna beaucoup moi-même, ce fut l'impossibilité dans laquelle je me trouvai de me rendre compte des sentiments du peuple dans un pareil moment; ma parole d'honneur, je ne pouvais deviner ce qu'ils désiraient, ce qu'ils redoutaient, s'ils étaient révolutionnaires ou réactionnaires, ou simplement amis de l'ordre. Ils avaient l'air d'attendre la fin de l'orage.— Et cependant je m'adressai souvent à des ouvriers en blouse... Ils attendaient... ils attendaient!.. Qu'est-ce que c'est donc que l'histoire?.. Providence, hasard, ironie ou fatalité?..

89. ЛУИ ВИАРДО

12 (24) мая 1848. Париж

Paris,
ce 24 mai 48.

Il y a longtemps que j'aurais dû vous écrire, mon cher Viardot, et je vous demande pardon de ne l'avoir pas fait. [1] Mais dans les premiers temps on espérait toujours vous revoir ici, et puis plus tard tous ces événements [2] qui survenaient coup sur coup... enfin je vous en fais mon mea culpa — et voilà.

La fête du 21 mai a été, malgré ce qu'en ont dit les journaux et les proclamations, horriblement froide. Peu d'ouvriers, beaucoup de provinciaux, de curieux, peu ou point

d'enthousiasme, encore moins de gaîté; quelle fête de la *Fraternité*, de la *Concorde* [3]! Au moment où grondait le canon des Invalides en réponse à celui du Champ de Mars, on se battait à Lyon, à Lille [4]... et si l'on ne se battait pas ailleurs, ce n'était certes pas par manque de bonne volonté. L'illumination du soir a été magnifique: les Champs-Elysées surtout étaient resplendissants. Mais des lampions ne sont pas toujours des signes de réjouissance réelle... témoins ceux que vous avez pu voir dans un certain pays assez éloigné d'ici [5]. Ah! mon ami, que les grandes choses se rapetissent facilement et vite! Qui l'aurait dit il y a trois mois? Mrs O. Barrot et Dufaure constituant la République en France, qui l'aurait cru?

La statue de la liberté de Clésinger [6], placée au beau milieu du Champ de Mars, est quelque chose de monstrueux... Si c'est d'après le fruit qu'on doit juger de l'arbre, que faut-il donc penser de cette Révolution, qui n'a pas su produire jusqu'à présent ni une œuvre d'art, ni un talent, ni même un seul vers inspiré. Mais, grâce à Dieu, nous ne sommes qu'au seuil; puisqu'on a tant parlé des hommes de la veille, il faut les voir à l'œuvre, il faut les laisser agir; et quand ils seront usés (ce qui ne peut pas tarder à venir) il faut espérer que nous verrons enfin se lever la génération d'*aujourd'hui*)

Jeudi, 25.

Je ne sais si c'est à la fête de la Concorde ou bien autre part que j'ai attrapé un assez gros rhume, mais le fait est que j'en possède un pour le moment, qui m'alourdit horriblement. J'avais eu l'intention de me faufiler à la séance du mardi pour entendre parler M. de Lamartine, mais j'ai eu beau arriver le premier à 5 h. du matin, on a fini par nous déclarer que toutes les places étaient réservées aux délégués des départements. Eh bien! vous l'avez lu, ce beau discours, qu'en dites-vous? Pour moi, j'en ai été fort peu édifié. Tout ce qu'il dit à propos de la Pologne est misérable. On parle de la reconstitution de la Pologne — l'Assemblée l'a votée — et personne ne souffle mot de la Russie, M. Lamartine tout le premier. Cette puissance y est cependant diablement intéressée [7]. J'avais cru que sous la République on ne ferait plus de ces mensonges-là. Et puis, comment oser parler de l'intention de la Prusse de reconstituer la nationalité polonaise, au moment même où, après avoir profité de l'état agité de toute l'Europe pour en arracher

le dernier lambeau, S⟨a⟩ M⟨ajesté⟩ Fredericus IV vient d'allumer une guerre civile *factice* pour se justifier[8]? Je ne prétends pas, Dieu merci, m'ériger en champion de la cause polonaise... mais faire de la diplomatie encore maintenant! finir par un éloge pompeux de la paix à tout prix... C'est triste, c'est bien triste.

Hier, un cocher de fiacre me disait en riant que la République était grosse d'un petit roi, et, ajouta-t-il, il faut espérer qu'elle accouchera avant terme et qu'il ne s'en portera pas plus mal pour cela.

Et personne, personne dans la nouvelle assemblée! Un vide, un désert complet! Pas un homme remarquable, mais *pas un*! S'ils savaient agir au moins. Mais ni agir, ni parler!

Ma foi, en voilà assez comme cela. Parlons d'autre chose. Que faites-vous de bon dans votre solitude de Maida-Vale? Ce n'est pas le temps des chasses, maintenant. Avez-vous quelque ouvrage sur le chantier? Il paraît que les affaires de votre théâtre ne vont pas aussi bien qu'on aurait dû l'espérer. «Les Huguenots» ne sont pas même annoncés jusqu'à présent[9]. Ne viendrez-vous pas à Paris pour une couple de jours?

N'oubliez pas de ramener de Londres un bon chien anglais, car malgré tout le respect que j'ai pour les mérites de Sultan, je crois cependant qu'un bon English pointer lui damerait furieusement le pion.

Il y a bien longtemps que je n'ai reçu de nouvelles de Russie. On nous oublie ici, tant mieux. Mais il paraît qu'on recommence à donner des passeports pour l'étranger. Le choléra a reparu. Il n'avait fait le mort que pour donner le temps à la Révolution de février de faire du bruit.

Sur ce, je vous serre cordialement la main et vous souhaite santé, prospérité, etc. Mille amitiés à Mme V⟨iardot⟩, Mlle Berthe, Mme Garcia et toute la famille. J'espère que vous vous portez tous à merveille.

Votre dévoué
J. Tourguéneff.

90. ПОЛИНЕ ВИАРДО

1, 2 (13, 14) октября 1848. Лион

Lyon, le 13 octobre 48.

Guten Tag, liebste, beste, theuerste Frau, guten Tag — einziges Wesen! Me voilà à Lyon, après 36 heures de banquette[1].— C'est fort vilain la banquette, surtout la nuit,

et surtout le n°3 de la banquette, n° complètement dépourvu de dossier, avec un malheureux chien de chasse grelottant derrière vous sous la bâche! Enfin — le tour est fait — et demain je repars pour Avignon (à $8^1/_2$ h. du matin.).— La route n'a pas offert un grand intérêt, décidément la France n'est pas belle. Passe encore le Bourbonnais avec ses montagnes et ses ravins, qui singent un peu les Alpes — mais la plate et sèche Beauce, la triste Sologne, le mélancolique Berri — on n'a pas grand plaisir à voir ces pays-là. Je voyageais en compagnie d'un épicier de Paris, vrai bourgeois de la vieille roche, habitué de l'Opéra-Comique, gras, important, sensuel et conservateur — et d'un capitaine baleinier, original assez drôle, avec beaucoup de ce que les Allemands nomment trockener Humor.— Il finit cependant par me causer du dégoût, en me racontant comme quoi dans la rue Culture S-te Catherine, il vit fusiller 17 insurgés de sang-froid après la bataille [2]... «Ah, voyez-vous, disait-il — ce n'était pas long — on leur criait: „A genoux, gredins!", ils se débattaient — mais plaouf! un coup de crosse dans la nuque, paouf! une balle à bout portant entre les deux sourcils — et drig, drig, drig — les voilà qui gigotaient sur le pavé». Du reste, mon voyage n'a pas présenté d'autres incidents dignes de remarque, si ce n'est un beau garçon de 20 ans, étendu dans une charrette, que nous dépassâmes lentement sur une montagne et qui m'étonna par des modulations si énergiques et si gracieuses, qu'elles auraient fait honneur à Vivier.— Sa voix aussi n'était pas mauvaise — un peu dure et enrouée — mais d'un accent pénétrant et naïf. J'ai essayé aussi de composer des vers pour vous — mais tout s'en allait par bribes. Je ne pouvais que regarder, rêver, me souvenir.— Voilà.— Je suis achevé de fatigue, je vais me coucher, je finirai ma lettre demain. Bonsoir... Que Dieu vous bénisse! Liebster Engel!

Attendez — je crois que je puis encore ajouter deux mots. Si on allait me réveiller trop tard demain! — Ce papier est vraiment trop grand pour ma fatigue. Figurez-vous que je n'ai pas fermé l'œil depuis Paris et qu'il est minuit.— Décidément — bonsoir — à demain. Que Dieu et tous ses anges veillent sur vous!

14 octobre, samedi, 7 h.

Rebonjour, Liebste, Teuerste, Einzige! Je viens de passer une très bonne nuit et me sens tout réconforté.— Vous rirez ou vous ne me croirez pas, si je vous disais qu'il ne me reste presque plus de traces de la maladie que m'a tant tour-

menté; eh bien! c'est cependant vrai — et votre prédiction s'est accomplie. Je vous donne ma parole d'honneur que je ne dis que la stricte vérité (quelle horrible plume!). Vous allez voir que je reviendrai fort et bien portant comme un bœuf.— Dans une heure je pars d'ici (en descendant le Rhône) jusqu'à Valence; de Valence je vais par terre à Avignon, où j'arriverai demain à 4 h. du matin; je me reposerai, j'irai voir le palais des papes — puis, j'irai par chemin de fer à Nîmes; de là (après-demain) à Arles et à Marseille, d'où je repartirai mardi pour Hyères. Voici mon plan de voyage. Si vous avez une carte de France, jetez-y les yeux. Le bateau à vapeur ne partant qu'à 10 h⟨eures⟩, j'aurai le temps de jeter un coup d'œil sur Lyon, qui, hier soir, grâce à la nuit, m'a paru fort imposant. La double ligne courbe que décrivent les lumières d'un pont — se réfléchissant dans l'eau — me fait toujours une impression étrange — surtout quand la rivière est large — et que le ciel est pur. (Je pense à votre «Entre le ciel et l'eau» [3].) Et vous, que faites-vous de bon? Composez-vous? Lisez-vous? Quand quitterez-vous Courtavenel? Écrivez-moi poste restante à Marseille; je n'en quitterai jamais les environs et au besoin le bureau de poste saura où m'expédier les lettres qui me viendraient — et il m'en viendra, n'est-ce pas?

Le garçon vient d'entrer pour me dire que le bateau ne part qu'à 10 h⟨euers⟩ il est vrai, mais que comme j'ai payé ma place au bureau des diligences — il faut que je me rende sur-le-champ avec elle (la diligence) sur le quai.— Ne considérez donc cette lettre que comme un petit billet, écrit à la hâte — et gardez-vous de juger d'après elle des autres!— Adieu donc, portez-vous bien, soyez heureuse et gaie; je vous serre les mains bien fort, bien fort. Mille amitiés à tout le monde. Ma véritable correspondance commencera demain à *Nîmes*. Demain je vous écrirai à Paris, rue de Douai. Aujourd'hui j'écris encore à Courtavenel. Cher Courtavenel! — Au revoir, die einzige, Liebste! — Gott segne Sie tausend Mal! Die heiszesten Grüsse Ihrem Ganzen Lieben Wesen. Auf Wiedersehen.—Morgen erst einen wahren Brief...

Ihr alter liebend treuer Freund

I. T.

На обороте:

Madame Pauline Viardot-Garcia
au château de Courtavenel, près Rozoy-en-Brie
(Seine-et-Marne)
(par Paris).

91. ПОЛИНЕ ВИАРДО

8 (20) октября 1848. Иер

Hyères.
Vendredi 20 octobre 48.

Guten Morgen, Liebste, Theuerste, Einzige! Bonjour, Madame. Me voilà enfin parvenu au but de mes pérégrinations! Je suis arrivé ici hier après un séjour de deux jours à Toulon, où j'avais été retenu par une légère indisposition, parfaitement dissipée maintenant, et qui, du reste, n'avait absolument rien de commun avec feue ma névralgie — car j'ai lieu l'espérer qu'elle est bien morte cette fois.— J'occupe une jolie petite chambre à l'Hôtel d'Europe, donnant sur une terrasse d'où j'ai une vue magnifique: une large plaine toute verdoyante, toute couverte d'orangers, d'oliviers, de figuiers et de mûriers (je suis vraiment bien fâché de toutes ces terminaisons en *iers*), parmi lesquels s'élèvent de temps en temps les éventails, ou plutôt les plumeaux étranges des palmiers. Cette plaine, que bordent à droite et à gauche d'assez hautes collines, se termine par un bras de mer au delà duquel s'étendent et bleuissent à la façon de Capri les îles d'Hyères. Une rangée de pins à parasol court le long du rivage. Tout cela serait charmant, n'était la pluie qui ne cesse de tomber depuis quatre jours, et qui dans ce moment même enveloppe toute cette belle plaine d'un brouillard uniforme, terne et gris. Je compte rester ici une dizaine de jours. J'espère que cette pluie ne durera pas éternellement — ou si elle dure, ma foi, je travaillerai à faire trembler. Je vous ai envoyé ma dernière lettre de Marseille [1], le jour de mon départ pour Toulon — il faut que je vous raconte ce que j'ai fait depuis. Pas grand'chose... Voyons, cependant. Je suis arrivé à Toulon de grand matin, après un voyage de nuits assez désagréable, par de mauvais chemins.— Toulon est une assez jolie ville, pas trop sale, ce qui veut beaucoup dire en France.— Il faisait un temps assez extravagant, de grosses nuées chargées de pluie passaient lourdement sur la ville, en laissant échapper de véritables torrents d'eau, qui, vu l'absence de vent, tombait presque perpendiculairement; puis une fois la bourrasque passée, un vigoureux soleil, radieux et gai, venait frapper les maisons et les rues ruisselantes. Toulon est entouré de hautes montagnes d'un gris jaunâtre; rien n'était charmant comme de les voir sortir peu à peu à la lumière, à travers les derniers brouillards de l'ondée

qui s'en allait. Je m'embarquai dans un petit bateau à voile et je fis une tournée dans la rade qui est fort belle et spacieuse. Nous passâmes devant la frégate «Le Muiron», qui ramena Napoléon d'Egypte et qu'on garde soigneusement dans le port [2]; il y avait une vingtaine de vaisseaux de guerre dans la rade.— Pendant les cinq quarts d'heure que dura mon excursion, il survint deux ou trois ondées, toujours sans vent; le jeu de couleurs qui se faisait avant, pendant et après, sur la mer, était quelque chose de magique. Elle prenait tantôt une teinte d'encre de Chine nacrée avec des reflets bleuâtres, puis elle devenait d'un beau vert sombre ou bleu clair avec de petites paillettes d'or; à droite, elle était d'un blanc laiteux; à gauche, près des rochers, d'un gris noir, avec des franges d'écume... et tout cela changeait, se déplaçait à chaque instant, selon qu'on tournait la tête ou que les nuages passaient. Je rentrai enfin et je m'acheminai vers l'Arsenal, avec l'intention de voir les forçats [3]; mais aussitôt que je déclinai ma qualité d'étranger, et surtout de Russe, on me refusa rigoureusement l'entrée.— Il était venu, à ce qu'il paraît de nouveaux ordres, très sévères là-dessus. Je m'en fus à mon hôtel et m'apprêtai déjà à partir pour Hyères, quand je fus pris d'une espèce d'attaque nerveuse à l'estomac, qui me força de rester.— J'envoyai chercher un médecin qui m'administra des calmants, m'ordonna le repos, et, vingt-quatre heures plus tard, c'est-à-dire hier à quatre heures, je partais, parfaitement rétabli, frais et dispos, pour Hyères, ou j'arrivai juste à temps pour me mettre à table avec un Anglais roux, horriblement gêné dans ses mouvements par une cravate en crinoline de deux pieds de hauteur, un vieux monsieur phtisique à la figure repoussante — un bouc avec des yeux de perroquet — et un vieux capitaine de chasseurs d'Afrique, un bon diable, que ne demanderait cependant pas mieux que de manger les socialistes tout crus, vu la grande habitude qu'il en a contractée avec les Bédouins.

Quelle dégoûtante et ignoble institution que l'armée — *das stehende Heer*, comme disent les Allemands. Ces chasseurs d'Afrique p. e., d'après les paroles de leur propre capitaine, ne donnent jamais de quartier, tuent les gens désarmés, violent et pillent, et cependant ce sont d'excellents soldats, bien obéissants, aimant par-dessus tout l'*Ordre*, bons et joyeux garçons. Que la foudre les écrase tous! Ce vieux capitaine avec sa figure bonasse et son sourire jovial me faisait l'effet d'un ogre. Comme il regrettait qu'on n'avait

pas fusillé *tous* les émeutiers de Paris! Comme il était bête, comme il n'avait plus la moindre idée humaine dans sa stupide cervelle de soldat! Et la plus grande partie de l'armée est ainsi. Et pendant des siècles encore on ne pourra pas s'en passer. Fi! fi!

Je vous avouerai que la première chose que j'ai faite aujourd'hui en me levant a été d'aller à la poste. Je n'avais que fort peu d'espoir d'y trouver une lettre... et en effet il n'y en avait pas, hélas! Mais je compte être plus heureux demain ou après-demain. C'est que Hyères est un peu au bout du monde; il paraît que les lettres de Marseille n'y parviennent qu'en 24 heures. Je suis sûr qu'à l'heure qu'il est vous n'êtes plus à Courtavenel; mes deux dernières lettres ont été adressées rue de Douai; les avez-vous reçues?

Comment allez-vous? Que faites-vous? Comment vous portez-vous? Bien, n'est-ce pas? Vous occupez-vous de l'arrangement de votre maison? Je dîne chez vous dimanche, le 5; voulez-vous *accepter cette invitation*? — C'est convenu, le 5, dans votre petit salon chinois, vous aurez un convive de plus à table. Je demande pour ce jour-là une charlotte russe.

La pluie semble vouloir cesser; mais le ciel est encore tout gris d'un bout à l'autre, sans la moindre petite échappée de lumière. Aujourd'hui, après mon excursion à la poste, je suis entré à l'église, qui est très ancienne et très bien conservée. L'intérieur en est triste et sombre; la lumière y pénètre à peine à travers les vitraux coloriés — il n'y en a pas un qui soit blanc. Au moment ou j'entrais, tous les prêtres (il y en avait plusieurs) en grand costume de deuil s'apprêtaient à chanter le «Requiem» devant un cercueil recouvert d'un drap noir et entouré de cierges jaunes; une centaine de personnes se tenaient immobiles sur les chaises. Les prêtres et les enfants de chœur se mirent à psalmodier d'une voix criarde et fausse... Décidément, je préfère le grand air, le bûcher et les jeux des anciens. A propos d'anciens, je me propose d'aller l'un de ces jours sur une des îles avec l'«Odyssée» et y rester là un temps indéfini...

Voyons — que vous dirai-je encore? Car il ne faut pas que je vous envoye de papier blanc — il ne le faut pas et je ne le veux pas. Как Ваше здоровье? Вы не забыли меня? Voyons, devinez que cela veut dire. Cela n'est pas déjà si difficile. Ah! bravo! voici le soleil qui vient percer les nuages de son regard... comment? de feu ou de flammes? Bon — le voilà parti.

J'ai encore une comédie sur le tapis [4], que je veux finir avant de quitter Hyères. Il faut cependant que je vous en traduise une dans le courant de l'hiver.— C'est que j'ai un peu peur de vous, savez-vous? N'importe, il le faudra.

Eh bien? et «Jeanne la Folle» [5], la donne-t-on enfin? Je ne vois pas la moindre petite annonce dans les journaux. Aurez-vous déjà eu quelques «glimpses» de la musique du «Prophète» [6] à l'époque de mon retour? C'est ce que nous verrons. Et maintenant donnez-moi votre main, que je la serre bien fort, bien fort; que Dieu vous bénisse un million de fois. Mille amitiés à tous les vôtres. Que fait Viardot? Se porte-t-il bien? A revoir donc — à table — le 5. Gott segne Sie. Ihr treue Freund J. T.

Je vous écrirai après-demain — et ainsi de deux jours l'autre, jusqu'à mon départ d'Hyères.

92. ЭММЕ ГЕРВЕГ

25 октября (6 ноября) 1848. Париж

Guten Morgen, beste Frau Herwegh!

Ich bin heute früh angekommen — und seit heute früh sitz' ich schon wieder, nach meiner löblichen Gewohnheit, sehr unwohl auf meinem Zimmer. Wie geht es Ihnen? Wohl, hoff' ich. Es würde mich freuen, Ihren Mann zu sehen, wenn er sonst nichts zu thun hat. Ich bitte, geben Sie dem porteur die neue Adresse Herzen's [1] — Grüssen Sie den kriegerischen Horaz [2]. Auf Wiedersehen — ich hoffe — bald.

Ergebenst Ihr
Turgeneff.

Boulevard des Capucines, 13.
Montag.

На обороте:

Madame
Madame Herwegh.
Rue neuve S-t Augustin. Hôtel d'Orient.

93. М. С. ЩЕПКИНУ

27 октября (8 ноября) 1848. Париж

Париж, 27-го октября с. с. 48.
8-го ноября н.с.

Завтра отправляется в Россию наш соотечественник, г-н Селиванов [1], любезный и почтенный Михайло Семеныч; он Вам доставит первый акт моей комедии «Нахлеб-

ник»; второй я не успел окончить переписыванием — но как только кончу, немедленно отправлю по почте, так что, может быть, Вы получите его в одно время с первым. Прошу у Вас извинение за долгое отлагательство; желаю, чтобы мой труд Вам понравился. Если Вы найдете достойным Вашего таланта приняться за него — я другой награды не требую [2]. Приятели, которым я здесь прочел мою комедию — наговорили мне много любезностей по ее поводу [3]; я, может быть, им оттого могу несколько верить — что вообще эти *приятели* довольно строго отзывались об моих трудах. Но как бы то ни было— лишь бы мой «Нахлебник» Вам понравился и вызвал бы Вашу творческую деятельность!

Боюсь я — не опоздал ли я немного. Сверх того, прошу Вас — если Вы возьмете мою комедию для своего бенефиса [4] — не говорить заранее, кто ее написал; на меня дирекция, я знаю, втайне гневается за критику гедеоновского «Ляпунова» в «От⟨ечественных⟩ записках» — и с большим удовольствием готова нагадить мне [5]. Впрочем — я отдаю Вам свое произведение в полное распоряжение: делайте из него что хотите. Как бы я был рад, если б я мог присутствовать при первом представлении! Но об этом, кажется, нечего думать.

Желаю Вам всего хорошего — здоровья и счастья. Крепко жму Вам руку и остаюсь с искренней преданностью и глубоким уважением.

Душевно любящий Вас
Иван Тургенев.

94. ЭММЕ ГЕРВЕГ

1 (13) ноября 1848 г. Париж

Liebe Frau Herwegh, es geht mir viel besser— man hat mir erlaubt heute auszufahren — aber nur ein Bischen — wie geht es Ihnen? Lassen Sie mir, ich bitte, durch Ihre Bonne sagen, wil viel Sie Rayer geben, wenn er zu Ihnen kommt? — Er ist vier mal bei mir gewesen. Auf baldiges Wiedersehen. Grüssen Sie Ihren Mann.

Gruss und Bruderschaftlichkeit! [1]
Ihr Turgenew.

Montag.

На обороте:

Madame Emma Herwegh.

95. А. А. КРАЕВСКОМУ

14 (26) ноября 1848. Париж

Париж.
$\frac{26}{14}$ ноября 48.

Я Вам бог знает как давно не писал, любезный Краевский; но надобно наконец честь знать [1]. Я не забыл, что я Ваш должник, и поверьте — я того мненья, что порядочный человек свои долги платить должен.

Если Вам мои литературные труды могут еще годиться — напишите мне; у меня есть теперь вещи две готовых; я бы одну из них тотчас к Вам выслал, но я подумал, что лучше сперва справиться, в каких отношеньях мы находимся. Я надеюсь — в отличных; но уверен в этом я буду только по получении от Вас письма [2].

Итак: чем прикажете Вам заплатить? Жду Вашего решенья.

А до тех пор остаюсь с искренним уваженьем

преданный Вам
Ив. Тургенев.

Мой адресс: Rue Tronchet, № 1.

96. М. С. ЩЕПКИНУ

3 (15) декабря 1848. Париж

Париж.
$\frac{15\text{-го}}{3\text{-го}}$ декабря 1848.

Вы уже, должно быть, неделю тому назад получили второй акт моей комедии [1], любезный и почтенный Михайла Семеныч,— и, вероятно, уже мне ответили; но я пишу к Вам сегодня на всякий случай: если Вы до сих пор не получили этого второго акта (первый Вам должен был доставить г-н Селиванов) — значит — мое письмо затерялось — и мне надобно будет поскорей его переписать вторично. Но я надеюсь, что оно дошло в целости; во всяком случае — если Вы до сих пор мне еще не ответили, то, пожалуйста, сделайте это теперь. Кроме желания узнать — дошло ли мое письмо — во мне есть другое, весьма понятное: мне хочется знать, как Вам понравился мой «Нахлебник» и возьмете ли Вы его в свой бенефис [2].— Приятель наш Г. [3], которому я читал мою комедию, сделал два небольших замечания, которые просил меня сообщить Вам

(и с которыми я совершенно согласен). Во-первых, он находит, что Кузовкину не след носить дворянский сюртук — а частный; а во-вторых, он в сцене, где Елецкий выходит от жены, уже всё узнавши, и видит, что Тропачев забавляется над Кузовкиным — в словах: «Да-с, Флегонт Александрыч, я признаюсь, удивляюсь, что Вам за охота с Вашим воспитаньем, с Вашим образованьем — заниматься такими, *смею сказать*, пустыми шутками» — предлагает: «смею сказать» — заменить фразой — «извините за выраженье» — потому что, по его мнению, *смею сказать* — не идет в устах петербургского чиновника. Я с ним вполне согласен — притом же это такая мелочь, что я бы устыдился писать Вам о ней, если б он этого не потребовал [4]. Буду ожидать Вашего ответа — и от всей души желаю Вам всего лучшего на свете.

Будьте здоровы, веселы и счастливы.

От души преданный Вам
Ив. Тургенев.

97. ПОЛИНЕ ВИАРДО

29 декабря 1848 (10 января 1849). Версаль

Versailles.
10 janvier 49.
Mercredi.

Bonjour, Madame, comment vous portez-vous? Bien, n'est-ce pas? Eh bien! je ne vais pas mal non plus. Le bon Müller, avec lequel j'ai passé presque toute la journée d'hier, a dû vous le dire.

Il y doit y avoir dans l'air de Paris quelque chose de désagréable à mes nerfs. Ce scélérat de Paris! Je l'aime, cependant. Je vous avoue que je m'ennuie un peu à Versailles — mais j'y tiendrai bon. Je *traduis* [1], je lis Saint-Simon [2], je me promène, je vais au café lire les journaux — et déjà les habitués, vieux bourgeois caducs, qui le premier jour me regardaient en-dessous et de côté, comme le font d'habitude les sangliers acculés dans les tableaux de chasse — commencent à me soulever leurs chapeaux. Je les vois faire leurs interminables parties de domino entrecoupées aux mêmes endroits par les mêmes plaisanteries — à un sou le cent! — et je me demande ce que c'est que la vie, dirait M. Victor Hugo [3]. Non, je ne me demande rien, je regarde ces «plantes bulbeuses», et leur air de tranquillité inaltérable et simplement bête m'inspire une es-

pèce d'ennui résigné — c'est aussi du chloroforme, cela... qu'on vienne m'extraire une molaire!

Vous attendez-vous à ce que je vous dise quelque chose de Versailles? oui? En bien, vous serez attrapée. Vous connaissez mon culte de l'imprévu, et ici je ne saurais dire que des choses usées jusqu'à la corde et que tout le monde a entendu⟨es⟩ et répété⟨es⟩ mille fois. Du reste, avec les mots suivants, que je vais vous écrire: «grandeur, solitude, silence, statues blanches, arbres nus, fontaines glacées, grands souvenirs, longues avenues désertes» — avec ces mots que vous remuerez comme les pierres d'un kaléidoscope — avec votre imagination et votre esprit (oh, oh!) vous serez parfaitement en état de vous dire à vous-même tout ce que j'aurais pu vous écrire, et mille millions de fois mieux encore (j'ai hâte d'ajouter ces dernières paroles, car sans cela ma phrase devenait d'une fatuité à faire trembler), si vous ne préférez pas vous occuper d'autre chose, ce que je ne puis m'empêcher de vous conseiller.

J'ai cependant été chez H. Vernet; son tableau est faible et froid [4].

J'ai fait la connaissance de deux chiens, l'un communicatif, gai, étourdi, peu ou point d'éducation, spirituel, railleur et qeulque peu mauvais sujet, au mieux avec tout le monde et, pour dire le vrai, sans véritable dignité; l'autre doux, rêveur, paresseux et gourmand, nourri des lectures de Lamartine, insinuant et dédaigneux en même temps [5]. Ils fréquentent le même café que moi. Le premier appartient (si un chien peut appartenir!!!) à un petit chirurgien d'armée très maigre, très laid et très revêche; le second a pour maîtresse la dame du comptoir, vieille petite femme, édentée à force d'être bonne.— Il y en a qui vous font cet effet-là.— J'ai invité le premier à venir me voir, mais il prétend que son maître lui donnerait le fouet; je n'ai pu lui opposer de bonnes raisons et me suis contenté de lui donner un morceau de sucre qu'il a croqué à l'instant même en remuant sa queue avec politesse et vivacité.

Sur ce, je baise vos belles mains et reste à tout jamais

Votre

J. Tourguéneff.

P. S. A revoir vendredi soir ou samedi matin.

1849

98. ГЕОРГУ И ЭММЕ ГЕРВЕГ

Конец 1848 или начало 1849 (?). Париж

Was haben Sie mit dem unschuldigen Abel zu schaffen [1]? Er wohnt — Rue de la tour d'Auvergne, № 36.— Ich werde das Vergnügen haben, Sie heute in Ihrem Hause oder bei Herzen zu sehen —

Ihr ergebener
I. Turgeneff.

99. А. А. КРАЕВСКОМУ

7 (19) января 1849. Париж

Париж.
$\frac{7}{19}$ января 49.

Через неделю или две вышлется к Вам моя статья [1], любезный Краевский; но, желая Вам доказать теперь же мою готовность участвовать в Вашем журнале, предлагаю Вам следующее: 31-го числа января (т. е. через 24 дня) будет дана в Москве для бенефиса Щепкина моя комедия в 2-х актах под названьем «Нахлебник» [2]. Хотите Вы ее напечатать в «О⟨течественных⟩ з⟨аписках⟩»? — если она не шлепнется, разумеется [3]. Я сегодня же пишу об этом Щепкину, который тотчас, по получении от Вас письма — Вам ее вышлет [4]. Только, ради бога, чтобы не было опечаток!!! Если Вы на это согласны, я с своей стороны буду очень рад — а статью все-таки Вам вышлю.

Будьте здоровы и веселы — жму Вам руку.

Ваш
И. Тургенев.

Если Вы напечатаете «Н⟨ахлебник⟩а», то велите поставить: «Посвящена М⟨ихайл⟩е С⟨еменович⟩у Щепкину» [5]. Если можно, напечатайте 10 отдельных экземпляров: 8 доставьте брату [6] (на углу Хлебного пер⟨еулка⟩ и Колокольной ул⟨ицы⟩, в доме Адамса) — а 2 перешлите мне.

100. А. А. КРАЕВСКОМУ

1 (13) марта 1849. Париж

Париж. $\frac{1}{13}$ марта 49.

Вчера получил я Ваше письмо со вложенным векселем, любезный Краевский — и очень Вам благодарен [1].

Я, ей-же-ей, не понимаю, что могла найти цензура в «Нахлебнике» — и с нетерпеньем ожидаю результата Вашей попытки его напечатать [2]. Вся комедия, как Вы увидите, написана более для одной роли (Щепкина), и Вы можете себе представить, как мне было неприятно неисполнение «Н⟨ахлебник⟩а» в его бенефис. Ну, однако, дело сделано — и я желаю только, чтобы в Вашем журнале ее бы не исказили.

«Вечеринка» Вам не выслана до сих пор по весьма простой причине: надо бы ее переписать [3] — а меня черт дернул написать другую комедию в 3-х актах, опять для Щепкина, которую я ему на днях высылаю [4]. *Это должно остаться между нами.* Но тотчас после отправки этого нового произведения моей *Музы* — я примусь за «Вечеринку» с жаром и чувством долга — и отправлю ее Вам.

Сверх того я Вам еще приготовил вещицу — Вы увидите.

Теперь же, что касается до высылки «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩», которых я очень и очень желаю — то вот что можно сделать: прошлые два года (47 и 48) Вы вышлите с пароходом в Гавр. Это будет стоить безделицу. Нумера же за нынешний год Вы можете высылать на мое имя и на мой счет, т. е. я здесь буду платить за них — а Вам это ничего не будет стоить [5]. Высланная под кувертом, книга [a] доходит до Парижа за 6 фр⟨анков⟩. Я охотно буду это платить — и надеюсь на Вашу всей нашей планете известную аккуратность.

Вышлите тоже, пожалуйста, 10 отдельных экземпляро́в «Нахлебника».

С «Вечеринкой» я Вам напишу письмо побольше, а теперь я очень тороплюсь. Будьте здоровы — и процветайте всячески. Когда мы увидимся — еще пока неизвестно, но, может быть, даже скоро. Во всяком случае жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам

И. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* здесь

101. А. А. КРАЕВСКОМУ

2 (14) апреля 1849. Париж

Париж. 14-го/2-го апреля 49.

С неделю тому назад, любезный Краевский, получил я Ваше письмо с известием об окончательном кораблекрушении злополучного «Нахлебника» [1].— Мир его праху! Трудно, говорит Священное писание, переть против рожна [2]. Хоть за то спасибо, что изъявляете сожаленье.

Теперь я Вам вот что должен сказать: вчера мною отправлена в двух толстейших пакетах к Щепкину другая комедия в 3-х актах, под названьем «Холостяк». В этом произведенье цензуре не только нечего вычеркивать — но, напротив, она должна меня наградить за мою примерную нравственность [3]. Разумеется — я очень буду рад видеть эту комедию в «Оте⟨чественных⟩ записках» [4]. Но так как она назначена для бенефиса Щепкина — а оный бенефис не будет ранее генваря будущего года — то Вам придется ждать еще долго [5]. Во всяком случае — однако — Вы можете написать об этом Щепкину и сказать ему, что «Холостяк» назначен Вам. Я, впрочем, уже сам об этом ему писал [6].

Но это Вы по справедливости можете назвать журавлем в небе — и потребовать синиц в руку. И синицы есть, и одна уже совсем оперилась и через две недели, *не позже*, к Вам полетит. Этот «Холостяк» у меня много времени отнял — притом же я не ожидал поражения на голову «Нахлебника»... Вот Вам мои синицы:

во-1-х). Род повести — под названием: «Дневник лишнего человека». (Я думаю, что это хорошая вещь. Она уже совершенно кончена. Остается переписать.)

во-2-х). «Вечеринка» — комедия в 1-м действии (тоже кончена).

в-3-х). «Студент» — комедия в 5-ти действиях (первое действие кончено. Над этой вещью я намерен трудиться весь этот год) [7].

«Дневник» Вы получите *непременно* через две недели. За обещанные «Отеч⟨ественные⟩ зап⟨иски⟩» — искренно благодарю — и жду на днях №-а за нынешний год.

Завтра дают «Пророка» Мейербеера. Я Вам пошлю отчет для «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» [8].

А засим будьте здоровы. Жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

И. Тургенев.

102. ПОЛИНЕ ВИАРДО

24 мая (5 июня) 1849. Париж

Mardi.

La lutte continue encore, mais j'espère que nous finirons par remporter la victoire. Depuis 4 jours je m'inonde de laudanum par devant et par derrière. Du reste, je suis aussi bien soigné ici que si j'étais tombé malade à Courtavenel [1]. Mais c'est qu'on ne peut pas tomber malade à Courtavenel! Il doit être charmant, n'est-ce pas? Depuis trois jours on meurt à Paris comme des mouches; c'est le coup d'étrier du choléra — il faut du moins l'espérer. Je vous envoie un petit fragment qui vous concerne de l'article de Janin sur le bénéfice de Mlle Georges; vous verrez qu'on ne saurait être plus poli. Il vous rend justice en satisfaisant une rancune — voilà ce qui l'a rendu si éloquent [2].

C'est donc demain que vous revenez, je crains bien de n'être pas encore en état d'aller vous voir; mais j'espère pouvoir le faire après-demain. Mille amitiés à Viardot, à Mlle Berthe, à Mr Sitchès et à Madame. On vous remettra probablement ce billet demain matin à Rozay; vous pourrez l'envoyer à Viardot avec le fragment de Janin. A revoir donc, et que le bon Dieu vous bénisse mille fois.

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. Le mot qu'on ne peut pas lire est *enjouement*.

103. ПОЛИНЕ ВИАРДО

25 мая (6 июня) 1849 (?). Париж

Mercredi.

Je vous souhaite la bienvenue par écrit, puisqu'il ne m'est pas donné de la faire autrement. L'homme propose et Dieu dispose! Je ne pourrai pas non plus vous voir demain — je ne saurais même dire quand je le pourrai — car ma maladie ne fait que croître et embellir. Patience! mais vous conviendrez que j'ai du guignon. Pourvu que vous vous portiez bien! Donnez-moi de vos nouvelles et que Dieu vous bénisse mille fois. Je vous serre bien fortement les mains. Adieu.

Votre
J. Tourguéneff.

На обороте:

Madame
Madame Pauline Viardot,
rue de Douai, 16.

104. ПОЛИНЕ ВИАРДО

28, 29 мая (9, 10 июня) 1849. Париж

Samedi soir.

Eh bien! cela ne va pas mal, l'appétit revient à vue d'œil. Voyons ce que dira le docteur demain. Vous voilà donc à Courtavenel. Il est 8 h. Vous êtes peut-être sur le perron de la cour à écouter le rossignol. Les rossignols n'ont jamais le choléra, n'est-ce pas? A propos de choléra, si j'osais... Ah bah! je me risque. Or donc, vous saurez que quand on est attaqué de cette maladie-là, on prend beaucoup de lavements. Dans ce riant pays de France, ce sont des vieilles femmes qui les administrent. Ma garde-malade s'apprêtait en conséquence de remplir sa mission et je lui avais déjà «ouvert mon sein», quand, à mon grand étonnement, au lieu du bec roide et pointu de l'oiseau en question, je sens s'introduire un doigt... Surpris, presque effrayé, je rentre en moi-même avec précipitation. Que faites-vous là, Madame?.. «Ah! Monsieur — je commence toujours par là — je n'y vois pas assez bien». Je finis par lui tenir la lumière... c'était très difficile... je dus lui passer le bras autour de la tête... Quel groupe!

Dimanche matin.

Rayer vient de sortir, mais il ne veut absolument pas que je sorte, moi. Du reste, il me le permet pour demain et encore rien qu'une petite course en voiture. Bugeaud est mort cette nuit [1]. Je suis tout bouleversé par la lecture des journaux — ce n'est qu'un cri d'indignation: tous — «La Presse», «Le National», «Le Siècle», tous *appellent* les Français aux armes [2] — et ils ont raison. Tant de maladresse, d'outrecuidance, tant de perfidie et de cynisme! On s'attend à une explosion pour demain ou après-demain. La réponse de Lesseps à Oudinot est écrasante [3].

Je tiens de source certaine deux nouvelles dont l'une est bonne et l'autre mauvaise: Haynau a été *écrasé* par les Hongrois sous les murs de Presbourg, bien plus que ne le disent les journaux [4] — mais les Russes ont battu Dembinski [5]. Au diable tout sentiment de nationalité! Il n'y a qu'une seule patrie pour un homme de cœur — la démocratie — et si les Russes triomphent, elle est frappée à mort.

Je vous écrirai demain. Je ne pourrai pas venir à Courtavenel avant mercredi ou jeudi. Jusque-là, portez-vous bien et que Dieu vous bénisse mille fois. Mes amitiés à tous les habitants de votre domaine. Je vous serre bien fortement la main. Auf Wiedersehen.

Votre J. Tourguéneff.

105. А. А. КРАЕВСКОМУ

29 мая (10 июня) 1849. Париж

Париж.
10-го июня / 30[a] мая 49.

Любезный Краевский,

Пишу к Вам, едва оправившись от холеры, которая чуть-чуть не утащила меня «в место злачно и прохладно» [1]. Ее, должно быть, какая-нибудь бешеная собака укусила на днях — потому что она неслыханно вдруг здесь начала свирепствовать.— Но бог с ней! Дело в том, что я недели три тому назад, перед самой моей болезнью, получил от Щепкина письмо, в котором он, извещая меня о получении моей новой комедии, между прочим объявляет мне, что он нисколько не противится напечатанию комедии *до* бенефиса, что оно, напротив, выгоднее, если комедия хороша, и пр.[2] Вследствие сего, если Вы хотите ее напечатать, то спишитесь с ним — а что до цензурных затруднений, то на этот раз ручаюсь всем на свете, что *буквы* невозможно выкинуть.

Что же касается до прочих статей, то возьмите в соображение мою болезнь. Но теперь я еду оправиться на берег моря [3] и все обещанья сдержу.

Комедия «Холостяк» — большая, в трех действиях.

Скоро Вы получите от меня статью — Вы увидите [4].

А до тех пор будьте здоровы, благоденствуйте и не забывайте

преданного Вам
И. Тургенева.

P. S. А что ж высылка «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩»? — Ни слуха, ни духа — а навигация открыта. Эх!

Адресс мой теперь: rue de Douai, № 16/28. Я там не живу — но там всегда знают, где я [5].

106. ПОЛИНЕ ВИАРДО

29, 30 мая (10, 11 июня) 1849. Париж

Dimanche soir.

Bonsoir, Madame — comment vous portez-vous à Courtavenel? Je vous donne en mille de deviner ce à quoi...

---

[a] *Так в подлиннике.*

Mais je suis bon de vous le donner en mille — car vous l'avez déjà deviné à la vue de ce morceau de papier de musique. Oui, Madame, c'est moi qui ai composé ce que vous voyez — musique et paroles — ma parole! Ce que cela m'a coûté de peine, de sueur au front, d'agonie mentale, se refuse à la description. J'ai trouvé l'air assez vite — vous comprenez — l'inspiration! mais ensuite le trouver sur le piano — et puis l'écrire! J'en ai déchiré 4 ou 5 brouillons et même maintenant je ne suis pas sûr de ne pas avoir écrit quelque chose de monstrueusement impossible. En quel ton est-ce, s'il vous plaît? J'ai dû rassembler à grand-peine tout ce qui a surnagé de bribes musicales dans ma mémoire. Je vous assure — la tête m'en fait mal. Quel travail! Enfin, cela vous fera rire peut-être pendant 2 minutes [1]. Du reste, je me porte bien mieux que je ne le chante — je vais sortir demain pour la première fois.— Voyons, arrangez à cela une basse comme pour les notes que j'écrivais au hasard. Si Manuel m'avait vu à l'ouvrage — cela l'aurait fait penser aux vers qu'il composait sur le pont de Courtavenel en faisant des ronds de jambe convulsifs et en agitant ses bras d'une manière gracieuse et arrondie. Saperlotte! — c'est aussi difficile que ça de composer de la musique? Meyerbeer est un grand homme!! [2]

Lundi.

A mon réveil j'ai trouvé votre lettre et ne suis plus en train de plaisanter. Quel malheur! Quand on pense ce qu'il y a de mauvaises choses inutiles dans le monde — le choléra, la grêle, les rois, les soldats etc., etc. ... Dieu serait-il un misanthrope? A propos de choléra il poursuit ses ravages avec fureur; tantôt c'était le chaud qui le favorisait, maintenant, c'est le froid qui le développe.— Il s'accommode de tous les régimes, ce gaillard-là.— Pour moi, je sens sa griffe se retirer — mais lentement; on m'avait permis de sortir aujourd'hui — ne voilà-t-il pas qu'il me survient une espèce de fluxion à la joue.— De par tous les diables — où ai-je pu prendre froid? — moi qui ne sors pas de ma chambre. Je me vois obligé de la garder encore aujourd'hui. Le désastre survenu à Courtavenel me rappelle une scène pénible dont j'ai été témoin en Russie.— Toute une famille de paysans était sortie en chariot pour aller faire la récolte d'un champ à eux situé à quelques verstes de leur village — et ne voilà-t-il pas qu'une grêle épouvantable vient détruire de fond en comble tous les épis; — ce champ si beau

n'était qu'une mare de boue. Je viens à passer par là: ils étaient tous silencieusement assis autour de leur téléga; les femmes pleuraient, le père, tête nue et la poitrine découverte, ne disait rien. Je m'approchai d'eux — je tâchai de les consoler — mais à mon premier mot, le paysan se laissa lentement tomber la face sur la terre et de ses deux mains ramena sa chemise de grosse toile grise sur sa tête.— Ç'a été le dernier geste de Socrate mourant;— dernière et muette protestation de l'homme contre la cruauté de ses semblables ou la brutale indifférence de la nature. C'est qu'elle l'est;— elle est indifférente; il n'y a de l'âme qu'en nous et peut-être un peu autour de nous... c'est un faible rayonnement que la vieille nuit cherche éternellement à engloutir.— Cela n'empêche pas cette scélérate de nature d'être admirablement belle — et le rossignol peut nous causer de charmantes extases, pendant qu'un malheureux insecte à demi broyé se meurt douloureusement dans son gésier.

Sacrégorgon — que c'est noir — je crois que j'ai été trop éloquent — mais ça ne fait rien. Voyons que faut-il vous dire encore avant de finir.— Ah! que je suis fort reconnaissant à Mme Sitchès de l'intérêt qu'elle m'a témoigné — et que je ne suis pas un ingrat, que je serai fort content de la revoir jeudi, si faire se peut. Car partir avant ce jour là — il ne faut pas y penser. Du reste, je vous prie de dire de ma part mille amitiés à tout le monde et à Mr Maurice Sand entr'autres, s'il le veut bien et s'il ne m'a pas oublié. Portez-vous bien, amusez-vous et que Dieu vous bénisse. A propos, j'ai trouvé *trois* sujets; il est vrai qu'ils sont tous très mauvais; mais en persévérant, je trouverai quelque chose peut-être.

A revoir après demain. En attendant je vous serre les mains bien amicalement... Seien Sie tausend mal gesegnet.

Votre
J. Tourguéneff.

107. ПОЛИНЕ ВИАРДО

24 или 31 мая (5 или 12 июня) 1849 (?). Париж

Mardi,
11 h. 1/2 du matin.

Puisque vous avez eu la bonté de vouloir savoir de mes nouvelles, je vais vous en donner. Cela ne va pas tout à fait bien — mais cela va mieux; la di⟨arr⟩é⟨e⟩ fuit comme les

Parthes en me lançant des traits; mes forces commencent à se relever petit à petit du choc qu'elles ont subi. J'espère que Dieu et mon bon docteur aidant, je serai tout à fait bien portant vers la fin de cette semaine. Il fait un temps superbe — trop beau peut-être, car cette chaleur n'est pas bonne aux pauvres diables malades, mais la campagne doit être charmante. Saluez Courtavenel de ma part, en commençant par Mr et Mme Sitchès et en finissant par mon beau marronnier. Portez-vous bien, promenez-vous beaucoup et revenez nous hâlée et forte... Mille amitiés à Viardot. Je vous serre bien fortement les deux mains. Au revoir.

Votre J. Tourguéneff.

108. ПОЛИНЕ ВИАРДО

31 мая (12 июня) 1849. Париж

J'ai probablement oublié de cracher trois fois quand je vous écrivais hier, que je sentais la griffe du choléra se retirer; il s'est vengé en m'envoyant une nouvelle attaque. Grâce à Dieu, assez légère, qui m'a remis sur le flanc. Aujourd'hui, cela va un petit peu mieux, mais je vois avec regret qu'il m'est impossible de penser au voyage de Courtavenel. Je n'ai pas de chance — quoi. Et si j'avais commis la moindre imprudence! Mais rien. Je ne vous verrai demain que si vous voulez avoir la bonté de venir me voir.— A revoir donc; je vous salue assez tristement — mais je vous serre la main aussi fortement que je le puis.— Mille choses à tout le monde.

Votre
J. Tourguéneff.

C'est aujourd'hui le 12-me jour;— mes forces sont bien peu de chose dans ce moment. N'avoir *mangé* que — des lavements tout ce temps-ci... L'amidon est-il nourrissant?

На обороте:

Madame
Madame Pauline Viardot,
au château de Courtavenel près de Rozoy-en-Brie
(Seine-et-Marne).

109. ПОЛИНЕ ВИАРДО

7 (19) июня 1849. Куртавнель

Courtavenel,
19 juin 49.

Bonjour, Madame; comment vous portez-vous? — Tous les habitants de Courtavenel se portent bien et vous saluent. Ils m'ont chargé de vous rendre compte de la journée d'hier. Le voici, ce compte [1]:

Après votre départ, tout le monde est allé se coucher, et on a dormi jusqu'à dix heures; puis on s'est levé, on a assez silencieusement déjeuné, on a joué au billard sans se dépêcher, puis on s'est mis à l'ouvrage: Mlle Berthe avec Louise, M. Sitchès avec le journal, Mme Sitchès je ne sais où, et moi dans le petit cabinet, où je me suis mis à réfléchir sur le *sujet* en question. J'ai réfléchi une heure, puis j'ai lu de l'espagnol, puis j'ai écrit une demi-page du sujet, puis je suis allé dans le grand salon, où j'ai vu avec étonnement qu'il n'était que deux heures. Alors, j'ai travaillé trois quarts d'heure avec Louise, qui commence à oublier un peu son allemand, mais qui a fait très peu de fautes d'orthographe dans la dictée; ensuite, je suis allé me promener seul, et, à mon retour, toute la compagnie (et moi avec) est allée se promener jusqu'au dîner, qui a eu lieu à cinq heures. Après le dîner, le temps, qui jusque-là semblait traîner la patte comme une perdrix blessée, m'a paru moins long; il est vrai que j'ai dormi jusqu'à 9 heures, grâce à la fatigue que mes deux promenades m'avaient causée. A 9 heures, on nous a apporté du thé — ou plutôt du vulnéraire suisse de Rozay, que nous avons bu en assaisonnant cette frugale collation par une petite conversation honnête et modérée sur des sujets parfaitement connus et fort peu intéressants. Berquin ou Marmontel, ou tout autre auteur de livres moraux et instructifs, aurait été édifié, j'en suis sûr, en voyant notre maintien modeste et plein de bon goût, notre déférence l'un pour l'autre, qu'un léger assoupissement ne rendait que plus agréable. Enfin, après avoir joui pendant près d'une heure de la société de nos semblables, plaisir pour lequel on prétend que l'homme est né, nous nous levâmes, nous nous acheminâmes vers la salle à manger, nous prîmes nos luminaires, nous nous souhaitâmes une bonne nuit et nous nous couchâmes dans nos lits, où nous dormîmes sur-le-champ.

Ce matin, il fait un temps très bon et très doux; j'ai fait une assez grande promenade avant le déjeuner, et je vous écris maintenant entre le déjeuner et le billard, de crainte que le facteur ne vienne plus tôt qu'à l'ordinaire. Nous l'attendrons demain avec plus d'impatience. Pendant ma promenade, j'ai travaillé mon sujet et j'ai pensé à beaucoup de choses. Es ist so voll Erinnerungen — alles... Et maintenant il ne me reste plus qu'à vous conjurer de bien soigner votre chère santé et à vous souhaiter tout ce que le ciel a de plus exquis sous sa callotte. Que le bon Dieu vous bénisse mille fois! Nous vous saluons tous et je vous serre les mains bien fort, bien fort. Mille amitiés à Viardot et aux autres amis. Priez, s'il vous plaît, Müller de me donner par votre entremise des nouvelles de notre ami Herzen. N'est-il pas venu de lettre ou d'envoi pour moi? N'oubliez pas le bateau ni le thé.

1 heure.— Le facteur n'est pas venu encore, j'ajoute quelques paroles. Il fait un temps charmant, et Courtavenel est bien joli et bien aimable aujourd'hui. J'ai passé toute la matinée dans le parc. Que faites-vous dans cet instant? C'est une question que nous nous faisons tous les quarts d'heure. Sie mussen jetzt an mich denken denn Ich bin diese ganze Zeit ganz in Ihr Angedenken versunken werden... Liebe, theuere! Enfin! Du reste, tout le monde se porte aujourd'hui encore mieux qu'hier. Encore une fois bonjour, portez-vous bien, et à revoir.

Votre
J. Tourguéneff.

110. ПОЛИНЕ ВИАРДО

8 (20) июня 1849. Куртавнель

Courtavenel,
mercredi.

Voici, Madame, votre second bulletin.

Tout le monde se porte parfaitement; l'air de la Brie est décidément fort sain. Il est 11 h. et demie du matin; nous attendons avec impatience le facteur, qui va, je l'espère, nous donner de bonnes nouvelles. La journée d'hier a été moins uniforme que celle d'avant-hier. Nous avons fait une grande promenade, et puis le soir, pendant que nous jouions au whist, il est survenu un grand événement. Voici ce que c'était: un gros rat s'était introduit dans la cuisine et Véronique, dont il avait dévoré la veille le chausson (que

animal vorace! passe encore si c'était celui de Müller), avait eu l'adresse de boucher le trou qui lui servait de retraite avec deux grosses pierres et un torchon. Elle accourt; elle nous annonce la grande nouvelle. Nous nous levons tous, nous nous armons de bâtons et nous entrons dans la cuisine. Le malheureux s'était réfugié sous l'armoire du coin; on l'en chasse,— il sort. Véronique lui lance un coup sans l'atteindre; il rentre sous l'armoire et disparaît. On cherche, on cherche dans tous les coins,— pas de rat. On se donne inutilement au diable — enfin, Véronique s'avise d'ouvrir un tout petit tiroir... une grande queue grise s'agite rapidement dans l'air — le rusé coquin s'était fourré là! — Il descend comme l'éclair,— on veut le frapper,— il disparaît de nouveau. Cette fois-ci, on le cherche pendant une demi-heure,— rien! Et remarquez qu'il n'y a que très peu de meubles dans la cuisine. De guerre lasse, nous nous retirons, — nous nous remettons au whist.— Voilà que Véronique entre en portant le cadavre de son ennemi avec des pincettes.— Imaginez-vous où il s'était caché! Il y avait sur une table dans la cuisine une chaise et sur cette chaise une robe de Véronique,— il s'était glissé dans une des manches.— Notez que j'ai remué cette robe quatre ou cinq fois pendant nos recherches. N'admirez-vous pas la présence d'esprit, le rapide coup d'œil, l'énergie du caractère de cette petite bête? Un homme, dans un pareil péril, aurait cent fois perdu la tête. Véronique allait sortir et abandonner la partie quand, par malheur, une des manches de sa robe remua imperceptiblement... le pauvre rat avait mérité de *sauver sa viande*.

Ce dernier mot me rappelle que je viens de lire dans «Le National» une fâcheuse nouvelle: il paraît qu'on a arrêté plusieurs démocrates allemands.— Müller serait-il du nombre? — J'ai peur aussi pour Herzen. Donnez-m'en des nouvelles, je vous en prie.— La réaction est tout enivrée de sa victoire et va maintenant se montrer dans tout son cynisme [1].

Le temps est très doux aujourd'hui, mais en juin on désirerait autre chose qu'un ciel laiteux et un petit vent dont on ne sait pas s'il n'est pas trop frais. Vous nous ramènerez les beaux jours.— Nous ne vous attendons pas avant samedi. Nous y sommes résignés... Une petite note de la direction dans le journal ne nous laisse pas d'illusions là-dessus.— Patience! mais que nous serons heureux de vous revoir! Et le bateau — en avez-vous parlé? J'aurais été bien content de voir les fossés propres pour le jour de votre

arrivée. Tout, jusqu'aux arbres, devrait avoir ce jour-là un air de fête.

Je vais laisser un peu de place pour Louise, ainsi que pour les autres [2]. Mme Sitchès ne se ressent plus du tout de ses douleurs. Et vous, au nom du ciel, vous, comment allez-vous?

P. S. Nous venons de recevoir enfin la lettre (à 3 1/2). Dieu merci, tout allait bien mardi.— Au nom du ciel, soignez-vous. Ce n'est pas votre santé à vous seul que vous soignerez. Mille amitiés à V⟨iardot⟩ et aux autres.

Tausend Grüsse.
Ihr J. Tourguéneff.

111. ПОЛИНЕ ВИАРДО

27, 28 июня (9, 10 июля) 1849. Париж

Lundi, 8 juillet 49.

Bonjour, Madame. Guten Morgen, theuerstes Wesen.

Je vous écris cette lettre dans le salon de Mr et Mme Sitchès — rue Laffitte, 11.— Il est 4 heures — il y en a six que vous êtes à Londres [1]. Vous avez dû faire un bon et heureux voyage.— Je me suis plusieurs fois réveillé cette nuit et j'ai pensé à vous: je vous ai vue penchée sur la roue du bateau, regardant l'écume blanche sur la mer verte.— Que Dieu veille sur vous et vous bénisse!— Je ne sais pas encore quand nous allons à Courtavenel; probablement demain.— Mr et Mme Sitchès sont sortis pour faire des emplettes, moi, j'ai été occupé toute la matinée à faire mes paquets et à les transporter.— Cependant, j'ai eu le temps de lire les feuilletons de tous les journaux; plusieurs d'entre eux parlent des dernières représentations du «Prophète» — et de vous avec les plus grands éloges; «Le Courrier français» vous invite de revenir au plus vite pour reprendre le «sceptre de l'art»; Mr Jules Janin dans un long article où il parle de son voyage en Belgique vous nomme deux fois de la façon suivante: «Imaginez-vous un paradis entre deux enfers, Rose Chéri entre deux duègnes, *la* Viardot entre deux ténors de province» [2]. Que dites-vous de ce *la*, signe de la célébrité pour la femme comme l'absence du Mr l'est pour l'homme? Sentez-vous que le danger, dont parlait si élégamment l'ingénieux Mr Nisard, commence pour vous? A propos — n'oubliez pas que vous m'avez promis de faire taire la modestie dans vos lettres. J'y compte. Ce que c'est que de nous pourtant! L'article de Mr J⟨ules⟩ J⟨anin⟩ est

horriblement réac<tionnaire> — et cependant je sens que s'il continue comme cela, je finirai presque par l'estimer!

Vraiment — vous êtes à Londres — et je vous écris... Je n'y puis croire. Et cependant, c'est très vrai.— Vous avez déjà vu ce bon Manuel, que j'aime de tout mon cœur et que j'embrasse idem [3].— Je le vois d'ici — toujours aussi bondissant — n'est-ce pas? — Il paraît que Mme Grisi à choisi «Les Huguenots» pour son bénéfice — vous irez la voir et vous nous en direz deux mots, ainsi que de Mme Sonntag? — Et «Le Prophète», «Le Prophète», «Le Prophète»?!!?

Tout ce que j'écris est bien décousu... c'est qu'il n'y a pas à dire — suffit, je m'entends — et vous m'entendez aussi. La nature a horreur du vide, dit-on; le vide est en effet une vilaine chose.—

J'irai voir ce soir «D<on> Sébastien» [4] — et je vous écrirai là-dessus demain.— A demain donc; et que le bon Dieu veille sur vous. Je l'ai déjà dit une fois — mais je puis bien le répéter, puisque je ne cesse de le penser. A demain...

Mardi, midi et demi.

Nous partons dans une demi-heure pour Courtavenel, où nous espérons trouver une lettre de vous (si vous en avez écrit une hier).— Le temps est magnifique, ce qui ne gâte jamais rien. J'ai assisté hier à la première représentation de «D<on> Sébastien» et j'en suis sorti parfaitement aburrido.— Ah! c'est quand on entend de la musique de ce genre qu'on rend justice au «Prophète».— C'est vieux — c'est vide — c'est essoufflé. On sent que l'auteur était énervé et fatigué au moment de la création.— Et puis, il n'y a rien de plus atroce que de la musique italienne de *second hand*, qui, par-dessus le marché, n'est pas même franchement italienne.— Ces cavatines qui s'annoncent si ambitieusement et dont l'élan est si vulgaire — vous font mal aux nerfs. Le fameux septuor n'est pas grand-chose non plus et ne vaut pas le final de la «Lucie» [5]. La salle était à moitié vide: j'ai eu une stalle d'orchestre pour 4f.50.— Les acteurs n'ont pas brillé.— Masset était froid comme un ours blanc gelé, Marie se démenait lourdement et consciencieusement — (s'il y a eu des Allemands dans la salle, il y dû leur plaire). Portheaut était insipide et prétentieux (il a cependant un joli air, le seul potable de la partition).— Mlle Masson — vous me permettrez de n'en pas parler.— Un mauvais gros

fruit cru et acide — quoi! — On se compose un maintien tragique — comme on se met du rouge — et puis — va! *salga que saliere.*— Il n'y a pas eu de rappels.— Hors les claqueurs, personne ne bougeait. Masset a cependant une belle voix, mais qui ne dit absolument rien. Sa voix est sourde-muette de naissance.

Je vous demande pardon de vous envoyer une lettre de trois pages.— Mais nous allons partir. De Courtavenel je vous écrirai des lettres d'une longueur stupéfiante — aujourd'hui, je me borne à vous serrer les mains bien fort, bien fort, à vous souhaiter tout ce qu'il y a de bon, d'heureux et de beau au monde.— A revoir, et que Dieu vous bénisse encore une fois.

Mille amitiés à Viardot, Manuel et à Mr Chorley.

Tout à vous
J. Tourguéneff.

Gott segne Sie tausend mal — Sie einzige Theuerste.— Aujourd'hui soir je commencerai ma véritable première lettre. Celle-ci n'est qu'un bonjour. Leben Sie wohl.

112. ПОЛИНЕ ВИАРДО

29 июня (11 июля) 1849. Париж

Paris. Mercredi. 11 juillet 49.

Oui, nous sommes encore à Paris, malgré notre départ d'hier.— Par suite d'un malentendu on avait mis *mercredi* sur notre bulletin au lieu de *mardi* — et nous ne l'avons découvert que dans la cour du Petit St-Martin [1].— Nous avons dû replier bagages et nous en retourner rue Laffitte.— Mais aujourd'hui j'espère que rien ne nous arrêtera.

Nous n'avons pas encore reçu de vos lettres (j'espère que nous en trouverons une à Rozay) — mais j'ai déjà lu dans les journaux anglais l'annonce de votre arrivée.— Vous avez fait un bon voyage — n'est-ce pas — et vous vous portez tout à fait bien à l'heure qu'il est.— Um Gottes Willen pflegen Sie Ihre liebe, theuere Gesundheit.— J'ai vu Müller un instant dans la journée d'hier et puis j'ai fait une grande visite — je veux dire une longue visite à Mlles Viardot [2], avec lesquelles j'ai eu un entretien, à la suite duquel elles m'ont déclaré que j'étais méphistophélique — ce qui ne m'a pas médiocrement flatté, comme vous pouvez le croire. Et puis le soir je suis allé voir Henri Monnier dans «La Famille improvisée».— Eh bien! ce n'est

pas un acteur, ni même un artiste.— Ce qu'il fait est fin, spirituel, légèrement dédaigneux, même distingué — précisément trop distingué. Cela s'adresse aux dilettanti, aux gens de goût — et cela vous fait presque désirer de ne pas en être — (si vous croyez l'être.). La nature vraie est bien autrement chaude; elle est plus opaque, plus vulgaire, si vous voulez — mais il n'y a que les spectres que la lumière traverse.— Et puis, il n'y a pas cette verve scénique, cette hardiesse du laisser-aller, qui caractérise l'artiste [3].— Sous ce dernier point de vue, vous avez immensément gagné dans votre dernier rôle de Fidès [4]. — Vous y avez maintenant, outre toutes les qualités de l'artiste que vous êtes,— l'aplomb du bon ouvrier, sûr de lui-même et de son ouvrage;— ça n'en a pas l'air — mais c'est un compliment très grand que je vous fais là.— Du moins — j'en ai l'intention.— J'ai bien assez épargné votre modestie pendant que vous étiez à Paris — je veux me rattraper maintenant et je vous rappelle de nouveau que vous me l'avez promis de votre côté.

Vous pouvez dire à Viardot une nouvelle qui ne lui causera qu'une médiocre satisfaction: *tous* les candidats de l'Union électorale ont passé; le dernier d'entre eux, Mr Boinvillier, a encore 4.000 voix de plus que Goudchaux, le premier de la liste socialiste [5]. Enfin! comme il a l'habitude de dire.

Ceci n'est pas une lettre non plus; c'est à peine un billet — aussi je le récuse d'avance. Si vous me le montrez jamais pour me prouver que j'écris peu.— C'est un bonjour, entendez-vous, un simple bonjour.

Ce soir, à Courtavenel, je commencerai la véritable sur une grande feuille de papier. Et maintenant que le bon Dieu vous bénisse mille fois; je vous serre les mains avec affection.— Liebes, theuerstes Wesen. Jede Minute denke ich an Sie, an das Vergnügen, an die Zukunft. Schreiben Sie mir, ob auf kleinen Stücken Papier in den Briefen. Sie wissen was.— Tausend Grüsse dem lieben Besten... Mes amitiés à tout le monde et à cet original de Vivier si vous le voyez. Sie sind das Beste, was es auf der Erde gibt. A ce soir. Je suis déjà tout réjoui à l'idée de recevoir une lettre... Viele 2 Monate sind eine lange Zeit...

Votre J. Tourguéneff.

113. ПОЛИНЕ ВИАРДО

30 июня, 1 июля (12, 13 июля) 1849. Куртавнель

Courtavenel.
Jeudi matin, 12 juillet 49.

Me voilà donc à Courtavenel, sous votre toit! Nous sommes arrivés ici hier soir, par un temps superbe. Le ciel était d'une sérénité admirable.

Les feuilles des arbres avaient un éclat à la fois métallique et huileux, la luzerne paraissait frisée sous les rayons obliques et rouges du soliel. Il y avait une foule d'hirondelles au-dessus de l'église de Rozay; elles se posaient à chaque instant sur les ferrures de la croix, en ayant soin de tourner leur poitrine blanche du côté de la lumière.

J'espérais une lettre et je regardais le long de la rue si le facteur ne m'en apportait pas une. Mais il n'y avait que le journal d'arrivé.

Courtavenel me parut assez endormi; l'herbe avait poussé sur les petits chemins de la cour; l'air dans les chambres était très enroué (je vous assure) et de mauvaise humeur; nous le réveillâmes. J'ouvris les fenêtres, je frappai les murailles comme je vous vis le faire une fois; j'apaisai Cuirassier, qui, selon son habitude, s'élançait sur nous avec la férocité d'une hyène, et, quand nous nous mîmes à table, la maison avait déjà repris son bon air bienveillant et hospitalier. Ce matin, le parc est aussi riant que jamais, et les joncs dans le fossé se balancent aussi agréablement que toujours, sans se douter que dans peu de temps, ils vont être impitoyablement arrachés et leur cendre livrée au vent. N. B. Le messager a déjà reçu les ordres concernant le bateau. Ainsi me voilà donc de nouveau à Courtavenel et dès après-demain j'y vais rester tout seul avec Véronique. Si j'allais l'épouser, pour la récompenser de ses services, vu que toute autre monnaie n'est pour moi qu'une chimère à l'heure qu'il est!

Je veux travailler, je vous assure que je veux travailler. Aujourd'hui nous allons, avec M. Sitchès, pêcher des tanches à Maisonfleurs. Nous nous asseyerons à l'ombre du chêne que vous savez et naturellement nous penserons beaucoup à vous. Que faites-vous dans cet instant? Probablement vous vous préparez à chanter. J'attends, nous attendons une lettre aujourd'hui; nous sommes tous bien impatients de savoir quelque chose de définitif sur «Le Prophète». A propos, que le bon Dieu vous bénisse mille fois de suite.

Mais, voyons, n'admirez-vous pas la belle et grande feuille de papier que je prends pour vous écrire? Hein? M'avez-vous jamais écrit sur du papier pareil? Je ne sais pas ce qui m'arrive, je me sens un extérieur de rodomont... [1] et, au fond, je suis un bien petit garçon; j'ai la queue entre les jambes et je suis assis très mesquinement et très piètrement sur le derrière, comme un chien qui sent qu'on se moque de lui et qui regarde vaguement de côté en clignant des yeux comme s'il y avait du soleil. Ou plutôt je suis un peu triste et un peu mélancolique, mais cela ne fait rien. Je suis tout de même bien content d'être à Courtavenel, le papier vert saule de ma chambre me réjouit la vue, et je suis certainement bien content. Mais je reprendrai ma lettre plus tard.

5 heures.

Nous revenons de la pêche avec 50 tanches. Nous avons reçu votre petit billet. Cette fatigue se dissipera bientôt... Mais comment? serait-il possible qu'on ne donnât pas «Le Prophète»? Je vous avoue que cela me chagrinerait, non pas pour l'argent que vous perdriez, mais parce que cela aurait l'air d'une reculade devant le succès de Mlle Sonntag... [2] Enfin, nous verrons. Portez-vous bien, voici le principal. Je ne suis pas en train d'écrire. Nous allons dîner; il fait un temps très charmant. A demain.

Vendredi, 9 heures du matin.

Voilà ce que c'est que de remettre. Le facteur est venu si tôt aujourd'hui qu'il m'a surpris dans mon lit. Je vous écris ces mots à la hâte. Les nouvelles que vous donnez sont loin d'être bonnes. Enfin, tous mes vœux vous accompagnent—je prierai Dieu pour vous — qu'il vous bénisse mille fois! Le bateau sera ici après-demain. J'envoie ci-joint un papier pour Viardot. Je me remettrai à écrire ce soir, à l'instant même, une lettre immense; aussi pourquoi le facteur est-il venu si tôt? Au nom du ciel, soignez votre chère santé! Courtavenel est charmant, nous allons le tenir dans l'état le plus coquet du monde. Je vais travailler comme un nègre; vous aurez la traduction [3]. Tausend Dank für den lieben Brief und das Blättchen — aber um Gottes willen seien Sie gesund — meine Lippen trennen sich keinen Augenblick von Ihren Füssen. Ich bin ganz hin, wie nie...

A revoir, je salue tout le monde et je reste à jamais

Votre tout dévoué

J. T.

114. ПОЛИНЕ ВИАРДО

2, 4, 5, 6, (14, 16, 17, 18) июля 1849.
Куртавнель

Courtavenel.
Samedi, 14 juillet 49.

Bonjour, Madame und liebe Freundin.— Il fait toujours un temps splendide — nous nous portons tous très bien et nous pensons beaucoup à vous — voici tout ce qu'il y a de nouveau à Courtavenel.— Ce que vous nous dites du «Prophète» nous a fait beaucoup réfléchir [1]; nous nous sommes entretenus là-dessus avec beaucoup de gravité.— Pour ma part, je suis persuadé qu'on vous le fera chanter une douzaine de fois — et que vous ne reviendrez pas si tôt que vous le dites.— Je vous jure que je le désire de tout mon cœur — vous êtes capable de n'y pas y croire — mais je vous assure. Il faut que vous fassiez courir les Anglais, il faut qu'ils vous applaudissent à tout rompre — qu'ils disent de leur voix de gorge —*She is wonderful — quite extraordinary. — Oh yes — Oh yes* — etc.— Tout cela est nécessaire. Et quand vous reviendrez à Courtavenel après tous vos triomphes — vous jouirez doublement et du beau temps et de la propreté de vos fossés — et du bateau — et de la fameuse traduction que vous savez [2].— Voilà ce qui s'appelle parler le langage de la raison. J'ai fait part à Mme Sitchès de vos informations sur Léonard — ce mariage l'agite beaucoup — et elle n'y croira définitivement que quand elle sera de retour à Paris [3]. Merci pour votre charmante derscription de la «Linda». *Dank auch für alles Liebe, was im Briefe steht.*— Il faut, voyez-vous, que vous enfonciez aussi cette étoile rétrospective, cette renommée de conserve... Je ne l'ai jamais entendue, cependant [4]. Hier, après souper, il y a eu une discussion politique des plus fougueuses entre D⟨on⟩ Pablo et sa femme; elle attaquait Espartero, lui, le défendait assez mal, il faut l'avouer, plutôt par des — *qué sabes tú* — et *Calla, majadera* — que par des raisons solides.— Mais la petite femme était terrible.— Savez-vous que c'est un grand enfant gâté que votre oncle? — Ils ont l'intention de partir après-demain — et je vais rester seul. C'est drôle — seul à Courtavenel dans cette grande maison.— Nous attendons Jean demain.

Tous ces jours-ci le temps a été très beau — mais il y a fait un grand vent, qui de temps à autre devenait très fort et très persistant.— L'agitation qu'il produisait dans les

feuilles allait très bien aux peupliers; ils étincelaient très fièrement au soleil. Il faut vous dire que j'ai remarqué une chose: c'est que le peuplier immobile a l'air très écolier et très bête; à moins que ce ne soit le soir, sur le fond rose du ciel, quand les feuilles paraissent presque noires; mais dans ce cas-là — tout doit se tenir coi — il n'y a que les feuilles au sommet des arbres qui ont la permission de se remuer un peu. A propos, je me suis amusé à découvrir dans les environs des arbres ayant de la physionomie, de l'individualité — et je leur ai donné des noms; à votre retour je pourrai vous les montrer, si vous le désirez.— Primo il y a le marronnier de la cour que j'ai surnommé *Hermann*; je lui cherche sa *Dorothée*. Il y a un bouleau à Maisonfleurs — qui ressemble beaucoup à *Gretchen*; un chêne a été baptisé *Homère* — un orme — *l'aimable vaurien*, un autre orme — *la vertu effarouchée* — un saule — *Mme Vanderborght* [5].

Lundi, 16.

Nous nous attendions à recevoir des lettres aujourd'hui— mais non.— Cela nous fait croire que les répétitions ont probablement commencé et que vous ne voulez pas nous écrire avant qu'il y ait quelque chose de définitif.— Votre santé est parfaitement et entièrement rétablie, n'est-ce pas? — Mr et Mme Sitchès ne partent que demain. Jean est arrivé hier soir avec Comorn [6].— Le matin nous nous sommes levés tous à 3½ h. pour aller pêcher. Nous avons pris à nous deux 118 poissons, M. Sitchès 80, moi 38.— Nous avons vu le soleil se lever derrière le bois.— On peut ne pas être vertueux et trouver du plaisir à voir un lever de soleil.— Il y eut un moment charmant: nous étions placés près du chêne à gauche — je lève les yeux — il était éclairé par en-dessous — le soleil était encore bien bas.— C'était très joli et très original — cela n'a duré qu'un instant.— En général, je trouve que les arbres éclairés par en-bas ont quelque chose de fantastique et de mystérieux qui parle à l'imagination — c'est pourquoi j'aime beaucoup les illuminations dans un jardin. Mais assez parlé d'arbres comme cela...

Le bateau est arrivé! — Il est moins élégant que je ne l'avais cru — mais il n'est pas mal.— Je viens de m'exercer à ramer pendant deux heures.— Je commence à m'y faire.— Il faut, comme pour nager, des mouvements réguliers et peu violents.— J'ai fait faire à Mr et Mme Sitchès cinq fois le tour des fossés.— Puis j'ai promené Sultan qui n'a pas paru prendre grand plaisir à ce genre d'amusement.— Du

reste il se porte très bien — il est gros et gras.— Véronique ne peut le voir sans lui dire qu'il est un voleur, un grand voleur — mais il ne fait pas semblant de la comprendre.— J'aime beaucoup à la mettre sur ce chapitre pendant qu'il est là; on voit très bien à sa figure, à sa manière modeste de s'asseoir, de détourner à demi la tête et d'agiter imperceptiblement la queue, sans qu'on l'appelle — qu'il sait parfaitement de quoi il s'agit.— Voyez-vous, Monsieur, me dit alors Véronique en s'animant beaucoup — voyez-vous l'air de Sainte N'y touche qu'il se donne; eh bien! ce chien est un voleur — un très grand voleur; et on a beau le lui dire — il n'en rougit même pas (textuel).— Il est rusé, ce chien — ah! je crois bien! — Alors je m'adresse à Sultan et je lui répète les propos de Véronique — mais c'est à peine s'il secoue les oreilles.— Vous perdez votre peine, Monsieur, continue Véronique, ce chien n'a pas de conscience. Pendant mes promenades, je le fais entrer dans les luzernes; avant hier il a pris une perdrix sur son nid — sans lui faire de mal; je la lui ai reprise et l'ai lâchée.— Toutes les autres bêtes de la maison, les singes, les oiseaux, le chat se portent à merveille.—

Et demain la grande extermination des joncs! — Demain je reste seul avec Véronique et Jean.— Jean m'aidera dans la grande œuvre de destruction.— A demain!

Mardi, 17.

Mr et Mme Sitchès sont partis ce matin pour Paris.— Mais la croisade contre les joncs est remise à demain, d'après la demande de Jean, qui avait beaucoup à faire aujourd'hui.— Je m'attendais à ne pas recevoir de lettres, vu que c'était avant-hier dimanche et que les Anglais sont a stupide people.— Me voici donc seul — eh bien! je ne vais pas m'ennuyer — j'en suis sûr. Je vais beaucoup travailler, ah! mais beaucoup.— Par exemple — aujourd'hui je n'ai rien fait, j'ai flâné tout le jour... mais demain! — Heute war ich den ganzen Tag wie in einen Zaubertraum versunken — hier — allein. Alles, alles, die ganze Vergangenheit. Alles was geschehen ist kam mir so unwiderstehlich, so leicht vor die Seele. Ich bin ganz hin. Ich gehöre ganz und gar meiner lieben Herrin. Gott segne Sie tausendmal... J'espère bien recevoir une lettre demain.

Mercredi, 18.

Eh bien non! il n'y a pas de lettre... Pourquoi? Et je ne reçois pas de journaux anglais — j'ai été trop gueux à

mon départ de Paris pour pouvoir m'abonner... Patience! Il faut espérer que tout va bien... Ah c'est cruel d'être si loin...

Le facteur attend, il est encore 4 heures trop tôt... je dois terminer cette lettre. N'est-ce que vous vous portez bien? Oui, je vous en prie. Mille amitiés à Viardot, à Manuel, à tout le monde. Je vous serre les mains avec beaucoup d'affection et prie le Ciel de veiller sur vous. Schreiben Sie mir... Soyez heureuse et portez vous bien. [a]Adieu.

Votre
J. Tourguéneff.

На обороте:
Madame Pauline Viardot-Garcia
à Londres.
Clifton Villas, Maida-Vale n°27.

115. ПОЛИНЕ ВИАРДО

7, 8, 9, (19, 20, 21) июля 1849. Куртавнель

Courtavenel.
Jeudi, 19 juin[a] 49.
8 1/2 h. du soir.

Madame,

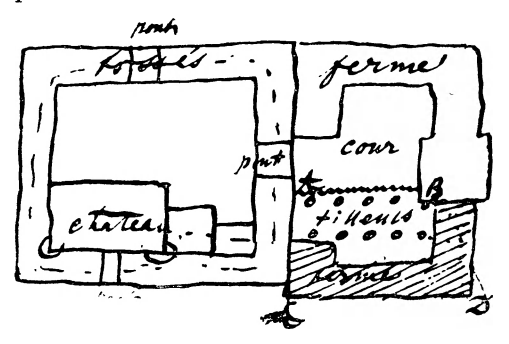
Les joncs ont vécu! — Vos fossés sont propres et l'Humanité respire. Mais ça n'a pas été sans peine. Nous avons travaillé comme des nègres pendant deux jours — et j'ai le droit de dire — nous — car j'en sais aussi quelque chose. Si vous m'aviez vu — hier surtout — crotté, mouillé — mais radieux! — Les joncs étaient très longs et très difficiles à arracher — d'autant plus difficiles qu'ils étaient plus cassants. Enfin — la chose est faite.— Depuis trois jours je suis seul à Courtavenel — eh bien je vous jure que je ne m'y ennuie pas. Le matin je travaille — beaucoup, je vous prie de le croire et je vous en fournirai la preuve — je me promène — je déjeune à 9 h., je dîne à 6 — le soir je lis — je ne me couche jamais avant dix heures.— Maintenant que j'ai nettoyé vos fossés — je pense à d'autres perfectionnements: mais ceux-là seraient bien plus coûteux.— Savez-vous, par exemple ce que je ferais à votre place?— On dit que la ferme

---

[a] *Далее следует зачеркнутая и не поддающаяся прочтению фраза по-немецки.*

[a] *Так в подлиннике.*

de la Vicomté est en mauvais état; vous ne tirez aucun parti de celle qui avoisine la maison. Voici donc mon plan.—

J'aurais abattu la moitié de la ferme près de la maison ainsi que suit: tout l'espace désigné ainsi //// ABCD; avec les matériaux j'aurais fait réparer la Vicomté, remis en état l'autre moitié de la ferme — (on y aurait fait des remises, une écurie, une bonne habitation pour le jardinier) — de A à B j'aurais fait construire un mur ~~~~~~~~ et les magnifiques tilleuls, l'emplacement de la moitié détruite, tout cela serait entré dans le parc — on[б] aurait pu en faire un superbe verger jusqu'à la serre et sous les tilleuls un salon de verdure qui, j'en suis sûr, serait devenu l'endroit favori du jardin.— Qu'en dites-vous et qu'en dit Viardot? — A propos, entre nous soit dit, votre nouveau jardinier est un peu paresseux; il avait presque laissé périr les lauriers roses faute de les arroser — et les plates-bandes étaient dans un mauvais état; je ne lui ai rien dit — mais je me suis mis à[в] arroser les fleurs moi-même et à arracher les mauvaises herbes. Cet appel muet mais éloquent a été compris et depuis quelques jours tout est rentré dans l'ordre.— Il parle avec trop de volubilité et il sourit trop; mais sa femme est une bonne petite femme qui ne fait pas la paresseuse. Ne trouvez-vous pas cette dernière phrase d'une outrecuidance inouïe dans la bouche d'un grandissime paresseux comme moi? — Vous n'avez pas oublié le petit coq blanc? Eh bien, c'est un démon que ce coq. Il se bat avec tout le monde, avec moi surtout; je lui présente un gant, il s'élance, s'y accroche et se laisse porter comme un bouledogue.— Mais j'ai remarqué que chaque fois, après le combat, il s'approche de la porte de

[б] *Далее зачеркнуто:* pourrait

[в] *Далее зачеркнуто:* gratter

la salle à manger et crie comme un forcené jusqu'à ce qu'on lui ait donné à manger... Ce que je prenais pour du courage en lui — ne serait-ce que l'impertinence d'un farceur qui sait bien qu'on plaisante et qui se fait payer sa peine?.. Oh, illusions! voilà comme on vous perd... Mr de Lamartine — venez me chanter ça [1].

Ces détails de basse-cour et de campagne doivent vous faire sourire, vous qui vous trouvez à la veille de chanter «Le Prophète» à Londres... Cela doit vous sembler bien idyllique, bien jatte de lait... Et cependant je m'imagine que vous aurez assez de plaisir à lire ces détails. — Voyez quel aplomb! —

Ainsi décidément vous allez chanter «Le Prophète» — et c'est vous qui faites tout, qui dirigez tout... N'allez pas vous fatiguer outre mesure.— Au nom du ciel, que je sache d'avance le jour de la première représentation... [2] Ce soir-là— on ne se couchera pas avant minuit à Courtavenel.— Die besten, heiszesten, glühendsten Wünsche für das theuerste liebste Wesen... Je vous l'avoue, je m'attends à un très, très, très grand succès.— Que Dieu vous protège, vous bénisse et vous conserve une excellente santé.— Voilà tout ce que je lui demande — le reste est votre affaire.— Mme Grisi est donc mauvaise dans «Les Huguenots». Ah j'en suis bien aise — cela me rajuste mes idées, que l'article de Chorley — (que je salue bien affectueusement) avait étrangement disloquées. — Non cette grosse dondon ne saurait être une Valentine [3].— Non, mille fois non! — Non — il n'est pas donné à la première venue d'évoquer cette gracieuse figure si poétique — j'épargne votre modestie.—

Comme, après tout, j'ai beaucoup de temps disponible à Courtavenel — j'en profite pour faire des bêtises parfaitement ineptes. Je vous assure — de temps en temps — cela m'est nécessaire... Sans cette soupape de sûreté — je risquerais un beau jour de devenir très bête pour tout de bon.— Par exemple, j'ai composé hier soir de la musique sur les paroles suivantes:

Un jour une chaste bergère
Vit dans un fertile verger
Assis sur la verte fougère
Un jeune et pudique étranger.
Timide ainsi qu'une gazelle,
Elle allait fuir, quand tout à coup
Aux yeux effrayés de la belle

S'offre un épouvantable loup.
A l'aspect de sa dent qui grince,
La bergère se trouva mal —
Alors, pour la sauver, le prince —
Se fit manger par l'animal [4].—

Proposez au célèbre auteur de «L'offrande tombe et fume» [5]— de composer de son côté de la musique là-dessus.— J'enverrai la mienne et nous verrons qui l'emportera.— Vous serez juge.

A propos — je vous demande pardon de vous écrire de pareilles stupidités.—

Vendredi, 20.— 10 h. du soir.

Bonsoir, Madame — que faites-vous à cette heure? — Je suis assis devant la table ronde du grand salon... Le plus profond silence règne dans la maison; on n'entend que le chuchotement de la lampe. J'ai vraiment très bien travaillé aujourd'hui; j'ai été surpris par une pluie d'orage pendant ma promenade.— Dites à Viardot qu'il y a beaucoup de cailles cette année. Aujourd'hui j'ai eu une conversation avec Jean sur «Le Prophète»... Il m'a dit des choses très[I] judicieuses — entr'autres — que — «la théorie est la meilleure des pratiques».— Si l'on disait cela à Müller, c'est pour le coup qu'il rejetterait sa tête de côté et en arrière, en ouvrant la bouche et levant les sourcils.— Le jour de mon départ de Paris ce pauvre diable n'avait que 2 fr. 50 c.— Je ne pouvais rien lui donner — malheureusement! —

Ecoutez — j'ai beau ne pas avoir «den politischen Pathos» — mais il y a une chose qui me révolte: c'est l'ambassade du général Lamoricière au quartier-général de l'Empereur Nicolas.— C'est trop — c'est trop — je vous assure! — Pauvres Hongrois!...[6] Un honnête homme finira par ne plus savoir où vivre: les nations jeunes sont encore barbares, comme mes chers compatriotes — ou bien, si elles se lèvent et veulent marcher on les écrase, comme les Hongrois — et les nations vieilles se meurent et empestent, pourries et gangrenées qu'elles sont.— Ce serait le cas de chanter avec Roger — «Et Dieu ne tonne pas sur ces têtes impies!»[7] — Mais bath! — Et puis qui est-ce qui a dit que l'homme est destiné à être libre? — L'histoire nous prouve le contrai-

---

[I] *Далее зачеркнуто:* spirituelles

re.— Ce n'est pas par esprit de courtisanerie que Göthe a écrit son fameux vers:

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein [8]—

— c'est tout bonnement un fait, une vérité qu'il énonçait en observateur exact de la nature qu'il était... A demain. — Ce qui n'empêche pas que vous ne soyez quelque chose de bien excellent... Voyez-vous s'il n'y avait encore par ci par là des êtres comme vous sur la terre — on se vomirait soi-même. Ich liege zu Ihren Füssen.— A demain.

Samedi, 21.

Bonjour Madame et adieu. Il fait un vilain temps. Voilà tout ce qu'il y a de nouveau.— Je vous serre les mains fort, mille amitiés à Viardot et à tout le monde. Sind die Nägel gewachsen?..

Votre J. Tourguéneff.

116. ПОЛИНЕ ВИАРДО

11, 12 (23, 24) июля 1849. Куртавнель

Courtavenel.
Lundi, 23 juillet 49.

Bonjour, Madame — Guten Morgen, liebstes, theuerstes, bestes Wesen! Gott segne Sie tausend Mal. Je suis allé hier à la grande fête de Pécy. Savez-vous que c'est un très agréable village que Pécy, malgré son affreuse mare verte près de l'église? C'était pour la première fois que j'assistais à une fête de village en France; j'avoue qu'elles sont loin d'être aussi jolies et aussi pittoresques qu'en Allemagne. Là on entend presque toujours de la musique passable; les Allemands jouent rarement faux; tandis que les quatre gaillards avinés (1 trompette, 1 clarinette — oh! l'affreuse clarinette! et deux violons) qui composaient l'orchestre d'hier vous écorchaient les oreilles de manière à vous faire venir de grosses larmes froides aux yeux, comme si l'on vous sciait une dent. En Allemagne on a la valse, le galop, tandis qu'ici (il paraît que ce n'est pas partout de même) on se trémousse lourdement et gauchement avec des mouvements d'épaules et de genoux parfaitement niais ou bien l'on tâche d'imiter le cancan. En Allemagne les paysans ont presque partout conservé le costume national: ici, on ne

voit que des redingotes — et quelles redingotes! Quelles tailles montant jusqu'aux cous et quels collets surplombant la tête! Quels chapeaux! quels gilets et surtout quels faux-cols! Les robes des femmes (les femmes aussi ont des robes comme à la ville) ont un air tout à fait morne: vieux et neuf en même temps; neuf, car on ne les met qu'une fois l'an, vieux, car il y a longtemps qu'elles sont faites — et puis rester des années enfermées dans un gros coffre — cela ne rajeunit pas. J'ai remarqué hier deux demoiselles un peu moins hâlées et beaucoup plus effrontées que les autres qui s'étaient habillées en grisettes — mais ce costume leur allait encore plus mal. Les hommes étaient tous vêtus en bourgeois; et cependant on distinguait facilement les vrais bourgeois à leur air dédaigneux et condescendant, à leur bonhomie affectée et revêche. Cependant, tous ces gens si mal fagotés dansaient de si bon cœur, il y avait tant de gaîté sur les visages, la soirée était si belle, les enfants si émerveillés et si heureux que ma foi! j'ai fini par trouver tout charmant. Et puis, il y avait tant de types à étudier: les bons vieux tout cassés, auxquels on disait en riant: «Eh bien, vous voilà, père un tel», et qui ne répondaient que par un clignotement d'yeux et un sourire béat, les importants de village avec des voix de gorge, des petits ventres, de gros sourcils et la main sur le menton, les tapageurs, les niais, les loustics, les grandes filles avec leur air séreiux et contraint, même pendant la danse, tout en ruisselant de sueur, les garçons de ferme ahuris, les messieurs qui avaient été à Paris, vu qu'ils se permettaient de pincer le cancan, qu'ils avaient le visage désagréablement pâle et les cheveux coiffés, etc., etc. Trente figures au moins se sont casées dans ma tête — une petite fille entr'autres de 5 à 6 ans — une véritable petite Mignon en herbe, bien plus Mignon que celle de Scheffer [1]; avec un regard mélancolique et brusque; un marchand forain (il avait une espèce de boîte avec un Abd-el-Kader dedans — on tirait dessus — et quand on frappait au cœur, on entendait une détonation et Abd-el-Kader s'agenouillait) — cet homme avait bien l'air d'un don Juan ruiné, usé et avili par le besoin, il traitait ses pratiques avec un suprême dédain; toute sa figure était abrutie, mais il avait des yeux magnifiques, des cheveux superbes, et quand il se prenait à sourire, son visage devenait séduisant. Il y a de pareils visages, c'est comme une lueur qui les illumine tout à coup; ils changent d'expression d'une manière étonnante — ce n'est jamais un bon signe — je

veux dire ce passage si brusque, surtout quand il se répète fréquemment et de la même manière. Enfin, je rentrai à Courtavenel vers les 9 h. et demie, fort content de ma journée. J'étais déjà dans l'avenue en face du château qu'on entendait encore le Drinn-drinn de l'infernal orchestre. La soirée était extrêmement calme et douce, l'air semblait avoir pris un bain de lait (Sacregorgon, quelle image hardie!) et les sons s'en allaient à travers champs, comme s'ils ne devaient jamais finir. J'allais ouvrir la grille, quand je vis un être vivant s'approcher de moi; c'était la petite Manon qu'on avait laissée paître en liberté; elle se laissa caresser et nous rentrâmes ensemble.

Wie oft ich den ganzen Tag an Sie gedacht habe, kann ich Ihnen nicht sagen; als ich zurückging, rief ich Ihren Namen so entzückt, ich streckte die Arme mit so viel Sehnsucht nach Ihnen aus! Sie haben es gewiss hören und sehen müssen.

Voilà 6 jours que je suis tout seul à Courtavenel, eh bien! je vous assure que je ne m'ennuie pas; je travaille beaucoup, je me promène, je pense à mille choses — la vie est une chose bien plus simple qu'on ne se la fait. Mais cela m'ennuie après tout de ne pas recevoir de lettres (et pas d'argent) de Russie [2].

2 heures.

Le facteur vient de m'apporter votre lettre. C'est donc pour mardi, pour demain... Je crains que vous ne vous soyez un peu trop fatiguée... Enfin! quand cette lettre vous parviendra, tout sera déjà décidé — je persiste à croire que le triomphe sera éclatant [3]. Vous n'oublierez pas de m'envoyer les journaux? Je vous en prie. Que c'est bête — je sais bien que c'est inutile maintenant et cependant, je ne puis m'empêcher de vous crier: ne vous fatiguez pas trop aux *répétitions*! Je sens déjà le commencement de l'agitation qui s'en ira crescendo jusqu'à demain minuit — car je ne me coucherai pas avant. Morgen um Mitternacht wird Ihr Bild im Saal (das leider nicht ähnlich ist) einen Strauss bekommen. Vous dites donc que les chœurs sont bons et que Mario... Mais c'est stupide, puisque la lettre arrivera *deux* jours après la 1-re représentation, animal! Mais rien ne m'empêche de vous dire que je forme à l'heure qu'il est des vœux et des souhaits pour vous d'une force prodigieuse, à déraciner des chênes... Liebe, theuere! Gott sei mit Dir und segne Dich. Donnez-moi, je vous en conjure, tous les détails imaginables

sur cette 1-re représentation (merci pour les révérences). C'est bête qu'on ne puisse rien faire comprendre à une maison: sans cela j'aurais communiqué la nouvelle à Courtavenel. Il aurait dû faire exception, lui (je parle de Courtavenel). Enfin, je l'ai dit à Jean, à Véronique et aux petits singes.

Si Ledru-Rollin vient vous voir, dites-moi donc quelle impression il vous fera. Certes, ce n'est pas un aigle, cependant, je crois qu'il est bon et vraiment dévoué au peuple [4]. Et Louis Blanc, est-il abattu? J'avoue que je ne l'aime pas beaucoup. Je n'ai pas encore lu son nouveau journal [5].

Ainsi donc, voilà le pape restauré [6]... Mais ne parlons pas politique. Il ne reste plus qu'à s'envelopper la tête et[a] ou bien la détourner tout à fait.

Triumph! Es siegt das Schlechte,
Und vor dem Rausch der Knechte
Schweigt die Begeisterung [7].

A propos, envoyez-moi aussi, s'il vous plaît, le livret-affiche du «Prophète» — vous savez, cette espèce de feuille de papier qu'on trouve toute pliée sur les stalles du théâtre.

A demain. Et que le ciel vous bénisse mille fois! Was fehlt V⟨iardot⟩? Ist ihm vielleicht unangenehm, dass ich hier wohne?

Mardi.

Il fait aujourd'hui un bien vilain temps. La pluie tombe fine, serrée, froidement obstinée comme une vieille fille. Le baromètre baisse... enfin, patience. C'est donc aujourd'hui — dans 9 heures (il est 11 h. maintenant). Vous êtes déjà levée — vous avez fini de déjeuner — vous êtes tranquille... êtes-vous tranquille? Oui, soyons tranquilles. Cette pluie me dérange; je comptais passer la plus grande partie de la journée dehors. Avec quelle impatience je vais attendre le facteur vendredi! Car on ne pourra rien savoir ici avant vendredi. Ces jours derniers, j'ai parcouru «Consuelo». Il y a une foule de choses charmantes, mais Mr Albert est insupportable, ainsi que toute la fantasmagorie malsaine qui l'entoure [8]. Mme Sand gâte souvent ses plus adorables figures de femme en les faisant devenir bavardes, raisonnables et pédantes, la petite Fadette entr'autres [9]. Et cependant,

---

[a] *Далее одно слово зачеркнуто.*

à moins de devenir parfaitement insensible ou d'être né parfaitement insouciant, le mysticisme, la foi immense et vague, est encore peut-être le seul refuge qui reste aux hommes (quand le temps de l'action est passé ou n'est pas encore venu) — maintenant que les droits les plus sacrés sont foulés aux pieds, que le sang coule par torrents, que l'iniquité, la force brutale ou l'hypocrisie triomphent...

Il paraît que Görgey est mort [10]. Vous n'avez rien entendu sur le compte de Bakounine [11]?

Décidément, Ich bin zu aufgeregt, um Ihnen weiter zu schreiben. Je vais faire des vœux pour vous. Que Dieu vous benisse! Recevez la poignée de main la plus cordiale qu'on puisse donner... Mille amitiés à Viardot, à Manuel, à tutti quanti.

Ce soir, je vais beaucoup penser à vous. Adieu.

Votre J. T.

117. ПОЛИНЕ ВИАРДО

12, 13 (24, 25) июля 1849. Куртавнель

Courtavenel.

Mardi soir.

Il est onze heures... Le quatrième acte vient de finir et l'on vous rappelle — j'applaudis aussi. Bravo — bravo et courage!

Minuit.

J'applaudis de toutes mes forces et je jette un bouquet de fleurs... N'est-ce pas — cela a été bien beau? Oh! quand viendra vendredi!

Que Dieu vous bénisse et maintenant vous pouvez aller vous coucher. Moi aussi je vais me coucher. Bonsoir. Dormez bien sur vos lauriers...

Mercredi, 25 juillet.

Je n'ai rien écrit mercredi — et aujourd'hui *samedi* je ne vous écrirai que deux mots, car le facteur attend. Savez-vous ce que j'ai fait? Je suis allé à Paris jeudi et je n'en suis revenu que hier soir, vendredi. Et savez-vous pourquoi je suis allé? Premièrement pour... non, je ne veux pas mentir. Uniquement pour pouvoir lire les journaux anglais. Vous vous imaginez facilement combien j'ai été content de ma lecture. Bravo! Bravo! Je suis heureux, je vous félicite

mille fois, je vous serre les mains de toute ma force, je récrie: Bravo! et je lance mon chapeau dans le vague des airs. En revenant à Rozay, j'ai trouvé votre lettre et le fragment du «Times», qui m'a fait beaucoup de plaisir. Je pourrai le relire de temps en temps. Ainsi, le malheureux opéra a été massacré, je le craignais un peu. Vous êtes certainement le «principal feature» dans «Le Prophète», mais vous l'étiez trop dans les comptes rendus des journaux: je voyais bien que les autres avaient furieusement cloché. Enfin, il faut espérer qu'aux représentations suivantes, cela s'arrangera.

Je ne vous écris pas autre chose aujourd'hui — sur ce papier — car immédiatement je vais commencer une lettre véritable, que j'enverrai demain. Ce diable de facteur revient à la charge. Gott segne Sie tausend Mal... Und ein Blumenblatt? Mille amitiés à tout le monde. A demain. Votre tout dévoué

J. T.

P. S. Brrrrrrrravissimo!

P. S. Au lieu des autres journaux, envoyez-moi sous bande l'«Illustrated News». J'ai lu le «Times», «M<orning> Chronicle», «M<orning> Post», «M<orning> Herald», «Daily News», «Sun», «Standard» et «Globe». S'il y a un bon article dans un autre journal, es ist willkommen. Envoyez-le.

На первом листе:

Madame
Madame Pauline Viardot-Garcia,
à Londres.
Clifton Villas, Maida-Vale, 27.

118.' ПОЛИНЕ ВИАРДО

16, 17, 18, 19 (28, 29, 30, 31) июля 1849. Куртавнель

Coutravenel,
samedi, 28 juillet 49.

Bonsoir, Madame, guten Abend, theuerste, liebste Freundin.

10 h. $^{1}/_{2}$ du soir. — J'inscris ces mots avec une certaine fierté. Vous voyez qu'on ne se couche pas avec les poules. Je viens de faire un tour de parc. Il fait une belle nuit, une quantité incroyable d'étoiles. Les grandes, celles dont la lumière est bleue, et qui ont l'air de cligner des yeux, font bien autour de la cime des peupliers tandis que la lune regarde à travers les branches noires. A l'heure qu'il est vous chantez,

car j'imagine qu'on va donner «Le Prophète» trois fois par semaine. Vous verrez que votre succès ne fera que croître et embellir comme à Paris. J'espère que vos collaborateurs se tiennent mieux maintenant [1]. Pour en revenir à mes étoiles, vous savez qu'il n'y a rien de plus commun que de les voir inspirer des sentiments religieux; du moins c'est ce qu'on trouve dans tous les livres d'éducation. Eh bien! je vous assure que ce n'est pas là l'effet qu'elles produisent sur quelqu'un qui les regarde simplement et sans parti pris. Les milliers de mondes, jetés à profusion dans les profondeurs les plus reculées de l'espace, ne sont autre chose que l'expansion infinie de la vie, de cette vie qui occupe tout, pénètre partout, fait germer sans but et sans nécessité tout un monde de plantes et d'insectes dans une goutte d'eau. C'est le produit d'un mouvement irrésistible, involontaire, instinctif, qui ne peut pas faire autrement; ce n'est pas une œuvre réfléchie. Mais qu'est-ce que c'est que cette vie? Ah! je n'en sais rien, mais je sais que, pour le moment, elle est tout, elle est en pleine floraison, en vigueur; je ne sais si cela durera longtemps, mais enfin pour le moment cela est, cela fait couler mon sang dans mes veines sans que j'y sois pour quelque chose, et cela fait surgir les étoiles comme des boutons sur la peau, sans qu'il lui en coûte davantage, ou sans qu'elle en ait un plus grand mérite. Cette chose indifférente, impérieuse, vorace, égoïste, envahissante, c'est la vie, la nature, c'est Dieu; nommez-la comme vous voulez, mais ne l'adorez pas. Entendons-nous, quand elle est belle, quand elle est bonne (ce qui ne lui arrive pas toujours) — adorez-la pour sa beauté, pour sa bonté, mais ne l'adorez pas, ni pour sa grandeur, ni pour sa gloire! (Voyez les livres d'éducation, dont je parlais ci-dessus). Car, 1° il n'y a rien de grand ni de petit pour elle; 2° il n'y a ⟨pas⟩ plus de *gloire* dans la création qu'il n'y a de gloire dans une pierre qui tombe, dans l'eau qui coule, dans un estomac qui digère; tout cela ne peut pas faire autrement que de suivre la Loi de son existence qui est la Vie [2].

Ouf! voilà de la philosophie spéculative! Je ne veux pas relire mon griffonage. Secouons-nous et passons à autre chose. Mais j'y pense, je continuerai demain. En attendant que Dieu vous bénisse, ou que la *Vie* vous soit propice; mais dans tous les cas, que vous soyez heureuse et bien portante! Möge der Beste Engel über das liebste, beste, edelste, geliebteste Wesen wachen. A demain.

Dimanche soir.

Il a fait aujourd'hui un temps superbe. J'ai passé presque toute la journée dehors; j'ai navigué sur les fossés. A propos! vous vous serez peut-être étonnée que j'aie pu faire un voyage à Paris, vu l'état de ma bourse; mais c'est que Mme Sitchès, en partant, m'avait laissé 30 fr<ancs>, dont 26 ont filé. Du reste, je vis ici comme dans un château enchanté; on me nourrit, on me blanchit, que faut-il de plus pour un homme seul? J'espère que cette disette d'argent va bientôt cesser et qu'on finira par se dire là-bas: Ah ça! mais avec quoi vit-il donc? J'ai vraiment beaucoup travaillé ces jours-ci. Je vous montrerai les feuilles à votre retour. Je <ne> m'ennuie pas un seul instant; décidément je mène une vie très agréable.

Lundi.

Aujourd'hui, par exemple, elle l'est un peu moins... Figurez-vous qu'il n'a pas cessé de pleuvoir un seul instant pendant tout le jour. Hein! qu'en dites-vous? Cela descendait, cela descendait, dru et droit, serré, et même maintenant (il est 11 h. du soir. Oui, Madame, onze heures!) j'entends la gouttière vomir des torrents dans le fossé. Mais, par compensation, j'ai reçu aujourd'hui de Paris «The Musical World» et le «Britannia», où j'ai trouvé des articles sur «Le Prophète», que j'ai dégustés avec beaucoup de plaisir. Si vous m'envoyez «The Illustrated» sous bande, envoyez-moi donc aussi le n° de l'«Athenæum». (A propos, mille choses aimables à Chorley) [3].

On annonce dans le «Musical W<orld>» les 4-me, 5-me et 6-me représentations du «Prophète». Bravo, cela va grand train. Ne vous fatiguez pas trop. Je vous disais bien que ce serait un grand triomphe! J'espère que vous allez vous rattraper aussi quant à l'argent, quoique, à vrai dire, 60 guinées me semblent poca roba. Enfin! Est-ce que vous êtes engagée pour le Festival de Liverpool? Bonne nuit, je vais me coucher. Der liebe Gott möge viel lieber uber Sie wachen. Die glühendsten küsse Ihren Händen und Füssen, glühend und studenlang. Gute Nacht.

Mardi, 31 juillet.

Voilà ce maudit facteur qui s'avise de nouveau de venir à $8^{1}/_{2}$ h. du matin! Que le diable l'emporte! Je voudrais cependant achever vite cette page. Voyons! que vous dire?

Qu'il ne pleut pas, que je pense bien souvent à vous, que Courtavenel a maintenant l'air bien gracieux et bien propre, que Jean frotte, nettoie, lave et balaie partout, que toutes les bêtes de la maison se portent bien, y compris votre très humble serviteur, que je m'attends à une lettre demain, que je vous souhaite bonheur, santé et gaîté, que je prie le bon Dieu de vous bénir mille fois et vous de me pardonner une lettre aussi incohérente, que je salue bien amicalement Viardot et les amis, et que je reste à tout jamais

Votre

T.......

119. А. И. ГЕРЦЕНУ

19 (31) июля 1849. Париж

Париж.

31-го июля 49.

Виноват я перед тобой, милый Герцен, давно к тебе не писал, хотя часто вспоминал о тебе; но я всё это время провел в деревне, в совершенном уединении — а уединение производит во мне всякий раз невыразимую лень, которую на поэтическом языке называют тишиной, погружением в тишину и т. д. Однако изредка доходили до меня слухи о тебе и твоем семействе — и теперь вот я, приехав на два дня в Париж, не хочу пропустить случая пожать тебе заочно руку и пожелать тебе и всем твоим всякого блага и добра. Где-то мы увидимся[1]? Дела такой приняли оборот, что никакого решительного ответа на этот вопрос дать нельзя.— Слышал я об одном твоем намереньи — и не хвалю тебя за то, за что тебя многие хвалить будут: потому что сделать это было для тебя так же естественно, как выпить бутылку шампанского [2]. Ты славный малый — и я тебя очень люблю.— Я опять на четыре недели уезжаю в деревню охотиться — а что после будет — это знает один всевышний.— Я не думаю, чтобы ты остался в Швейцарии. Поклонись от меня твоей жене, Гервегу и пр. Я слышал, ты на днях сделал путешествие по глетчерам. Напиши что-нибудь об этом [3]. Жму тебе крепко руку и остаюсь навсегда

преданный тебе

И. Тургенев.

120. ПОЛИНЕ ВИАРДО

23, 25, 26, 27, 28 июля (4, 6, 7, 8, 9 августа) 1849. Куртавнель

Courtavenel.
Semedi, 4 juillet[a] 49.

Bonjour, Madame. Je n'ai reçu qu'aujourd'hui la lettre que vous m'avez écrite mardi; je ne sais à quoi attribuer ce retard... Vous ne me dites pas si «Le Prophète» marche maintenant avec plus d'ensemble — mais je crois que cela s'entend de soi-même. Vous verrez que vous irez à quinze représentations[1]. Les offres — (ou plutôt c'est mieux que des offres) de Liverpool sont très belles; ces Anglais ne se refusent rien[2].— Je continue à ne pas recevoir signe de vie de chez moi; du reste je me porte bien et suis fort content de mon sort. Le temps a été assez beau tous ces jours-ci.

J'ai reçu avant-hier la visite du docteur Fougeux. Nous avons fait une partie de billard, je l'ai promené en bateau.— Je rame mieux que lui, qui cependant se vante d'avoir été dans son temps le meilleur canotier de Bercy.— Il a dû l'oublier depuis ce temps-là — car je suis loin d'être fort. A propos de bateau, il faut que je vous dise que malheureusement l'eau décroît beaucoup dans les fossés; elle fuit plus que jamais du côté de la fontaine, malgré la terre glaise dont on avait cru boucher le conduit.— Il faudrait refaire la bonde — ce qui ne serait déjà pas si difficile, en l'entourant de pierres, en forme de digue.— Il faut aussi que je vous dise que les fossés n'ont pas été curés du tout; il y a énormément de vase au fond.— Le père Négros me disait l'autre jour, en montrant le poing à un être imaginaire — «Ah si l'on me volait comme on vole Mr Viardot!» — Il doit en savoir quelque chose.— Du reste les riches sont là pour être volés — mais c'est que vous n'êtes pas encore riche pour pouvoir l'être en conscience. Je crains bien qu'à votre retour il ne soit plus possible de faire le tour des fossés; déjà maintenant il est assez difficile de passer par-dessous le pont du diable — c'est ainsi que j'ai surnommé le pont qui conduit à la ferme.— Dans tous les cas — le Grand Océan nous restera — le côté des fossés qui longe la route à partir de la tourelle.— J'ai reconduit Mr Fougeux jusqu'à Blandureau.— Il m'a appris que Mlle Laure ne pouvait pas me souffrir.— Il paraît que l'on se fait des ennemis

---

[a] *Так в подлиннике.*

sans savoir pourquoi.— Le docteur m'a invité de venir demain déjeuner chez lui.

Lundi.

J'ai déjeuné hier chez Mr Fougeux. Il y avait Mr Magi, que vous connaissez, qui m'a semblé un bon diable bien tranquille, un docteur de Paris, dans le genre de Mr Behrs de Pétersbourg et le frère de Fougeux;— il m'a fait penser à un autre frère[3], auquel il ressemble beaucoup.— Fougeux nous a fait boire de vingt vins différents; vers la fin du déjeuner tout le monde parlait à la fois avec beaucoup de chaleur et avec cette espèce de fièvre de dire et de répéter des choses parfaitement insignifiantes, qui s'empare d'une réunion de personnes se connaissant peu et se convenant encore moins, dont le vin a échauffé la tête.— Chacun secoue son sac à lieux communs, ce qui produit beaucoup de poussière. Puis nous allâmes faire le tour des boulevards de Rozay; eh eh! Rozay n'est pas déjà si laid.— Le gros Fougeux est décidément un bon garçon — et puis il ne se prend pas au sérieux, ce qui est toujours fort agréable.— Les gens qui se prennent au sérieux peuvent devenir de grands politiques — de grands hommes, si vous voulez — mais leur société est assez lourde à supporter. Goethe l'a dit: Wer sich selbst nicht zum Besten haben kann, gehört gewiss nicht zu den Besten[4].— Il y a une rivière à Rozay — cela m'a fort surpris.— Je croyais qu'en Brie il n'y avait que des mares avec des joncs, mais sans eau.

Voici ce que j'ai lu depuis que je suis à Courtavenel:
1. Les deux volumes du «Manuel d'histoire» de Mr Ott.— Ce Mr Ott est un démocrate de l'école de Mr Buchez — un démocrate catholique.— Cette alliance hors nature ne peut produire que des monstres[5].

2. Une histoire russe de Mr Oustrialoff. Comment diable cette histoire-là se trouve-t-elle à Courtavenel? — C'est détestable, mais cela m'a rafraîchi la mémoire sur beaucoup de dates et de faits[6].

3. «L'Histoire du Moyen Age» de Rotteck.— Indiciblement mauvais. Libéralisme éventé, nauséabond et faux.— Style emphatique et plat.— Les gens de cette espèce finissent par devenir des membres de *la droite* d'un parlement de Francfort.— Je ne dis pas cela pour Rotteck — il est mort — heureusement! mais une foule de gens ejusdem farinæ lui ont malheureusement survécu[7].

4. Les «Lettres de Lady Montague» — (écrites en 1717). Livre charmant, plein de grâce, d'esprit et de franchise et qui fait aimer celle qui l'a écrit, malgré son extraction[8]! —

5. «Doña Isabel de Solis, novela historica» de D. Martinez de la Rosa.— J'ai lu ceci pour m'exercer dans la langue espagnole—mais j'en demande pardon à vos compatriotes — si toute leur littérature contemporaine est de cette force-là... C'est enfantin.— Il n'y a que les extraits des chroniques qui soient intéressants[9].

6. «Histoire de la Guerre en Espagne depuis 1807» par le général Sarrazin. C'est écrit avec clarté, mais la haine que ce Français porte aux Français est un peu trop violente pour être naturelle. Le général S. me fait tout l'effet d'un gredin[10].

7. Mémoires de Bausset sur Napoléon.— C'est l'ouvrage d'un valet de chambre distingué — si un valet de chambre peut l'être.— Des faits intéressants[11].

8. Traduction des «Géorgiques» de Virgile par Delille.— Je ne sais plus si c'était Mr Martin ou Mr Nisard qui l'avait louée en ma présence[12].— Je n'ai pu l'achever; c'est vraiment trop fade et puis ces alexandrins coulent avec une facilité dégoûtante; c'est fluide et insipide comme de l'eau.— L'original n'est pas une merveille non plus; toute cette littérature latine est factice et froide, une vraie littérature de littérateurs.—

9. «La Pucelle» de Voltaire! —Eh bien, savez-vous qu'en général c'est très ennuyeux, surtout la partie qui est censée ne pas devoir l'être.— Mais de charmants mots, des allusions hardies et spirituelles, des railleries sanglantes révèlent le maître[13].

10. Un gros ouvrage de Mr Damas-Hinard sur Napoléon — une compilation de tous ses jugements sur les événements, les personnes, les choses[14].— Quelle grande et forte organisation que ce Napoléon — quelle force de caractère, quelle suite et quelle unité dans la volonté! — Et en même temps jamais homme n'appartint plus au passé! — Il le résume complètement, mais il tourne le dos à l'avenir, à cet avenir qui se débat encore et qui se débattra longtemps sous les chaînes qu'il lui a forgées.— La monarchie se mourait en Europe: il a organisé l'autorité, le gouvernement, ce hideux fantôme[6], qui impuissant à produire, vide et bête, avec le mot *Ordre* à la bouche, une épée dans une main

[6] *Далее три слова зачеркнуты.*

et de l'or dans l'autre, nous écrase tous sous ses pieds de fer — Saperlotte! quelle image orientale! — Excellente transition pour arriver au

11. *Coran.*— Je viens de le commencer[15]. Il y a de la grandeur et du bon sens dans ce livre; mais je prévois que la boursouflure orientale et le vague de la langue prophétique m'en dégoûteront bientôt.—

Vous voyez qu'après tout je n'ai pas perdu mon temps; car tous ces livres sus-nommés je les ai — non pas parcourus — mais lus, ce qui s'appelle lus.— A propos de livres — il faut que Viardot sache que je lui ai arrangé sa bibliothèque — que es un primor. De son côté Jean ne fait que frotter, laver, nettoyer, huiler, épousseter, balayer et cirer du matin au soir. Ah si le jardinier lui ressemblait!

Mardi.

Vous ignorez probablement, mais vous le saurez quand je vous le dirai que je ne me couche jamais avant minuit. Eh bien — hier — j'allais quitter le salon, quand j'ai tout à coup entendu deux profonds soupirs bien distincts, qui ont retenti — ou plutôt passé comme un souffle à deux pas de moi.— Sultan était couché depuis longtemps — j'étais parfaitement seul. Cela m'a donné une légère horripilation.— En traversant le corridor, je me suis demandé ce que j'aurais fait, si j'avais senti une main tout à coup saisir la mienne: et j'ai dû m'avouer que j'aurais poussé un cri d'aigle.— On est décidément moins brave la nuit que le jour.— Je voudrais savoir si les aveugles ont peur des revenants? — Avant de me coucher je fais chaque soir une petite promenade dans la cour.— Hier je me suis placé sur le pont et j'ai écouté: voilà les différents sons que j'ai entendus:

Le bruit du sang dans les oreilles et la respiration.

Le frôlement, le chuchotement continuel des feuilles.

Le cri des cigales; il y en avait quatre dans les arbres de la cour.

Des poissons venaient faire à la surface de l'eau un petit bruit, qui ressemblait à un baiser.

De temps en temps une goutte tombait avec un petit son argentin.

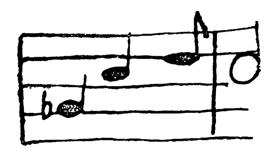
Une branche se cassait — qui l'avait cassée?

Ce bruit sourd — sont-ce des pas sur la route? Est-ce le murmure d'une voix?

Et puis tout à coup le soprano suraigu d'un cousin, qui vient vous tinter à l'oreille...

A propos de cousins, les rougets me dévorent cette année. Depuis quelques jours j'en suis plein et je me gratte à haute voix.

A propos — ou non au contraire — cela ne fait rien. Il faut que je vous dise qu'ayant trouvé sous le tapis vert du piano votre gros livre de musique, je me suis permis de l'ouvrir et de le parcourir.— Malheureusement ma main droite ne joue pas assez bien du piano pour pouvoir me donner ne fût-ce qu'une idée de la mélodie; cependant j'ai tâché de déchiffrer certains morceaux que vous ne nous avez jamais chantés.— Autant que je puis en juger, vous avez été distinguée de tout temps; mais ce que vous faisiez auparavant était bien moins franc.— P⟨ar⟩ e⟨xemple⟩: je trouve la première phrase de «L'Hirondelle et le prisonnier» charmante: «Hirondelle gentille, qui voltige à la grille du cachot noir — Vole, vole sans crainte, Autour de cette enceinte» — c'est très bien jusqu'ici; mais «j'aime à te voir» — ça me reste dans le gosier comme un os; j'ai beau le chanter en voix de poitrine, en voix de fausset, en fermant les yeux et en inclinant un peu la tête sur l'épaule, comme on fait quand on veut juger avec impartialité — impossible! —

Il y a surtout cet *ut* qui me désole. J'ai même essayé de le remplacer: impossible, toujours aussi impossible! — Et le commencement de la phrase est si joli! — C'est égal — je préfère la «Luciole» ou «Marie et Julie» ou «La Nuit et le Jour».— De qui sont les paroles intitulées «Songes»[16]? Il y a là trois vers qui me plaisent bien:

Où languissante et blessée
On voit dans l'onde glacée
Tomber la biche aux abois.

Je ne sais pourquoi — mais il me semble voir les grands arbres bruns[в], la terre couverte de givre, les feuilles mortes jonchant l'allée et la surface du petit étang immobile, la biche qui tombe sur le bord et les chiens qui arrivent de loin et dont les aboiements retentissent joyeusement dans l'air clair et sec.— Allez-vous composer cette année-ci? —

[в] *Далее зачеркнуто:* dépouillés

J'ai essayé deux ou trois fois de faire des paroles — mais hélas — mon Pégase n'est plus qu'un vieux cheval couronné qui ne peut faire un pas.— L'autre jour je vois un corbeau gris dans les champs: l'aspect de ce compatriote m'émeut; je lui ôte mon chapeau et lui demande des nouvelles de mon pays.— En vérité j'étais presque touché. Tiens, me dis-je, faisons une jolie petite pièce de vers là-dessus. Quelque chose de simple, de gracieux — enfin faisons du Béranger[17] — quoi!—Je me suis battu les flancs pendant deux heures sans pouvoir seulement rimer deux vers.— Enfin le désespoir m'a pris et voici ce dont je suis accouché:

Corbeau, corbeau
Tu n'es pas beau,
Mais tu viens de mon pays:
Eh bien! retourne-z-y.

Je doute fort que vous mettiez cela en musique.

En fouillant dans les cahiers de musique, j'ai trouvé deux cahiers où il n'y en avait point: c'étaient des poésies russes, copiées par vous et le commencement d'une grammaire.— Ça m'a semblé bien drôle tout de même. Seriez-vous encore en état de lire ce que vous y avez écrit? — C'est à Vienne n'est-ce pas, avec Mr Sollogoub, que vous vous êtes occupée de cela? —

Вы понимаете по-русски? Или уже позабыли? Voyons: qu'est-ce que c'est que cela?

Je bavarde aujourd'hui comme une pie restée vieille fille... A propos, savez-vous que j'ai lu dans les lettres de L⟨ady⟩ Montague qu'en Turquie une jeune fille morte fille — est censée se trouver dans un état de réprobation, la femme étant sur terre pour faire des petits[18]?—Voyez-vous — le bon et le mauvais — c'est comme l'Orient et l'Occident: ce qui est à l'Orient ici est à l'Occident plus loin: c'est selon le point où l'on se trouve.

Ainsi donc Mlle Antonia est devenue depuis hier Mme Léonard[19]. Ah! vous ne pourrez plus la faire manger à table plus qu'elle ne l'aurait voulu! Je ne pouvais m'empêcher de rire sous cape quand je vous voyais un air grave pour lui faire avaler le reste d'une côtelette: — Mme Pauline Viardot: «Antonita, vamos...» Mme Garcia (avec beaucoup de précipitation et d'énergie): «Come, come, tú no comes nada» — Mr Sitchès (en secouant un peu la tête): «Es menester comer, hija». Mlle Antonia (avec vivacité): «Sea, por el amor de Dios, padre».— Mais je babille trop. A demain.

Mercredi soir.

Imaginez-vous ce qui m'arrive! J'avais l'intention ce matin d'achever cette quatrième page et de vous envoyer la lettre — (d'autant plus qu'il y a une semaine que je vous ai écrit pour la dernière fois) — voilà tout à coup qu'on annonce le frère de Mr Fougeux, qui vient s'installer ici jusqu'à 5 heures! Et moi, stupide, au lieu d'envoyer tout bonnement cette lettre inachevée — (elle n'est déjà pas mal longue) — je n'en fais rien — je remets à demain.— Cette quatrième page m'a retenu — pourquoi? Je ne le saurais dire.— Enfin — je vous en demande pardon — et pour vous prouver la sincérité de mon repentir, je m'engage à écrire une feuille de plus! — Mais grand maladroit que je suis! Je deviens stupide, ma parole d'honneur! Comme si c'était une tâche pour moi que de vous écrire... Allons, allons, je patauge, je m'embrouille — qu'on me jette à la porte et qu'il n'en soit plus question.

Mais je rentre par la fenêtre et je continue.

Je commence par vous remercier mille fois pour votre charmante lettre; je l'ai lue et relue.— Je vous avoue que je n'aurais pas été fâché de vous voir faire Fidès en italien [20]; mais quand on est gueux comme Job, on ne peut pas penser à des excursions en Angleterre! Ah, Mr Louis Blanc... — mais c'est un charmant homme et je vais relire ses livres.— Fidès est donc allé aux nues... tant mieux, tant mieux.— J'en suis bien content, parole d'honneur. Attendez, je vais me lever et faire une cabriole en signe de réjouissance.— Voilà qui est fait.— Vous avez la bonté de demander des nouvelles de ma santé — je me porte à merveille et je prie Dieu de veiller sur vous! — Oh oui.— Soyez bien portante, soyez heureuse, gaie, contente, admirée, aimée, célèbre: je sais bien que vous êtes tout cela — mais cela ne m'empêche pas de me donner le plaisir de vous le souhaiter...

Attendez: je vous ai énuméré tous les ouvrages que j'ai lus; mais vous me demanderez peut-être si je n'ai fait que lire. Madame, j'ai fait une comédie en un acte; Madame, je vous jure par les mânes de mes ancêtres, qui étaient probablement des Tatars, laids comme des boucs et puants comme des singes — que j'ai écrit, copié et expédié une comédie en un acte, une comédie de 50 pages [21]! Et la traduction? direz-vous? — Ah, voilà. Imaginez vous qu'en partant pour Courtavenel — au lieu du cahier qui renferme ma première comédie [22], j'en emporte un autre! — Ça a été même, je vous l'avoue, la *seconde* raison de mon voyage

à Paris: je voulais rapporter le bon cahier. Mais à mon grand étonnement j'appris rue Laffitte nº 11 que Mme Sitchès avait emporté les clefs de son appartement à Bruxelles[23] — à telles enseignes que je dus me promener tout le jour, mon chapeau gris sur la tête, ce qui faisait sourire les passants qui me prenaient pour un rapin vieux et gras. N'ayant pas de cahier je ne puis faire de traduction; mais dans 5 ou 6 jours — après le retour de Mme Sitchès j'irai à Paris pour 24 heures et je rapporterai le cahier.— Je serais allé à Paris rien que pour cela — mais j'ai encore autre chose à y faire.

Et mon argent qu'on s'obstine à ne pas m'envoyer!!

Pour en revenir à Mr Fougeux frère, il faut avouer que jamais personne ne m'a scié le dos comme lui; il a fini par me réciter par cœur des fragments de Rousseau et de La Bruyère. «Monsieur — me disait-il — remarquez cette phrase: „Un trône était indigne d'elle“[24]»; et il la répétait quarante fois: «Voilà une idée, on sait à quoi s'en tenir. Voilà une idée enfin. Voilà une idée». Je finissais par lui achever ses phrases; mais il les reprenait. Pourquoi se donne-t-on tant de peine d'être bête? — C'est vrai: je crois que personne n'est bête naturellement — mais à force d'art on parvient à tout.— J'ai vu le moment où il allait rester dîner. — C'est que je dîne savez-vous?.. Comment? je n'en sais rien — mais je dîne et très bien. J'espère bien le savoir un jour, quand j'aurai de l'argent. Dites-moi — votre costume de Fidès— (je ne parle pas du premier) est le même qu'à Paris —n'est-ce pas?

Vous avez raison dans ce que vous me dites à propos de votre buste; cependant un sculpteur de talent pourrait en faire une belle chose. Si l'on fait des lithographies ou des gravures de Fidès à Londres, rapportez-les.— Je serais bien content de recevoir une lettre de Chorley. Et vous êtes bien bonne de me dire ce que vous me dites.

Jeudi.

Il a fait un orage cette nuit avec de grands coups de tonnerre; le feuillage des arbres est encore tout troublé pour parler à la Chénier; l'air est rafraîchi et extrêmement doux.— Je m'attends à recevoir aujourd'hui une lettre de Mr et Mme Sitchès, qui m'annonce leur arrivée.— Courtavenel n'a jamais été aussi propre, grâce aux soins paternels de Jean.— Il paraît que Mlle Berthe va venir aussi.—

Un levreau d'une assez jolie taille s'est noyé avant-hier dans les fossés.— Comment et pourquoi? C'est ce qu'on

ne saurait dire. Se serait-il suicidé? — Cependant, à son âge on croit encore au bonheur. Du reste il paraît qu'on a vu des exemples d'animaux se suicidant. Il paraît qu'un chien s'est noyé exprès en Angleterre — mais en Angleterre cela se conçoit.— Je ne devrais pas médire de ce pays-là — après tout; je crois qu'on vous y aime.— Le nom de Mrs Jameson — ne m'est pas inconnu; je crois qu'elle fait des romans historiques. Ne trouvez-vous pas que la remarque suivante faite par Lady Montague en 1717 à Paris — est encore juste maintenant: «Very commonly the entrance of a gentleman or a lady into a room is accompanied with a grin, which is designed to express complacence and social pleasure, but really shows nothing more than a certain contortion of muscles that must make a stranger laugh. The French grin is equally remote from the chearfull serenity of a smile and the cordial mirth of an honest English horse-laugh» [25]. On peut remarquer la même chose quand deux personnes se quittent ou s'abordent dans la rue; le changement subit de la contenance me frappe toujours. Du reste tout le monde le fait — (les Anglais exceptés) moi tout le premier.— Or, voyez ce que peut l'influence de l'homme!— Le chien, qui est l'animal qu'il a le plus corrompu, a fini par imiter ces contorsions affectées et ridicules; je suis persuadé que la manière dont ces animaux s'abordent n'est pas dans leur nature; c'est le fruit de la civilisation. Mais les imitateurs ayant la rage d'outrer toujours, au lieu de sourire en montrant les dents et clignant les yeux,— eux... Je n'ai pas besoin d'achever: rappelez vous le dessin hardi de votre frère.

A propos de votre frère, dites-lui que je lui serre la main bien fortement.— Dites-lui surtout qu'il faut être de bonne humeur, ne fût-ce que pour la santé — quitte à briser quelque meuble de temps en temps. Sait-il déjà speak English? — Et l'allemand? — Il l'a probablement abandonné.— Sans cela je lui dirais que ce n'est pas pour rien qu'on dit Geld *verdienen*; car *verdienen* vient de *dienen*.

Je fais tous les jours une grande promenade avant dîner, accompagné de Sultan.— Je crains bien que cette année il n'y ait moins de gibier que les années précédentes... Les grandes pluies du mois de juin ont fait beaucoup de tort aux couvées.— Je trouve souvent des couples de perdrix sans petits.— Savez-vous que les perdrix jouent très bien la comédie? — Elles savent très bien feindre d'être blessées, de pouvoir voler à peine, elles crient, elles piaillent — le

tout pour attirer le chien après elles et le détourner de l'endroit où se trouvent les petits.— L'amour maternel a failli coûter bien cher avant-hier à l'une d'elles: elle a si bien joué son rôle que Sultan l'a happée.— Mais comme c'est un perfect gentleman, il n'a fait que l'humecter de sa salive et lui ôter quelques plumes; j'ai rendu la liberté à cette mère courageuse et trop bonne actrice[26].— Ce que s'est cependant que le théâtre! — Voilà un acteur qui m'émeut, qui me fait verser des larmes; il se met à pleurer lui-même — et me fait rire peut-être.— Et cependant s'il ne fait que *jouer*, que *feindre*, je ne crois pas qu'il puisse m'émouvoir complètement: il faut à ce qu'il paraît, un certain mélange de nature et d'art... Vous devez le savoir.— Eh bien! non, vous ne le savez pas — ou du moins, vous ne sauriez l'expliquer — malgré que vous soyez the *subtlest* tragedian of the world.— Décidément on ne fait très bien que ce dont on ne peut se rendre entièrement compte — c'est pour cela qu'il vous arrive de courir après vous-même.— En poussant cette maxime jusqu'au paradoxe on peut dire que pour bien faire quelque chose, il faut ne pas le savoir.

Le facteur est venu — et pas de lettre de Paris.— Ce sera alors pour demain.— Sur ce je vous salue tous tant que vous êtes à commencer par Viardot.— Que Dieu vous bénisse et veille sur vous. Je vous serre bien cordialement la main.— A revoir.

Votre tout dévoué J. T.

121. ПОЛИНЕ ВИАРДО

30, 31 июля 1, 2 августа (11, 12, 13, 14 августа) 1849. Куртавнель

Courtavenel.
Samedi, 11 août 49.

Bonjour, Madame. Guten Tag, liebstes, bestes, theuerstes Wesen.— Eh bien! je continue à rester seul à Courtavenel et je viens de recevoir une lettre de Mlle Berthe, dans laquelle elle me dit qu'elle *attend* de jour en jour l'arrivée de Mr et Mme Sitchès. J'espère que Mme Garcia va venir aussi; que ferait-elle toute seule à Bruxelles? —

Dimanche.

Depuis hier je suis mère, je connais les joies de la maternité, j'ai une famille! Trois charmants petits jumeaux, doux, caressants, gentils, que je nourris moi-même et que

je soigne avec un véritable plaisir.— Ce sont trois petits levreaux que j'ai achetés à un paysan. Pour les avoir j'ai donné mon dernier franc! — Vous ne sauriez croire combien ils sont jolis et familiers.— Ils commencent déjà à grignoter les feuilles de laitue que je leur présente, mais leur nourriture principale est du lait.— Ils ont l'air si innocent et si drôle quand ils relèvent leurs petites oreilles. Je les tiens dans la cage, où nous avions mis le hérisson. Ils viennent à moi dès que je leur tends les mains, ils grimpent sur moi, ils me farfouillent dans la barbe avec leurs petits museaux, ornés de longues moustaches.— Et puis ils sont si propres; tous leurs mouvements sont si gentils. Il y en a un surtout, le plus gros qui a un air grave à mourir de rire.— Il paraît que je suis devenu non seulement mère, mais vieille femme — car je rabâche.— Malheureusement ils seront déjà assez grands le jour de votre arrivée; ils perdront de leur grâce.— Enfin, je tâcherai qu'ils fassent honneur à mon éducation.

J'ai dîné hier chez Fougeux.— Eh bien! son frère n'est pas si ennuyeux que je l'avais cru: il le devient moins quand on le connaît davantage — ce qui est consolant.— Fougeux est un très bon diable; il est né grand-père. Et il n'est pas marié! — Je suis allé et revenu sur le dos de Comorn, qui a encore le pied assez sûr pour son âge. Il faisait noir dans la *forêt* de Blandureau. (Je suis revenu à 9 heures.)

Lundi.

J'ai fait cette nuit un rêve assez drôle — comme j'en fais quelquefois; je vais vous le raconter.— Il me semblait que je marchais le long d'une route bordée de peupliers. Il faisait sombre, j'étais très fatigué et pour arriver au gîte il fallait chanter cinq cents fois de suite: «A la voix de ta mère...» Je me hâtais d'en finir avec ma tâche et j'en perdais le compte: vous savez comme l'on s'obstine en rêve.— Tout à coup je vois venir à moi une grande figure blanche qui me fait signe de la suivre; je me dis: Tiens! c'est mon frère Anatole (je n'en ai jamais eu de ce nom-là), je trouve cela tout naturel et je le suis.— Quelques instants plus tard il me semble que nous sommes exposés à un grand vent: je jette un regard autour de moi; et malgré l'obscurité je puis distinguer que nous nous trouvons sur la cime d'un rocher extrêmement élevé et donnant sur la mer.— Mais où allons nous? demandé-je à mon conducteur.— Nous sommes des oiseaux, répond-il — partons.— Comment? des oiseaux, répliquais-

je.— Mouchez-vous — me dit-il. En effet, je veux me moucher et je trouve un long bec au beau milieu de mon visage avec une poche au-dessou. comme chez un pélican. Mais dans ce moment-même le vent m'enlève. Je ne saurais vous décrire le frémissement de bonheur que j'éprouvai en déployant l'envergure de mes grandes ailes; je montai contre le vent en jetant un grand cri de triomphe — et puis je me lançais en bas vers la mer — en frappant l'air par saccades, comme le font les mouettes. J'étais oiseau dans ce moment-là, je vous assure — et maintenant, à l'heure que je vous écris, je n'ai pas un souvenir plus distinct de mon dîner d'hier que de mes sensations d'oiseau: c'est parfaitement clair et net, non seulement dans la mémoire de ma cervelle si l'on peut s'exprimer ainsi — mais dans celle de tout mon corps — ce qui prouve que la vida es sueño — y el sueño es la vida [1]. Mais ce que je ne saurais vous peindre, c'est le spectacle qui se déroulait autour de moi, pendant que je planais ainsi dans l'air: c'était la mer, immense, agitée, sombre, avec des points lumineux çà et là — des vaisseaux à peine visibles glissant sur les vagues, des hautes falaises; parfois un grand bruit montait jusqu'à moi; — je me laissais tomber.— Le mugissement devenait plus distinct et me faisait peur — je remontais dans les nuages qui me semblaient rouler avec fracas, chassés par le vent.— De temps en temps une immense gerbe d'eau toute blanche s'élançait du sein de la mer et je sentais l'écume rejaillir sur mon visage — puis tout à coup de grandes lueurs s'étendaient au loin au-dessous de moi... Ah! me disais-je — ce sont les éclairs marins (!) découverts par Galilée... Ils ne vont pas si vite que les éclairs de l'air, parce que l'eau est plus lourde et plus difficile à déplacer.— A la lueur de ces éclairs — je voyais la mer illuminée jusqu'au fond; je voyais de gros poissons noirs avec de grosses têtes monter lentement jusqu'à la surface... Je me disais qu'il fallait que je tombasse dessus parce que c'était ma nourriture — mais je sentais une secrète horreur qui m'en empêchait... Et puis ils étaient trop gros.— Tout à coup je vois la mer blanchir et sautiller comme de l'eau qui bout — une teinte rose se répand autour de moi.. C'est le soleil qui se lève, me dis-je — fuyons — il va tout brûler.— Mais j'avais beau me jeter de côté et d'autre — tout devenait éclatant, lumineux, insupportable aux yeux — de grosses bulles brillantes montaient dans l'air — je sentais une chaleur étouffante — mes plumes commençaient

à roussir — j'aperçois le haut du disque du soleil qui occupait tout l'horizon et flamboyait comme une fournaise — une angoisse insupportable me saisit — et je m'éveille.— Il faisait déjà jour; je voyais devant moi le papier vert-saule de ma chambre et je ne comprenais pas encore où j'étais [2].—

Mais est-ce permis de décrire un rêve aussi longuement que cela? — Vous allez vous moquer de moi et vous aurez raison. Il est vrai qu'il n'y a pas abondance de matière à Courtavenel.

Lundi soir.

Le frère de Fougeux est encore venu dîner aujourd'hui à Courtavenel. Décidément — il n'est pas bête et n'est pas non plus très ennuyeux; cependant je trouve que je le vois trop souvent.— Du reste je crois qu'il va quitter bientôt ces beaux lieux, comme dirait le pauvre Mr Guy. Il ne fait rien, n'a pas de profession — et malgré cela il est tout encroûté de préjugés nationaux, bonapartistes, littéraires et judiciaires. Si du moins il avait profité de son indépendance pour se délivrer de tout ce fatras! Mais non. Un Allemand l'aurait plutôt fait.— Béranger a dit avec raison:

Philosophe
De mince étoffe
Ton œil ne peut se détacher
Du vieux coq de ton vieux clocher [3].

Mardi.

Je ne reçois qu'aujourd'hui votre billet avec la lettre de Mr Chorley, à laquelle je m'empresserai de répondre demain [4]. Verzeihung, Theuerste. Ich liege zu Ihren Füssen, und bitte mir auf den Nacken zu treten. Dites à Viardot (je lui écrirai aussi l'un de ces jours) que la chasse va être ouverte le 25.— Faut-il que je fasse des démarches pour son permis de chasse? — Du reste tout va bien — et je prie le bon Dieu de vous bénir mille fois et de vous ramener saine et sauve en France.

Toujours point de nouvelles de Mr et Mme Sitchès.— Bonjour. Portez vous bien et soyez heureuse...

Votre
J. Tourguéneff.

122. ПОЛИНЕ ВИАРДО

4, 5, 6, 7 (16, 17, 18, 19) августа 1849. Куртавнель

Courtavenel,
jeudi, 16 août 49.

Bonjour, Madame: guten Morgen, Liebe, Theure!

Et en effet, ils sont arrivés hier soir tous les deux. Je parle de M. et Mme Sitchès. J'ai été bien content de les voir. Et puis ils avaient l'air si heureux, ils me contaient une foule de choses, les moindres détails de leur voyage, et surtout du mariage [1] avec une volubilité si joyeuse! Ils m'ont montré le portrait de Léonard qui m'a l'air d'un bon diable. Je me suis fait raconter par eux comment ils ont revu Mlle Antonia, ce qu'ils lui ont dit, ce qu'elle leur a répondu; comment ils ont vu pour la première fois M. Léonard, ce qu'il leur a dit, ce qu'ils lui ont répondu, l'habit qu'il portait, le chapeau qu'il tenait à la main et leurs habits à eux, et puis ensuite, en s'élevant à des détails plus importants, les préparatifs du jour de noce, etc., etc. ils ont dû tout me décrire; et ils le faisaient, ils se répétaient avec délices, ils imitaient la manière de regarder, le son de voix de Léonard, et je les écoutais avec un véritable intérêt; car le bonheur est contagieux. Enfin j'espère que tout ceci continuera aussi bien que cela a commencé. Aujourd'hui le torrent est devenu ruisseau; nous parlons encore, mais la veine s'épuise.

Mlle Berthe arrive demain avec Louise. Courtavenel commence à se remplir. Je ne dînerai plus en tête à tête avec moi-même.

Vendredi.

Madame! permettez-moi de prendre un ton solennel à la hauteur des circonstances. Madame! un fléau terrible, semblable à ces plaies d'Egypte dont parle L'*Ecriture sainte* [2], est venu s'abattre sur les «beaux lieux» que vous habitez, ou plutôt que vous n'habitez pas. Il ne nous a pas frappés à l'improviste, il nous avait déjà souvent menacés de ses fureurs... que dis-je? nous avions plus d'une fois éprouvé l'effet de ses coups... (c'est du Racine, cela). Mais cette fois-ci le cruel a dépassé les prévisions les plus sinistres, ébranlé les cœurs les plus fermes et répandu au loin la stupeur du désespoir. Madame! ce fléau, c'est les rougets, ou ce sont les rougets, comme vous voulez [3]. Votre cœur sensible a dû le deviner. Madame! dans l'espace *d'une* heure, Madame votre tante, qui, remarquez-le bien, n'était pas

sortie de toute la journée, en a pris cinquante, *cincuenta*, *fünfzig*, *fifty*! sur son visage et sur son cou! Elle nous les a montrés; nous les avons comptés. Elle en prenait avec son mouchoir par deux, par trois, par cinq! Tous nos corps ne sont plus qu'une plaie comme celui d'Hippolyte... [4] Je me gratte avec les dix doigts jusqu'à faire ruisseler le sang! J'espère que cela ne durera pas. Ce serait trop épouvantable! Nous attendons Mlle Berthe avec impatience,— *para dar á comer á los hambrientos*, comme dit le seigneur D<on> Pablo,— peut-être qu'elle fera une diversion utile. Jamais cela n'a été aussi fort. Pourvu que la rage de ces animaux infernaux soit assouvie avant votre arrivée!

Le frère de M. Fougeux est décidément *a bore* (vous savez ce que cela veut dire en anglais) de la première classe. Il est venu me *rougetter* le jour de l'arrivée de votre tante. Jamais rien d'aussi lourdement suffisant, d'aussi prétentieusement vide, d'aussi solennellement niais ne s'est étalé sous la calotte des cieux. Connaissez-vous cet atroce petit sourire qui voudrait être malicieux et qui n'est que contraint, ce sourire tout saturé d'amour-propre, qui voltige si constamment sur les lèvres des sots contents d'eux-mêmes? Eh bien, ce sourire-là ne quitte pas la face blême de ce monsieur. Ce qui m'étonne dans tout cela, c'est ma bonhomie. Je fais sa conversation pendant des heures à cet être-là; je l'ai *cru* même *moins* ennuyeux que je ne l'avais senti... Et il y a des personnes qui prétendent que j'ai l'esprit tourné à la satire. Imaginez-vous qu'il a la manie de répéter de la prose par cœur. Nous parlions de descriptions... «Monsieur, me dit-il avec son air magistral, toute description est superflue à moins qu'elle ne soit comme celle de Fénelon dans „Télémaque" qui dit: „La nature n'était qu'un vaste jardin" [5]. Vaste jardin! Monsieur, vaste jardin! Voilà une idée neuve, belle, touchante qui parle à mon âme». Et pendant une demi-heure le monstre n'a cessé de répéter cette phrase divine, adorable, etc. Quel être insupportable! Il a dû être né dans une vieille cave humide des amours d'une vieille araignée et d'un crapaud paralytique. Je me figure le dieu de l'Ennui sous la figure d'une araignée toute poudreuse. En un mot, que les rougets le mangent! Je ne puis faire de vœu plus cruel. Mais il paraît qu'ils sont inconnus, à Rozay. Courtavenel en serait-il la patrie exclusive?

Samedi soir.

Mlle Berthe est arrivée hier avec Louison. Louise a très bonne mine, et Mlle Berthe n'a pas non plus l'air très maladif. La petite nous a montré ses prix et son ruban vert. Je lui trouve les manières un peu «je m'en fiche pas mal», mais cela se fera, car c'est une bonne et douce nature au fond, malgré son petit rire de casse-noisette. Le jardinier, voyant tout ce monde arriver, s'est mis à travailler un peu; Jean frotte plus que jamais; enfin, Courtavenel est tout pimpant, à l'heure qu'il est. Mais si l'on n'y met pas ordre, dans quinze jours les fossés seront remplacés par une belle ceinture de vase bien noire. Je ne sais si le jardinier est un rouge, mais il a bien les trois défauts principaux de ce parti auquel, du reste, je me fais honneur d'appartenir; c'est-à-dire qu'il est bavard, paresseux et propre à rien. Quel mauvais jardinier je ferais!.. En y réfléchissant, je ne sais pas *qui* je ferais *bon*. Est-ce du français? Ma foi, je m'en bats l'œil. Il y a longtemps que je n'ai reçu de lettre de vous! C'est un peu ma faute, mais à tout péché miséricorde. Bitte, bitte...

Dimanche.

Rien de nouveau depuis hier. Cependant les rougets paraissent ralentir leur fureur. Il était temps. Je devenais, comme dit Annibal, dans «L'Aventurière» [6], si laid à nu que je n'osais m'y mettre. J'ai promené ces dames en bateau; j'ai composé des chansons pour Louise. Ainsi, vous nous revenez dans quinze jours!

Le facteur vient, et il faut que je lui donne ma lettre... Vous tenez plus que votre parole, car voici deux lettres que vous avez déjà reçues depuis... Enfin! J'attendrai. Que Dieu vous bénisse mille fois et conserve votre santé. Tout à vous.

J. T.

P. S.— J'écrirai à Viardot demain. Les lièvres sont morts!

123. ЛУИ И ПОЛИНЕ ВИАРДО

8 (20) августа 1849. Куртавнель

Courtavenel,
ce 20 août 49.

Il faut cependant que je vous écrive, mon cher Viardot, avant votre retour à Courtavenel, qui, je l'espère, ne saurait tarder. On vous y attend avec beaucoup d'impatience.

Votre permis de chasse est tout prêt, à ce que m'a dit le facteur, il y a assez de gibier (surtout beaucoup de cailles) et Sultan se porte bien. Courtavenel (la maison) est dans un excellent état, je regrette de ne pouvoir en dire autant du parc. Le jardinier est vraiment d'une négligence impardonnable et Mlle Berthe a frémi d'horreur en voyant l'état sauvage, inculte et malpropre du petit jardin devant la maison. Il n'y a pas de fruits d'aucune espèce; toutes les groseilles ont subitement disparu, ce qui me chagrine pour vous, qui les aimez tant; enfin je vous avoue que vous ne feriez pas mal d'aviser à remplacer ce confrère républicain. Mr Jullien vous fait dire que la petite maison (vous savez — la malfamée) est à vendre pour peu de chose; il parle aussi de bois à acheter dans une lettre qu'il a envoyée à Mlle Berthe, et qui, je crois, va nous arriver ici aujourd'hui (la lettre); du reste, vous allez arranger tout cela vous-même. Il y a aussi la fuite d'eau qui est désagréable en ce qu'elle peut laisser bientôt les fossés à sec; et si vous vouliez donner vos ordres, on pourrait commencer à y travailler de suite; je ne comprends pas que pendant le curage on n'ait pas changé la bonde, qui est vieille et branlante comme la plus vieille dent de la plus vieille sorcière. Du reste, l'air ici est tout aussi pur et bon à respirer, l'eau aussi bonne que par le passé — et si vous désirez engraisser, venez. Experto crede Roberto [1]. Je vais faire l'un de ces quatre matins un petit voyage à Paris pour en rapporter mon fusil et autres choses indispensables, ainsi que le Gogol, pour nos heures de loisir. Nous traduirons «Le Manteau», si vous voulez [2]. J'ai reçu une lettre de chez moi, qui m'a replongé dans l'incertitude la plus complète sur le moment où l'on m'enverra de l'argent de la maison [3]; mais comme je ne suis pas tout à fait à bout de mes ressources (j'ai gagné au moins 1 000 F. depuis que je vis ici), je puis en conscience m'adresser à vous pour vous demander si vous pouvez me prêter 400 francs, dont j'ai besoin pour payer quelques dettes que j'ai. Je vous en serai reconnaissant et je tâcherai de ne pas trop tarder à vous les restituer. A propos, depuis le 15, on ne nous envoie plus «Le National» [4].

Et vous, comment vont vos affaires à Londres? Pas trop mal, je l'espère. J'allais vous demander toutes sortes de nouvelles sur votre séjour là-bas, mais je pense que je pourrai faire tout cela bientôt de vive voix.

Sur ce, je vous serre bien cordialement la main et reste

Votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

Mlle Berthe ne vous écrit pas par la raison qu'elle va à Rozay faire arranger le tilbury. Mille amitiés à tout le monde.

Madame!

Je vous remercie d'avance pour l'aimable *accueil*
Que vous ferez à mon *bouvreuil*
Il en sera tout bouffi *d'orgueil*
Ce qu'il mange, ce n'est pas du *cerfeuil*
Comme un *chevreuil*
Cette nourriture le conduirait au *cercueil*
De mon voyage, je suis sur le *seuil*
Demain, à 8 h. du matin, assis comme dans un *fauteuil*
Je vais quitter Paris *en deuil*
De mon absence; et aussitôt arrivé je vous
enverrai un *recueil*
Les impressions de mon *œil*
Cette dernière rime est défectueuse,
mais je défie votre mari lui-même
d'en trouver une autre en *euil*
Sans avoir recours aux noms propres comme *Auteuil*.

A revoir dans quinze jours et que le bon Dieu vous bénisse un million de fois!

Votre
J. Tourguéneff.

124. ЛУИ ВИАРДО

11(23) августа 1849. Куртавнель

Courtavenel.
Jeudi, 23 août 49.

Vous devez déjà savoir par les journaux, mon cher Viardot, que ce n'est pas le 25 que s'ouvre la chasse; je puis vous informer de la date précise, puisée par moi à la source officielle, chez Mr Black, maire à Vaudoy: c'est le 2 septembre. Cependant, venez aussitôt que vous le pourrez, car il fait très beau à Courtavenel. Mme Garcia est arrivée hier de Bruxelles en parfaite santé. Mlle Berthe et Louison sont ici depuis vendredi. J'ai déjà commencé mes leçons d'allemand avec la petite, qu'il faut aussi faire travailler à l'espagnol, qu'elle commence à oublier un peu; du reste, elle est vraiment très gentille de toutes les façons et se porte à merveille. J'aurais bien une prière à vous adresser, mais je suis bien bête de le faire si tard; du reste, c'est un caprice

qui me passe par la tête et qui, je le crains bien, n'a pas le sens commun. Je voudrais bien avoir une chienne anglaise pour la chasse... et, s'il vous en tombait une toute dressée dans la poche, vous me feriez plaisir en l'amenant. Mais, je le répète, c'est une folie, et vous aurez bien autre chose à faire pendant les derniers jours que vous passerez à Londres. Il n'y a pas immensément de perdrix cette année à C⟨ourtavenel⟩ et beaucoup de cailles.

Le «Musical World» que nous recevons régulièrement nous annonce tout ce que fait et ce que fera Madame; dans le dernier n°, il y a le programme des concerts de Liverpool [1]. Elle nous ferait à tous le plus grand plaisir, si elle nous disait un mot de la représentation de «D⟨on⟩ Juan» de demain [2]. Tout le monde ici pense beaucoup à elle et la salue de son mieux.

A revoir et à bientôt, mon cher ami, à revoir sur le champ de bataille entre le Jarriel et Vaudoy [3].

Tout à vous
J. Tourguéneff.

125. ЭММЕ ГЕРВЕГ

Конец (не позднее 30) октября н. ст. 1849. Париж

Da haben Sie ein Billet für Chopin's Beisetzung [1]. Es wird Mozart's «Requiem» aufgeführt [2]. Ich habe zu Ihnen nicht kommen können diese Tage.— Wie geht es Ihnen? — Mir immer sehr schlecht. Ich grüsse Sie herzlich.

Ihr
I. Turgeneff.

Man muss an ½ 12 in der Kirche sein.

126. А. А. КРАЕВСКОМУ

22 октября (3 ноября) 1849. Париж

Париж.
$\frac{3 \text{ ноября}}{22 \text{ октября}}$ 49.

Темные слухи дошли до меня, любезнейший Краевский, что Вы напечатали в «О⟨течественных⟩ з⟨аписках⟩» моего «Холостяка» [1].— Желаю, чтобы он понравился русской публике. Но дело не в том — а вот в чем: я получил от моего брата письмо, в котором, после красноречиво-

го описания расстройства наших дел, благодаря болезни моей маменьки и прочим обстоятельствам — он сообщает мне печальное известие, а именно: я не только не получу от нее должные мне за нынешний год 6000 р., но и вообще не должен надеяться на подмогу из родительского дома [2]. Это известие меня крайне сконфузило — и потому прибегаю к Вам с следующей убедительной просьбой: сколько я Вам должен за вычетом «Холостяка»? Положим: x; прибавьте к этому 300 р. сер., и я Вам буду должен 300 р. сер. + x. Я Вас могу уверить, что я всё это в скорости заработаю (не я же виноват в том, что «Нахлебнику» отсекли голову [3]).— Я с Вами заочно согласен в том, что мне бы следовало Вам выслать с сим письмом какую-нибудь вещь по части литературства — но Вы вникните тоже в то обстоятельство, что у меня теперь гроша нет наличного — и вместо ожиданных, как манна небесная, 6000 р.— пшик! — И потому чем Вы мне скорее вышлете эти деньги, тем более я буду Вас уважать и тем ревностнее буду действовать насчет пополнения «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» — оригинальными статьями, как Вы, г-да журналисты, говорите в Ваших программах à l'adresse des иногородных. Насчет «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩»: я уже совершенно потерял надежду увидеть их очами своими — хоть Вы бы выслали один экземп⟨ляр⟩ «Холостяка»! — Мой адресс: Rue et Hôtel du Port-Mahon, № 9.— Я буду с жадностью ожидать Вашего ответа — дай бог, чтобы не с голодом [4]. Впрочем, желаю Вам всяких благ, жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
И. Тургенев.

Вот Вам перечень статей, назначенных для «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩»:

1). «Дневник лишнего человека», род повести.
2). «Вечеринка», комедия в 1-м действии.
3). «Гувернантка», комедия в 5-ти действиях [5].

Да напишите Вы мне между прочим несколько слов о состоянии нашей литературы, сделавшейся для меня чем-то необыкновенно загадочным и крайне неизвестным.

127. ГЕНРИ ЧОРЛИ

25 октября (6 ноября) 1849. Париж

Paris, ce 6 novembre 49.

J'avais eu l'intention de vous écrire le lendemain de la première représentation du «Prophète» [1], mon cher Monsieur Chorley, mais je n'ai fait qu'ajouter un pavé au chemin de l'enfer — vous savez qu'on dit qu'il est pavé de bonnes intentions. Cependant je n'en ai pas voulu avoir le démenti et je vous écris aujourd'hui. Je commencerai donc par vous dire de notre amie qu'elle a été *rather nervous* à la première représentation, grâce au bruit, qui s'était propagé, qu'on voulait lui faire une mauvaise réception pour la punir d'avoir assisté à un banquet républicain à Londres [2]. Ce banquet est, comme vous le savez bien, une fable absurde — mais ces messieurs *honnêtes et modérés* n'y regardent pas de si près, quand il s'agit de calomnier et d'insulter les gens, qui ne peuvent pas se défendre.— La réception de Mme Viardot a été superbe — et ces braves messieurs n'ont pas donné signe de vie: cependant l'appréhension qu'elle avait ressentie — avait suffi pour lui ôter une partie de ses moyens — et elle n'a été vraiment elle-même que dans le 5-me acte. Mais dès la seconde soirée elle a reparu plus triomphante que jamais. Vous avez dû lire dans les journaux qu'elle a aussi chanté le «Requiem» de Mozart aux obsèques de ce pauvre Chopin. L'église de la Madeleine est malheureusement fort peu sonore ou plutôt elle l'est beaucoup trop — les sons s'y confondent et s'y perdent. Cependant elle a chanté sa partie avec une voix magnifique et ce style d'église simple et grandiose, dont elle possède le secret. La cérémonie funèbre a du reste été très belle et très touchante; — ce n'était pas une cérémonie — c'étaient de véritables adieux adressés à un être chéri. Il y avait beaucoup de femmes dans l'église et beaucoup d'entr'elles pleuraient sous leur voile. L'[a] orchestre a joué une Marche de Chopin, triste et gémissante; on a aussi exécuté un petit prélude de lui sur l'orgue qui aurait été encore plus touchant, si l'organiste n'avait pas abusé du registre surnommé «de la voix humaine», qui n'est après tout qu'une jonglerie indigne d'un instrument aussi imposant que l'orgue — et qui avec ses tremblottements chevrotants et nasillards —

---

[a] *Далее зачеркнуто:* orgue

en fait de voix humaine, imite tout au plus celle d'une vieille femme [3]. A propos — votre article sur Chopin dans l'«Athenæum» m'a fait beaucoup de plaisir; je crois qu'il est difficile d'être à la fois plus sympathique et plus juste: c'est ainsi qu'il faut parler des morts [4].

Vous savez probablement qu'on s'occupe maintenant de monter «Les Huguenots» avec Roger [5].— Il faut l'avouer — entre nous — Roger baisse à vue d'œil; sa voix devient presque pénible à entendre; elle est lourde, fatiguée; il ne peut plus chanter piano; les transitions d'une note à l'autre sont heurtées — sa voix est endolorie en un mot — comme les jambes d'un cheval qu'on a forcé — et qui ne peut plus marcher au pas [б]. Il fera bien dans «Les Huguenots» — comparativement aux autres; et cependant — ce n'est certainement pas un grand acteur — malgré tout son aplomb et ses petits détails de gestes et de jeu de physionomie — quelqu'un a comparé sa manière de jouer avec l'étalage d'un magazin de modes.

Pour en revenir à Mme Viardot — je vous dirai que sa santé est très bonne et qu'elle est in *high spirits* — d'une gaîté active et réfléchie — comme vous la connaissez.— Elle est en deuil maintenant; une des sœurs de Viardot est morte [6].— Vous savez que Mme V⟨iardot⟩ va à Berlin chanter «Le Prophète» pendant les mois d'avril et de mai [7].— Nous avons lu avec elle à la campagne une grande partie de «Vanity Fair». C'est un bon ouvrage, vigoureux et sage, très fin et très original; mais pourquoi faut-il qu'à chaque instant l'auteur intervienne entre le lecteur et ses personnages — et se met à débiter avec une *self-complacency* tout-à-fait sénile des réflexions, qui pour la plupart sont aussi pauvres et plates, que [в] les caractères sont tracés de main de maître.— Mr Thackeray est un esprit remarquable qui a vu beaucoup et loin — et qui a de belles qualités d'écrivain; mais si son talent est grand — les habitudes de son talent sont petites et quelquefois maladives; il faut qu'il s'en défasse pour compter au rang, où il est appelé par les dons très rares et très harmonieux, qu'il a reçu de la Nature.

«Le Prophète» fait rage; — hier lundi — (je vous écris un mardi.) — il m'a été impossible de trouver la moindre place.— La vogue est décidément revenue à l'Opéra.

[б] *Далее зачеркнуто:* Cependant il

[в] *Далее зачеркнуто:* le récit et

J'espère que nous aurons le plaisir de vous voir ici pendant l'hiver; nous comptons tous là-dessus.— Je vous remercie beaucoup de votre souvenir dans[г] vos lettres à Mme Viardot; croyez que j'attache un grand prix à votre amitié— si vous me permettez d'employer ce mot.— Portez-vous bien et n'ayez pas trop de *troubles*; acceptez ce désir cordial et une bonne poignée de main de la part de

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

Rue et Hôtel de Port-Mahon, № 9.

128. А. А. КРАЕВСКОМУ

1(13) декабря 1849. Париж

Париж.
13-го / 1-го декабря 49.

Шесть недель тому назад, любезный Краевский, послал я к Вам письмо, в котором излагал мое печальное положение и просил выслать мне 1000 руб. [1] — Ответа я от Вас до сих пор не получил никакого: вероятно, Вы сперва хотели обождать мою присылку. К сожаленью, я до сих пор еще ничего не успел кончить; но вот что я могу Вам предложить. На днях я прочел в одном письме гр⟨афа⟩ Виельгорского (Матвея) весьма большие похвалы моему «Нахлебнику», которого в одном обществе прочел Щепкин [2]. Граф прибавляет: «Cette pièce n'a pas *encore* été jouée». Стало быть, есть надежда, что ее дадут — и в таком случае позволят печатать.— Вот Вам и пожива. Но я наперед прошу, чтобы никаких важных изменений в этой комедии не было; лучше ее вовсе не печатать, чем напечатать изуродованную. Если Вы в надежде на эту возможность, а также вообще на мою литературную деятельность, решитесь мне выслать 1000 руб., я очень буду доволен, особенно если Вы не замешкаетесь. Я нахожусь в совершенной крайности. Вместе с высылкою (если Вы решитесь мне выслать деньги) напишите мне аккуратно — сколько я Вам остаюсь должен. Только повторяю — не мешкайте и решитесь тотчас: да или нет.

[г] *Далее зачеркнуто:* les

Из того же письма я вижу, что моего «Холостяка» дали на театре и что он заслужил un succès d'estime [3].— Я другого не ожидал — и рад даже этому.— 2-й акт для сцены холоден. Мои петербургские приятели словно забыли о моем существованьи; хоть бы один мне строку написал.— Без писем, без журналов я совершенно отрезан от России: это очень мне тяжело — но горю помочь, видно, нечем. Никогда горох не отскакивал от стены так, как мои неотступные моленья от покрытых панцирями грудей моих приятелей. Дай бог им здоровья и надворного советничества!

Я оканчиваю «Дневник лишнего человека» и, как только кончу, вышлю Вам [4].

Убедительно прошу Вас дать мне ответ — какой хотите, положительный или отрицательный — только ответ, и в скором времени. Впрочем, желаю Вам всех возможных благ и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

Мой адресс — Rue et Hôtel du Port-Mahon, № 9.

P. S. Я Вас просил о высылке одного экземпляра «Холостяка» — но, видно, это такая же невозможность, как обещанная Вами высылка «Отеч⟨ественных⟩ записок». Повторяю эту просьбу — хотя не надеюсь на исполнение. Меня мои знакомые не избаловали — нечего сказать!

129. А. А. КРАЕВСКОМУ

13 (25) декабря 1849. Париж

Париж.
$\frac{25}{13}$ декабря 49.

Сию минуту получил я Ваше письмо, любезный Краевский, с приложенными 300 р. сер. [1] — и немедленно отвечаю. Эти деньги решительно спасли меня от голодной смерти — и я намерен доказать Вам мою благодарность.— Во-первых, посылаю Вам переписанную треть «Дневника», вещи давно оконченной, но по непростительной моей лени и неряшеству до сих пор не переписанной вполне [2]; я Вам посылаю это для того, чтобы доказать Вам, что этот «Дневник» — не миф; над остальным я буду трудиться

денно и нощно — и будь я Булгарин, если через две недели Вы не получите окончания, *вместе с отчетом о «Пророке»* [3].— Что же касается до «Гувернантки» — то эта комедия совершенно отдельная от «Студента» — и на этот счет мне нужно попросить у вас извиненья.— Я позабыл, что обещал Вам «Студента» — и обещал его «Современнику»; но Вы через это ничего не потеряете,— потому что я Вам даю честное слово — не послать «Совр⟨еменник⟩у» «Студента» ранее, чем Вам — «Гувернантку» [4]. «Студент» доведен до 4-го акта, «Гувернантка» до 3-го (обе комедии в пяти).— Вторично прошу у Вас извиненья — если по этому поводу возникнут недоразуменья. «Вечеринка» — точно окончена; но я не знаю, переписывать ли мне ее — потому что цензура наверное ее изуродует.— Вот точное и верное *«положение дел»*. Порукой в моей деятельности может Вам послужить то обстоятельство, что мой разрыв с маменькой окончательно состоялся — *и мне приходится зарабатывать свой насущный хлеб* [5]. Вследствие этого Вы не будете пенять на меня — если я Вам скажу, что цена моему печатному листу — 200 р. асс. Я с «Современника» беру 50 р. сер.— а Вы сами знаете разницу между Вашим листом и листом «Современника». Стало быть я Вам должен не 610 р. 85 к. сер.— а вычтя 28 р. 57$^1/_2$ к. (100 р.— по 25 за лист) — останется 582 р. 27$^1/_2$ к. сереб. Сумма порядочная — но Вы увидите, как я ее скоро заработаю.— Ваши советы насчет моего возвращенья чрезвычайно дельны — и я очень Вам благодарен за ваше участие; впрочем, я и без того имел твердое намеренье *вернуться весной*. Пора — как Вы говорите [6]. В начале мая — я у Вас в кабинете [7].

За Ваше обещание насчет «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩» благодарю Вас. Надеюсь, что Вы здоровы и в духе — желаю Вам всех возможных благ. Я бы желал, чтобы «Дневник» Вам понравился: я его писал con amore.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Пожалуйста, сохраните мои рукописи к моему приезду. Через две недели окончание «Дневника!».

130. А. А. КРАЕВСКОМУ

28 декабря 1849 (9 января 1850). Париж

Вот Вам, любезный Краевский, половина моего обещания: письмо о «Пророке». На этот раз не *я* виноват, если не все исполнено; я только что оправился от довольно сильной простуды, которая заставила меня проваландаться целые 10 дней. Но я могу обещать Вам, что через неделю Вы получите окончание «Дневника»; к февральской книжке он поспеет [1]. Не выставляйте даже начальной буквы моего имени под письмом о «Пророке»: на то есть у меня особенные причины [2].

Я буду работать — Вы увидите. Будьте здоровы — и вышлите мне «О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩», если это не совсем невозможно.

Ваш
Ив. Тургенев.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1. В ПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

4 (16) августа 1833. Москва

В Правление императорского Московского университета.

От Ивана Сергеева сына Тургенева

Прошение.

Родом я из дворян, от роду мне шестнадцатый год [1]. Обучался в доме моих родителей: закону божию, языкам: российскому, латинскому, немецкому, французскому, английскому, арифметике, алгебре и геометрии, физике, истории и географии. Ныне, желая усовершенствоваться в высших науках, покорнейше прошу сие Правление, подвергнув меня надлежащему испытанию, включить в число своекошных студентов по Словесному отделению [2].

При сем прилагаю свидетельство о моем рождении и крещении и копию с протокола Тульского дворянского депутатского собрания о дворянском происхождении. К сему прошению из дворян Иван Сергеев сын Тургенев руку приложил.

1833 года.
Августа 4 дня.

2. В ПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

14 (26) июня 1834. Москва

В Правление императорского Московского университета
От своекошного студента Словесного отделения
Ивана Тургенева

Прошение.

Поступив в сей университет в число своекошных студентов по экзамену в октябре месяце 1833-го года [1]; а как ныне имею желание поступить для слушания профессорских лекций в Санкт-Петербургский университет [2], то прошу оное Правление, уволив меня из университета,

снабдить надлежащим о учении моем свидетельством, с возвращением представленных мною при вступлении документов. К сему прошению Иван Сергеев сын Тургенев руку приложил.

Июня 14 дня 1834-го года.

3. РЕКТОРУ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

18 (30) июля 1834. Петербург

Его превосходительству
господину ректору императорского Ст-Петербургского университета, действительному статскому советнику и кавалеру Антону Антоновичу Дегурову

Студента Московского университета Тургенева

Прошение.

Поступив в 1833-м году в число своекошных студентов Московского университета для продолжения наук по Словесному факультету и быв в нынешнем году, после экзаменов, переведен из числа первогодичных студентов во второй курс [1], ныне имею желание поступить в число своекошных студентов Ст-Петербургского университета по Историко-филологическому факультету и покорнейше прошу Ваше превосходительство сделать о сем надлежащее распоряжение [2].

При сем имею честь приложить свидетельство из депутатского дворянского собрания, свидетельство о рождении и крещении и аттестат, полученный мною от Правления Московского университета.

Иван Тургенев.

1834-го года.
Июля 18-го дня.
Жительство имею на Шестилавочной, в доме Родионова.

Приписка:

Означенные в сем прошении документы обратно получены 2-го декабря 1837-го года.

Иван Тургенев.

4. РЕКТОРУ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

17 (29) сентября 1834. Петербург

Его превосходительству
господину ректору Санкт-Петербургского университета,
действительному статскому советнику и кавалеру
Антону Антоновичу Дегурову

От студента Ивана Тургенева

Прошение.

Пробыв год в Московском университете и выдержав надлежащий экзамен для перехода из первого курса во второй, в доказательство чего подан мною в правление Ст-Петербургского университета аттестат и надлежащие бумаги, прошу Ваше превосходительство позволить мне держать экзамен для вступления во второй курс Историко-филологического факультета.

Студент Иван Тургенев.

17 сентября 1834-го года.

Жительство имею на Шестилавочной, в доме Родионова.

5. РЕКТОРУ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

11 (23) мая 1837. Петербург

Его высокородию господину ректору Санкт-Петербургского университета, статскому советнику и кавалеру,
Ивану Петровичу Шульгину.

Действительного студента С. Петербургского
университета
Ивана Тургенева

Прошение.

Окончивши в прошлом 1836-м году курс университетского учения и желая более усовершенствоваться в науках посещением университетских лекций, на что я и получил от Вас изустное разрешение, прошу Ваше высокородие дозволить мне подвергнуться испытанию с студентами нынешнего курса для получения следующего мне аттестата [1].

6. В ТУЛЬСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ ДЕПУТАТСКОЕ СОБРАНИЕ

30 октября (11 ноября) 1839. Спасское

30 октября 1839

Всепресветлейший державнейший великий государь император Николай Павлович самодержец всероссийский государь всемилостивейший

Просит Санктпетербургского университета кандидат Иван Сергеев сын Тургенев, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

В истекшем 1838-м году, отправляясь я в чужие края из С.-Петербурга морем на пароходе под именем «Николай I», командуемом капитаном Шталем, в ночи 31-го (19) майя около одной мили от Травемюндского рейда близь Гроца Клюца неизвестно от чего тот пароход несчастным образом загорелся [1], и все пассажирские пожитки, сколько на оном было, сделались добычею огненного пламени, в том числе и мое имущество — выключая протчего из числа документов, выданная из Тульского дворянского депутатского собрания о происхождении моих предков господ Тургеневых и меня с протокола дворянской грамоты копия [2], а как без оной обойтиться мне невозможно, почему, объясня сие, Всеподданнейше прошу к сему, дабы Высочайшим Вашего императорского Величества Указом повелено было сие мое прошение в Тульском дворянском депутатском собрании принять и по вышеизъясненным мною обстоятельствам, о дворянском нашем происхождении учиня надлежащую справку, с сказанного протокола дворянской грамоты за должною того присутственного места скрепою благоволено бы было выдать копию, по всем оном сделать законное постановление мною сочиненному прошению.

Всемилостивейший государь, прошу Вашего императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. Октября [3] дня 1839-го года к поданию надлежит в Тульском дворянском депутатском собрании; прошение писал полковницы Варвары Петровны Тургеневой служитель Егор Дмитриев Хрусталев.

Санктпетербургского Университета Кандидат Иван Сергеев сын Тургенев руку приложил; вышеупомянутую же копию для доставления верю получить отставному Гвардии штабс-ротмистру Николаю Николаевичу Тургеневу [4]. Жительство я имею в столичном городе С.-Петербурге.

7. РЕКТОРУ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

31 марта (12 апреля) 1842. Петербург

Его превосходительству господину действительному статскому советнику, ректору С. Петербургского университета Петру Александровичу Плетневу.

Кандидата Тургенева

Прошение.

Желая получить степень магистра философии, покорнейше прошу Ваше превосходительство допустить меня к испытанию [1]. При сем прилагаю копию с аттестата, выданного мне 10-го июля 1837-го года под № 1468-м Санкт-Петербургским университетом на степень кандидата [2]

Иван Тургенев.

31-го марта 1842-го года.

8. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

7 (19) января 1843. Петербург

Его высокопревосходительству, господину министру внутренних дел, члену Государственного совета, гофмейстеру и кавалеру Льву Алексеевичу Перовскому

Кандидата философии
Ивана Тургенева

Прошение.

Желая поступить в Министерство внутренних дел и не имея в наличности диплома на звание кандидата философии, выданного мне здешним университетом, копию с которого я обязываюсь в скором времени представить [1], покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство по случаю моего прошения приказать учинить следующее распоряжение [2].

Кандидат философии Иван Тургенев.

7-го январа 1842-го[a] года.

Жительство имею в С.-Петербурге,
на Стремянной, в доме Гусева.

---

[a] *Так в подлиннике.*

9. В КОНТОРУ ШТИГЛИЦА

21 июля (2 августа) 1843. Петербург

Je prie le comptoir de Mr le Baron Stieglitz [1] d'adresser la moitié des deux mille roubles, que je lui fais parvenir, c'est à dire mille roubles ass⟨ignats⟩ à l'ordre de Mr *Arnold Ruge* à Dresde; les autres mille roubles devront être envoyés à l'ordre de Mr *Michel de Bacounine* à Zurich [2]. Je prie de même le comptoir de remettre au porteur de ceci des secondes lettres de change, c'est à dire des copies des deux lettres de change, qu'on aura la bonté d'envoyer. En même temps je crois de mon devoir de faire savoir au comptoir que je compte payer dans un très court espace de temps 150 écus avec les pour-cents que je dois à Mr Schickler de Berlin et 350 écus que je dois à Mr l'Ambassadeur de Russie à Berlin [3]. Je n'ai pas donné de lettre de change à Mr l'Ambassadeur — mais j'en ai donné une à Mr Schickler, et je crois qu'elle se trouve au comptoir de Mr le Baron. Si c'est là le cas, je prie le comptoir de retenir cette lettre de change pendant le peu de jours qui vont s'écouler jusqu'au payement définitif.

Ce 21 juillet v. s. 1843.

J. de Tourguéneff.

10. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

12 (24) февраля 1844. Петербург

Его высокопревосходительству господину министру внутренних дел, действительному тайному советнику и кавалеру Льву Алексеевичу Перовскому

Состоящего при Министерстве внутренних дел коллежского секретаря Ивана Тургенева

Прошение.

Имея надобность, по внезапно усилившейся болезни моей матери, немедленно отправиться в Москву, честь имею просить Ваше высокопревосходительство разрешить выдачу мне отпуска на 28-и дневный срок [1].

Санкт-Петербург, 12-го февраля 1844-го года.

Коллежский секретарь Иван Тургенев.

11. В ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

15 (27) февраля 1844. Петербург

Вследствие полученного мною предписания, спешу уведомить 2-ое отделение департамента общих дел Министерства внутренних дел, что я немедленно отвечал его превосходительству тайному советнику барону Мейендорфу по поводу известного дела — излагая в моем письме твердое намерение в самоскорейшем времени удовлетворить всем требованиям [1].

Коллежский секретарь Иван Тургенев.

Санкт-Петербург.
15-го февраля 1844-го года.

12. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

17 (29) мая 1844. Петербург

Его превосходительству господину директору департамента общих дел, управляющему особенною канцеляриею Карлу Карловичу фон Полю

Коллежского секретаря Ивана Тургенева

Рапорт.

Возвратившись из дарованного мне отпуска, честь имею представить выданный мне вид; причина же моей просрочки заключается в продолжительной болезни, препятствовавшей мне выехать из Москвы; в удостоверение чего прилагаю при сем свидетельство, выданное по просьбе моей г-м обер-полицийместером московским[1]. — Санкт-Петербург, мая 17-го дня 1844-го года.

Коллежский секретарь Иван Тургенев.

13. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

5 (17) февраля 1845. Петербург

Его превосходительству господину директору департамента общих дел Министерства действительному статскому советнику и кавалеру Карлу Карловичу
фон Полю

Состоящего при Министерстве внутренних дел коллежского секретаря Ивана Тургенева

Прошение.

Получив на днях известие о внезапной болезни моей матери — а также и для устроения моих домашних дел, покорно прошу Ваше превосходительство уволить меня в отпуск в Москву на два месяца [1].

Санкт-Петербург. 5-го февраля 1845-го года.

Коллежский секретарь Иван Тургенев.

14. НИКОЛАЮ I

3 (15) апреля 1845. Петербург

Всепресветлейший, державнейший
великий государь император
Николай Павлович,
самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит коллежский секретарь
Иван Сергеев сын Тургенев;
а о чем, тому следуют пункты:

1)

Состоя в службе Вашего императорского величества при Министерстве внутренних дел, по слабости зрения не могу далее продолжать (своей) службы, по каковой причине всеподданнейше прошу.

К сему

Дабы повелено было об увольнении меня в отставку сделать надлежащее распоряжение [1], снабдив меня о службе аттестатом и паспортом для прожития в России, для получения коих я имею — возвратиться в Санктпетербург по истечении срока дозволенному мне начальством отпуску в столичный город Москву. Апреля 3-го дня 1845 года. К поданию надлежит в департамент общих дел Министерства внутренних дел. Прощение сие со слов просителя писал канцелярский служитель Василий Иванов сын Русов.

прошению коллежский секретарь Иван Сергеев сын Тургенев руку приложил. Жительство имею в Москве, в Пречистенской части, в приходе Успения, что на Остоженке.

15. К. К. ФОН ПОЛЮ

4 (16) апреля 1845. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Пять дней тому назад послано, по просьбе моей, от исправляющего должность Московского обер-полициймейстера в Департамент общих дел Министерства — отношение о том, что, по болезни, я не в состоянии выехать из Москвы [1]; вчера же послана мною в тот же Департамент просьба об увольнении меня из службы; посему решаюсь прибегнуть к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою исходатайствовать мне отставку — и формулярный список о службе моей, а равно и вид на прожитие приказать оставить при Департаменте общих дел до возвращения моего в Санкт-Петербург, куда я прибуду тотчас по выздоровлении [2];

С совершенным уважением и таковою же преданностью, честь имею пребыть навсегда

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Иван Тургенев.

Москва. 4-го апреля 1845-го года.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

6. Н. С. Тургеневу (с. 131)

С немецкого:

Дорогой Николай!

Я не виноват, что долго молчал, я был болен, и мне на шею приставили двенадцать пьявок. Я прочел твое письмо к папеньке и пожалел тебя, что начало службы кажется тебе столь тяжелым [1]. Будь здоров и бодр; всё будет хорошо. Пожалуй, маменька не поедет на этой неделе, так как погода отвратительна [2]. До свидания. Остаюсь твой друг и брат

И. Тургенев.

P. S. Купи и пришли мне (деньги я вышлю) «Литературу» Вольфа в *1 томе* [3].

34. Беттине Арним (с. 181)

С немецкого:

Милостивая государыня,

Когда Вы вчера рассказали мне о той удивительной ассоциации, которая возникла у Вас при созерцании мерцающего огня, когда Вы затем говорили о природе как о чем-то одушевленном, живом и под конец задали мне вопрос, понял ли я Вас,— я ответил на это утвердительно: но мне очень важно знать — действительно ли я понимаю это.— Эта тесная связь человеческого духа с природой — не случайно самое приятное, самое прекрасное, самое глубокое явление нашей жизни: только с духовным началом, с идеями может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление. Однако для того чтобы иметь возможность вступить в этот союз, надо быть таким же правдивым, как сама природа, чтобы каждый замысел природы, каждое ее движение претворились в человеческой душе непосредственно в сознательные мысли, в духовные образы.— Но и тот человек, который еще чужд истине, чувствует это; томление вечера, тихая самоуглубленность ночи, полная мысли радость утра сменяются в его груди: он создан из плоти и крови, он дышит, он видит; он не может избегнуть влияния природы; он не может всецело жить во лжи. Чем сильнее человек стремится к простоте истины, тем богаче и содержательнее будет его общение с природой — и как же может быть иначе, раз истина есть не что иное, как природа человека? Если стоять на *этой* точке зрения (а на этой точке зрения стоят многие люди) — как бесконечно сладостна — и горька — и радостна и в то же время тяжела жизнь! Пребываешь в постоянной борьбе — и никогда не можешь спастись при помощи отступления: надо довести всю борьбу до конца. Глубокий, прекрасный смысл природы вдруг откроется на мгновение кому-нибудь — и исчезнет: это предчувствия, которые, едва встрепенувшись в душе, тотчас же снова улетают; порою кажется: природа (а под природой я разумею весь живой дух, ставший плотью) хочет говорить — и

вдруг она немеет и лежит перед нами мертва и молчалива; глубочайшая ночь окутывает всё кругом. То, что мы не живем в истине, так легко видеть! Стоит только выйти в открытое поле, в лес — и если, несмотря на всё радостное состояние души, чувствуешь всё же в сокровенной ее глубине какую-то сдавленность, внутреннюю скованность, которая появляется как раз в тот миг, когда природа овладевает человеком,— тогда узнаешь свои пределы, ту темь, которая не хочет исчезнуть в ярком свете самозабвенья, тогда скажешь себе: «Ты всё еще эгоист!». Но то, что можно, как Вы сказали вчера, освободиться от собственной личности и обрести ее вновь именно в духе, которому отдался («*чем всестороннее, тем индивидуальнее*»,— говорите Вы в «Гюндероде» [1]),— это Вы нам доказали — или нет — Вы это осуществили — а мы созерцаем.— То, что Вы, наблюдая, как ветер относит пепел прочь от огня, думали о Гёте, и то, как Вы об этом думали,— не было, я в этом твердо убежден, *сравнением*: между Вашим созерцанием и Вашей мыслью не было разрыва; движение природы претворилось непосредственно в эту мысль: ибо как вся природа, вплоть до ее самых сокровенных колебаний, открыта для Вас, так и Ваш дух весь открыт для природы; как растения из земной почвы, вырастают Ваши мысли — это то же самораскрытие духа, который там как органический образ, здесь как мысль этого образа, как поросль души, заявляет о себе свету.— Таким должен был бы быть каждый человек: вместо того чтобы, как многие это делают, например при пении соловья, отдаваться безотчетному томлению, у людей должен быть в груди неиссякаемый родник мыслей, исполненных чувства любви — и так же многочисленны и бесконечны, как образы природы, должны быть образы мыслей, в ничтожнейшем и величайшем божественны, просты, как слово природы, которое есть «бог»,— то спокойны и сдержанны, как глубокая долина при восходе солнца,— то безудержны и дики, как буря,— то богаты и многообразны, как звук. Быть единым и бесконечно различным в себе — разве это не чудо? Природа — *единое* чудо и целый мир чудес: таким же должен быть каждый человек — таков он и есть; и что он именно таков, открыли нам великие люди всех времен. Разве напрасно мы люди? Разве напрасно всё духовное в природе соединилось в одну светлую точку, которая называется «Я»? [2] Чем была бы природа без нас, — чем были бы мы без природы? И то и другое немыслимо! Что Вы счастливы и будете счастливы, что Вы простосердечны и свободны — порукой тому является для нас Ваша любовь, да — Ваше сочувствие природе, которая скорбит, покинутая людьми: поэтому-то она была с Вами откровенна, говорила с Вами, раскрыла Вам всю свою жизнь — и свою скорбь,— как тот ручей, которому Вы однажды крикнули: «Дитя! почему ты плачешь? чего тебе недостает?» — когда он так робко бормотал в камышах [3]. Поэтому Вы никогда не *описывали* природу: я сказал бы — природа под Вашим пером претворялась в слова; что означает это слово, что содержится в нем божественного, что называется искусством, формой — этому Вы нас первая научили.— Поверите ли Вы — я хочу отдать себе отчет в том счастье, которое испытываю, когда читаю Вас: мне отпущено небом так много способности самозабвения, что я могу совсем позабыть себя; не знаю сам, справедливо ли это, что я только что написал, да и не хочу этого знать; счастье говорит моими устами — и я даю волю ему говорить.— Когда мне не хватает слова, когда мне в нем отказано, то для меня не существует и природы, потому что слово — природа духа, мыс-

ли. Но внутренне я ощущаю полноту жизни: у меня предчувствие счастья, на которое я имею право,— счастья истины. Я нашел подходящее слово: между Вами и природой нет границы; в обеих живет один и тот же бог, который в Вас сознает себя как мысль, как откровение; велик ли он? Как Вы можете это знать, выразить? Мыслит ли сам бог себя великим? Как Вы сказали вчера: разве мысль — владение, собственность? Каждый из нас — не орудие ли, а слово изреченное — не речь ли бога, смысл которой раскрывается Вам при посредстве радостного чуда? Поверьте только — Вы всегда правы, что бы ни говорили люди: через простое соприкосновение с истиной открывается в каждом отношении, в каждом деянии — истинное, идея. То, чего не хотят признать, что пугает черствых сердцем,— всё же мы вынуждены признать: «Кто простосердечен — тот хорош, и свободен, и блажен — и мудр» — и всё это не заслуга: но самое простое — и должно было бы быть самым обыкновенным, повседневным.

39. Е. А. Карлгоф (с. 187)

С французского:

24 ноября.

Нет ли у вас намерения отправиться завтра на Воробьевы горы[1]? Разрешите ли вы мне сопровождать вас? Каким образом и в котором часу вы поедете туда? Я бы устно задал вам эти вопросы нынче вечером, но боюсь, как бы святые Екатерины не похитили вас у нас грешных[2].

Примите уверение в моем почтении.

Тургенев.

Если увидите м-ль Екатерину Васильчикову, которая ⟨?⟩ ⟨...⟩[а,3]

На обороте:

Милостивой государыне
госпоже Карлгоф
[б]в доме Мюллера
в Хлебн⟨ом⟩ переулке[б].

54. Луи Виардо (с. 202)

С французского:

Дорогой господин Виардо,

Я только что от Зиновьева. Вот что он сообщил мне по поводу этой охоты: к четырем часам надо быть готовым и уже отобедать; косули будут несомненно, лоси тоже, но не в таком количестве. Хотите, приезжайте ко мне в охотничьем снаряжении к половине третьего? Вы бы пообедали у меня, а потом отправились. За нами будут присланы сани. Должен вас предупредить, что эта охота обойдется нам не дороже 40 руб. асс. с человека и что мы вернемся завтра к семи часам вечера. Не забудьте захватить с собой подуш-

---

[а] *Далее угол листа с текстом оборван.*

[б–б] *Эти слова написаны в подлиннике по-русски.*

ку, потому что мы едем не в усадьбу Зиновьева, а в одно из его поместий. И, пожалуйста, не стесняйтесь. Если вы не можете или не хотите ехать, так и не делайте этого. Мне нет нужды говорить, что все мы будем очень рады поохотиться вместе с вами [1].

Итак, приветствую вас и до свидания. «Che quereis Panchito» [2] неотступно преследует меня со вчерашнего вечера. Это — прелестная вещь, а ваша жена было бы неверно сказать — величайшая, она, по моему мнению, *единственная* певица в дольнем мире [3].

Весь ваш

И. Тургенев.

Суббота.

На обороте:

Господину Луи Виардо
от Тургенева.

56. Полине Виардо (с. 203)

С французского:

С.-Петербург, 9 марта [а] ст. ст. 1844.

Всего четыре дня как я вернулся из Москвы, моя добрая и дорогая госпожа Виардо, и, пользуясь тем, что Евгений уделил мне немного места в своем письме, напоминаю вам о себе. Мое пребывание в Москве было не из самых приятных, воспаление легких заперло меня в комнате на целых два месяца и т. д., но вот, наконец, я возвратился.

С большим удовольствием узнал я из «Allgemeine Theater-Zeitung» [1], что вы приехали в Вену в добром здравии, и надеюсь, что после отдыха во Франции вы вернетесь к нам в таком же состоянии. Вы вернетесь к нам, не правда ли? *Верный* вам город Петербург с нетерпением ждет вас [2], судите же сами, что должны чувствовать ваши близкие, преданные вам люди, ваша старая гвардия [3]. Я всех их вновь повидал, мы беседовали, или, как выражается Пиццо, «злословили на ваш счет». Не скажу, что мы вспоминали о множестве вещей, поскольку мы ничего не забыли; но мы доставили себе удовольствие повторить их друг другу. Особенно много я болтал с Пиццо; он благородный, честный малый, искренне привязанный к вам. Я заставил его петь до полной потери голоса всё: и последнюю сцену «Ромео» [4], и «Stadt» [б,5], и «Ya se ha muerto» [в,6]. Кстати, известно ли вам, что я на вас в обиде: вы ведь так ничего и не спели мне из вашего «Альбома» [7]. А известно ли вам, что в этом альбоме есть замечательные вещи? Например, «Часовня» или же «Мрак и свет», но особенно «Прощайте, ясные дни»; всё это проникнуто страстной печалью, мрачной и нежной, заставляющей вас трепетать и плакать; и при этом — какая правдивость выражения! Я имел возможность судить об этом. Пиццо уезжает в Вену 27-го этого месяца, а я остаюсь здесь... Что до моих планов отправиться в путешествие... об этом нечего больше и думать. Через полтора месяца вы будете во Франции; я заранее радуюсь той радости, ко-

---

[а] *Так в подлиннике*.

[б] «Город» (*нем.*).

[в] «Она уже мертва» (*исп.*).

торую вы испытаете при свидании с вашей матушкой, с вашим ребенком [8], со всеми вашими добрыми знакомыми, но, если когда-нибудь мысль ваша перенесется на Север, не правда ли, вы не станете опасаться, как это могло быть перед вашей первой поездкой, что не найдете здесь искренних и верных друзей? Должен вам сказать, что вы оставили здесь о себе глубокую память; о вас говорят, вас любят, за исключением м-ль Волковой, вашего заклятого врага, но в утешение спешу сообщить, что ее брат, г-н Каламбур, изволит относиться к вам благосклонно... В Большом театре не осталось ни одного свободного места.

Лето я проведу в окрестностях Петербурга [9]: буду охотиться с утра до вечера. Так хорошо целый день быть среди полей: там можно мечтать в свое удовольствие, а ведь вы знаете, что от природы я немного мечтатель. Кстати об охоте — я надеюсь, что Виардо в этом сильно преуспел. Если мое письмо застанет его в Вене, передайте ему от меня тысячу добрых пожеланий и попросите его черкнуть мне пару слов, которые можно адресовать просто в Министерство внутренних дел на мое имя [10]. Я попросил Пиццолато сообщить мне, когда он будет в Вене, что у вас нового. Я хотел заглянуть в наши милые комнатки, но теперь там кто-то живет. Извините, что я говорю вам обо всем этом. Но что поделаешь? Наш брат голодающий питается воспоминаниями.

Итак, прощайте или, лучше, до свиданья. Будьте счастливы. Право же, когда я обращаю к вам это слово, мне нечего к нему прибавить, ибо я говорю его от всего сердца и говорю его часто, потому что мне кажется, что такие пожелания должны исполняться. Прощайте же еще раз и позвольте пожать вам руку, как в былое время.

Ваш преданнейший друг

И. Тургенев.

61. Полине Виардо (с. 208)

С французского:

Я только что написал, милостивая государыня, деловое письмо вашей матушке, в котором точно передаю ей всё, что здесь говорится и делается относительно будущего сезона [1]. Вы сможете просмотреть его и судить сами. Я убежден наперед, что всё вами сделанное будет хорошо; но должен вам сказать, что ваше отсутствие этой зимой (если оно произойдёт, чего я пока еще не хочу допустить) опечалит многих. Бесконечно благодарен за вашу записку и за подробности об устройстве вашей комнаты; они помогут мне живее представить себе то, о чем я так часто размышляю... Надеюсь, что вы будете настолько добры, чтобы сообщить мне свое окончательное решение; оно очень важно для многих и во многих отношениях. Желаю вам от всего сердца самого лучшего настроения и вдохновения в связи с задуманным вами трудом; особенно желаю вам доброго здоровья, спокойствия и энергии. Что касается меня, то я со времени вашего отъезда [2] веду очень спокойную жизнь; работал много и с достаточным успехом; небольшое сочинение [3], посылаемое вам с Соловым, было написано для того, чтобы послужить темой разговоров, которые должны были происходить этой зимой... вы увидите, как всё это нескладно. Надеюсь, что вы осуществите этим летом свой план занятий и вообще *все* ваши планы (поезжайте

непременно на морские купанья, если врачи посоветуют). Если вы не приедете зимой в Россию, я надеюсь, что буду иметь удовольствие встретить вас где-нибудь в Европе в будущем году, так как собираюсь туда отправиться.

Соловой сказал мне, что ваш муж купил вам лошадь; радуюсь за вас. Вспоминайте иногда обо мне во время прогулок близ Куртавнеля [4] или когда вы будете входить в оранжерею. Через несколько дней я еду в деревню; может быть, поеду в Одессу [5], но, прежде чем отправиться в путь, я окончательно устрою свои дела, как я это решил ранее. *Ich bin immer der selbe und werde es ewig bleiben* [а]. У меня голова полна всяких планов (литературных), не знаю, что из них выйдет. Если позволите, я пошлю вам одно или два письма из деревни и из Одессы; в них я пущусь в описания. То, что я сообщаю вашей матушке по поводу вашего ангажемента и пр.,— точный отголосок того, что говорится здесь. Можете рассчитывать на это и устроить свои дела соответственно. Приезжайте... Во всяком случае будьте добры сообщить мне свое решение. До свиданья, будьте здоровы и счастливы... приезжайте опять; вы здесь найдете *всё* таким же, каким оставили. Прощайте еще раз; расскажите вашей доброй матушке, как я ей предан. Целую еще раз руки матери и дочери и остаюсь

Yours for ever [б]

И. Тургенев.

62. **Полине Виардо** (с. 209)

С французского:

Посылаю вам это сочинение [1], дорогая и добрая госпожа Виардо, только потому, что вы, быть может, огорчились бы, не получив его. Но, перечитывая его, я почувствовал, насколько оно неполно, наспех написано и несовершенно. Я поставил себе слишком обширную задачу. Должен добавить в свое оправдание, что я не предполагал, что вы будете читать его без меня; я опустил множество необходимых подробностей, рассчитывая на устные дополнения (не теряю еще надежды сделать это как-нибудь в Петербурге или в другом месте). Но я надеюсь на вашу снисходительность. Мое авторское самолюбие покорно склоняется перед вами, но осмеливается всё же просить вас не отдавать его на чей-либо суд, кроме собственного.

Пишу вам накануне отъезда в деревню [2]. Уезжаю, не зная вашего решения, которого буду ждать с нетерпением [3]. Собираюсь провести четыре месяца в полнейшем уединении, среди степей, которые я так люблю. Беру с собой несколько хороших книг; надеюсь, что воспоминания, планы на будущее, труд и охота помогут мне довольно приятно провести время. Смею думать, что вы не забудете сообщать мне время от времени, что у вас делается. Будьте здоровы и счастливы, насколько возможно. Работайте много и думайте немножко о тех, кто вас любит. Соловой передаст вам этот пакет; он славный малый, искренне преданный вам; его советы могут быть вам только полезны.

[а] Я всё тот же и вечно останусь тем же самым (*нем.*).

[б] Ваш навсегда (*англ.*).

Я столько мог бы сказать вам, что предпочитаю молчать; впрочем, очень многое вы легко можете угадать. Я просил Солового написать мне из Куртавнеля; не будете ли вы так добры добавить несколько слов к его письму? Мне кажется, что я вижу вас в вашем маленьком кабинете. Что касается меня, то я сейчас затеял довольно большую работу; не знаю еще, что из нее выйдет [4]. Всё это время я был очень сосредоточен, иногда немного печален; надеюсь, однако, что всё устроится. Вам покажется вполне естественным, что я верен прежним привязанностям; но я чувствую тайную радость оттого, что могу это высказать. Повторяю еще: будьте счастливы; это пожелание я шлю вам часто. Попросите, пожалуйста, вашу матушку сохранить доброе ко мне отношение. Если вы встретите Мориса Санда и если он еще помнит меня, передайте ему мой поклон [5]. Да, еще вашему брату; он ведь одна из моих слабостей [6].

Вот уже скоро три месяца, как вы уехали... сколько же остается еще до вашего возвращения?.. И вернетесь ли вы?

Прощайте, милостивая государыня. Возвращайтесь к нам такой же, какой уехали (за исключением здоровья, которое должно быть в тысячу раз лучше). Здесь вы найдете всё таким же, каким оставили. Итак, до свидания, *рано или поздно*.

Совершенно вам преданный

И. Тургенев.

P. S. Привет вашему мужу и всем вашим. Небольшое сочинение, которое я посылаю вам, должно остаться в тайне еще по другой причине: как оно ни невинно, всё же оно могло бы навлечь на меня крупные неприятности [7]. Между прочим, в статье вашего мужа (в «L'Illustration») опущено несколько мест [8]. До свидания, целую руки у вас и вашей матушки. Вы не забудете о 1-м октября [9]?

63. Полине Виардо (с. 210)

С французского:

С.-Петербург,

21 окт. ст.ст.1846.

Вот уже три дня, милостивая государыня, как я приехал в Петербург из деревни, где провел более пяти месяцев, и, зная, что вы в Берлине [1], я не мог воспротивиться желанию написать вам. После того, как я сблизился с вами и вашим мужем, я не могу примириться с мыслью, что опять стану для вас чужим, и я пишу вам в надежде, что вы не совсем забыли меня и что вы не без некоторого удовольствия получите весточку из города, где вас так любили и любят до сих пор... Благодаря любезности м-ль Лоры, которая соблаговолила сама ответить на мое письмо, я перестал быть в полном неведении относительно того, что вы делали в этом году; Соловой написал мне всего лишь одно письмецо. По-видимому, *два* письма, посланные мною после отъезда из Петербурга (одно на ваше имя, другое — на имя Виардо), не дошли до вас [2]. Я не знаю, чем объяснить это, или, вернее, могу лишь догадываться. Лица, видевшие вас две недели тому назад в Берлине, говорили мне, что, как им показалось, здоровье ваше превосходно; вам нетрудно представить себе, что я был счастлив узнать об этом. Что касается Виардо, то я уверен, что родной воздух и охота его совершенно исцелили. Кстати, об охоте: можете сообщить ему, что в деревне я только этим и

занимался и что его ружье получило там некоторую известность, во всяком случае, гораздо бо́льшую, чем сам пишущий эти строки охотник. Чтобы покончить с моей особой, сообщаю, что чувствую я себя очень хорошо, что все это время я провел как настоящий сельский житель и что в остальном я все тот же, ибо, к моему счастью или несчастью, я не умею меняться.

На другой день по приезде в Петербург я пошел в Итальянскую оперу. Давали (в первый раз этой зимой) «Норму» с г-жой Джули (Норма), Гуаско (П⟨оллион⟩) и некоей м-ль Виолой (Ад⟨альджиза⟩)[3]. Когда я вошел в театр, у меня болезненно сжалось сердце — вы легко можете себе представить почему — и я поймал себя на том, что не без удовольствия рассматривал *знакомые* лица хористов. Не стану пересказывать вам все подробности спектакля; но вот какое впечатление произвели на меня исполнители. У г-жи Джули голос весьма высокий, не очень сильный (вопреки тому, что здесь говорят), но резкий и не знающий устали. Тембр не особенно приятный — по первому впечатлению, но к нему скоро привыкаешь; нижние ноты глухие и вибрируют. У нее мало вкуса, теплоты; манера исполнения драматическая или, вернее, мелодраматическая (в «Casta diva» она поет так, словно влюблена в луну); ей недостает благородства; как певица она слишком усердствует, как актриса это почти манекен... и всё-таки она производит впечатление, даже волнует. Она злоупотребляет тягучими нотами, внезапными переходами; ее мастерство далеко от совершенства, но не лишено блеска. В общем она нравится и должна нравиться, потому что это всё же замечательная певица. Гуаско, несомненно, тоже хороший певец, но он потерял голос. То, что от него осталось, звучит громко, но пусто и вяло; высокие ноты стоят ему большого труда. Вообще он поет тяжело; не знаю, вызвано ли это его привычкой к canto spianato[a]. У него много души, благородства и вкуса, но удовлетворяет он только наполовину; его ослабевший голос скользит, а не проникает. Что же касается м-ль Виолы, то она школьница в полном смысле слова: голос — меццо-сопрано, почти контральто, сносный, но даже м-ль Мольтини!!! могла бы давать ей уроки. Роль верховного жреца исполнил некто г-н Шпех, неповоротливый немец с гнусавым и фальшивым голосом, который не стоит Версинга. Зрители, вероятно, по привычке, заставили повторить аллегро из дуэта Нормы и Адальджизы, ибо по вине м-ль Виолы этот дуэт был испорчен. Г-жа Джули была принята публикой превосходно.

Я еще не слышал других певцов; Росси и, в особенности, Коллини (баритон) очень понравились. Г-жа Марра потерпела полное фиаско в «Любовном напитке»[4]. М-ль Аделанда Мольтини (кузина вышеназванной) дебютирует завтра в «Храмовнике»[5]. До настоящего времени давали «Эрнани»[6], «Лючию»[7], «Лукрецию»[8], «Любовный напиток» и «Норму». «Эрнани» и «Любовный напиток» из репертуара исчезли.

О вас, милостивая государыня, здесь очень сожалеют. Вопреки очевидности, не хотят верить, что вы этой зимой не приедете в Петербург. По городу ходят всевозможные слухи. То говорят, что государь дал категорическое приказание пригласить вас во что бы то ни стало; то рассказывают, будто Кавоса посылают к вам с предложением 80 000 рублей. Я не был удивлен и, конечно, очень

---

[a] плавному пению (*итал.*).

доволен вашим успехом в Берлине. Проведете ли вы зиму там? Или отправитесь во Франкфурт? Если вы желаете быть в курсе петербургских театральных новостей, необходимо, чтобы вы сообщили мне о ваших планах и дали свой адрес. Вот мой: г-ну И. Т. Большая Подьяческая, дом Зиновьева.

У меня до сих пор почти не нашлось времени, чтобы повидаться с нашими друзьями. Я встретил г-на Гулевича в Москве; он должен на днях сюда приехать. С. Гедеонов пишет новую драму [9]; Соловой не вернулся. Не думаю, чтобы мне удалось покинуть Петербург нынешней зимой; а мой план совершить путешествие в Париж улетучился, как дым [10]. Впрочем, ничего еще не решено... Я колеблюсь... сейчас мне ничего другого не остается.

А знаете, милостивая государыня, что с вашей стороны было большой жестокостью не написать мне ни слова из Куртавнеля... Милый Куртавнель... Я часто думал о нем этим летом. Достроена ли оранжерея? Видели ли вы г-жу Санд? Музицировали ли по вечерам? *Сочиняли ли*? Если пожелаете, сообщите мне об этом хоть что-нибудь — nachträglich [б] — как говорят немцы. Вы слишком хорошо знаете, как все это меня интересует.

Вот какое длинное получилось письмо, милостивая государыня. Если Виардо в Берлине, скажите ему, что я жму его руку и прошу написать мне несколько слов. Переписка, слава богу, возобновилась, и лишь от вас будет зависеть ее продолжение. Ваше молчание и без того уже достаточно печалило меня, поверьте. Позвольте же мне, прежде чем кончить письмо, выразить самые искренние пожелания вам счастья, и верьте, что, раз узнав вас, так же трудно вас забыть, как трудно не привязаться к вам. Прошу вас передать от меня поклон вашей матушке. Как поживает маленькая Луиза? Выросла? Прощайте; будьте счастливы и соблаговолите вспоминать иногда о вашем преданнейшем друге.

И. Тургенев.

64. Луи и Полине Виардо (с. 213)

С французского:

С.-Петербург.
8/20 ноября 1846.

Спешу ответить, мои дорогие друзья, на любезное письмо, написанное вами обоими [1]. Оно доставило мне истинное удовольствие, доказав, что вы ко мне не изменились. Вместе с тем благодарю вас за все сведения, которые вы мне сообщаете о вашей жизни в прошлом и будущем. Если судьба не будет мне совсем уж враждебна, я надеюсь совершить маленькое путешествие по Европе в будущем году, начиная с января, так что не будет ничего невозможного в том, что вы, милостивая государыня, получите одного лишнего зрителя в Opern-Haus [2]. Я читаю все статьи прусских газет, которые вас касаются, прошу вас этому верить, и я был очень счастлив, очень доволен вашим триумфом в «Норме» [3]. Это мне доказывает, что вы сделали успехи, то есть те успехи, которые делают и никогда не перестают делать подлинные артисты. Вы достигли того, что усвоили себе элемент *трагический*, единственный, которым вы еще не вполне владели (так как что касается элемента патетического, то

[б] дополнительно (*нем.*).

видевшие вас в «Сомнамбуле» [4] имеют о нем уже определенное мнение), и я вас поздравляю от всего сердца. Когда обладаешь воодушевляющим вас благородным честолюбием и столь богато одаренною, как ваша, натурой, нет того венца, на который, с божией помощью, нельзя было бы притязать.

Выбор опер, исполняемых вами в Opern-Haus, мне кажется прекрасным (разумеется, я предпочел бы «Гугенотов» «Лагерю в Силезии» [5]). Что же до «Ифигении», то осмелюсь вам посоветовать внимательно перечитать трагедию Гёте того же названия [6], тем более, что вы будете иметь дело с немцами, которые почти все знают ее наизусть, вследствие чего их представления об Ифигении уже бесповоротно определились. Впрочем, трагедия Гёте, без сомнения, прекрасна и величественна, а начертанный им образ отличается античной простотою, чистой и спокойной — может быть чересчур спокойной, особенно для вас, которая (слава богу) явилась к нам с Юга. Однако так как и в вашем характере много спокойствия, я думаю, что роль эта превосходно подходит вам, тем более что вам не надо будет делать никаких усилий, чтобы подняться до всего того, что благородно, велико и правдиво в создании Гёте,— всё это дано вам от природы. Сама Ифигения не была «бледной дочерью Севера»; для рыбы нет заслуги в том, что она остается спокойною... Вы хорошо произносите по-немецки, не на французский лад; напротив, вы несколько преувеличиваете ударения,— но я уверен, что, с обычным вашим старанием, вы уже избавились от этого легкого недостатка. Простите, тысячу раз простите за эти советы педанта; вы знаете, что они проистекают из того живого интереса, с которым я отношусь ко всем малейшим вашим поступкам и действиям; притом только одно совершенство может идти *вам*, а *нас* удовлетворять, когда мы вас слушаем. Пеняйте на себя... зачем вы избаловали нас?

Боже мой, как я был бы счастлив послушать вас этой зимой!.. Надо этого достичь тем или иным способом.

В письме, которое я писал вашей матушке, я сообщил ей некоторые подробности о здешнем театре, что избавляет меня от возвращения к этому предмету. Я предпочитаю поздравить вас с вашим времяпрепровождением в деревне... Да, разумеется, мне очень любопытно увидеть ваши произведения... [7] Терпение! Я еще не получил книжки Виардо (которого от души благодарю за добрую память), но уже прочел ее [8] и обнаружил в ней тот трезвый и тонкий ум, тот простой и вместе с тем изящный слог, традиция которого, по-видимому, исчезает во Франции. Кстати о литературе: князь Кароль в последнем романе г-жи Санд («Лукреция Флориани»), по-видимому, Шопен [9]? Скажу вам (если это может вас интересовать), что нам удалось основать свой журнал [10], который появится с Нового года и начинается в добрый час. Я участвую в нем лишь в качестве сотрудника. В настоящее время я много работаю и почти никого не вижу. Здоровье мое хорошо, и глазам моим не хуже, что уже большое счастье. У меня три довольно хорошие комнатки, где я живу настоящим отшельником с моими книгами, которые мне наконец удалось собрать отовсюду,— моими надеждами и моими воспоминаниями. Я очень бы желал иметь здесь ту прекрасную верховую лошадь, на которой ездил в деревне, но жизнь так дорога в Петербурге. Это была светло-гнедая английская кобыла, с превосходным ходом, кроткая, сильная, выносливая. Я хорошо знаю одну особу, которой бы хотел послать ее этим летом... догадывае-

тесь ли вы, о ком я говорю? Точно так же мне посчастливилось приобрести превосходнейшую охотничью собаку. Ее зовут *Ниф* (забавное имя, не правда ли, для суки?); кобыле же моей, напротив, дала имя живущая у моей матери старая англичанка [11]; она назвала ее *Queen Victoria* [а]. У меня была еще другая собака, грифон, чудовищно уродливая, никчемная, но очень ко мне привязанная. Она отзывалась на кличку *Paradise Lost* [б]... Но довольно болтовни и ребячества. Я краснею и прошу вас меня за них извинить.

Вы должны обещать написать мне на *следующий* же день после вашего первого немецкого представления; а если у вас явится желание написать еще и до того, тем лучше. Со своей стороны теперь, когда плотина прорвана, я вас затоплю письмами. На этот раз пишу на ваше имя, так как не знаю, находится ли еще Виардо в Берлине. Странно, однако, что письма наши затерялись! Тысяча — нет — миллион приветствий всем вашим. Я полагаю, вы не нуждаетесь в моих уверениях в дружбе и преданности, чтобы верить в них; мы уже старые друзья, трехлетние друзья [12]. Я все тот же и таким всегда останусь; я не хочу, не могу измениться. Позвольте мне очень дружески пожать ваши руки; искренне желаю вам счастья. До свидания в один прекрасный день; ах, уж конечно, он будет прекрасен, этот день!

Луиза еще не настолько взрослая, чтобы обидеться на меня за то, что я крепко целую ее в пухленькую щечку. Еще раз прощайте.

Совершенно вам преданный

И. Тургенев.

Вот мой настоящий адрес:

Кирпичный переулок, дом Брунста.

65. Полине Виардо (с. 216)

С французского:

С.-Петербург,

$\frac{\text{28 ноября}}{\text{10 декабря}}$ 1846.

Вот уже скоро три недели, как я вам писал [1], милостивая государыня; я полагаю, что вы желаете иметь известия о театре и о Петербурге, и вновь берусь за перо. Но если предполагаемое мною, может быть, и лишено смысла, я все же надеюсь, что вы не отнимете у меня такого прекрасного повода, чтобы написать вам. Для начала скажу вам, что, по всей вероятности, я буду иметь счастье увидеть вас около середины января будущего года; я коекак устроил разные свои дела и рассчитываю освободиться с наступлением нового года. Итак, вы предупреждены... Будьте же в голосе к этому времени! Я явлюсь к вам страшно изголодавшимся по хорошей музыке, ибо, по правде сказать, здешняя опера — *ist auf dem Hund* [а], как говорят студенты. После моего письма к г-же

[а] Королева Виктория (*англ.*).

[б] Потерянный рай (*англ.*).

[а] ни к чёрту не годна (*нем.*).

Гарсиа (целую ее ручки) из новинок я видел «Сороку-воровку» [2], «Эрнани» [3] и «Дочь полка» [4]. Вы представить себе не можете, с какой жестокостью была уничтожена эта несчастная *Сорока.* Вы помните, что г-же Мольтини (прошлогодней) хоть иногда немного аплодировали, этой же — ничего, буквально ничего! правда, нужно признаться, никогда еще не выходила на подмостки какого-либо большого театра такая неслыханная дура (извините за выражение). В опере сделаны огромнейшие купюры; второй акт начинается дуэтом Нинетты и Пиппо; затем прямо следует сцена суда — так что ничего нельзя понять. Публика осталась совершенно холодна, актеры — также. Это, однако, не помешало мне заметить, что «Сорока-воровка» — настоящий шедевр, исполненный очарования и изящества, который достигает порою самого потрясающего драматизма. Тем больнее для меня было это втаптывание кружев в грязь. Представьте себе, что, ко всему остальному, г-жа Мольтини подражает вам!! Можете вообразить! Она, вероятно, слышала вас где-нибудь. Росси исполнял роль Подесты. Она ему совсем не подходит, так что я не смог оценить его талант. Но он мне понравился. (С тех пор, как я здесь, не дают ни «Любовного напитка», ни «Линды» [5].) Тамбурини (бедняга!) лез из кожи вон в роли Фернандо и с трудом добился кое-каких аплодисментов. Перейдем к «Эрнани».

3/15 декабря.

Письмо мое осталось неоконченным. Спешу дописать его сегодня. «Эрнани» идет более слаженно. Видно, что певцы (г-жа Джули, Гуаско, Коллини) легче справляются с Верди, чем с Россини. Сама же опера понравилась мне весьма умеренно. Впрочем, финальное трио второго акта производит впечатление, несмотря на пошлость мелодии. Его заставили повторить. Нельзя отрицать, что Верди подчас умеет внушить возвышенное чувство. И все же я далеко не вердист и не думаю, что сделаюсь им когда-нибудь. Вы ведь знаете «Дочь полка»: это почти не опера. Благодаря игре Тамбурини, двум-трем хорошеньким мотивам и оригинальности сюжета публика осталась довольна и заставила м-ль Марру [6] повторить барабанную дробь, что едва ли было особенно лестно для певицы. «Дочь полка» все-таки собрала в театре 800 человек, это — nec plus ultra [б] в нынешнем году. Вот и все наши театральные новости.

Добрейший генерал Гулевич наконец вернулся в Петербург. Он поручил мне передать вам тысячу любезностей. (К слову, я не знаю, что со мной делается: я пишу противоположное тому, что хочу сказать: извините за все эти помарки.) Он надеется, что вы напишете ему. Я виделся с графом Матвеем В⟨иельгорским⟩, который сказал мне, что получил от вас *длинное* и *хорошее* письмо; именно так он выразился [7]. Это меня немного успокоило: в «Allgemeine Pr⟨eussische⟩ Staats-Zeitung» (в отчете об итальянской опере) говорилось о «merkliche Indisposition» [в,8], что меня порядочно мучило. Вы ведь в добром здравии, не правда ли? Берегите себя, заклинаю вас. Письмо мое вы получите за несколько дней до вашего дебюта в Немецкой опере [9]... Нужно ли говорить, что вас провожают туда мои самые искренние пожелания? Вы в этом не сомне-

---

[б] крайний предел (*лат.*).

[в] «заметном недомогании» (*нем.*).

ваетесь, и это доставляет мне большое удовольствие. Отрадно думать, что те, кого любишь, знают об этом и на это рассчитывают.

На днях я слушал Гензельта (с которым познакомился лично). Это очень талантливый человек, весьма добрый и любезный; превосходный немецкий характер. Знаете ли вы, что Пиццолато снова уехал в Венецию? Воспоминание о Пиццолато связано с первой зимой, которую вы провели здесь... Тогда он не был еще тем жалким безумцем, каким стал теперь. Viva la Santa Chiesa Romana! [г]

Я был очень занят все это время, занят и до сих пор благодаря нашему новому журналу [10]. Но я постараюсь устроиться так, чтобы можно было выехать из Петербурга после Нового года. Потому и работаю изо всех сил. Я взял на себя некоторые обязательства, хочу их выполнить и выполню. А за этими двумя месяцами упорной работы мне видится масса очаровательных вещей, ожидающих меня и придающих мне бодрость. Ведь какая превосходная вещь — уже одна возможность сказать вам: до свидания! До свидания же, вы, все мои добрые друзья; сердечно жму вам руку (надеюсь, ваш муж уже вернулся из Парижа). Будьте счастливы и доброго вам здоровья.

Совершенно вам преданный

И. Тургенев.

На обороте:

[д] В Пруссию, в Берлин. [д]
Милостивой государыне
госпоже Полине Виардо-Гарсиа
в Берлин.
Беренштрассе, № 7а.

72. Полине и Луи Виардо (с. 222)

С французского:

Четверг, 22 июля 47.
11 ч. вечера.

Я только что вернулся из театра, мои дорогие друзья, и самое спешное для меня дело — взять перо, чтобы вам написать. Итак, откройте уши и слушайте...

Начну с сообщения о том, что г-да Разбойники очень мило провалились, и это меня меньше всего огорчило [1]. Зала была переполнена; присутствовала королева со своим верным супругом, которого я имел честь видеть впервые, и он показался мне егерем посланницы. При появлении Верди в оркестре раздались аплодисменты. Он обернулся, чтобы раскланяться, и я увидел его лицо, которое показалось мне и выразительным, и, в то же время, обыкновенным. Понимайте это как хотите, но такое впечатление он произвел на вашего покорного слугу. «Разбойники» — это исковерканные и изуродованные шиллеровские «Разбойники»; но что за нелепая мысль использовать для либретто драму, столь скверно построенную, интересную только как поэтическое, но смутное предчувствие того, что было осуществлено революцией. По этому поводу, как вы хорошо понимаете, легко можно было бы наговорить уйму того, что условно принято именовать глубоким, о разнице в национальном

[г] Да здравствует святая римская церковь! (*итал.*).

[д-д] *Написано по-русски.*

характере французов и немцев, но я, подобно кролику, предпочитаю выждать. Итак, представьте себе «Разбойников» Шиллера в четырех действиях [2], перемешанных с некоторыми из современных нелепостей. Лаблаш играл отца; я никогда еще не видел такого великолепного старческого лица; Гардони — доброго Моора; Колетти * — злого... м-ль Линд — Амалию. Что касается музыки, то представьте себе всё, что у Верди есть самого обыкновенного, избитого; шум, грохот (со знакомыми вам хорами), кабалетта, вроде последней из «Ломбардцев» [3] (но менее удачная) была единственным местом, которое заставили повторить, дуэты unisono [а], ускоренные аллегро, хоры, обрывки вальса, словом, Верди, но самый скверный. Находившиеся в зале вердисты (то есть итальянцы) выходили из себя, но все их усилия разбивались о ледяной и унылый прием публики, пришедшей, однако, в театр с наилучшими намерениями. М-ль Линд была простужена; пела плохо; и потом подобная музыка создана не для нее; для того, чтоб ее прорычать, нужны г-жи Джули. По-настоящему аплодировали только двум или трем пассажам *sotto voce* [б], которые она туда ввела, чтобы дать голосу немного отдохнуть. Верди вызывали дважды, один раз после 2-го, один раз после 4-го действия, да и то con muy mala gana [в]. Но ведь, по правде говоря, «Разбойники» в самом деле отвратительны, и кроме финального трио, где есть немного живости и блеска, в них нет даже тех пошлых эффектов, которые поражают если и не метко, то сильно. Словом, плохо, плохо, архиплохо! Вот итог моих наблюдений.

Раз уж мы заговорили о плохом, то немного побеседуем и о «Роберте-Дьяволе», которого давали третьего дня. Истинно говорю вам: берлинские представления были в сто тысяч раз выше лондонских [4]. Фраскини в роли Роберта чудовищен, мерзок, ужасен; его крикливый и сдавленный голос действует на нервы; и потом он был похож на зайца, в полной растерянности отдающегося дьяволу. Штаудигль потерял голос; г-жа Кастеллан совершенно испортила свой, желая придать ему грудные ноты (за это вы еще ответите, милостивая государыня, перед... кем? допустим — перед Провидением), хор — хуже, нежели обычно; м-ль Линд — прелестна, но... но не столь хороша, как я ожидал. В общем, я вижу, что (в отношении м-ль Линд) я — по моей похвальной привычке, начал с того, что взял слишком вправо, потом бросился чересчур влево; мне кажется, что сейчас я на верном пути. Она не столь слаба, как я говорил в своем первом письме, не столь восхитительна, как заявлял во втором [5]; она прелестная певица, многое исполняющая лучше, чем кто-либо другой, но... но... Я не обязан говорить, *что* это за но, однако попробую: но она не трагическая актриса, но у нее весьма утомленный голос, но она играет немного на немецкий лад, но я знаю одну особу, с которой я ее слегка необдуманно сравнил, и т. д., и т. д. Тем не менее, мне всё же очень бы хотелось, чтобы вы, милостивая государыня, увидели ее в «Сомнамбуле» или в «Роберте»... У нее были прекрасные моменты в дуэте с Бертрамом; когда он хватает ее за руку, она испускает приглушенный крик или своего рода

* Кстати, Колетти теперь не так уж и замечателен; у него громкий, но тяжелый и вялый голос. (*Примечание Тургенева.*)

[а] в унисон (*итал.*).

[б] вполголоса (*итал.*).

[в] очень нехотя (*исп.*).

выраженное словами содрогание (бог знает, поймете ли вы меня или нет), как будто ей стало и холодно и в то же время страшно,— словом, что-то очень правдивое и впечатляющее. В целом роль Алисы ей отлично подходит. Алиса, как вы знаете, это нечто вроде ангела. В «Quando lasciai la Normandia» [г] у нее есть восхитительный момент; если она сама его придумала, то я ее с этим поздравляю. Как жаль, что я не музыкант, чтобы обозначить его для вас при помощи нот! Но и так, то есть такому, каков я есть, мне пришлось бы объяснять его вам путем всевозможных и не всегда ясных сравнений, которыми я, кажется, уже злоупотребил в этом письме.

Всё это я написал одним духом. Однако уже поздно, завтра я уезжаю в Булонь [6]. Через десять дней я буду в Париже и надеюсь иметь удовольствие видеть вас. Прощай, Англия! Поверь мне, что я покидаю тебя без сожаления, точно так же, как ты, вероятно, взираешь на мой отъезд. Ах! дорогой Виардо, какую я здесь видел собаку! Как я ее купил бы, если б она не стоила 300 франков! И как уворовал бы, если б не был человеком более или менее добродетельным, или, вернее, если б мог это сделать! Но память о ней я увожу с собой и сохраню до конца моих дней.

Прощайте, будьте здоровы, всё семейство. С нежностью пожимаю всем руки.

Ваш
И. Тургенев.

На обороте:
Господину Луи Виардо.
Париж.
Улица Виктуар, № 11.

75. **Полине Виардо** (с. 226)

С французского:

Париж, 19 октября [а] 47.

Известно ли вам, милостивая государыня, что ваши прелестные письма [1] задают весьма трудную работу тем, кто осмеливается претендовать на честь переписываться с вами? Я нахожусь в особом затруднении еще и потому, что по причине легкого нездоровья (которое теперь уже совсем прошло), лишавшего меня все эти дни возможности выходить, не могу, как намеревался, отправить вам небольшое обозрение всего происходящего теперь в Париже. И вот мне, как корнелевской Медее [2], приходится ограничиваться собственными средствами. Это меня весьма смущает. Но все равно! Я рассчитываю на вашу снисходительность... Ах! но — кроме шуток! — какая ужасная вещь злоупотребление словом! Вот фраза, которая, вследствие постоянного повторения, потеряла всякий смысл, и хотя употребляешь ее вполне серьезно, рискуешь, что тебе не поверят. Но в конце-то концов, как говорит ваш муж.

Начну с начала. Начну с того, что скажу вам, что все мы в большом восторге от удачного начала ваших странствований и что мы с нетерпением ожидаем известий о вашем дебюте. Мы видим отсюда, как летят цветы, и слышим возгласы «браво»! Увы... вам известно, что должно означать это «увы» [3]!

[г] «Когда Нормандию я покидала» (*итал.*).

[а] *Так в подлиннике.*

Итак, вы в самой глубине Германии!.. Надо надеяться, что эти добрые *бюргеры* сумеют заслужить свое счастье. Вы теперь в Дрездене... Не вчера ли еще были мы в Куртавнеле? Время всегда быстро *проходит*, будь оно наполнено или пусто, но *приходит* оно медленно... как звон колокольчика русской тройки.

Вы, вероятно, просматривали Дидро. Надо прочитать его парадоксы [4], чтобы позабавиться ими, опровергнуть их и позабыть. Он укрепляет — себе в ущерб — в читателе чувство правды и красоты! Ваш ум, столь прямой, столь *простой* и столь серьезный в своей тонкости и изяществе, не мог особенно наслаждаться капризной, блестящей и дилетантской болтовней *французского Платона*. (Никогда не было дано человеку более неудачного прозвища!) Тем не менее у него то там, то сям находишь новые и смелые мысли, или, вернее, кое-какие зародыши плодотворных мыслей; его преданность свободе разума, его «Энциклопедия» — вот что увековечит его. Сердце у него превосходное, но, когда он заставляет его говорить, то добавляет в него остроумия и тем портит его. Несомненно, фейерверки парадокса никогда не затмят *ясного солнца* истины. А между тем, что может быть обыденнее солнца? (не в Париже, однако). Итак, да здравствует солнце! Да здравствует всё, что хорошо для всех!

Итак, Мендельсон умер. То, что вы о нем говорили в письме к вашей матушке, нам всем кажется очень справедливым [5]. Я почти не знаю его; судя по тому, что я из него слышал, я вполне готов глубоко его уважать,— любить же... это дело другое. Прекрасные вещи создаются только талантом в соединении с инстинктом; головою и сердцем... Смею думать, что у Мендельсона голова преобладает. Я могу ошибаться... но, впрочем, вы знаете, что я совсем не упорствую в своих заблуждениях, когда меня ткнут в них носом — что ничуть не трудно, принимая во внимание размеры этого органа. Я поддаюсь воспитанию...

Кстати, как идет «die deutsche Sprache» [б]? Полагаю, что превосходно. Я уже взял учителя испанского языка: el señor Castelar [в,6]. Все это время я много работал; я только что отправил толстый пакет в наш журнал [7]. Это означает, что я *стараюсь держать* свои обещания. Сейчас я кончаю читать книгу *Даумера* о тайнах христианства [8]. Этот Даумер какой-то безумец, который во что бы то ни стало хочет доказать, что первоначальное, иудейское, христианство, на которое смотрят как на секту, не что иное, как возобновленный культ Молоха; что первобытные христиане приносили в жертву и *ели* людей и что Иуда только потому предал своего Учителя, что не мог побороть отвращение, вызываемое в нем такою пищей. Даумер тратит много эрудиции, чтоб доказать, что этот ужасный обычай существовал в церкви до четырнадцатого столетия! Всё это только бредни; но что есть истинного в его мысли — так это кровавая, мрачная, бесчеловечная сторона этой религии, которая должна была бы вся состоять из любви и милосердия. Вы не можете себе представить, какое тягостное впечатление производят все эти предания о мучениках, которые он вам рассказывает одни за другими; все эти бичевания, процессии, поклонения человеческим костям, эти *аутодафе*, ожесточенное презрение к жизни, отвращение к женщинам, все эти язвы и вся эта кровь!.. Это так тягостно,

---

[б] немецкий язык (*нем.*).

[в] сеньора Кастелара (*исп.*).

что я не хочу вам более об этом говорить. Слава богу, для вас — это даже не китайская грамота.

В моем следующем письме я расскажу вам о Национальной опере [9], о «Клеопатре» г-жи де Жирарден (которая, к великому моему сожалению, имела успех) [10] и т. д. и т. д. Тем не менее уже и сегодня могу сообщить вам, что я присутствовал вчера в театре «Варьете» на первом представлении новой пьесы Скриба «Дидье, честный человек» [11]. Тема пьесы не нова, но ловко обработана... Фервиль вызывал восхищение правдивостью, благородством и силой чувства. Между прочим, говорят, что совершенно тождественная пьеса давалась вчера вечером в театре «Жимназ» под названием «Жером-каменщик» [12]. Роль Фервиля в ней исполнял Буффе. Уж не знаю, как случилось это совпадение, но факт тот, что театр «Жимназ» отменил позавчера представление и день и ночь репетировал, чтобы поспеть к тому же самому дню. Я пойду посмотреть этого «Жерома» и поделюсь с вами моими впечатлениями. Буффе, без сомнения, более Мендельсон, чем Фервиль,— но Фервиль, может быть, более Россини, чем он [13]. Впрочем, посмотрим, и если я сказал глупость, то первый закричу *mea culpa* [г].

Все ваши чувствуют себя хорошо. Вашу матушку вижу по два раза в день. Позавчера мы всей семьей (осмелюсь так выразиться) видели «Златовласую красавицу» [14]. Это очень забавно и очень роскошно.

Надеюсь, вы уже побывали у Каскелей [15] и там хорошо... *развлеклись*. К несчастью, найти здесь «Dresdner Tagblatt» невозможно; мы не узнаем, как теперь критика *Sie construiren wird* [д], но у нас есть опыт прошлого.

«Le «Moniteur» официально объявил, что м-ль Альбони принята в *Итальянский театр* и будет дебютировать в роли Арзаче [16] 2-го декабря.

А засим, милостивая государыня, молю бога, да примет он вас под свое святое и надежное покровительство. Главное, будьте здоровы и не забывайте ваших друзей, которые вам совершенно преданы, что нисколько не удивительно, потому что... на что, право, годилась бы разлука, если б нельзя было ею воспользоваться даже для того, чтобы сказать людям то, что о них думаешь?.. Но я останавливаюсь при мысли, что у вас сейчас должен стоять сплошной шум в ушах от восхвалений, и ограничиваюсь тем, что говорю вам... словом, как вам будет угодно.

Надеюсь, что муж ваш здоров, что он будет охотиться до изнеможения и затем напишет нам об этом хорошенькую статейку [17]. Довольно часто вижу девиц Виардо [18]. Жму его руку, равно как и вашу, и от всего сердца целую маленькую Луизу... Если г-жа Шуман помнит толстого русского господина, которого она видела в Берлине [19], то скажите ей, что этот толстый господин ей кланяется. А что касается ее мужа, скажите ему, чтобы он раз и навсегда *загасил свою свечу* и отправился спать. Однако, надо кончать письмо! Я отнесу его к вашей матушке, чтоб она приписала несколько слов.

Прощайте, будьте здоровы во всех отношениях; вот и всё.

Совершенно вам преданный

Ив. Тургенев.

[г] моя вина (*лат.*).

[д] вас представит (*нем.*).

P.S. Я не франкирую письма, так они *никогда* не теряются. Я вручил вашей матушке расписку в получении тысячи франков и говорю вам об этом теперь только для того, чтобы иметь удовольствие лишний раз вас поблагодарить [20].

77. Полине Виардо (с. 231)

С французского:

Париж,
26-го ноября 47.

Я не хочу, чтобы вы уехали из Дрездена, милостивая государыня, не получив от меня еще один привет, хотя на этот раз не могу сообщить вам много новостей. Ваша матушка до сих пор была так добра, что показывала мне ваши письма [1]... Вы можете себе представить, сколько удовольствия они доставили нам. Положительно ничего нет лучше, как получать письма! Мы можем вас только благодарить за прелестные подробности, которые вы нам сообщаете о вашей дрезденской жизни: м-ль Каменская завоевала и нас. Хорошо бы вам найти такой же дом в Берлине! Мы будем просить вашу звезду, чтобы она продолжала быть к вам благосклонной — пусть постарается быть достойной чести руководить вашей судьбой! Шутки в сторону, всё идет очень хорошо, да, очень хорошо, muy [а] хорошо до сих пор; дай бог, чтобы так шло до конца.

О себе можем сказать [2], что и у нас всё идет хорошо. Чувствуем себя прекрасно, работаем, часто видимся, много думаем об отсутствующих. Мы каждый вечер собираемся у испанского brasero [б] и *говорим по-испански*. Месяца через четыре я буду говорить только на этом языке; я услышал от моего учителя много комплиментов насчет моей понятливости... Ведь он не знает, что у меня есть шишка восприимчивости. Я живу в маленькой, очень чистой квартирке [3], хорошо обставленной. Она мне очень нравится (это, знаете, очень важно, когда хочешь работать). В ней уютно, тепло, и я живу в ней, как «муха»... муха самой крупной породы... Кстати, непременно спойте в Германии некоторые из ваших песен. Например, «Светлячка» или «Песню Лоика» [4].

Суббота, 27-го

Перейдем к моему маленькому парижскому обозрению. Вчера в первый раз поставили «Ломбардцев» г-на Верди, под заглавием «Иерусалим», в Гранд-Опера. Либретто переделано, вставили сцену лишения рыцарского достоинства — для Дюпре. Г-н Верди, со своей стороны, сочинил несколько новых совершенно ужасных отрывков. Не буду говорить вам о музыке, вы знаете ее,— это из рук вон плохо [5]. Но что совсем невообразимо,— это исполнение. Нет такого театра в мире, исключая разве *Королевскую музыкальную академию* [6], где все певцы, если бы они оказались так же плохи, как г-да Дюпре, Ализар е tutti quanti [в], не были бы погребены под

[а] весьма (*исп.*).

[б] очага (*исп.*).

[в] и все остальные (*итал.*).

Чимборасо [7] гнилых яблок! Новая дебютантка, г-жа Юлиан, может взять лишь две-три верхние ноты, которые она оглушительно выкрикивает, остальные — тяжеловесные, неразборчивые, горловые. К тому же, хотя я и провел долгое время в Германии, мне никогда еще не доводилось слышать, чтобы так скверно произносили. Успех оперы был не так велик, как должно было ожидать, судя по количеству выведенных на сцену лошадей и танцовщиц; ведь известно, что по части музыки французы больше всего любят лошадей и икры танцовщиц. И потом это нескончаемое «degueulando» [8], как выразился ваш брат [9] (которого я встретил при выходе из театра рассвирепевшим и готовым кусаться). Этот якобы *широкий* стиль, очень удобный для не умеющих петь, эти напыщенные речитативы, эти хоры unisono [г] на мотив галопа или польки! Нет, сударыня, не пойте в Париже, здесь вам не место. Положительно, кажется, время сильных и здоровых гениев прошло: посредственностям, таким резвым и плодовитым, как Верди, дана могучая и грубая сила, и, наоборот, те, кому дарован божественный огонь, пропадают в праздности, слабости или мечтаниях. Боги завистливы; они никому не дают всего сразу. И однако — почему же наши отцы были счастливее нас? Почему им дано было присутствовать на первых представлениях таких опер, как «Цирюльник» или даже «Норма» [10], — а мы обречены на «Иерусалимы»? Почему наши молодые таланты, наши *надежды* вместо того, чтобы давать нам произведения пусть чересчур пышные, сделанные не по правилам, но полные мощи и силы, — почему вместо этого они разрешаются от бремени (самое большее) маленькими сочинениями, старательно построенными, старательно отделанными, старательно вылизанными (Понсар со своей «Лукрецией» [11], Ожье со своей «Цикутой» [12], Давид со своими «Одами-Симфониями» [13])? Что означает эта преждевременная старость? Почему они сами себя повторяют уже во втором своем произведении? Почему они так скоро произносят свое последнее слово? Вот, например, Этьен Араго, только что одаривший нас комедией этого рода, бесспорно остроумной («Аристократии»), но старомодной, надуманной, слишком гладкой, искусственной [14]. Почему все это так? Почему нет больше ничего естественного, непосредственного, одним словом, сильного? Чем объяснить это отсутствие крови и сил?

Все эти «почему», сказал бог, да кончатся ли они когда-нибудь? [15]

Я видел Буффе в пьесе-*близнеце* г. Байара, о которой я вам рассказывал в своем письме. Ну что ж! Я остаюсь при своем мнении. Я предпочитаю Фервиля. (Впрочем, это всеобщее мнение.) Буффе — *ist auch ein Combinationstalent* [д], как говорят немцы. Прошу прощения за вольность.

Мне еще не пришлось посмотреть «Клеопатру». М-ль Рашель нездорова [16]. Сейчас просматриваю второй том Мишле, где много прекрасных вещей [17]. Г-жа Санд напечатала в «Le Siècle» чрезвычайно хвалебную статью о Луи Блане. Это досадное преувеличение [18]... Теперь она загорелась страстью к Луи Блану...Мы знаем, чем это у нее обычно кончается.

[г] в унисон (*итал.*).

[д] тоже поверхностный талант (*нем.*).

Завтра у меня «вечер»! Будет все семейство[19]! Ведь комната моя может вместить десять персон,— уверяю вас. Мой испанский язык идет отлично. Повторяю: всё идет хорошо, даже очень, очень хорошо, как говорит г-н Фампу. Ваша матушка несколько удивлена, не получив сегодня от вас письма; правда, с почтой в этой стране очень плохо. Письма из Дрездена приходят в Париж на пятый день; зато когда они приходят, вы можете себе представить, как они *willkommen*[е]!

Тысяча приветствий вашему мужу; крепкий поцелуй малышке[20]. Дружески жму вашу руку и прошу не забывать меня.

Вы едете в Гамбург — доброго пути! Будьте все здоровы.

Совершенно вам преданный

И. Тургенев.

78. **Полине Виардо** (с. 234)

С французского:

Париж, 1-го декабря 47.
Среда.

Когда вы получите это письмо, милостивая государыня, ваш дебют в Гамбурге уже пройдет, надеюсь, с триумфом, и если я пишу вам теперь, то потому, что не хочу опоздать с моими поздравлениями. Итак, вы счастливо окончили вашу первую кампанию.

Только что сел за это письмо, как ваша матушка соблаговолила передать мне письмо, которое вы написали ей на другой день после вашего выступления в «Роберте». Вы можете себе представить, сколько удовольствия доставило мне содержание этого письма! Я прыгал от радости по комнате. Ах! очень хорошо, милостивая государыня, очень хорошо, очень хорошо. Среди ваших триумфов вы не забываете ваших парижских друзей, вы сообщаете им о себе; и это потому, что, как вам известно, никто в мире не принимает такого большого участия, как они, во всем, что с вами происходит. Нам остается только благодарить вас; оттого-то, поверьте, мы и делаем это очень часто и от всего сердца. Теперь мы ждем вестей о «Норме» и «Сомнамбуле» и заранее радуемся вашему успеху[1]. Ах, как хорошо получать хорошие вести! Danke, danke[а]...

Что могу я сообщить вам со своей стороны? Все здоровы,— это для начала. Я скоро возобновлю мои уроки у г-на Лаборда, которыми до сего дня пренебрегал. Я много работаю. Один из моих друзей, но это между нами, показал мне письмо Гоголя, в котором этот человек, вообще такой высокомерный и придирчивый, говорит с большой похвалой о вашем покорном слуге[2]. Одобрительный отзыв такого мастера доставил мне большое удовольствие. В «Illustrated London News» помещена небольшая заметка о вашем дебюте в Дрездене, в которой употреблены выражения: «*quite astonishing*», «*tremendous applause*», «*an unprecedented furor*»[б] и т. д. Должно быть, Тихачек оказался достойным партнером. *Не обрывал* ли он время от времени звук? Кто будет петь с вами в Гамбурге?

[е] желанны (*нем.*).

[а] Благодарю, благодарю (*нем.*).

[б] «совершенно изумительно», «громовые аплодисменты», «небывалый успех» (*англ.*).

Через неделю у «Hamburger Correspondent» не будет другого столь же внимательного читателя, как я. Не могу удержаться, чтобы не сообщить вам еще раз, что всё идет очень хорошо, очень, очень хорошо (плюньте, пожалуйста, три раза). Я в невиданно хорошем расположении духа. Представьте, я пою!!

«Каприз» удался как нельзя лучше. Г-жа Аллан была в нем очаровательна, чуть педантична... или, лучше сказать... ее игра немного слишком сочная [3]. Если вы не поняли меня (а это, заметим в скобках, доказало бы только, что я сам себя не понимаю), считайте, что я ничего не сказал. N. B. Сейчас я пою по-фински [4].

Вчера я смотрел «Клеопатру». Я перестаю понимать парижан. На мой взгляд, эта пьеса невыносимая, претенциозная, утомительная, лживая, крикливая, вся пропитанная неким запахом чего-то, что было вам так противно в «Записках дьявола» [5], а между тем она имеет успех. Она написана хорошими стихами; то там, то сям какие-то остроты, какие-то, якобы тонкие, замечания, какие-то вольности, какие-то любезности, — и это называется трагедией! Начинает Клеопатра с того, что приказывает отравить своего раба, который просил у нее смерти за один час счастья,— а затем воркует с Антонием в течение трех больших актов, совсем как нервозная парижанка... и притом весьма непристойная. Слова *любовь, я люблю, ты любишь, меня любят, нет, меня не любят* повторяются беспрестанно и утомляют ужасно, потому что всё это фальшиво, претенциозно, холодно, как лед. Всё это идет не от сердца и даже не от головы: перед вами всё время неуклюже вертится сорокалетний синий чулок. Уверяю вас, это противно. Костюмы у Рашель великолепные, она находит восхитительные позы, но она определенно сдает. В стихах нельзя было уловить ни слова. Правда, я сидел в глубине зала. Успех «Клеопатры» не особенно большой, несмотря на то, что пишут о ней газеты; по-моему, ей осталось жить не больше месяца. Но посмотрите, каких героинь выбирает г-жа де Жирарден: Юдифь [6] и Клеопатра. Вы ощущаете, сколько в этом непристойного? Конечно, внимание ее к этим сюжетам привлекли, слава богу, не библейская сторона легенды о Юдифи, не поразительное зрелище падения римской республики. (Можно ли сказать: привлекли? «Я не знаю», как говорит граф Виельгорский.) Впрочем, поскольку письма мои не предназначены для печати... и т. д. и т. д. Финская песня.

Вы, может быть, найдете, что я пишу довольно глупо и весьма бессвязно? Но я всегда таков, когда я в хорошем настроении. Я был бы еще в лучшем настроении, ручаюсь вам, если бы *вчера вечером* я мог быть не в Париже, а в Дрездене! Ведь вчера вы пели в «Сомнамбуле», не так ли? Я очень часто вспоминал об этом во время этой нескончаемой «Клеопатры», и если я кому-то и аплодировал, — то, конечно, не Рашели. Но — *pazienza* [в].

Итак, вы в Гамбурге. Как вам нравится этот город? Где вы живете? Вероятно, на улице Jungfernstieg?

Однако, право же, я болтаю, как сорока. Пора закрыть мой клюв. (М-ль Альбони завтра дебютирует в «Семирамиде» [7].) Обещаю вам, милостивая государыня, через месяц написать письмо по-испански, и притом хорошим слогом — ручаюсь. Тысяча приветов вашему мужу. Луиза, обнимаю тебя от всего сердца. А вам,

---

[в] терпение (*итал.*).

сударыня, очень дружески жму руку, благодарю вас most fervently [г] за добрую память и остаюсь навсегда

совершенно вам преданный
И. Тургенев.

P. S. Получили ли вы мое письмо, адресованное в Дрезден, где между прочим я говорил об опере Верди [8]? Прощайте еще раз, до свиданья.

79. Полине Виардо (с. 236)

С французского:

Париж,
8 декабря 47.

Для начала благодарю вас, милостивая государыня, за милое и прелестное письмо, переданное мне по вашему поручению вашей матушкой. Вы хорошо делаете, что не забываете старых друзей; они вам так за это признательны! Danke, danke [а].

Все подробности, которые вы сообщаете о вашей жизни в Дрездене, тысячу раз читаны и перечитаны; положительно дрезденцы — славный народ. Признаюсь, однако, что мелочные придирки этого г-на Банка меня немного раздражали... и еще этот г-н Трун; поистине, мне стыдно говорить об этом, но неужели невозможно, фи! не заканчиваю фразы и прошу прощения за то, что произнес это имя. Перейдем к другому.

Прежде всего я должен вам сообщить, что «мама» совершенно здорова, и м-ль Антония тоже, и г-жа Сичес также; папаша Сичес немного кашляет, но в этом нет ничего удивительного. Из 900 000 жителей Парижа 899 999 человек болеют гриппом, и единственный человек, у которого его нет, это — Луи Филипп, потому что этому господину везет во всем [1]. Впрочем, виноват! Я позабыл себя, у меня также нет гриппа; но дело в том, что и мне также на свою судьбу жаловаться нечего. Su hermano de Vd [б] тоже вполне благополучен; он великолепно переплел один экземпляр своей методы и предназначает его королеве Христине, дабы она обучила свою дочь искусству делать фиоритуры и транспозиции [2]. Кстати о музыке. Я слышал м-ль Альбони в «Семирамиде». Она имела *очень большой* успех. Ее голос совершенно изменил свой характер со времен Петербурга; из грубого, каким он был, он сделался мягким, *слишком* мягким; теперь она поет в манере Розы Шери; она хорошо выполняет рулады; тембр ее голоса чрезвычайно нежен и вкрадчив, но в нем нет энергии, нет яркости. Как актриса она ничто; ее безмятежное, полное лицо противится всякому драматическому выражению; она ограничивается тем, что время от времени с усилием морщит брови. Лучше всего она спела «In si barbara sciagura» [в]. Парижане от нее в восторге. Г-жа Гризи, подстегнутая соревнованием, превзошла самое себя; она доставила мне истинное удовольствие [3]. Колетти также был недурен, хотя в общем я нахожу, что

[г] горячо (*англ.*).

[а] благодарю, благодарю (*нем.*).

[б] Ваш брат (*исп.*).

[в] «В столь ужасном несчастье» (*итал.*).

он поет как добрый отец семейства. Вчера я отправился с молодым Леруа д'Этполем в Комическую оперу; там давали «Даму в белом»[4]. Что за прелестная, изящная, остроумная, благородная музыка! Это нечто менее блестящее, но, быть может, еще более французское, чем музыка Обера; Буальдье иногда бледен, но никогда не бывает вульгарен (что случается, и даже слишком часто, с папашей «Немой»[5]). Роже пел с поразительным самодовольством и претензией. Верне доставил мне большое наслаждение в старой пьесе «Отец дебютантки». Все французские актеры в существе своем реалисты, но нет ни одного, кто был бы так тонко, так, как сказал бы немец, «клупоко» реален, как Верне. Он одновременно удовлетворяет и чувство и ум зрителя: он восхищает знатока, он заставляет и смеяться, и улыбаться. Как жаль, что он стареет! Вот человек, умеющий творить[6]. Есть артисты, которым удается отрешиться от своей индивидуальности; но сквозь представляемый ими образ все-таки проглядывает актер, который следит за тем, чтобы эту индивидуальность скрыть... и подобная связанность отзывается на зрителе. Такою были вы еще в Петербурге, но уже тогда ваш талант разбивал свои последние оковы (мне вспоминаются теперь первые представления «Сомнамбулы»), а с тех пор?..[7] Вы были так добры, заметив в вашем письме, что предпочли бы похвалам, которыми вас осыпают, дружеское рукопожатие... конечно же, я хотел бы пожать вашу руку после представления «Гугенотов», как тогда в Берлине, в присутствии Мюллера. Se acuerda Vd?[a] (Кстати, знаете ли, что мой учитель испанского языка мною оч[е]нь доволен? Я говорю только на этом языке в доме № 8 по улиц[е] Мишодьер.)

Неужели дамы Каменские (которым мы, между прочим, немного здесь завидуем) не приедут в Берлин, когда вы там будете? Держу пари, что эта идея уже пришла им в голову. Это было бы не так уж удивительно.

Вы говорите, что принялись читать «Уриэля Акосту» Гуцкова[8]. Не правда ли, это призрачное, вымученное произведение умного, но бесталанного человека, все начиненное различными намеками и размышлениями — политическими, религиозными и философскими — вам не понравилось? А притом, все эти крикливые, чисто театральные эффекты, — может ли быть что-нибудь отвратительнее грубости, лишенной простодушия? Тень Шекспира тяготеет над всеми этими драматическими авторами, они не могут отделаться от воспоминаний; слишком много эти несчастные читали и слишком мало жили! Только в Германии было возможно, чтобы уже пользующийся известностью писатель (г-н Мундт, муж сестры Мюллера) был вынужден *поместить в газете объявление* о том, что он желает найти себе супругу (это факт совершенно достоверный). Ничего нельзя читать в нынешние времена. Глюк говорил об одной опере, что от нее разит музыкой (puzza musica). От всех создаваемых ныне произведений разит литературой, ремеслом, условностью. Чтоб отыскать еще живой и чистый источник, нужно подняться далеко вверх по течению. Литературный зуд, болтовня эгоизма, изучающего самого себя и восхищающегося самим собою,— вот язва нашего времени. Мы точно псы, возвращающиеся к своей блевотине. Так говорит Писание, на этот раз вполне простодушно. Нет более ни Бога, ни Дьявола, а до пришествия Человека еще далеко. Мне очень жаль, что у нас в Париже не нашлось времени

---

[a] устраивает ли это вас? (*исп.*).

прочитать «Прометея»... Смею ли я вас просить не читать его без меня? С кем бы я хотел еще познакомиться, так это с Фейербахом. Среди всех, кто пописывает теперь в Германии,— это единственный *человек*, единственный характер и единственный талант [9].

Вот еще хороший, отличный труд и, слава богу, не литературный: второй том «Французской революции» Мишле. Это идет от сердца, тут есть и кровь, и внутренний жар; тут человек из народа обращается к народу,— это прекрасный ум и благородное сердце. Второй том несравненно выше первого. Совершенно обратное явление с книгой Луи Блана [10].

Боюсь, однако, что мое письмо становится уже слишком длинным, и, несмотря на всё удовольствие болтать перед вами, я не хотел бы злоупотреблять вашею снисходительностью. Прибавлю всего лишь несколько слов. Я веду здесь жизнь, которая мне чрезвычайно нравится: все утро я работаю; в два часа я выхожу и иду к матушке, у которой сижу с полчаса, затем читаю газеты, гуляю; после обеда отправляюсь в театр или возвращаюсь к матушке; по вечерам иногда видаюсь с друзьями, особенно с г-ном Анненковым [11], прелестным малым, который столь же тонок умом, сколь толст телом; а затем я ложусь спать, вот и всё. Знаете ли вы, что сегодня ровно месяц с тех пор, как вы уехали? Прощайте, милостивая государыня... желаю вам всего самого лучшего. Передайте от меня, пожалуйста, поклон вашему мужу; на днях буду писать ему; надеюсь, что он чувствует себя превосходно. Мы с нетерпением ждем от вас вестей. Поцелуйте от меня Луизу. Дружески жму вашу руку и остаюсь навсегда

преданный вам
Ив. Тургенев.

P. S. Я... Но нет, решительно нет, слишком много я мог бы вам еще сказать; предпочитаю умолкнуть. Воспользуюсь, однако, случаем, чтобы еще раз пожелать вам всего самого лучшего на свете.

80. Полине Виардо (с. 240)

С французского:

Париж,
14 декабря 47.

Браво, милостивая государыня, браво, evviva [a]! Я не могу начать моего письма иначе. Еще одна великая победа! Вы совершили в Дрездене и Гамбурге то, что сейм только что совершил в отношении Sonderbund'а, разбив оба крыла, вы готовы нанести полное поражение центру (Берлину) [1]. А затем вы, подобно Цезарю, отправитесь на завоевание Великобритании [2]. (Чёрт возьми — что за эпический тон!) — Вы доставили нам также большое удовольствие, рассказав о вашем путешествии из Берлина в Гамбург. Вообще, что особенно прелестно в письмах, которые вы пишете вашей матушке, так это содержащиеся в них подробности... Подробности — да ведь это же колорит, освещение картины; не посылайте нам простых рисунков или гризайлей. Каждое ваше письмо перечитывается раз по десяти — и всегда два раза подряд вслух. (Обыкновенно я исполняю должность чтеца.) А затем, проглотивши

---

[a] ура (*итал.*).

его целиком, мы начинаем к нему прикладываться то там, то сям; аппетит приходит во время еды — и мы начинаем сызнова. Не могу скрыть от вас, что в испанском вы делаете орфографические ошибки! Но это придает вашим письмам дополнительную прелесть... (Корпус наклонен вперед, любезная улыбка, правая нога отставлена назад... финская песня [3].)

Кстати, в ваших письмах есть и нечто другое, доставляющее нам удовольствие: из них мы узнаем, что вы *здоровы*. (Плюю три раза!) Но и мы — хотя бы соревнования ради — все без исключения мы чувствуем себя превосходно. — Вот что значит соревнование!

К сожалению, я принужден заявить, милостивая государыня, что на сей раз не могу сообщить вам решительно ничего интересного. Всю эту неделю я почти не выходил из дома; я работал усиленно; никогда еще мысли не приходили ко мне в таком изобилии; они являлись целыми дюжинами. Мне представлялось, что я бедняга-трактирщик в маленьком городке, которого застигает врасплох целая лавина гостей: он в конце концов теряет голову и уж не знает, куда поместить своих постояльцев. Третьего дня я прочел одну из только оконченных мною вещей двум моим русским приятелям. Они хохотали до упаду... Это произвело на меня весьма странное и вместе с тем очень приятное впечатление... Решительно, я не подозревал в себе такой способности смешить. Но ведь недостаточно окончить вещь, надо еще ее переписать (ну и мука-то!) и отправить по назначению... Вот уж будут удивляться издатели моего журнала, получая один за другим объемистые пакеты! Надеюсь, что они будут этим довольны [4]. Я смиренно молю моего *ангела-хранителя* (говорят, у каждого есть свой ангел) быть и впредь ко мне благосклонным, а сам со своей стороны буду продолжать усердно трудиться. Что за прекрасная вещь — работа.

Послушайте, милостивая государыня. Если после получения этого письма вам еще придется петь в «Цирюльнике», то вставьте в него арию Бальфа... Пусть меня повесят, если публика не переломает стульев [5]. Я знаю гамбуржцев (Ich kenne meine Pappenheimer [б,6]) — им нужно что-нибудь пикантное.

(N. B. Вот уже несколько дней, работая, я непрестанно напеваю «Песню Лоика» [7]. Господи! А моя пастушка! Вы получите ее, милостивая государыня, вы получите ее в Берлине [8]. Даю вам честное слово.)

Вот уже дня два или три у нас здесь стоит чудесная погода. Перед обедом я совершаю длительные прогулки по Тюильри. Я смотрю на играющих там во множестве детей, прелестных, как амуры, и так кокетливо одетых! Их детски-важная приветливость, их розовые щечки, которые пощипывает первый зимний холод, спокойствие и благодушие нянек, чудесное красное солнце из-за высоких каштанов, статуи, дремлющие воды, величественный вид темно-серого здания Тюильри — всё это мне бесконечно нравится, успокаивает и освежает меня после утренней работы. Я размышляю там — но не на немецкий лад — ни о чем — я размышляю о том, что сделал, что намерен делать, я вспоминаю... Я никогда не пропускаю случая (то есть за те три или четыре раза, что я там был) пойти проведать Бариевского льва, который находится у самого входа в Тюильри со стороны реки, — это моя любимая группа [9]. Вечером я отправляюсь к «доброй мамочке». На днях мы провели там пять-

---

[б] Я знаю моих паппенгеймцев (*нем.*).

шесть часов с Мануэлем, проделывая тысячу всяких глупостей. Это напомнило нам Куртавнель, Маскариля, Жодле и т. д., и т. д., и т. д., и т. д.[10] Не одна вы вспоминаете об этом, милостивая государыня... Помните, как мы смотрели сквозь золотистую листву осин на небо, такое чистое в тот день?.. Вы помните... Ах! но я никогда не кончу, если начну говорить обо всем этом.

Боже мой, как прекрасна осень... Не тогда, когда грязно и мокро (ваши «пфля, пфля» в совершенстве передают истину), но когда небо совсем прозрачно и спокойно... В погожем осеннем дне есть нечто, напоминающее Людовика XIV в старости... Вы станете смеяться над моим сравнением. Ну что же, тем лучше! Даже хохочите, хохочите так, чтобы были видны все ваши зубки,— вы же знаете, что вам говорил ваш старый господин из Мекленбурга по пути из Берлина в Гамбург[11].

Я обещал отнести мое письмо вашей матушке — надо ей оставить место. Мне следовало бы об этом подумать раньше и писать убористее. Вот уж когда вы имеете право назвать меня болтуном.

На днях собираюсь написать вашему мужу. Второй том Мишле — настоящий шедевр[12]. Луи Блан делает себя посмешищем своею ссорой с Эженом Пеллетаном[13].

Дружески кланяюсь великому охотнику[14]. Во время прогулок по Тюильри я часто думаю о Луизе — и крепко, крепко ее обнимаю. Да хранит бог вас всех! Желаю вам всевозможного счастья, крепко жму вам руку, снова поздравляю вас и остаюсь

ваш преданный друг

И. Тургенев.

P. S. Не застав вашу матушку дома, я запечатываю письмо из опасения, чтоб оно не опоздало. Я пишу это в лавке бакалейщика и запечатаю письмо его сургучом и его гербовою печатью.

81. **Полине Виардо** (с. 242)

С французского:

19 декабря 47.

Париж.

Милостивая государыня, несколько дней тому назад я начал весьма грустное (бог знает почему!) письмо, которое не окончил, и хорошо сделал. Говорю вам об этом лишь для памяти... Не очень-то я и сам понимаю, для чего вам об этом говорю. Сегодня я бодр и в хорошем настроении. Я рад, что могу наговориться в свое удовольствие, и намерен этим заниматься до конца четвертой страницы.

Ваша матушка (которая чувствует себя вполне хорошо, так же как и мы все) показала мне ваше последнее письмо из Гамбурга. Ах, сударыня, сударыня — не доверяйтесь погожему декабрьскому дню, он очень коварен, «вдоль по реке»[1] очень сыро. Надеюсь, что заболевание горла прошло у вас очень быстро и что «Гугеноты»[2] имели такой же успех, как и «Цирюльник». Впрочем, не думаю, чтобы вы особенно веселились в Гамбурге. Там только и видишь что «деловых людей», которые постоянно говорят о железных дорогах, акциях, займах и других весьма доходных и весьма глупых вещах. Я убежден, что в глубине души вы испытываете тайную досаду оттого, что должны *забавлять* подобных людей, ибо вы ведь только забавляете их. Они неспособны чувствовать что-либо иное,

слушая вас; всю свою серьезность они прибeрегают для повышения и понижения. [3] Тем не менее они вам рукоплещут, кричат, бьют в ладоши... они исполняют свой долг — и за это их не стоит благодарить.

Газетные статьи переведены и отосланы по назначению. Кстати, пришлите же мне «слова» (знаете, как для «Пастушки») — уверяю вас, что охотно примусь за это, muy buena gana [a]; если я до сего времени еще не создал нечто похожее на «Пастушку», то лишь потому, что, как мне казалось, вы в данный момент об этом не думаете... Но я от своего намерения не отказываюсь [4]... То, что вы нам сообщаете о впечатлении, произведенном на вас «Иосифом» Мегюля, заставляет меня глубоко сожалеть, что его нельзя послушать здесь; в этом чертовски большом Париже дают только чертовски большие оперы вроде «Иерусалима»... [5] В ту минуту, как я пишу вам эти строки, кучка странствующих музыкантов принимается петь во дворе «Умереть за родину» Госсека [6]... Боже, как это прекрасно... У меня навернулись слезы на глаза... Да, положительно, старые музыканты были лучше теперешних. Какая мощь, какая убежденность, какая величественная простота... Когда в 93 году сотни голосов пели этот гимн, он, наверно, заставлял биться множество сердец. Вообще с некоторых пор я всё более и более отвращаюсь от современности; в ней и в самом деле мало привлекательного; я, очертя голову, бросаюсь в прошлое. Сейчас я с увлечением читаю Кальдерона (само собой разумеется, по-испански); это величайший драматический поэт-католик, какой когда-либо существовал, подобно тому, как Шекспир самый человечный, самый антихристианский поэт... Его «Поклонение кресту» — шедевр [7]. Эта непоколебимая, торжествующая вера, без тени какого-либо сомнения или даже размышления, подавляет вас своею мощью и величием, невзирая на все, что есть отталкивающего и жестокого в этом учении. Это полное истребление в себе всего, что составляет достоинство человека, перед божественною волей, глубокое безразличие, вместе с которым благодать снисходит на своего избранника, ко всему, что мы называем добродетелью или пороком, — ведь это еще одно проявление торжества человеческого разума, потому что существо, столь смело провозглашающее свое собственное ничтожество, тем самым становится наравне с этим фантастическим божеством, игрушкой которого человек признает себя. А это божество — оно само создание его рук. Тем не менее я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, образец возмущения и индивидуализма. Как бы мал я ни был, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати.

N. B. Извините все эти фио-ратуры [8].

Тем не менее Кальдерон — гений исключительный и, главное, мощный. Мы, слабые потомки могучих предков, достигаем, в лучшем случае, умения быть изящными в своей слабости... Я думаю о «Капризе» Мюссе (который продолжает пользоваться здесь огромным успехом) [9]... Но думаю также и о том, что я по-прежнему не сообщаю вам ничего нового; а между тем произошли события довольно интересные. Г-н Мишле начал свой курс [10], м-ль Альбони спела вчера «Золушку» [11] (я буду слушать ее сегодня, в воскресенье); много говорят об электрической или магнетической девушке, кото-

---

[a] весьма охотно (*исп.*).

рая во сне, слушая музыку, делает жесты, ей (музыке) соответствующие, и т. д.

Но что делать, я превращаюсь в медведя: я почти не выхожу из своей комнаты — работаю с невероятным рвением... Надеюсь, что это не будет потерянным временем. Все же я намерен немножко встряхнуться и побегать по Парижу. Надо же составить себе о нем какое-нибудь понятие.— Я получил письма от моих издателей, которые расточают мне всяческие похвалы по поводу моей деятельности [12]; они прислали мне также последний номер нашего журнала, где я нашел восхитительный рассказ некоего г-на Григоровича [13]... человека, которого я превосходно знаю и который всегда мне казался ничтожным и пустым. Быть может, прав Кальдерон? Разве талант, который тоже есть нечто вроде божией благодати, не может водвориться в первой попавшейся голове? Испытывает ли он неприязнь к уму за его достижения? Правда, в последнее время он себя неоднократно выдавал за талант! Но подлинно избранные натуры обладают и тем и другим.— Не так ли, милостивая государыня? Вы должны в этом кое-что понимать.

Завтра собираюсь написать вашему мужу, которому прошу вас передать мой дружеский привет. Я еще не исполнил поручения Луизы — и не без причины, что не мешает мне расцеловать ее в обе щечки. Что же касается вас, милостивая государыня, то вы знаете мой обычный припев: желаю вам всего самого доброго, прекрасного, возвышенного и благородного... впрочем, это значит желать вам того, чем вы уже обладаете. Берегите себя хорошенько, будьте счастливы, веселы и довольны, вы и все ваши. Вы ведь пробудете в Гамбурге не больше четырех-пяти дней — не правда ли? Может быть, следующее мое письмо еще вас там застанет? Que Dios bendiga a Vd.— Leben Sie recht, recht wohl [б]! Будьте здоровы и помните нас [в].

Ваш
И. Тургенев.

82. **Полине Виардо** (с. 245)

С французского:

Париж,
25 декабря 47.

Мы все, признаюсь вам, милостивая государыня, немного уже тревожились, не получая от вас известий (правда, вы нас избаловали), когда ваше письмо от 21-го, со всеми его милыми подробностями, преисполнило нас радостью. Я исполнял, по обыкновению, должность чтеца и могу вас уверить, что никогда мои глаза не чувствуют себя так хорошо, как в то время, когда им приходится разбирать ваши письма, тем более что для знаменитости вы пишете вполне хорошо. Впрочем, ваш почерк разнообразен до бесконечности; порою это почерк красивый, тонкий, бисерный — настоящая мышка, бегущая рысцой; порою он идет смело, свободно, широко шагая, а часто бывает, что он стремится вперед с чрезвычай-

---

[б] Да благословит вас бог (*исп.*).— Будьте совершенно, совершенно здоровы (*нем.*).

[в] *Фраза написана по-русски.*

ной быстротой, с крайним нетерпением, ну и уж тогда, по чести, буквам приходится устраиваться как знают. Вы очень хорошо делаете, что описываете нам ваши костюмы; мы, реалисты, дорожим колоритом. А затем... затем, всё, что вы делаете, сделано хорошо. Ваши успехи в Гамбурге доставляют нам бесконечную радость; браво, браво [1]! Не правда ли, мы очень *добры*, когда вас ободряем?

Благодарю вас от всего сердца за добрые и сердечные советы, которые вы мне даете в вашем письме к г-же Гарсиа. То, что вы говорите о «quebradura» [а], которая всегда замечается в прерванном произведении, вполне справедливо... «*das sind goldene Worte*» [б]. Между прочим, с тех пор как я нахожусь в Париже, я всегда работал только над одною вещью и многие довел до благополучного конца, по крайней мере надеюсь на это. Не проходило ни одной недели без того, чтобы я не отсылал толстого пакета моим издателям [2].

Со времени моего последнего письма к вам я прочел еще одну драму Кальдерона, «Жизнь есть сон». Это один из самых грандиозных драматических замыслов, какие я знаю. В этой драме царит какая-то первобытная мощь, мрачное и глубокое презрение к жизни, удивительная смелость мысли рядом с самым непреклонным католическим фатализмом. Сехизмундо Кальдерона (главное действующее лицо) — это испанский Гамлет со всем различием, какое существует между Севером и Югом. Гамлет более рассудителен, более тонок, более философичен; характер Сехизмундо прост, обнажен и отточен, как шпага; один бездействует вследствие нерешительности, сомнения и размышления; другой же действует — потому что к этому его побуждает его южная кровь,— но, действуя, он вполне сознает, что жизнь не более, нежели сон [3]. Теперь я приступил к чтению испанского «Фауста», «Чудесного мага» [4]: я совсем окальдеронизован. Читая эти прекрасные произведения, чувствуешь, что они выросли естественно на плодоносной и могучей почве; их вкус, их аромат здоров и прост; привкус литературы здесь не дает себя чувствовать. Драма в Испании была последним и прекраснейшим выражением наивного католицизма и того общества, которое он создал по своему подобию [5]. Между тем в критическое и переходное время, которое мы переживаем, все художественные или литературные произведения представляют, самое большее, лишь индивидуальные мнения и чувства, лишь смутные и противоречивые размышления, лишь эклектизм их авторов; жизнь распылилась; теперь уже не существует мощного всеохватывающего движения, за исключением, может быть, промышленности, которая, если ее рассматривать с точки зрения нарастающего подчинения сил природы человеческому гению, может быть, сделается освободительницей, обновительницей человеческого рода. А потому, на мой взгляд, величайшие современные поэты — американцы, которые собираются прорыть Панамский перешеек и поговаривают о проведении электрического телеграфа через океан. Как только социальная революция совершится — да здравствует новая литература! До тех пор у нас будут лишь понсары и гюго или, самое большее, могучие, но мятущиеся и больные пророки, как Жорж Санд.

[а] «трещине» (*исп.*).

[б] «это — золотые слова» (*нем.*).

Большая часть этих размышлений пришла мне в голову как-то вечером, когда я присутствовал на представлении обозрения 1847 года «Устричная отмель» в Пале-Рояле [6]. Было забавно, и я смеялся... Но, боже мой! как это было худосочно, бледно, робко и мелко рядом с тем, что из того же самого мог бы сделать — не говорю Аристофан, но хоть кто-нибудь из его школы! Комедию фантастическую, необычную, насмешливую и трогательную, безжалостную ко всему, что есть слабого и дурного в обществе и в самом человеке, которая оканчивается смехом над собственным убожеством, подымается до возвышенного, чтоб и над ним посмеяться, снисходит до глупости, чтоб и ее прославить и бросить в лицо нашей спеси... Дорого бы мы дали, чтобы такое увидеть! Но нет, наш удел — Скриб до конца наших дней [7]. Буржуазия, коммандитное общество... возложи венок из капустных листьев на чело самого выдающегося твоего представителя!

Я не теряю надежды прочитать вам «Птиц» или «Лягушек» Аристофана, отбросив все, что там уж чересчур цинично [8].

Итак, вы в Берлине [9]; ваши две первые кампании окончены, и теперь вы находитесь среди уже завоеванного народа. Славный Мюллер передаст вам это письмо. Вот кто еще будет рад увидеть вас! Вы нам дадите ваш адрес: Берлин я знаю наизусть и потому смогу легко отыскать ваш дом в своей памяти. Дебют ваш состоится через неделю. Я знаю кого-то, кто примется за изучение берлинских газет. Во франкфуртских «Didaskalia» есть восторженная о вас статья, помеченная Гамбургом. Кстати, «L'Illustration» объявляет о вашем приглашении в Гранд-опера на будущую зиму. Из Петербурга пишут, что Итальянский театр там пребывает в агонии. В письме к вашему мужу я уже говорил о «Золушке» и о м-ль Альбони [10].

Надеюсь, что вы будете все, муж, жена и ребенок, чувствовать себя как ангелы или как мы, потому что мы чувствуем себя очень хорошо, право же, очень хорошо.

Прощайте, сударыня. Рискуя надоесть вам повторением одного и того же, желаю вам всего самого лучшего, самого великого и самого прекрасного; вы знаете, как искренни мои пожелания... Будьте здоровы и счастливы.

Совершенно вам преданный

И. Тургенев.

P. S. — Que Dios bendiga a Vd. [в]

83. Полине Виардо (с. 248)

С французского:

Париж,
4 января 48.

Ах! милостивая государыня, сколь хороши длинные письма! (как, например, то, что вы только что написали вашей матушке). С каким удовольствием начинаешь их читать! Словно входишь среди лета в длинную, очень зеленую и прохладную аллею. Ах! говоришь себе, как здесь хорошо; и идешь небольшими шагами, слушаешь птичье щебетанье. Вы щебечете гораздо лучше их, ми-

[в] Да благословит вас бог (*исп.*).

лостивая государыня. Продолжайте, пожалуйста, в том же духе; знайте, что вы никогда не найдете более внимательных и более благодарных читателей. Представляете ли вы себе вашу матушку у камина в то время, как я по ее просьбе читаю ей вслух ваше письмо, которое она имела уже возможность почти выучить наизусть? Вот когда ее лицо надо было бы написать! Кстати, я не видел еще ее портрета; ей хочется показать мне его только тогда, когда он будет окончен, что не замедлит случиться. Я тоже собираюсь попросить г-на Леона сделать мой карандашный портрет [1].

Also, willkommen in Berlin [а] [2]? Я знаю, где вы живете; это недалеко от Brandenburger Thor [б]. Простите мне смелость, с которой я позволю себе говорить о вашей квартире, но почему некоторые места, именуемые только по-английски, вероятно потому, что англичане — народ, на словах самый пристойный, почему же эти места предоставлены безжалостности времен года и суровости открытого воздуха? Прошу вас, будьте осторожны и устройте их лучше: в пору гриппов и ревматизмов это опаснее, чем кажется с первого взгляда. Вы порядком посмеетесь надо мной и над тем, чем я заполняю свое письмо, но, уверяю вас, что это сильно меня встревожило. Я отсюда вижу, как вы улыбаетесь, приподнимая правое плечо и наклоняя голову в ту же сторону (свойственное вам движение, от которого я не советую отказываться, потому что оно очень мило, особенно, когда его сопровождает некая гримаска...), вижу, как расцветает большая рыжая борода друга Мюллера...

Итак, вы дебютировали в «Жидовке» [3]. Уже одно это название «Жидовка» вызывает во мне уйму лиц и воспоминаний: г-на Крауса, с его зубами, налезающими друг на друга, зубоскальством и пальцами свинцового цвета; г-на Ланге, такого медоточивого, такого выдержанного, такого растроганного собственными заслугами, супругов Пиль-о-Ни [4], толстого г-на де Далмаги, и т. д., и т. д. Знаете ли вы, милостивая государыня, что в этом году вам надо бы расширить «круг ваших знакомств»? И, кстати, приходила ли г-жа Изабелла вам *lamer los zapatos* [в]? (Ах, послушайте, не вздумайте позволить это г-ну Труну; да вам это и самой известно! Я так и думал, что он изменит свое мнение, и поэтому не был удивлен его статьей в «Zeitungs-Halle» на следующий день после вашего приезда в Берлин. Самое большое, что могут сделать подобные ему люди, так это набросать немного грязи на вашем пути; но если вы дорожите чистотой ваших подметок, то не мешайте ему, тем более, что достаточно подать ему, словно милостыню, немного презрительного забвения.) Еще раз willkommen in Berlin. Будьте здоровы, сочиняйте, развлекайтесь и будьте счастливы. Если б только вам удалось найти там новую гр. Каменскую [5] или же убедить ее на некоторое время расстаться с Дрезденом!

Надо все-таки рассказать вам немного о Париже и о том, что там делается. Для меня, во всяком случае, время течет не слишком быстро. Между тем у нас не было недостатка в событиях: смерть г-жи Аделаиды [6], пленение Абд-эль-Кадера [7] (вот тоже человек, не сумевший вовремя умереть), Новый год, открытие Палат [8],

---

[а] Итак, добро пожаловать в Берлин (*нем.*).

[б] Бранденбургских ворот (*нем.*).

[в] вылизывать ботинки (*исп.*).

прекращение лекционного курса Мишле [9], и т. д., и т. д. Обо всем этом ваш муж, вероятно, уже говорил вам.

В день Нового года мы по-семейному пообедали у вашей матушки. Вечером там играли в невинные игры, и г-н Ги все время предлагал фанты, самые хм. хм. В конце концов он учтиво обнял м-ль Антонию за талию и крепко поцеловал ее в щеку... я ошибаюсь, не так уж крепко: при отсутствии зубов это невозможно. Словом, мы весьма позабавились. Третьего дня г-н Леруа д'Этиоль повел меня к некой г-же де Нуарфонтен. Там я очень скучал. Я даже с удивлением обнаружил там какой-то душок, присущий петербургскому обществу, что меня совсем не восхитило. Правда, муж ее — чиновник, а все на свете чиновники друг на друга похожи. Я слышал «Любовный напиток» [10] в Итальянской опере. Лаблаш меня насмешил. Г-жа Персиани, что касается голоса, плавает в своей роли, как рыба в воде; так вот, уверяю вас *ganz objektiv geschprochen* [г], как говорят наши друзья немцы, вы в этой роли гораздо, право же, гораздо лучше. Г-жа Персиани, должно быть, злая женщина; когда Неморино, в конце первого действия, приходит ее умолять, она сделала жест, напомнивший мне одну из горничных моей матери, самое холодное и злобное существо, какое я знаю. Видно было, как она задыхалась от острого наслаждения, которое испытывала потому, что может отомстить, причинить боль — это было отвратительно, фи! Я помню, что вы тоже казались очень довольной возможностью отомстить, видеть, что г-н Неморино вынужден вас умолять, но то были небольшие черные узоры на светлом фоне... Когда человек в глубине души добр, то можно позволить себе такие маленькие удовольствия. Да здравствует черт, ежели он оседлан.

Вчера я видел новую оперу Обера «Гаиде» [11]. У этой так называемой комической оперы все внешние признаки оперы большой. Большие дуэты, протяженные музыкальные фразы, громкие слова и ни одной мелодии. Тем, может быть, и объясняется ее успех; оперные завсегдатаи к таким пошлостям не привыкли.

Самое содержание либретто уныло и фальшиво; это история человека, совершившего в своей жизни бесчестный поступок, некоего Гюдена, сплутовавшего в карточной игре; его противник покончил с собой, а убийцу преследуют угрызения совести. Он выдает себя во сне; его враг хочет этим воспользоваться, и т. д., и т. д. Наконец, добродетель, — нет, на сей раз не добродетель, а раскаявшийся порок торжествует, и зло терпит поражение. В этой истории замешаны две женщины. Развязка поразительно неправдоподобна. Это Скриб, доведенный до абсурда. Роже, которого я вчера слушал с удвоенным вниманием,— вы знаете, почему, — отлично справился со своей ролью; ничего не скажешь, это талантливый человек и очень хороший актер. Впрочем, заметно было, что он в восторге от этой шумной музыки, рассчитанной на эффект. Однако тут и там в ней попадаются и приятные места. Но кончится ли когда-нибудь царствование старикашек? Мы устали от этого изысканного шамканья, от этого остроумия двадцатилетней давности. Что делают молодые, сильные? Вчера вечером я непрестанно думал о Вивье. С теми, кто есть в Комической опере, он мог бы создать шедевр. У м-ль Гримм голос небольшой, но свежий и очень

[г] говоря совершенно беспристрастно (*нем.*).

звучный. М-ль Лавуа — так себе [12]: я нашел, что она похожа на Каратыгину (лицом) [13]. Обе они поджимают нижнюю губу, поднимают брови и запрокидывают голову назад, когда собираются исполнить быстрый пассаж на высоких нотах, от чего выражение их лиц становится невообразимо смешным; они тогда похожи на гусынь, схваченных за клюв. Я сидел совсем рядом с оркестром; передо мной оказалась книга по истории Парижа, и в антрактах я читал отрывки современных свидетельств о Варфоломеевской ночи, резне Арманьяков и прочих милых событиях [14]. Жестокие страсти, потоки крови, неслыханные злодеяния, а потом поднимался занавес, и я видел разодетую и разукрашенную м-ль Лавуа, с руками, которые она постоянно держит вот так: [д] пятый пальчик далеко отставлен... что за смешной контраст! (*N. B.* Ведь я показываю вам ладонь... учитесь рисовать руки, милостивая государыня!..) Ах! до чего же странное создание человек.

Высказав эту, столь новую, мысль, я вас покидаю. Благодарю вас очень — *sehr* — *mucho* — *очень* — *much* [е] за несколько слов обо мне в вашем письме к г-же Гарсиа [15]. Буду весьма рад получить письмо от г-на Луи. Очень дружески приветствую всех вас. Благодарю Луизиту [16] за добрую память обо мне и отвечаю ей тем же. Прощайте, милостивая государыня, желаю вам всего самого лучшего. A los pies de Vmd [ж].

Преданный вам
И. Тургенев.

84. Полине Виардо (с. 251)

С французского:

Париж,
11 января 1848.

Только что я получил письмо, которое вы мне послали в конверте на имя г-жи Гарсиа. Благодарю вашего мужа за добрую память; что же касается его суждений о положении Франции, то я был бы рад ошибиться и как можно скорее убедиться в своей неправоте [1]. Мои рассказы (которые, между прочим, написаны в жанре, диаметрально противоположном повестям Флориана) [2] не достойны чести быть переведенными; но предложение, которое мне делает el señor [а] Луи [3], слишком лестно, чтоб я не согласился на него теперь же, дабы воспользоваться им позднее, когда, наконец, напишу что-нибудь хорошее, если Аполлону будет угодно меня осчастливить. В то же время я желаю великому охотнику... ни слова больше! я ничего ему не желаю. Если он, человек в высшей степени рассудительный, не заразился суевериями моей милой родины, то я, даром что я русский, не желаю портить ему удовольствия.

Статьи о «Норме» заставили меня испытать то, что немцы называют *Wehmuth* [б]. Сравнивая вас с вами же, какой вы были год

[д] *Далее в подлиннике — рисунок (см. с. 251).*

[е] очень (*нем.*) — очень (*исп.*)... — очень (*англ.*).

[ж] Припадаю к вашим стопам (*исп.*).

[а] сеньор (*исп.*).

[б] уныние (*нем.*).

тому назад, господа критики, кажется, заметили некую перемену, некое развитие в вашей манере исполнения этой роли. А мне — ay de mi [в] — мне не дано знать, что они имеют в виду: ведь я не видел вас в «Норме» с Петербурга. Diese Entwicklungsstufe ist mir entgangen [г]. Я готов кричать: «Держи вора!», как Маскариль [4]. В сущности (говорю вам это по секрету и только вам одной), я немного огорчен. Рельштаб и Коссак оба говорят «von einer milderen Darstellung» [д], я хорошо знаю, что это не то же самое, что Milde [е] у Линд; напротив, я убежден, что это должно быть очень красиво, очень правдиво, очень сильно. Да, великие страдания не могут сломить великие души, они делают их спокойными, более простыми, они смягчают их, нисколько не заставляя терять в своем достоинстве. «Так тяжкий млат, — говорит в одном месте Пушкин, — дробя стекло, кует булат» [5], булат более острый, более гибкий и более крепкий, чем железо. Те, кто прошел через это, кто *умел* страдать (я чуть было не сказал: те, кто имел это счастье, потому что страдание — это счастье, которое, например, эгоисту или человеку низкому неведомо), несет на себе отпечаток страдания, облагораживающий его, если он страданию не поддался. Боги! как я был бы рад присутствовать на представлении «Нормы»! Эта женщина с таким возвышенным и таким простодушным, прямым, правдивым сердцем в борьбе со своею любовью и своей судьбой, эти великие и простые движения страстей в нетронутой душе, это жестокое и сладостное соединение всего самого дорогого в жизни — и смерти, этот исступленный взрыв в заключительной сцене, этот столь сильный и столь гордый дух, который в минуту смерти, наконец, всецело предается самой горячей нежности, восторгу самопожертвования,— не будем больше об этом говорить. Я буду стараться *воссоздать* вас в «Норме» согласно моему представлению о вашем таланте, согласно моим воспоминаниям... Правда, теперь я уже не так искусен, как прежде, в этом по преимуществу немецком упражнении... все же попробую.

Вы говорите мне также о «Ромео», о третьем акте, слова которого похвалил Мюллер... Это напоминает мне о комнатке в Куртавнеле, где мы над ними трудились... Вы настолько добры, что хотите знать мои замечания относительно Ромео [6]... Что мог бы я вам сказать, чего бы вы не знали и не чувствовали заранее! Чем больше я размышляю о сцене третьего акта, тем больше мне кажется, что есть только один способ ее исполнения — это ваш. Нельзя вообразить себе ничего более ужасного, чем находиться перед трупом того, кто был для тебя всем, что любишь; но охватившее вас тогда отчаяние должно быть столь ужасно, что, если оно не сдержано или не *охлаждено* твердою решимостью покончить с собой или каким-либо иным *большим* чувством — искусство уже не в состоянии передать его. Прерывистые крики, рыдания, обмороки — это природа, это не искусство. Сам зритель не будет этим взволнован — тем глубоким и захватывающим волнением, которое заставляет вас с наслаждением проливать слезы, порою весьма горькие. Между

[в] горе мне (*исп.*).

[г] Я миновал эту ступень развития (*нем.*).

[д] «о более мягком исполнении» (*нем.*).

[е] мягкость (*нем.*).

тем, вашим изображением Ромео (каким вы его хотите сделать, судя по тому, что вы мне пишете) вы произведете на ваших слушателей неизгладимое впечатление. Я помню тонкое и справедливое замечание, которое вы сделали однажды о мелких тревожных движениях, которые непрестанно делает Рашель, продолжая сохранять спокойный и величественный вид; быть может, у нее это было только мастерство; но обычно это — спокойствие, *проистекающее из глубокого убеждения или из сильного чувства*, спокойствие, так сказать, со всех сторон окутывающее отчаянные порывы страсти, сообщающее им ту чистоту очертаний, ту идеальную и подлинную красоту, которая и является истинной, единственной красотой в искусстве. А что доказывает справедливость этого замечания, так это то, что сама жизнь,— в редкие мгновения, правда, в те мгновения, когда она освобождается от всего случайного и обыденного,— возвышается до подобной же красоты. Высшая скорбь, говорите вы в вашем письме, выражается всего сдержаннее; а самая сдержанная и есть самая прекрасная, можно было бы прибавить. Но следует уметь сочетать обе крайности, иначе покажешься холодным. Легче не посягать на совершенство, легче остановиться на полдороге, тем более что зрители в большинстве своем ничего другого и не требуют, или, вернее, ни к чему другому не приучены; но вы стали тем, чем вы являетесь, только через это благородное стремление к самому высокому, и, верьте мне — ist der Punkt getroffen [3] — все сердца, даже самые заурядные, трепещут и устремляются к вам в едином порыве. В Петербурге надо было быть самому немного артистом, чтобы почувствовать всё, что было прекрасного в ваших намерениях; с тех пор вы выросли; вы сделались понятною для всех, неизменно многое предназначая и для избранных.

Я пишу вам всё это разгоряченный, по свежим следам. Прошу вас исправить — со свойственною вам тонкою прозорливостью — все неполное и неточное в моих выражениях. У меня нет времени заниматься стилем; даже нет к тому и желания. Я хочу только сказать вам то, что думаю.

Я должен кончать письмо, а еще ничего не сказал вам о том, что делается в Париже. Сделаю это в другом, ближайшем письме, если вам это угодно. Вы хорошо сделали, послав нам статью Коссака; с Нового года здесь больше не существует «Zeitungs-Halle» или «Cabinet de Lecture» [7].

Все здоровы. Я был вчера у итальянцев. Давали «Деву озера» [8]. Что за прелестная музыка (невзирая на некоторые длинноты и некоторую устарелость)! Но и какое же либретто! Г-жа Альбони была хороша в анданте и очень вялой в аллегро. Она и г-жа Гризи восхитительно исполнили маленький дуэт во втором акте. Марио хорошо спел свою арию. Хоры были отвратительны. (Как жаль! Хор бардов великолепен, насколько можно было о нем судить.)

Вы видите, милостивая государыня, что на этот раз я пишу без полей. Пожалуйста, поклонитесь Паулюс. И будьте здоровы вы все, кого я очень люблю. Благодарю вас за память, желаю вам всего самого лучшего. Крепко жму вашу руку и остаюсь

совершенно вам преданный

И. Тургенев.

---

[3] цель достигнута (*нем.*).

P. S. Кстати, должен вам сказать, что позавчера, в *воскресенье*, у вашего брата [9] был музыкальный вечер. Присутствовали только его ученики: Барбо, Батай и др. ... Там *весьма* отличилась м-ль Антония. Она *великолепно* спела партию Семирамиды в квартете «Клятва». *Был Бальф.* О вашем ангажементе все говорят здесь как о свершившемся факте [10]. Прощайте. Seien Sie auf ewig gesegnet, Sie edles, liebes, herrliches Wesen [и].

85. Полине Виардо (с. 255)

С французского:

Париж,
17/5 января 48.

Ваша матушка только что показала мне письмо, которое вы послали ей назавтра после представления «Ифигении» [1], письмо, полное одновременно утонченности и величия — привилегия, которой обладаете вы — и почти никто больше — слово *почти* я прибавляю, чтобы не возникло впечатления, будто я намерен сделать вам комплимент. Итак, на сей раз публика по крайней мере отведала этой прекрасной музыки, и его величество там присутствовал. Несколько раздражает меня лишь то, что в наше время вкус к прекрасному очень часто сочетается с нарочитой слабостью, с мелочным и чувственным дилетантизмом, даже с испорченностью (пример тому — высокопоставленная особа, которую я только что назвал, и баварский король). Разве невозможно обладать одновременно силою и вкусом? Неужели эти две вещи исключают друг друга? Почему молодежь такая... такая «*plump*» [а]? Почему даже ее восторженность так откровенно фальшива? У стариков было всегда больше ума, чем у нее,— и это естественно — разве у них должно быть больше и чутья? Я заранее раздражен против статьи Рельштаба [2], несмотря на все похвалы, которыми он вас осыпет; это тоже старый скряга, старый блюдолиз, а г-н Ланге [3] — его *молодой* заместитель. Чего бы я только не отдал за то, чтобы прочитать о вашей *Ифигении* статью поистине молодую, горячую и тонкую. Но если вам, по вашему же выражению, удалось вдохновить художника, вы должны быть довольны; это несравненно ценнее слов. Впрочем, сегодня я слишком *gruñón* [б]; окончу письмо завтра.

Вторник 18.

Я прочел статью Релльштаба, а также статью Коссака [4], которая не так плоха. У Коссака без сомнения есть ум и вкус, почему только у него такой неприятный взгляд? В то же время я нашел в «Zeitungs-Halle» статью того самого г-на Труна о «Севильском цирюльнике»; в ней он адресует кисло-сладкие слова м-ль Фодор, он, еще недавно так грубо ей льстивший. Фи! Я зол на этого прохвоста за то, что он говорит о вас... [5]

Говорил ли я вам в моем прошлом письме, что я присутствовал на концерте в Консерватории? Исполняли там одного Мендельсо-

---

[и] Будьте благословенны навеки, благородное, дорогое и прекрасное существо (*нем.*).

[а] неуклюжая (*нем.*).

[б] брюзга (*исп.*).

ва [6]. *Симфония в la* мне очень понравилась. Это изящно, сильно, возвышенно. Ее исполнение было *чудовищно* совершенно; невозможно представить себе что-либо изумительнее.

В минувшее воскресенье ваш брат опять собрал кое-кого из своих учеников. Исполняли между прочим секстет из «Золушки», трио масок из «Дон-Жуана», дуэт из «Любовного напитка» («Quant'-amore...») [в], его спели Батай и м-ль Антония, которая сносно с этим справилась, временами довольно удачно подражая вам. Там я слышал некую м-ль Ценер, контральто, это славная девушка, сильная и свежая, и голос у нее такой же. И поет она неплохо. У нее вид доброго малого (нечто вроде Георга из «Гётца фон Берлихингена [7]»), и, как мне кажется, она умеет весьма усердно заниматься. Это мне напомнило о прозвище, которое я дал вам самой, а также всей вашей семье в Куртавнеле [8] — errinern Sie sich? Da ich einmal Deutsch gesprochen habe, so benutze Ich die Gelegenheit um Ihnen zu sagen, dass es gar nichts edleres, lieberes, theueres auf der Erde giebt als Sie [г]. Расстались мы очень поздно — в половине первого ночи. В следующее воскресенье мы соберемся вновь. *N. B.* Барбо поет превосходно — но что за голос, увы! или, вернее, довольно!

Сегодня, во вторник, вы, по всей вероятности, будете петь Ромео, а в ту минуту, когда я пишу (теперь половина двенадцатого), вы должны быть в приятном легком волнении. Самым искренним образом желаю вам успеха. Мне кажется, он будет полным. Почему не могу я быть сегодня в Берлине? Ах, почему? почему?

Нет! положительно с некоторых пор я не сообщаю вам никаких новостей о Париже. Правда, я смирно сижу в своей норе. И все-таки попытаюсь. На днях я был в Зимнем саду, который в самом деле восхитителен [9]. Вообразите себе огромное пространство, наполненное цветами, деревьями, статуями, под чрезвычайно высоким и огромным стеклянным *куполом*, который опирается на множество тонких и стройных чугунных колонн; в глубине — великолепный фонтан. Единственным *drawback* [д] или единственным испытанным мною неудовольствием был запах мокрых каменных плит, теплый и слегка тошнотворный. Говорят также, будто дождь проникает сюда слишком легко. Но я представляю себе, что блестящий бал в Зимнем саду должен быть ослепительным зрелищем. Ваш муж, конечно, говорил вам о новом романе г-жи Санд, который «Journal des Débats» печатает в фельетоне — «Франсуа-Найденыш» [10]. Он написан в ее лучшей манере: просто, правдиво, захватывающе. Может быть, она вставляет в него слишком много крестьянских выражений; это порой придает ее рассказу некоторую нарочитость. Ведь искусство не дагерротип, и такой большой мастер, как г-жа Санд, мог бы обойтись без этих капризов художника с несколько пресыщенным вкусом. Но ясно видно, что ей по горло надоели социалисты, коммунисты, пьеры леру и другие философы, что она ими измучена и с наслаждением погружается в этот источник молодости — искусство простодушное и совершенно земное [11]. Между прочим, в самом начале предисловия есть описание осеннего дня

[в] сколько любви (*итал.*).

[г] помните? Так как я когда-то говорил по-немецки, воспользуюсь случаем сказать вам, что нет на земле ничего благороднее, любимее и дороже вас (*нем.*).

[д] недостатком (*англ.*).

всего в несколько строк... [12] Это чудесно. У этой женщины — дар передавать самые тонкие, самые мимолетные впечатления уверенно, ясно и понятно; она умеет *рисовать* даже благоухания, даже мельчайшие звуки... Я плохо выражаюсь, но вы меня понимаете. Описание, о котором я говорю, воскресило в моей памяти обсаженную тополями дорогу вдоль парка, которая ведет в Жарриель [13]; я вновь увидел золотистую листву на фоне светло-голубого неба, пунцовые плоды шиповника в изгороди, стадо овец, пастуха с его собаками и множество других вещей... Вспоминаете ли вы это?

Париж в течение нескольких дней был взволнован фанатической и контрреволюционной речью г-на де Монталамбера [14]; старая пэрия с неистовством рукоплескала выпадам оратора против Конвента. Еще симптом — и один из важнейших — состояния умов. Мир находится в родовых схватках. Существует немало людей, заинтересованных в том, чтобы вызвать у него выкидыш. Ну что ж, посмотрим. Кстати о родовых схватках: собачка м-ль Женни умерла в родах; бедное маленькое животное! оно, должно быть, очень страдало. Эта кончина заставила отменить одну пятницу.

Итак, у вас снег и сани; у нас только грязь и дождь. Я отсюда вижу, как к вам входит милый Герман Мюллер-Штрюбинг с веткой сирени в руках. Опишите же вашей матушке в нескольких словах вашу квартиру; это очень поможет воображению ваших друзей, которое, уверяю вас, часто устремляется в сторону Берлина. Ну, а г-жа Ланге все еще продолжает вам нравиться? Напишите нам о ней. А дамы Каменские?

Я работаю много и довольно плодотворно.

Я уже почти прочел всего «Жиль Бласа» по-испански [15], перевожу «Манон Леско» [16] и вступил в переписку с другим учеником моего учителя [17], переписку анонимную, не имеющую иной цели, кроме нашего усовершенствования в изучении «magnifica lengua castellana» [е]. Но, представьте, какая удача! В моем первом письме я немного позабавился (уж не помню по какому поводу) насчет австрийского правительства, а мой корреспондент оказался весьма патриотически настроенным венским евреем. Впрочем, мой учитель уверяет меня, что он малый добрый и не принял этого в дурную сторону. Между тем я работаю над комедией, предназначенной для одного московского актера [18]. Вы видите, я времени не теряю. (*N. B*. Вы видите также, что я использую поля письма.)

А затем дружески вам всем кланяюсь; на этих днях я отвечу на любезное письмо, которое прислал мне Sr. don Luis [ж].

Будьте здоровы, y que Dios bendiga Vd. Auf ewig ihr alter getreuer [з].

И. Тургенев.

Передайте, пожалуйста, Мюллеру, что я прошу у него прощения за столь краткое письмо и что на днях я пошлю ему более подробное! Я часто думаю о его добром и открытом лице, обрамленном великолепной трехцветной бородой. А вам, милостивая

[е] «великолепного кастильского языка» (*исп.*).

[ж] сеньор дон Луис (*исп.*).

[з] и благослови вас бог (*исп.*). Навечно вам преданный старый (*нем.*).

государыня, я скоро напишу письмо по-испански. Um. verá (кстати, *echar* пишется без *h*). Leben Sie wohl. Ich küsse Ihnen die Hände. Sie sind das edelste Geschöpf auf Erden [и].

И. Т.

86. **Георгу и Эмме Гервег** (с. 258)

С немецкого:

Только что пришел ко мне человек, причастный к правительственным кругам [1], и сказал, что получено известие, будто Берлин во власти народа [2], а король бежал в Шпандау. [3] Я не могу подняться к вам [4]. Я кашляю, как больная овца.

Т.

87. **Полине Виардо** (с. 259)

С французского:

Париж, суббота 29 апреля 1848.

Guten Morgen und tausend Dank, beste, theuerste, geliebteste Frau!.. [а]

После такого «Ave» [б] — о чем же побеседовать с вами сегодня? Мое последнее... или, вернее, первое письмо было таким безумным, что надо постараться на этот раз быть особенно рассудительным и заполнить эти 4 страницы без полей. Последнюю часть моего «предложения», как сказал бы знаток риторики, исполнить очень легко, тем более, что мое письмо будет отправлено только послезавтра; что касается первой части, то, право, как получится, так получится. Сделаем, что сможем. Итак, я вам скажу, милостивая государыня, что все эти дни погода стоит туманная, угрюмая, froidiuscule [в], чтобы не сказать холодная, плаксивая и нездоровая, словом — very gentlemanlike [г], то есть ужасная! Я подожду солнечной погоды, более благоприятной для поездки в Фонтенбло; до сих пор у нас было лишь genuine English sun, warranted to produce a gentle and comfortable heat [д]. Однако мне это не помешало вчера пойти на Выставку. Поверите ли, что на этой чертовски большой Выставке мне по-настоящему понравился лишь маленький эскиз Делакруа? — «Лев, пожирающий овцу в лесу». Рыжий, ощетинившийся лев великолепен; он весьма удобно улегся, ест с аппетитом, со сладострастием, с полною безмятежностью; и какая сила в этом грязном и теплом колорите, где темные пятна переме-

---

[и] Вот увидите (*исп.*). Прощайте. Целую ваши руки. Вы — благороднейшее создание на земле (*нем.*).

[а] Доброе утро и тысяча благодарностей, самая лучшая, дорогая, любимая женщина!.. (*нем.*).

[б] приветствия (*лат.*).

[в] холодноватая (*франц.-лат.*, *шутливо*).

[г] вполне джентльменская (*англ.*).

[д] подлинно английское солнце, способное создать приятную и уютную теплоту (*англ.*).

жаются с ярким светом, колорите, который вообще присущ Делакруа!— Там же выставлены две другие его картины: «Смерть Валентина» (из «Фауста») и «Смерть Христа», обе — ужасная мазня — осмелюсь так выразиться! И больше ничего. Какой унылой выставкой начинается республика [1]!

Вечером я смотрел балет «Пять чувств». Это невообразимый вздор. Между прочим, там есть сцена магнетизма (Гризи магнетизирует г-на Петипа, чтобы пробудить у него чувство вкуса),— по своей глупости нечто выдающееся. Народу было много, и много аплодировали. Гризи действительно очень хорошо танцевала. Но балет — скучная вещь — ноги, ноги и опять ноги... это однообразно [2]. Перед балетом давали второй акт «Лючии» [3] с Пультье!!, Порто!!! и какою-то девицей Раби, или Риба, или Риби, или Раба — словом, вовсе неизвестное имя. Эта неизвестная девица испытывала ужасный страх, да и голос у нее очень плохой; она, по правде сказать, безобразна лицом и к тому же стара. Я могу предложить вам рисунок или, как говорят инженеры, чертеж, «разрез» ее голоса и ее манеры им пользоваться.

Воскресенье, 30 апреля.

Добрый день, милостивая государыня. Когда утром выглянешь в окошко... позвольте, да ведь это стих. Ну, что ж, поскольку он явился в единственном числе, надо быть учтивым и найти ему спутника... «Может быть, не видно ничего — а, быть может, немного!» Это чистейший Гюго [4]. Но я хотел сказать нечто иное. Я хотел сказать, что, когда (о, проклятое перо!) утром выглядываешь в окно и вдыхаешь весенний воздух, не можешь подавить в себе желания быть счастливым. Жизнь — эта искорка, мерцающая в мрачном и немом океане Вечности!!! — это единственное мгновение, которое нам принадлежит — и т. д., и т. д., и т. д., всё это избито, а между тем верно. (Завтра куплю себе других перьев: эти отвратительны и портят мне удовольствие писать вам.) Итак, продолжим. (Ах, слава богу, вот нашлось одно сносное!) Я обещал быть благоразумным. Что я делал вчера, в субботу? Читал книгу, о которой, каюсь, часто отзывался с большой похвалой, не зная ее, — «Провинциальные письма» Паскаля. Это восхитительно во всех отношениях. Здравый смысл, красноречие, своего рода комизм — всё здесь есть. А между тем это произведение раба, раба католицизма,— «херувимы, эти блаженные существа, состоящие из головы и перьев», «прославленные парящие лики», всегда «багряные и пламенеющие», иезуита Лемуана рассмешили меня до слез [5].

Потом я отправился посмотреть выставку статуй, олицетворяющих Республику, или, вернее, 700 различных эскизов этой статуи, и возвратился оттуда в таком же негодовании, как и все. Это невообразимая мерзость! Вот так конкурс!! Где ты, жюри [6]? Затем я провел вечер у г-на Тучкова [7], о котором я вам уже говорил. Мы там *вели* разговор более или менее интересный, но очень утомительный. Знакомы ли вам такие дома, где невозможно разговаривать без умственного *напряжения*, где беседа превращается в ряд задач, которые приходится решать в поте ума своего, где хозяин дома и не подозревает, что часто высшее проявление внимания к [c] гостю — не обращать на него внимания; где каждое слово произносится

---

[c] *Далее зачеркнуто:* посетителю

с натугой? Какая пытка! Такой разговор — это езда на перекладных, причем вы являетесь лошадью. Затем, на сон грядущий, я прочел «Путешествие вокруг моей комнаты» графа де Местра,— еще одну вещь, которой не знал. Но это путешествие мне очень мало понравилось; это подражание Стерну, написанное очень умным человеком,— а я заметил, что из подражаний всего отвратительнее бывают самые умные, когда они предпринимаются всерьез. Глупый человек подражает рабски; человек умный, но бесталанный подражает претенциозно и с усилием, с самым худшим изо всех усилий,— быть оригинальным. Бьющаяся в плену мысль — печальное зрелище! Особенное отвращение внушают мне подражатели Стерна,— эгоисты, полные чувствительности, которые нежатся, облизываются, любуются собой, стараясь в то же время казаться простыми и добродушными. (Тёпфер немного в этом роде) [8].

Экспедиция моего друга Гервега потерпела полное фиаско; эти бедняги — немецкие рабочие подверглись ужасному избиению. Помощник его, Борнштедт, был убит, что касается Гервега, то он, говорят, вернулся в Страсбург со своей женой. Если он приедет сюда, я посоветую ему перечитать «Короля Лира», особенно сцену с королем, Эдгаром и шутом в лесу. Бедняга! Ему следовало или не начинать дела, или дать убить себя, как это сделал тот, другой [9]...

Последний бюллетень г-жи Санд заставил смеяться весь Париж; в нем она цитирует Жан-Поля Рихтера и заставляет министра внутренних дел говорить о клеветах, о зрелых плодах, об угрызениях совести и мушиных яйцах, отложенных в плодах. Какого дьявола она ввязалась в это дело [10]? Но не стану говорить вам о политике.

Возвращается ли ваш муж в Париж? Г-н Бастид находится в списке избранных [11].

Г-жа Сичес писала мне о вас. Я надеюсь, милостивая государыня, что вы будете так добры вскоре мне написать. Tausend, tausend Danke für... Sie wissen wofür, Sie beste, theurste Frau... Wie glücklich hat es mich gemacht! [ж] До завтра.

Понедельник, 1 мая. 11 ч. вечера.

Я воспользовался наступившей сегодня хорошею погодой, чтобы съездить в Виль д'Авре — деревушку за Сен-Клу. Я думаю, что сниму там комнату. Я провел более четырех часов в лесу,— печальный, растроганный, внимательный, поглощающий и поглощенный. Странное впечатление природа производит на человека, когда он один... В этом впечатлении есть осадок горечи, *свежей*, как в благоухании полей, немного меланхолии, *светлой*, как в пении птиц. Вы понимаете, что я хочу сказать, вы понимаете меня гораздо лучше, чем я сам себя понимаю. Я без волнения не могу видеть, как ветка, покрытая молодыми зеленеющими листьями, отчетливо вырисовывается на фоне голубого неба — но почему? Да, почему? Не из-за контраста ли между этой маленькой живой веточкой, колеблющейся от малейшего дуновения, которую я могу сломать, которая должна погибнуть, но которую какая-то великодушная сила оживляет и окрашивает, и этой вечной и пустой беспредельностью, этим небом, которое только благодаря земле такое синее и лучезарное? (Ведь за пределами нашей атмосферы холод

[ж] Большое, большое спасибо за... Вы знаете за что, самая лучшая, дорогая из женщин. Каким счастьем это было для меня! (*нем.*).

достигает 70 градусов и *света* очень мало. Свет стократно увеличивается при соприкосновении с землей). Ах, я не выношу неба,— но жизнь, действительность, ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее скоротечную красоту,— всё это я обожаю. Что до меня — я прикован к земле. Я предпочту созерцать торопливые движения утки, которая блестящею и влажною лапкой чешет себе затылок на краю лужи, или длинные сверкающие капли воды, которые медленно падают с морды неподвижно стоящей коровы, только что напившейся в пруду, куда она вошла по колено,— предпочту всему тому, что херувимы, «эти прославленные парящие лики», могут увидеть в небесах...

Вторник, 2 мая, 9 1/2 ч. утра.

Вчера вечером я находился в философско-пантеистическом настроении духа. Сегодня речь пойдет о другом. Я хочу поговорить о вас, а это доказывает... что сегодня я гораздо умнее. Вы дебютируете в «Гугенотах»; это очень хорошо, но не следует допускать, чтобы вам поручали только драматические роли [12]. Если бы вам спеть «Сомнамбулу»... это лучшая роль м-ль Линд; она в ней дебютирует — ну, что же из этого? Мне кажется, что я могу ручаться за большой успех. Вы пойдете ее слушать послезавтра; не правда ли, вы сообщите мне, какое она на вас произвела впечатление? Во всяком случае, не позволяйте ограничивать себя исполнением драматических ролей.— Газеты сообщают, что вы дебютируете 6-го, в субботу, так ли это? В этот вечер в Париже один человек будет... я не говорю беспокоиться, но по крайней мере... он будет не совсем в своей тарелке, ручаюсь вам за это. Какое странное выражение — быть в своей тарелке, будто кушанье [13]! А кто нас ест? боги? Если о ком-то, кто волнуется, говорят, что он находится не в своей тарелке, это волнение происходит, вероятно, от возможности быть съеденным каким-нибудь другим, не своим богом. Я говорю глупости. Люди нас обгладывают, а боги нас поедают!!

Третьего дня вечером я ходил смотреть Фредерика Леметра в «Робере Макере». Эта пьеса написана плохо и вообще отвратительна, но Фредерик — самый сильный актер, какого я знаю. Он в роли Робера Макера страшен. Это еще один Прометей, но самый чудовищный из всех. Какая дерзость, какая бесстыдная наглость, какая циническая самоуверенность, какой вызов всему и какое презрение ко всему [14]! Публика держит себя превосходно: спокойно, холодно и с достоинством. Честное слово, последний уличный мальчишка, словно художник, наслаждается талантом Фредерика, а роль его находит отвратительной. Но какая гнетущая правда, какое вдохновение! Я умолкаю, ибо знаю, что вы не любите Фредерика. Но, видите ли, нравственное чувство и чувство прекрасного — это две шишки, которые не имеют ничего общего между собой. Счастлив тот, кто наделен ими обеими [15].

Сегодня великолепная погода. Я выйду через час и вернусь к вечеру, очень поздно. Мне надо найти для себя маленькую комнатку вне Парижа. Поселиться в Виль д'Авре мне помешала необходимость переправляться через Сену (чтобы попасть туда) по понтонному мосту, и притом пешком,— так как судовщики воспользовались февральской революцией и разрушили железнодорожный мост.— А это требует много времени.

Я постараюсь пробраться на трибуны Национального собрания в день открытия [16]. Если это мне удастся, я обещаю вам прислать

самое точное описание. С вашей стороны, милостивая государыня, когда вы совсем устроитесь, вы нам опишете ваш дом и вашу гостиную. Сделайте это, пожалуйста [3].

Nun aber geben Sie mir Ihre lieben und theuren Hände, damit Ich sie recht lange drücken und küssen kann. — Die rechte Hand besonders — Sie schreiben ja mit der rechten Hand? Was man nur lieber denken, sagen und fühlen kann, denke, sage und fühle ich jetzt.— Nicht wahr — davon sind Sie überzeugt? Leben Sie recht wohl, bestes, geliebtestes Wesen [и]. А теперь, милостивая государыня, позвольте мне пожать вам руку. Тысяча приветов г-же Гарсиа, вашему мужу, м-ль Антонии и Луизе. Мой поклон м-ль Мине.— Noch einmal, leben Sie recht, recht wohl und bleiben Sie gewogen Ihrem alten, unwandelbar treuen und ergebenen Freund [к].

И. Т.......

88. **Полине Виардо** (с. 264)

С французского:

Точный отчет о том, что я видел в понедельник 15 мая (1848) [1].

Я вышел из дома в полдень. Вид бульваров не представлял ничего необычайного; однако на площади Мадлен уже находилось от двухсот до трехсот рабочих со знаменами. Стояла удушливая жара. В каждой из групп оживленно разговаривали. Вскоре я увидел, как в левом углу площади какой-то старик лет шестидесяти взобрался на стул и стал произносить речь в защиту Польши. Я приблизился; то, что он говорил, было очень резко и очень плоско; тем не менее ему много рукоплескали. Я услыхал, как возле меня говорили, что это аббат Шатель. Несколько мгновений спустя я увидел, как со стороны площади Согласия приближался генерал Курте — верхом на белом коне (наподобие Лафайета [2]); он направлялся к бульварам, приветствуя толпу, и вдруг начал говорить с горячностью и усиленно жестикулируя; я не мог слышать того, что он говорил. Затем он удалился тою же дорогой, какой приехал. Вскоре показалось шествие; оно двигалось по шестнадцати человек в ряд, со знаменами впереди; человек тридцать офицеров национальной гвардии всяких чинов сопровождали петицию: человек с длинной бородой (это, как я потом узнал, был Юбер) ехал в кабриолете. Я видел, как процессия медленно развертывалась предо мной (я поместился на ступенях церкви Мадлен) и затем направилась к зданию Национального собрания... Я не переставал следить

---

[3] *Это слово в оригинале написано по-русски.*

[и] Теперь же протяните мне ваши милые и дорогие руки, чтобы я мог сжимать их и долго-долго целовать. В особенности — правую, ведь ею вы пишете? Всё, что думают, говорят и ощущают хорошего, думаю, говорю и ощущаю ныне я.— Не так ли, вы убедились в этом? Будьте же счастливы, самое лучшее, любимое существо (*нем.*).

[к] Еще раз будьте счастливы, очень счастливы и оставайтесь благосклонной к вашему старому, неизменно верному и преданному другу (*нем.*).

за нею глазами. Голова колонны на мгновение остановилась у моста Согласия, затем проследовала до решетки. Время от времени раздавался громкий возглас: «Да здравствует Польша!» — возглас, для слуха несравненно более мрачный, чем: «Да здравствует Республика!», потому что звук *о* заменяет звук *и* [3]. Вскоре можно можно было видеть, как люди в блузах поспешно поднялись по ступеням дворца Собрания; вокруг меня говорили, что это делегаты, которых пришлось впустить. Между тем мне вспомнилось, что несколько дней тому назад Собрание вынесло постановление не принимать *подателей петиций в зале заседаний*, как это делалось в Конвенте; и хотя я был совершенно осведомлен о слабости и нерешительности наших новых законодателей, я нашел это несколько странным. Я спустился со своего насеста и пошел вдоль процессии, которая остановилась у самой решетки здания Палаты. Вся площадь Согласия была запружена народом. Я слышал, как вокруг меня говорили, что Собрание в эту минуту принимает делегатов и что перед ним пройдет вся процессия. На ступенях перистиля стояло человек сто мобильной гвардии [4] с ружьями *без штыков*.

Изнывая от жары, я зашел на минутку в Елисейские поля, затем вернулся домой с намерением захватить с собою Гервега. Не застав его, я возвратился на площадь Согласия; могло быть около трех часов. На площади все еще была масса народа; но процессия уже исчезла; по ту сторону моста виднелся только ее хвост и последние знамена. Едва успел я миновать обелиск, как увидел человека без шляпы, в черном фраке, который бежал с выражением отчаяния на лице и кричал встречным: «Друзья мои, друзья мои, Собрание захвачено, идите к нам на помощь; я — представитель народа!» Я направился как только мог скорее к мосту, но увидел, что он загражден отрядом мобильной гвардии. В толпе внезапно распространилось невероятное смятение. Многие уходили; одни утверждали, что Собрание распущено, другие это отрицали; в общем — невообразимая суматоха. А между тем Собрание снаружи не представляло ничего необычайного; *стража* его *сторожила*, как будто ничего не произошло. Одно мгновение мы услыхали, как барабаны забили сбор, затем все смолкло. (Впоследствии мы узнали, что председатель сам приказал прекратить бить сбор, из осторожности или же из трусости.) Так прошло долгих два часа! Никто не знал ничего определенного, но можно было предположить, что восстание окончилось успешно.

Мне удалось пробиться сквозь строй гвардейцев у моста, и я взобрался на парапет. Я увидел массу народа, но без знамен, которая бежала вдоль набережной по ту сторону Сены... «Они направляются в Ратушу!— воскликнул кто-то возле меня,— это опять так же, как было 24 февраля». Я спустился с намерением идти к Ратуше... Но в это мгновение мы вдруг услыхали продолжительную барабанную дробь, со стороны Мадлен появился батальон мобильной гвардии и двинулся в атаку на нас. Но так как за исключением какой-нибудь горсти людей, из которых лишь один был вооружен пистолетом, никто не оказал им сопротивления, они остановились перед мостом, а мятежников отвели в полицию. Тем не менее даже и тогда, казалось, ничего не было решено; скажу больше: поведение мобильной гвардии было довольно нерешительно. В течение по крайней мере часа до ее появления и четверти часа по ее прибытии все верили в успех восстания, только и слышались слова: «Дело кончено!», произносимые то радостно, то пе-

чально, соответственно образу мыслей говорившего. Командир батальона, человек с истинно французским лицом, веселым и решительным, обратился к своим солдатам с краткою речью, кончавшейся словами: «Французы всегда будут французами. Да здравствует Республика!» Это его ни к чему не обязывало. Я забыл вам сказать, что во время тех двух часов тревоги и ожидания, о которых я вам говорил, мы видели, как легион национальной гвардии медленно углубился в авеню Елисейских полей и перешел Сену по мосту, находящемуся против Дома Инвалидов. Вот этот-то легион и напал на мятежников с тыла и вытеснил их из Собрания. Между тем батальон мобильной гвардии, подошедший от Мадлен, был встречен взрывами восторга буржуа... Возгласы «Да здравствует Национальное собрание!» начались с новою силой. Вдруг распространился слух, что представители снова вернулись в зал заседаний. Всё на глазах переменилось. Со всех сторон зазвучал сбор; солдаты мобильной гвардии (уж действительно мобильной!) надели свои шапки на штыки (что, говоря в скобках, произвело чрезвычайный эффект) и закричали: «Да здравствует Национальное собрание!» Какой-то подполковник национальной гвардии прибежал запыхавшись, собрал вокруг себя с сотню людей и рассказал нам, что произошло: «Собрание сильнее, чем когда-либо!— воскликнул он.— Мы раздавили негодяев... О господа! я видел ужасы... видел, как депутатов оскорбляли, били!..» Десять минут спустя все подступы к Собранию были запружены войсками; лошади крупной рысью с грохотом подвозили пушки, линейные войска, уланы... Буржуазный порядок восторжествовал, по справедливости на сей раз. Я оставался еще на площади до шести часов... Я только что узнал, что и в Ратуше победа осталась за правительством... В этот день я пообедал только в семь часов. Из множества поразивших меня вещей я упомяну только о трех: прежде всего это — *внешний порядок*, который не переставал царить вокруг Палаты; эти картонные игрушки, именуемые солдатами, охраняли восстание так тщательно, как только это было возможно: дав ему пройти, они сомкнулись за ним. Справедливо будет сказать, что Собрание, со своей стороны, показало себя ниже всего, чего можно было от него ожидать; оно, не протестуя, слушало в течение получаса разглагольствования Бланки. Председатель не надел шляпы [5]! В продолжение двух часов представители не покидали своих скамей и ушли лишь тогда, когда их прогнали. Если б это была неподвижность римских сенаторов перед галлами, это было бы великолепно [6]; но нет, их безмолвие было безмолвием страха; они заседали, председатель председательствовал... Никто, за исключением некоего г-на Адельсвара, не протестовал... и даже сам Клеман Тома прервал Бланки лишь для того, чтобы с важностью попросить слова! Поразило меня также, с каким видом разносчики лимонада и сигар расхаживали в толпе: алчные, довольные и равнодушные, они имели вид рыболовов, которые тащат хорошо наполненный невод! В-третьих, что очень удивило меня самого, это было сознание невозможности дать себе отчет в чувствах народа в подобную минуту; честное слово, я был не в состоянии угадать, чего они хотели, чего боялись, были ли они революционерами, или реакционерами, или же просто друзьями порядка. Они как будто ожидали окончания бури. А между тем я часто обращался к рабочим в блузах... Они-то ожидали... они-то ожидали!.. Что же такое история?.. Провидение, случай, ирония или рок?..

89. Луи Виардо (с. 267)

С французского:

Париж,
24 мая 48.

Я давно уже должен был бы написать вам, мой дорогой Виардо, и прошу у вас прощения за то, что этого не сделал [1]. Но в первые дни мы все надеялись увидеть вас снова здесь, а потом, позднее, все эти события [2], которые следовали одно за другим... словом, приношу вам мое mea culpa [a] — вот так.

Праздник 21 мая, несмотря на то, что говорится о нем в газетах и прокламациях, прошел ужасно холодно. Мало рабочих, много провинциалов, любопытных, мало, или никакого энтузиазма, еще меньше веселья; что же это за празднество *Братства, Согласия* [3]! В момент, когда, в ответ на выстрелы с Марсова поля, грянули пушки Дома Инвалидов, дрались в Лионе, в Лилле [4]... а если не дрались и где-нибудь еще, то вовсе не от нежелания. Вечерняя иллюминация была великолепна: особенно сияли Елисейские поля. Но лампионы не всегда означают настоящее ликование... об этом свидетельствуют те, которые вы могли видеть в некой, довольно отдаленной отсюда, стране [5]. Ах! мой друг, как быстро и легко мельчают великие дела! Кто бы сказал это три месяца тому назад? Кто бы в это поверил тогда, когда гг. О. Барро и Дюфор устанавливали во Франции республику?

Статуя Свободы Клезенже [6], воздвигнутая в самой середине Марсова поля, это нечто чудовищное... Если о дереве надо судить по его плодам, то что же можно подумать об этой революции, которая до сих пор не сумела породить ни одного произведения искусства, ни одного таланта, ни даже хотя бы одного вдохновенного стиха. Но мы, слава богу, стоим еще только на ее пороге; раз так много говорилось о людях ее кануна, то надо видеть их в деле, дать им действовать; а когда они истощат свои силы (что не замедлит случиться), то мы, надо надеяться, увидим, наконец, как поднимется поколение *сегодняшнего дня*.

Четверг, 25.

Не знаю, на празднике ли Согласия или еще где-нибудь, я подхватил довольно сильную простуду, но факт тот, что она принадлежит мне и ужасно меня тяготит. Во вторник мне захотелось пробраться на заседание, чтобы послушать г-на де Ламартина, но я напрасно был там первым в 5 ч. утра, кончилось тем, что нам заявили, что все места заранее оставлены для делегатов из департаментов. Итак! вы ее прочли, эту прекрасную речь, что вы о ней скажете? Меня она весьма мало вразумила. Все, что он говорит о Польше, — подло. Говорят о восстановлении Польши — Собрание голосует за это — и никто ни словом не заикнется о России, и первый г-н Ламартин. Однако оная держава в этом чертовски заинтересована [7]. Я думал, что при Республике больше не будет всего этого вранья. И потом, как можно говорить о намерении Пруссии восстановить польскую национальность в тот момент, когда, воспользовавшись волнениями во всей Европе для того, чтоб оторвать от нее последний лоскут, е⟨го⟩ в⟨еличество⟩ Фредерикус IV только что разжег *искусственно* гражданскую войну в свое оправдание [8]? Я, слава богу, не претендую выступать в за-

---

[a] покаяние (*лат.*).

щиту Польши... но заниматься дипломатией даже теперь! кончить высокопарным восхвалением мира во что бы то ни стало... Это грустно, это очень грустно.

Вчера один извозчик, смеясь, говорил мне, что Республика беременна маленьким королем, и, добавил он, надо надеяться, что она разрешится до срока, а он не почувствует себя от этого хуже.

И никого, никого в новом Собрании! Пустота, совершенная пустыня! Ни одного выдающегося человека, ну *ни одного*! Если б они, по крайней мере, умели действовать. Но не уметь ни действовать, ни говорить!

Ну, право, довольно об этом. Поговорим о чем-нибудь другом. Что вы поделываете в вашем уединении на Maida-Vale? Теперь ведь не время охоты. Над чем вы сейчас трудитесь? Дела вашего театра, кажется, идут не так хорошо, как можно было бы надеяться. «Гугеноты» до сих пор даже не объявлены [9]. Не приедете ли вы в Париж на пару дней?

Не забудьте привезти из Лондона хорошую английскую собаку, так как, несмотря на всё мое уважение к заслугам Султана, я, однако, думаю, что хороший English pointer [б] дал бы ему чертовски много очков вперед.

Уж очень давно я не имею известий из России. Нас здесь забывают, тем лучше. Но, кажется, там снова начинают давать заграничные паспорта. Опять появилась холера. Она только притворилась убитой, чтобы дать время пошуметь Февральской революции.

На сем я сердечно пожимаю вам руку и желаю здоровья, благополучия и т. д. Тысяча приветов г-же В⟨иардо⟩, м-ль Берте, г-же Гарсиа и всему семейству. Надеюсь, что все вы чувствуете себя прекрасно.

Преданный вам
И. Тургенев.

90. **Полине Виардо** (с. 269)

С французского:

Лион, 13 октября 48.

Guten Tag, liebste, beste, theuerste Frau, guten Tag — einziges Wesen! [а] Вот я и в Лионе после 36-часового сидения на скамейке дилижанса [1]. Эта скамейка — прескверная вещь, особенно ночью, а особенно место № 3 — совсем без спинки, да еще с несчастной охотничьей собакой, дрожащей от холода сзади вас, под кожухом! Но путешествие окончено, и завтра я возвращаюсь в Авиньон (в 8 $1/_2$ ч. утра). Дорога не представляла большого интереса: положительно — Франция некрасива. Еще Бурбонне — ничего себе с его горами и оврагами, немного напоминающими Альпы, но зато плоская и сухая Бос, скучная Солонь, меланхолическая Берри — видеть эти места — небольшое удовольствие. Я ехал в обществе бакалейщика из Парижа, подлинного буржуа старой закваски, завсегдатая Комической оперы, толстого, важного, чувственного

[б] английский пойнтер (*англ.*).

[а] Добрый день, самая любимая, лучшая, дорогая женщина, добрый день — единственное существо! (*нем.*).

и консервативного, и капитана китоловного судна, довольно забавного чудака, в большой степени наделенного тем, что у немцев называется trockener Humor [б]. В конце концов он опротивел мне своим рассказом о том, что видел, как на улице Кюльтюр Сент-Катрин после сражения хладнокровно расстреливали семнадцать повстанцев [2]. «О! представьте себе,— говорил он,— это длилось недолго! Им кричали: „На колени, негодяи!“, они вырывались, но — бац!— удар прикладом по затылку, бац — пуля в упор между бровей и — дрыг, дрыг, дрыг — они уже корчились на мостовой». В остальном путешествие мое не сопровождалось сколько-нибудь примечательными событиями, разве только встреча с двадцатилетним красивым парнем, растянувшимся в своей тележке, которого мы обогнали, медленно поднимаясь в гору; он изумил меня сильными и красивыми модуляциями, которые могли бы сделать честь самому Вивье. И голос у него недурен — немножко грубый и хриплый, но звучащий трогательно и естественно. Я пробовал также сочинять для вас стихи — но всё понемногу рассыпалось. Я мог только смотреть, мечтать, вспоминать. Я изнемогаю от усталости, иду спать, письмо кончу завтра. Покойной ночи. Да благословит вас бог, liebster Engel [в]!

Постойте,— я вижу, что могу прибавить еще два слова. Вдруг меня завтра поздно разбудят! Положительно, я слишком устал для такого листа бумаги. Представьте, я не смыкал глаз от самого Парижа, а сейчас — полночь. Спокойной ночи — окончательно — до завтра. Да хранят вас бог и все ангелы.

14 октября, суббота, 7 ч.

Опять здравствуйте, Liebste, Theuerste, Einzige [г]. Я прекрасно провел ночь и чувствую себя совсем бодрым. Вы посмеетесь про себя или не поверите мне, если я скажу вам, что во мне почти не осталось и следа болезни, так меня мучившей; а между тем это правда — и ваше предсказание сбылось. Честное слово, я говорю сущую правду (какое ужасное перо!). Вы увидите, что я вернусь сильный и здоровый, как бык! Через час я отправляюсь отсюда (вниз по Роне) до Валанс. Из Валанс — на лошадях до Авиньона, куда приеду завтра, в 4 ч. утра; отдохну, схожу посмотреть папский дворец. Потом поеду по железной дороге в Ним, оттуда (послезавтра) — в Арль и Марсель; во вторник еду дальше, в Иер. Вот план моего путешествия. Если у вас есть карта Франции, загляните в нее. Поскольку пароход отходит не раньше десяти часов, я успею немного осмотреть Лион, который вчера в ночной темноте показался мне весьма примечательным. Двойная дуга огней на мосту, отражаясь в воде, всегда производит на меня какое-то странное впечатление, особенно когда река широкая, а небо ясное. (Я вспоминаю о вашем «Между небом и водой» [3].) А вы что поделываете? Сочиняете? Читаете? Когда вы уезжаете из Куртавнеля? Напишите мне до востребования в Марсель; я не уеду дальше его окрестностей, и в случае необходимости на почте будут знать, куда пересылать письма, пришедшие на мое имя,— а ведь они придут, не так ли?

[б] суховатый юмор (*нем.*)

[в] милый ангел (*нем.*).

[г] Любимая, Дорогая, Единственная (*нем.*).

Только что вошел гарсон и сказал мне, что пароход действительно отходит лишь в десять часов, но так как я оплатил свое место в конторе по найму дилижансов, мне следует ехать в нем (в дилижансе) сейчас же на пристань. Поэтому считайте это письмо лишь маленькой записочкой, написанной наскоро, и не судите по нему о следующих! Итак, до свидания, будьте здоровы, счастливы и веселы; жму ваши ручки крепко, крепко. Тысячу дружеских приветов всем. Настоящая моя переписка начнется завтра в *Ниме*. Завтра я напишу вам в Париж на улицу Дуэ. Сегодня же пишу еще в Куртавнель. Милый Куртавнель! До свиданья, die einzige, liebste! — Gott segne Sie tausend Mal! Die heiβesten Grüsse Ihrem ganzen Lieben Wesen. Auf Wiedersehen. — Morgen erst einen wahren Brief.

Ihr alter liebend treuer Freund
J. T. [д]

На обороте:

Госпоже Полине Виардо.
Куртавнель, близ Розе-ан-Бри
(Сена-и-Марна)
(через Париж).

91. Полине Виардо (с. 272)

С французского:

Иер,
пятница 20 октября 48.

Guten Morgen, Liebste, Theuerste, Einzige! [а]
Добрый день, милостивая государыня! Вот наконец я и добрался до цели моих странствований! Я приехал сюда вчера, после двухдневного пребывания в Тулоне, где меня задержало легкое недомогание, теперь совершенно прошедшее, которое, впрочем, не имело решительно ничего общего с моей покойной невралгией, — потому что я имею основание надеяться, что на сей раз она действительно скончалась. — Я занимаю хорошенькую комнатку в Европейской гостинице, выходящую на террасу, с которой открывается великолепный вид: обширная, сплошь зеленая равнина, вся покрытая апельсинными, оливковыми, фиговыми и тутовыми деревьями (я, право, очень недоволен всеми этими окончаниями на *ыми*), среди которых там и сям поднимаются веера, или вернее, своеобразные султаны пальм. Эта равнина, окаймленная справа и слева довольно высокими холмами, оканчивается проливом, по ту сторону которого расстилаются и синеют, наподобие Капри, Иерские острова. Вдоль берега идет ряд приморских сосен. Все это было бы прелестно, если бы не дождь, который не перестает уже четыре дня и в настоящую минуту окутывает всю эту прекрасную равнину

[д] единственная, любимая! Бог да благословит вас тысячу раз! Самые горячие приветы всему вашему милому существу. До свидания. Лишь завтра — настоящее письмо. Ваш старый любящий, верный друг И. Т. (*нем.*).

[а] Доброе утро, самая Любимая, Дорогая, Единственная! (*нем.*).

сплошным тускло-серым туманом. Я рассчитываю пробыть здесь дней десять. Надеюсь, что дождь не будет продолжаться вечно, если же будет, тогда, честное слово, примусь за работу — всем на страх. Последнее письмо я отправил вам из Марселя [1] в день моего отъезда в Тулон. Следует рассказать вам, что я делал с тех пор. Не так уж много... и все же. Я приехал в Тулон ранним утром после ночного, довольно неприятного путешествия по плохим дорогам. Тулон довольно красивый город, не слишком грязный, что во Франции много значит. Погода была довольно-таки нелепая: большие и тяжелые дождевые тучи проходили над городом, извергая настоящие потоки воды, которая из-за безветрия падала почти отвесно; затем, как только ливень проходил, яркое солнце, сияющее и веселое, ударяло в дома и в струящиеся водой улицы. Тулон окружен высокими серо-желтыми горами; ничего не могло быть прелестнее, чем видеть, как они мало-помалу выступали на свет сквозь последнюю дымку уходившего ливня. Я сел в небольшую парусную лодку и прокатился по рейду, который очень красив и обширен. Мы прошли мимо фрегата «Мюирон», на котором Наполеон вернулся из Египта; он заботливо сохраняется в гавани [2]; на рейде находилось около двадцати военных кораблей. В течение часа с четвертью, пока продолжалась моя прогулка, прошло два или три ливня, всё без ветра; игра красок — до, во время и после дождя — на море представляла собой нечто волшебное. Оно принимало иногда цвет перламутровой китайской туши с синеватыми отливами, потом становилось темно-зеленым благородного тона или светло-синим с золотыми искорками; направо оно было молочно-белым; налево, у скал, темно-серым с пенистой каймой... и всё это изменялось, ежеминутно перемещалось, в зависимости от того, куда я поворачивал голову или как проходили облака. Наконец я вернулся и направился пешком к Арсеналу, с намерением поглядеть на каторжников [3]; но как только заявил, что я иностранец, и притом русский, меня решительно отказались впустить. Здесь, видимо, на этот счет получены новые и очень строгие распоряжения. Я возвратился к себе в гостиницу и уже приготовился было ехать в Иер, как вдруг у меня сделался какой-то нервный желудочный приступ, принудивший меня остаться. Я послал за доктором, который дал мне успокоительных средств, предписал покой, и двадцать четыре часа спустя, то есть вчера в четыре часа, я уехал, совершенно поправившись, свежий и бодрый, в Иер, куда прибыл как раз вовремя, чтобы сесть за стол с каким-то рыжим англичанином, страшно стесненным во всех своих движениях галстуком наподобие кринолина в два фута вышины, со старым чахоточным господином отталкивающей наружности — какой-то козел с глазами попугая — и со старым капитаном африканских стрелков, добрым малым, который, впрочем, только и мечтает, как съесть живьем социалистов, поскольку выработал подобную привычку, общаясь с бедуинами...

До чего же мерзкое и отвратительное учреждение армия — *das stehende Heer* [б], как говорят немцы. Эти африканские стрелки, например, со слов их собственного капитана, никому не дают пощады, убивают безоружных людей, насилуют и грабят, и тем не менее это превосходные солдаты, очень послушные, любящие прежде всего *Порядок*, славные и веселые парни. Чтоб их всех разорвало!

[б] действующая армия (*нем.*).

Этот старый капитан с его простодушным лицом и веселой улыбкой произвел на меня впечатление людоеда. Как он сожалел, что не расстреляли всех парижских бунтовщиков! Как он был глуп, ни единой человеческой мысли не было в его тупой солдатской голове! И такова бо́льшая часть армии. И тем не менее еще многие века без них не смогут обходиться. Фи! фи!

Признаюсь, что, поднявшись сегодня с постели, я первым делом отправился на почту. У меня было очень мало надежды найти там письмо... и, действительно, его там не было, увы! Но я надеюсь быть более счастливым завтра или послезавтра. Все потому, что Иер находится на краю света; кажется, письма из Марселя приходят туда только через сутки. Я уверен, что сейчас вас уже нет в Куртавнеле; последние мои два письма были адресованы на улицу Дуэ; получили ли вы их?

Как вы поживаете? Что поделываете? Как ваше здоровье? Хорошо, не так ли? Занимаетесь ли вы устройством вашего дома? Я обедаю у вас в воскресенье, 5-го; угодно ли вам *принять это приглашение*?— Так решено, 5-го, в вашей маленькой китайской гостиной, у вас будет за столом один лишний гость. Я прошу на этот день русскую шарлотку.

Дождь, кажется, намерен перестать; но небо все еще серое от края и до края, без малейшего просвета. Сегодня, после похода на почту, я вошел в церковь, очень старинную и очень хорошо сохранившуюся. Внутренность ее мрачна и темна; свет едва в нее проникает сквозь цветные стекла — белого нет ни одного. В ту минуту, как я вошел, все священники (их было несколько) в торжественном траурном облачении готовились петь «Реквием» перед гробом, покрытым черным сукном и окруженным желтыми восковыми свечами; на стульях неподвижно сидело около сотни людей. Священники и мальчики-певчие принялись петь резкими и фальшивыми голосами... Положительно, я предпочитаю открытый воздух, костер и игрища древних.

Кстати о древних: я собираюсь как-нибудь на днях отправиться на один из островов с «Одиссеей» и пробыть там неопределенное время...

Ну, что же вам еще сказать? Потому что нельзя же посылать вам чистый лист — нельзя, да я и не хочу этого.[в] Как ваше здоровье? Вы не забыли меня? [в] Вот, догадайтесь, что это значит. Это не так уж трудно. А! браво! вот солнце пронзило тучи своим взором... каким? огненным или пламенным? ну, вот и ушло.

У меня в работе — еще одна комедия [4], которую я хочу окончить до отъезда из Иера. Придется одну из них перевести для вас в течение зимы. Дело в том, что я вас немножко побаиваюсь, знаете ли вы это? Все равно, это надо будет сделать.

Ну, что же? дают ли, наконец,[5] «Иоанну Безумную»[5]? Я не вижу об этом даже самого скромного оповещения в газетах. Будут ли у вас хоть какие-нибудь «glimpses» [г] музыки «Пророка» [6] к моему возвращению? Это мы увидим. А теперь дайте мне вашу руку, чтобы я пожал ее крепко, очень крепко; да благословит вас бог миллион раз. Тысячу дружеских приветствий всем вашим. Что делает Виардо?

[в–в] *Написано по-русски.*

[г] «проблески» (*англ.*).

Здоров ли он? Итак, до свидания — за столом — 5-го. Gott segne Sie. Ihr treue Freund[д] И. Т.

Я напишу вам послезавтра — а также через два дня еще, до моего отъезда из Иера.

92. Эмме Гервег (с. 275)

С немецкого:

Доброе утро, милая госпожа Гервег!

Я приехал сегодня утром — и уже с утра, по моей похвальной привычке, сижу опять больной в своей комнате. Как Вы поживаете? Надеюсь, хорошо. Я был бы очень рад увидеть Вашего мужа, если он ничем не занят. Дайте, пожалуйста, подателю записки новый адрес Герцена [1]. Привет воинственному Горацию [2]. До свидания — надеюсь — скорого.

Совершенно Вам преданный
Тургенев.

Boulevard des Capucines[а], 13.
Понедельник.

На обороте:

Madame
Madame Herwegh.
Rue neuve St-Augustin. Hôtel d'Orient[б].

94. Эмме Гервег (с. 276)

С немецкого:

Дорогая госпожа Гервег, мне гораздо лучше — мне разрешили сегодня выезжать — но понемногу; как Вы поживаете? Пожалуйста, сообщите через Вашу служанку, сколько Вы даете Рейе, когда он приходит? Он был у меня четыре раза. До скорого свидания. Привет Вашему мужу.

Привет и братство! [1]
Ваш Тургенев.

Понедельник.

На обороте:

Madame Emma Herwegh[а].

[д] Да благословит вас бог. Ваш верный друг (*нем.*).

[а] Бульвар Капуцинок (*франц.*).

[б] Милостивой государыне госпоже Гервег. Новая улица Сент-Огюстен. Гостиница «Ориент» (*франц.*).

[а] Госпоже Эмме Гервег (*франц.*).

97. Полине Виардо (с. 278)

С французского:

Версаль.
10 января 49.
Среда.

Добрый день, милостивая государыня, как вы поживаете? Хорошо, не правда ли? Ну, что ж! я тоже чувствую себя неплохо. Добрый Мюллер, с которым я провел почти весь вчерашний день, должен был вам об этом сообщить.

В парижском воздухе, должно быть, заключается что-то неприятное для моих нервов. Этот коварный Париж! А все-таки я его люблю. Признаюсь вам, что я немножко скучаю в Версале,— но буду тверд. Я *перевожу* [1], читаю Сен-Симона [2], гуляю, хожу в кафе читать газеты — и при моем появлении его завсегдатаи, старые, дряхлые буржуа, которые в первый день смотрели на меня исподлобья и искоса, как обыкновенно смотрят загнанные собаками кабаны на картинах, представляющих охоту, уже начинают приподнимать свои шляпы. Я смотрю на их нескончаемые партии в домино, прерываемые в одних и тех же местах одними и теми же шутками — по одному су за сотню! — и спрашиваю себя: что же такое жизнь, как сказал бы г-н Виктор Гюго [3]. Нет, я ни о чем не спрашиваю себя, я смотрю на эти «луковичные растения», и вид их неизменного и попросту глупого спокойствия внушает мне нечто вроде унылого смирения,— это тот же хлороформ... пусть мне вырывают коренной зуб!

Вы надеетесь, что я сообщу вам что-нибудь о Версале? да? Ну, так вы ошибаетесь. Вы знаете мою любовь к неожиданному, а здесь я мог бы повторить лишь все те истертые донельзя суждения, которые слышал и повторял тысячу раз. Впрочем, если я напишу вам следующие слова: «величие, уединение, безмолвие, белые статуи, голые деревья, обледенелые фонтаны, великие воспоминания, длинные пустынные аллеи» — при помощи этих слов, которые вы можете пересыпать, как камушки калейдоскопа,— с вашим воображением и вашим умом (о! о!) вы сами будете вполне в состоянии сказать себе всё, что я мог бы вам написать, и еще в тысячу миллионов раз лучше (спешу прибавить эти последние слова, иначе моя фраза стала бы фатовской до ужаса), если вы не предпочтете заняться чем-нибудь другим, чего не могу вам не посоветовать.

Между тем я был у О. Верне; картина его слаба и холодна [4].

Я познакомился с двумя собаками: одна общительна, весела, ветрена, мало или вовсе не воспитанна, умна, насмешлива и плутовата, в наилучших отношениях со всеми и, по правде говоря, без настоящего чувства собственного достоинства; другая кротка, мечтательна, ленива и лакомка, вскормленная на сочинениях Ламартина, вкрадчива и заносчива одновременно [5]. Собаки эти посещают то же кафе, что и я. Первая принадлежит (если собака может принадлежать!!!) маленькому военному хирургу, очень худому, очень безобразному и очень угрюмому; хозяйка же второй собаки — кассирша, маленькая старушка, до того добрая, что стала беззубой.— Есть люди, которые на вас производят подобное впечатление.— Первую собаку я приглашал к себе в гости, но она полагает, что хозяин накажет ее за это плеткой; я не мог противопоставить ей разумных доводов и удовольствовался тем, что дал кусочек сахара,

который она в то же мгновенье сгрызла, учтиво и быстро виляя хвостом.

А засим целую ваши прекрасные руки и остаюсь навсегда

ваш

И. Тургенев.

P. S. До встречи в пятницу вечером или в субботу утром.

98. **Георгу и Эмме Гервег** (с. 280)

С немецкого:

На что Вам невинный Авель[1]? Он живет — по улице Латур д'Овернь, 36. Я буду иметь удовольствие сегодня Вас увидеть либо в Вашем доме, либо у Герцена.

Преданный Вам

И. Тургенев.

102. **Полине Виардо** (с. 283)

С французского:

Вторник.

Борьба всё еще продолжается, но я надеюсь, что мы в конце концов одержим победу. Вот уже четыре дня я наполняю себя опием спереди и сзади. Впрочем, за мной здесь такой хороший уход, словно захворал я в Куртавнеле [1]. Но ведь в Куртавнеле захворать невозможно! Он, должно быть, теперь очарователен, не так ли? В течение последних трех дней люди в Париже мрут, как мухи; это посошок холеры, по крайней мере, надо на это надеяться. Посылаю вам маленькую, касающуюся вас вырезку из статьи Жанена о бенефисе м-ль Жорж; как вы увидите, любезнее быть нельзя. Он отдает вам должное, стараясь загладить свою вину,— вот почему он так красноречив [2].

Итак, вы возвращаетесь завтра; боюсь, что еще буду не в состоянии навестить вас, но надеюсь, что смогу это сделать послезавтра. Тысяча дружеских приветов Виардо, м-ль Берте, г-ну и г-же Сичес. Эту записку вам, вероятно, передадут завтра утром в Розе; вы сможете послать ее Виардо вместе с вырезкой из Жанена. Итак, до свиданья и тысячу раз да благословит вас бог.

Ваш

И. Тургенев.

P. S. Слово, которое невозможно прочитать,— *игривость*.

103. **Полине Виардо** (с. 283)

С французского:

Среда.

Приветствую вас письмом, потому что мне не суждено сделать это иначе. Человек предполагает, а бог располагает! И завтра я не смогу увидеть вас, и даже не знаю, когда смогу это сделать, потому что болезнь моя всё растет и процветает. Терпение! но вы согласи-

тесь, что мне не везет. Только бы вы были здоровы! Сообщите о себе, и тысячу раз да благословит вас бог. Крепко жму вам руки. Прощайте.

Ваш
И. Тургенев.

На обороте:

Милостивой государыне
госпоже Полине Виардо,
улица Дуэ, 16.

104. Полине Виардо (с. 284)

С французского:

Суббота вечером.

Ну что ж, дела идут недурно, аппетит явно восстанавливается. Посмотрим, что завтра скажет доктор. Итак, вы — в Куртавнеле. 8 ч. утра. Вы, может быть, на крыльце со стороны двора, слушаете пение соловья. Ведь у соловьев никогда не бывает холеры, не так ли? Что касается холеры, если бы я осмелился... Ну да что уж там, отважусь. Итак, да будет вам известно, что при этой болезни многократно делают промывание кишечника. В этой веселой стране Франции делают их обычно пожилые женщины. И вот, когда моя сиделка готова была выполнить свою миссию и я уже ей «открыл свое лоно», к моему великому изумлению, вместо жесткого остроконечного клюва известной птицы я почувствовал, что она вводит палец... Удивленный, почти испуганный стремительно прихожу в себя. «Что вы там делаете, милостивая государыня?» — «Ах, милостивый государь, я всегда начинаю с этого: я недостаточно хорошо вижу». В конце концов мне пришлось ей посветить... Это было очень трудно... я был вынужден обвести свою руку вокруг ее головы... Ну и картина!

Воскресенье утром.

Рейе только что вышел, но мне он ни за что не хочет позволить выйти раньше завтрашнего дня, да и то разрешает только небольшую прогулку в экипаже. Сегодня ночью умер Бюжо [1]. Я очень взволнован чтением газет: это сплошной крик негодования! Все — и «La Presse», и «Le National», и «Le Siècle» — все *призывают* французов к оружию [2] — и они правы. Сколько обнаружилось неумелости, самонадеянности, сколько коварства и цинизма! Завтра или послезавтра ожидают взрыва. Ответ Лессепа Удино поразителен [3].

Из верного источника я узнал две новости, одна из них хорошая, а другая плохая: Гайнау был *раздавлен* венграми под стенами Пресбурга, и дело было гораздо хуже, чем об этом сообщают газеты [4] — но зато русские разбили Дембинского [5]. К черту всякое национальное чувство! Для честного человека есть только одно отечество — демократия, а если русские победят, ей будет нанесен смертельный удар.

Я напишу вам завтра. В Куртавнель не могу приехать раньше среды или четверга. А до тех пор будьте здоровы и тысячу раз да благословит вас бог. Привет всем обитателям вашего поместья. Крепко жму вашу руку. Auf Wiedersehen [a]!

Ваш И. Тургенев.

---

[a] До свидания (*нем.*).

106. Полине Виардо (с. 285)

С французского:

Воскресенье вечером.

Добрый вечер, милостивая государыня. Как вы поживаете в Куртавнеле? Держу тысячу против одного, что вы не угадаете, чем... Но хорош же я, предлагая тысячу против одного — ведь вы уже всё угадали при виде этого лоскута нотной бумаги. Да, милостивая государыня, это я сочинил то, что вы видите — музыку и слова, даю вам слово! Сколько это мне стоило труда, пота, умственных мучений, не поддается описанию. Мотив я нашел довольно скоро — вы понимаете: вдохновение! — но затем подобрать его на фортепьяно и еще записать... Я разорвал четыре или пять черновиков и все-таки даже теперь не уверен в том, что не написал чего-нибудь до невозможности чудовищного. В каком это тоне, скажите пожалуйста? Мне пришлось с величайшим трудом по крохам собирать всё, что всплывало в моей музыкальной памяти. У меня голова от этого болит, уверяю вас. Что за труд! Как бы то ни было, это заставит вас, быть может, минуты две посмеяться [1]. Впрочем, чувствую я себя несравненно лучше, чем пою,— завтра я в первый раз выйду. Пожалуйста, подберите к этому бас, как для тех нот, которые я писал наудачу. Если бы Мануэль увидел меня за работой,— это напомнило бы ему о стихах, которые он сочинял на куртавнельском мосту, описывая судорожные круги ногой и делая грациозные округленные движения руками. Чёрт возьми! неужели так трудно сочинять музыку? Мейербер великий человек [2]!!

Понедельник.

Проснувшись, я нашел ваше письмо и уже вовсе не расположен шутить. Какое несчастье! Как подумаешь, сколько дурных и бесполезных вещей существует на свете — холера, град, короли, солдаты и т. д., и т. д. ... Неужели бог — такой человеконенавистник? Кстати о холере, она с неистовством продолжает свою опустошительную деятельность: то ей благоприятствовала жара, теперь ее развитию способствует холод. Она умеет приспособляться ко всякому режиму, эта пройдоха. Что до меня, то я чувствую, как ее когти отпускают меня, но происходит это медленно; мне было разрешено выйти сегодня — и вдруг у меня делается на щеке что-то вроде флюса! Где, чёрт возьми, мог я простудиться, не выходя из своей комнаты? И вот я вынужден не покидать ее и сегодня. Бедствие, случившееся в Куртавнеле, напоминает мне тягостную сцену, свидетелем которой я был в России. Целая крестьянская семья выехала в телеге, чтобы заняться уборкой своего поля, находившегося в нескольких верстах от их села; и вдруг ужаснейший град дочиста уничтожает весь урожай; — прекрасное поле превратилось в грязную лужу. Мне случилось проходить мимо; все они безмолвно сидели вокруг своей телеги; женщины плакали; отец, с непокрытой головой и обнаженной грудью, ничего не говорил. Я подошел к ним, хотел было их утешить, но при первом моем слове мужик медленно повалился ничком и обеими руками натянул свою рубаху из грубого холста на голову. Это было последним движением умирающего Сократа: последний и безмолвный протест человека против бездушия себе подобных или жестокого равнодушия природы. Да, она такова: она равнодушна; — душа существует только в нас и, может быть, немного вокруг нас... это слабое сияние, которое веч-

ная ночь неизменно стремится поглотить. Но это не мешает злодейке-природе быть восхитительно-прекрасной, и соловей может очаровывать нас и восхищать, а тем временем какое-нибудь несчастное, полураздавленное насекомое мучительно умирает у него в зобу.

Проклятие, как это мрачно! — мне кажется, что я чересчур красноречив,— но это ничего. Что же еще сказать мне вам, прежде чем окончить письмо? Что я весьма признателен г-же Сичес за участие, которое она во мне принимает, и что я не лишен чувства благодарности и буду очень рад повидать ее в четверг, если это будет возможно. Потому что выехать до этого дня — и думать нечего. Впрочем, прошу вас передать от меня тысячу дружеских приветов всем и г-ну Морису Санду в частности, если он не возражает и если не позабыл меня. Будьте здоровы, веселитесь хорошенько, и да благословит вас бог. Кстати, я нашел *три* сюжета; правда, все они очень плохи, но, проявив настойчивость, может быть, я что-нибудь и сочиню.

До свиданья послезавтра. А пока очень дружески жму вам руки... Seien Sie tausendmal gesegnet [a].

Ваш
И. Тургенев.

107. Полине Виардо (с. 287)

С французского:

Вторник,
$11^1/_2$ ч. утра.

Коль скоро вы были так добры, пожелав получить обо мне известия, сообщаю их вам. Я еще не совсем здоров, но мне лучше; ди⟨арея⟩, обращаясь в бегство, подобно парфянам, пускает в меня стрелы; силы мои начинают понемногу восстанавливаться после перенесенного потрясения. Надеюсь, что, с помощью божией и моего доброго доктора, я буду совсем здоров к концу недели. Погода великолепная, даже слишком хорошая, потому что эта жара не полезна для нас, бедных больных, зато в деревне должно быть прелестно. Поклон от меня Куртавнелю, начиная с г-на и г-жи Сичес и кончая моим прекрасным каштаном. Будьте здоровы, гуляйте много и возвращайтесь к нам загорелой и сильной... Тысяча приветов Виардо. Очень крепко жму вам обе руки. До свидания.

Ваш И. Тургенев.

108. Полине Виардо (с. 288)

С французского:

Должно быть, я забыл три раза плюнуть, когда писал вам вчера, что холера выпустила меня из своих когтей; она отомстила мне, послав новый приступ. Слава богу, довольно легкий, который, однако, уложил меня опять в постель. Сегодня мне чуть-чуть лучше, но я с огорчением вижу, что нечего и думать о поездке в Куртавнель. Вот уж не везет мне. И хоть бы я позволил себе малейшую неосторожность! Нет, ничего подобного! Я увижу вас завтра, если только вы будете добры сами меня навестить. Итак, до свиданья. Привет-

[a] Будьте тысячу раз благословенны (*нем.*).

твую вас довольно печальным образом, но жму вашу руку так крепко, как только могу. Всем — тысячу добрых пожеланий.

Ваш
И. Тургенев.

Сегодня уже 12-й день; я очень ослабел сейчас. Всё это время я ничего не *ел*, кроме слабительных... А что, крахмал — питателен?

На обороте:

Милостивой государыне
госпоже Полине Виардо,
в усадьбе Куртавнель, близ Розе-ан-Бри
(Сена-и-Марна).

109. **Полине Виардо** (с. 289)

С французского:

Куртавнель,
19 июня 49.

Добрый день, милостивая государыня; как вы поживаете? Все обитатели Куртавнеля чувствуют себя хорошо и кланяются вам. Они поручили мне дать вам отчет о вчерашнем дне. Вот этот отчет [1].

После вашего отъезда все отправились спать и спали до десяти часов; затем встали, довольно молчаливо позавтракали, поиграли не спеша на бильярде, затем принялись за дело: м-ль Берта с Луизой, г-н Сичес с газетой, г-жа Сичес не знаю где, а я в маленьком кабинете стал обдумывать известный вам *сюжет*. Я размышлял в течение часа, затем читал по-испански, затем написал полстраницы на этот сюжет, затем отправился в большую гостиную, где с удивлением увидел, что еще только два часа. Тогда я в продолжение трех четвертей часа занимался с Луизой, которая начинает немного забывать немецкий язык, но сделала очень немного орфографических ошибок в диктанте; потом я отправился гулять один, а после моего возвращения всё общество (вместе со мною) отправилось гулять до обеда, который был в пять часов. После обеда время, которое до тех пор тянулось, как тянет лапку раненая куропатка, показалось мне не таким долгим; правда, я проспал до 9 часов, вследствие усталости, вызванной моими двумя прогулками. В 9 часов нам принесли чай — или, скорее, швейцарскую микстуру из Розе, которую мы пили, приправляя этот простой ужин легкой беседой, учтивой и сдержанной, о предметах вполне знакомых и очень мало интересных. Беркен или Мармонтель, как и всякий другой автор нравственных и поучительных книг, был бы удовлетворен, я уверен, видя наше скромное и благопристойное поведение, нашу взаимную уступчивость, которую легкая сонливость делала еще более приятной. Наконец, насладившись в течение часа обществом себе подобных (удовольствие, для которого, как утверждают, создан человек), мы встали со своих мест, направились в столовую, взяли светильники, пожелали друг другу доброй ночи и легли в постели, где тотчас заснули.

Нынче утром погода очень хорошая и очень мягкая; я совершил довольно большую прогулку перед завтраком и пишу вам теперь между завтраком и бильярдом, из страха, как бы почтальон не пришел раньше обыкновенного. Мы будем ожидать его завтра с еще большим нетерпением. В течение прогулки я разрабатывал мой сю-

жет и думал о многом. Es ist so voll Erinnerungen — alles [a]... Теперь мне остается только умолять вас беречь ваше драгоценное здоровье и пожелать вам всего, что только есть самого чудесного под небесами. Да благословит вас бог тысячу раз! Мы все вас приветствуем, и я жму вам руки очень, очень крепко. Тысяча дружеских приветов Виардо и прочим друзьям. Попросите, пожалуйста, Мюллера передать мне через вас новости о нашем друге Герцене. Не пришло ли на мое имя посылки или письма? Не забудьте ни о лодке, ни о чае.

Час дня.— Почтальон еще не пришел, я прибавлю несколько слов. Погода прелестная, и Куртавнель сегодня очень красив и мил. Я провел всё утро в парке. Что вы делаете в эту минуту? Вот вопрос, который мы задаем себе каждую четверть часа. Sie mussen jetzt an mich denken denn Ich bin diese ganze Zeit ganz in Ihr Angedenken versunken werden... Liebe, theuere [б]! Ну, что ж! Впрочем, все чувствуют себя сегодня еще лучше, чем вчера. Еще раз прощайте, будьте здоровы и до свиданья.

Ваш
И. Тургенев.

110. Полине Виардо (с. 290)

С французского:

Куртавнель,
среда.

Вот вам, милостивая государыня, второй бюллетень.

Все чувствуют себя прекрасно: воздух Бри положительно очень здоров. Теперь половина двенадцатого утра; мы с нетерпением ожидаем почтальона, который, надеюсь, доставит нам хорошие вести. Вчерашний день был менее однообразен, чем позавчерашний. Мы совершили большую прогулку, а затем вечером, в то время как мы играли в вист, произошло большое событие. Вот что случилось: громадная крыса забралась на кухню, а Вероника, у которой она накануне сгрызла туфлю (какое прожорливое животное! пусть бы еще это была туфля Мюллера), изловчилась заткнуть тряпкой и двумя большими камнями дыру, служившую крысе убежищем. Она прибегает; она сообщает нам эту великую новость. Мы все встаем, все вооружаемся палками и входим в кухню. Несчастная крыса укрылась под шкафом в углу; ее оттуда выгоняют,— она выходит, Вероника бьет по ней, но промахивается; крыса возвращается под шкаф и исчезает. Ищут, ищут во всех углах,— крысы нет. Напрасны все старания — наконец, Вероника догадывается выдвинуть совсем маленький ящичек... в воздухе быстро мелькает длинный серый хвост,— хитрая бестия забилась туда! Она соскакивает с быстротой молнии,— ее хотят пристукнуть — она снова исчезает. На этот раз ее ищут полчаса,— ничего! И заметьте, что в кухне очень мало мебели. Выбившись из сил, мы удаляемся, мы снова садимся за вист. Но вот входит Вероника, неся щипцами труп своего врага. Вообразите себе, куда спряталась крыса! В кухне на

[а] Здесь всё исполнено воспоминаний — всё... (*нем.*).

[б] Вы должны теперь думать обо мне, потому что я всё это время целиком погружен в воспоминания о вас—любимая, дорогая! (*нем.*).

столе стоял стул, а на этом стуле лежало платье Вероники, и крыса забралась в один из его рукавов. Заметьте, что я перебирал это платье четыре или пять раз во время наших поисков. Не восхищаетесь ли вы присутствием духа, быстротой и догадливостью, силой характера этого маленького зверька? Человек, в такой опасности, сто раз потерял бы голову. Вероника хотела уже уйти и отказаться от поисков, когда, к несчастью, один из рукавов ее платья чуть приметно шевельнулся... бедная крыса заслуживала того, чтоб *спасти свою шкуру*.

Это последнее выражение напомнило мне, что в «Le National» я прочел прискорбное известие: кажется, арестовали нескольких немецких демократов. Нет ли в числе их Мюллера? Боюсь также за Герцена. Известите меня о них, прошу вас. Реакция совсем опьянена победой и теперь явится во всем своем цинизме [1].

Погода сегодня очень мягкая, но в июне хотелось бы чего-нибудь иного, а не молочного неба и легкого ветерка, который, возможно, всё же слишком свеж. Вы привезете нам снова ясные дни. Мы не ждем вас раньше субботы. Мы покорились этому... Маленькая заметка от дирекции в газете не оставляет нам на этот счет никаких иллюзий. Терпение! но как мы будем счастливы снова вас увидеть! Что насчет лодки — говорили ли вы об этом? Я был бы очень рад увидеть рвы вычищенными ко дню вашего приезда. Всё, вплоть до деревьев, должно выглядеть праздничным в этот день.

Оставляю немножко места для Луизы, а также для других. Г-жа Сичес совсем оправилась от болезни. А вы, ради неба, вы как себя чувствуете?

P. S. Мы наконец получили письмо (половина четвертого). Слава богу, всё шло хорошо во вторник. Во имя неба, берегите себя. Вы ведь не только для себя бережете свое здоровье. Тысяча приветов В⟨иардо⟩ и остальным.

Tausend Grüsse.

Ihr [a] И. Тургенев.

111. Полине Виардо (с. 292)

С французского:

Понедельник, 8 июля 49.

Добрый день, милостивая государыня. Guten Morgen, theuerstes Wesen [a].

Я пишу вам это письмо в гостиной г-на и г-жи Сичес, на улице Лафит, 11. Сейчас 4 часа — следовательно, вы уже шесть часов в Лондоне [1]. Должно быть, вы доехали приятно и благополучно. Этой ночью я несколько раз просыпался и всё думал о вас: я видел, как вы стоите, наклонившись над колесом парохода, и смотрите на белую пену зеленого моря. Господь да хранит и благословит вас! Я еще не знаю, когда мы поедем в Куртавнель; вероятно, завтра. Г-н и г-жа Сичес отправились за покупками, а я всё утро был занят укладкой и перевозкой моих вещей. Однако я всё же успел просмотреть фельетоны всех газет. Многие из них отзываются о последних представлениях «Пророка» и о вас с величайшей похвалой.

---

[a] Тысяча приветов. Ваш (*нем.*).

[a] Доброе утро, дорогое существо (*нем.*).

«Le Courrier Français» приглашает вас вернуться возможно скорее, чтобы снова завладеть «скипетром искусства». Г-н Жюль Жанен в большой статье, описывающей его поездку в Бельгию, два раза говорит о вас, следующим образом: «Представьте себе рай между двумя адами, Розу Шери между двумя дуэньями, *самое* Виардо между двумя провинциальными генорами» [2]. Что вы скажете об этом *самое* — ведь это такой же признак знаменитости для женщины, как отсутствие «г-н» для мужчины? Ощущаете ли вы, что на вас надвигается та опасность, о которой так изящно говорил остроумный г-н Низар? Кстати, не забудьте, что вы обещали мне заставить молчать скромность в ваших письмах... Я рассчитываю на это. Вот каковы мы! Статья г-на Ж⟨юля⟩ Ж⟨анена⟩ ужасно реак⟨ционна⟩, и всё же я чувствую, что если он будет продолжать в том же духе, я в конце концов начну почти уважать его!

Итак, вы действительно в Лондоне, и я вам пишу... Мне всё еще не верится. А между тем это — сущая правда. Вы повидали уже милого Мануэля, которого я сердечно люблю и которого также обнимаю [3]. Я словно вижу его отсюда — всё такого же непоседливого — не правда ли? Кажется, г-жа Гризи выбрала для своего бенефиса «Гугенотов»? Вы ведь пойдете послушать ее и расскажете нам о ней, равно как и о г-же Зонтаг? Но «Пророк», «Пророк», «Пророк»?!!?

Всё, что я пишу — довольно бессвязно... Ну, что же — достаточно того, что я себя понимаю и вы тоже понимаете меня. Говорят, природа боится пустоты, и в самом деле, пустота — скверная вещь.

Вечером я иду смотреть «Д⟨он⟩ Себастиана» [4] и завтра напишу вам о нем. Итак, до завтра, и да хранит вас бог. Я уже сказал это раньше, но позволительно повторять то, о чем непрестанно думаешь. До завтра...

Вторник, половина первого.

Через полчаса мы едем в Куртавнель, где надеемся найти письмо от вас (если вы написали его вчера). Погода великолепная, а ведь это никогда ничего не портит. Я был вчера на первом представлении «Д⟨он⟩ Себастиана» и вышел после спектакля aburrido [б]. Да, слушая подобную музыку, отдаешь должное «Пророку». Это так старо, так пусто, так бессильно. Чувствуется, что автор был утомлен и раздражен, когда писал свое произведение. Вообще нет ничего ужаснее итальянской музыки *second hand* [в], к тому же еще и не совсем итальянской. Эти каватины, задуманные с таким размахом и звучащие столь пошло, бьют по нервам. Пресловутый септет — тоже не бог весть что и не стоит финала «Лючии» [5]. Зрительный зал был наполовину пуст; я получил кресло в партере за $4^1/_2$ франка.— Актеры не блистали. Массе был холоден, как замерзший белый медведь. Марие неуклюже и добросовестно старался (если в театре были немцы, он должен был им понравиться). Порто был безвкусен и претенциозен (но у него есть одна милая ария, единственно приемлемая во всей партитуре). М-ль Массон — позвольте о ней не говорить.— Большой скверный фрукт, незрелый и кислый. Придумала себе трагические манеры — всё равно что

[б] в унынии (*исп.*).

[в] второго сорта (*англ.*).

нарумянилась,— и ладно! *salga que saliere* [г]. Вызовов не было. Если не считать клакеров — никто не шевельнулся. У Массе хороший голос, только он ровно ничего не выражает. Его голос — глухонемой от рождения.

Простите, что посылаю вам письмо только на трех страницах, но мы должны ехать. Из Куртавнеля я вам буду писать письма ошеломляющей длины, сегодня же ограничиваюсь тем, что очень крепко, очень крепко жму вам руки и желаю вам всего, что только есть самого доброго, счастливого и прекрасного. До свиданья, и да благословит вас бог еще раз.

Тысяча приветов Виардо, Мануэлю и г-ну Чорли.

Весь ваш
И. Тургенев.

Gott segne Sie tausendmal — Sie einzige Theuerste [д]. Сегодня вечером я сяду за мое первое настоящее письмо. А посылаемое теперь — это всего лишь приветствие. Leben Sie wohl [е].

112. Полине Виардо (с. 294)

С французского:

Париж. Среда, 11 июля 49.

Да, мы всё еще в Париже, несмотря на наш вчерашний отъезд. По недоразумению наши билеты оказались помеченными *средой* вместо *вторника*, и мы обнаружили это, лишь находясь уже во дворе Пти-Сен-Мартен [1]. Ничего не оставалось, как вернуться на улицу Лафит. Но сегодня, надеюсь, нас ничто не задержит.

Мы еще не получили от вас писем (надеюсь найти хоть одно в Розе). Но в английских газетах я уже прочитал известие о вашем прибытии.— Не правда ли, вы хорошо доехали и теперь совсем здоровы? Um Gottes Willen pflegen Sie Ihre liebe, theuere Gesundheit [а]. Вчера я мельком видел Мюллера, а затем нанес большой визит, я хочу сказать — продолжительный визит, барышням Виардо [2], с которыми долго беседовал. Они объявили мне, что во мне есть что-то мефистофельское, чем я был немало польщен, можете мне поверить. А вечером я смотрел Анри Моннье в «Импровизированном семействе». Ну так вот, он — не актер и даже не художник. То, что он делает,— тонко, остроумно, слегка высокомерно, изящно, вернее слишком изящно. Он играет для любителей, для людей со вкусом — и это едва ли вызывает у нас желание принадлежать к их числу (если вы вообще себя к ним относите). Ведь подлинной природе свойственна несравненно большая теплота; она плотнее, зауряднее, если хотите,— ведь только призраки пропускают свет. К тому же ему недостает сценического вдохновения и полной непринужденности, по которым узнается настоящий артист [3]. В этом отношении вы сделали огромный шаг вперед в вашей последней роли Фидес [4]. Теперь, помимо всех других качеств настоящей артистки, каковой вы являетесь, у вас есть еще и уверенность мастера,

---

[г] что будет, то будет (*исп.*).

[д] Тысячу раз да благословит вас господь, вас, единственную, самую дорогую (*нем.*).

[е] Будьте здоровы (*нем.*).

[а] Ради бога, берегите ваше милое, дорогое здоровье (*нем.*).

который не сомневается в себе и в своем труде. Хотя это и не похоже на комплимент, но я делаю вам именно комплимент, таково по крайней мере мое намерение. Я достаточно уже щадил вашу скромность, когда вы были в Париже. Теперь я хочу наверстать упущенное и вновь напоминаю вам, что вы сами обещали мне так поступать.

Можете сообщить Виардо новость, которая не доставит ему большого удовольствия: *все* кандидаты Избирательного союза прошли; у последнего по количеству голосов — г-на Буенвилье — их оказалось на 4000 больше, чем у Гудшо, первого кандидата социалистического списка [5]. Ну и что же! — как любит выражаться Виардо.

Это — тоже еще не письмо, а самое большее — записка, заранее сознаюсь в этом на тот случай, если вы мне когда-нибудь предъявите его как доказательство, что я мало пишу. Это — приветствие, слышите, просто маленькое приветствие.

Сегодня вечером в Куртавнеле я примусь за настоящее письмо, на большом листе бумаги. А теперь — тысячу раз да благословит вас бог; нежно жму ваши руки.— Liebes, theuerstes Wesen. Jede Minute denke ich an Sie, an das Vergnügen, an die Zukunft. Schreiben Sie mir ob auf kleinen Stücken Papier in den Briefen.— Sie wissen was. Tausend Grüsse dem lieben Besten... [б] Привет всем и этому оригиналу Вивье, если вы его видите. Sie sind das Beste, was es auf der Erde gibt [в]. Я радуюсь уже сейчас, что получу письмо... Viele 2 Monate sind eine lange Zeit... [г]

Ваш И. Тургенев.

113. Полине Виардо (с. 296)

С французского:

Куртавнель.
Четверг утром, 12 июля 49.

Итак, я в Куртавнеле, под вашим кровом! Мы прибыли сюда вчера вечером, при чудной погоде. Небо было удивительно ясно.

Листья на деревьях отливали одновременно металлическим и маслянистым блеском, люцерна казалась завитой под косыми красными лучами солнца. Стая ласточек кружила над розейскою церковью; они поминутно садились на перекладины креста, старательно повертываясь белою грудкой к свету.

Я ждал письма и посматривал вдоль улицы, не несет ли его мне почтальон. Но прибыли одни газеты.

Куртавнель показался мне довольно сонным; дорожки во дворе поросли травой; воздух в комнатах сильно охрип (уверяю вас) и в дурном настроении; мы его разбудили. Я распахнул окна, постучал по стенам, как, я видел, однажды делали вы; я успокоил Кирасира, который по привычке бросался на нас с яростью гиены, и, когда мы сели за стол, дом уже снова принял свой благожелательный и радушный вид. Сегодня утром парк весел, как обычно, и тростник в овраге колышется столь же приятно, как всегда, не подозревая, что скоро он будет безжалостно вырван и пепел его развеян по ветру.

[б] Милое, самое дорогое существо. Каждое мгновение думаю о вас, о наслаждении, о будущем. Пишите мне хотя бы на маленьких клочках бумаги.— Вы знаете что. Тысяча приветов дорогому... (*нем.*).

[в] Вы — лучшее, что есть на земле (*нем.*).

[г] Целых 2 месяца — это очень долгий срок... (*нем.*).

N. B. Посыльный уже получил распоряжения относительно лодки. Итак, я снова в Куртавнеле и уже послезавтра останусь здесь совсем один с Вероникой. Уж не жениться ли мне на ней, в вознаграждение за ее услуги, принимая во внимание, что всякая иная монета в настоящее время для меня только химера!

Я хочу работать, уверяю вас, что хочу работать. Сегодня мы отправляемся с г-ном Сичесом удить линей в Мезонфлер. Мы сядем в тени знакомого вам дуба и, само собою разумеется, будем много думать о вас. Что вы делаете в эту минуту? По всей вероятности, готовитесь к тому, чтобы петь. Я ожидаю, мы ожидаем письма сегодня; мы все жаждем узнать что-нибудь определенное о «Пророке». Кстати, да благословит вас бог тысячу раз. Но скажите, не восхищаетесь ли вы прекрасным большим листом бумаги, который я взял, чтобы вам писать? А? Писали ли вы когда-нибудь мне на подобной бумаге? Не знаю, что со мной, я выгляжу хвастуном [1]... а в сущности я маленький мальчик; поджал хвост и сижу себе смирнехонько, как собачонка, которая чувствует, что над ней смеются, и глядит куда-то в сторону, прищурив глаза как бы от солнца. Или, вернее, я немного грустен и немного задумчив, но это пустяки. Я все-таки очень доволен тем, что нахожусь в Куртавнеле, обои цвета зеленой ивы в моей комнате радуют мой взор, и я конечно очень доволен. Но за письмо снова примусь позднее.

5 часов.

Мы возвращаемся с рыбной ловли с 50 линями. Мы получили вашу записочку. Это утомление скоро пройдет... Но как? Неужели «Пророка» не будут ставить? Признаюсь, это огорчило бы меня, не из-за денег, которые бы вы потеряли, но из-за того, что это могло бы выглядеть отступлением перед успехом м-ль Зонтаг [2]... Однако посмотрим. Будьте здоровы, вот главное. Я не расположен писать. Мы собираемся обедать; погода прелестная. До завтра.

Пятница, 9 часов утра.

Вот что значит откладывать. Почтальон пришел сегодня так рано, что застал меня в постели. Пишу вам несколько слов наскоро. Сообщенные вами сведения далеко не хороши; как бы то ни было, вам сопутствуют мои наилучшие пожелания.— Я буду молить за вас бога — да благословит он вас тысячу раз! Лодка будет здесь послезавтра. Прилагаю при сем бумагу для Виардо. Снова засяду за письмо сегодня вечером, нет, сию же минуту, за огромное письмо; и с какой стати почтальон пришел так рано? Ради бога, берегите ваше драгоценное здоровье! Куртавнель очарователен, мы будем содержать его в самом нарядном виде. Я буду работать, как негр; перевод вы получите [3]. Tausend Dank für den lieben Brief und das Blättchen — aber um Gottes willen seien Sie gesund — meine Lippen trennen sich keinen Augenblick von Ihren Füssen. Ich bin ganz hin, wie nie... [a]

До свидания, кланяюсь всем и остаюсь навсегда
совершенно вам преданный

И. Т.

---

[a] Тысяча благодарностей за ваше милое письмо и за лепестки — но бога ради — будьте здоровы — мои губы ни на мгновение не отрываются от ваших ног. Я весь там, как никогда... (*нем.*)

114. Полине Виардо (с. 298)

С французского:

Куртавнель.
Суббота, 14 июля 49.

Добрый день, милостивая государыня und liebe Freundin [а]. Погода у нас по-прежнему великолепная, мы все вполне здоровы и много думаем о вас — вот и всё, что есть нового в Куртавнеле. То, что вы нам говорите о «Пророке», заставило нас сильно призадуматься [1]... Мы обсуждали это между собою с большою серьезностью. Со своей стороны, я уверен, что вас заставят петь его раз двенадцать и что вы не вернетесь так скоро, как говорите: клянусь вам, я желаю этого от всего сердца; вы можете усомниться в этом, но уж поверьте мне. Надо, чтобы вы расшевелили англичан, чтобы они оглушительно аплодировали вам, чтобы они восклицали своим гортанным голосом: *She is wonderful*; *quite extraordinary.— Oh yes, oh yes!* [б] и т. д. Всё это необходимо, и когда вы вернетесь в Куртавнель после всех ваших триумфов, вы будете вдвойне наслаждаться и чудесной погодой, и чистотой ваших рвов, и лодкой, и пресловутым переводом [2]... Вот что я называю говорить языком разума.

Я сообщил г-же Сичес о ваших сведениях относительно Леонара. Эта женитьба ее очень волнует, и она окончательно поверит этому лишь когда возвратится в Париж [3].

Спасибо за ваше прелестное описание «Линды». Dank auch *für alles Liebe, was im Briefe steht* [в]. Надо, знаете ли, чтобы вы затмили эту угасающую звезду, эту искусственно поддерживаемую славу; впрочем, я никогда ее не слыхал [4].

Вчера, после ужина, произошел весьма бурный политический спор между доном Пабло и его супругой; она нападала на Эспартеро, он же, надо признать, довольно плохо защищал его, всё больше восклицаниями вроде: *Qué sabes tú* и *Calla, majadera* [г], чем какими-либо основательными доводами. Но крошка была в ярости. Известно ли вам, что ваш дядюшка — большой балованный ребенок? Они намерены уехать послезавтра, и я останусь один. Как странно, один в Куртавнеле, в этом большом доме. Завтра мы ожидаем Жана.

Все эти дни погода стояла прекрасная, но дул сильный ветер, который временами становился особенно сильным и очень упорным. Волнение, которое он вызывал в листве, весьма шло тополям; они очень гордо сверкали на солнце. Надо вам сказать, что я заметил одну вещь, а именно, что у неподвижного тополя вид весьма школярский и весьма глупый; по-иному бывает лишь вечером, когда на розовом фоне неба листья кажутся почти черными... но в таком случае всё должно быть тихо, только листьям на верхушках деревьев дозволено чуть-чуть шевелиться. Кстати, я забавлялся тем, что ра-

---

[а] и дорогой друг (*нем.*).

[б] Она изумительна; совершенно необыкновенна. О да, о да! (*англ.*).

[в] Благодарю также за все добрые слова, которые содержатся в письме (*нем.*).

[г] Что ты знаешь—Молчи, глупая (*исп.*).

зыскивал в окрестностях деревья, которые имели бы собственную физиономию, индивидуальность, и давал им имена; по вашем возвращении я могу их вам показать, если вы этого пожелаете. Primo [д], каштановое дерево, что во дворе, я прозвал *Германом* и подыскиваю ему *Доротею*. В Мезонфлере есть береза, которая очень похожа на *Гретхен*; один дуб окрещен *Гомером*, один вяз — *милым негодником*, другой — *испуганной добродетелью*, одна ива названа *г-жой Вандерборгт* [5].

Понедельник, 16.

Мы ждали, что получим письма сегодня, но их нет. Это заставляет нас предполагать, что, вероятно, начались репетиции и что вы не желаете нам писать, пока не будет чего-нибудь определенного. Здоровье ваше полностью восстановилось, не так ли? Г-н и г-жа Сичес уезжают лишь завтра. Жан прибыл вчера вместе с Коморном [6]. Сегодня утром мы все поднялись в половине четвертого, чтобы идти удить. Мы вдвоем поймали 118 рыб, г-н Сичес — 80, я — 38. Мы видели, как солнце вставало из-за леса. Можно не быть добродетельным и находить удовольствие в созерцании восходящего солнца. Было одно прелестное мгновение: мы находились у дуба слева; я поднял глаза, он был освещен снизу, так как солнце было еще очень низко. Это было очень красиво и очень своеобразно и продолжалось всего одно мгновение... Вообще я нахожу, что в освещенных снизу деревьях есть нечто фантастическое и таинственное, что действует на воображение. Вот почему я очень люблю иллюминации в садах. Но довольно, однако, говорить о деревьях.

Лодку привезли! Она не так красива, как я думал, но очень недурна. Только что я два часа упражнялся в гребле! Привыкаю понемногу. Как и при плавании, нужны движения равномерные и не слишком резкие... Мы с г-ном и г-жей Сичес пять раз объехали рвы; потом я катал Султана, которому, по-видимому, не очень понравилось это развлечение. Впрочем, чувствует он себя хорошо, он толст и жирен. Вероника не может его видеть, чтобы не сказать ему, что он вор, ужасный вор, но он делает вид, что не понимает. Я очень люблю наводить ее на эту тему, когда он тут же рядом. По его морде, по той скромной манере, с какой он садится, как он слегка отворачивает голову, как он незаметно повиливает хвостом, хотя к нему и не обращаются, видно, что он отлично знает, о чем идет речь... «вот, милостивый государь,— говорит мне тогда, сильно волнуясь, Вероника, — вот, на вид он — сама невинность, а нее этот вор, ужасный вор, и сколько бы ему это ни говорили, он даже не краснеет (подлинное ее выражение); да уж и хитер же этот пес! куда как хитер!» Тогда я обращаюсь к Султану и повторяю ему речь Вероники, но он и ухом не ведет. «Вы напрасно стараетесь, милостивый государь,— продолжает Вероника, — у этого пса совести нет». Во время моих прогулок я его пускаю в люцерну; третьего дня он схватил куропатку в гнезде — не причинив ей вреда; я отнял ее у него и выпустил на свободу. Здоровье всех прочих животных в доме, — обезьян, птиц, кошки, — превосходно.

А завтра великое истребление камышей! Завтра я остаюсь в одиночестве с Вероникой и Жаном. Жан будет мне помогать в великом деле разрушения. До завтра!

[д] Во-первых (*лат.*).

Вторник, 17.

Г-н и г-жа Сичес уехали сегодня утром в Париж. Но крестовый поход против камышей отложен до завтра по просьбе Жана, у которого сегодня много дел. Я не ожидал писем, поскольку позавчера было воскресенье, а англичане — a stupide people [е]. И вот я один; но скучать не буду, я в этом уверен. Буду много работать, да! очень много. Сегодня, впрочем, я ничего не делал, весь день слонялся... но завтра! — Heute war ich den ganzen Tag wie in einen Zaubertraum versunken — hier — allein. Alles, alles, die ganze Vergangenheit. Alles was geschehen ist kam mir so unwiderstehlich, so leicht vor die Seele. Ich bin ganz hin. Ich gehöre ganz und gar meiner lieben Herrin. Gott segne Sie tausendmal... [ж] Я очень надеюсь получить завтра письмо.

Среда, 18.

Нет, писем нет... Почему? И английских газет я также не получаю. Я был слишком нищ, уезжая из Парижа, чтобы подписаться на них... Терпение! Следует надеяться, что всё обстоит благополучно. Ах, ужасно быть так далеко...

Почтальон ждет, он опять пришел часом раньше, придется кончить это письмо. Не правда ли, вы хорошо себя чувствуете! Да, я прошу вас об этом. Тысячу приветов Виардо, Мануэлю, всем. С большою нежностью жму вам руки, и да хранит вас небо. Schreiben Sie mir [з]. Будьте счастливы и здоровы [и]. Прощайте.

Ваш И. Тургенев.

На обороте:

Госпоже Виардо-Гарсиа
в Лондон.
Клифтон Виллаз, Мейде-Вейл, № 27.

115. Полине Виардо (с. 301)

С французского:

Куртавнель.
Четверг, 19 июня [а] 49.
$8^1/_2$ ч. вечера.

Милостивая государыня,

Нет более тростников! Ваши рвы вычищены, и Человечество вздохнуло свободно. Но это далось не без труда. Мы работали, как негры, в течение двух дней — я имею право говорить мы, пото-

---

[е] глупый народ (*англ.*).

[ж] Сегодня в течение всего дня я был словно погружен в волшебный сон. Я был здесь один. Всё, всё, всё прошедшее, всё, что случилось, представилось моей душе столь неодолимым... Я весь... я весь принадлежу, я полностью принадлежу моей дорогой властительнице. Тысячу раз да благословит вас бог (*нем.*).

[з] Пишите мне (*нем.*).

[и] *Далее следует зачеркнутая и не поддающаяся прочтению фраза по-немецки.*

[а] *Так в подлиннике.*

му что и мне тоже досталось. Если бы вы меня видели, особенно вчера, выпачканного, вымокшего, но сияющего! Тростник был очень высокий, и его очень трудно было вырывать, тем труднее, чем более он был ломок. Как бы там ни было, но дело сделано! Уже три дня, как я один в Куртавнеле; и что же! клянусь вам, что я не скучаю. По утрам я работаю, и работаю много, прошу вас верить этому, и я представлю вам доказательство. Я гуляю, завтракаю в 9 ч., обедаю в 6, вечером читаю, никогда не ложусь ранее десяти часов. Теперь, когда я вычистил ваши рвы, я думаю о других усовершенствованиях, но они бы обошлись гораздо дороже. Известно ли вам, что, например, я бы сделал на вашем месте? Говорят, что ферма Виконте в плохом состоянии; не получаете вы никакого дохода и от фермы, находящейся по соседству. Итак, вот мой план — я бы снес половину фермы, находящейся возле дома, как здесь показано (на рисунке,— см. с. 302.— *Ред.*): всё пространство, обозначенное так *IIII* ABCD; с помощью этих материалов я бы отремонтировал Виконте и привел в порядок другую половину фермы (там устроили бы каретные сараи, конюшню, хорошее жилище для садовника), от А до В я возвел бы стену, а великолепные липы и место, где стояла разрушенная половина фермы, всё это отойдет к парку. Можно было бы устроить чудесный фруктовый сад вплоть до оранжереи, а среди лип — зеленую беседку, которая, я в этом уверен, станет лучшим местом в саду... Что вы мне на это скажете и что скажет Виардо? Кстати, между нами будь сказано, ваш новый садовник немного ленив; он едва не дал погибнуть олеандрам, так как не поливал их, да и цветник находился в плохом состоянии; я ему ничего не сказал, но принялся сам поливать цветы и полоть сорную траву. Этот немой, но красноречивый призыв был понят, и вот уже несколько дней, как всё приведено в порядок. Он слишком болтлив и слишком много улыбается; но жена его хорошая бабенка и не лентяйка. Не находите ли вы эту последнюю фразу неслыханною дерзостью в устах такого величайшего лентяя, как я? Вы не забыли белого петушка? Так этот петух— настоящий чёрт. Он дерется со всеми, со мною в особенности; я ему подставляю перчатку, он бросается, вцепляется в нее и дает нести себя, как бульдог. Но я заметил, что каждый раз после битвы он подходит к дверям столовой и кричит как оглашенный, пока ему не дадут есть. То, что я принимал в нем за храбрость, это, может быть, всего только наглость шута, который хорошо знает, что с ним забавляются, и заставляет платить за свой труд. О, иллюзии! вот как вас утрачивают... Г-н де Ламартин, воспойте мне это [1].

Эти подробности о птичьем дворе и о деревне вызовут у вас, вероятно, улыбку, у вас, которая готовится петь «Пророка» в Лондоне... Это должно вам показаться очень идиллическим, очень патриархальным... А между тем я воображаю себе, что чтение этих подробностей доставит вам некоторое удовольствие. Какое самомнение!

Итак, вы определенно поете «Пророка», и сами всё делаете, всем управляете... Не утомляйтесь чрезмерно. Во имя неба, я должен знать заранее день первого представления [2]... В этот вечер в Куртавнеле лягут спать не раньше полуночи. Die besten, heiszesten, glühendsten Wünsche für das theuerste liebste Wesen... [6] Со-

---

[6] Мои самые лучшие, теплые, горячие пожелания самому дорогому и любимому существу... (*нем.*).

знаюсь вам, я ожидаю очень, очень, очень большого успеха.— Да хранит вас бог, да благословит он вас и сохранит вам превосходное здоровье. Вот всё, что я у него прошу; остальное — зависит от вас. Итак, г-жа Гризи плоха в «Гугенотах». Ах, я этому очень рад — это сообразуется с моим мнением, которое странным образом поколебала статья Чорли (я его весьма сердечно приветствую). Нет, эта толстуха не в силах превратиться в Валентину [3]. Нет, тысячу раз — нет! Нет, не дано первой встречной воплотить этот изящный и столь поэтичный образ — но я щажу вашу скромность.

Так как, в конце концов, у меня в Куртавнеле много свободного времени, я пользуюсь им, чтобы делать совершенно невероятные глупости. Уверяю вас, что время от времени это мне необходимо... Без этого предохранительного клапана я рискую в один прекрасный день в самом деле окончательно поглупеть. Например, я сочинил вчера вечером музыку на следующие слова:

Однажды невинная пастушка
Увидела в плодовом саду
Сидящего на зеленом папоротнике
Молодого и стыдливого незнакомца.
Робкая, подобно газели,
Она хотела бежать, когда внезапно
Испуганным взорам красавицы
Явился ужаснейший волк.
При виде его скрежещущих зубов
Пастушка лишилась чувств.
Тогда, чтобы спасти ее, принц
Дал сожрать себя зверю [4].

Предложите знаменитому автору романса «Жертва падает и дымится» [5], в свою очередь, сочинить на эти слова музыку. Я пришлю свою, и посмотрим, кто одержит верх. Вы будете судьей.

Кстати, прошу у вас прощения за то, что пишу вам подобные нелепости.

Пятница, 20. — 10 ч. вечера.

Добрый вечер, милостивая государыня, что вы сейчас делаете? Я сижу перед круглым столом в большой гостиной... Глубочайшая тишина царит в доме, слышится только шёпот лампы. Я, право, очень хорошо работал сегодня; во время прогулки я был застигнут грозовым дождем. Скажите Виардо, что в этом году много перепелов. Сегодня я разговаривал с Жаном о «Пророке». Он мне говорил очень разумные вещи, между прочим, что «теория есть лучшая практика». Если б это сказать Мюллеру, то он, наверно, откинул бы голову набок и назад, открыв рот и подняв брови. В день моего отъезда из Парижа у этого бедного малого было только два с половиной франка; я ничего не мог ему дать — к несчастью!

Послушайте, хотя мне и не свойствен den politischen Pathos [в], но меня возмущает одна вещь: это посольство генерала Ламорисьера в главную квартиру императора Николая. Это уж слишком, это слишком, уверяю вас. Бедные венгры!.. [6] Порядочный человек в конце концов не будет знать, где ему жить: молодые нации еще пребывают в варварском состоянии, как мои дорогие соотечествен-

---

[в] политический пафос (*нем.*).

ники, или же, если они встают на ноги и хотят двигаться вперед, их подавляют, как венгров; а старые нации умирают и смердят, так как они прогнили и разлагаются. По этому поводу можно было бы спеть вместе с Роже: «И бог не поразит этих нечестивцев!» [7] Но довольно! А потом, кто сказал, что человеку предначертано быть свободным? История нам доказывает обратное. Не из желания быть придворным льстецом Гёте написал свой знаменитый стих:

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein [г, 8]

— это просто-напросто факт, истина, которую он высказывал в качестве точного наблюдателя природы... До завтра.— Это не мешает вам быть восхитительной. Видите ли, если бы там и сям на земле не появлялось таких созданий, как вы,— нас бы тошнило от самих себя. Ich liege zu Ihren Füssen [д]. До завтра.

Суббота, 21.

Здравствуйте, милостивая государыня, и прощайте. Погода скверная. Вот и все новости. Жму очень крепко вам руки, тысяча приветов Виардо и всем остальным. Sind die Nägel gewachsen?.. [е]

Ваш И. Тургенев

116. Полине Виардо (с. 305)

С французского:

Куртавнель.
Понедельник, 23 июля 49.

Добрый день, милостивая государыня — Guten Morgen, liebstes, theuerstes, bestes Wesen! Gott segne Sie tausend Mal [а]. Вчера я был на большом празднике в Песи. Это, знаете ли, премилая деревушка, несмотря на ужасающую зеленую лужу возле церкви. Я впервые увидел французский сельский праздник; признаться, это далеко не так красиво и живописно, как в Германии. Там почти всегда можно услышать сносную музыку; немцы почти никогда не фальшивят; а те четыре упившихся молодца (одна труба,один кларнет, о, этот ужасный кларнет! и две скрипки), которые составляли вчера оркестр, так резали ухо, что у вас на глазах выступали крупные холодные слезы, словно вам перепиливали зуб. В Германии танцуют вальс, галоп; а здесь (кажется, это не везде так) тяжело и неуклюже прыгают, нелепо двигая плечами и коленями, или же пытаются подражать канкану. В Германии крестьяне почти всюду еще сохранили национальный костюм, а здесь видишь только сюртуки — да какие! Что за талии до самой шеи! Что за воротники выше головы! Что за шляпы! Что за жилеты и особенно что за пристежные воротнички! Женские платья (женщины тоже одеваются по-городскому) выглядят очень уныло и производят впечатление одновременно старых и новых, новых, потому что их надевают толь-

---

[г] Человек не рожден быть свободным (*нем.*).

[д] Я у ваших ног (*нем.*).

[е] Отросли ли ногти? *Далее зачеркнуто несколько слов, не поддающихся прочтению.*

[а] Доброе утро, самое милое, дорогое, лучшее существо! Тысячу раз да благословит вас бог (*нем.*).

ко раз в год; старых, потому что сшиты они давным-давно, да к тому же быть запертым многие годы в большом сундуке — от этого не помолодеешь! Я заметил вчера двух девиц, несколько менее загорелых и гораздо более развязных, чем другие; они нарядились гризетками, но этот костюм был им еще больше не к лицу. Все мужчины были одеты, как горожане, и всё же среди них легко можно было отличить настоящих горожан по брезгливому и снисходительному виду, по деланному добродушию, от которого веяло холодом. Однако эти столь скверно одетые люди танцевали с таким увлечением, лица их были столь оживлены, вечер был так хорош, а дети так восторгались и радовались, что в общем мне всё это показалось прелестным. А кроме того, сколько там было типов, достойных изучения: милые, совсем уже дряхлые старички, которым говорили со смехом: «Ах это вы, папаша такой-то!», а они отвечали только морганьем и блаженной улыбкой; местные тузы — гортанный голос, небольшое брюшко, густые брови и рука на подбородке; буяны, дурачки, шутники, взрослые девушки с серьезным и принужденным видом, даже когда они танцуют, обливаясь потом; растерянно глазеющие батраки; господа, которые побывали в Париже: это было видно и по тому, что они позволяли себе поканкапировать, и по неприятной бледности их лиц, по прическе и т. д., и т. д. Не менее тридцати фигур запечатлелось у меня в голове, между прочим одна девочка лет пяти-шести, настоящая маленькая Миньона с печальным и быстрым взглядом, гораздо более Миньона, чем у Шефера [1]; ярмарочный торговец (у него было что-то вроде ящика с Абд-эль-Кадером внутри; в ящик стреляли, и, когда попадали Абд-эль-Кадеру в сердце, слышался взрыв и он опускался на колени) — этот человек был похож на Дон-Жуана, но разоренного, потрепанного и униженного нищетой; со своей публикой он обращался в высшей степени презрительно; черты его огрубели, но глаза были прекрасны, волосы великолепны, и, когда он начинал улыбаться, лицо его делалось привлекательным. Бывают такие лица, их словно внезапно освещает какое-то сияние; выражение их меняется удивительным образом, ничего хорошего это не означает — эта внезапная перемена, особенно когда она повторяется часто и одним и тем же образом.

В результате вернулся я в Куртавнель около половины десятого, очень довольный тем, как провел день. Я уже был в аллее напротив дома, а до меня еще доносились трам-там-там этого адского оркестра. Вечер был необыкновенно тих и мягок, воздух словно принял молочную ванну (что за смелый образ!), и звуки неслись над полями, как будто им никогда не суждено было замолкнуть. Я хотел уже открыть калитку, как вдруг заметил, что ко мне приближается какое-то живое существо; это была маленькая Манон, которую пустили пастись на свободе. Она позволила мне приласкать себя, и мы вместе вернулись домой.

Wie oft ich den ganzen Tag an Sie gedacht habe, kann ich Ihnen nicht sagen; als ich zurückging, rief ich Ihren Namen so entzückt, ich streckte die Arme mit so viel Sehnsucht nach Ihnen aus! Sie haben es gewiss hören und sehen müssen [6].

---

[6] Не могу сказать, как часто в течение дня я о вас думал; возвращаясь, я так восторженно выкрикнул ваше имя, с такой тоской протянул к вам руки! Вы, конечно, должны были слышать и видеть это (*нем.*).

Вот уже шесть дней, как я один в Куртавнеле; и что же, признаюсь вам, я не скучаю; много работаю, гуляю, думаю о тысяче разных вещей; жизнь гораздо проще, чем ее устраивают себе люди. Досаждает мне лишь то, что я не получаю писем (и денег) из России [2].

Два часа.

Почтальон только что принес мне ваше письмо. Итак, это будет во вторник, завтра... Я боюсь, что вы чересчур утомлены... Впрочем, когда вы получите это письмо, всё ведь решится — твердо верю, что успех будет блестящий [3]. Ведь вы не забудете прислать мне газеты? Прошу вас. Как глупо,— я же знаю, что теперь это бесполезно, и всё же не могу удержаться, чтобы не крикнуть вам: не переутомляйтесь на *репетициях*! Я чувствую уже, что начинаю волноваться, и это будет завтра идти всё crescendo [в] до полуночи, потому что раньше не лягу. Morgen um Mitternacht wird Ihr Bild im Saal (das leider nicht ähnlich ist) einen Strauss bekommen [г]. Вы говорите, что хор недурен и что Марио... Но это нелепо, ведь письмо мое придет через два дня после первого представления; ну и дурак же я! Но ничто не мешает мне сказать вам, что сейчас я молюсь за вас и шлю вам самые лучшие пожелания, и сила их столь огромна, что может вырывать с корнем дубы. Liebe, theuere! Gott sei mit Dir und segne Dich [д]. Умоляю вас, опишите мне это первое представление до мельчайших подробностей (благодарю за реверансы). Как глупо, что стены ничего не могут понять, а то я сообщил бы эту новость всему Куртавнелю. Он должен был бы являться исключением (я говорю о Куртавнеле). Во всяком случае, я поведал ее Жану, Веронике и обезьянкам.

Если вас навестит Ледрю-Роллен, напишите мне, какое он на вас произвел впечатление. Он, конечно, не орел, но, думаю, действительно добрый и преданный народу человек [4]. А Луи Блан,— что он, подавлен? Должен сознаться, я его недолюбливаю. Я еще не читал его новой газеты [5].

Итак, вот папа и восстановлен [6]... Но не будем говорить о политике. Остается только укрыться с головой или... совсем отвернуться.

Triumph! Es liegt das Schlechte,
Und vor dem Rausch der Knechte
Schweigt die Begeisterung [е], [7].

Кстати, пришлите мне еще, пожалуйста, афишу-либретто «Пророка», знаете, такой в несколько раз сложенный листок бумаги, который находят на креслах в театре.

[в] возрастая (*итал.*).

[г] Завтра в полночь вашему портрету в зале (который, к сожалению, непохож) будет поднесен букет (*нем.*).

[д] Милая, дорогая! Бог да будет с тобою и да благословит тебя! (*нем.*).

[е] Триумф! Зло повержено,
И вдохновение молчит,
Когда ликуют рабы (*нем.*).

До завтра. И тысячу раз да благословит вас небо. *Was fehlt V⟨iardot⟩? Ist ihm vielleicht unangenehm, dass ich hier wohne?* [ж]

Вторник.

Сегодня прескверная погода. Мелкий, частый дождь льет с холодным упрямством старой девы. Барометр падает... но, терпение. Итак, это — сегодня, через девять часов (теперь одиннадцать). Вы уже встали, позавтракали, вы спокойны. Спокойны ли вы? Да, будем спокойны. Этот дождь мешает мне; я рассчитывал провести большую часть дня вне дома. С каким нетерпением я буду ждать почтальона в пятницу! Потому что до пятницы здесь ничего нельзя будет узнать. На этих днях я просмотрел «Консуэло». Очень много прелестных мест, но г-н Альбер несносен так же, как вся нездоровая фантасмагория, которая его окружает [8]. Г-жа Санд часто портит самых обаятельных своих героинь, делая их болтливыми, рассудительными и педантичными, в том числе и маленькую Фадетту [9]. Между тем в наше время, когда попирают ногами самые священные права, когда кровь льется потоками, когда несправедливость, грубая сила или лицемерие торжествуют, для людей, не окончательно еще утративших способность чувствовать или не совершенно беспечных от природы, единственным, быть может, прибежищем (если для деятельности время прошло или еще не наступило) остается мистицизм, безмерная и беспредельная вера...

Кажется, Гёргей умер [10]. Не слышали ли вы чего-нибудь насчет Бакунина [11]?

Положительно, ich bin zu aufgeregt, um Ihnen weiter zu schreiben [з]. Я буду молиться за вас. Благослови вас господь. Жму вам руку так сердечно, как только можно... Тысяча приветов Виардо, Мануэлю и tutti quanti [и].

Сегодня вечером я буду много думать о вас. Прощайте.

Ваш И. Т.

117. Полине Виардо (с. 309)

С французского:

Куртавнель.

Вторник вечером.

Одиннадцать часов... Только что кончился четвертый акт, и вас вызывают; я тоже аплодирую. Браво, браво, и смелее!

Полночь.

Я аплодирую изо всех сил и бросаю букет цветов... Не правда ли, всё было прекрасно? О, когда же настанет пятница!

Да благословит вас бог! А теперь вы можете отправляться спать. Я тоже пойду спать. Покойной ночи, крепко почивайте на ваших лаврах...

[ж] Что с В⟨иардо⟩? Быть может, ему неприятно, что я здесь живу? (*нем.*).

[з] я слишком взволнован, чтобы продолжать писать вам (*нем.*).

[и] всем остальным (*итал.*).

Среда, 25 июля.

Я ничего не написал вам в среду, и сегодня, в *субботу*, напишу всего два слова, потому что почтальон ждет. Знаете, что я сделал? Я в четверг поехал в Париж и вернулся только вчера, в пятницу вечером. И знаете, зачем я ездил? Во-первых, чтобы... нет, не хочу врать. Единственно для того, чтобы получить возможность прочесть английские газеты. Вам нетрудно себе представить, сколь я был доволен этим чтением. Браво! Браво! Я счастлив, я тысячу раз поздравляю вас, жму вам руки изо всей силы, вновь кричу: браво! — и бросаю шляпу в воздух. По возвращении в Розе я нашел ваше письмо и вырезку из «Times», доставившую мне большое удовольствие. Время от времени я буду ее перечитывать. Итак, злосчастную оперу погубили; я этого немного опасался. Конечно, в «Пророке» вы являетесь «principal feature» [а] — в газетных рецензиях это было даже слишком подчеркнуто: для меня ясно, что другие были отчаянно плохи. Впрочем, надо надеяться, что в последующих спектаклях всё обойдется.

Больше ничего я вам сегодня не напишу — на этом листе бумаги, потому что я сейчас же принимаюсь за настоящее письмо, которое отправлю вам завтра. Проклятый почтальон уже идет обратно. Gott segne Sie tausend Mal... Und ein Blumenblatt? [б] Тысяча приветов всем. До завтра. Совершенно вам преданный

И. Т.

P.S. Бррррррррависсимо!

P.S. Вместо других газет пришлите мне бандеролью «Illustrated News». Я прочел «Times», «M⟨orning⟩ Chronicle», «M⟨orning⟩ Post», «M⟨orning⟩ Herald», «Daily News», «Sun», «Standard» и «Globe». Если есть хорошая статья в какой-нибудь другой газете, es ist willkommen [в]. Пришлите ее мне.

На первом листе:

Милостивой государыне
госпоже Полине Виардо-Гарсиа,
в Лондон.
Клифтон Виллаз, Мейде-Вейл, 27.

118. Полине Виардо (с. 310)

С французского:

Куртавнель,
суббота, 28 июля 49.

Добрый вечер, милостивая государыня, guten Abend, theuerste, liebste Freundin [а].

Половина одиннадцатого вечера.— Я пишу эти слова с некоторой гордостью. Как видите, мы не с курами ложимся спать. Я только

[а] «главным лицом» (*англ.*).

[б] Тысячу раз да благословит вас бог... А где же лепесток цветка? (*нем.* Три последних слова зачеркнуты.— *Примечание в публикации*).

[в] буду рад (*нем.*).

[а] добрый вечер, самый дорогой, любимый друг (*нем.*).

что прогулялся по парку. Ночь прекрасная, звезд невероятное количество. Крупные звезды, которые светятся голубым светом и как будто мигают, красиво окаймляют вершины тополей, между тем как луна просвечивает сквозь черные ветви. Сейчас вы поете, ибо я полагаю, что «Пророка» будут давать три раза в неделю. Вы увидите, что ваш успех будет только расти и становиться всё более блестящим, как в Париже. Надеюсь, что ваши сотоварищи по сцене теперь держатся лучше [1]. Возвращаюсь к моим звездам; вы знаете, что нет ничего зауряднее представления, будто они внушают религиозные чувства; по крайней мере, так говорится во всех назидательных книжках. Но уверяю вас, что вовсе не такое действие производят они на того, кто смотрит на них просто, без предвзятой мысли. Тысячи миров, в изобилии разбросанных по самым отдаленным глубинам пространства, суть не что иное, как бесконечное распространение жизни, той жизни, которая находится везде, проникает всюду, заставляет целый мир растений и насекомых без цели и без надобности зарождаться в каждой капле воды. Это произведение непреодолимого, невольного, бессознательного движения, которое не может поступать иначе; это не обдуманное творчество. Но что же такое эта жизнь? Ах! Я ничего об этом не знаю, но знаю, что в данную минуту она всё, она в самом расцвете, в полной силе; не знаю, долго ли это будет продолжаться, но, во всяком случае, в данную минуту это так: она заставляет кровь обращаться в моих жилах без всякого моего участия, и она же заставляет звезды появляться на небе, как прыщи на коже, и это ей стоит не больше, и заслуга ее в этом не более велика. Эта штука—равнодушная, властная, прожорливая, себялюбивая, подавляющая — это жизнь, природа, это бог; называйте ее как хотите, но не поклоняйтесь ей. Прошу понять меня: когда она прекрасна или когда она добра (а это не всегда с нею случается) — поклоняйтесь ей за ее красоту, за доброту, но не поклоняйтесь ей ни за ее величие, ни за ее славу! (Посмотрите об этом в назидательных книжках, о которых я говорил выше.) Ибо, во-1-х, для нее не существует ничего великого или малого; во-2-х, в акте творения заключается не больше *славы*, чем в падающем камне, в текущей воде, в переваривающем желудке; всё это только и может следовать Закону своего существования, а это и есть Жизнь [2].

Уф! да это нечто вроде спекулятивной философии! Не хочу перечитывать моего маранья. Встряхнемся и перейдем к чему-нибудь другому. Однако, думаю, не продолжить ли мне завтра! А пока, да благословит вас бог или да будет к вам *Жизнь* благосклонна; но во всяком случае будьте счастливы и здоровы! Möge der Beste Engel über das liebste, beste, edelste, geliebteste Wesen wachen [a].

До завтра.

Воскресенье вечером.

Сегодня была великолепная погода. Я провел почти весь день на воздухе; я катался в лодке по рвам. Кстати! Вы, может быть, удивитесь тому, что я мог съездить в Париж, ввиду состояния моего кошелька; но дело в том, что г-жа Сичес, уезжая, оставила мне 30 фр⟨анков⟩, из которых 26 уже ушло. Впрочем, я живу здесь,

---

[a] Пусть лучший из ангелов охраняет самое дорогое, лучшее, благородное, любимое существо (*нем.*).

как в волшебном замке; меня кормят, меня обстирывают; чего еще нужно одинокому человеку? Надеюсь, что этот денежный голод скоро прекратится и что в конце концов там скажут себе: однако! да на что же он существует? Я, право, много работал в эти дни. Я покажу вам листки по вашем возвращении. Я ни минуты не скучаю, положительно я веду весьма приятную жизнь.

Понедельник.

Сегодня, однако, моя жизнь несколько менее приятна... Представьте себе, что целый день шел дождь, ни на мгновенье не переставая. Что вы на это скажете? Дождь всё падал, всё падал, прямой и частый, густой, и даже сейчас (теперь 11 часов вечера. Да, сударыня, одиннадцать часов!) я слышу, как желоб изрыгает целые потоки в ров. Но, в вознаграждение, я получил сегодня из Парижа «The Musical World» и «Britannia», где нашел статьи о «Пророке», которыми лакомился с большим наслаждением. Если вы будете посылать мне «The Illustrated» бандеролью, то пришлите также и номер «Athenæum». (Кстати, тысяча добрых пожеланий Чорли [3].)

В «Musical W⟨orld⟩» сообщают о 4-ом, 5-ом и 6-ом представлениях «Пророка». Браво, всё идет хорошо. Не слишком утомляйтесь. Я же вам говорил, что это будет настоящий триумф! Надеюсь, что вы поправите и денежные дела, хотя 60 гиней, по правде говоря, как мне кажется, poca roba [а]. Что поделаешь! Ангажированы ли вы на ливерпульский фестиваль? Покойной ночи, иду спать. Der liebe Gott möge viel lieber über Sie wachen. Die glühendsten küsse Ihren Händen und Füssen, glühend und studenlang. Gute Nacht [б].

Вторник, 31 июля.

Опять этот проклятый почтальон вздумал являться в половине девятого утра! Чтоб чёрт его побрал! Тем не менее мне бы хотелось быстро закончить эту страничку. Итак, что же вам сказать? Что дождя нет, что я очень часто думаю о вас, что Куртавнель сейчас выглядит весьма нарядно и весьма чисто, что Жан всюду трет, чистит, моет и метет, что все животные в доме здоровы, в том числе и ваш покорнейший слуга, что я жду завтра письма, что я вам желаю счастья, здоровья и радости, что я молю бога тысячу раз благословить вас, а вас молю простить мне такое бестолковое письмо, что я дружески кланяюсь Виардо и друзьям и остаюсь навеки

ваш

Т.......

120. Полине Виардо (с. 314)

С французского:

Куртавнель.

Суббота, 4 июля [а] 49.

Добрый день, милостивая государыня. Я только сегодня получил письмо, которое вы мне отправили во вторник; не знаю, чем объяснить это опоздание. Вы не сообщаете, идет ли теперь «Пророк»

[а] небольшие деньги (*итал.*).

[б] Да хранит вас господь. Страстно целую ваши руки и ноги, страстно и бесконечно. Доброй ночи (*нем.*).

[а] *Так в подлиннике.*

более слаженно, но я полагаю, что это разумеется само собою. Увидите, вы дойдете до пятнадцати представлений [1]. Ливерпульские предложения (или, вернее, это даже лучше, нежели предложения) превосходны; эти англичане ни в чем себе не отказывают [2]. Я попрежнему не получаю ничего из дому; впрочем, я совершенно здоров и очень доволен своею судьбой. Погода все эти дни стояла довольно хорошая.

Третьего дня меня посетил доктор Фуже. Мы сыграли партию па бильярде, я его катал на лодке. Я гребу лучше его, а он хвастается, что был в свое время лучшим гребцом в Берси. Должно быть, он с тех пор разучился, так как ведь и я вовсе не силен. Кстати о лодке; я должен вам сказать, что, к несчастью, вода во рвах сильно убывает; она более чем когда-либо уходит около источника, невзирая па глину, которой думали остановить течь. Следовало бы переделать шлюз, что было бы не так уже трудно, обложив его камнями в виде плотины. Должен вам также сказать, что рвы вовсе не очищались; па дне их огромное количество тины. Дядюшка Негро говорил мне на днях, показывая кулак какому-то воображаемому существу: «А! если б меня обкрадывали так, как обкрадывают г-па Виардо!» Должно быть, он кое-что об этом знает. Впрочем, богатые па то и существуют, чтоб их обкрадывали; но дело в том, что вы еще не настолько богаты, чтобы со спокойной совестью давать себя обкрадывать. Я очень опасаюсь, что, когда вы вернетесь, уже нельзя будет проехаться по рвам на лодке; и теперь уже трудно проходить под Чёртовым мостом — так я прозвал мост, который ведет на ферму. Во всяком случае, нам останется Великий океан — та часть рвов, которая идет вдоль дороги, начиная от башенки. Я проводил г-на Фуже до Бландюро. Он сообщил мне, что м-ль Лора терпеть меня не может. По-видимому, наживаешь себе врагов, сам не зная почему. Доктор пригласил меня на другой день прийти к нему завтракать.

Понедельник.

Я завтракал вчера у г-на Фуже. Были там г-н Мажи, которого вы знаете и который показался мне добрым малым, к тому же весьма спокойным, он — доктор из Парижа, вроде петербургского г-на Берса, и брат Фуже; он напомнил мне другого брата [3], на которого он очень похож. Фуже напоил нас двадцатью различными винами; к концу завтрака все говорили сразу с большим жаром и в каком-то лихорадочном возбуждении повторяли совершенно незначительные вещи, как это обыкновенно бывает, когда соберутся люди мало знакомые между собою и еще менее друг другу подходящие, которым вино разгорячило головы. Каждый вытряхивает свой мешок общих мест, отчего летит много пыли. Затем мы прошлись по розейским бульварам; э, э! Розе вовсе уж не так безобразен! Толстяк Фуже положительно добрый малый, и притом он не принимает себя всерьез, а это всегда очень приятно. Люди, которые принимают себя всерьез, могут сделаться великими политиками — великими людьми, если хотите,— но переносить их общество довольно тяжко. Гёте сказал: Wer sich selbst nicht zum Besten haben kann, gehört gewiss nicht zu den Besten [б], [4]. В Розе есть речка, это меня очень

[б] Кто не умеет подтрунивать над самим собой, тот, конечно, не принадлежит к числу лучших (*нем.*).

удивило. Я думал, что в Бри встречаются только лужи с тростником, но без воды.

Вот что я прочел с тех пор, как живу в Куртавнеле:

1. Оба тома «Руководства по истории» г-на Отта.— Этот г-н Отт — демократ школы г-на Бюшеза, демократ-католик. Этот противоестественный союз в состоянии производить лишь уродов [5].

2. «Русскую историю» г-на Устрялова. Чёрт возьми, как попала эта история в Куртавнель? Она отвратительна, но освежила в моей памяти много дат и событий [6].

3. «Историю средних веков» Роттека.— Невыразимо скверно. Либерализм легковесный, тошнотворный и фальшивый. Слог высокопарный и пошлый. Люди этого сорта в конце концов становятся членами *правой* какого-нибудь франкфуртского парламента. Я не говорю этого о Роттеке — он умер, к счастью! Но множество людей ejusdem farinae [в], к несчастью, пережили его [7].

4. «Письма леди Монтегью» (писанные в 1717 г.). Прелестная книжка, исполненная изящества, ума и искренности и заставляющая любить ту, которая ее писала, невзирая на ее происхождение [8]!

5. «Doña Isabel de Solis, novela historica» [г] Д⟨она⟩ Мартинеса де ла Роса.— Я прочел это для упражнения в испанском языке. Но пусть извинят меня ваши соотечественники, если вся их современная литература такого же качества... Это по-детски наивно. Интересны лишь выдержки из хроник [9].

6. «Историю войны в Испании с 1807 года» генерала Сарразена. Это написано ясно, но ненависть, которую этот француз питает к французам, уж чересчур сильна, чтобы быть естественною. Генерал С. кажется мне совершенным негодяем [10].

7. Воспоминания Боссе о Наполеоне.—Это произведение благородного лакея, если только лакей может быть благородным. Есть интересные факты [11].

8. Перевод Вергилиевых «Георгик» Делиля.— Уж не знаю кто, г-н Мартен или г-н Низар, хвалил его в моем присутствии [12]. Я не мог его докончить; право, это слишком пресно, и к тому же, эти александрийские стихи текут с отвратительной легкостью; это жидко и безвкусно, как вода. Подлинник тоже не бог знает какое чудо; вся эта латинская литература искусственна и холодна, настоящая литература для литераторов.

9. «Девственницу» Вольтера! — А знаете ли вы, что в общем это очень скучно, в особенности же та часть, которая не считается таковой. Но прелестные остроты, смелые, умные и тонкие намеки, язвительные насмешки обнаруживают великого мастера [13].

10. Толстый труд г-на Дама-Инара о Наполеоне — компиляция всех его суждений о событиях, людях и вещах [14]. — Что за великая и сильная личность этот Наполеон, что за сила характера, какая последовательность и какое единство воли! И вместе с тем никогда не было человека, более принадлежавшего прошлому. Он полностью это прошлое воплощает, но поворачивается спиной к будущему, к тому будущему, которое бьется еще и долго будет биться в цепях, им выкованных. Монархия в Европе умирала: он организовал власть, правительство, этот отвратительный при-

---

[в] из того же теста (*лат.*).

[г] «Донья Исабель де Солис, исторический роман» (*исп.*).

зрак [д], который бессилен что-либо произвести, пустой и глупый, со словом *Порядок* на устах, с саблей в одной руке и с золотом в другой, всех нас попирающий своими коваными сапогами. Чёрт возьми! что за восточный образ! Отличный переход к

11. *Коран.*— Я только что начал его читать [15]. В этой книге есть величие и здравый смысл; но я предвижу, что восточная напыщенность и неясность пророческого языка мне скоро наскучат.

Как видите, в общем я не терял времени, так как все вышеназванные книги не перелистал, а прочел, в точном смысле слова «прочел». Кстати о книгах, пусть Виардо знает, что я привел в порядок его библиотеку, que es un primor [е]. Жан, со своей стороны, только и делает, что с утра до ночи трет, моет, чистит, смазывает маслом, стирает пыль, метет и натирает полы. Ах! если бы садовник походил на него!

Вторник.

Вам, вероятно, неизвестно, но вы это узнаете, когда я вам скажу, что я никогда не ложусь спать раньше полуночи. И вот вчера, только я собирался уйти из гостиной, как вдруг услышал два глубоких, вполне отчетливых вздоха, которые раздались, или, вернее, пронеслись, словно дуновение, в двух шагах от меня. Султан давно спал, я был совершенно один. Это вызвало во мне легкую дрожь. Проходя по коридору, я подумал о том, что бы я сделал, если б почувствовал, как чья-то рука внезапно схватила меня за руку: и я должен был себе признаться, что испустил бы пронзительный крик. Положительно, ночью бываешь менее храбрым, чем днем. Я желал бы знать, боятся ли слепые привидений. Прежде чем лечь спать, я каждый вечер совершаю маленькую прогулку по двору. Вчера я остановился на мосту и стал прислушиваться. Вот различные звуки, которые я слышал:

Шум крови в ушах и свое дыхание.

Шорох, неустанный шёпот листьев.

Стрекот кузнечиков; их было четыре в деревьях на дворе.

Рыбы производили на поверхности воды легкий шум, который походил на звук поцелуя.

Время от времени с тихим серебристым звуком падала капля.

Ломалась какая-то ветка; кто сломал ее?

Вот глухой звук... что это? шаги на дороге? или звук человеческого голоса?

И вдруг тончайшее сопрано комара, которое раздается над вашим ухом...

Кстати о комарах. В этом году меня съедают красношейки. Вот уже несколько дней, как я весь покрыт ими и шумно чешусь.

Кстати, или нет, наоборот... впрочем, это всё равно. Я должен вам сказать, что, найдя под зеленым чехлом рояля ваш толстый музыкальный альбом, я позволил себе раскрыть и пробежать его. К несчастью, моя правая рука не играет на рояле достаточно хорошо, чтобы дать мне хотя бы некоторое понятие о мелодии; тем не менее я попытался разобрать некоторые вещицы, которых вы нам никогда не пели! Насколько я могу судить, у вас во все времена был превосходный вкус; но то, что вы делали раньше, было несравненно менее

[д] *Далее три слова зачеркнуты.*

[е] так что просто чудо (*исп.*).

искренне. Так, например, я нахожу прелестной первую фразу из «Ласточки и узника»: «Милая ласточка, порхающая перед решеткой мрачной тюрьмы, летай, летай без боязни вокруг этих стен». До сих пор это очень хорошо, но «Я люблю смотреть на тебя» застревает у меня в горле словно кость; сколько бы я ни пел это грудным голосом, фальцетом, закрыв глаза и наклонив голову немножко набок, как делаешь, когда желаешь судить беспристрастно: невозможно! В особенности это *до* приводит меня в отчаяние. Я даже пробовал заменить его: невозможно, всё так же невозможно! А начало фразы так мило! Всё равно, я предпочитаю «Светлячка», или «Марию и Юлию», или «Ночь и день». Чей это текст, озаглавленный «Мечты»[16]? Там есть три стиха, которые мне очень нравятся:

Где видишь, как изнемогающая и раненая,
Падает в ледяную воду
Затравленная лань.

Не знаю почему, но мне так и кажется, что я вижу большие темные деревья, покрытую инеем землю, сухие листья, застилающие аллею и поверхность маленького недвижного пруда, лань, падающую на самом берегу, и подбегающих издали собак, лай которых весело раздается в ясном и сухом воздухе.— Собираетесь ли вы писать музыку в этом году? Два или три раза я пытался сочинять слова, но, увы! мой Пегас теперь всего лишь старая, хоть и заслуженная лошадь, которая не в состоянии ступить и шагу. Как-то на днях я увидал в поле серого ворона; вид этого соотечественника волнует меня; я снимаю перед ним шляпу и спрашиваю у него, что нового на родине. Право, я был почти растроган. Ну, вот, сказал я самому себе, сложим об этом хорошенькие стишки. Что-нибудь простое, изящное; словом, что-нибудь вроде Беранже[17]! В течение двух часов я ломал себе голову, не в силах срифмовать хотя бы двух строк. Наконец, меня взяло отчаяние, и вот чем я разрешился:

Ворон, ворон,
Ты не красив,
Но ты явился из моей страны:
Так возвращайся же туда!

Я сильно сомневаюсь, чтобы вы положили это на музыку.

Роясь в музыкальных тетрадях, я нашел две, в которых никакой музыки не было: это были списанные вами русские стихотворения и начало грамматики. Это мне всё же показалось очень забавным. Могли бы вы теперь прочитать то, что вы там написали? Не правда ли, вы ведь занимались этим в Вене, с г-ном Соллогубом?

Вы понимаете по-русски? или уже позабыли? [ж]

А ну-ка: что это значит?

Я болтаю сегодня, как сорока, оставшаяся старой девой... Кстати, знаете ли, я прочел в письмах л⟨еди⟩ Монтегью, что в Турции молодая девушка, умершая девицей, подлежит осуждению, поскольку женщина существует на земле, чтобы производить потомство[18]? Видите ли, хорошее и дурное — это как Восток и Запад: то, что Восток здесь, далее оказывается Западом; это зависит от того, в какой точке находишься.

Итак, м-ль Антония сделалась со вчерашнего дня г-жой Леонар[19]. Да! вам теперь не придется заставлять ее есть больше,

---

[ж] *Эти две фразы в оригинале написаны по-русски, см. с. 319.*

чем ей того хочется! Бывало, я не мог удержаться от смеха украдкой, когда вы принимали строгий вид, чтобы заставить ее проглотить остаток котлетки. Г-жа Полина Виардо: «Antonita, vamos...» Г-жа Гарсиа (с большой торопливостью и энергией): «Come, come, tu no comes nada». Г-н Сичес (покачивая головой): «Es menester comer, hija». М-ль Антония (с живостью): «Sea por el amor de Dios, padre» [3]. Но я слишком разболтался. До завтра.

Среда вечером.

Вообразите, что со мною случилось! Сегодня утром я намеревался докончить эту четвертую страницу и отправить вам письмо (тем более, что прошла уже неделя с тех пор, как я писал вам последний раз) — как вдруг мне докладывают о приезде брата г-на Фуже, который и располагается здесь до пяти часов! А я-то, глупый, вместо того чтобы просто отослать вам это письмо недоконченным (оно и так уже довольно длинно), я этого не делаю и откладываю до завтра... Эта четвертая страница меня задержала — почему? Трудно сказать. Как бы то ни было, прошу у вас прощения, а чтоб доказать искренность моего раскаяния, обязуюсь написать вам один лишний листок! Но что я за неловкий такой! Честное слово, я выживаю из ума! Как будто писать вам — для меня труд... Ну, вот, я путаюсь, сбиваюсь, пусть меня выгонят за дверь и чтоб об этом речи больше не было.

Но я возвращаюсь через окно и продолжаю.

Прежде всего, тысячу раз благодарю вас за ваше прелестное письмо; я его читал и перечитывал. Признаюсь, я не прочь был бы видеть, как вы исполняете Фидес по-итальянски [20]; но когда человек нищ, как Иов, нечего и думать о поездках в Англию. А! г-н Луи Блан... да это прелестный человек, и я снова перечитаю его книги.

Итак, Фидес вознесена до небес... Тем лучше, тем лучше. Я этому очень рад, честное слово.

Постойте, я сейчас встану и сделаю пируэт в знак радости. Так оно и сделано.

Вы столь добры, что спрашиваете меня о моем здоровье; чувствую я себя прекрасно и молю бога хранить вас! О да! будьте здоровы, будьте счастливы, веселы, довольны, почитаемы, любимы, знамениты: я знаю, что все это у вас уже есть, но это не мешает мне доставить себе удовольствие вам этого пожелать...

Постойте: я перечислил вам все произведения, которые прочел; но вы, может быть, спросите меня, только ли я и делал, что читал. Милостивая государыня, я сочинил одноактную комедию; клянусь вам, милостивая государыня, тенями моих предков, которые, по всей вероятности, были татары, уродливые, как козлы, и вонючие, как обезьяны, что я написал, переписал и отправил одноактную комедию, в 50 страниц [21]! А перевод? — скажете вы? Ах, так вот! Вообразите себе, что, уезжая в Куртавнель, вместо тетради, которая содержит мою первую комедию [22], я захватил совсем другую тетрадь! Это даже было, признаюсь вам, *второй* причиной моей поездки в Париж: я хотел привезти нужную тетрадь. Но, к моему великому изумлению, на улице Лафит, 11, я узнал, что г-жа Сичес увезла с собою в Брюссель [23] ключи от своей квартиры, так что мне

---

[3] «Антонита, ну же...» — «Ешь, ешь, ты ничего не ешь». — «Надо есть, дочка». — «Пусть так, ради бога, отец!» (*исп.*).

пришлось пробродить целый день в моей серой шляпе, что вызывало улыбку у прохожих, принимавших меня за старого разжиревшего мазилу. Без тетради я не могу делать перевода; но через пять-шесть дней — после возвращения г-жи Сичес — я отправлюсь на сутки в Париж и привезу с собою тетрадь. Я съездил бы в Париж даже только для этого, но у меня там есть и другие дела.

А моих денег мне упорно не присылают!!

Возвращаясь к брату г-на Фуже, должен признаться, что никто не изводил меня так, как он; в конце концов он стал мне наизусть читать отрывки из Руссо и Лабрюйера. «Обратите, милостивый государь,— говорил он мне,— внимание на эту вот фразу: „Трон был ее недостоин“ [24]»; и он повторял ее раз сорок. «Вот мысль; понятная мысль. Вот это мысль. Вот мысль». В конце концов я стал договаривать за него его фразы, но он их вновь повторял. К чему столько трудиться, чтобы быть глупым? В самом деле, я думаю, что никто не бывает глуп от природы. Но при старании можно всего достигнуть. Я предвидел, что он пожелает остаться обедать. Ведь я, как вам известно, тоже обедаю. Каким образом? право, не знаю, но я обедаю, и весьма хорошо. Надеюсь выяснить это в свое время, когда у меня будут деньги. Скажите, ваш костюм Фидес (я не говорю о самом первом) всё тот же, что и в Париже, не так ли?

Вы правы в том, что говорите о вашем скульптурном портрете, но у талантливого скульптора из этого могло бы выйти нечто прекрасное. Если в Лондоне выпустят литографии или гравюры с изображением Фидес, то привезите их с собой. Я был бы весьма рад получить письмо от Чорли. А вы очень добры, говоря мне то, что вы мне говорите.

Четверг.

Сегодня ночью была гроза с сильными раскатами грома; листва деревьев еще находится в полном смятении, выражаясь слогом Шенье; воздух освежен и чрезвычайно мягок. Я надеюсь сегодня на письмо от г-на и г-жи Сичес с извещением об их приезде. Куртавнель, благодаря отеческим заботам Жана, никогда не бывал таким чистым. По-видимому, м-ль Берта также приедет.

Довольно крупный зайчонок третьего дня утонул во рвах. Как и почему? Трудно сказать. Покончил ли он с собой? Но ведь в его возрасте еще верят в счастье. Впрочем, самоубийства, будто бы, случаются и у животных. Я слышал, что в Англии одна собака нарочно утопилась,— но в Англии это понятно. Впрочем, мне не следовало бы злословить об этой стране; думаю, что вас там любят. Имя г-жи Джеймсон мне известно; кажется, она пишет исторические романы. Не находите ли вы, что нижеследующее замечание, сделанное леди Монтегью в 1717 г., в Париже, справедливо еще и сейчас: «Very commonly the entrance of a gentleman or a lady into a room is accompanied with a grin, which is designed to express complacence and social pleasure, but really shows nothing more than a certain contortion of muscles that must make a stranger laugh. The French grin is equally remote from the chearfull serenity of a smile, and the cordial mirth of an honest English horse-laugh» [и, 25]. То же можно

[и] «Обычно мужчина или женщина, входя в комнату, широко оскаливают зубы, что должно выражать довольство, приветливость и дружелюбие. но на самом деле является неким сокращением мускулов, которое у иностранца обязательно вызывает смех. Фран-

наблюдать, когда два человека прощаются или встречаются на улице; внезапная перемена в поведении меня всегда поражает. Впрочем, все так поступают (за исключением англичан), и я первый. Но посмотрите, что может сделать влияние человека! Собака, наиболее испорченное им животное, в конце концов переняла эти деланные и смешные кривляния; я убежден, что манера этих животных знакомиться друг с другом вовсе не свойственна их природе; это плод цивилизации. Но у подражателей — страсть к преувеличениям: вместо того чтобы улыбнуться, показывая зубы и прищурив глаза, они... но мне нет надобности доканчивать: вспомните смелый рисунок вашего брата.

Кстати, о вашем брате. Скажите ему, что я очень крепко жму ему руку. Особенно же скажите ему, что следует быть в хорошем расположении духа, хотя бы только ради собственного здоровья, а время от времени пусть себе ломает что-нибудь из мебели. Умеет ли он уже speak English [к]? А немецкий язык? Вероятно, он уже его забросил. А то я сказал бы ему, что недаром говорится Geld *verdienen* [л], ибо verdienen происходит от *dienen* [м].

Ежедневно перед обедом я совершаю большую прогулку в сопровождении Султана. Я очень боюсь, что в нынешнем году будет меньше дичи, чем в прошлые годы... Сильные июньские дожди очень повредили выводкам. Мне часто попадаются пары куропаток без птенцов. Известно ли вам, что куропатки отлично разыгрывают представления? Они умеют очень хорошо притворяться, будто они ранены и едва летают, они кричат, пищат, и всё это для того, чтобы заманить собаку и отвлечь ее от места, где находятся птенцы. Третьего дня материнская любовь чуть не обошлась очень дорого одной из них: она так превосходно сыграла свою роль, что Султан схватил ее. Но так как он — perfect gentleman [н], то он только смочил ее своей слюной и вырвал у нее несколько перьев; я возвратил свободу этой отважной матери и слишком хорошей актрисе [26]. Да, таков уж театр! Вот актер, который меня трогает и заставляет плакать; начни он плакать сам, быть может, он заставит меня смеяться. А между тем, если он только *играет*, только *притворяется*, не думаю, чтоб он мог вполне растрогать меня; по-видимому, здесь необходимо известное сочетание природы и искусства... Вы должны это знать. Но нет, вы этого не знаете, или, по крайней мере, вы не сумели бы этого объяснить, хотя вы и — the *subtlest* tragedian of the world [о]. Положительно, люди делают очень хорошо лишь то, в чем они сами не могут дать себе полного отчета; вот почему вам случается гоняться за самой собою. Доводя это правило до парадокса, можно сказать, что для того, чтобы что-нибудь сделать хорошо, надо этого не уметь.

цузский оскал зубов равно далек и от радостной, спокойной улыбки, и от сердечного веселья, которое несет в себе громкий, искренний хохот англичан» (*англ.*).

[к] говорить по-английски (*англ.*).

[л] зарабатывать деньги (*нем.*).

[м] verdienen — зарабатывать, dienen —служить (*нем.*, *игра слов*).

[н] совершенный джентльмен (*англ.*).

[о] искуснейшая трагическая актриса на свете (*англ.*).

Почтальон пришел, а письма из Парижа нет. Тогда будет завтра. А засим кланяюсь вам всем, сколько вас ни есть, начиная с Виардо. Да благословит и да хранит вас бог. Дружески жму вам руку. До свиданья.

Совершенно вам преданный И. Т.

121. Полине Виардо (с. 323)

С французского:

Куртавнель.
Суббота, 11 августа 49.

Добрый день, милостивая государыня. Guten Tag, liebstes, bestes, theuerstes Wesen [a]. Ну вот, я по-прежнему один в Куртавнеле и только что получил от м-ль Берты письмо, в котором она сообщает, что со дня на день *ожидает* приезда г-на и г-жи Сичес. Надеюсь, что г-жа Гарсиа тоже приедет; что ей делать одной в Брюсселе?

Воскресенье.

Со вчерашнего дня я сделался матерью, мне теперь ведомы радости материнства, у меня есть семья! У меня три прелестных крошечных близнеца, кротких, ласковых, милых, которых я сам кормлю и за которыми хожу с истинным наслаждением. Это три крошечных зайчонка, которых я купил у одного крестьянина. Чтобы приобрести их, я отдал мой последний франк! Вы не можете себе вообразить, какие они хорошенькие и какие ручные. Они уже начинают пощипывать листья латука, которые я им подаю, но главная их пища — молоко. У них такой невинный и такой уморительный вид, когда они поднимают свои маленькие ушки! Я их держу в клетке, в которую мы сажали ежа. Они идут ко мне, как только я им протяну руки; они карабкаются по мне, роются в моей бороде своими маленькими мордочками с длинными усами. И потом они такие чистенькие, и так милы все их движения! Особенно у одного из них, у самого крупного, вид такой важный, что можно умереть со смеху. Кажется, я сделался не только матерью, но и старухой, потому что твержу всё одно и то же. К сожалению, они будут уже довольно большими к вашему приезду и не столь очаровательными. Во всяком случае, я постараюсь, чтобы они сделали честь моему воспитанию.

Вчера я обедал у Фуже. Ну, так вот, брат его вовсе не так скучен, как я думал: он становится менее скучным, чем больше его узнаешь, и это утешительно. Фуже отличный малый: он создан, чтобы быть дедушкой. А он не женат! Я и поехал, и вернулся верхом на Коморне, у которого для его возраста еще очень уверенная поступь. В *лесу* Бландюро было совсем темно. (Я вернулся в девять часов.)

Понедельник.

Этой ночью мне приснился весьма странный сон, как это иногда со мною бывает; я вам его сейчас расскажу. Мне казалось, что я иду вдоль дороги, обсаженной тополями. Было темно, я был очень утомлен, а для того чтобы добраться до ночлега, надобно было пропеть пятьсот раз подряд: «На голос твоей матери...». Я торопился покончить с этим заданием и сбивался со счету; вы знаете, как упорствуешь во сне. Вдруг я вижу, что ко мне приближается какая-то вы-

---

[a] Добрый день, самое любимое, лучшее, дорогое существо (*нем.*).

сокая белая фигура и делает мне знак следовать за нею; я говорю себе: вот как! да ведь это мой брат Анатолий (а у меня никогда не было брата с таким именем). Я нахожу это вполне естественным и следую за ним. А через несколько мгновений мне уже кажется, будто мы стоим на сильном ветру; я оглядываюсь кругом и, несмотря на темноту, могу различить, что мы находимся на вершине чрезвычайно высокого утеса, вдающегося в море.— Да куда же мы идем? — спрашиваю я у своего проводника.— Мы птицы,— отвечает он,— летаем.— Как, птицы? — возражаю я.— Высморкайся,— говорит он. Действительно, я хочу высморкаться и нахожу посредине моего лица большой птичий клюв с зобом под ним, как у пеликана. Но в это самое мгновенье меня подхватывает ветер. Не могу вам передать то счастливое волнение, которое я ощутил, расправляя свои широкие крылья; я поднялся против ветра, испустив громкий победный крик, а затем ринулся вниз к морю, порывистыми движениями рассекая воздух, как это делают чайки. В эту минуту я был птицей, уверяю вас, и сейчас, когда я пишу вам, я помню эти ощущения птицы не хуже, чем вчерашний обед: всё это совершенно точно и ясно запечатлелось не только в моем мозгу, если можно так выразиться, но и во всем моем теле, и это доказывает, что la vida es sueño, y el sueño es la vida [б,1]. Но чего я не сумею вам описать, так это зрелища, которое развертывалось вокруг меня в то время, как я парил в воздухе: это было море, беспредельное, бурное, мрачное, со светящимися там и сям точками; корабли, едва заметные, скользили по волнам; поднимались высокие утесы; порой до меня долетал какой-то громкий шум; я спускался ниже. Рев становился яснее и страшил меня; я снова поднимался к облакам, которые, как мне казалось, неслись с грохотом, гонимые ветром. Время от времени огромный, совершенно белый столб воды устремлялся кверху из морской глубины, и я чувствовал, как мне обдает пеной лицо; потом вдруг яркий свет разливался вдали, подо мной... Ах, говорил я себе, это морские молнии (!), открытые Галилеем... Они движутся не так быстро, как молнии воздушные, потому что вода тяжелее и ее труднее перемещать. При блеске этих молний я видел море, освещенное до самого дна; видел больших черных головастых рыб, медленно всплывающих на поверхность. Я говорил себе, что мне надобно броситься на них, потому что это — моя пища. Но я испытывал тайное отвращение, которое мешало мне это сделать... И потом они были чересчур велики. Вдруг я вижу, что море белеет и пузырится, как кипящая вода; вокруг меня распространяется розоватый отблеск... Это солнце встает, говорю я себе, скорее, бежим, оно всё сожжет. Но сколько я ни бросался в ту и другую сторону, всё становилось ярким, сверкающим, невыносимым для глаз; большие блестящие пузыри поднимались в воздух, я ощущал удушливую жару, мои перья начинали подпаливаться. Я вижу верхушку солнечного диска, захватившего весь горизонт и пылающего как горнило; меня охватывает нестерпимый страх — и я просыпаюсь. Было уже светло; я видел перед собою цвета зеленой ивы обои моей комнаты и не мог еще сообразить, где я нахожусь [2].

Но позволительно ли описывать сон так пространно? Вы станете смеяться надо мною и будете правы. Но, надо признать, материалом для описания Куртавнель не богат.

[б] жизнь есть сон, а сон есть жизнь (*исп.*).

Понедельник вечером.

Брат Фуже снова приходил сегодня обедать в Куртавнель. Право же он не глуп, а также и не очень скучен; тем не менее я нахожу, что вижу его слишком часто. Впрочем, полагаю, что он скоро покинет сии прекрасные места, как сказал бы бедный г-н Ги. Он ничего не делает, не имеет никакой профессии, и, невзирая на это, весь закоснел в предрассудках национальных, бонапартистских, литературных и судебных. Если бы по крайней мере он воспользовался своею независимостью, чтобы освободиться от всего этого хлама! Так нет же. Немец скорее бы это сделал. Беранже с полным основанием сказал:

Философ
С мелкой душонкой,
Твой глаз не может оторваться
От старого петуха на твоей старой колокольне [3].

Вторник.

Я только сегодня получил вашу записку вместе с письмом г-на Чорли, на которое поспешу ответить завтра же [4]. Verzeihung, Theuerste. Ich liege zu Ihren Füssen, und bitte mir auf den Nacken zu treten [в]. Передайте Виардо (я собираюсь ему написать также на этих днях), что охота откроется 25-го. Должен ли я что-либо предпринять, чтобы получить для него охотничий билет? В остальном всё обстоит благополучно, и я молю господа тысячу раз благословить вас и вернуть вас здоровою и невредимою во Францию.

Всё еще нет никаких известий о г-не и г-же Сичес. Прощайте. Будьте здоровы и счастливы...

Ваш
И. Тургенев.

122. Полине Виардо (с. 327)

С французского:

Куртавнель,
четверг, 16 августа 49.

Приветствую вас, милостивая государыня: guten Morgen, Liebe, Theuere! [а]

И действительно, они оба приехали вчера вечером. Я говорю о г-не и г-же Сичес. Я был очень рад их видеть. И притом у них был такой счастливый вид, они с таким радостным оживлением рассказывали мне кучу вещей, малейшие подробности их путешествия и особенно свадьбы [1]! Они показали мне портрет Леонара, который выглядит, по-моему, славным малым. Я заставил их рассказать, как они свиделись с м-ль Антонией, что они ей говорили, что она отвечала им; как встретились они в первый раз с г-ном Леонаром, что он сказал им, что они ответили ему, как он был одет, какая у него была в руке шляпа и как были одеты они, а затем дошли и до более важных подробностей свадебных приготовлений и т. д. и т. д.; они должны были описать мне всё; и они это делали, они повторялись

[в] Простите, дорогая. Склоняю голову к Вашим стопам и прошу наступить на нее (*нем.*).

[а] доброе утро, милая, дорогая! (*нем.*).

с упоением, они изображали манеру смотреть Леонара, звук его голоса, и я слушал их с истинным интересом, потому что счастие заразительно. В общем, я надеюсь, что всё это будет продолжаться так же хорошо, как началось. Сегодня поток превратился в ручей; мы всё еще говорим, но жила истощается.

М-ль Берта приезжает завтра с Луизой. Куртавнель начинает наполняться. Я уж не буду больше обедать один на один с собою.

Пятница.

Милостивая государыня! Позвольте мне принять торжественный тон, который был бы на уровне обстоятельств. Милостивая государыня! Ужасный бич, подобный тем казням египетским, о которых говорит *Св. Писание*[2], обрушился на «прекрасные места», в которых вы обитаете или, вернее, не обитаете. Он не застал нас врасплох: он и раньше часто угрожал нам... что я говорю? мы не раз испытывали действие его ударов... (ведь это прямо слог Расина). Но на сей раз жестокость его превзошла все самые мрачные ожидания, потрясла самые мужественные сердца и повергла всех вокруг в глубокое отчаяние. Милостивая государыня! Этот бич — красношейка или же красношейки, как вам будет угодно[3]. Ваше чувствительное сердце должно было это угадать. Милостивая государыня! В течение *одного* лишь часа ваша тетушка, которая, заметьте хорошенько, не выходила, сняла их пятьдесят, *cincuenta*, *fünfzig*, *fifty*[б], с лица и с шеи! Она нам их показала, мы их сосчитали. Она брала их платком по две, по три, по пяти! Тела наши представляют собою сплошную рану, подобно телу Ипполита[4] ... Я чешусь всеми десятью пальцами до крови! Надеюсь, что это долго не протянется. Это было бы слишком ужасно! Мы с нетерпением ожидаем м-ль Берту,— *para dar a comer a los hambrientos*[в], как говорит сеньор дон Пабло,— может быть, это даст делу иной оборот. Никогда еще это не было столь сильно. Лишь бы бешенство этих адских зверей было утолено до вашего приезда!

Брат г-на Фуже решительно *a bore*[г] (вы знаете, что означает это слово по-английски), и притом первоклассный. Он явился *терзать* меня в день приезда вашей тетушки. Ничего столь тяжеловесно самодовольного, столь претенциозно пустого, столь торжественно глупого никогда еще не существовало. Знаете ли вы эту гадкую улыбочку, которая хочет быть плутовской, а оказывается только натянутой, эту улыбочку, всю пропитанную самомнением, которая столь неизменно витает на устах самодовольных дураков? Ну, так эта улыбочка не покидает бледного лица этого господина. Что меня изумляет во всем этом, так это мое добродушие. Я целыми часами беседую с этим существом; я даже считал его *менее несносным*, чем это почувствовал... А еще есть люди, полагающие, что у меня сатирический ум. Вообразите, у него мания читать наизусть прозу. Мы говорили об описаниях... «Милостивый государь,— сказал он мне своим наставительным тоном,— всякое описание излишне, если оно не такое, как у Фенелона в „Телемаке“, где сказано: „Природа была лишь обширным садом“[5]. Обширным садом! Милостивый государь, обширным садом! Вот мысль новая, прекрасная, трогатель-

---

[б] пятьдесят (*трижды — исп., нем., англ.*).

[в] для того, чтобы накормить голодающих (*исп.*).

[г] надоедливый человек (*англ.*).

ная, которая так много говорит моей душе». И целые полчаса изверг не переставал повторять эту фразу, божественную, дивную и т. д. Что за несносное существо! Он, должно быть, родился в старом сыром погребе от старого паука и разбитой параличом жабы. Я представляю себе бога Скуки в виде покрытого пылью паука. Словом, пусть его съедят красношейки! Более жестокого пожелания я придумать не могу. Но, по-видимому, в Розе о них ничего не знают. Неужели они водятся только в Куртавнеле?

Суббота вечером.

М-ль Берта прибыла вчера вместе с Луизон: у Луизы вид превосходный, да и у м-ль Берты вид не такой уж болезненный. Девочка нам показывала свои награды и зеленую ленточку. Я нахожу, что у нее манеры немножко «мне на всё наплевать», но это образуется, потому что, в сущности, это милая и кроткая натура, несмотря на ее резкий смех. Садовник, ввиду прибытия всего этого народа, принялся понемногу за работу; Жан трет более чем когда-либо; вообще Куртавнель сейчас так весь и сияет. Но если не будет наведен порядок, то через две недели рвы обратятся в сплошную полосу черной тины. Не знаю, принадлежит ли садовник к красным, но он несомненно обладает тремя главнейшими пороками этой партии, к которой, впрочем, имею честь принадлежать и я; то есть он болтлив, ленив и ни на что не годен. Каким бы я был плохим садовником!.. Поразмыслив об этом, я собственно не знаю, кем бы хорошим мог я быть. Французское ли это выражение? Мне, честное слово, безразлично! Уже давно не получал я от вас письма! Это немного и по моей вине, но бог милостив. Bitte, bitte... [д]

Воскресенье.

Ничего нового со вчерашнего дня. Однако красношейки, по-видимому, начинают умерять свой пыл. Давно пора! Я стал, как говорит Аннибаль в «Авантюристке» [6], до такой степени безобразен в голом виде, что не решался раздеваться. Я катал дам в лодке; я сочинял песенки для Луизы. Итак, вы возвращаетесь к нам через две недели!

Идет почтальон, я должен отдать ему мое письмо... Вы делаете больше того, что обещали, ибо с тех пор вы получили уже два письма... Что делать! Подожду. Тысячу раз да благословит вас бог и да хранит он ваше здоровье. Весь ваш.

И. Т.

P. S.— Я напишу завтра Виардо. Зайчата подохли!

123. Луи и Полине Виардо (с. 329)

С французского:

Куртавнель,
20 августа 49.

Надо мне все-таки вам написать, мой дорогой Виардо, пока вы не вернулись в Куртавнель, что, надеюсь, произойдет в скором времени. Вас ждут здесь с большим нетерпением. Как мне сказал почтальон, охотничий билет для вас готов; дичи довольно много (особенно много перепелов), и Султан здоров. Куртавнель (дом) в полном порядке; к сожалению, не могу того же сказать о парке. Садовник, право же, непростительно небрежен; м-ль Берта содрогнулась от ужаса, увидав, как одичал, как запущен и засорен садик

[д] Пожалуйста, пожалуйста (*нем.*).

перед домом. Фруктов нет никаких; вся смородина почему-то внезапно исчезла, что меня очень огорчает за вас: вы ведь так ее любите. В конце концов, полагаю, вам бы следовало подумать о том, чтобы заменить этого собрата-республиканца. Г-н Жюльен просит вам передать, что тот небольшой домик (помните, у него такая дурная слава) продается и очень дешево. Он пишет еще о каком-то продающемся лесе; это в письме к м-ль Берте, которое, вероятно, прибудет сюда сегодня; впрочем, вы всё это устроите сами. Еще у вас беда с утечкой воды: так рвы скоро могут оказаться сухими; если бы вы прислали свои распоряжения, можно было бы сейчас же приступить к работе; не понимаю, почему во время очистки не переменили шлюзового щита; он стар и качается, как самый старый зуб самой старой колдуньи. Впрочем, воздух здесь так же чист и благотворен, вода так же хороша, как и прежде; если хотите потолстеть, приезжайте. Experto crede Roberto [1]. В один из ближайших четырех дней я съезжу ненадолго в Париж, чтобы привезти сюда мое ружье и другие необходимые вещи, а также Гоголя — для часов досуга. Мы переведем «Шинель», если вам угодно [2]. Я получил письмо из дому, вновь повергнувшее меня в полнейшую неуверенность относительно того, когда мне пришлют оттуда деньги [3]; но так как я еще не исчерпал полностью своих ресурсов (за время моего пребывания здесь я заработал по крайней мере 1000 франков), то могу с чистой совестью попросить вас одолжить мне 400 франков; мне эти деньги нужны, чтобы расплатиться здесь с кое-какими долгами. Буду вам признателен и постараюсь не очень опоздать с их отдачей. Кстати, с пятнадцатого числа нам больше не присылают «Le National» [4].

А как идут ваши дела в Лондоне? Недурно, надеюсь. Я хотел было просить вас подробно сообщить мне о вашем пребывании там, но думаю, что получу скоро возможность обратиться к вам с этой просьбой лично.

Засим дружески жму вам руку и остаюсь

совершенно вам преданный

И. Тургенев.

М-ль Берта не пишет вам, потому что она сейчас едет в Розо отдавать в починку тильбюри. Тысяча приветов всем.

Милостивая государыня!

Благодарю вас заранее за любезный *прием*
Который вы окажете моему *снегирю*
Он по этой причине раздуется от *гордости*
То, что он ест, это не *кервель*
Которым питается *косуля*
Эта пища вогнала бы его в *гроб*
Моего путешествия я уже на *пороге*
Завтра в 8 ч. утра, сидя как в *кресле*
Я покину Париж, погруженный в *траур*
О моем отсутствии; и тотчас по приезде я вам пошлю *сборник*
Впечатлений моего *глаза*
Эта последняя рифма неудачна, но я ручаюсь,
что даже ваш муж не найдет другую на *ейль*
Не прибегая к таким собственным именам, как *Отейль.*

До свидания через две недели и да благословит вас бог миллион раз!

Ваш
И. Тургенев.

124. Луи Виардо (с. 331)

С французского:

Куртавнель.
Четверг, 23 августа 49.

Вы, должно быть, уже знаете из газет, мой дорогой Виардо, что охотничий сезон открывается не 25-го. Могу вам сообщить точную дату; я узнал ее из официального источника, у г-на Блака, мэра Водуа: это — 2 сентября. Все-таки приезжайте как можно скорее, потому что в Куртавнеле стоит прекрасная погода. Г-жа Гарсиа приехала вчера из Брюсселя в добром здравии. М-ль Берта и Луизон здесь с пятницы. Я уже начал немецкие уроки с девочкой; ей надо позаняться и испанским, а то она его начинает забывать; вообще же она мила во всех отношениях и чувствует себя превосходно. Я бы хотел обратиться к вам с просьбой, но очень глупо, что я делаю это так поздно; впрочем, это только мимолетный каприз и, боюсь, лишенный здравого смысла. Мне бы хотелось иметь охотничью английскую собаку... и, если вам где-нибудь попадется такая, хорошо натасканная, привезите ее мне, это доставит мне большое удовольствие. Но, повторяю, это всего лишь глупость, а у вас будет множество дел в последние дни вашего пребывания в Лондоне. Куропаток в этом году в К⟨уртавнеле⟩ не особенно много, зато много перепелов.

«Musical World», который мы получаем регулярно, дает нам сведения обо всем, что делает и что собирается делать ваша супруга: в последнем номере помещена программа ее концертов в Ливерпуле [1]. Она доставила бы нам всем громадное удовольствие, если бы написала два слова о завтрашнем представлении «Д⟨он⟩-Жуана» [2]. Все здесь много о ней думают и искренне ей кланяются.

До скорого свиданья, дорогой друг, до свиданья на поле битвы между Жарриелем и Водуа [3].

Весь ваш
И. Тургенев.

125. Эмме Гервег (с. 332)

С немецкого:

Вот Вам билет на отпевание Шопена [1]. Будет исполнен «Реквием» Моцарта [2]. На этих днях я не мог к Вам прийти. Как Вы поживаете? Я по-прежнему очень плохо. Приветствую Вас сердечно.

Ваш
И. Тургенев.

Надо быть в церкви в половине двенадцатого.

127. Генри Чорли (с. 334)

С французского:

Париж, 6 ноября 49.

У меня было намерение написать вам на следующий же день после премьеры «Пророка» [1], дорогой господин Чорли, но я всего лишь добавил камень ко всем тем, которыми вымощена дорога в ад,— вы ведь знаете, говорят, она вымощена благими намерениями. Однако мне не хотелось искать в этом оправдания, и я пишу вам сегодня. Начну, пожалуй, с сообщений о нашем друге; она была

rather nervous [а] на премьере благодаря распространившемуся слуху о том, что ей хотят устроить скверный прием, дабы наказать за то, что она принимала участие в республиканском банкете в Лондоне [2]. Этот банкет, как вы хорошо знаете,— нелепая басня — но эти *добропорядочные* и *умеренные* господа не слишком-то требовательны, когда речь идет о том, чтобы оклеветать и оскорбить людей, которые не в состоянии себя защитить.— Г-жу Виардо приняли превосходно — и эти отважные господа не подали признаков жизни; однако страха, который она испытала, оказалось достаточно, чтобы не позволить ей до конца раскрыть свои возможности — и она по-настоящему стала сама собой лишь в 5-м акте. Но, начиная со второго спектакля, она предстала еще более блистательной, чем когда-либо. Вы, должно быть, читали в газетах, что она также пела «Реквием» Моцарта на похоронах бедного Шопена. В церкви Мадлен, к сожалению, не очень хорошая акустика или, пожалуй, уж слишком хорошая — звуки там смешиваются и теряются. Тем не менее она спела свою партию великолепно, в том церковном — простом и величественном — стиле, секретом которого она обладает. Траурная церемония вообще была очень красивой и трогательной. Это были не просто похороны — это было подлинное прощание с дорогим человеком. В церкви было множество женщин, и многие из них плакали под своими вуалями [б]. Оркестр сыграл «Марш» Шопена, печальный и жалобный; была также исполнена его маленькая прелюдия для органа, которая была бы еще более трогательной, если бы органист не злоупотреблял одним регистром, так называемым «человеческим голосом», который, что бы там ни говорили, является просто фиглярством, недостойным такого величественного инструмента, как орган; если своим гнусавым дрожанием он действительно напоминает человеческий голос, то скорее всего — голос старухи [3]. Кстати, ваша статья о Шопене в «Athenæum» доставила мне большое удовольствие: мне кажется, трудно проявить одновременно бóльшую симпатию и бóльшее чувство справедливости; вот именно так и следует говорить об ушедших [4].

Вы, вероятно, знаете, что сейчас собираются поставить «Гугенотов» с Роже [5].— Надо признаться — между нами — Роже сдает прямо на глазах; слушать его становится просто тягостно. Голос его тяжелый, надломленный; он уже не может петь piano [в]; переход от одной ноты к другой идет с надрывом; одним словом, голос у него натруженный, как ноги заезженной лошади, которая не может больше идти даже шагом [г]. Он будет хорош в «Гугенотах» — по сравнению с другими; однако же, несомненно, он не великий актер, несмотря на всю его самоуверенность, и жесты, и мимику — кто-то сравнил его манеру игры с витриной модного магазина.

Возвращаясь к г-же Виардо, скажу вам, что чувствует она себя хорошо и находится in *high spirits* [д] — в состоянии деятельной и вдумчивой веселости,— такая, какой вы ее знаете.— Нынче она в трауре: умерла одна из сестер Виардо [6].— Вы знаете, что в апреле

[а] слегка нервна (*англ.*).

[б] *Далее зачеркнуто*: Орган.

[в] тихо (*итал.*).

[г] *Далее зачеркнуто*: Однако он

[д] в превосходном настроении (*англ.*).

в мае г-жа В⟨иардо⟩ отправляется в Берлин петь «Пророка» [7].— Мы прочли с ней в деревне много из «Vanity Fair» [е]. Это хорошая вещь, сильная и мудрая, очень остроумная и оригинальная. Но зачем понадобилось автору поминутно возникать между читателем и героями и с каким-то прямо-таки старческим *self-complacency* [ж] пускаться в рассуждения, которые большей частью настолько же бедны и плоски, насколько [з] мастерски обрисованы характеры. Г-н Теккерей— это замечательный ум, он многое увидел и предвидел; у него прекрасные данные для писателя. Но если талант его велик, то приемы мелки и порой немощны. Ему надо от них освободиться, чтобы занять то положение, к которому призывают его столь редкие и столь гармоничные качества, дарованные ему Природой.

Успех «Пророка» неописуем. Вчера в понедельник (я вам пишу во вторник) мне так и не удалось найти себе местечка. Решительно, опера вновь вошла в моду.

Надеюсь, мы будем иметь удовольствие видеть вас здесь зимой; мы все на это рассчитываем.— Благодарю вас за упоминание обо мне в ваших письмах к г-же Виардо; поверьте мне, я придаю огромное значение вашей дружбе, если позволите мне употребить это слово. Доброго вам здоровья и поменьше *troubles* [и]; примите это сердечное пожелание и искреннее рукопожатие от

совершенно вам преданного

И. Тургенева.

Улица и гостиница Пор-Магон, № 9.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

9. В контору Штиглица (с. 345)

С французского:

Прошу контору г-на барона Штиглица [1] отправить половину тех двух тысяч рублей, которые я препровождаю, т. е. тысячу рублей асс⟨игнациями⟩, в распоряжение г-на *Арнольда Руге* в Дрезден, другая тысяча рублей должна быть отослана в распоряжение г-на *Михаила Бакунина* в Цюрих [2]. Я прошу также контору вручить подателю сего вторые векселя, т. е. копии тех двух векселей, которые я прошу послать. Одновременно считаю своим долгом известить контору, что я рассчитываю в очень скором времени уплатить 150 экю с процентами, которые я должен г-ну Шиклеру в Берлине, и 350 экю, которые я должен г-ну русскому послу в Берлине [3]. Я не давал векселя г-ну послу; но я выдал таковой г-ну Шиклеру и думаю, что он находится в конторе г-на барона. Если это так, то я прошу контору удержать этот вексель в течение нескольких дней, которые пройдут до окончательной уплаты.

Сего 21 июля ст. ст. 1843. И. Тургенев.

[е] «Ярмарки тщеславия» (*англ.*).

[ж] самодовольством (*англ.*).

[з] *Далее зачеркнуто*: рассказ и

[и] хлопот (*англ.*).

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый том писем И. С. Тургенева содержит 130 писем за 1831—1849 годы и 15 документов за тот же период, отнесенных в раздел «Официальных писем и деловых бумаг»,— всего 145 эпистолярных текстов, обращенных к 43 адресатам. 134 из них печатаются по автографам (либо фотокопиям), находящимся в различных советских и зарубежных архивохранилищах и частных собраниях коллекционеров. 11 писем, подлинники которых утрачены или пока не обнаружены, печатаются по авторитетным публикациям и копиям.

11 писем, известных до сих пор по неполным публикациям, в настоящем томе впервые публикуются полностью (№ 64, 79, 81, 82, 85, 91, 97, 109, 110, 113, 118).

Впервые включаются в Полное собрание писем И. С. Тургенева 4 эпистолярных текста, опубликованные в СССР («Официальные письма и деловые бумаги» № 6) и за рубежом (№ 72, 89, 127) уже после выхода в свет его первого издания.

Сведениями о других письмах Тургенева, которые в соответствии с хронологией могли бы войти и не вошли в настоящий том полного собрания его писем, редакция не располагает. Однако можно с полной уверенностью сказать, что во всем эпистолярном наследии Тургенева письма за период, охватываемый настоящим томом, представлены наименее полно. В различного рода мемуарных, эпистолярных и других источниках засвидетельствовано существование свыше 120 писем Тургенева, судьба которых остается неизвестной. Большая часть этих писем, по всей вероятности, утрачена навсегда.

Не сохранилось ни одного письма Тургенева к родителям. Между тем он переписывался и с отцом и с матерью. 125 писем В. П. Тургеневой к сыну, находящихся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, говорят о том, что юноша Тургенев переписывался с ней и в годы жизни в Петербурге, и во время поездок за границу.

Случайно сохранившиеся пять писем Тургенева к его дяде Н. Н. Тургеневу, писанные в 1831 году, когда будущему писателю шел тринадцатый год, представляют, несомненно, лишь малую часть его писем, обращенных к дяде, за многие годы их систематической переписки.

Почти неизвестны письма Тургенева за период пребывания и учения в Германии как к русским, так и в особенности к немецким друзьям (сохранившиеся немногие их письма к нему или упоминания о письмах вызывают уверенность в том, что письма к ним Тургенева существовали).

Далеко не полностью дошли до нас письма к М. А. Бакунину и к его братьям и сестрам, письма к Белинскому; неизвестны письма 40-х годов к В. П. Боткину, письма тех же лет к Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву.

Из обширной переписки Тургенева с Полиной Виардо, ее мужем и другими членами ее семьи нам известна часть его писем к ней и к Луи Виардо, но ни одного письма к ее матери и другим родственникам.

Не обнаружено ни одного письма Тургенева к французскому композитору Ш. Гуно, с которым Тургенев переписывался в конце 40-х годов. Ставшее недавно известным письмо Тургенева к английскому критику Г. Чорли (№ 127) было не единственным в их переписке.

Возможно предположить существование и других, пока не установленных корреспондентов Тургенева.

Девятнадцатилетний период жизни писателя, охваченный материалом настоящего тома,— 1831—1849 годы — начинается его отрочеством и юностью, когда он учится сначала дома, потом в университете — Московском, а затем Петербургском. По окончании последнего он отправляется в Германию, чтобы довершить свое философское образование, и, возвратившись оттуда, сдает экзамены на степень магистра философии в Петербургском университете. Философские интересы доминируют и в его переписке с Бакуниными, наиболее значительной в начале 40-х годов. К этому периоду относятся его первые литературные опыты — стихотворения, критические статьи, поэмы. Издание «Параши» (1843) совпадает с важной вехой на его пути — знакомством и сближением с Белинским. В том же 1843 году происходит и другое большое событие в жизни Тургенева — его встреча с Полиной Виардо.

В середине 40-х годов под влиянием Белинского, под воздействием наблюдений над русской жизнью, полной глубоких противоречий, порожденных крепостным строем, складывается атеистическое, близкое к материализму, мировоззрение Тургенева, его антикрепостнические взгляды. От философии Гегеля он переходит к учению Фейербаха. Живя за границей с 1847 года, он воспринимает некоторые стороны утопического социализма Сен-Симона и Фурье и демократические настроения кружка Виардо — Жорж Санд.

С конца 1846 г. он является одним из инициаторов, а затем и основных сотрудников обновленного «Современника» — органа демократической мысли во главе с Белинским и Некрасовым. Здесь он печатает один за другим рассказы из «Записок охотника» и тем самым становится в первый ряд молодых русских писателей, учеников Гоголя, последователей Белинского, сторонников и творцов «натуральной школы». В конце 40-х годов Тургенев становится автором и таких значительных драматургических произведений, как «Нахлебник» и «Холостяк», работает над «Месяцем в деревне» и целым рядом других своих пьес, повестей и рассказов. В середине 1850 года он вернется в Россию уже известным и авторитетным писателем.

Тексты писем первого тома подготовили к печати и примечания к ним составили: *Р. М. Алексина* («Официальные письма и деловые бумаги» 6); *А. И. Батюто* (1—5, 7—18, 20—24, 27, 28, 30, 35, 37, 38, 40—50, 52, 53, 57—60, 66, 69—71, 73, 74, 76, 95, 99—101, 105, 119, 126, 128—130, «Официальные письма и деловые бумаги» 1—5, 7—15); *Т. П. Голованова* (19, 67); *Н. В. Гужиева* (26, 29, 31—33, 36); *Т. П. Ден* при участии *Г. А. Тиме* (6, 34, 39, 86, 92, 94, 98, 125); *А. Звигильский* при участии *Н. П. Генераловой* — тексты, *А. Звигильский* и *Н. В. Измайлов*, при участии *Н. П. Генераловой* и

В. Е. Свиясова — примечания (54, 56, 61—65, 75, 77—85, 87, 88, 90, 91, 97, 102—104, 106—118, 120—124); *Л. И. Кузьмина* (25); *Л. Н. Назарова* (51, 55, 68, 93, 96); *А. С. Розанов* при участии *Е. В. Свиясова* (72, 89); *П. Уоддингтон* при участии *Е. М. Лобковской* (127).

Аннотированный указатель личных имен и названий периодической печати составлен *Е. В. Свиясовым* при участии других составителей тома. Указатель мест пребывания Тургенева с 1831 по 1849 год составлен с учетом сведений, содержащихся в I томе «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», подготовленном к печати Н. С. Никитиной.

Французские тексты и переводы печатаются под наблюдением *Н. Н. Тетеревниковой*; немецкие — *Р. Ю. Данилевского*; испанские — *В. Е. Багно*; итальянские — *Р. М. Гороховой*.

В подготовке тома к печати принимали участие *Е. М. Лобковская* и *Т. Б. Трофимова*.

Редакторы тома: *М. П. Алексеев*, *П. Р. Заборов*, *Н. В. Измайлов*.

Редакция выражает глубокую благодарность парижской Национальной библиотеке, которая при содействии ныне покойного профессора А. Гранжара предоставила в распоряжение издания фотокопии с подлинников писем Тургенева, принесенных в дар библиотеке внучкой П. Виардо г-жой М. Мопуаль, Центральному институту истории литературы Академии наук ГДР, слависты которого (проф. Г. Цигенгайст, д-р К. Леман-Щульце и др.) оказывали помощь в комментировании писем.

Полноте и достоверности издания содействовали и отдельные ученые-тургеневеды как в Советском Союзе, так и за его пределами. Поистине неоценимую помощь изданию оказал известный французский тургеневед, доктор филологии А. Звигильский,— президент основанного им в 1977 году в Париже Общества друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран,— который взял на себя труд подготовить для издания по имеющимся в его распоряжении фотокопиям с автографов письма Тургенева к Виардо, а также сообщил ряд ценных сведений для их комментирования. Новозеландский ученый славист профессор П. Уоддингтон, автор ряда работ о Тургеневе, подготовил для издания его письмо к Г. Чорли. Московский тургеневед Н. М. Чернов, на протяжении многих лет плодотворно работающий в области изучения биографии Тургенева, существенно дополнил комментарии к письмам писателя материалами своей богатой тургеневской картотеки (описание ее, изданное ограниченным тиражом, имеется в архиве *ИРЛИ*).

Всем названным ученым редакция издания выражает свою глубокую признательность.

1. Н. Н. Тургеневу (с. 119)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон № 2, ед. хр. 160.

Впервые опубликовано: *ГБЛ*, *Записки*, вып. 18, с. 330—332.

Датируется на основании следующих данных. С 1829 по 1833 г. Тургенев жил в Москве, готовясь к поступлению в университет. Комментируемое письмо и следующие четыре написаны в этот период. Год написания — 1831 — определяется по проставленным Тургеневым дням недели.

Стр. 120. «Есть ли у вас книга, из которой вы перевели» (*нем.*).
Стр. 120. «Честолюбие» (*франц.*).

[1] Слова Самозванца о Марине Мнишек из трагедии Пушкина «Борис Годунов», сцена «Ночь. Сад. Фонтан».

[2] Только слова «наконец устал» являются цитатой (см. басню И. А. Крылова «Ларчик»).

[3] Цитата из III песни поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» (стихи 274—275).

[4] Имеются в виду территориальные войска, служба в которых представляла собой периодические кратковременные учебные сборы. Н. Н. Тургенев в это время уже не находился на действительной службе и был штаб-ротмистром в отставке.

2. Н. Н. Тургеневу (с. 121)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон № 2, ед. хр. 160.

Впервые опубликовано: *ГБЛ*, *Записки*, вып. 18, с. 332—334.

Датируется на основании данных, указанных в примечании к письму 1

Стр. 122. «Вы останетесь сегодня без чая» (*франц.*).
Стр. 122. «Память» (*франц.*).
Стр. 122. «Что мне за дело! эти удары снизу вверх не остановят меня на моем пути!..» (*франц.*).

[1] Тургенев приводит цитату из речи Мирабо, произнесенной в Национальном собрании 22 мая 1790 г. В этой и в ряде других речей Мирабо настаивал на том, что право объявления войны и мира должно принадлежать одновременно и королю, и всей нации (см.: Œuvres de Mirabeau. Discours et opinions. Paris, 1825. T. II, p. 183, 187).

[2] Тургенев имеет в виду отрицательный отзыв о книге стихов М. А. Дмитриева (Стихотворения Михаила Дмитриева. 2 части. М., 1830), помещенный в № 4 «Московского телеграфа» за 1831 г., и сравнительно положительный в № 3 «Телескопа» за тот же год.

[3] Речь идет о рецензиях «Московского телеграфа» (1830, № 21) и «Телескопа» (1831, № 1) на переводы А. Г. Ротчева (Макбет. Трагедия Шекспира. СПб., 1830; Гернани, или Кастильская честь. Трагедия В. Гюго. СПб., 1830).

[4] О произведении какого автора идет речь, не установлено.

[5] Стихи из «Послания к Воейкову» В. А. Жуковского (1814). Вторая строка процитирована неточно. У Жуковского: «Бегущи с ревом водопады». Впоследствии, говоря о своей встрече с Жуковским в 1834 г., Тургенев отмечал: «Уже тогда Жуковский как поэт потерял в глазах моих прежнее значение» («Литературные и житейские воспоминания. III. Гоголь»). Настоящее письмо написано в период кратковременного увлечения Тургенева поэзией Жуковского.

3. Н. Н. Тургеневу (с. 124)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон № 2, ед. хр. 160.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 5, с. 250—252.

Датируется на основании данных, указанных в примечании к письму 1.

Стр. 124. «Тщеславный человек» (*франц.*).

[1] Неточная цитата из «Послания к Воейкову» В. А. Жуковского. Пятый стих у Жуковского читается: «Но дни в аулах их бредут».

[2] Письма С. Н. Тургенева к сыновьям за 1831 г. неизвестны.

[3] Цитата из баллады Шиллера «Der Taucher» («Водолаз») в переводе И. Покровского; более известна в переводе Жуковского под названием «Кубок». Перевод Покровского был напечатан в «Сыне отечества» (1820, ч. 62, кн. XXI, с. 83—89); Тургенев знал его, вероятно, по перепечатке в хрестоматии «Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности» (СПб., 1821, ч. 1, с. 97—103). Процитированные два стиха Тургенев перерабатывает соответственно той картине ледохода, которую наблюдал на Москве-реке.

[4] Далее следует малограмотная приписка Н. Н. Тургенева: «Жаль, что дурно пишит. Я с трудом разбираю и трушу отца, он будит недоволен». Отец писателя, прививая своим детям любовь к русскому языку, следил за тем, чтобы они правильно писали. Так, 25 августа 1830 г. он писал сыновьям: «Вы всё мне пишете по-французски или по-немецки,— а за что пренебрегаете наш природный? Если вы в оном очень слабы, это меня очень удивляет. Пора! Пора! Уметь хорошо не только на словах, но и на письме объясняться по-русски — это необходимо. И для того вы можете писать ваши журналы следующим образом: понедель‹ник› по-францу‹зски›, вторник по-немецки, середа по-русски и так далее в очередь». И в другом письме: «Прошу вас более писать по-русски» (К л е м а н М. К. Русский язык и литературные интересы в семье Тургенева.— *Лит Мысль*, т. 2, с. 224). Из приведенных отрывков видно, что идея писать письма в форме «журнала» была внушена мальчику Тургеневу отцом и что они писались уже в 1830 г. Однако письма эти до нас не дошли.

4. Н. Н. Тургеневу (с. 127)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон № 2, ед. хр. 160.

Впервые опубликовано: *ГБЛ*, *Записки*, вып. 18, с. 336—338.

Датируется на основании данных, указанных в примечании к письму 1.

Стр. 127. Пою того героя, который царил над Францией
И по праву завоевания, и по праву рождения, и т. д. (*франц.*)

[1] «Генриада» — поэма Вольтера (1728). Тургенев цитирует далее ее начало.

[2] Стихи из «Послания к Воейкову» В. А. Жуковского. Первая строка приведена неточно. У Жуковского: «С смиреньем отдал ты поклон».

[3] Запись неправильно датирована Тургеневым февралем вместо апреля.

[4] Тургенев не совсем точно цитирует одну из последних фраз повести А. А. Бестужева-Марлинского «Изменник» (1825): «С содроганием открыл он глаза, затекшие кровию».

5. Н. Н. Тургеневу (с. 129)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон № 2, ед. хр. 160.

Впервые опубликовано: *ГБЛ*, *Записки*, вып. 18, с. 338—339.

Датируется на основании данных, указанных в примечании к письму 1.

[1] В действительности — 7 апреля.

[2] Сын Дубле был владельцем конфетного магазина в Москве. (Сообщено Н. М. Черновым.)

[3] По-видимому, это — шутливое обозначение отсутствия уроков.

[4] Цитата из оды Г. Р. Державина «Водопад» (1791—1794).

6. Н. С. Тургеневу (с. 131 и 351)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 91, л. 2.

Впервые текст и перевод опубликованы: Посев. Одесса — Поволжью. Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одесса, 1921, с. 87—88.

Письмо является припиской к письму С. Н. Тургенева Н. С. Тургеневу, которое помечено: «Москва, 1834-го года 25 февраля».

[1] Н. С. Тургенев в конце 1833 г. определился в Петербургское артиллерийское училище. Письмо его, о котором упоминает Тургенев, написано 20 февраля (4 марта), получено 25 февраля (9 марта). Н. С. Тургенев жаловался в нем на чрезмерную строгость в училище.

[2] В. П. Тургенева в это время собиралась для лечения за границу, поручив наблюдение за сыновьями С. Н. Тургеневу. Отъезд ее, затянувшийся из-за оттепели, состоялся в мае 1834 г. (см. письма С. Н. Тургенева к Н. С. Тургеневу: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1286).

[3] Тургенев, по-видимому, имеет в виду книгу профессора Иенского университета О. Вольфа: W o l f f O. L. B. Die schöne Litteratur Europa's. Vorlesungen gehalten vor einer gebildeten Versammlung. Leipzig, 1832. Эта книга была позднее переведена Н. Лавдовским под названием «Чтения о новейшей изящной словесности» (М., 1835).

7. С. М. Фиглеву (с. 132)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р.III, оп. 1, № 2033.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 3, с. 171—172, с ошибкой в дате (вместо 27 ноября напечатано: 28 ноября).

8. А. В. Никитенко (с. 133)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 18718, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1896, № 12, с. 588—589.

[1] Речь идет о драматической поэме «Сте́но», написанной в 1834 г. и впервые опубликованной только в 1913 г. (*Гол Мин*, 1913, № 8). Отзыва Никитенко об этом произведении не сохранилось. Об отношении Никитенко к Тургеневу см. в статье М. П. Алексеева, предпосланной письмам Тургенева к Никитенко (*Лит Арх*, т. 4).

[2] Возможно, свою поэму Тургенев давал на отзыв Плетневу не «с год тому назад», как он здесь пишет, а позднее — в самом конце 1836-го или в начале 1837 г. (см. «Литературные и житейские воспоминания. I. Литературный вечер у П. А. Плетнева».— Наст. изд., Сочинения, т. 11).

[3] Можно предполагать, что одно из ранних стихотворений Тургенева «Старый помещик» является переработкой или отрывком этой несохранившейся поэмы (подробнее об этом см.: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 446).

[4] По-видимому, речь идет о «триумвирате» Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского (см.: Г р у з и н с к и й А. Е. И. С. Тургенев. Личность и творчество. М., 1918, с. 21). Произведение «Наш век» до нас не дошло; возможно, оно было только начато.

[5] М. П. Вронченко перевел «Гамлета» и «Макбета» Шекспира, «Манфреда» Байрона, «Фауста» Гёте (впоследствии Тургенев дал строгую оценку перевода «Фауста» в специальной статье о нем — см. наст. изд., Сочинения, т. 1). «Короля Лира» Вронченко не переводил, и Тургенев, сопоставляя его и свои переводы трагедий Шекспира, имел в виду не то или иное конкретное произведение, но вообще переводы Шекспира, исключительные по трудности.

[6] Речь идет о переводе И. И. Панаева: Отелло, венецианский мавр. Драма в пяти действиях Шекспира. Перевод с английского Ив. П—ва. СПб., 1836.

[7] Эти произведения до нас не дошли.

[8] Обещание, данное Тургеневым Плетневу, вскоре было выполнено (см. «Литературные и житейские воспоминания. I. Литературный вечер у П. А. Плетнева»).

[9] О какой драме пишет Тургенев, неизвестно.

9. Г. С. Дестунису (с. 134)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 82, л. 1—2. Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 3, с. 180.

[1] Здесь и в следующих трех письмах речь идет о тетрадях с записями лекций профессоров, по которым студенты готовились к экзаменам.

[2] Тургенев имеет в виду трагедию Софокла «Эдип в Колоне».

10. Г. С. Дестунису (с. 135)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 82, л. 3. Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 3, с. 181, с предположительной датировкой — конец апреля ст. ст. 1837 г.

Датируется по сопоставлению с письмами Тургенева к Дестунису от 21 апреля (3 мая) и 2 (14) мая 1837 г. В первом их них, говоря об упоминаемой в настоящем письме шестой тетради, Тургенев обещает вернуть ее «непременно к воскресению», которое в 1837 г. приходилось на 25 апреля ст. ст. В письме от 2 (14) мая говорится уже о следующей, седьмой тетради. Таким образом, настоящее письмо написано не ранее 25 апреля (7 мая) и не позднее 2 (14) мая 1837 г.

11. Г. С. Дестунису (с. 135)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 82, л. 4—5. Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 3, с. 182.

[1] В это время М. С. Куторга был адъюнктом всеобщей истории в Петербургском университете.

12. Г. С. Дестунису (с. 136)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 82, л. 6—7. Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 3, с. 182.

13. С. М. Фиглеву (с. 136)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 34, л. 3. Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 3, с. 172—173.

[1] Жена С. М. Фиглева, умерла 24 марта (5 апреля) 1836 г.

[2] Сын С. М. Фиглева, умер 18 (30) ноября 1836 г. Сохранилась написанная Тургеневым его характеристика, озаглавленная «Михайла Фиглев», датируемая 1835 г. или началом 1836 г. (см. наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 402—403).

[3] Незадолго до этого Тургенев отдавал свои поэтические произведения на отзыв Плетневу и Никитенко (см. письмо 8). Отсюда надежда на скорое их напечатание.

14. А. В. Никитенко (с. 137)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 18718, л. 3. Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1896, № 12, с. 589.

[1] В журнале заседания Первого отделения Философского факультета 24 июня (6 июля) 1837 г. отмечено: «Действительный сту-

дент Тургенев, выпущенный из университета с сею степенью в прошлом году, с разрешения совета посещавший целый год лекции третьего курса и оказавший на нынешнем испытании везде отличные или очень хорошие успехи, удостоивается степени кандидата» (Сухомлинов М. И. И. С. Тургенев. СПб., 1884, с. 4). Как видно из этого документа, Тургенев получил степень кандидата еще до сдачи последнего экзамена, отложенного не по его вине. См. также Офиц. письма и делов. бумаги, № 5.

[2] Ректором Петербургского университета в это время был профессор И. П. Шульгин. Донесение, о котором пишет Тургенев, не сохранилось.

15. С. М. Фиглеву (с. 139)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 34, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 3, с. 173—176.

[1] Речь идет об А. Н. Теплове.

[2] Тургенев выехал в Берлин 15 (27) мая 1838 г.

[3] Тургенев успешно экзаменовался на степень магистра философии при Петербургском университете в апреле и мае 1842 г. (см.: *Лисовский*, *Материалы*, с. 4—9; наст. том, письма 44—47).

[4] Н. Н. Тургенев.

[5] Н. С. Тургенев служил в это время в гвардейской конной артиллерии (см. «Автобиографию» И. С. Тургенева).

16. Т. Н. Грановскому (с. 141)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 345, ед. хр. 5, л. 93—94.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 172—175.

Стр. 141. буквально (*франц.*).
Стр. 141. «лишение невинности» (*лат.*).
Стр. 142. шутку *Бойерле* «Заколдованный принц» (*нем.*).
Стр. 142. чудовище божества у восточных народов (*нем.*).
Стр. 142. «Она умеет так мило носиться по кругу — И нагибается, и изгибается, и протягивает ему букет» (*нем.*).
Стр. 142. дыра (*нем.*).
Стр. 143.

1. Да, от октавы к октаве, в боге, высшем очаге,
2. Всякое развитие триединства,
3. Перед взором, развивая призму в теорему,
4. Освобождает, в порыве своей деятельности,
5. Элементарную гамму семи огненных кривых!

(*франц.*).

Стр. 143. «от пробуждения я никогда не перехожу к действию» (*нем.*).
Стр. 143. недоносок (*нем.*).
Стр. 143. основание (*нем.*).
Стр. 143. сущность (*нем.*).
Стр. 143. предвкушение (*франц.*).
Стр. 143. умозрительные радости (*нем.*).
Стр. 143. становление, бытие, сущность (*нем.*).

[1] Возможно, это то самое письмо Т. Н. Грановского к Тургеневу, от которого сохранился только клочок с несколькими фраза-

ми: «Вот Вам пока несколько слов, любезнейший Иван Сергеевич. Третьего дня приехал я в Зальцбрунн, после довольно неприятного путешествия. На другой день после отъезда из Берлина у меня разболелась грудь» и т. д. (*ГИМ*, 10/58). Летом 1839 г. Грановский как раз находился в Зальцбрунне. Упоминание об этом письме есть в его письме к Тургеневу от 17 июня н. ст. 1839 г.: «Я надеюсь, что первое мое письмо получено Вами» (*ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1269).

[2] Станкевич заехал в Берлин повидаться с друзьями и посоветоваться с местными врачами о выборе места (Зальцбрунн, Эмс или Крейтц) для лечения туберкулеза легких, которым он страдал. См. письма его к Т. Н. Грановскому от 2 (14) июня 1939 г. и к родителям от 14 (26) июня 1839 г. (*Станкевич*, *Переписка*, с. 101, 476—478).

[3] Н. В. Станкевич, по предписанию врачей, приехал в Зальцбрунн в конце июня ст. ст. 1839 г. (см.: *Станкевич*, *Переписка*, с. 103, 105).

[4] Письмо В. П. Тургеневой от 6 (18) мая 1839 г. с подробным описанием пожара в Спасском 1 (13) мая 1839 г. опубликовано И. М. Малышевой в статье «Письма матери (Из неизданной переписки В. П. Тургеневой с сыном)»: *Т сб* (*Пиксанов*), с. 44—48. О пожаре спасского дома см. также: *Житова*, с. 32—36.

[5] Ремонт — закупка лошадей для воинской части; его поручали, как правило, офицерам из состоятельных семей, так как он был связан со значительными личными расходами.

[6] Неточная цитата из стихотворения Н. М. Языкова «Водопад» (1830); у Языкова:

Мирно гибели послушный,
Убрал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело.

[7] В письме к Тургеневу Грановский писал: «Прилагаемое письмо прошу Вас передать Станкевичу, если он в Берлине, или переслать ему, если он уже выехал» (*ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1269). Это письмо Грановского к Станкевичу неизвестно.

[8] В «Автобиографии» Тургенева есть положительный отзыв о Л. Ранке. Упоминаемая в письме его работа полностью вышла в течение 1839—1847 гг. Три тома ее (Ranke L. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Berlin, 1839. Bd. I—II; Berlin, 1840. Bd. III) сохранились в личной библиотеке писателя (Государственный музей И. С. Тургенева, Орел).

[9] Речь идет о первом томе пятитомной истории Чехии Франтишека Палацкого. Том вышел в 1836 г. на немецком языке под названием «История Богемии» (Palacky Franz. Geschichte von Böhmen. Grossentheils nach Urkunden und Handschriften. Prag, 1836. Bd. I).

[10] Тургенев пишет о втором томе труда Ф. Штраля (Strahl Philipp. Geschichte des russischen Staates, 1—2. Hamburg, 1832—1839).

[11] Брошюра К. Л. Мишле «Schelling und Hegel», в которой он защищал философию Гегеля, вышла в Берлине в 1839 г.

[12] «Жан из Парижа» — комическая опера Ф.-А. Буальдье на текст К. Сен-Жюста; впервые поставлена в 1812 г.

[13] «Роберт-Дьявол» — опера Дж. Мейербера, текст Э. Скриба и К. Делавиня.

[14] Далее Тургенев делится своими впечатлениями об опере-балете «Бог и баядера», написанной Д. Обером на текст Скриба в 1830 г. В России она часто ставилась в 30—40-х годах под названием «Влюбленная баядерка».

[15] Неточная цитата из 26-го письма «Писем об эстетическом воспитании человека» Ф. Шиллера. У Шиллера: «Das göttliche Monstrum des Morgenländers» («Божественное чудовище восточных стран»).

[16] Цитата из баллады Гёте «Бог и баядера».

[17] Книга Ш. Тёрнера «The History of the Anglo-saxons from the earliest period to the norman conquest» вышла в свет в Лондоне в 1799 г.

[18] Драма А. Г. А. Мюльнера «Der König Ingurd» написана в 1817 г., драма «Schuld» («Вина») — в 1816. По поводу первой Грановский писал Тургеневу 5 (17) июня 1839 г.: «Да, читали Вы Мюлнерова „König Ingurd"? Я прочел здесь со скуки; драма дрянь, но есть чудные ⟨стихи?⟩» (*ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1269; письмо повреждено).

[19] Трагедия «Сапфо» написана и вышла в свет в 1818 г. Рецензия Л. Бёрне («Сапфо. Трагедия Грильпарцера») была напечатана тогда же в «Dramaturgische Blätter» — приложении к журналу Бёрне «Die Wage» 1818—1819 гг. (см.: L. Börne's Gesammelte Schriften. Hamburg; Frankfurt a. Main, 1862, Bd. 5, S. 5—16).

[20] Роман Э. Сувестра «Человек и деньги» был издан в 1839 г.

[21] Речь идет о романе «Крылья Икара» Ш. Бернара. Тургенев к этому времени мог прочесть первые шестнадцать глав его, которые печатались в «Journal des Débats» в апреле — июне 1839 г.

[22] Поэма Р. Брюкера была напечатана в «Journal de Paris» 1839 г.

[23] В Россию Тургенев вернулся в конце августа ст. ст. 1839 г.

17. Т. Н. Грановскому (с. 143)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 345, ед. хр. 5, л. 95—96.

Впервые опубликовано в отрывке (где идет речь о чтении Гоголем «Мертвых душ»): *Лит Насл*, т. 58, с. 576; полностью: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 175—178.

Стр. 144. клику (*франц.*).
Стр. 145. сильные ощущения (*франц.*).
Стр. 145. лицо кредитора всегда неприятно (*франц.*).

[1] Гоголь приехал в Петербург 30 октября ст. ст. 1839 г. в связи с тем, что в это время его сестры окончили Патриотический институт, и жил сначала у П. А. Плетнева, а потом у В. А. Жуковского. Во второй половине декабря ст. ст. 1839 г. он уехал в Москву и только во второй половине мая 1840 г. отправился за границу (см.: *Гоголь*, т. 11, с. 260, 268, 283).

[2] Речь идет о «Мертвых душах».

[3] С. А. Плетнева умерла в апреле 1839 г. В «Литературных и житейских воспоминаниях» («I. Литературный вечер у П. А. Плетнева») Тургенев говорит о ней как об «уже немолодой даме, болезненного облика и очень молчаливой».

[4] Тургенев с конца 30-х годов изредка посещал «пятницы» А. В. Никитенко. Перечисляемые им лица были университетскими товарищами Никитенко, сохранившими тесные дружеские связи и после окончания в 1828 г. университета.

[5] Ежемесячный журнал «Пантеон русского и всех европейских театров» издавался в течение двух лет (1840—1841) В. П. Поляковым, под редакцией Ф. А. Кони. В нем помещались главным образом переводные и русские драматические произведения, а также статьи по истории театра. Ф. А. Кони был не только редактором, но и деятельным автором этого издания. Сотрудничество Тургенева в «Пантеоне» не состоялось.

[6] По-видимому, перефразировка двух последних строк из главы VI «Евгения Онегина». У Пушкина:

В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья!

[7] В. Ф. Одоевский сотрудничал в журнале А. А. Краевского «Отечественные записки».

[8] Н. А. Полевой в это время был неофициальным редактором «Сына отечества».

[9] Цитата из «Евгения Онегина» (гл. VII, строфа XLV).

[10] Гёте писал «Римские элегии» в 1790 г., по возвращении из Рима в Веймар. В 1846 г. в «Петербургском сборнике», изданном Н. А. Некрасовым, Тургенев поместил свой перевод одной из «Римских элегий» (XII).

[11] Драма З. Вернера «Крест на Балтийском море» написана в 1806 г.

[12] По всей вероятности, имеется в виду А. Н. Драшусов, который в 1836 или 1837 г. был отправлен за границу для совершенствования в науках, пробыл там около двух с половиной лет и по возвращении занял в Московском университете кафедру астрономии. Тургенев и Грановский могли встречаться с Драшусовым в Берлине, где они одновременно слушали лекции в университете, и тогда, по-видимому, Драшусов задолжал Тургеневу.

18. **А. В. Никитенко** (с. 147)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 18718, л. 14.

Впервые опубликовано: *Т*, *Сб* (*Бродский*), с. 9.

Год написания устанавливается по сопоставлению с письмом 27, в котором также идет речь о поездке в Рим.

[1] Тургенев уехал в Рим в тот же день, 14 (26) января, или днем-двумя позднее.

[2] Письма об итальянской жизни не были написаны. Тургенев предполагал помещать их в журнале «Сын отечества», ответственным редактором которого в это время был Никитенко (см.: *Никитенко*, т. 1, с. 218).

19. **А. Т. Маркову** (с. 147)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 67.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 180.

Датируется по содержанию февралем—апрелем 1840 г., не позже 9 (21) апреля, последнего вторника перед отъездом писателя из Рима. Художник А. Т. Марков, к тому времени уже академик живописи, жил в Риме с 1830 до 1841 г. (см.: Биографические сведения о членах Академии и вообще художниках, умерших в 1875—1878 гг. СПб., 1879, с. 23—31). Тургенев приехал в Рим в феврале 1840 г. и до 12 (24) апреля этого года — времени его отъезда —

почти ежедневно встречался с Марковым в семье Ховриных (см.: *Станкевич*, *Переписка*, с. 685, 691, 702). Он хорошо знал и домашний адрес художника (см. письмо 21). Никаких упоминаний о более поздних встречах Тургенева с Марковым (в Петербурге, куда последний переехал в 1841 г., или в Москве, где с 1859 по 1868 г. художник расписывал храм Христа Спасителя) обнаружить не удалось. О какой картине и о каком ее покупателе идет речь в письме, также неизвестно.

20. **Н. В. Станкевичу** (с. 148)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 351, ед. хр. 57, л. 41—42. На л. 41 об. — рисунок Тургенева карандашом: Ефремов в цилиндре, в очках и с тростью, а сзади него — профиль Тургенева (см. с. 149).

Впервые опубликовано: Воронежский краеведческий сборник. Воронеж, 1925. Вып. 3, с. 40—42.

Год написания определяется содержанием письма.

Стр. 148. Меблированные комнаты, № 28, Санта Лючия (*франц.* и *итал.*).
Стр. 148. Св. Эльма (*итал.*).
Стр. 148. Кто хоть раз побывал в Неаполе, тот никогда не может быть совершенно несчастным (Гёте) (*нем.*).
Стр. 150. «Иду, иду — иду, иду, иду сюда...» (*итал.*).
Стр. 150. «Что это за дьявол!» (*итал.*).
Стр. 150. «Знаете, кто я?» (*итал.*).
Стр. 150. «Бедный юнец!» (*итал.*).
Стр. 150. Господину Станкевичу. Рим, виа Корсо, № 71, 2-й этаж. Франкировано (*итал.*).

[1] Тургенев приехал из Рима в Неаполь 25 или 26 апреля н. ст. В письме из Рима к Н. Г. и Е. П. Фроловым от 25 апреля н. ст. 1840 г. Н. В. Станкевич сообщал: «Ефремов и Тургенев уехали вчера в Неаполь» (*Станкевич*, *Переписка*, с. 710).

[2] Неточная цитата из второй части «Путешествия в Италию» Гёте. У Гёте: «...er nie ganz unglücklich werden konnte, weil er sich immer wieder nach Neapel dachte» («...он никогда уже не мог стать вполне несчастным, потому что всегда снова воображал себя в Неаполе»). Приведено по изданию сочинений Гёте, хранящемуся в личной библиотеке писателя (Государственный музей И. С. Тургенева, Орел): Goethe's Werke, Vollständige Ausgabe letzter Hand. Stuttgart und Tübingen, 1829, Bd. 28, S. 18.

[3] В. А. Дьякова в это время находилась в Италии, чтобы провести возле Станкевича последние дни его жизни (см.: *Корнилов*, с. 30).

[4] San Carlo — знаменитый неаполитанский театр, в то время один из самых крупных в Италии.

[5] Бальбус (Balbus — *лат.*), т. е. заика,— прозвище, которое носили некоторые знаменитые римляне.

[6] «Послание» Ефремова в виде хрии, обращенное, вероятно, к Н. В. Станкевичу, неизвестно. Ср. юмористическую хрию самого Тургенева (письмо 41).

[7] Имеется в виду П. П. Клюшников, врач.

[8] Рядом с постскриптумом Тургенева написано очень мелким почерком Ефремова: «Вздор! и не думал читать! но, не читая, знаю, что всё клевета».

21. Н. В. Станкевичу (с. 150)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 351, ед. хр. 57, л. 39.
Впервые опубликовано: Воронежский краеведческий сборник. Воронеж, 1925. Вып. 3, с. 42—43.
Включенное в письмо стихотворение «Что тебя я не люблю...» (⟨А. Н. Ховриной⟩) см. также: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 312.

Стр. 151. Прощайте (*итал.*).
Стр. 151. Рим. Виколо дель Бабуино, № 7, Милостивому государю господину Ал. Маркову. Франкировано (*итал.*).

[1] Н. В. Станкевич написал Тургеневу 11 июня н. ст. из Флоренции (см.: *ВЕ*, 1899, № 1, с. 16—18). Ответ Тургенева на это письмо неизвестен.
[2] Цитата из повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего».

22. А. П. Ефремову (с. 152)

Печатается по копии: *ИРЛИ*, ф. 250, оп. 1, № 759, л. 1—2.
Впервые опубликовано: Новый мир, 1926, № 5, с. 135—136.
Подлинник неизвестен.

Стр. 152. пустой сумкой (*итал.*).
Стр. 153. Милостивому государю господину Ефремову. Берлин, до востребования (*нем.* и *франц.*).

[1] Пародия на стихотворение Пушкина:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

[2] Неточная цитата из «Евгения Онегина» («Отрывки из путешествия Онегина»). У Пушкина: «Тьфу! прозаические бредни».

23. Т. Н. Грановскому (с. 153)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 345, ед. хр. 5, л. 97—98.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 187—190.

Стр. 153. существе (*нем.*).
Стр. 153. «в оцепенении» (*англ.*).
Стр. 154. «Ты остаешься все-таки всегда тем, что ты есть!» (*нем.*).
Стр. 154. «Только знать свою границу» (*нем.*).
Стр. 154. «Он был великий дух в высшем значении этих слов... только принужден был влачить на себе свинцовые оковы» (*нем.*).
Стр. 154. праздник книгопечатников (*нем.*).
Стр. 154. чувство формы и цвета (*нем.*).
Стр. 155. неаполитанский король принимает меры предосторожности (*франц.*).
Стр. 155. Дельным человеком, Шамиссо (*нем.*).

Стр. 155. «Жизнь и любовь женщины»; «Жалоба монахини»; «Паровой конь»; «Дева на скале Штуббенкаммер» (*нем.*).

[1] В «Щукинском сборнике» (М., 1909, вып. 8, с. 196—197) опубликовано письмо к Тургеневу от 15 апреля (1840?) с подписью: Ф. Беляев. Сопоставление настоящего письма Тургенева к Грановскому с этим письмом показывает, что Белявский и Ф. Беляев — одно и то же лицо. И в «Щукинском сборнике», и здесь, в письме Тургенева, написание фамилии неправильное. Надо полагать, речь идет о Федоре Беляевском, окончившем юридический факультет Петербургского университета в 1838 г. (см.: Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, приложение, с. LXXV) и учившемся затем вместе с Тургеневым в Берлинском университете.

[2] Речь идет об А. Н. Ховриной.

[3] Цитата из комедии Шекспира «Мера за меру» (акт III, сцена 1). У Шекспира: «To lie in cold obstruction, and to rot» («Лежать в оцепенении и тлеть»), см.: The Plays and Poems of William Shakespeare, accurately printed from the text of the corrected copies, left by the late Samuel Johnson, George Steevens, Isaac Reed, and Edmond Malone. Leipsic, published by Ernest Fleischer, 1833, p. 91. На экземпляре этого издания, полученном Тургеневым в дар от Т. Н. Грановского, рукою последнего написано: «Со страхом... и верою приступите». Ниже помета Тургенева: «в 1838-м году, в Берлине получен от Т. Грановского» (Государственный музей И. С. Тургенева, Орел).

[4] См. письмо 24, примеч. 1.

[5] Цитата из первой части «Фауста» (см. вторую сцену «В кабинете Фауста»).

[6] К. Альтенштейн, будучи министром финансов и министром культов и народного образования, покровительствовал литературе и наукам, способствовал развитию народного просвещения. Очевидно, этими обстоятельствами и объясняется симпатия к нему К. Вердера. Называя его преемника по министерству Ладенберга «сыном покойного», Тургенев, по-видимому, основывался на слухах о том, что Адальберт Ладенберг был сыном не Филиппа Ладенберга, который в это время был еще жив, а Альтенштейна.

[7] Речь идет о болезни прусского короля Фридриха Вильгельма III, который умер вскоре — 7 июня 1840 г.

[8] Это изображение неаполитанской уличной жизни напоминает следующее место в «Путешествии в Италию» Гёте: «На Моло, который является одним из самых шумных уголков города, я видел вчера на дощатом помосте Пульчинеллу, ссорившегося с маленькой обезьяной... Подле обезьяньего помоста шарлатан-знахарь предлагал удрученным невзгодами верующим свои чудесные эликсиры, помогающие против всех зол; подобная картина, написанная Герардом Доу, могла бы стать предметом восхищения для современников и потомства» («Путешествие в Италию», ч. II, дополнение к записи от 19 марта 1787 г.).

[9] Полное название романа Людвига Арнима, написанного в 1817 г.,— «Die Kronenwächter, oder Bertholds erstes und zweites Leben» («Хранители короны, или Первая и вторая жизнь Бертольда»). Двадцатитомное собрание его сочинений издавалось в течение 1839—1848 гг.

[10] Тургенев имеет в виду произведения немецких писателей —

Г. Маркграфа, Т. Мундта и Ф. Марлова (Вольфрама), бывших в то время в большой моде.

[11] Дрекслер-Манфреды — русификация немецкого составного слова — Drechsler-Manfrede (Манфред — герой одноименной драмы Байрона; der Drechsler — токарь), которое в данном случае можно перевести как «горе-Манфреды».

[12] Тургенев, по всей вероятности, знакомился с Шамиссо по следующим изданиям его сочинений: Gedichte von Adelbert von Chamisso. Dritte Auflage, Leipzig, 1836; Chamisso's Werke, 6 Bände, 1836—1839.

[13] Речь идет о книге А. Легле, вышедшей в свет в Париже в 1839 г. Полное ее название: «Maximilien I-er, Empereur d'Allemagne, et Marguerite d'Autriche, sa fille, gouvernante des Pays-Bas. Esquisses biographiques. Par M. Le Glay, archiviste général du département du Nord, correspondant de l'Institut» («Максимилиан I, император германский, и Маргарита Австрийская, его дочь, правительница Нидерландов. Биографические очерки Легле, главного архивиста департамента Нор, корреспондента Института»).

[14] Этот отзыв о только что изданной работе Л. Фейербаха «Философия и христианство» (Feuerbach L. Philosophie und Christenthum. Mannheim, 1839) — первая из известных оценок Фейербаха Тургеневым.

[15] По всей вероятности, А. Н. Драшусов (см. примеч. 12 к письму 17).

24. Т. Н. Грановскому (с. 156)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 372, ед. хр. 4, л. 227—228.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1883, № 11, с. 420—422, с пропусками и неточностями.

Стр. 156. Холодный кулак дьявола недаром сжался со злобой (*нем.*).

Стр. 157. «В нем также умерла и частица Вас» (*нем.*).

Стр. 157. «Я чувствую это. Я на полпути своей жизни: мои лучшие ученики, мои питомцы умирают — а я остаюсь жить!» (*нем.*).

Стр. 157. «Смерть» (*нем.*).

Стр. 158. «Если бы никогда не умирали молодые, было бы неведомо страдание» (*нем.*).

Стр. 158. радость и горе (*нем.*).

[1] Мысли, вызванные смертью Станкевича, были подробно развиты Тургеневым в воспоминаниях о нем (1856). См. также письмо 23.

[2] Это письмо Н. В. Станкевича почти полностью напечатано: *ВЕ*, 1899, № 1, с. 16—18.

[3]. В. А. Дьякова, сестра Бакуниных (см. письмо 20, примеч. 3).

[4] Речь идет о Л. А. Бакуниной, умершей в августе 1838 г.

[5] Тургенев приводит цитату из стихотворения И. П. Клюшникова «На смерть девушки», напечатанного с таким примечанием: «Это стихотворение положено на музыку Л. Ф. Лангером; оно продается во всех музыкальных магазинах, под названием „Примирения“» (*Совр*, 1840, № 1, с. 129—130).

[6] Письмо Тургенева к К. Вердеру до нас не дошло.

25. Т. Н. Грановскому (с. 158)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 345, № 5, л. 99—100.
Впервые опубликовано: Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1968, т. XXVII, вып. 1, с. 47—48.

Стр. 159. которое делало ее единственной наследницей (*франц.*)
Стр. 159. без невежливости (*франц.*).

[1] Ответ Грановского на письмо Тургенева неизвестен.
[2] Эта записка неизвестна.
[3] Речь идет о берлинской подруге Н. В. Станкевича — Берте Заутр.
[4] Станкевича под конец его жизни сильно тяготили отношения с берлинской «барышней» (см.: *Станкевич*, *Переписка*, с. 485). После его смерти Берта Заутр пыталась получить от родных и близких Станкевича компенсацию за якобы понесенные убытки. Два ее письма об этом к Тургеневу хранятся в *ГИМ*. По словам Тургенева, она «очень плохо кончила» и «была выслана из Берлина чуть ли не за кражу» (см. его воспоминания о Н. В. Станкевиче — наст. изд., Сочинения, т. 5).
[5] См. письмо 16.
[6] Это письмо из Дрездена к Тургеневу неизвестно.
[7] Э. М. Арндт, автор антикрепостнических работ и политических памфлетов против Наполеона I, в 1826 г. был лишен профессорской кафедры в Боннском университете; король Фридрих Вильгельм IV восстановил его в правах в 1840 г.
[8] Братья Гримм — Якоб и Вильгельм — в 1837 г. отказались подкрепить своей присягой уничтожение ганноверской конституции королем Эрнестом Августом и за это лишились своих мест библиотекарей в Геттингенском университете, а в 1840 г. были приглашены только что вступившим на престол Фридрихом Вильгельмом IV в Берлинский университет в качестве профессоров.

26. А. П. Ефремову (с. 160)

Печатается по тексту первой публикации: Летописец, 1904, № 7, с. 216—218. Подлинник неизвестен.

Стр. 161. Песни Зигмунда Гольдшмидта («Мертвый»...) (*нем.*).

[1] Это «четвертое соборное послание к берлинской братье» неизвестно. Ср. письма 27, 28, 30.
[2] Это письмо М. А. Бакунина к Тургеневу неизвестно.
[3] О каком обещании Ефремова и Скачкова идет речь, неясно. В письме к Ефремову от 6 (18) октября 1840 г. Тургенев просил напомнить Скачкову об обещании прислать ему список университетских лекций (см. письмо 32).
[4] Ефремов выполнил просьбу Тургенева выхлопотать продление паспорта, о чем и сообщил в письме к нему в сентябре 1840 г. (см.: *Рус мысль*, 1915, № 12, отд. 2, с. 116).
[5] Гудим-Левкович, вероятно, не являлся к Ефремову с рекомендательным письмом Тургенева (см.: *Рус Мысль*, 1915, № 12, отд. 2, с. 118).

27. М. А. Бакунину и А. П. Ефремову (с. 162)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 486.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1912, № 12, с. 141—146, с незначительными отклонениями от подлинника, вызванными соображениями цензурного порядка. Так, в сценке «Нечто, или Чемодан» всюду вместо «св. Петр» или «Петр» напечатано: «привратник».

Включенное в письмо стихотворение «Одной лишь любовью...» («Песня Клерхен из трагедии Гёте „Эгмонт"») см. также: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 313).

Стр. 162. От Тургенева к берлинским друзьям. Письмо пятое (*лат.*).

Стр. 162. искусных в копьеметании мужей (*нем.*).

Стр. 162. Первое произведение искусства народа, его самовоскрешение в песнях прошлого (*нем.*).

Стр. 164. где разум проступает из рассудка, дух — из разума и живущий в глубине нас бог проникает все наше существо. Как можно оспаривать посредничество мысли! И *именно чистой мысли*, когда мы должны творить в себе высшее проявление мысли, идею, бога. Что находим мы у неошеллингианцев? — бога как глубокую аспирацию души, т. е., собственно говоря, абстракцию, к которой они прикрепляют свои пестрые мечтания. Выработать философское убеждение значит создать величайшее творение искусства, и философы — величайшие мастера и художники. Собственно, здесь искусство перестает быть искусством — оно растворяется в философии (*нем.*).

Стр. 166. Почему? Потому что... (*нем.*).

Стр. 167. Немецкая песнь звучит во мне, когда я пою эти слова (*нем.*).

[1] Речь идет о поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» в переводе И. Г. Фосса. По-видимому, у Тургенева было издание 1833 г.: Werke von J. H. Voss. Bd. 1—2. Homers Iliasu. Odyssee. 5-te stark vermehrte Auflage. Stuttgart, 1833.

[2] О поездке своей с Тургеневым П. И. Кривцов сообщил в письме к брату, Н. И. Кривцову, от 14 января ст.ст. 1840 г.: «Я покидаю Петербург в обществе Ивана Тургенева, который едет со мной в Рим, чтобы провести там месяц; затем он попутешествует немного по Италии и вернется в Берлин для окончания своих занятий. Это юноша ученый и умный — но настоящий Ленской, студент геттингенской» (Гершензон М. О. Образы прошлого. М., 1912, с. 143). Несмотря на то что П. И. Кривцов был, по определению Тургенева, «профаном в художестве», он ехал в Рим с полномочиями «начальника над русскими художниками», данными ему Николаем I (см.: *СПб Вед*, 1840, № 86).

[3] Сестра Бакунина — В. А. Дьякова. 3 декабря н. ст. 1840 г. она писала сестрам: «Еще одно знакомство с одним русским студентом, г-ном Тургеневым... Чистая, светлая, нежная душа, мне кажется, что уже я много, много лет с ним знакома — он с Мишей каждый вечер приходят ко мне» (*Корнилов*, с. 43).

[4] Тургенев выехал из Берлина в Россию 5 (17) мая 1841 г. В этом году он в Германию уже не возвратился и отправился вновь за границу лишь во второй половине июля ст. ст. 1842 г.

[5] 3 (15) мая 1841 г. М. А. Бакунин писал сестрам и братьям: «Тургенев оставляет нас и возвращается в Россию... Примите его

как друга и брата, потому что в продолжение всего этого времени он был для нас и тем и другим, я уверен, никогда на перестанет им быть» (*Корнилов*, *с. 73*).

[6] Тургенев здесь не совсем точен. Речь идет о надписи на книге: H e g e l G. W. F. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. 3-te Ausgabe. Heidelberg, 1830. На заглавном листе этой книги его рукою написано: «N. Stankewitsch ist am 24-ten Juni 1840 gestorben ‹Н. Станкевич умер 24 июня 1840›», а ниже: «Ich bin mit M. Bakunin am 25 Juli bekannt geworden ‹Я познакомился с М. Бакуниным 25 июля›» (Государственный музей И. С. Тургенева, Орел).

[7] Речь идет о М. С. Фиглеве.

[8] В древнегреческом театре в течение одного представления исполнялись три трагедии, к которым обычно прибавлялась еще и сатирическая драма.

[9] Сценка «Нечто, или Чемодан» — это, по всей вероятности, результат чтения и пародического переосмысления сатиры Байрона «Видение суда», новеллы П. Мериме «Федериго» и других литературных источников. Эта сценка могла быть навеяна также и впечатлениями от посещений Кенигштадтского театра в Берлине, где с большим успехом выступал комический актер Ф. Бекман. О спектаклях с участием Бекмана Н. В. Станкевич писал А. П. Ефремову 28 ноября (10 декабря) 1837 г. Отмечая склонность этого актера уснащать исполняемые им роли «остротами своего изобретения», Станкевич писал здесь: «Напр., в опере „Мышелов в городе Гаммеле"... он поет песню про пьяницу и его кончину. Публика заставила его повторить. Он наклоняется почтительно и говорит: „Я пропою теперь, что с ним дальше было", и начинает про его пришествие ко вратам рая и разговор с Петром апост‹олом›. Это дурачество заставило всех умирать со смеху» (*Станкевич*, *Переписка*, с. 427).

[10] Тургенев возвратился в Берлин не позднее 26 октября (7 ноября) 1840 г. (Tagebücher von K. A. Varnhagen von Ense. Leipzig, 1861. Bd. I, S. 235).

[11] Перевод Тургенева ритмически близок к оригиналу (ср. с трагедией Гёте «Эгмонт», действие III)

28. М. А. Бакунину и А. П. Ефремову (с. 167)

Печатается по подлиннику: личное собрание Н. Л. Бродского (с разрешения его дочери Е. Н. Затонской). Фотокопия — *ИРЛИ*.

Впервые опубликовано: Новый мир, 1926, № 5, с. 136—142.

Включенные в письмо стихотворения «Немец», «Русский» и «К А. Н. Х.» см. также: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 305—310, 314.

Стр. 168. «благоприятный кризис» (*нем.*).
Стр. 169. «развивающийся (юнец) всегда проявляет благодарность» (*нем.*).
Стр. 169. буквально: «к нашим уткам», т. е. к прежней теме (*франц.*).
Стр. 169. в стиле Карамзина (*франц.*).
Стр. 170. в характере которой я до сих пор не мог разобраться (*нем.*).
Стр. 170. «подающий надежды юный кельнер из Праги» (*нем.*)

Стр. 170. с достойной восхищенья виртуозностью (*нем.*).
Стр. 170. Я лежал в высокой темной траве,
Так нежно пахло вокруг,
Седая скала круто обрывалась вниз,
Вдали мерцало зеленое море.
С юга пролетали лебеди,
В дубовой листве тихо шелестел ветер...
Я думал о ней, о той, которую обманул,
И плакал как дитя.

Сияло солнце, и тысячи тонких нитей
Колыхались — протягиваясь от стебелька к стебельку:
Было так хорошо; но мысль о покинутой девушке
Никак, никак не оставляла меня.
Сердце истаивало в потоках горячих слез,—
Я не знал, когда же это кончится,
И меня охватила страстная тоска
О том, что давно исчезло.

Когда я уходил, как она была бледна и печальна!
Как горько сомкнулись в молчании ее уста!
Настала ночь — ветер выл глухо и жутко;
Я чувствовал — сердце ее истекает кровью.
Она не знала — что говорить и что делать;
Губы ее дрожали;
Она любила меня — и не могла побороть себя;
Я ее больше не любил.

То, что я сказал ей при расставании,— давно
Забыто мной; но это не были ласковые слова.
Я был доволен собой и весел, даже дерзок;
И с легким сердцем, бодро я ушел.
Из моего тихого уединения меня властно влекла
Толпа юношеских мечтаний, пестрая и светлая,
И я забыл — таким великолепным казалось мне будущее —
Разбилось или нет сердце девушки.

Но когда нога моя коснулась моего порога —
Вырвалась наружу жестокая мука и страсть;
Она бросилась за мной в неистовом порыве любви
И остановила меня, горько плача. В моей груди
Мелькнуло воспоминание, как слабое эхо
Отзвучавших песен, когда она обняла меня.
Но что прошло, то никогда не возвратится,—
Я тихо поцеловал ее в лоб и ушел.

И разве не клялся я — о! разве не клялся
В ту прекрасную, навеки прекрасную ночь,
Когда почти без сил, опьяненная любовью и не владея собой,
Она отдала мне прелесть юного тела?
Ах, несмотря на мои слезы, мои поцелуи,
Она оставалась молчаливой. Я поклялся, она взглянула на меня:
«И тебе когда-нибудь придется меня покинуть...»
И я, и я сделал это!

И теперь... когда я отказался от всякой надежды,
Когда я возвратился усталый и израненный в борьбе —
С горьким раскаянием вспоминаю я те дни,
Милое дитя и золотые мгновенья.
Она меня забыла!.. О боже, не допусти!
Но я это заслужил — то, что твоя рука давала мне,
Я оттолкнул... Я лежу на берегу моря
И желаю себе смерти.

Стр. 174. «Романтическая Германия» (*нем.*).
Стр. 174. «Бернгардт, почему так поздно?» (*лат.*).
Стр. 174. «Да молчит женщина в церкви» (*лат.*).
Стр. 174. Прощайте (*итал.*).

[1] Тургенев, вероятно, имеет в виду Николая Погребова.

[2] См. письмо 16, примеч. 4.

[3] Эти воспоминания нашли впоследствии отражение в «Дворянском гнезде» (гл. XI). Книга «Символы и эмблемата», широко известная в России в XVIII—XIX вв., впервые на русском языке была напечатана в 1705 г. в Амстердаме по указу Петра I (см.: Быкова Т. А. и Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 529). В данном случае Тургенев имеет в виду переиздание этой книги Н. М. Амбодиком с добавлениями: Емвлемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и аглицкий языки преложенные. В императорской типографии, 1788 лета (см. там же, с. 530). В Государственном музее И. С. Тургенева в Орле, где находится библиотека писателя, этого издания нет, но есть другое, более позднее, выпущенное также Н. М. Амбодиком: Емблемы и символы. СПб., 1809.

[4] Речь идет о Л. Я. Серебрякове, который в 1832 г. был сдан в рекруты, чем и объясняются слова «отличается на Кавказе». См. об этом: Чернов Н. Летопись жизни.— Литературная Россия, 1970, № 34, 21 августа, с. 21.

[5] См. примеч. 4. Предположение о том, что здесь подразумевается Лев Лобанов, лишено оснований, поскольку тому в описываемый период было не более 7 лет (см.: Чернов Н. М. Из разысканий о Тургеневе.— Тургенев и его современники. Л., 1977, с. 216).

[6] Это письмо до нас не дошло.

[7] «Германидоротеизирую»— т. е. пишу в стиле поэмы Гёте «Герман и Доротея» (1797).

[8] Тургенев жил в отеле «Zur Stadt Hamburg», владельцем которого был Иоганн Крог (см.: Флоровский А. В. Русские в Марианских Лазнях. Культурно-исторические справки. Прага, 1947, с. 46—48).

[9] А. Н. Х.— А. Н. Ховрина. Стихотворение это с незначительными изменениями Тургенев вложил впоследствии в уста Паншина (см. «Дворянское гнездо», гл. IV).

[10] Кассио, именем которого Тургенев называет Михаила Бакунина,— персонаж из трагедии Шекспира «Отелло».

[11] Имеется в виду серия изданий, посвященных отдельным немецким областям, их истории, местным обычаям и легендам и т. п.—«Das malerische und romantische Deutschland» (издавалась в Лейпциге с 1836 г.).

[12] По-видимому, речь идет о письмах, посланных Тургеневу матерью или братом (в *ГПБ* есть письма к Тургеневу от В. П. и Н. С. Тургеневых, датированные августом 1840 г.). Письма эти не застали Тургенева в Берлине, и Ефремов переслал их ему в Мариенбад.

29. А. П. Ефремову (с. 174)

Печатается по тексту первой публикации: Летописец, 1904, № 7, с. 218—219. Подлинник неизвестен.

Стр. 174. трико (облегающее) (*франц.*).

[1] Александром Благословенным именовался в официальных документах имп. Александр I. Тургенев иронически называет так Ефремова. Иронический смысл имеет и шутливая переделка «трухмальная» вместо «триумфальная».
[2] Липецк — славянское название Лейпцига.
[3] Речь идет о судебном процессе над Мари Лафарж, обвинявшейся в отравлении мужа.

30. М. А. Бакунину и А. П. Ефремову (с. 175)

Печатается по копии: *ИРЛИ*, ф. 250, № 759, л. 9—10.
Впервые опубликовано: Новый мир, 1926, № 5, с. 142—143.
Подлинник неизвестен.

Стр. 176. Франкировано. Милостивому государю господину Ефремову. Берлин. Доротеенштрассе, № 18, 2 этаж (*нем.*).

[1] О какой «сказке» Ф. Фуке идет речь — не установлено.
[2] 14 (26) октября 1840 г. Тургенев был еще в Дрездене; в Берлин он приехал не позднее 26 октября (7 ноября) 1840 г. (см.: Tagebücher von K. A. Varnhagen von Ense. Leipzig, 1861. Bd. I, S. 235). Образ «судьбы», нарисованный ниже Тургеневым, отдаленно предшествует стихотворению в прозе «Старуха» (1878). «Киевская ведьма» — реминисценция из повести Гоголя «Пропавшая грамота».

31. А. П. Ефремову (с. 176)

Печатается по тексту первой публикации: Летописец, 1904, № 8, с. 257—259. Подлинник неизвестен.

Стр. 177. Королевская карета, запряженная шестью белыми лошадьми (*нем.*).
Стр. 177. глупое любопытство (*франц.*).
Стр. 177. помещика (*нем.*).
Стр. 177. «Да здравствует король Фридрих Вильгельм IV!» (*нем.*).
Стр. 177. чтобы достойно отпраздновать этот великий день (*франц.*).
Стр. 178. вот я вас!.. (*лат.*).

[1] См. письмо 30.
[2] Имеется в виду церемония коронации прусского короля Фридриха Вильгельма IV, вступившего на престол после смерти своего отца, Фридриха Вильгельма III. Коронация происходила в Берлине 16 октября 1840 г. О ней писали Тургеневу Ефремов (см.:

Рус Мысль, 1915, № 12, отд. 2, с. 119) и Скачков (см.: *Щукинский сб*, вып. 6, с. 432). Слова «искал даже в цуге» — шутливый намек на то, что Ефремов мог быть одной из лошадей парадной королевской упряжки (цуга).

[3] Цитата из оды Г. Р. Державина «Бог» (первая строка).

[4] Цитата из «Энеиды» Вергилия (песнь I, стих 135; угроза ветрам раздраженного Нептуна); упоминается также в романе «Новь» (гл. XIV).

32. А. П. Ефремову (с. 178)

Печатается по тексту первой публикации: Летописец, 1904, № 9, с. 303—305. Подлинник неизвестен.

Стр. 179. «Долой аристократов!» (*франц.*).
Стр. 179. «Верноподданническое преклонение» (*нем.*).
Стр. 179. Да ‹Здесь: одобрительный возглас› (*нем.*).
Стр. 179. что это прекраснейший звук немецкого языка (*нем.*).
Стр. 179. Прощай, дорогой Александр (*итал.*).

[1] Неточная цитата из великопостной молитвы Ефрема Сирина.

[2] По-видимому, известие о благополучном исходе болезни В. А. Дьяковой и ее сына Саши. В своих письмах к родным и близким в сентябре-октябре 1840 г. М. А. Бакунин объяснял тяжелый ход болезни В. А. Дьяковой потрясениями, испытанными ею от семейных неурядиц и от смерти Н. В. Станкевича (см.: *Корнилов*, с. 30—36).

[3] Речь идет о коронации Фридриха Вильгельма IV (см. письмо 31).

[4] Т. е. à propos (*франц.*) — кстати.

[5] Романы Жорж Санд «Последняя из Альдини» (1837) и «Леоне Леони» (1834).

33. М. А. Бакунину и А. П. Ефремову (с. 180)

Печатается по тексту первой публикации: Летописец, 1904, № 10, с. 350—351. Подлинник неизвестен.

Стр. 180. Список лекций (*нем.*).
Стр. 180. это был четвертый рецидив (*нем.*).
Стр. 180. Властелин (*нем.*).

[1] От греческого слова symposion — буквально «пиршество».

[2] Имеются в виду «Логика» Гегеля (1816) и, очевидно, труды немецкого критика и эстетика Г. Т. Рётшера.

[3] Речь идет о трехтомном романе Э. Сувестра «Воспоминания нижнебретонского санкюлота» («Mémoires d'un sans-culotte bas-breton», 1840) и о романе А. Дюма «Капитан Памфиль» (1840). «Une folle histoire» («Безумная история») — произведение А. Карра под таким названием неизвестно.

34. Беттине Арним (с. 181 и 351)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1281. Письмо представляет собой незаконченный черновик. Отправленный беловой текст неизвестен.

Впервые опубликовано Т. П. Ден в статье «Bettina von Arnim und Russland»: Zeitschrift für Slawistik, 1959, Bd. IV, H. 3, S. 344—347.

Упоминание в письме «Die Günderode» как произведения, написанного адресатом, дает возможность установить, что письмо обращено к Б. Арним.

Датируется предположительно зимой 1840/41 г. Письмо не могло быть написано до весны 1840 г., так как названная в нем книга «Die Günderode» вышла в свет в мае 1840 г. (см.: Tagebücher von K. A. Varnhagen von Ense. Leipzig, 1861. Bd. I, S. 178). Не могло оно быть написано и после 5 (17) мая 1841 г., когда Тургенев окончил Берлинский университет и уехал в Россию. Упоминание «мерцающего огня» (по-видимому, в камине) дает основание предполагать, что письмо написано зимой, в последние месяцы 1840 г. или в первые месяцы 1841 г.

Содержанием письма является анализ мировоззрения Б. Арним. Письмо обнаруживает интерес молодого Тургенева к тем высказываниям немецкой писательницы, на которых лежит печать явного воздействия Гёте.

[1] Тургенев ошибается: эта цитата заимствована не из «Die Günderode», а из «Goethes Briefwechsel mit einem Kinde», где она дана в другом контексте: «Gerechtigkeit gegen Alle beurkundet die wahre Liebe zu dem Einen. Je allseitiger, je individueller» («Справедливость в отношении Всех доказывает истинную любовь к Единому. Чем всестороннее, тем индивидуальнее»). Тургенев развивает эту мысль в письме к С. Т. Аксакову от 5 (17), 9 (21) февраля 1853 г., цитируя «Природу» Гёте. Это рассуждение находилось в статье Тургенева «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии С. А—ва» (1853), но было исключено цензурой при первой публикации.

[2] Эта романтическая формула индивидуализма восходит к Гёте. Тургенев осудил ее в статье «Фауст, трагедия. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко» (1845).

[3] Тургенев перефразирует текст из «Die Günderode».

35. А. В. Никитенко (с. 184)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 18718, л. 16—17.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 182, с предположительной датировкой — первые числа июня ст. ст. 1841 г. В издании *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 214—215, письмо датировано 27 мая (8 июня) 1841 г. на том основании, что оно, как явствует из его содержания, написано через неделю после возвращения Тургенева из-за границы в Петербург. Однако день возвращения определен здесь, по-видимому, неделей позднее, чем это было в действительности. Дата возвращения Тургенева в Петербург — 14 (26) мая 1841 г. — устанавливается по сопоставлению дат отъезда его из Берлина (5 (17) мая), пребывания в Премухине (конец мая ст. ст.) и письма к нему Н. С. Тургенева (5 (17) июня). См.: *Корнилов*, с. 73; Летопись семьи Бакуниных. 1822—1870.— *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 2, № 70, с. 21 (л. 12); *ГПБ*, ф. 795, № 90, л. 34—35. Следовательно, письмо к Никитенко, написанное Тургеневым через неделю по возвращении, должно быть датировано вторником 20 мая (1 июня) 1841 г.

[1] Речь идет об очередном рейсе парохода «Александра», на котором неделей раньше вернулся в Петербург сам Тургенев. См. помету на черновом автографе «Дневника лишнего человека» (*ГПБ*): наст. изд., Сочинения, т. 11.

[2] 31 марта (12 апреля) 1842 г. Тургенев обратился к П. А. Плетневу — тогдашнему ректору Петербургского университета — с официальной просьбой допустить его к испытаниям на степень магистра философии (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 7). Просьба была удовлетворена; в апреле—мае ст. ст. 1842 г. Тургенев успешно прошел испытания по философии, латинской и греческой словесности и древностям (см.: *Лисовский*, *Материалы*, с. 4—9).

36. А. П. Ефремову (с. 184)

Печатается по тексту первой публикации: Летописец, 1904, № 10, с. 351—352. Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Речь идет, очевидно, о долге, который М. А. Бакунин просил Тургенева уплатить за него через посредство петербургского банкира Штиглица (см. письмо 52).

[3] Возможно, имеется в виду доставка из-за границы тех книг, о которых Тургенев писал А. В. Никитенко (см. письмо 35).

37. Т. А. Бакуниной (с. 186)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 168, л. 9.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 202.

Главным основанием датировки письма является упоминание о знакомстве Тургенева с Алексеем Бакуниным, которое состоялось в Москве 17 (29) октября 1841 г., после приезда туда Тургенева из Премухина. Это подтверждается письмом Алексея Бакунина, написанным 18 (30) октября 1841 г., «в пять часов утра»: «Вот, девочки, встал спозаранку, да и пишу вам. Тургенев в Москве,— чудный человек! Если бы вы знали, как я рад, что он в Москве» (*Корнилов*, с. 75) 16 (28) октября Тургенева в Москве еще не было. Между тем письмо к Николаю Бакунину, имеющее точную авторскую дату, еще раз свидетельствует о том, что 17 (29) октября Тургенев и Алексей Бакунин уже были знакомы. Следовательно, настоящее письмо не могло быть написано ранее этой даты. Надо полагать, что оно написано в один день с письмом к Николаю Бакунину, но в первую очередь, так как в обоих письмах речь идет о «письме Мишеля», которое, как сообщал Тургенев Николаю Бакунину, он уже «вложил в особый пакет» (см. письмо 38), т. е. в настоящее письмо к Т. А. Бакуниной.

Стр. 186. Добро пожаловать (*нем.*).

Стр. 186. как можете Вы знать, не приобретет ли Ваша жизнь высокое и святое значение для других и не случилось ли это уже?.. Приветствую Вас сердечно и почтительно (*нем.*).

[1] Очевидно, это то, не дошедшее до нас, письмо М. А. Бакунина к Тургеневу, которое Бакунин пересказывает в своем письме к В. А. Дьяковой и П. А. Бакунину (см.: *Корнилов*, с. 91—92). Оно содержало дружескую инструкцию Тургеневу — как действовать,

чтобы добиться поездки недомогавшей Т. А. Бакуниной в Москву и возвращения из-за границы в Премухино Дьяковой, у которой в это время были очень сложные отношения с мужем.

[2] По пути из Премухина в Москву Тургенев заезжал в Тверь и беседовал с Н. А. Бакуниным о Т. А. Бакуниной и В. А. Дьяковой. Было решено, что Н. А. Бакунин, приехав в Премухино, уговорит Т. А. Бакунину ехать в Москву (см.: *Корнилов*, с. 78), а также попытается выяснить, возможно ли возвращение из-за границы В. А. Дьяковой.

[3] Т. А. Бакунина вместе с братьями Алексеем и Александром приехала в Москву 18 (30) января 1842 г. (см.: *Корнилов*, с. 105, 106).

[4] Варвара Александровна — жена А. М. Бакунина.

38. **Н. А. Бакунину** (с. 186)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 487.
Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 74.

[1] Употребляя это французское выражение (в смысле: «из Бакуниных — Бакунин», буквально: по преимуществу), Тургенев шутливо подчеркивает особую ответственность Николая Бакунина при решении важных семейных вопросов (после Михаила, находившегося в это время за границей, Николай был самым старшим из братьев и сестер Бакуниных).

[2] См. письмо 37, примеч. 2.

[3] Эгмонт — прозвище Алексея Бакунина.

[4] Это письмо неизвестно. По-видимому, Тургенев сообщал в нем о состоянии Т. А. Бакуниной (см.: *Корнилов*, с. 91).

[5] См. письмо 37, примеч. 1.

39. **Е. А. Карлгоф** (с. 187 и 353)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 61.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. 1, с. 242, с датой 24 ноября (6 декабря) 1845 г.

Однако отнесение письма к 1845 г. вызывает сомнение, так как оно написано в ноябре и в Москве, а в ноябре 1845 г. Тургенев, по-видимому, не был в Москве (см., в частности, «Мемориал» — наст. изд., Сочинения, т. 11). Вместе с тем очевидно, что оно написано в 40-е годы и ранее 1847-го, когда Е. А. Карлгоф вышла замуж за А. Н. Драшусова и переменила фамилию (см. сб. «Почин», 1896, с. 3). Поэтому данное письмо предположительно датируется 1841 годом, единственным на протяжении этого десятилетия годом, осень и зиму которого Тургенев прожил в Москве.

[1] Судя по тону письма, у Тургенева с Карлгоф в это время были приятельские отношения. Зная пристрастие писательницы к старинным памятникам и прогулкам по историческим местам (см. ее восторженные описания исторических памятников в Киеве, Италии, Франции и Германии: *Рус Вест*, 1881, № 10, с. 737—738 и др.), ее стремление изучить Москву с ее окрестностями, желание «много видеть, много размышлять, чтобы справедливо оценить» (см. ее «Воспоминания»: *ИРЛИ*, Р. III, оп. 1, № 1227, л. 63),— Тургенев, по-видимому, предложил Е. А. Карлгоф прогулку на Воробьевы горы, которые служили любимым местом прогулок москвичей.

[2] 24 ноября ст. ст. — день св. Екатерины. Тургенев предполагал, что Е. А. Карлгоф проведет этот день у своих друзей Васильчиковых, младшая дочь которых Екатерина Алексеевна, впоследствии кн. Черкасская, была именинницей, или у какой-либо другой именинницы.

[3] Тургенев, вероятно, намеревался пригласить на прогулку Е. А. Васильчикову. В своих воспоминаниях Е. А. Карлгоф отмечала ее поэтичность и литературное дарование. С семейством Васильчиковых писательница была очень близка; она путешествовала с ними два года по Европе, у них в доме познакомилась с виднейшими московскими славянофилами и писателями (*ИРЛИ*, Р. III, оп. 1, № 1227). Тургенев был тоже знаком с членами этого семейства, тесно связанного с его московскими друзьями; впоследствии он часто встречался с Е. А. и В. А. Черкасскими и переписывался с ними.

40. **Бакуниным** (с. 188)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 168, л. 1.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 202—203, с повторением авторской описки в дате (вместо «42» Тургенев поставил «41»).

Датируется по содержанию 1842 г., так как Тургенев пишет, что ожидает приезда Бакуниных в Москву. Приехали же они 18 (30) января 1842 г. (см.: *Корнилов*, с. 105).

По-видимому, письмо адресовано Татьяне, Александру, Александре, Павлу и Николаю Бакуниным. Алексей Александрович Бакунин в это время жил в Москве (см. письмо 37), а Варвара Александрова еще не вернулась из-за границы.

[1] Намеренно измененное — для соответствия с текстом письма — четверостишие из посвящения к «Полтаве» Пушкина.

41. **А. А. Бакунину** (с. 188)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 489. На подлиннике помета неизвестной рукой: «1842 года. Зимой».

Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 108—109.

В письме из Москвы от 29 января (10 февраля) 1842 г. Алексей Бакунин писал сестре Александре Бакуниной: «Сегодня представлю Тургенева к тетеньке. Тогда он часто может будет видеться с Танюшей» (*Корнилов*, с. 106). Упомянутая в письме Бакунина «тетенька» — Татьяна Михайловна Полторацкая, в доме которой по приезде в Москву остановилась Т. А. Бакунина с братьями (см. там же). О Т. М. Полторацкой пишет в своей «хрии» и Тургенев, из чего видно, что он в это время уже был ей представлен и бывал в ее доме. 26 марта (7 февраля) Тургенев уехал из Москвы в Петербург. Таким образом, хрия могла быть написана в период между началом февраля и серединой марта ст. ст. 1842 г.

Установить более точную дату письма с помощью данных об именинах теток писателя можно лишь предположительно, так как из трех теток писателя со стороны отца была жива только Екатерина Николаевна Веневитинова, именины которой праздновались в декабре. К тому же в те годы она не покидала своего имения в Задон-

ском уезде. Как полагает Н. М. Чернов, Тургенев мог быть на именинах у своей двоюродной тетки Марии Сергеевны Мухановой и написанное на следующий день после ее именин письмо следует датировать 13 (25) февраля.

[1] Впоследствии, описывая свое пребывание в Московском университете, Тургенев с иронией вспоминал словесника, «старика Победоносцева, державшего студентов на ломоносовских похвальных речах и задававшего им „хрию“» («Автобиография»).

42. **А. А. Бакунину** (с. 189)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 484, л. 1—2. На подлиннике карандашная помета неизвестной рукой: «Тургенев. 1842».

Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 105.

Датируется предположительно периодом после приезда Т. А. Бакуниной и ее братьев в Москву 18 (30) января и до отъезда Тургенева из Москвы 26 марта (7 февраля) 1842 г., когда братья Бакунины и Тургенев «постоянно переписывались записками» такого рода (см.: *Корнилов*, с. 105).

43. **Т. А. Бакуниной** (с. 189)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 168, л. 4—5.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1919, № 1-4, с. 203—205.

Датируется по содержанию, из которого очевидно, что письмо написано перед самым отъездом Тургенева из Москвы в Петербург, т. е. в 20-х числах марта ст. ст. (не позднее 26-го — дня отъезда) 1842 г. См. также обоснование датировок писем 39—42.

Стр. 191. Ваш образ, Ваше существо всегда живы во мне, изменяются и растут и принимают новые образы, как Протей: Вы моя *Муза*; так, например, образ Серафины развился из мысли о Вас, так же как и образ Инесы и, может быть, донны Анны,— что я говорю «может быть» — всё, что я думаю и создаю, чудесным образом связано с Вами.

Прощайте, сестра моя; дайте мне свое благословение на дорогу — и рассчитывайте на меня — покамест — как на скалу, хотя еще немую, но в которой замкнуты в самой глубине каменного сердца истинная любовь и растроганность.

Прощайте, я глубоко взволнован и растроган — прощайте, моя лучшая, единственная подруга.

До свидания.

Тургенев (*нем.*).

[1] Письмо отражает поворот в отношениях Тургенева с Т. А. Бакуниной. Вскоре после их знакомства (осень 1841 г.) между ними начался роман, в котором было мало простоты, естественности и подлинного чувства. Очевидно, Тургенев хорошо понимал это уже в первые месяцы знакомства, но у него долго не хватало воли выйти из ложного положения. Роман с Т. А. Бакуниной нашел отражение в ранней лирике Тургенева (см. примеч. 4). Позднее, окончательно освободившись от своей «неполной» любви, Тургенев нарисовал карикатурный портрет Т. А. Бакуниной в рас-

сказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» («Записки охотника») в лице старой девицы, переписывающейся со студентом. Отношения Тургенева с Т. А. Бакуниной отразились в какой-то степени также в повестях «Андрей Колосов», «Переписка», в поэме «Андрей». История этих отношений изложена в статьях: Бродский Н. Л. «Премухинский роман» в жизни и творчестве Тургенева.— *Центрархив, Документы*, с. 107—121; Крестова Л. В. Т. А. Бакунина и Тургенев. — *Т и его время*, с. 31—50.

[2] См. примеч. 13 к письму 16.

[3] Тетушка — Т. М. Полторацкая.

[4] Упомянутая здесь «Песнь Серафины» — вероятно, собственное не дошедшее до нас произведение Тургенева, навеянное отношениями с Т. А. Бакуниной. Это предположение подкрепляется самим текстом письма («образ Серафины развился из мысли о Вас»). В это время у Тургенева зрел план — может быть, даже в известной степени и реализованный — пьесы под названием «Дон-Жуан». Во всяком случае, в наиболее значительных обработках легенды о Дон-Жуане (Тирсо де Молина, Доримон, Мольер, Корнель, Гольдони, Да-Понте, Граббе, Пушкин, Мериме и др.) имя Серафины не встречается. Тургенев говорит: «...всё, что я думаю и создаю, чудесным образом связано с Вами» (см. перевод). Из ранних лирических стихотворений Тургенева с именем Т. А. Бакуниной связаны следующие: «Долгие, белые тучи плывут», «Осенний вечер... Небо ясно», «Дай мне руку — и пойдем мы в поле», «Заметила ли ты», «Нева», «Когда с тобой расстался я», «Вариации».

[5] Далее следует набросок ответа Т. А. Бакуниной:

«Sonderbar wie manche Menschen sich alles einbilden können was sie nur wollen — wie ihnen das Heiligste zum Spiele wird und wie sie sich nichts daraus machen — ein fremdes Leben zu Grunde zu richten. — Warum können sie denn niemals wahr, ernst und einfach mit sich selbst sein — und mit den Andern — haben sie denn gar keinen Begriff von Wahrheit und Liebe — ich spreche von Liebe im Allgemeinen; mir scheint, wer sie im Herzen trägt — wer von ihrem Geiste durchdrungen ist, der ist immer einfach und gross und gewissenhaft — gegen sich, wie auch gegen Andere — er kann nicht leichtsinnig spielen wie ein Kind, mit dem Heiligtume — mit dem Leben eines Andern — wenn er es auch wenig achtet — wenn er ganz gleichgültig ist — aber schonend bleibt er doch immer — und es ist keine Lüge — kein Schein an ihm — was ist aber der Mensch, der es nicht wagt wahr zu sein» («Удивительно, как некоторые люди могут себе воображать всё что им угодно, как самое святое становится для них игрою и как они не останавливаются перед тем, чтобы погубить чужую жизнь. Почему они никогда не могут быть правдивы, серьезны и просты с самими собою — и с другими — неужели у них совершенно нет понятия ни об истине, ни о любви,— я говорю о любви в общем смысле; мне кажется, кто носит ее в сердце, кто проникнут ее духом — тот всегда прост, велик и добросовестен по отношению как к себе, так и к другим; он не может легкомысленно играть, как дитя, с самым святым — с жизнью другого человека, если он ее и мало уважает, если он даже совсем равнодушен к ней — но он всегда будет щадить ее; и в нем не будет ни лжи, ни притворства — но что это за человек, который не осмеливается быть правдивым») (*нем.*).

44. Алексею и Александру Бакуниным (с. 192)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 484, л. 3—4.

Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 132—133, с неправильно прочитанной авторской датой («9-го апреля» вместо «3-го апреля»). О том, что письмо написано 3-го, а не 9-го апреля (цифра «3» в написании Тургенева в данном случае действительно похожа на «9»), свидетельствуют почтовые штемпели на обложке: «Петербург 4 апреля 1842» и другой, московский: «получено апреля 8».

Стр. 192. Мы должны найти абсолютный принцип (*нем.*).
Стр. 192. *Я* полагает себя как не *Я* (*нем.*).
Стр. 192. Фихте утверждает (*нем.*).
Стр. 193. в Я заключается принцип становления и принцип отрицания становления (*нем. Буквально*: в Я заключается принцип сесть и принцип не сесть, — *игра слов*).
Стр. 193. Прощайте, синьоры мои, и вы, Алексео... или Алессио, или Алексизо, и вы, Александр, и все прочие (*итал.*).

[1] Как видно из письма Алексея Бакунина от 22 апреля ст. ст. 1842 г., Тургенев послал Бакуниным только два письма Гёте к графине Штольберг. А. А. Бакунин писал: «Здравствуйте, батюшка мой — благодарствуйте за 2 письма из Stolberg. С большим удовольствием читали» (*Центрархив*, *Документы*, с. 146). По-видимому, Тургенев переписал эти письма из издания «Goethe's Briefe an die Gräfin zu Stolberg» (Stuttgart — Gotta, Bd. 1), в связи с выходом которого вскоре в «Отечественных записках» (1843, № 2) появилась статья «Гёте и графиня Штольберг». Интерес Тургенева к этой переписке, помимо общего увлечения творчеством Гёте, имел, по-видимому, и личные основания. Собственная переписка Тургенева с Т. А. Бакуниной, ее тон и даже фразеология («моя добрая, прекрасная сестра» — у Тургенева; «милая сестра моя Августа» — у Гёте), пронизывающее ее несколько отвлеченное и книжное высокое чувство любви-дружбы к женщине, — все это, в известной мере, могло быть «подсказано» Тургеневу характером взаимоотношений Гёте с Августой Штольберг.

[2] Экзамен состоялся 8 (20) апреля 1842 г. (см.: *Лисовский*, *Материалы*, с. 6).

[3] Речь идет о поэте И. П. Клюшникове.

[4] Вольная переделка строк из стихотворения Пушкина «Узник».

[5] По-видимому, цитата — начало первой строки поэмы Пушкина «Граф Нулин».

[6] Это стихотворение до нас не дошло.

45. А. А. Бакунину (с. 193)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 484, л. 5—6. На подлиннике помета неизвестной рукой: «13 апр⟨еля⟩ 1842 г.».

Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 136—138, с датой соответственно помете.

Датируется временем между 8 и 17 апреля ст. ст. 1842 г. по упоминанию о выдержанном экзамене по философии, который состоялся 8 (20) апреля, и ответному письму А. А. Бакунина от 22 апреля ст. ст. (см.: *Центрархив*, *Документы*, с. 146).

Включенное в письмо стихотворение «Под окном сеньоры бледной» см. также в драме Тургенева «Искушение святого Антония».

[1] Экзамен «после Святой» был 1 (13) мая 1842 г. (см.: *Лисовский*, *Материалы*, с. 6).

[2] Драма «Искушение святого Антония» не была закончена и при жизни Тургенева в печати не появлялась. Черновик неполных трех первых сцен впервые опубликован А. Мазоном в «Revue des études slaves», 1953, т. XXX.

[3] Это произведение Тургенева неизвестно (см.: *Центрархив*, *Документы*, с. 125).

[4] И. П. Клюшников.

[5] М. А. Бакунин в это время жил в Берлине. В письме от 22 апреля ст. ст. 1842 г. А. А. Бакунин отвечал Тургеневу: «К Мише, я думаю, должно писать в Дрезден — потому что по последним письмам Вареньки и Паши они его ждут скоро в Дрезден» (*Центрархив*, *Документы*, с. 146).

[6] В ответном письме А. А. Бакунин писал о «Песенке Аннунциаты»: «Стихи Ваши заслужили всеобщее наше одобрение — а что лучше „от усов и от пера — или от высокого пера“ решить не берусь» (*Центрархив*, *Документы*, с. 146).

46. А. А. Бакунину (с. 195)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 484, л. 7—8.

Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 138—139.

Включенные в письмо стихотворения «Осенний вечер... Небо ясно...» и «Разыгрались снова силы...» см. также: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 316, 302.

Стр. 196. Прощайте (*итал.*).

[1] Письмо А. А. Бакунина от 22 апреля ст. ст. 1842 г. (см.: *Центрархив*, *Документы*, с. 146).

[2] 1 (13) мая 1842 г. Тургенев был подвергнут экзамену по латинской словесности, а «через несколько дней», 4 (16) и 5 (17) мая, — устному и письменному экзамену по греческой словесности и древностям (см.: *Лисовский*, *Материалы*, с. 6—8). Называя экзамен 1 (13) мая последним, Тургенев, видимо, ошибся: экзамен в действительности был предпоследним.

[3] Об «Искушении святого Антония» см. письмо 45, примеч. 2.

[4] Стихотворение «Зимняя прогулка» до нас не дошло.

[5] Это произведение Тургенева также неизвестно.

[6] А. А. Бакунин в это время был еще студентом Московского университета.

[7] В конце мая ст. ст. 1842 г. Т. А. и А. А. Бакунины переехали в Шашкино, имение Бееров в Мценском уезде, в 20-ти верстах от Спасского. 4 (16) июня 1842 г. Тургенев посетил Бакуниных в Шашкино (см.: *Корнилов*, с. 140, 142). Сведения о местоположении имения Бееров по сравнению с предшествующим изданием (см.: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. I, с. 546) уточнены Н. М. Черновым.

47. **А. А. Бакунину** (с. 197)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 484, л. 9. На подлиннике помета неизвестной рукой: «1842, весна».

Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 139—140, без даты, среди других писем, относящихся к 1842 г.

Датируется по содержанию. Экзамен в понедельник, о котором упоминается в письме, был последним экзаменом, так как после него Тургенев намеревался сразу выехать в Москву. Этот экзамен происходил в понедельник (устно) и во вторник (письменно) 4 (16) и 5 (17) мая (см. письмо 46, примеч. 2). Комментируемое письмо написано в предшествовавшую ему пятницу, т. е. 1(13) мая 1842 г.

[1] Письмо В. А. Дьяковой к Тургеневу, в которое были вложены упоминаемые здесь ее письма к родным, неизвестно. Последние см.: *Корнилов*, с. 113—114. Письмо к Н. А. Бакунину написано Дьяковой в ответ на его просьбу: «Напиши мне, но так, чтобы Танюша не видела этого письма (напр., на имя Тургенева)» (там же, с. 113).

[2] Все эти письма неизвестны.

48. **П. А. Бакунину** (с. 197)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 488, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 213—214.

Стр. 198. Прощай (*итал*.).

[1] Елизавета Петровна Языкова вместе с Тургеневым принимала участие в выплате долгов М. А. Бакунина (см.: *Корнилов*, с. 174).

[2] Речь идет о портретах М. А. Бакунина и Е. С (?) Уваровой (см. письмо 52).

[3] Тургенев предполагал поступить на службу в Министерство внутренних дел, в связи с чем должен был представить записку «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» (см.: наст. изд., Сочинения, т. 1). Однако, может быть, речь идет и о каком-либо художественном замысле.

49. **А. В. Никитенко** (с. 198)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 18718, л. 10—11.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 179, с подробно аргументированной предположительной датировкой — конец 30-х — начало 40-х годов.

Уточнение даты в настоящем издании (как и в издании *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1) основывается на следующем соображении. Все известные письма Тургенева к Никитенко, относящиеся к концу 30-х и даже к 1840 г. (см. письма 8, 14, 18), начинаются обращением «Милостивый государь», как бы подчеркивающим значительность расстояния между Никитенко-профессором и Тургеневым-студентом. В настоящем письме (как и в других, начиная с 1841 г.,— см., например, письмо 35) нет прежней официальности и сдержанности, оно уже свидетельствует об известной свободе в отношении Тургенева к Никитенко, которая могла появиться только со временем. Поэтому, всего вероятнее, письмо следует отнести к началу 1840-х годов (1841—1842).

[1] О каких «стихоплетениях» идет речь — неясно.
[2] Письмо помечено средой; «послезавтра» приходилось на пятницу — приемный день Никитенко, которым хотел воспользоваться Тургенев для передачи своих стихотворений.

50. **А. А. Бакунину** (с. 199)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 484, л. 10—11.
Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 243—244.

[1] Это письмо А. А. Бакунина неизвестно.
[2] Очевидно, речь идет о письме М. А. Бакунина к П. А. Бакунину от 2 января н. ст. 1843 г. М. А. Бакунин вынужден был покинуть Дрезден в связи с тем, что властям стало известно о пребывании на его квартире поэта Г. Гервега (см.: *Корнилов*, с. 226).
[3] В первой половине апреля ст. ст. вышла в свет отдельным изданием поэма Тургенева «Параша». По-видимому, в это же время Тургенев заканчивал работу над драмой «Неосторожность» (*Отеч Зап*, 1843, № 10).

51. **К. С. Аксакову** (?) (с. 200)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 66.
Впервые опубликовано: Новое время, 1900, № 8626, 3 (16) марта, с. 2, ошибочно, как часть письма к С. Т. Аксакову от 9 (21) июля 1856 г. В таком же виде перепечатано: Лит. вестник, 1903, т. VI, кн. 5, с. 79.
Содержание комментируемой записки (она на отдельном листке) находится в противоречии с тем, что Тургенев писал С. Т. Аксакову в упомянутом выше письме. Почерк записки гораздо ближе к почерку Тургенева 1841—1843 гг., чем к почерку середины 50-х годов. Адресатом этой записки в таком случае не может быть С. Т. Аксаков, с которым Тургенев познакомился лишь в конце 1850 г. (см.: *Рус Мысль*, 1915, № 8, с. 125). Но так как записка сохранилась в архиве Аксаковых, то, по-видимому, следует признать, что она обращена к К. С. Аксакову, ибо с ним Тургенев общался, приезжая в 40-х годах в Москву. Косвенным подтверждением датировки письма служит упоминание о семье Ховриных, знакомых Тургенева с 1840 г. В одной из записок к К. С. Аксакову, относящейся к апрелю 1843 г., Ю. Ф. Самарин, приглашая его на вечер к Ховриным, писал: «Очень желают, чтобы ты приехал. Будет Тургенев молодой, тоже желает тебя видеть» (*Рус Арх*, 1880, № 2, с. 309). Возможно, что данная записка Тургенева к К. С. Аксакову относится ко второй половине апреля 1843 г.— времени пребывания Тургенева в Москве, где он останавливался по пути из Петербурга в Спасское (см. письмо Н. А. Беер к Бакуниным от 29 апреля 1843 г.: *Корнилов*, с. 247—248). Так как она помечена пятницей, а во второй половине апреля 1843 г. пятницы приходились на 16 и 23 числа, ее предположительно можно датировать 16 (28) апреля или 23 апреля (5 мая).

52. **П. А. Бакунину** (с. 200)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 488, л. 3—4.
Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 261—262, с редакторской датировкой — 8 июня ст. ст. 1843 г.

Датируется на основании почтового штемпеля: «Петербург 8 июня 1843».

[1] Письмо П. А. Бакунина до нас не дошло.
[2] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 9.
[3] П. А. Бакунин просил Тургенева достать денег для М. А. Бакунина, у которого было много долгов. М. А. Бакунин незадолго до этого, 13 (25) мая 1843 г., писал Павлу: «...ты можешь написать Тургеневу или Елизавете Петровне ⟨Языковой⟩ и просить их достать на короткое время денег» (*Корнилов*, с. 263).
[4] Речь идет о поэме «Параша», вышедшей в апреле 1843 г. отдельным изданием.
[5] П. А. Бакунин решил заняться политической экономией, по совету М. А. Бакунина, и в связи с этим просил Тургенева о высылке нужных ему книг (см.: *Корнилов*, с. 264).

53. П. А. Бакунину (с. 201)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 488, л. 5—6.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС* и *П*, *Письма*, т. 1, с. 233—234.

Стр. 201. Кстати (*франц.*).

[1] М. А. Бакунин жил в это время в Цюрихе (см.: *Корнилов*, с. 262, 264).
[2] В 1843 г. А. А. Бакунин окончил Московский университет по Юридическому факультету действительным студентом (см.: *Корнилов*, с. 267) и долгое время после этого не поступал на службу.

54. Луи Виардо (с. 202 и 353)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж) На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «A lire — copiée, non» («прочесть — скопировано; нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 182, 9 августа (с неточностями); во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 3—4.

Датируется на основании следующих соображений: 1) по чисто светскому, хотя и дружескому, тону письмо принадлежит к первым месяцам знакомства между Тургеневым и супругами Виардо; познакомился же он с Л. Виардо 28 октября (9 ноября), а с П. Виардо 1(13) ноября 1843 г.; 2) письмо написано в Петербурге, где Тургенев и Л. Виардо жили одновременно в течение трех зим (оперных сезонов): 1843/44, 1844/45, 1845/46 гг.; никогда позднее они в Петербурге не встречались; письмо от 9(21) мая 1844 г. (№ 56) показывает уже бо́льшую степень знакомства, следовательно, настоящее письмо может относиться лишь к более раннему времени — к зиме 1843/44 г.; 3) в конце февраля 1844 г. чета Виардо уехала из Петербурга за границу, и тогда же или еще раньше Тургенев уехал в Москву.

[1] По сообщению И. Д. Гальперина-Каминского, совместное участие в охоте явилось первым поводом знакомства Тургенева с Л. Виардо. «Когда ее ⟨П. Виардо⟩, — пишет Гальперин-Камин-

ский, — спрашивали об обстоятельствах ее первого знакомства с Тургеневым, г-жа Виардо говорила с милой улыбкой: „Мне его представили со словами: это — молодой русский помещик, славный охотник, интересный собеседник и плохой поэт...“. На охоте он и познакомился с г-ном Виардо, а затем уже был представлен жене последнего. Это было в октябре 1843 года» (*Рус Вед*, 1911, № 193, 23 августа). Этот рассказ, конечно, неточен, так как истинным основанием знакомства и быстрого сближения Тургенева с четою Виардо были его впечатления от выступлений П. Виардо на сцене, а охотничьи интересы могли служить лишь начальным поводом. Охоту в России, в окрестностях Петербурга и в прилегающих губерниях, Л. Виардо описал в ряде очерков, печатавшихся в журнале «Illustration» (1844, 24 и 31 августа, 7 сентября), а затем изданных в Париже в 1845 г. отдельной брошюрой «Quelques chasses en Russie» («Несколько охот в России»), к которой в том же году вышло и добавление: «Encore des chasses en Russie» («Еще об охотах в России»); эти очерки вошли в издание: V i a r d o t Louis. Souvenirs de chasses. Paris, 1846 (2-е изд. —1849, 3-е — 1853). В этой книге Л. Виардо описывает свои охотничьи поездки в обществе нескольких русских приятелей, которых называет буквами, не поддающимися раскрытию; упоминается ли здесь Тургенев и Зиновьев — установить невозможно. Очерки интересны тем, что в них содержится ряд критических отзывов о положении крестьянства, свидетельствующих об антикрепостнических взглядах автора.

[2] По-видимому, неточно записанные Тургеневым испанские слова «Que quieres, Panchito?» — вероятно, начало испанской народной песни, исполнявшейся в концертах П. Виардо.

[3] Первое выступление П. Виардо в итальянской опере на сцене петербургского Большого театра в сезон 1843/44 г. состоялось 22 октября 1843 г. в роли Розины в опере Дж. Россини «Севильский цирюльник»; вместе с ней пели Дж. Рубини (Альмавива) и А. Тамбурини (Фигаро); в партии Дон-Базилио выступил русский певец О. А. Петров (см.: *Сев Пчела*, 1843, № 235 и 238, 20 и 23 октября). Затем «Севильский цирюльник» с П. Виардо в роли Розины шел 27 и 29 октября. В одном из этих спектаклей Тургенев впервые увидел П. Виардо и слушал ее пение; 28 октября (по его собственному свидетельству) он познакомился с Л. Виардо, а 1 ноября был представлен П. Виардо. Большая и восторженная рецензия на дебют П. Виардо-Гарсиа принадлежала, вероятно, Булгарину (*Сев Пчела*, 1843, № 244, 30 октября). Она начиналась словами: «Бесспорно, с тех пор как существует в России театр, мы никогда не имели на сцене таких певцов, как Рубини и Тамбурини, и такой примадонны, как г-жа Виардо-Гарция...». Далее, сообщив краткие биографические сведения «об этой волшебнице, очаровавшей нашу душу прелестью своего голоса и силою своего таланта», рецензент так определял музыкальные и сценические качества артистки: «В пении ее мы находим и нежность Зонтаг, и искусство Каталани, и пылкость Пасты, и единственную гарциевскую методу сестры ее, Малибран. У Виардо-Гарции все ноты грудные, от высочайшего сопрано до низкого контральто, впадающего в бас, все рулады чисты, как жемчуг‹...› Пение г-жи Виардо-Гарции—истинно драматическое, и сколько мы можем судить по роли Розины, она столь же превосходная актриса, как и певица. Чувства в пении ее бездна, и каждая ее нота доходит до сердца‹...› Г-жа Виардо-Гарция неболь-

шого роста и сложена превосходно. В пламенных глазах ее отражается чувство героической Андалузии<...> Г-жа Виардо-Гарция во время своего пения приобретает необыкновенную прелесть. В ней<...> не видно никакого усилия, а кажется, будто она облегчает грудь свою, обремененную мелодией и гармонией...». В подобном же тоне писали и другие, специальные литературно-театральные издания. «Литературная газета» уже 24 октября 1843 г. в № 42 поместила подробный биографический очерк о П. Гарсиа-Виардо, где рассказывается о том, что «на седьмом году Полина Гарсия говорила уже на французском, испанском, италианском и английском языках с равною свободою, а впоследствии выучилась и немецкому, на котором говорит, как немка».

Помимо партии Розины в «Севильском цирюльнике», П. Виардо выступала в ролях Дездемоны («Отелло», опера Россини), Амины («Невеста-лунатик, или Сомнамбула» Беллини), Лючии («Лючия ди Ламмермур» Доницетти), Церлины («Дон-Жуан» Моцарта), Ромео и Танкреда (контральтовые партии в операх Беллини «Капулетти и Монтекки» и Россини «Танкред»; из последней в бенефис П. Виардо ставился один акт). Все эти выступления вызывали неизменный восторг, в особенности партия Амины. Популярности певицы немало способствовало и то, что в концертных номерах, обычно дававшихся после оперы, она исполняла по-русски романс Алябьева «Соловей», что не раз отмечали рецензенты. 6 февраля ст. ст. 1844 г. начался великий пост, и оперные спектакли прекратились, сменившись концертами, в значительной части благотворительными, в которых деятельно и с тем же успехом участвовала П. Виардо. Так, 16 февраля она пела в зале университета, в концерте, «даваемом ежегодно гг. студентами под дирекциею г. Шуберта». «Г-жа Виардо-Гарция была принята в этом концерте с необыкновенным энтузиазмом и, так сказать засыпана букетами и гирляндами» (*Сев Пчела*, 1844, № 34 и 39, 14 и 19 февраля). 19 февраля в зале Энгельгардта был дан концерт Филармонического общества в пользу вдов и сирот, при участии П. Виардо и Рубини. 25 февраля ст. ст. П. Виардо («наш соловушко», «наша любимица») дала последний концерт перед отъездом, обещая вернуться через шесть месяцев. Был ли на этих концертах Тургенев, сказать трудно, так как он, получив 14(26) февраля отпуск, вскоре уехал к матери в Москву и, заболев там воспалением легких, вернулся в Петербург лишь 5(17) мая 1844 г. О выступлениях П. Виардо на петербургской оперной сцене см.: *Вольф*, *Хроника*, ч. I, с. 106—107; ч. II, с. 104—105; Яхонтов А. Н. Петербургская итальянская опера в 1840-х годах. — *Рус Ст*, 1886, № 12, с. 733—745; *Розанов*, с. 31—45.

Сама П. Виардо в письме к Жорж Санд от 18(30) ноября 1843 г. так писала о своих выступлениях на петербургской сцене: «Вы знаете, что мой успех здесь так велик, как только вы могли бы желать для вашей Консуэло, — но чего вы не знаете, это — что он растет с каждым представлением и что я сама чувствую, какие успехи делаю каждый вечер... Когда я вышла на сцену в прошлый понедельник в „Цирюльнике“, аплодисменты были так бурны и так продолжительны, что я несколько минут не могла начать. Я была поистине тронута столь теплым приемом. Я отблагодарила их во втором действии маленьким сюрпризом, от которого чуть не обрушился зал, — я им спела русскую народную песню — по-русски, разумеется. Никогда я не слышала такого шума» (*Marix-Spire*, p. 192—193).

55. К. С. Аксакову (с. 202)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. 17, ед. хр. 2076.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС* и *П*, *Письма*, т. 1, с. 236.

Датируется предположительно на основании следующих соображений. Почерк записки соответствует почерку Тургенева начала 40-х годов. Кроме того, из ее содержания можно заключить, что еще недавно Тургенев был серьезно болен, а, как известно (см. письмо 56), находясь в Москве, он был болен в течение двух месяцев и только 5 (17) мая смог возвратиться в Петербург. О серьезной и продолжительной болезни Тургенева писала М. М. Карповой и мать писателя из Москвы 31 марта и 25 апреля ст. ст. 1844 г. В последнем из этих писем В. П. Тургенева сообщала: «Ванечке моему полегче стало», но «когда он выедет ⟨в Петербург⟩, не знаю еще» (*ИРЛИ*, Р. I, он. 29, № 15, л. 13). Комментируемая записка Тургенева относится, по-видимому, к последним дням пребывания его в Москве, когда он был уже в состоянии выходить из дому, — вероятно, к концу апреля ст. ст. 1844 г.

[1] По-видимому, речь идет о третьей книжке «Современника» за 1844 г., где за подписью «Т. Л.» (т. е. «Тургенев-Лутовинов») были напечатаны два стихотворения Тургенева: «В. Н. Б.» и «Заметила ли ты...».

[2] С Ю. Ф. Самариным Тургенев часто общался, приезжая в Москву в 1843—1844 гг. (см. письма Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову: *Рус Арх*, 1880, № 2, с. 309). В свою очередь, К. С. Аксаков в недатированной записке, относящейся, возможно, к концу апреля ст. ст. 1844 г., писал Тургеневу: «Самарин сказал мне вчера, что вы с ним собирались нынче ко мне...» (*ГПБ*, ф. 795, № 72).

[3] Н. А. и А. П. Небольсины считались дальними родственниками В. П. Тургеневой, которая писала сыну 26 сентября 1841 г.: «Это быть непросвещенным не бывать у Небольсиных. Первые балы. Это же наши родные» (*ГПБ*, ф. 795, № 94, л. 19). О встречах с Тургеневым у Небольсиных см. в воспоминаниях Е. И. Менгден (*Звенья*, VIII, с. 262—263).

56. Полине Виардо (с. 203 и 354)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 173, 28 июля (не полностью); во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 3—5.

Ошибочно датировано самим Тургеневым мартом 1844 г., что специально оговорено в примечании к публикации этого письма во французском оригинале. Письмо, как явствует из его содержания, написано Тургеневым по возвращении из Москвы в Петербург в мае 1844 г.

[1] «Allgemeine Theater-Zeitung» («Всеобщая театральная газета») издавалась в Вене.

[2] П. Виардо приехала вновь в Петербург в конце сентября 1844 г. (*Сев Пчела*, 1844, № 217, 25 сентября). Первое выступление певицы состоялось 2 октября в опере Доницетти «Лючия ди Ламмермур».

[3] Т. е. ближайший кружок почитателей П. Виардо, собиравшийся у нее в сезон 1843/44 г.; сюда входили, кроме Тургенева, Матв. Ю. Виельгорский, П. В. Зиновьев, С. А. Гедеонов, А. М. Гулевич и др.

[4] Последняя сцена Ромео — в опере В. Беллини «Капулетти и Монтекки», исполнявшейся с заменой третьего действия четвертым действием оперы Н. Ваккаи «Джульетта и Ромео». Партию Ромео (контральтовую) исполняла П. Виардо.

[5] Романс Шуберта на слова Гейне из сборника «Schwanengesang» («Лебединая песня»).

[6] Какое музыкальное произведение цитирует Тургенев, не установлено.

[7] Имеется в виду сборник романсов П. Виардо, изданный в Париже в 1843 г. (Album de M-me Viardot-Garcia. E. Troupenas et C-ie, éditeurs. Paris, 1843). В нем содержатся 8 романсов и песен на слова французских поэтов или переведенных на французский язык, а также народных, в том числе и названные Тургеневым три романса: «La chapelle» («Часовня») на слова Л. Уланда, с посвящением Жорж Санд; «L'ombre et le jour» («Мрак и свет») на слова Э. Тюркети, впоследствии переведенный Тургеневым на русский язык под названием «Ночь и день»; «Adieu les beaux jours» («Прощайте, ясные дни») на слова неизвестного автора, с посвящением Д. Оберу. В библиотеке Ленинградской филармонии хранится экземпляр «Альбома» П. Виардо (из архива Придворного оркестра) с ее надписью: «Au général Maestro Alexis Lvoff. Souvenirs affectueux de Pauline Viardot. St.-Pétersbourg 1-er Janvier 1844» («Генералу-маэстро Алексею Львову, на добрую память о Полине Виардо. С.-Петербург 1 января 1844 г.»). В сценах из оперы А. Ф. Львова «Бьянка и Гвальтьеро» П. Виардо выступала в Петербурге, например в концерте, данном 19 февраля 1844 г.

[8] О каком из братьев идет речь, установить не удалось. Возможно, имеется в виду С. А. Волков.

[9] Лето 1844 г., с июня по сентябрь, Тургенев жил на даче в Парголове под Петербургом.

[10] Тургенев служил в Министерстве внутренних дел с июня 1843 г. по 18 (30) апреля 1845 г., когда вышел в отставку в чине коллежского секретаря. В звании «отставного коллежского секретаря» Тургенев пребывал всю остальную свою жизнь.

57. **А. В. Никитенко** (с. 205)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 18718, л. 12—13.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 183, с предположительной датировкой — 1844 г.

Датируется по содержанию, из которого следует, что речь в письме идет о поэме «Разговор». Тургенев, очевидно, имеет в виду не дошедшую до нас рукопись поэмы, о которой С. Н. Кривенко пишет: «Находящаяся у нас рукопись представляет, по всем вероятиям, черновик, потому что переполнена множеством помарок и поправок... Участвующий в разговоре старик везде называется монахом и отшельником и преобразился в старика, вероятно, исключительно в видах цензурных... В начале рукописи написано рукою И. С.: „Разговор. Стихотворение Ив. Тургенева (Т. Л.) 777 стихов“, а в конце сделана пометка: „20 августа 1844 г. С. Парголово“» (*Т, Стих, 1891*, с. 253). Таким образом, письмо к Никитенко не могло

быть написано раньше конца августа ст. ст. 1844 г. С другой стороны, оно написано до выхода октябрьской книжки «Отечественных записок» за 1844 г., получившей цензурное разрешение 25 сентября ст. ст. 1844 г.

[1] А. В. Никитенко цензуровал в этот период «Отечественные записки». В октябрьском номере журнала за 1844 г. поэма «Разговор» не была напечатана. Она вышла отдельным изданием в самом начале 1845 г.

[2] Слово «монах» Тургенев изъял. Вместо стихов печатного текста поэмы

Стоял пустынник... наконец,
Он вышел медленно на свет

в черновой рукописи было:

Вздохнул задумчиво монах...
И, четки стиснувши в руках

(см.: *Т, Стих, 1891*, с. 253; *Т, ПСС и П, Сочинения*, т. 1, с. 104, 480).

58. В. Г. Белинскому (с. 205)

Печатается по копии А. Н. Пыпина: *ИРЛИ*, № 3361, с. 307.

Впервые опубликовано: *Белинский, Письма*, т. 3, с. 347, с приблизительной датировкой — осень 1844 г.

Подлинник неизвестен.

Датируется на основании цензурного разрешения отдельного издания поэмы «Разговор», последовавшего 13 (25) декабря 1844 г.

[1] Замечания Белинского были изложены на обратной стороне записки Тургенева, который исправил корректуру в соответствии с этими замечаниями (см.: *Белинский*, т. 12, с. 247—248; наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 469).

59. А. А. Бакунину (с. 206)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 484, л. 12.

Впервые опубликовано: *Корнилов*, с. 281.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Тургенев намекает на свой разрыв с Т. А. Бакуниной.

[3] Тургенев выехал в Париж в мае ст. ст. 1845 г.

[4] 9 (21) февраля 1845 г. Тургенев получил двухмесячный отпуск по службе (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 13), провел его в Москве и затем, выйдя в апреле в отставку, в мае уехал за границу.

[5] Другие письма Тургенева к А. А. Бакунину за этот период неизвестны.

[6] Очевидно, речь идет об отдельном издании поэмы «Разговор», вышедшем в начале января ст. ст. 1845 г. (*Сев Пчела*, 1845, № 9, 12 января).

60. В. Г. Белинскому (с. 207)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, М.5184.26, л. 1.

Впервые опубликовано: *Белинский, Письма*, т. 3, с. 350—351.

[1] «Помещик» был напечатан в «Петербургском сборнике», материал для которого в это время собирал Н. А. Некрасов. Как видно

из настоящего письма, первоначально у Тургенева, Белинского и Некрасова была мысль напечатать эту поэму отдельно, как незадолго перед этим были выпущены поэмы «Параша» и «Разговор».

[2] Речь идет о статьях И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» (*Москв*, 1845, № 1) и «Обозрение современного состояния литературы (статья вторая)» (*Москв*, 1845, № 2—3). Статья Тургенева не была написана.

[3] «Недолгая любовь» — первоначальное название поэмы «Андрей», напечатанной впоследствии в «Отечественных записках» (1846, № 1).

[4] Очевидно, уже в это время Белинский вынашивал план издания альманаха «Левиафан». Между тем П. В. Анненков приурочивает этот план лишь ко времени, непосредственно предшествовавшему разрыву Белинского с «Отечественными записками» Краевского, т. е. ко второй половине 1845 г. (см.: *Анненков*, с. 296; Ванюшина М. А. Белинский в работе над организацией альманаха «Левиафан» в 1846 г. — Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, 1952, Т. XXXI, с. 263). О задуманном альманахе Белинский неоднократно писал впоследствии А. И. Герцену, сообщая ему, между прочим, что Тургенев для альманаха дает «повесть и поэму» (*Белинский*, т. 12, с. 254).

61. **Полине Виардо** (с. 208 и 355)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 184; во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 5—7.

Датируется по содержанию и по связи с письмом 62, написанным через несколько дней. В обоих письмах речь идет о недавних гастролях П. Виардо в Петербурге, которые проходили в последний раз в сезон 1845/46 г. и окончились в начале февраля 1846 г. В письме 62 Тургенев упоминает о том, что уже скоро три месяца, как П. Виардо уехала из Петербурга, и сообщает ей, что пишет накануне своего отъезда в деревню. Этот отъезд состоялся в начале мая ст. ст. 1846 г., так как около 7 мая Тургенев уже был в Москве, где виделся с Белинским (см.: *Белинский*, т. 12, с. 276), а затем отправился в Спасское и пробыл там до октября.

[1] Приезд П. Виардо в Петербург на оперный сезон 1846/47 г. не состоялся.

[2] П. Виардо уехала из Петербурга 14 февраля ст. ст. 1846 г.; 2 февраля состоялся ее бенефис в опере «Сомнамбула» (*Сев Пчела*, 1846, № 29, 33, 35, 5, 9, 13 февраля). 9 февраля 1846 г. П. Виардо обратилась с письмом к директору императорских театров А. М. Гедеонову, в котором просила немедленно отпустить ее из Петербурга вследствие болезни (*ИРЛИ*. ф. 123, оп. 3, № 27; опубликовано: Советская музыка, 1960, № 8, с 92). 12 февраля в № 35 «Северной пчелы» появилось «печальное известие» о том, что «любимица нашей публики г-жа Виардо-Гарсия уже не будет петь в нынешний сезон. После ее бенефиса открылся у нее злокачественный кашель, называемый коклюшем, и медики решили, что единственное верное средство к исцелению этого опасного недуга есть перемена места, т. е. климата». В «Русском инвалиде» от 13 фев-

раля 1846 г., № 36, напечатано было объявление об отъезжающих за границу, в числе которых «Луи Виардо с женою Паулиною, урожденною Гарция».

[3] По всей вероятности, речь идет о рецензии на историческую драму «Смерть Ляпунова» С. А. Гедеонова — см.: наст. изд., Сочинения, т. 1.

[4] Куртавнель — усадьба Л. и П. Виардо в 50 км к востоку от Парижа, близ местечка Розе-ан-Бри в департаменте Сены-и-Марны. Тургенев бывал в Куртавнеле летом 1845 г., когда впервые после знакомства с Л. и П. Виардо выехал за границу (см. «Мемориал» — наст. изд., Сочинения, т. 11). Описание усадьбы см.: *Розанов*, с. 45—46.

[5] Поездка Тургенева в Одессу не состоялась.

62. Полине Виардо (с. 209 и 356)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 179; во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 7—9.

Обоснование датировки см. в примеч. к письму 61.

[1] См. письмо 61, примеч 3.

[2] См. примеч. (обоснование датировки) к письму 61.

[3] Имеется в виду решение П. Виардо относительно гастролей в Петербурге зимой 1846/47 г. Гастроли эти не состоялись. Причины, побудившие певицу отказаться от поездки в Петербург, были изложены ею в письме к Матвею Ю. Виельгорскому от 3 мая 1846 г. (см.: *Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 30—31); см. также: *Розанов*, с. 64—65.

[4] Вероятно, речь идет о повести «Бретёр», появившейся в № 1 «Отечественных записок» за 1847 г.

[5] С сыном Жорж Санд Морисом Тургенев познакомился, вероятно, тогда же, когда и с самой Жорж Санд, — летом 1845 г. в Куртавнеле (см. «Мемориал» — наст. изд., Сочинения, т. 11).

[6] Брат П. Виардо — Мануэль Гарсиа.

[7] Если речь идет о рецензии на драму С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» (см. письмо 61, примеч. 3), то Тургенев мог из-за нее ожидать для себя цензурных и служебных неприятностей потому, что резко отзывался о произведении сына крупного чиновника, директора императорских театров.

[8] Как полагает А. Звигильский, речь идет о статье Л. Виардо «Пасхальная ночь в Московском Кремле» (Иллюстрация, 1846, 11 апреля, с. 86—87; 18 апреля, с. 106), в которой цензурой был исключен отрывок, касавшийся социального устройства крепостной России (*Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 8—9).

[9] Что подразумевает Тургенев, неясно; возможно, он ошибается, имея в виду 1 ноября — годовщину своего знакомства с П. Виардо в 1843 г.

63. Полине Виардо (с. 210 и 357)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 173, 28 июля (не полностью); во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 9—12.

[1] П. Виардо гастролировала в Берлинской опере с октября 1846 г. Тургенев мог знать об этом как из русских, так и из берлинских газет, — в частности, из «Allgemeine Preussische Zeitung», внимательно следившей за ее выступлениями (см. следующие письма к П. Виардо).

[2] Эти письма Тургенева неизвестны.

[3] «Норма» — опера В. Беллини (1831). Партию Нормы пела и П. Виардо, прославленная исполнительница каватины «Casta diva» («Непорочная богиня» — обращение жрицы Нормы к луне). В Петербурге в сезон 1846/47 г. «Норма» шла при новом составе исполнителей, вызывавшем сомнения и критическое отношение со стороны поклонников П. Виардо. «Многие, узнав, что г-жа Виардо не будет петь в настоящий сезон, предсказывали опере совершенное падение, — писала „Иллюстрация“. — Первые спектакли, казалось, оправдывали их предсказание» (1846, т. 3, № 38, 12 октября, с. 602—604). Но эти опасения оказались преждевременными: рецензент отмечает далее успех Т. де Джули-Борси и других исполнителей, азываемых Тургеневым. К. Гуаско пел партию Поллиона, Виола — Адальджизы.

[4] «Любовный напиток» («Elisir d'amore») — комическая опера Г. Доницетти, текст Ф. Романи (1832); П. Виардо пела в ней партию Адины.

[5] «Храмовник» («Il Templario», 1840) — опера О. Николаи на сюжет романа В. Скотта «Айвенго».

[6] «Эрнани» («Ernani») — опера Дж. Верди на сюжет одноименной драмы В. Гюго, текст Ф.-М. Пьяве (1844).

[7] «Лючия ди Ламмермур» («Lucia di Lammermoor») — опера Доницетти на сюжет романа В. Скотта «Ламмермурская невеста», текст С. Каммарано (1835).

[8] «Лукреция Борджиа» («Lucrezia Borgia») — опера Доницетти на сюжет одноименной драмы Гюго, текст Романи (1833).

[9] В 1845 г. была поставлена историческая драма С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова»; о какой новой драме его идет речь — неизвестно.

[10] Тургенев выехал, однако, за границу во второй половине января ст. ст. 1847 г. и в июле приехал в Париж (см. следующие письма). Сомнения в возможности поездки были вызваны, очевидно, денежными соображениями, вследствие зависимости Тургенева от матери, не сочувствовавшей его поездкам за границу и особенно — его дружбе с П. Виардо.

64. Луи и Полине Виардо (с. 213 и 359)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано (с пропусками и неточностями): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 43, 24 septembre, p. 469—472; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 256, 17(29) сентября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 7—11, I; *Письма к Виардо*, с. 3—10, I; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 1—6, I.

Полностью публикуется впервые.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Opern-Haus — Королевская опера в Берлине, где П. Виардо выступала с 5 октября по 2 декабря н. ст. 1846 г. в итальянской опере, а с 1 января 1847 г. — в составе немецкой оперной труппы (см. письмо 65, примеч. 9).

[3] Берлинская официозная газета «Allgemeine Preussische Zeitung», которую читал Тургенев, поместила ряд восторженных, хотя и кратких рецензий на выступления П. Виардо в Берлинской опере — в роли Амины в «Сомнамбуле» Беллини (1846, № 278, 7 октября), Адины в «Любовном напитке» (№ 290. 19 октября; № 315, 15 ноября) и Норины в «Дон Паскуале» Доницетти (№ 322, 20 ноября), Нормы в одноименной опере Беллини (№ 306, 4 ноября). Рецензенты неизменно именовали Виардо «гениальной артисткой», «гениальной женщиной» и т. п. В рецензии на оперу «Норма» отмечались драматизм, правдивость и выразительность исполнения П. Виардо.

[4] Партия Амины в опере «Сомнамбула» считалась едва ли не высшим достижением П. Виардо во время ее петербургских гастролей 1843/44 и следующих годов. В Берлине опера также шла при участии П. Виардо.

[5] «Гугеноты» и «Лагерь в Силезии» — оперы Мейербера, из которых первая заслужила длительную и прочную европейскую славу, вторая же была вскоре забыта.

[6] «Ифигения», т. е. «Ифигения в Тавриде»,— опера Глюка (1779) на сюжет трагедии Еврипида того же названия. Трагедия Гёте «Ифигения в Тавриде» (1786) написана на тот же древнегреческий сюжет. Тургенев говорит об «Ифигении» в связи с постановкой оперы (на немецком языке) в Берлине, осуществленной позднее — весной 1847 г.— с участием П. Виардо в заглавной партии (см. письмо 65, примеч. 9). В письме к гр. Матв. Ю. Виельгорскому от 12 декабря 1846 г. П. Виардо писала: «Так как позднее мне придется играть в „Ифигении в Тавриде“ Глюка, то я хочу составить себе истинное представление о величественных и грандиозных образах античности. Как много надо трудиться, чтоб быть артистом! Но как это в то же время прекрасно!» (*Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 40; подлинник по-французски).

[7] Речь идет, очевидно, о романсах П. Виардо.

[8] Тургенев, вероятно, имеет в виду «Souvenirs de chasses» («Охотничьи воспоминания»), выпущенные в 1846 г. Часть этих очерков, относящуюся к России, он мог читать раньше, в двух изданиях 1845 г. (см. письмо 54, примеч. 1).

[9] Роман Жорж Санд «Лукреция Флориани», написанный в 1846 г., тогда же, еще до окончания работы над ним, стал печататься в фельетонах газеты «Le Courrier français», и в литературных кругах тотчас заговорили о том, что романистка в лице героя романа князя Кароля Росвальда изобразила композитора Фр. Шопена, а в отношениях между Росвальдом и героиней — актрисой Лукрецией Флориани — отразились длительные отношения Шопена с самой писательницей. Ж. Санд впоследствии решительно отрицала эти сближения, но ряд данных показывает несомненное сходство — если не в фактах, то в чертах характера — между князем Каролем и Шопеном (см.: Karénine Wladimir. George Sand, sa vie et ses œuvres, 1838—1848. Paris, 1912. T. 3, p. 513—537; русское издание: Каренин Владимир. Жорж Санд, ее жизнь и произведения. Пг., 1916. Т. 2, с. 497—524).

[10] Журнал «Современник», с начала 1847 г. ставший органом Белинского и его круга, выходил под редакцией Н. А. Некрасова, И. И. Панаева и (формально) А. В. Никитенко. Осенью 1846 г. были закончены переговоры с владельцем его П. А. Плетневым о переходе журнала к новой редакции.

[11] Вероятно, мисс Блэквуд.

[12] 1 (13) ноября 1846 г. исполнилось три года со дня знакомства Тургенева с П. Виардо.

65. Полине Виардо (с. 126 и 361)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 173, 28 июля; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 3—5.

[1] Тургенев имеет в виду письмо от 8 (20) ноября 1846 г.

[2] «La gazza ladra» («Сорока-воровка») — опера Россини на сюжет мелодрамы Кенье и д'Обиньи, текст Геральдини (1817). Заглавную партию Нинетты пела также П. Виардо.

[3] См. письмо 63, примеч. 6.

[4] «Дочь полка» — комическая опера Г. Доницетти (1840) на текст Ж.-Ф.-А. Байара и Ж. Сен-Жоржа. Отзыв об этой постановке дан в «Иллюстрации» (1846, № 46, 7 декабря).

[5] «Linda di Chamounix» («Линда ди Шамуни»), опера Доницетти, текст Н. Росси (1842).

[6] Вольф говорит о ней: «Место Виардо заняла Марра, золотая посредственность, потерпевшая торжественное фиаско в „Любовном напитке" и в „Дочери полка"» (*Вольф*, *Хроника*, ч. I, с. 122 — 123).

[7] Граф Матвей Юрьевич Виельгорский, так же, как и его старший брат Михаил Юрьевич, принадлежал к высшему петербургскому свету. Он был талантливым дилетантом-музыкантом, поклонником итальянской оперы, и в течение многих лет состоял в переписке с Полиной Виардо; письма П. Виардо к нему см.: *Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 5—134 (публикация А. С. Розанова); певица посвятила ему один из своих романсов — «Un jour de printemps» («Весенний день») на слова Тюркети. См.: 10 mélodies par Pauline Viardot. Album de chant pour 1850. Brandus et C-ie, éditeurs, Paris.

[8] В рецензии «Allgemeine Preussische Zeitung» (1846, № 336, 4 декабря) на последнее представление (2 декабря) «Сомнамбулы» с участием «синьоры Гарсиа» было написано: «Нужно ли говорить о том, как мастерски разрешила синьора Гарсиа свою музыкальную задачу, *несмотря на заметное недомогание*?» («*trotz merklicher Indisposition*» — эти слова в тексте газеты подчеркнуты).

[9] Речь идет о выступлении П. Виардо в Берлине в составе немецкой оперной труппы по окончании гастролей в итальянской опере. Первое ее выступление на немецком языке состоялось 1 января 1847 г. в роли Розины в «Севильском цирюльнике» Россини (см. рецензию: Allgemeine Preussische Zeitung, 1847, № 3, 3 января). 30 апреля 1847 г. П. Виардо спела — также по-немецки — партию Ифигении в опере Глюка «Ифигения в Тавриде». Выступления Виардо вызвали ряд отзывов немецкой печати, восторженно хваливших ее немецкое произношение. Выдержки из этих отзывов

были перепечатаны в «Библиотеке для чтения» (1847, т. 83, № 8, отд. VII, с. 161—162). В то же время П. Виардо выступала в концертах, например 17 марта в концерте пианистки Клары Шуман, жены композитора. На всех этих спектаклях с начала февраля мог присутствовать Тургенев, приехавший из Петербурга в Берлин в конце января — первых числах февраля н. ст. и проживший здесь до 13 (25) мая 1847 г.

[10] Имеется в виду «Современник» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева. См. письмо 64, примеч. 10.

66. **А. В. Никитенко** (с. 219)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 18718, л. 7.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 185, с предположительной датировкой — конец 1846 — начало 1847 г.

Эта датировка принимается в настоящем издании с некоторым уточнением: конец 1846 — первая половина января ст. ст. 1847 г., так как во второй половине января ст. ст. 1847 г. Тургенев выехал за границу. Очевидно, письмо относится к этому периоду, когда А. В. Никитенко был официальным редактором «Современника», только что перешедшего к И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову. Так как Никитенко не знал английского языка, он мог направить присланный ему перевод на отзыв Тургеневу, принимавшему деятельное участие в редакционных делах «Современника».

[1] Перевод «Сна» Байрона не появлялся в «Современнике» ни в этот период, ни в последующие годы. Автор перевода неизвестен.

67. **О. С. Одоевской** (с. 219)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, архив В. Ф. Одоевского, № 1411, л. 5.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. 1, с. 255, с предположительной датировкой, которая принимается и в настоящем издании.

Датируется на основании двух хранящихся в архиве *ИРЛИ* записок В. Ф. Одоевского к П. А. Плетневу с упоминанием о сдаче внаем загородного дома Одоевских — в Выборгской части, на Черной речке. В записке от 16 февраля 1847 г. Одоевский пишет: «Не услышите ли желающего иметь нашу лесную дачу. Мы ее отдаем. Сами отправляемся в Финляндию». В записке от 17 февраля — уточнение: «Дачу мы отдаем, любезный Петр Александрович, за 30 руб. серебром с мебелью и со всеми хозяйственными причудами... Очень бы хотели отдать в хорошие руки и избежать публикации в газетах» (*Т, ПСС и П, Письма*, т. 1, с. 564).

Познакомившись с Одоевским еще в 1838 г. (у Плетнева), Тургенев, по-видимому, и в 40-х годах бывал у Одоевских, с кругом которых он был связан литературными и музыкальными интересами, хотя сведения о его встречах с Одоевскими относятся в основном к 50-м и 60-м годам (см. письма Тургенева к Одоевской: наст. изд., Письма, т. 2; «Дневник В. Ф. Одоевского 1859—1869 гг.»: *Лит Насл*, т. 22-24, с. 178, 197, 229, 244).

Во второй половине января ст. ст. 1847 г. Тургенев уехал за границу, но до отъезда из Петербурга он мог знать о хлопотах Одоевских по сдаче внаем загородного дома. Выражения «сей дом

продается» и «внаймы отдается» поставлены в кавычки, очевидно, потому, что автор иронически повторял форму продажных и арендных объявлений, превратившуюся в штамп.

68. Н. А. Некрасову (?) и И. И. Панаеву (?) (с. 219)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 230. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. I, с. 256, с предположительным установлением адресатов, которое принимается и в настоящем издании.

Это — начало письма, которое, вероятно, закончено и отправлено не было. Оставшийся свободным лист занят черновым автографом рассказа «Русский немец» (см.: *Mazon*, p. 54; наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 520).

[1] Начиная с ноября 1846 г. Тургенев в письмах к Л. и П. Виардо (№ 64, 65) сообщал, что он усиленно работает для перешедшего к новой редакции журнала «Современник». Уже в первых трех книжках «Современника» за 1847 г. были напечатаны его два очерка, вошедшие впоследствии в книгу «Записки охотника», рецензия на трагедию Н. В Кукольника «Генерал-поручик Паткуль», фельетон «Современные заметки», «Письма из Берлина» и ряд стихотворений.

Начатое Тургеневым письмо должно было явиться ответом на неизвестное (возможно, коллективное, т. е. подписанное Некрасовым и Панаевым) письмо к нему из редакции «Современника», датирующееся, по упоминанию «четверга на Страстной», 20 марта (1 апреля) 1847 г. В письме к В. Г. Белинскому от 21 апреля (3 мая) 1847 г. Тургенев признавался: «Я не смею сам писать к Некрасову» (см. письмо 70, примеч. 6).

69. В. Г. Белинскому (с. 220)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1.

Впервые опубликовано в сб.: В пользу голодающих. Лепта Белинского. М., 1892, с. 31.

[1] Оба письма Тургенева Белинский получил, но они до нас не дошли (см.: *Белинский*, т. 12, с. 353).

[2] У Белинского умер сын Владимир.

[3] Белинский выехал из Кронштадта 6 (18) мая 1847 г. (см.: *Белинский*, т. 12, с. 362).

[4] В Штеттин Тургенев не поехал и Белинского не встретил; встретились они в Берлине, на квартире Тургенева (см. письмо 71).

70. В. Г. Белинскому (с. 220)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, М. 5184.26, л. 2.

Впервые опубликовано: *Белинский*, *Письма*, т. 3, с. 370.

[1] В письме к Тургеневу из Петербурга от 12 (24) апреля 1847 г., говоря о скором своем отъезде в Германию, Белинский писал: «Вот когда я, Ваш Фингал, обниму Вас, мою Мопну, если Вы сдержите Ваше обещание — ждать меня в Штеттине» (*Белин-*

ский, т. 12, с. 353). Фингал и Моина — персонажи трагедии В. А. Озерова «Фингал» (1805).

[2] Это письмо неизвестно. Говоря далее о «компании», Тургенев имеет в виду компанию, содержавшую пароходство между Петербургом и Штеттином.

[3] В письме Белинского к жене от 10 (22) мая 1847 г., написанном в Берлине, читаем: «Пишу к тебе в комнате Тургенева» (*Белинский*, т. 12, с. 362).

[4] В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев писал: «Летом 1847 года Белинский попал, в первый и последний раз, за границу. Я прожил с ним несколько недель в Зальцбрунне, небольшом силезском городке, славящемся своими водами, будто бы излечивающими чахотку...». См. также: *Белинский*, т. 12, с. 363—369.

[5] См.: *Белинский*, т. 12, с. 353.

[6] Тургенев не прислал обещанную Некрасову статью о немецкой литературе и поэму «Маскарад», ранее предназначавшуюся для альманаха «Левиафан» (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 61—62, 70; Ванюшина М. А. Белинский в работе над организацией альманаха «Левиафан» в 1846 г.— Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, Саратов, 1952. Т. 31, с. 268). Между тем о последней уже было помещено объявление в «Современнике» (1846, № 11, с. 241).

71. М. В. Белинской (с. 221)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, М. 5183.3.38, л. 39.

Впервые опубликовано: *Белинский*, *Письма*, т. 3, с. 371.

Письмо является припиской к письму В. Г. Белинского к жене от 10 (22) мая 1847 г.

Стр. 221. «Мейер и К°» — Беренштрассе, № 44, для передачи г-ну Белинскому... «Мендельсон и К°» (*нем. и франц.*).

[1] В Дрезден Белинский и Тургенев приехали 14 (26) мая 1847 г. и пробыли там шесть дней (см.: *Белинский*, т. 12, с. 366—367).

[2] В Зальцбрунн Белинский и Тургенев приехали 22 мая (3 июня) 1847 г. (см.: *Белинский*, т. 12, с. 363) и пробыли там до начала июля ст. ст.

[3] Сестра жены Белинского — А. В. Орлова.

[4] «Маленькая» — дочь Белинского Ольга, родившаяся в 1845 г.

72. Полине и Луи Виардо (с. 222 и 363)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 12—15.

[1] «I Masnadieri» («Разбойники») — опера в 4-х действиях Дж. Верди на либретто Ф. М. Пьяве, дополненное А. Маффеи, по одноименной трагедии Ф. Шиллера. Впервые была поставлена самим композитором на сцене лондонского Театра Королевы в летний итальянский сезон 1847 г. Первое представление оперы, на котором присутствовал Тургенев, состоялось под управлением автора 22 июля 1847 г.

[2] Драма Шиллера «Разбойники» в 5-ти действиях.

[3] Речь идет об опере Верди «Ломбардцы в первом крестовом походе» («Lombardi alla prima crociata», 1842) на либретто Т. Солеры по одноименной поэме Т. Гросси (1826). В этой опере П. Виардо, согласно контракту с дирекцией петербургских императорских театров, должна была петь в сезон 1845/46 г. Однако по каким-то причинам она от этого отказалась, уступив свою партию Т. Мольтини.

[4] Опера Мейербера «Роберт-Дьявол» (1830) на текст Э. Скриба и К. Делавиня шла на берлинской сцене в марте и апреле 1847 г. с участием П. Виардо, певшей партию Алисы. В спектакле 28 марта н. ст. она спела две партии — Алисы и Изабеллы. О берлинских выступлениях П. Виардо Тургенев упоминает в «Письме первом» начатого и незавершенного цикла «Писем из Берлина», датированном 1 марта н. ст. 1847 г.: «Я с большим удовольствием увидел и услышал снова Виардо. Голос ее не только не ослабел, напротив, усилился; в „Гугенотах“ она превосходна и возбуждает здесь фурор» (*Совр*, 1847, № 3, отд. «Смесь», с. 48; см. также: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 293).

[5] Эти письма неизвестны.

[6] Сведениями об этой поездке Тургенева в Булонь мы не располагаем, за исключением упоминания о ней в «Мемориале» (см. наст. изд., Сочинения, т. 11).

73. М. Ф. Корш (с. 225)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, М.5184.40.

Впервые опубликовано: *ГБЛ*, *Сб*, *1940*, с. 83, с предположительной датировкой — август 1847 г.

Судя по содержанию и адресу на обороте письма, оно написано в Париже, в пору пребывания там В. Г. Белинского. Тургенев обещал Белинскому проводить его на родину — от Парижа до Штеттина. Предполагалось, что их совместный отъезд состоится 3 (15) сентября 1847 г. Но Белинский, наблюдая неоднократные отлучки Тургенева в Куртавнель, досадовал на него за это и сомневался в реальности его обещаний. В настоящем письме речь идет об очередной поездке в Куртавнель, из которой Тургенев надеялся возвратиться через две недели, чтобы 3 (15) сентября ехать с Белинским. Поэтому всего вероятнее, что письмо написано около 20 августа ст. ст. 1847 г. Это предположение подкрепляется письмом Белинского к жене от 22 августа (3 сентября) 1847 г., в котором говорится, что Тургенев «показался было на несколько дней в Париже, да и опять улизнул в деревню к Виардо» (*Белинский*, т. 12, с. 396).

Стр. 225. Милостивой государыне мадемуазель Марии Корш, аллея Мариньи, № 9, во втором этаже, у г-жи Герцен (*франц.*).

74. В. Г. Белинскому (с. 225)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, М. 5184.26, л. 3.

Впервые опубликовано: *Белинский*, *Письма*, т. 3, с. 379.

[1] 11 (23) сентября 1847 г. Белинский выехал из Парижа, 19 сентября (1 октября) 1847 г.— из Берлина, 24 сентября (6 октября) 1847 г. прибыл в Кронштадт.

[2] Это письмо до нас не дошло.

[3] Записка Анненкова неизвестна. Выражение «славянский бузун» в словаре Гоголя отсутствует, поэтому фраза «как говорит Гоголь», надо полагать, относится только к слову «изумленье». Бузун — неочищенная самосадочная соль.

[4] «...изо всех моих друзей и приятелей,— писал Белинский,— этим именем я называю только Тургенева» (*Белинский*, т. 12, с. 431).

[5] Характеризуя поэму «Разговор» и в связи с этим самого Тургенева, Белинский писал ему: «...что за стихи! Нет правды ни на земле, ни в небесах,— прав Сальери: талант дается *гулякам праздным*. В эту минуту, Тург⟨енев⟩, я и люблю Вас, и зол на Вас» (*Белинский*, т. 12, с. 248).

[6] По всей вероятности, речь идет о двух из шести рассказов (из цикла «Записки охотника»), напечатанных позднее в «Современнике» (1848, № 2). Самые большие из них — «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник» и «Смерть».

[7] Речь идет о «Конторе» и «Бурмистре», напечатанных в десятой книжке «Современника» за 1847 г.

[8] Тургенев приехал в Петербург только 20 июня ст. ст. 1850 г.

[9] Последнее из известных нам писем Белинского к Тургеневу написано 12 (24) апреля 1847 г. (*Белинский*, т. 12, с. 353).

75. Полине Виардо (с. 226 и 365)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 43, 24 septembre, p. 473 — 476; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 256, 17 (29) сентября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 11—15, II; *Письма к Виардо*, с. 13—20, II; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 7—12, II.

Полностью во французском оригинале впервые опубликовано: *T*, *Quelques lettres*, p. 35—38.

Тургенев ошибся, продатировав письмо октябрем: оно написано в ноябре, так как в нем говорится о смерти композитора Мендельсона, последовавшей 4 ноября н. ст. 1847 г. Последняя часть письма, где говорится как о состоявшемся накануне первом представлении пьесы «Дидье, честный человек», происходившем 19 ноября н. ст., написана, вероятно, 8 (20) ноября 1847 г. Возможно, однако, что Тургенев ошибся не только в месяце, но и в числе, и все письмо, а не только часть его, написано 8 (20) ноября.

[1] Письмо П. Виардо, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.

[2] Медея — героиня одноименной трагедии П. Корнеля. Тургенев намекает на знаменитую реплику Медеи в ответ на вопрос ее наперсницы Нерины (акт I, сцена 5):

Нерина: Ваша страна вас проклинает, ваш муж изменяет вам; в таком великом бедствии что же вам остается?

Медея: Я! я сама, говорю я, и этого довольно.

[3] Гастроли П. Виардо в Германии — в Дрездене, Гамбурге и других городах — продолжались с октября 1847 по начало марта 1848 г. Все это время Тургенев жил в Париже (за исключением недолгого пребывания в Брюсселе в феврале 1848 г.), не имея воз-

можности, по материальным соображениям, сопровождать Виардо в ее путешествии.

[4] Всего вероятнее, что Тургенев имеет в виду широко известную сатирическую повесть Дидро «Племянник Рамо», но, может быть, также и «Парадоксы актера».

[5] Это письмо П. Виардо неизвестно. 12 ноября н. ст. 1847 г. она писала гр. Матв. Ю. Виельгорскому: «Вы, конечно, уже знаете о внезапной кончине Феликса Мендельсона. Это большое несчастье для строгого искусства. Он был единственным современным композитором, поддерживавшим вкус в Германии в благородных и ученых рамках. ⟨...⟩ Значение потери Мендельсона огромно, кроме того, это личное горе для всех знавших этого прелестного человека» (*Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 55; подлинник по-французски).

[6] Занятия Тургенева испанским языком начались, конечно, не без влияния П. Виардо и ее семьи. Но здесь сказалось и общее увлечение всем испанским, характерное для западноевропейской и русской культуры эпохи романтизма. В 1845 г. совершил путешествие в Испанию один из ближайших друзей Тургенева — В. П. Боткин. Тургенев провожал его до испанской границы и провел с ним несколько дней в Пиренеях, предполагая посвятить этой поездке начатый, но незавершенный очерк «Несколько дней в Пиренеях» (см.: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 413—414; 559—561).

[7] Тургенев имеет в виду, по-видимому, некоторые из рассказов, входящих в «Записки охотника» и напечатанных несколько позднее в «Современнике» (1848, № 2): «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник», ‹Смерть› — какие из них именно, сказать трудно.

[8] Речь идет о книге Г. Даумера «Тайны христианской древности» (Daumer G. Die Geheimnisse des christliches Altertums, 2 Bände. Hamburg, 1847).

[9] Т. е. о парижской Большой опере (Grand-Opéra), в разное время носившей различные наименования (Académie royale de musique, Académie impériale de musique, Académie nationale de musique, Le théâtre national de l'opéra и т. д.).

[10] Писательница Дельфина де Жирарден славилась умом и остроумием, но ее трагедия «Клеопатра», поставленная на сцене Французского театра в ноябре 1847 г., была эпигонским, напыщенным и фальшивым произведением; отсюда и отрицательное отношение к ней Тургенева.

[11] Комедия в двух действиях Э. Скриба и М. Массона. Судя по газетным и иным сведениям, пьеса «Дидье, честный человек» с актером Л.-Б. Фервилем в заглавной роли шла в театре «Жимназ» (впервые — 19 ноября 1847 г.), а не в «Варьете», как сообщает Тургенев.

[12] Комедия в двух действиях Ж.-Ф.-А. Байара и Ш.-А.-Э.-Э. де Бьевиля, премьера которой была также 19 ноября 1847 г. в театре «Варьете». Постановка двух пьес — «Дидье, честный человек» и «Жером-каменщик», готовившихся одновременно в двух соперничающих театрах, вызвала большое волнение в театральных и литературных кругах Парижа, о чем рассказал после премьеры Ж. Жанен в очередном фельетоне в «Journal des Débats» (1847, 22 ноября). Ходили слухи, что это — одна и та же пьеса под разными названиями, что авторы одной пьесы обокрали авторов другой. Жанен, однако, считал, что обе пьесы восходят к общему источнику — старой комедии Л.-Ф. Пикара «Les capitulations de

conscience» («Уступки совести», 1808). Премьеры обеих пьес были объявлены на один и тот же день — субботу, 20 ноября. За день до премьеры театр «Жимназ» перенес ее на пятницу, думая на день обогнать соперника, но театр «Варьете», со своей стороны, сделал то же самое — и обе пьесы шли в один и тот же день, 19 ноября. Успех той и другой пьесы был обеспечен актерами, игравшими заглавные роли — Фарвилем (в «Жимназ») и Буффе (в «Варьете»).

[13] Сопоставление актеров Буффе и Фервиля с композиторами Мендельсоном и Россини имеет, по-видимому, тот смысл, что, по мнению Тургенева, в игре Буффе больше внешнего блеска и рассудочности, в игре Фервиля больше искренности и непосредственности. Те же черты отмечал в них Жанен, говоря, что Фервиль играет по вдохновению, не обдумывая роли; Буффе, напротив, тщательно обдумывает и готовит каждое движение и слово.

[14] Драма братьев Коньяр по сказке М.-К. д'Онуа. Была поставлена в 1847 г. в парижском театре Порт-Сен-Мартен.

[15] О чем идет речь — неясно.

[16] Арзаче — персонаж из оперы Дж. Россини «Семирамида» (1823).

[17] Речь идет об охотничьих воспоминаниях Л. Виардо, которые неоднократно издавались, каждый раз — с дополнениями; охотам в разных местах Германии посвящен в них особый очерк (см. письмо 54, примеч. 1).

[18] Имеются в виду три сестры Луи Виардо.

[19] Тургенев встречался с Кларой Шуман в Берлине, вероятно, весною 1847 г., когда она давала там концерты, в некоторых случаях — при участии П. Виардо (см. письмо 65, примеч. 9).

[20] Далее следует приписка Х. Гарсиа (8 строк по-испански, обращенных к П. Виардо).

76. **В. Г. Белинскому** (с. 229)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, М.5184.26, л. 4—5.
Впервые опубликовано: *Белинский*, *Письма*, т. 3, с. 384—386.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Номера 9 и 10 «Современника» за 1847 г. См. об этом в письме Н. А. Некрасова к И. С. Тургеневу и П. В. Анненкову от 28 октября ст. ст. 1847 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 84).

[3] Стихотворение «Еду ли ночью по улице темной...».

[4] Неточная цитата из «Горя от ума» (монолог Репетилова: «Вот эдаких людей бы сечь-то, И приговаривать: писать, писать, писать»,— д. IV, явл. 4).

[5] Повесть А. И. Герцена «Доктор Крупов», появившаяся под заглавием «Из сочинения доктора Крупова» (*Совр*, 1847, № 9).

[6] В № 10 «Современника» за 1847 г. напечатаны «Письма из Avenue Marigny» Герцена и продолжение «Писем об Испании» В. П. Боткина; Тургенев имеет в виду, вероятно, «Письма» Герцена.

[7] Речь идет о первой статье Н. Г. Фролова «Александр фон Гумбольдт и его Космос» (*Совр*, 1847, № 10). Тургеневская характеристика Фролова близка к высказываниям о нем Белинского в письме к В. П. Боткину от 4—8 ноября ст. ст. 1847 г.: «Но вот статьи г. Фролова, особенно о Гумбольдте,— другое дело. Редакция „Современника“ содрогнулась этой статьи, а напечатала ее

потому только, что г. Фролов явился в редакцию с толками о Грановском... как о своем друге. Фролов бесспорно человек хороший, но литератор он плохой. Он холоден, сух, пишет сонно, нескладно и варварским языком. Будь его статья для одного № — еще куда ни шло; а то ведь, кажется, №№ на десять пойдет пугать читателей и подписчиков „Современника". Ужас!» (*Белинский*, т. 12, с. 419 — 420).

[8] В № 11 «Современника» за 1847 г. была напечатана полемическая статья Белинского «Ответ „Москвитянину„».

[9] В рассказах «Бурмистр» и «Контора» (*Совр*, 1847, № 10).

[10] См. письмо 77, примеч. 17.

[11] Автор этой брошюры — Ф. Пийе. Брошюра написана по поводу «Истории жирондистов» Ламартина (1847). Рисуя в своей книге образ Робеспьера, Ламартин делал нередко против него резкие выпады, что объясняется его симпатиями к противникам Робеспьера, жирондистам. Белинский к этому времени уже был знаком с книгой Ламартина и отнесся к ней отрицательно (*Белинский*, т. 12, с. 385). Как известно, Белинский высоко ценил Робеспьера; он писал о нем: «.... царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» (*Белинский*, т. 12, с. 105). Естественно поэтому, что Белинский должен был приветствовать всякую попытку критического отношения к книге Ламартина. Получив это письмо Тургенева, Белинский запрашивал П. В. Анненкова: «Бога ради, уведомьте меня о брошюрке против Ламартина по поводу Робеспьера» (*Анненков и его друзья*, с. 606).

[12] См. письмо 75, примеч. 10.

[13] Теофиль Готье в этот период вел еженедельный фельетон в газете «La Presse», принадлежавшей мужу Дельфины де Жирарден — Эмилю де Жирардену. В фельетоне от 16 ноября 1847 г., говоря о «блестящем успехе», который выпал на долю «Клеопатры», Готье утверждал, что это «трагедия лиричная, как ода, и захватывающая, как драма; она в равной степени удовлетворяет и мыслителя, ищущего только идей, и женщину, которую интересуют только слезы, и толпу, которая жаждет только действия» (цит. по: Gautier Théophile. Histoire de l'art dramatique en France... (5-e série). Bruxelles, 1859, p. 169—170).

[14] Египетская царица Клеопатра была возлюбленной сначала Юлия Цезаря, потом — Марка Антония. В 31—30 гг. до н. э. Октавиан (впоследствии император Август) вел успешную войну против Египта. Антоний, получив ложное известие о смерти Клеопатры, покончил самоубийством. Клеопатра, после неудачных попыток сделать Октавиана своим возлюбленным и таким образом изменить ход событий, приняла яд.

[15] Как видно из письма Некрасова к Тургеневу от 11 декабря ст. ст. 1847 г., Тургенев в декабре месяце в добавление к трем рассказам прислал еще четвертый (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 93). Все они появились в числе шести рассказов, напечатанных в № 2 «Современника» за 1848 г. («Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник» и «Смерть»).

[16] Эти письма Герцена к Тургеневу неизвестны.

[17] См. объявление об издании «Современника» в 1848 г (*Совр*, 1847, № 9, с. 9).

[18] Просьба Тургенева, видимо, была выполнена; в гл. IV повести «Петушков» есть фраза: «Иван Афанасьич, говоря слогом возвышенным, достиг своей цели».

[19] В письме от 25 июня ст. ст. 1847 г. Некрасов писал Тургеневу: «Мы решились дать в приложении к 10-му или 11-му № ⟨„Современника“⟩ „Иллюстрированный альманах“⟨...⟩ сюда же думаем мы поместить и ваш „Маскарад“, если только вы о нем не забыли» (*Некрасов*, т. 10, с. 73). Альманах Некрасова был запрещен цензурой; поэма «Маскарад», видимо, не была написана Тургеневым.

[20] Эта статья не была написана.

[21] Далее следует приписка П. В. Анненкова:

«И мы живем, Белинский, хотя не давая тех особенных признаков жизни, какими может похвастаться приятель, выше сего писавший. Знаете ли, что я тоже от одурения скуки стал писать повесть ⟨„Кирюша“⟩ и совершенно не знаю, просто ли она дурна или отвратительно дурна. Вы мне это скажете, когда я перешлю ее. Письмецо в „Современник“ послал и на днях перешлю к Герцену полученные нами №№ книжки.

Я встретил недавно Тира́-Мальмора и переговорил с ним насчет новой пересылки его лекарств, если они вам понадобятся. Вам стоит только написать, а хотелось бы знать, как живется внутри вас. Сие сделайте.

Кланяюсь всему вашему семейству. Adieu.

П. Анненков».

77. Полине Виардо (с. 231 и 368)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 173, 28 июля (не полностью); во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 6—9.

[1] Эти письма неизвестны.

[2] Тургенев имеет в виду себя и членов семьи Гарсиа-Сичес, живших в Париже.

[3] Квартира Тургенева в Париже находилась «недалеко от Пале-Рояля» (Palais-Royal), «на углу улицы Мира (rue de la Paix) и Итальянского бульвара (boulevard des Italiens)»; в одном доме с ним жил поэт Г. Гервег с женой (см. очерки Тургенева «Человек в серых очках» и «Наши послали!»).

[4] Романсы П. Виардо «La Luciole» («Светлячок») на слова Г. де Ларенодьера и «La chanson de Loïc» («Песня Лоика») на слова О. Бризё, посвященный певице М. Альбони, вошли в сборник «10 mélodies par Pauline Viardot. Album de chant pour 1850».

[5] Опера Верди «Ломбардцы в первом крестовом походе» («Lombardi alla prima crociata») была поставлена 26 ноября 1847 г. в парижской Большой опере под названием «Иерусалим» в новой редакции. Тургенев, тяготевший, особенно со времени знакомства с П. Виардо, к старой итальянской музыкальной школе — операм Россини, Доницетти, Беллини и других, долго не принимал драматической и психологической музыки Верди, считая ее антимелодической. См. позднейший отрицательный отзыв о «Травиате» в «Накануне» (гл. XXXIII). См. также письмо 72, примеч. 3.

[6] См. письмо 75, примеч. 9.

[7] Одна из главных вершин в Андах.

[8] По-видимому, шутливая переделка на итальянский лад французского народного выражения «dégueuler» — блевать, тошнить.

[9] Мануэль Гарсиа.

[10] «Севильский цирюльник» Россини и «Норма» Беллини — оперы той итальянской школы, рассчитанной на высочайшую вокальную технику, которую более всего ценил в эти годы Тургенев. В обеих операх с неизменным успехом выступала П. Виардо.

[11] «Лукреция» — стихотворная трагедия Ф. Понсара; впервые поставлена в парижском театре «Одеон» 22 апреля 1843 г. Ее шумный успех ознаменовал усиление во французской драматической литературе классических тенденций.

[12] «Цикута» — стихотворная комедия Э. Ожье, впервые поставлена в театре «Одеон» 13 мая 1844 г., позднее ставилась на сцене Французского театра.

[13] Отрицательное отношение к музыке Ф. Давида, создателя жанра од-симфоний, предназначенных для исполнения оркестром, хором и солистами, Тургенев высказал также в «Современных заметках» (1846). См.: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 286—287; 520.

[14] «Les Aristocraties, ou les Idées républicaines» («Аристократии, или Республиканские идеи») — сатирическая комедия в пяти действиях, в стихах, Э. Араго, поставленная в 1847 г. во Французском театре. Положительный отзыв о ней дал Ж. Жанен в очередном недельном обозрении драматических театров («La semaine dramatique») в газете «Journal des Débats» от 1 ноября 1847 г. Драматург, по словам критика, показывает, что современным обществом правят деньги и таланты, но талант торжествует над миллионами, и критик сочувственно отмечает благонамерность и сдержанность сатиры Араго.

[15] Неточная цитата из 6-й «Речи в стихах о человеке» Вольтера (1737). У Вольтера : «Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiraient jamais» («Твои почему, говорит бог, не кончатся никогда» — *франц.*).

[16] Рашель исполняла роль Клеопатры в трагедии «Клеопатра» Д. де Жирарден.

[17] Имеется в виду второй том семитомного труда Жюля Мишле «История французской революции» («Histoire de la Révolution française», 1847—1853). Второй том (книги III—IV) обнимает события от октября 1789 г. до бегства короля в Варенн 20—21 июня 1791 г.; в нем в драматических чертах описываются нарастание революции и сопротивление ей контрреволюционных сил. Заключение книги помечено 10 ноября 1847 г., так что Тургенев читал ее тотчас после выхода в свет.

[18] В 40-х годах Луи Блан был другом и единомышленником Ж. Санд, которая сотрудничала с 1844 г. в газете «La Réforme», издававшейся при его ближайшем участии. «История французской революции» («Histoire de la Révolution française») Л. Блана, I и II тома которой вышли почти одновременно с «Историей» Мишле, соперничала с последней. Статья Ж. Санд, упоминаемая Тургеневым, появилась в умеренно-республиканской газете «Le Siècle» (перепечатана в томе статей Ж. Санд: Questions politiques et sociales. Paris, 1879, p. 149—164).

[19] Тургенев говорит о членах семьи Гарсиа-Сичес.

[20] Луизе Виардо.

78. Полине Виардо (с. 234 и 370)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 173, 28 июля (с пропусками); полностью во французском оригинале — *T*, *Nour corr inéd*, t. 1, p. 15—18.

[1] В опере Мейербера «Роберт-Дьявол» П. Виардо исполняла обе главные женские партии — Алисы и принцессы Изабеллы; в опере Беллини «Норма» — заглавную партию; в его же опере «Сомнамбула» — партию Амины.

[2] Тургенев имеет в виду письмо Гоголя к П. В. Анненкову от 7 сентября н. ст. 1847 г. «Изобразите мне,— писал здесь Гоголь,— ⟨...⟩ портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем *замечательный* и обещает большую деятельность в будущем» (*Гоголь*, т. 13, с. 385).

[3] «Un caprice» («Каприз») — комедия в одном действии А. де Мюссе, была поставлена во Французском театре в ноябре 1847 г. и шла с громадным успехом, которым она была обязана остроумному диалогу и блестящей игре Л. Аллан в главной роли.

[4] По-видимому, речь идет о стихотворении Гёте, впоследствии переведенном Тургеневым под заглавием «Финская песня» и положенном на музыку П. Виардо (см.: Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Морике, Гейбеля и Поля, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа, № 2. Изд. А. Иогансена. СПб., 1874).

[5] «Записки дьявола» (1837—1838) — авантюрно-бытовой и социальный роман Ф. Сулье, изображающий самые отрицательные черты современной ему парижской жизни.

[6] Юдифь — героиня одноименной трагедии в трех действиях Д. де Жирарден на известный библейский сюжет, поставленной во Французском театре 18 апреля 1843 г. Критика упрекала автора «Юдифи» в изысканности и бледности стиля, в том, что характеры героев отзываются галантностью позднего классицизма.

[7] М. Альбони выступала в сезон 1846/47 г. в петербургской Итальянской опере, а в 1847/48 г.— в Париже. Исполняла почти все те же партии, что и П. Виардо, и считалась ее соперницей по сцене, чем, вероятно, и объясняются резко иронические отзывы о ней Тургенева. См. также письмо 79.

[8] См. письмо 77.

79. Полине Виардо (с. 236 и 372)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 43, 24 septembre, p. 477—480; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 256, 17 (29) сентября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 16—20, III; *Письма к Виардо*, с. 23—30; III; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 12—17, III.

Полностью публикуется впервые.

[1] В демократически настроенной семье Виардо к королю Луи-Филиппу относились отрицательно, и так же отрицательно

относился к нему Тургенев в эту пору наибольшей своей близости к демократическим воззрениям и идеям утопического социализма.

[2] Дочь королевы Марии Христины — королева Изабелла; в 1847 г. ей был всего 17 лет, и фактически Испанией правила Мария Христина. Тургенев, говоря о предназначенном якобы для нее экземпляре книги Мануэля Гарсиа по методике развития голоса, иронически намекает на колебания испанского правительства между либерализмом и реакцией, продолжавшиеся и позднее, при самостоятельном правлении Изабеллы, которая через двадцать лет, в 1868 г., была принуждена вследствие народного восстания отречься от престола и покинуть Испанию.

[3] Джулия Гризи обладала голосом такого же обширного диапазона, как и П. Виардо, и выступала в тех же партиях, в частности с громадным успехом в партии Нормы, считавшейся лучшим ее созданием.

[4] Опера Ф.-А. Буальдьё, имевшая долгий и прочный успех на парижской сцене.

[5] Среди опер Обера особый успех имела «Немая из Портичи» («La Muette de Portici», 1828), почему Тургенев и называет его «папашей Немой». Опера ставилась в Петербурге (1834) под измененным по приказанию цензуры заглавием «Фенелла»; в Лондоне она шла под названием «Мазаньелло».

[6] «Отец дебютантки» — водевиль в пяти действиях Ж.-Ф.-А. Байара и М.-Э.Теолона, поставленный в 1837 г. (сюжет его послужил источником для водевиля Д. Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин», 1839). В роли Гаспара в этом водевиле особенно прославился Верне. В то время, когда его видел Тургенев, он уже очень редко выступал из-за тяжелой болезни, от которой вскоре умер.

[7] «Сомнамбула» — опера Беллини, в которой П. Виардо выступала в свой первый приезд в Петербург, в сезон 1843/44 г.

[8] Драма К. Гуцкова «Уриэль Акоста» в условиях политической борьбы 1847 г., когда она была написана, имела злободнёвный смысл.

[9] Восторженный отзыв Тургенева о Фейербахе характерен для его взглядов 40-х годов, когда он, отходя от гегельянства, увлекался материалистическим учением Фейербаха. Ср. отзыв о нем в письме к Грановскому от 18 (30) мая 1840 г. (№ 23, примеч. 14).

[10] Тургенев говорит о первых двух томах труда Луи Блана «История французской революции». См. также письмо 77, примеч. 17—18.

[11] П. В. Анненков приехал в Париж вместе с Белинским 17 (29) июля 1847 г. и оставался там до лета 1848 г.

80. Полине Виардо (с. 240 и 374)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «autorisée» («разрешено» — *франц.*).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 43, 24 septembre, p. 481—484; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 256, 17 (29) сентября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*,

с. 20—23, IV; *Письма к Виардо*, с. 33—39, IV; во французском оригинале — *Halp.-Kam. Viardot*, p. 18—22, IV.

Впервые полностью во французском оригинале опубликовано: *T*, *Quelques lettres*, p. 43—45.

¹ Тургенев шутливо сравнивает успехи П. Виардо на юге Германии (в Дрездене) и на севере (в Гамбурге), а также ее будущий успех в центре Германии — Берлине, с тогдашними политическими событиями в Швейцарии. Зондербундом назывался реакционный клерикально-политический союз семи католических кантонов, образованный в 1843 г. для борьбы против буржуазно-либеральных и антиклерикальных реформ Союзного швейцарского правительства и сейма. После постановлений сейма о запрещении Зондербунда и об изгнании из страны иезуитов, вынесенных в июле — сентябре 1847 г., возникла гражданская война, закончившаяся в ноябре 1847 г. быстрым и полным разгромом клерикалов союзными войсками.

² Шутливое сравнение будущих успехов П. Виардо во время ее гастрольной поездки в Англию, в Лондон, с быстрым завоеванием Британии Юлием Цезарем в 54 г. до н. э.

³ См. письмо 78, примеч. 4.

⁴ Из двух русских приятелей, слушавших чтение Тургенева, один — П. В. Анненков, другой — возможно, Н. А. Мельгунов или И. В. Селиванов. Вещь, прочитанная им,— вероятно, рассказ «Татьяна Борисовна и ее племянник» (см. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 482). В то же время Тургенев работал над отделкой рассказов из «Записок охотника», написанных летом и осенью 1847 г., которые по мере окончания работы над ними отсылались Некрасову и затем были напечатаны в № 2 «Современника» за 1848 г. См. также письмо 76, примеч. 15.

⁵ Тургенев советует П. Виардо ввести в партию Розины в «Севильском цирюльнике» Россини колоратурную арию из оперы Бальфа «Манон Леско». Оперы Бальфа, холодно принимавшиеся в Париже и Италии, имели большой успех в Германии.

⁶ «Узнаю моих паппенгеймцев» — крылатое выражение, широко употребительное в ироническом смысле в немецком языке и представляющее неточное заимствование из трагедии Шиллера «Смерть Валленштейна» (д. III, явл. 15). Валленштейн в сцене с депутацией кирасиров из полка генерала Паппенгейма произносит: «Daran erkenn'ich meine Pappenheimer» («Узнаю в этом моих паппенгеймцев»).

⁷ См. письмо 77 примеч. 4.

⁸ Вероятно, речь идет об оригинальном или переводном стихотворении Тургенева — тексте для романса П. Виардо. Как полагает А. Гранжар, в основу этого не написанного Тургеневым или не дошедшего до нас стихотворения мог быть положен эпизод с пастушкой Марией из «Тристрама Шенди» Л. Стерна (см.: *T*, *Quelques lettres*, p. 46).

⁹ Тюильри — дворец французских королей в Париже, на правом берегу Сены, близ Лувра, построенный в XVI в., сгорел во время наступления версальских войск на Коммуну, 24 мая 1871 г. Сад при дворце — излюбленное место прогулок парижан. «Лев Бари» — бронзовая группа, изображающая льва со змеей и выполненная скульптором Бари специально для Тюильрийского сада (1833).

¹⁰ «Бабушка» — Х. Гарсиа; Маскариль и Жодле — персонажи

из комедии Мольера «Смешные жеманницы», плутоватые лакеи, представляющиеся знатными молодыми людьми; здесь, может быть, намек на неизвестных нам лиц из семейного окружения Виардо.

[11] Очевидно, об этом Виардо сообщала матери в не дошедшем до нас письме.

[12] См. письмо 77, примеч. 17.

[13] Э. Пельтан вел отдел хроники в газете Э. де Жирардена «La Presse». В своем разборе первых двух томов «Истории французской революции» Луи Блана он поставил под сомнение историческую объективность и достоверность этого труда. Л. Блан напечатал в той же газете протест против критики Пельтана, который в ответ на это выступил с новым подтверждением своей оценки. После этого Л. Блан предложил вынести свой спор с Пельтаном на рассмотрение комитета Литературного общества (см.: *T*, *Quelques lettres*, p. 47).

[14] Луи Виардо.

81. Полине Виардо (с. 242 и 376)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано (не полностью) во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 43, 24 septembre, p. 484—487; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 256, 17 (29) сентября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 23—27, V; *Письма к Виардо*, с. 43—48, V; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 23—27, V.

Вторично во французском оригинале опубликовано: *T*, *Quelques lettres*, p. 49—51 (с пропуском текста: «Et cette Divinité ∽ de la Grâce», см. с. 244 наст. тома).

Полностью публикуется впервые.

[1] «Вдоль по реке» — начальные слова известной французской народной песни, на мотив которой исполнялись некоторые песни Беранже.

[2] Опера Дж. Мейербера на либретто Э. Скриба (1836) П. Виардо пела в ней главную партию Валентины де Сен-Бри.

[3] «Повышение» и «понижение» — термины биржевой игры.

[4] См. письмо 80, примеч. 8.

[5] «Иосиф» — опера Э.-Н. Мегюля на библейский сюжет, поставленная в 1807 г., считалась наиболее значительным его произведением и пользовалась особым успехом в Германии. В парижской Большой опере уже не ставилась. Об опере Верди «Иерусалим» см. письмо 77, примеч. 5.

[6] «Умереть за родину» — патриотическая песня, которую Тургенев ошибочно приписывает Ф.-Ж. Госсеку. Слова «Mourir pour la patrie — c'est le sort le plus beau, le plus digne d'envie» («Умереть за родину — самая прекрасная, самая завидная участь») представляют собою припев к «Песне жирондистов» из драмы А. Дюма-отца и О. Маке «Кавалер де Мезон-Руж», переделанной из одноименного романа Дюма и поставленной в Париже 3 августа 1847 г. Слова песни принадлежат авторам драмы, припев взят из поэмы «Роланд при Ронсевале» Руже де Лиля, автора «Марсельезы»; музыка припева — того же Руже де Лиля, переделанная для

пьесы композитором П.-Ж.-А. Варне, написавшим и музыку всей песни. Песня «Умереть за родину» стала своего рода гимном парижской мелкой буржуазии накануне и во время революции 1848 г. После июньских дней, по словам Герцена, «Национальная гвардия, с свирепой и тупой злобой на лице, берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы пьяной мобили ходили по бульварам, распевая „Mourir pour la patrie", мальчишки 16, 17 лет хвастались кровью своих братий, запекшейся на их руках...» («С того берега», глава «После грозы»).

[7] Драма «Поклонение кресту» — одно из самых характерных произведений Кальдерона. В личной библиотеке Тургенева (Государственный музей И. С. Тургенева, Орел) имеется парижское издание 1838 г. избранных пьес Кальдерона на испанском языке — «Teatro escogido de Calderon de la Barca» («Избранный театр Кальдерона де ла Барка»), входящее в серию «Tesoro del Teatro Español, desde su origen (año de 1356) hasta nuestros días. Arreglado y dividido en cuatro partes por don Eugenio de Ochoa. Tomo tercero» («Сокровища испанского театра со времени его возникновения (1356 г.) до наших дней. Составлено и разделено на четыре части доном Эухенио де Очоа. Том третий»). На этой книге рукою Тургенева надписано: «Тургенев. Париж. 1847». Писатель, в эти годы увлекавшийся философией Фейербаха, близкий к Белинскому и Герцену, к французским сен-симонистам, восторгался поэтической силой, философской глубиной и убежденностью Кальдерона, но решительно отвергал католические принципы его идеологии. Героям испанского драматурга, склоняющимся перед волей бога и признающим себя игралищем его рук, Тургенев противопоставляет образы бунтарей, восстающих против божества,— мифического Прометея и библейского Сатану — героев произведений Эсхила, Гёте, Байрона, Лермонтова и др. О Тургеневе и Кальдероне см.: Л и п о в с к и й А. Увлечение И. С. Тургенева Кальдероном.— Литературный вестник, 1903, т. VI, кн. 5, с. 33—37; А л е к с е е в М. Тургенев и испанские писатели.— Литературный критик, 1938, № 11, с. 139; Z v i g u i l s k y A. Tourguénev et l'Espagne.— Revue de littérature comparée, 1959, t. XXXIII, № 1, p. 50—79.

[8] Фио-ратуры — игра слов, основанная на созвучии музыкального термина «fioriture» (фиоритура, т. е. украшение, осложнение мотива) и «rature» (помарка, поправка в тексте).

[9] См. письмо 78, примеч. 3.

[10] Ж. Мишле начал 16 декабря н. ст. чтение в Collège de France своего публичного курса лекций по «социальной истории» Франции.

[11] «Ченерентола» («Золушка») — опера Россини (впервые поставлена в 1816 г.); партия Золушки была одной из лучших в репертуаре М. Альбони.

[12] Эти письма, полученные Тургеневым, по-видимому, от Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, неизвестны.

[13] Речь идет о повести Д. В. Григоровича «Антон-Горемыка» (*Совр*, 1847, № 11).

82. **Полине Виардо** (т. 245 и 378)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «autorisée» («разрешено» — *франц.*).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 44, 1 octobre, p. 29—32; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 266, 27 сентября (9 октября). Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 27—31, VI; *Письма к Виардо*, с. 51—57, VI; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 27—32, VI.

Полностью публикуется впервые.

[1] Газета «Journal des Débats» 24 декабря 1847 г. поместила следующее сообщение: «Из Гамбурга (Германия) пишут от 18 декабря: Г-жа Виардо-Гарсиа, уже несколько дней находящаяся в Гамбурге, выступала третьего дня в нашем Большом театре в роли Валентины в „Гугенотах" Мейербера. Знаменитая певица должна дать в Гамбурге 12 представлений».

[2] Имеются в виду издатели «Современника» — Некрасов и Панаев.

[3] «Жизнь есть сон» — философская драма Кальдерона (1631—1632). Приведенное Тургеневым сопоставление главного героя драмы Сехизмундо с шекспировским Гамлетом отразилось впоследствии в речи-статье Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1859). См.: Алексеев М. Тургенев и испанские писатели.— Литературный критик, 1938, № 11, с. 139.

[4] «Чудесный маг» — философская драма Кальдерона (1637) с ярко выраженной религиозной идеей обновления и спасения грешника через христианскую веру. В сюжетном отношении «Чудесный маг» действительно имеет сходство с легендой о Фаусте, но отличается от нее своим церковно-католическим характером.

[5] Говоря об испанской драме XVII в. как о последнем и прекраснейшем выражении наивного католицизма, Тургенев имеет в виду прежде всего многочисленные религиозно-философские драмы Кальдерона, а также некоторые пьесы его предшественников — Лопе де Вега и Тирсо де Молина, в творчестве которых, однако, «католическая» тематика занимает не столь значительное место.

[6] «Устричная отмель» — «обозрение года от Рождества Христова 1847-го, в трех действиях и пяти картинах, господ Клервиля и Дюмануара» («revue de l'an de grâce 1847, trois actes, cinq tableaux, par MM. Clairville et Dumanoir»), представленное в театре Пале-Рояля. Обозрение построено в форме похождений в Париже 12 устриц, изображающих 12 месяцев года. С мнением Тургенева сходится и отзыв одного из авторитетнейших театральных критиков того времени — Ж. Жанена, который писал в фельетоне «Journal des Débats» (27 декабря 1847 г.): «Так вот всё, что остается от 1847 года — водевиль, шарж, дюжина устриц и плоских острот! Это — печальные похороны стольких тяжелых дней: наводнения, голода, мятежа, стольких немыслимых злодеяний, стольких отъявленных преступников, стольких несчастий!».

[7] Тургенев противопоставляет творчество Аристофана, имевшее большое общественное значение, творчеству популярного и плодовитого современного драматурга Э. Скриба, поставлявшего парижским театрам искусно построенные, занимательные пьесы с блестящими диалогами и сложной интригой, лишенные, однако, глубокого идейного содержания и удовлетворявшие вкусы и требования буржуазии.

[8] В комедии Аристофана «Птицы» (414 г. до н. э.) изображается утопическое птичье государство, в котором воплотились мечтания

афинских земледельцев, вызванные ожиданиями военно-политических успехов и будущего благоденствия. «Лягушки» — литературная сатира, направленная против Еврипида, идеология и драматургическая система которого были неприемлемы для Аристофана. Обе комедии наполнены намеками на современное им политическое положение Афинской республики.

[9] П. Виардо приехала в Берлин, после гастролей в Дрездене и Гамбурге, 25 декабря н. ст.

[10] Это письмо Тургенева неизвестно.

83. **Полине Виардо** (с. 248 и 380)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Начало письма (до слов: «est bonne à peindre») впервые опубликовано: Revue Hebdomadaire 1898, № 44, 1 octobre, p. 36; перепечатано: *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 48, VIII (как начало письма от 5 (17) января 1848 г.); в русском переводе впервые опубликовано: *Рус Вед*, 1911, № 177, 2 августа (с пропусками и неточностями, а также с воспроизведением начала письма (см. выше) во французском оригинале). Впервые полностью во французском оригинале, опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 18—23.

[1] Своего намерения Тургенев, по-видимому, не осуществил так как его портрет работы Леона Виардо неизвестен.

[2] П. Виардо приехала в Берлин 25 декабря н. ст. 1847 г. Сообщение об этом помещено в «Journal des Débats» 1 января н. ст. 1848 г.

[3] «Жидовка» — опера Ж. Галеви на текст Э. Скриба, поставленная в Париже в 1835 г. Во время гастролей в Берлине весною 1847 г., о которых и вспоминает далее Тургенев, П. Виардо исполняла в ней главную партию — Рахили.

[4] Супруги Pille-au-Nid (Пиль в гнезде) — очевидно, юмористически-охотничье прозвище.

[5] В доме своей русской поклонницы и приятельницы, гр. Каменской, П. Виардо останавливалась в Дрездене, во время своих гастролей там в ноябре-декабре 1847 г.

[6] Сестра Луи-Филиппа, Евгения-Аделаида-Луиза, принцесса де Бурбон-Орлеан умерла 31 декабря н. ст. 1847 г.

[7] Абд-эль-Кадер в 1832 г. провозгласил «священную войну» против французов и вел ее с переменным успехом более 15 лет. В конце 1847 г. он вследствие неравенства сил потерпел ряд неудач и после окончательного поражения в ночь на 22 декабря н. ст. был захвачен генералом К. Л. Ламорисьером и генерал-губернатором Алжира герцогом Омальским. Сообщение о взятии его в плен было опубликовано парижскими газетами 1 января н. ст. 1848 г. и воспринято как политическое событие величайшей важности, способное укрепить правительство Луи-Филиппа, подвергшееся критике со стороны либеральной оппозиции.

[8] Открытие сессии палат на 1848 г. (последней сессии перед февральской революцией) состоялось 28 декабря н. ст. 1847 г.; сессия началась тронной речью короля, вызвавшей сильнейшее недовольство оппозиции. 29 декабря, на первом деловом заседании, был избран председатель Палаты депутатов — кандидат консервативной (правительственной) партии Созе; выборы показали безус-

ловное преобладание в палате сторонников правительства, что резко противоречило настроениям в стране.

[9] Курс лекций историка Ж. Мишле был прекращен приказом министра народного просвещения за якобы вредное направление и возбуждение молодежи к антиправительственным демонстрациям. 7 января Мишле опубликовал в газетах открытое письмо, обращенное с благодарностью к молодым людям, его слушателям, где он объяснял задачу своего курса: «Весь курс этого года рассматривает один, существеннейший теперь вопрос: моральный и социальный разрыв ⟨между образованным меньшинством и народом, „высшим“ и „низшим“ классами.— *Ред.*⟩ и способы его преодоления» (Journal des Débats, 1848, 10 января).

[10] «Любовный напиток» — опера Доницетти, поставленная в Париже в 1839 г. П. Виардо выступала в ней во время гастролей в Петербурге, Берлине и других местах, исполняя партию Адины; Неморино — герой оперы.

[11] «Haydée, ou le Secret» («Гайде, или Секрет») — комическая опера на текст Скриба, поставлена впервые 28 декабря 1847 г. Отзыв о ней дан в фельетоне «Journal des Débats» от 4 января 1848 г.: здесь, в отличие от мнения Тургенева, отмечается легкая, изящная музыка Обера.

[12] Критик «Journal des Débats» (4 января 1848 г.), умалчивая о певце Гримм, отмечал резкий и прерывистый голос А.-Л. Лавуа, неумелую игру и другие недостатки исполнения.

[13] По-видимому, Тургенев говорит о русской актрисе А. М. Каратыгиной, 22 октября 1843 г. исполнившей на сцене петербургского Большого театра партию Марселины (Берты) в опере «Севильский цирюльник», дебютном спектакле П. Виардо в ее первый приезд в Россию.

[14] Вероятнее всего, имеется в виду известный труд Ж. Дюлора «Физическая, гражданская и нравственная история Парижа» (D u l a u r e J. Histoire physique, civile et morale de Paris. 7 volume. Paris, 1821—1822), который в конце 1847 г. вышел в новом однотомном издании, пересмотренном и дополненном Л. Батисье.

[15] Это письмо неизвестно.

[16] Тургенев в шутку испанизирует имя дочери П. и Л. Виардо Луизы.

84. **Полине Виардо** (с. 251 и 383)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 44, 1 octobre, p. 32—36; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 266, 27 сентября (9 октября). Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 31—35, VII; *Письма к Виардо*, с. 61—68, VII; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 32—38, VII.

Впервые полностью во французском оригинале опубликовано: *T*, *Quelques lettres*, p. 53—56.

[1] Мнение Тургенева о политическом положении во Франции высказано было, по-видимому, в неизвестном письме к Л. Виардо. Не раз возвращался Тургенев к этому вопросу в письмах к П. Виардо. Ряд признаков и событий общественной жизни указывали в это время на усиливающееся недовольство народных масс, на обо-

стрение классовой борьбы и приближение революции. Ср. позднейший очерк Тургенева «Человек в серых очках» (1879).

[2] «Мои рассказы» — очевидно, «Записки охотника», из которых в 1847 г. были напечатаны в «Современнике»: «Хорь и Калиныч» (№ 1), «Петр Петрович Каратаев» (№ 2), «Мой сосед Радилов», «Однодворец Овсяников», «Льгов», «Ермолай и мельничиха» (№ 5), «Бурмистр», «Контора» (№ 10); в то же время написаны рассказы «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бирюк», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Смерть», напечатанные в «Современнике» позднее (1848, № 2). Противопоставление этих рассказов галантно-пасторальным новеллам Флориана имеет иронический смысл.

[3] «Сеньор Луи» (и ниже «великий охотник») — Л. Виардо. Намерение его перевести на французский язык «Записки охотника» не осуществилось, но позднее он перевел, с помощью Тургенева, ряд его повестей.

[4] «Держи вора!» — известная цитата из комедии Мольера «Смешные жеманницы», не раз вспоминаемой Тургеневым в письмах к Виардо; Тургенев приводит слова из пародийного мадригала-экспромта Маскариля (в сцене X), кончающегося четырехкратным восклицанием «Au voleur!» («Держи вора!»).

[5] Цитата (в переводе) из третьей песни «Полтавы».

[6] Партия Ромео в опере Беллини «Капулетти и Монтекки» была написана для низкого женского голоса и исполнялась П. Виардо.

[7] Речь идет о парижской читальне, аналогичной той, которая существовала в Берлине.

[8] Опера Россини «Дева озера» (1819) написана на сюжет одноименной поэмы В. Скотта.

[9] Брат П. Виардо — Мануэль Гарсиа.

[10] Имеется в виду контракт, подписанный П. Виардо в Берлине в феврале 1848 г. на исполнение роли Фидес в опере Дж. Мейербера «Пророк» с ноября 1848 по май 1849 г., на чем настаивал сам композитор. Постановка оперы задержалась из-за политических событий и состоялась в апреле 1848 г. (см. письмо П. Виардо к Ж. Санд от 12 февраля 1848 г.: *Marix-Spire*, p. 242.)

85. Полине Виардо (с. 255 и 386)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 44, 1 octobre, p. 36—40; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 266, 27 сентября (9 октября). Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 35—39, VIII; *Письма к Виардо*, с. 71—77, VIII; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 38—43, VIII.

Полностью публикуется впервые.

Во французских изданиях к этому письму присоединен в начале отрывок, принадлежащий письму 83 (см. примеч. к нему).

Часть письма, начиная со слов «Сегодня, во вторник», очевидно, написана не 5 (17) января, а на следующий день, на который и приходился вторник.

[1] Тургенев имеет в виду представление оперы Глюка «Ифигения в Тавриде» во время гастролей П. Виардо в Берлине в начале января 1848 г. Об ее исполнении партии Ифигении писал постоян-

ный сотрудник газеты «Vossische Zeitung» Л. Рельштаб. В десятом номере газеты за этот год он высоко оценил талант певицы, которая обычно успешно представляла «все языки и стили», однако отметил, что по роду дарования ей ближе роли романтического плана, а не сдержанный характер античной героини. Рельштаб и в дальнейшем подробно откликался на каждое выступление певицы во время ее берлинских гастролей.

[2] См. примеч. 1.

[3] О ком идет речь, установить не удалось.

[4] Речь идет о статье Е. Коссака, посвященной исполнению П. Виардо партии Ифигении 11 января 1848 г. (Berliner Zeitungs Halle, 1848, № 12).

[5] Речь идет о статье Ф. И. Труна в «Berliner Zeitungs-Halle» (1848, № 10).

[6] Концерт в Парижской консерватории был посвящен памяти Ф. Мендельсона, умершего 4 ноября н. ст. 1847 г.

[7] Тургенев имеет в виду одного из героев исторической драмы Гёте 1773 г., повествующей о событиях кануна Великой крестьянской войны.

[8] О чем идет речь, не ясно.

[9] «Зимний сад» — предприятие, вызвавшее большие толки в обществе и в парижской печати — выставка цветов и растений, магазин цветов, семян и садовых орудий, а также предметов роскоши и искусства, ресторан, зал для праздников и балов и т. д. Был устроен на акционерных началах и открыт 20 декабря 1847 г. в специальном здании на Елисейских полях.

[10] Роман Ж. Санд из крестьянской жизни, один из ее «деревенских» романов, очень ценимых Тургеневым за их правдивость и народность. Роман публиковался в фельетонах «Journal des Débats» начиная с 31 декабря 1847 г., в течение всего января и начала февраля 1848 г.

[11] В 1841—1848 гг. П. Леру вместе с Ж. Санд и Л. Виардо издавал журнал социально-утопического направления «Revue indépendante» (о возможности участия в нем Тургенева — в виде сообщения материалов о русской литературе в 1847—1848 гг.— см.: Ланский Л. Отзывы о Белинском в «La Revue indépendante».— *Лит Насл*, т. 56, с. 497—500). П. Леру был в дружеских отношениях и переписке с Ж. Санд и как критик современного общества и католицизма оказал на ее творчество известное влияние (см.: Karénine Wladimir. George Sand, sa vie et ses œuvres, t. III. Paris, 1912, главы III и IV). Тургенев скептически относился к социально-утопическим симпатиям Ж. Санд и видел в ее «деревенских» романах здоровую реакцию против теоретизирования и утопизма, характерных для ее творчества начала 40-х годов. Показательным было и то, что роман печатался в «Journal des Débats» — консервативном правительственном органе, ведшем ожесточенную полемику с буржуазно-республиканской и социалистической оппозициями.

[12] Вступление к «Франсуа-Найденышу» начинается описанием осеннего вечера: «Мы возвращались с прогулки при лунном свете, который слабо серебрил тропинку среди потемневших полей. Это был осенний вечер, теплый и подернутый дымкой; мы заметили, как звучен воздух в это время года и какая таинственность царствует в природе...»

[13] Жарриель — местность близ Куртавнеля.

[14] Ш. Монталамбер 14 января н. ст. 1848 г. произнес в Палате пэров демагогическую речь, которая вызвала одобрение всей правой части Палаты. Оратор указал на недавнее поражение католической партии (Зондербунда) в Швейцарии как на поражение «порядка» и «истинной свободы» и победу «радикализма», худшего, чем анархия. «Радикализм» из Швейцарии готов был, по мнению Монталамбера, перекинуться во Францию и мог охватить всю Западную Европу (Journal des Débats, 1848, 15 января).

[15] «Жиль Блас» («Histoire de Gil Blas», 1715) — роман А.-Р. Лесажа. Тургенев читал его в испанском переводе для практики в этом языке.

[16] «Манон Леско» («Histoire du chevalier des Grieux et de Manon Lescaut», 1733) — повесть аббата А.-Ф. Прево. Тургенев переводил «Манон Леско» на испанский язык для практики в этом языке.

[17] Этот «ученик» испанского учителя Тургенева (Кастелара?), так же как и переписка с ним Тургенева на испанском языке, нам неизвестны.

[18] Комедия — «Нахлебник», в которой центральная роль Кузовкина предназначалась для М. С. Щепкина.

86. Георгу и Эмме Гервег (с. 258 и 389)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 37, л. 6.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 294.

Датируется по упоминанию о событиях в Берлине, см. примеч. 2.

[1] О ком из сотрудников французского временного правительства идет речь — неизвестно.

[2] Февральская революция во Франции ускорила развитие революционных событий в Германии, где уже в марте начались народные волнения. 18 марта 1848 г. берлинские рабочие, поддержанные всем народом, подняли вооруженное восстание и после героической борьбы на баррикадах заставили королевское правительство вывести войска из Берлина, произвести перемену министерства, дать амнистию заключенным и конституцию.

[3] Шпандау — немецкая крепость в 14 км от Берлина в сторону Потсдама. Слухи о бегстве Фридриха Вильгельма IV были ошибочны. Король думал о бегстве, но своего намерения не осуществил (Tagebücher von K. A. Varnhagen von Ense, Bd. VI. Leipzig, 1862, S. 81). В крепости укрылся 19 марта брат короля, наследный принц Вильгельм, которого ненавидел народ. Из Шпандау он перебрался в Гамбург, а оттуда бежал в Англию. Возможно, что его бегство послужило поводом для распространения слухов о бегстве короля.

[4] Тургенев жил в этот период в Париже в одном доме («на углу улицы Мира и Итальянского бульвара» — см. очерк «Наши послали!») с поэтом Гервегом, к которому он часто заходил.

87. Полине Виардо (с. 259 и 389)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 44, 1 octobre, p. 40—46;

в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 266, 27 сентября (9 октября). Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 39—46, IX; *Письма к Виардо*, с. 81—93; IX; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 43—52, IX.

Впервые полностью во французском оригинале опубликовано: *T*, *Quelques lettres*, p. 59—64.

[1] «Выставка» — ежегодный весенний «Салон» в Париже — была первой после февральской революции и, по мнению Тургенева, должна была в чем-то отразить происшедшую перемену. Выставка открылась 15 марта 1848 г. в залах Лувра и была громадной по количеству экспонатов — 5180 картин, скульптур, рисунков и т. д. Названия двух картин Э. Делакруа указаны Тургеневым неточно, подлинные их названия: «Le lion dévorant une gazelle» («Лев, пожирающий газель») и «Le Christ au tombeau» («Христос в гробнице»). «Смерть Валентина» изображает сцену из первой части «Фауста» Гёте. На выставке были также другие картины Делакруа — «Арабские актеры», «Смерть Лары» (из Байрона), «Лев в логовище». Газеты очень сдержанно отозвались о картинах Делакруа (как и обо всей выставке вообще, признанной самой слабой за многие годы) и вовсе не отметили той, которая понравилась Тургеневу («Лев, пожирающий газель»).

[2] «Griseldis, ou les Cinq sens» («Гризельда, или Пять чувств») — балет в трех действиях (либретто Ф.-Ф. Дюмануара и Ж. Мазилье, музыка А. Адана), поставленный за несколько дней до февральской революции. Сюжет (восходящий к знаменитой новелле Боккаччо) заключается в том, что богемский принц Эльфрид (М. Петипа), отличающийся полной бесчувственностью, отправлен отцом к невесте, дочери молдавского господаря; но пастушка Гризельда (Карлотта Гризи) вызывает в нем любовь и постепенно пробуждает все его чувства, кроме зрения; прозревает он лишь тогда, когда видит свою невесту, и она оказывается Гризельдой. Сцену магнетизма иронически отмечали рецензенты — Ж. Жанен в «Journal des Débats» (1848, 21 февраля) и Т. Готье в «La Presse» (1848, № 4302, 21 февраля).

[3] См. письмо 63, примеч. 7.

[4] Тургенев пародирует стиль Гюго, построенный на антитезах.

[5] «Провинциальные письма» («Lettres provinciales», точнее: «Lettres écrites par Louis de Montalte à un provincial de ses amis et aux RR. PP. jésuites sur le sujet de la morale et de la politique de ces pères» — «Письма, писанные Луи де Монтальтом другу-провинциалу и преподобным отцам иезуитам на предмет морали и политики этих отцов») — красноречивый и блестящий памфлет Б. Паскаля (1657) против иезуитского мракобесия, которое, однако, Паскаль критиковал с позиции «обновленного» янсенистами католицизма, что и отмечает Тургенев, называя его книгу «произведением раба». Цитируемые Тургеневым строки (два двустишия, почти точно приведенные) взятые из одиннадцатого письма, адресованного «преподобным отцам иезуитам» под датой «18 августа 1656», где Паскаль с иронией приводит отрывки из сочинения в стихах и в прозе одного из иезуитов — отца Лемуана «Нравственные картины» («Peintures morales»). Это сочинение Паскаль с возмущением называет «шутовством». Об отношении Тургенева к философии Паскаля и ее отражении в его творчестве см. в кн.: Б а т ю т о А. Тургенев-романист. Л., 1972 с. 60—90.

[6] Выставка проектов скульптурного символического изображения Республики была открыта с 25 по 30 апреля н. ст. и явилась результатом конкурса, объявленного в марте 1848 г. временным правительством. На выставке было представлено более 700 произведений, но все они оказались настолько слабы, что конкурс был признан несостоявшимся (см. фельетон в «Journal des Débats», 1848, 2 мая).

[7] А. А. Тучков, вместе с семьей (женой Натальей Аполлоновной и дочерьми Натальей и Еленой) приехав в Париж из Рима вскоре после февральской революции, прожил здесь весну и лето 1848 г., часто встречаясь с П. В. Анненковым и Тургеневым (см.: *Тучкова-Огарева*, с. 64—68, 279—283).

[8] «Путешествие вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра, напечатанное в 1794 г.,— ряд размышлений и замечаний, вызванных предметами, находящимися в комнате автора, но в большинстве не связанных с ними. Замечание Тургенева о подражании Кс. де Местра Л. Стерну вполне обоснованно и высказывалось в критике. Р. Тёпфер был лично близок к Кс. де Местру, содействовавшему его литературной карьере, и сближение этих имен является совершенно справедливым.

[9] В марте 1848 г. Гервег задумал организовать поход вооруженной рабочей колонны в Германию для возбуждения там революции. Несмотря на противодействие немецких эмигрантов, участники похода — 640 человек из рабочей эмигрантской молодежи, возглавленной Гервегом и его другом А. Борнштедтом,— 24 апреля н. ст. перешли границу Франции, но 27 апреля были встречены и разбиты вюртембергскими войсками; Гервег едва не попал в плен и спасся лишь благодаря находчивости и энергии его жены. Они скрылись в Швейцарию, а позднее вернулись в Париж. Сообщаемое Тургеневым известие о гибели Борнштедта оказалось ложным. Говоря о «Короле Лире», Тургенев имеет в виду 4-ю сцену III акта трагедии Шекспира.

[10] При временном правительстве Жорж Санд принимала активное участие в редактировании «Bulletins de la République» («Бюллетеней Республики»).

[11] На всеобщих выборах в Национальное собрание в конце апреля 1848 г. Жюль Бастид был избран депутатом от департамента Сены (Парижа), получив 110 228 голосов и заняв в списке избранных 30-е место (см.: Journal des Débats, 1848, 29 апреля).

[12] С конца апреля н. ст. 1848 г. П. Виардо с дочерью, Х. Гарсиа и А. Сичес находилась в Лондоне, куда была приглашена на летний итальянский оперный сезон в театр Ковент-Гарден. 5 мая она выступила в роли Валентины в «Гугенотах» Мейербера. Певица постепенно переходила от колоратурных партий к драматическим, к Мейерберу, Гуно, а позднее — к Верди.

[13] На выражение «être dans son assiette ordinaire» («быть в своей тарелке») обратил также внимание Пушкин и писал о нем в одной заметке 30-х годов: «. . . *assiette* значит положение от слова *asseoir*, но мы перевели каламбуром — в своей тарелке: — Любезнейший, ты не в своей тарелке. *Горе от ума*» (*Пушкин*, т. XII, с. 181).

[14] Фр. Леметр особенно прославился исполнением роли Робера Макера в мелодраме Б. Антье, Ж. Сент-Амана и Полпанта «Адретская гостиница» (1823) и в ее продолжении, пьесе «Робер Макер» (1834), написанной самим Леметром совместно с Антье и Сент-Аманом. Из мелодраматического и сентиментального злодея первой

пьесы Леметр создал гротескную и страшную фигуру современного героя — цинического и беспринципного дельца-авантюриста, способного на любое преступление,— сатирическое обобщение пороков буржуазного общества. Благодаря его игре имя Робера Макера сделалось нарицательным.

[15] Шутливый намек на распространенную тогда лженаучную систему френологии Ф. Галля, согласно которой свойства и способности человека определяются по соответствующим им выпуклостям на черепе.

[16] Открытие Национального учредительного собрания, избранного в конце апреля, состоялось 4 мая н. ст. 1848 г. О своей неудавшейся попытке попасть на одно из заседаний собрания Тургенев писал Л. Виардо (см. письмо 89).

88. Полине Виардо (с. 264 и 393)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 45, 8 octobre, p. 181—186; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 271, 2 (14) октября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 46—52, X; *Письма к Виардо*, с. 97—106, X; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 52—59, X.

«Отчет» представляет собой, вероятно, приложение к неизвестному нам письму; он написан в ближайшие дни после событий 15 мая 1848 г., что определяет датировку «отчета», помеченного датой описываемых событий, а не написания.

[1] События 15 мая 1848 г., неполно и тенденциозно представленные в парижских газетах, должны были волновать таких близких к левым политическим кругам людей, как Л. и П. Виардо. Естественно, что Тургенев поспешил дать им подробный «отчет».

Майские события были важным этапом французской революции 1848 г. На 15 мая была назначена демонстрация парижского населения перед Национальным собранием под лозунгом поддержки Польши, где нарастало в это время национально-освободительное движение. Но демонстрация превратилась в выступление рабочего класса Парижа против буржуазного правительства и реакционного Национального собрания. Буржуазия провокационно использовала этот день для расправы с рабочими и их руководителями. День 15 мая явился преддверием восстания рабочих 23—25 июня. Краткий, но яркий рассказ о событиях 15 мая оставил Герцен: им начинается «Письмо девятое» в «Письмах из Франции и Италии», помеченное «Париж, 10 июня 1848» (*Герцен*, т. 5, с. 132—133). Здесь дана оценка событий 15 мая как торжества буржуазного «порядка» над революцией и крушения республиканских идеалов. Тургенев не мог делать подобных выводов, что особенно сказывается в последних строках письма (о смысле истории), а также в том, что он считал разумным торжество буржуазного порядка. Но его резко отрицательная оценка Национального собрания не разнится с оценкой, данной Герценом (там же, с. 134 и сл., 379—381).

[2] Тургенев вспоминает о появлении М.-Ж. Лафайета среди народа, во главе Национальной гвардии, в июле 1830 г.

[3] «О» в слове «Польша» (*франц.* Поло́нь), «И» в слове «республика» (*франц.* репюбли́к).

[4] Мобильная (подвижная) гвардия образована была временным правительством в составе 24 батальонов по 1000 человек в каждом «из молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет»; они «принадлежали большей частью к *люмпен-пролетариату*» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1956, т. 7, с. 23). Мобильная гвардия использовалась буржуазией против рабочих 15 мая и особенно в июньские дни.

[5] По существовавшей традиции, председатель Национального собрания, надев шляпу, тем самым прервал бы заседание.

[6] По рассказу Тита Ливия, когда в 390 или 387 г. до н. э. галльские войска взяли Рим и ворвались в Сенат, сенаторы встретили их молча, сидя неподвижно, завернутыми в тоги; галлы приняли их за изваяния, но затем, обнаружив, что это живые люди, всех перебили.

89. Луи Виардо (с. 267 и 396)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, т. 2, p. 4—7.

[1] Л. Виардо с начала мая находился в Лондоне, где в это время выступала П. Виардо. См. письмо 87, примеч. 12.

[2] См. письмо 88.

[3] Празднество Братства, Согласия в честь Национальной гвардии департаментов Франции было устроено 21 мая 1848 г. и происходило по образцу празднеств Федерации (14 июля 1790 г.) и Верховного существа (8 июня 1793 г.). Парад вооруженных делегатов из провинций принимали члены Исполнительного комитета и Национального собрания. Подробный отчет об этом празднике был помещен в «Journal des Débats» от 22 мая 1848 г.

[4] Газета «Journal des Débats» от 20 мая цитировала «Le Courrier de Lyon» от 18 мая: «Этим утром наш город пришел в волнение от новости, что пригород Бресс был покрыт баррикадами и что государственные строительные рабочие, вооруженные и снабженные патронами, выступили против представителей Республики». Та же газета, цитируя местную газету Лилля «L'Echo du Nord» от 20 мая, сообщала о волнениях среди рабочих, происходивших 18 и 19 мая на Большой площади у здания почты.

[5] В отчете о празднестве 21 мая в «Journal des Débats» говорилось: «Ночью Марсово поле, Елисейские поля, площадь Согласия, сад Тюильри, общественные здания были иллюминированы. Иллюминация Елисейских полей, представлявшая собою гирлянды огней, развешанных по обеим сторонам большой аллеи, в середине освещенной фонарями из цветного стекла, была очень богата, хотя ее уже видели на других празднествах. Иллюминация площади Согласия была не менее блестяща».

[6] Об этой статуе в упомянутом выше отчете сообщалось: «В центре площади была поставлена огромная статуя Республики во фригийском колпаке. Левая рука опиралась на жертвенник, а правая держала корону и меч. Эта статуя, работы Клезенже, вообще говоря, не вызвала особого восхищения».

[7] На заседании Национального собрания 10 мая 1848 г. Л. Ф. М. Воловский, поляк по национальности, поднял вопрос о вооруженном выступлении Франции за независимость Польши. Дебаты по этому вопросу состоялись 15 и 23 мая 1848 г. На заседании

23 мая А. де Ламартин выступил против оказания военной помощи восставшим полякам в княжестве Познанском и Галиции, из-за неспособности вооруженных сил Франции противостоять объединенным войскам России и Пруссии (см.: «Journal des Débats» от 24 мая 1848 г.). Передовые круги восприняли позицию Ламартина как предательство по отношению к польскому народу. Так, М. А. Бакунин писал Ж. Санд 10 декабря 1848 г.: «Что касается поляков, великого герцогства Познанского, то тут измена г-на Ламартина очевидна. Он их уничтожил, он всегда выступал против них, он сторонник и поклонник Николая. В марте он отправил в Германию всю польскую эмиграцию, заверив ее на основании будто бы последних официальных сообщений, что перед ней широко распахнут ворота герцогства Познанского и Галиции. Поляки поверили ему на слово и тут же им пришлось раскаяться» (Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1977. М., 1979, с. 179).

[8] Под «искусственной войной» Тургенев подразумевает Познанское восстание под руководством Л. Мерославского, начавшееся 20 марта в городах Курник и Бнин и охватившее все Познанское княжество. Однако стремление лидеров консервативной шляхты, занявшей руководящее положение в национальном комитете восставших, лояльной тактикой убедить прусское правительство согласиться на предоставление Познанскому княжеству автономии привело к расколу среди восставших. Восстание было подавлено, и 9 мая в деревне Бардо был подписан акт о капитуляции.

[9] Первое представление оперы «Гугеноты» Мейербера состоялось в театре Ковент-Гарден 2 августа 1848 г.

90. Полине Виардо (с. 269 и 397)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: в русском переводе (с небольшими сокращениями) — *Рус Вед*, 1911, № 177, 2 августа; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 10—12.

[1] Поездка Тургенева из Парижа на юг Франции не преследовала, по-видимому, определенной цели (кроме перемены обстановки) и не нашла прямого отражения в его творчестве. Выехав из Парижа утром 12 октября н. ст. дилижансом, он посетил Лион, Валанс, Авиньон, Ним, Арль, Марсель, Тулон и Иер (Гиер), куда прибыл 19 октября и где провел около 10 дней. Из Иера Тургенев вернулся в Париж 6 ноября 1848 г.

[2] Речь идет о парижских рабочих, участниках июньского восстания 1848 г. Улица Кюльтюр Сент-Катрин (позднее названная улицей Севинье) находилась в Париже, в предместье Сент-Антуан и была одним из главных центров июньских событий.

[3] «Между небом и водой»— вероятно, картина или рисунок работы П. Виардо, которая была и одаренной художницей, либо исполнявшийся ею неизвестный нам романс.

91. Полине Виардо (с. 272 и 399)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском ори-

гинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 45, 8 octobre, p. 186—189; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 271, 2 (14) октября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с 52—55, XI; *Письма к Виардо*, с. 109—116, XI; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 60—65, XI.

Полностью публикуется впервые.

1 Письмо Тургенева к П. Виардо из Марселя, написанное, вероятно, 4 (16) октября 1848 г., неизвестно.

2 Наполеон Бонапарт, возвращаясь из Египта во Францию, сел на фрегат «Мюирон» 5 фрюктидора VII г. (22 августа 1799 г.); счастливо избегнув преследования английским флотом, он высадился у мыса Фрежюс на французский берег и 24 вандемьера (16 октября) явился в Париж, чтобы возглавить подготовку государственного переворота 18 брюмера (9 ноября).

3 Каторжная тюрьма в военно-морском порту Тулона была основана в 1682 г. и существовала до 1873 г. Она издавна заслужила мрачную известность и вызывала протесты гуманистов и прогрессивных политических деятелей. В литературе оставила память как место заключения героя романов О. Бальзака Жака Коллена (Вотрена), несомненно известного Тургеневу. Позднее В. Гюго изобразил тулонскую каторгу в романе «Отверженные».

4 Комедия «Нахлебник».

5 «Иоанна Безумная» — опера А.-Л. Клаписсона, текст Э. Скриба; впервые поставлена в парижской Большой опере в ноябре 1848 г. П. Виардо в ней не выступала. Мрачная музыка не понравилась публике, и опера скоро сошла со сцены.

6 «Пророк» — опера Дж. Мейербера, текст Скриба; впервые поставлена в Большой опере 16 апреля н. ст. 1849 г. Сюжетом оперы является свободно интерпретированная история Иоанна Лейденского, который объявил себя пророком и пытался возродить раннехристианский коммунизм, но был побежден феодально-католической реакцией, взят в плен и казнен (1536). В опере выдвинут на первый план трагический конфликт между «пророком», его матерью Фидес и невестой Бертой. Партия Фидес была написана Мейербером для П. Виардо; это — одна из ее лучших партий в период совершенной зрелости дарования, в которой развернулись в полной мере ее вокальные и драматические данные. См.: *Розанов*, с. 77—79; C o u b e s Fr. Pauline Viardot dans «La Prophète».— Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1978, № 2, octobre, p. 109—116.

92. Эмме Гервег (с. 275 и 402)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 37, л. 2.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 310.

Записка, по-видимому, написана по приезде из Иера, откуда Тургенев сообщал П. Виардо, что будет у нее в Париже 24 октября (5 ноября) (см. письмо 91). Помета на письме «понедельник» указывает на то, что Тургенев приехал 6 ноября н. ст. А. И. Герцен упоминает о нем и о его болезни в письме к Т. Н. Грановскому, Е. Ф. и М. Ф. Корш, Н. Х. Кетчеру и Н. М. Сатину от 7 ноября н. ст. (см.: *Герцен*, т. 23, с. 113).

[1] Герцен приехал со своим семейством в Париж 23 апреля (5 мая) 1848 г. и поселился сначала в одном доме с Тучковыми на Елисейских полях. В начале ноября н. ст. 1848 г. Герцены переехали на новую квартиру — на бульваре Мадлен, 17 (см.: *Герцен*, т. 5, с. 378; т. 23, с. 97, 114; *Тучкова-Огарева*, с. 297). Тургенев в ноябре и декабре очень часто посещал Герценов. Г. Гервег с конца ноября — начала декабря 1848 г. стал близким человеком в семье Герцена (см.: *Герцен*, *Летопись*, 1812—1850, с. 470—477).

[2] «Воинственным Горацием» Тургенев, вероятно, называет сына Гервега Горация, которому в это время было 5 лет.

93. М. С. Щепкину (с. 275)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон № 2, ед. хр. 162, л. 1.

Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 303—304.

[1] Н. А. Огарева вспоминает об И. В. Селиванове: «В 48 году мы виделись с ним часто в Париже. Тургенев уверял, что С‹еливанову› опасно ехать в Россию, потому что он был в Париже во время баррикад» (Русские пропилеи. М., 1916, т. 2, с. 145).

[2] М. В. Станкевич 11 декабря 1848 г. писала родным из Москвы: «...Михайло Семенович ‹Щепкин› с детьми приехал прочесть нам комедию Тургенева „Нахлебник“, которая будет дана в его бенефис... „Нахлебник“ — чудная пьеса. Михайло Семенович расплакался, читая ее и воображая, как хороша она будет на сцене... До сих пор она еще в цензуре. В ней на сцене богатые помещики и мелкопоместные бедняки, над которыми первые потешаются, и тут-то выходит настоящая трагедия. Может быть, эта пьеса будет напечатана в „Современнике“» (*Лит Насл*, т. 58, с. 720)

[3] Говоря о приятелях, Тургенев имеет в виду прежде всего А. И. Герцена, который 8 ноября н. ст. 1848 г. в письме к московским друзьям просил сообщить М. С. Щепкину, что «драма, которую пишет Тургенев,— просто объеденье» (*Герцен*, т. 23, с. 113, 114; см. также примечания к письму 92). Другими «приятелями» могли быть Н. А. Мельгунов, члены семейства Тучковых и пр.

[4] О том, что «Нахлебника» предполагалось впервые исполнить 31 января 1849 г. в бенефис М. С. Щепкина, Тургенев позже писал А. А. Краевскому (см. письмо 99).

[5] С. А. Гедеонов, автор драмы «Смерть Ляпунова», которую Тургенев резко критиковал в своей рецензии (*Отеч Зап*, 1846, № 8; наст. изд., Сочинения, т. 1), был сыном директора императорских театров А. М. Гедеонова. С этим обстоятельством и были связаны опасения Тургенева за судьбу «Нахлебника», которые целиком оправдались. Несмотря на хлопоты Щепкина, комедия в то время не была пропущена цензурой ни на сцену, ни в печать. Только в 1857 г. ее удалось напечатать (*Совр*, № 3); постановка же ее впервые осуществилась в январе 1862 г. в Москве, в бенефис Щепкина, боровшегося в течение тринадцати лет за возможность играть в этой пьесе. Подробнее см.: наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 589—600.

94. Эмме Гервег (с. 276 и 402)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 37, л. 4.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 312.

Письмо датируется на основании упоминания о гонораре доктору Рейе и пометы о том, что оно написано в понедельник.

О болезни Тургенева после возвращения его из поездки на юг Франции см. письмо 92 и примеч. к нему. Очевидно, Тургенев, тогда впервые обратившийся к Рейе, домашнему врачу семей Герцена и Гервега, не знал, сколько ему следует платить за леченье. Так как Тургенев приехал в Париж в понедельник 25 октября (6 ноября), то настоящее письмо следует датировать, скорее всего, неделей позже, т. е. 1 (13) ноября 1848 г. Более подробное обоснование датировки см.: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. I, с. 593.

[1] В период революции 1848 г. слово «братство» (fraternité) употреблялось как приветствие. Так, Жорж Санд писала Полине Виардо: «Maurice vous dit *salut* et *fraternité*» — «Морис вам говорит *привет* и *братство*» (*Marix-Spire*, p. 254).

95. А. А. Краевскому (с. 277)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 156.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 1.

Стр. 277. Улица Фронше (*франц*.).

[1] Более ранние письма Тургенева к Краевскому неизвестны.

[2] В письме от 8 (20) декабря 1848 г. Краевский отвечал Тургеневу: «Не для чего было... спрашивать о том, нужны ли мне ваши статьи. Конечно, нужны, и вы вдвое утешили бы меня, если б при письме прислали и ту готовую статью, о которой пишете, не удерживаясь неуместным вопросом: в каких отношениях мы находимся?» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 144). «Вещи», которые Тургенев намеревался отдать Краевскому,— повесть «Дневник лишнего человека» и, возможно, комедия «Вечеринка».

96. М. С. Щепкину (с. 277)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 84, л. 1—2.

Впервые опубликовано: Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 4, 1898, с. 118—119. Факсимиле, л. 1 и 2, воспроизведено: *Лит Арх*, т. 4, с. 377, 379.

[1] Письмо Тургенева, которое, вероятно, было послано вместе со вторым актом комедии «Нахлебник», неизвестно.

[2] Бенефис М. С. Щепкина предполагался 31 января 1849 г. Однако «Нахлебник» был запрещен тогда к постановке на сцене. О том, что актер высоко ценил комедии Тургенева, свидетельствует в своих воспоминаниях А. В. Щепкина, сообщающая, что «особенно нравилась ему пьеса „Нахлебник" и роль самого Нахлебника. Когда пьесу эту задерживали, и она долго не появлялась на сцене, то М. С. Щепкин пробовал ставить ее на домашнем спектакле у своих знакомых и разучивал роль Нахлебника с величайшим удовольствием и одушевлением. Роль эта занимала его в продолжение целой зимы, хотя, к сожалению, спектакль не состоялся» (*Рус Арх*, 1889, № 4, с. 538; ср.: Щепкина А. В. Воспоминания. Сергиев Посад, 1915, с. 213). См. также примеч. 5 к письму 93.

[3] Имя А. И. Герцена после событий 1848 г. стало в России запретным.

[1] Замечание Герцена относительно Кузовкина Тургенев принял во внимание. В первопечатном тексте комедии «Нахлебник», появившемся под заглавием «Чужой хлеб», в перечне действующих лиц под фамилией Кузовкин написано: «дворянин, проживающий на хлебах у Елецких, 50 лет. Носит сюртук с стоячим вопротником и медными пуговицами» (*Совр*, 1857, № 3, отд. I, с. 81). Таким образом, никакого специального указания на то, что сюртук этот дворянский, в тексте комедии не осталось. Что же касается речи Елецкого, то хотя Тургенев и согласился с Герценом, что слова «смею сказать» следует заменить словами «извините за выраженье», однако в печатный текст комедии (там же, с. 126) он этого изменения не внес.

97. **Полине Виардо** (с. 278 и 403)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано (без постскриптума): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 45, 8 octobre, p. 190—191; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 271, 2 (14) октября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 56—58, XII; *Письма к Виардо*, с. 119—122, XII; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 65—67, XII.

Полностью публикуется впервые.

[1] Речь идет, вероятно, о переводах Тургенева с французского на испанский язык. Возможно, однако, что он говорит о переводах своих рассказов и комедий на французский язык для изданий Л. Виардо, в частности о переводе написанной в 1848 г. комедии «Нахлебник».

[2] Вероятно, имеются в виду мемуары герцога Луи де Сен-Симона, обнимающие конец правления Людовика XIV и время Регентства. Они были изданы в 1829—1830 гг. (21 т.) и вторично — в 1840—1841 гг. (40 т.). Пребывание в Версале могло способствовать интересу Тургенева к изображению версальской придворной жизни у мемуариста.

[3] Шутливый намек на особенности романтического стиля В. Гюго — его любовь к контрастам, к сопоставлению высокого и трагического с ничтожным и комическим.

[4] О какой картине О. Верпе идет речь — неизвестно.

[5] Тургенев отрицательно относился к поэтическим произведениям Ламартина, сотканным, по словам Белинского, «из вздохов, охов, облаков, туманов, паров, теней и призраков» (*Белинский*, т. 7, с. 235).

98. **Георгу и Эмме Гервег** (с. 280 и 404)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 37, л. 1.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. I, с. 316.

Записка написана, по-видимому, в конце 1848-го или в начале 1849 г., когда Тургенев, Герцен и Гервеги встречались ежедневно (*Герцен*, т. 10, с. 249—252).

[1] Называя К. Абеля «невинным Авелем», Тургенев намекает на героя библейского предания, пользуясь созвучием имен для иронической игры слов.

99. А. А. Краевскому (с. 280)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 158.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 2.

[1] Ответ на письмо Краевского от 8 (20) декабря 1848 г. (см. письмо 95, примеч. 2). См. также письмо 100, примеч. 3.

[2] Представление комедии «Нахлебник» не состоялось, так как она была запрещена театральной цензурой, увидевшей в ней «оскорбление нравственности и дворянского сословия» (Оксман Ю. Г. И. С. Тургенев. Исследования и материалы. Одесса, 1921. Вып. 1, с. 78). См. также примеч. 5 к письму 93.

[3] Напечатать «Нахлебника» в «Отечественных записках» не удалось: последовал новый цензурный запрет. Подробное изложение цензурной истории «Нахлебника» см. в книге Ю. Г. Оксмана, указанной в примеч. 2, а также в комментарии к комедии: наст. изд., Сочинения, т. 2.

[4] Это письмо Тургенева неизвестно. М. С. Щепкин выслал комедию через В. П. Боткина (см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г., Приложения; с. 94).

[5] На первом листе корректуры запрещенной комедии стоит: «Нахлебник. Комедия в двух действиях (посвящена М. С. Щепкину)». Корректура опубликована: *Лит Музеум*, с. 189—257. Комедию удалось напечатать лишь в 1857 г. в «Современнике» (№ 3), где она появилась под названием «Чужой хлеб» и без посвящения.

[6] Н. С. Тургеневу.

100. А. А. Краевскому (с. 281)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 157.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 3—4.

[1] Письмо это до нас не дошло.

[2] См. письмо 99, примеч. 2, 3, 5. О безрезультатной попытке напечатать «Нахлебника» в «Отечественных записках» Краевский сообщил Тургеневу в письме от 11 (23) марта 1849 г. (*Лит Арх*, т. 4, 378—380).

[3] Неоднократные обещания выслать Краевскому эту комедию не были выполнены. О содержании ее можно судить лишь по воспоминаниям Н. А. Тучковой-Огаревой, сообщающей со слов Тургенева сюжетную схему пьесы (см.: *Тучкова-Огарева*, с. 280—281), и по хранящемуся в *ИРЛИ* первому листу ее чернового автографа с перечнем действующих лиц и началом текста (опубликован М. К. Клеманом: *Т, Сб* (*Бродский*), с. 9—11; ср.: наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 520—523). О нереализованных драматургических замыслах Тургенева см. также в статье Н. Л. Бродского «Тургенев — драматург. Замыслы» (*Центрархив*, *Документы*, с. 3—9).

[4] Речь идет о комедии «Холостяк» (см. письмо 101).

[5] Краевский отвечал Тургеневу: «С „О〈течественными〉 з〈аписками〉“ 1847, 1848 и 1849 годов будет поступлено по глаголу вашему» (*Лит Арх*, т. 4, с. 380). Однако это обещание не было выполнено.

101. А. А. Краевскому (с. 282)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 161.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 4—6.

[1] Тургенев отвечает на письмо Краевского от 11 (23) марта 1849 г. (см.: *Лит Арх*, т. 4, с. 378—380).

[2] Иронически измененная цитата из «Деяний святых апостолов»: «Трудно тебе идти против рожна» (гл. IX, стих 5),— ставшая поговоркой.

[3] Тургенев иронизирует над цензурным постановлением, где «Нахлебник» был охарактеризован как безнравственное произведение. См. примеч. 2 к письму 99.

[4] Ответ на запрос Краевского: «А с трехактной комедией, которую вы хотели послать к Щепкину, что намерены вы сделать? Нельзя ли ее в „Отеч‹ественные› записки"? Много бы одолжили. Прошу вас» (*Лит Арх*, т. 4, с. 380).

[5] Бенефис М. С. Щепкина в Петербурге на сцене Александринского театра состоялся 14 (26) октября 1849 г. «Холостяк» напечатан в 9-й книжке «Отечественных записок» за 1849 г.

[6] Это письмо до нас не дошло.

[7] Пьеса закончена 22 марта (3 апреля) 1850 г. (см.: Каталог выставки в память И. С. Тургенева. 2-е изд., СПб., 1909, с. 41) и после долгих цензурных проволочек была напечатана в № 1 „Современника" за 1855 г. под названием «Месяц в деревне».

[8] Первое представление оперы «Пророк» с участием П. Виардо в роли Фидес состоялось на сцене парижской Большой оперы 16 (а не 15, как следует из слов Тургенева) апреля н. ст. 1849 г. Статью о «Пророке» для «Отечественных записок» Тургенев окончил лишь в начале 1850 г. и в том же году напечатал ее во 2-й книжке этого журнала.

102. Полине Виардо (с. 283 и 404)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью) — *Рус Вед*, 1911, № 117, 2 августа; полностью во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 23—24.

Датируется согласно помете «Вторник» и по упоминанию о статье Ж. Жанена, напечатанной 4 июня.

[1] 20 мая (1 июня) Тургенев, оставшись ночевать у Герцена, заболел холерой. Герцен отправил жену с детьми в Виль д'Авре, а сам остался ухаживать за Тургеневым (см.: *Герцен*, т. 10, с. 43—44, т. 23, с. 141).

[2] Ж. Жанен в отчете о концерте м-ль Жорж писал, с каким ревнивым недоброжелательством держалась Рашель, отказавшаяся играть объявленную в программе сцену из пьесы «Воробей Лесбии», и противопоставлял ей П. Виардо: «Вот тут-то надо было видеть готовность, любезность, очаровательное внимание г-жи Виардо к этой публике, которую она любит и которая любит ее! — Вы лишились Лесбии с ее воробьем,— сказала она,— не угодно ли вам,

чтобы я спела испанскую или итальянскую песню? — Да! Да! браво, виват! — закричал партер, идите и пойте! мы охотно отказываемся от всех обещаний афиши! — И г-жа Виардо спела, аккомпанируя сама себе...» (Journal des Débats, 1849, 4 июня).

103. Полине Виардо (с. 283 и 404)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 177, 2 августа; во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, p. 13—14.

Датируется предположительно по помете «Среда» и по связи с предыдущим письмом, где Тургенев пишет о возвращении П. Виардо из Куртавнеля и о намерении посетить ее «послезавтра», т. е., очевидно, 26 мая (7 июня).

104. Полине Виардо (с. 284 и 405)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: в русском переводе (как два самостоятельных письма) — *Рус Вед*, 1911, № 177, 2 августа; во французском оригинале —*Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 24—26.

Датируется согласно указанным дням недели и по упоминанию о смерти Т.-Р. Бюжо.

1 Бюжо умер от холеры в Париже 10 июня н. ст. 1849 г.; правительственные газеты расценивали его смерть как национальное бедствие, худшее, чем военное поражение.

2 Выражение Тургенева «призывают французов к оружию» не вполне соответствует истинному характеру выступлений французской печати этого времени. 28 мая н. ст. 1849 г. открылось Законодательное собрание и тотчас же обнаружились глубокие противоречия между составлявшими его республиканской партией и партией порядка, а также республиканской партией и реакционным правительством, возглавляемым К.-И.-О. Барро. Положение обострялось и внешнеполитическими причинами: поход французских войск на республиканский Рим для восстановления папской власти вызывал возмущение широких масс, так же как и попустительство французского правительства в вопросе о вмешательстве Николая I в войну венгерского народа против Австрии на стороне последней. Борьба привела к «мирной» демонстрации мелкобуржуазной демократии 13 июня н. ст. 1849 г., разогнанной войсками.

3 Речь идет о письме Ф. Лессепса генералу Удино от 1 июня 1849 г., в котором он решительно осуждал действия Удино и заявлял о своей отставке. См.: L e s s e p s F. Ma mission à Rome. Paris, 1849, p. 158—161.

4 В мае Ю. Гайнау был назначен одним из руководителей австрийской армии, направленной против восставшей Венгрии, и сначала потерпел неудачу, но не под Пресбургом (ныне Братислава), как говорит Тургенев, а под Коморном, ниже по Дунаю, о чем глухо сообщалось в парижских газетах.

[5] Г. Дембиньский в январе 1849 г. прибыл в Венгрию, чтобы принять участие в восстании венгров против Австрии. Он был назначен главнокомандующим северной венгерской армией, но, возбудив недовольство и недоверие войск, был отстранен, затем назначен одним из командующих армией. Слухи о поражении, нанесенном ему русскими войсками, были ошибочны и не нашли отражения в печати.

105. А. А. Краевскому (с. 285)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 163.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 6—7.

Стр. 285. улица Дуэ (*франц.*).

[1] Слова (несколько измененные грамматически) из православной заупокойной молитвы.

[2] Речь идет о комедии «Холостяк».

[3] Задуманная Тургеневым поездка не состоялась.

[4] Статья — «Несколько слов об опере Мейербера „Пророк“. (Письмо к редактору)». См. письмо 101, примеч. 8.

[5] Тургенев дает адрес семейства Виардо.

106. Полине Виардо (с. 285 и 406)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано (без последней фразы): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 45, 8 octobre, p. 192—194; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 273, 4 (16) октября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам. Письма*, с. 58—61, XIII; *Письма к Виардо*, с. 125—130, XIII; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 68—71, XIII.

Впервые полностью во французском оригинале опубликовано: *T. Quelques lettres*, p. 69—71.

Датируется по связи с другими письмами этого времени, в частности — с письмом 104, где Тургенев пишет о разрешении ему доктором Рейе выйти в первый раз на другой день, и с письмом 108, где упоминается настоящее письмо, написанное «вчера» (по поводу «когтей» холеры).

[1] Этот сочиненный Тургеневым романс неизвестен.

[2] Мейербер как автор «Гугенотов» и только что поставленного (16 апреля н. ст. 1849 г.) «Пророка», где П. Виардо пела главную партию и имела громадный успех, был среди композиторов того времени особенно близок Тургеневу.

107. Полине Виардо (с. 287 и 407)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На письме (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — франц.).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 177, 2 августа; во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 13.

Датируется предположительно по связи с другими письмами и помете «Вторник»: в период болезни Тургенева, когда он оставался в доме Герцена, откуда, по-видимому, и было написано это письмо, вторник приходился на 24 и 31 мая (5 и 12 июня). Не исключено, однако, что Тургенев ошибся в указании дня недели.

108. **Полине Виардо** (с. 288 и 407)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На письме два почтовых штемпеля: «Paris, 12 juin 49» и «Rosoy-en-Brie, 13 juin 49».

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью и как два самостоятельных письма) — *Рус Вед*, 1911, № 177, 2 августа. Полностью во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 14.

Датируется по почтовому штемпелю.

109. **Полине Виардо** (с. 289 и 408)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 45, 8 octobre, p. 196—198; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 273, 4 (16) октября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 63—65, XV; *Письма к Виардо*, с. 139—141, XV; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 75—77, XV.

Полностью публикуется впервые.

[1] Это письмо — первый «бюллетень» Тургенева из Куртавнеля, куда он, очевидно, приехал из Парижа, после выздоровления, около 17 июня н. ст. П. Виардо 18 июня н. ст. уехала из Куртавнеля в Париж, чтобы затем отправиться на гастроли в Англию.

110. **Полине Виардо** (с. 290 и 409)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 45, 8 octobre, p. 194—196; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 273, 4 (16) октября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 61—63, XIV; *Письма к Виардо*, с. 133—136, XIV; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 72—74, XIV.

Полностью публикуется впервые.

Датируется по связи с предшествующим письмом и помете «Среда».

[1] Сообщение об арестах немецких демократов было помещено в «Gazette des Tribunaux» и перепечатано в других парижских газетах. Так, «La Presse» 17 июня 1849 г. (№ 4735) писала: «Мы читаем в „Gazette des Tribunaux“: „Произведены еще многочисленные аресты. Общее число арестованных достигло вчера вечером приблизительно 300. В течение дня арестованы были также большая часть членов немецкого демократического комитета и многие другие социалистические пропагандисты“». Аресты были связаны с демон-

страцией 13 июня н. ст. 1849 г. (см. письмо 104, примеч. 2). Г. Мюллер-Штрюбинг, входивший в круг немецких социалистов, а также и Герцен, близкий к французским социалистам-утопистам,— оба участвовали в демонстрации 13 июня и были под угрозой ареста. Поэтому Герцен 8 (20) июня выехал с чужим паспортом из Парижа и 10 (22) июня прибыл в Женеву. После его отъезда на парижской квартире его матери был произведен обыск (см.: «Былое и думы», гл. XXXVI; *Герцен, Летопись*, 1812—1850, с. 494—495). Мюллер-Штрюбинг остался в Париже и лишь значительно позднее переехал в Лондон. Тургенев, находясь в Куртавнеле, не знал об отъезде Герцена из Парижа и о судьбе Мюллера-Штрюбинга.

111. **Полине Виардо** (с. 292 и 410)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью)— *Рус Вед*, 1911, № 182, 9 августа; полностью во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 15—16.

[1] П. Виардо выехала 8 июля н. ст. на гастроли в Англию и пробыла там до конца августа.

[2] Статья Ж. Жанена напечатана в «Journal des Débats», под заглавием «Две недели отпуска», 9 июля н. ст. 1849 г.(т. е. была прочтена Тургеневым в день написания письма). Автор рассказывает о виденном им в бельгийском городке Малине празднике по случаю открытия памятника Маргарите Австрийской, принцессе XV в.: «Представьте себе, между двумя кострами, одно из тех наслаждений, которые невозможно описать! Представьте себе глубокий мир между двумя бурями! Рай между двумя адами! Розу Шери между двумя дуэньями! самоё Виардо, поющую между двумя провинциальными тенорами!.. Это — волшебная сказка — народ, расположенный между Германией в огне и Францией в развалинах, который в 1849 году заказывает своим скульпторам изображение этой Маргариты Австрийской...».

[3] Мануэль Гарсиа в это время жил в Лондоне, будучи профессором Лондонской консерватории.

[4] «Don Sébastien, roi de Portugal» («Дон Себастьян, король Португалии») — опера Г. Доницетти, текст Э. Скриба; впервые была поставлена в Париже в 1843 г. и вызвала тогда серьезную критику (в частности, Э. Делеклюза — постоянного музыкального критика «Journal des Débats»); в 1849 г. опера была возобновлена с частично измененным составом исполнителей.

[5] ««Лючия» — опера Доницетти «Лючия ди Ламмермур» (см. письмо 63, примеч. 7).

112. **Полине Виардо** (с. 294 и 412)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На письме (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 182, 9 августа; во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 17—19.

[1] Почтовая станция в Париже; от нее отправлялись дилижансы в местечко Розе-ан-Бри, близ которого находился Куртавнель.

[2] Барышни Виардо — три сестры Л. Виардо.

[3] Художник А. Моннье выступал также как актер и получил известность исполнением главной роли в пьесе «La famille improvisée» («Импровизированное семейство», 1831), написанной, по материалам произведений самого Моннье, второстепенным драматургом-водевилистом Н. Бразье в соавторстве с Т.-Д. Дюпети и Ф.-О. Дювером; здесь Моннье выступал в нескольких лицах, создавая остроумно, хотя и неглубоко, ряд характерных обрядов буржуазного общества.

[4] Роль Фидес — в «Пророке» Мейербера. См. письмо 91, примеч. 6.

[5] Речь идет о дополнительных выборах в Законодательное собрание, проведенных в Париже 8 июля н. ст. 1849 г. На выборах конкурировали два списка кандидатов: список «Избирательного союза», составленного из «друзей порядка», т. е. объединившихся легитимистов, орлеанистов, бонапартистов и правого крыла республиканской буржуазии, и «социалистический» список, представлявший левое крыло буржуазных республиканцев и мелкобуржуазных «социалистов». Буенвилье получил (по предварительным данным, опубликованным 11 июля н. ст., в день написания письма Тургеневым) 93 975 голосов, Гудшо — 91857; окончательные данные почти не изменили соотношения.

113. Полине Виардо (с. 296 и 413)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «Oui. A relire. Copiée» («Да. Перечесть. Скопировано» — *франц.*).

Впервые опубликовано (с пропусками): во французском оригинале —Revue Hebdomadaire, 1899, № 9, 28 janvier, p. 483—485; в русском переводе — *Моск Вед*, 1899, № 52, 21 февраля (5 марта). Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 85—87, XIX; *Письма к Виардо*, с. 187—191, XIX; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 102—106, XIX.

Полностью публикуется впервые.

[1] Выражение «rodomont», означающее: хвастун, лжегерой, произошло от имени одного из персонажей поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» — Родомонта, хвастливого труса, имя которого стало нарицательным.

[2] 7 июля н. ст. 1849 г., непосредственно перед приездом в Лондон П. Виардо, в лондонском театре Ковент-Гарден состоялось первое выступление Г. Зонтаг, вернувшейся после почти десятилетнего перерыва на сцену.

[3] Тургенев говорит, вероятно, о переводе на французский язык, по желанию П. Виардо, одного из его произведений, но какого именно — неизвестно.

114. Полине Виардо (с. 298 и 415)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верх-

нем углу) помета рукой П. Виардо: «Oui, copiée» («Да, скопировано» — *франц.*).

Впервые опубликовано (со значительными пропусками): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1899, № 9, 28 janvier, p. 486—489; в русском переводе — *Моск Вед*, 1899, № 52, 21 февраля (5 марта). Перепечатано: в русском переводе — *Гальп-Кам.*, *Письма*, с. 87—92, XX; *Письма к Виардо*, с. 195—202, XX; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 106—112, XX. Полностью во французском оригинале опубликовано: *T. Quelques lettres*, p. 73—76.

[1] П. Виардо приехала на гастроли в Лондон, когда дирекция театра Ковент-Гарден обанкротилась и новое руководство театра возлагало большие надежды на постановку «Пророка». Однако певице пришлось столкнуться с большими трудностями на репетициях, что отмечали газеты и о чем сама она по-видимому сообщала в Куртавнель. Подробнее см.: *Розанов*, с. 79.

[2] См. письмо 113, примеч. 3.

[3] Речь идет о предстоящем браке дочери П. и М. Сичес Антонии и Ю. Леонара. См. письмо 120, примеч. 19, 23.

[4] Тургенев имеет в виду Г. Зонтаг, выступавшую в Лондоне в опере Г. Доницетти «Линда ди Шамуни» и соперничавшую с П. Виардо.

[5] Герман и Доротея — герои одноименной идиллической поэмы Гёте; Гретхен — героиня первой части «Фауста»; г-жа Вандерборгт — вероятно, одна из знакомых семьи Виардо.

[6] Коморн — лошадь, принадлежавшая Л. и П. Виардо.

115. Полине Виардо (с. 301 и 417)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1898, № 45, 8 octobre, p. 198—200; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 273, 4 (16) октября. Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 65—69, XVI; *Письма к Виардо*, с. 145—152. XVI; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 77—83, XVI.

Полностью во французском оригинале опубликовано: *T*, *Quelques lettres*, p. 79—82.

Тургенев, датируя письмо июнем, ошибся, о чем свидетельствует содержание письма, тесно связанное с содержанием предшествующего, написанного в июле (см. № 114), а также несоответствие в датах чисел дням недели: четверг на 19, пятница на 20 и суббота на 21-е (н. ст.) приходились в 1849 г. на июль, а не на июнь.

[1] См. письмо 97, примеч. 5.

[2] «Пророк» Мейербера с участием П. Виардо в роли Фидес был впервые поставлен в Лондоне 24 июля н. ст. 1849 г.

[3] Валентина де Бри — героиня оперы Мейербера «Гугеноты», партию которой пела П. Виардо.

[4] Это стихотворение, положенное Тургеневым на музыку, написано, по-видимому, также им самим.

[5] Речь идет о Ш. Гуно и его романсе «Приношение».

[6] Посольство генерала К.-Л. Ламорисьера к Николаю I имело целью добиться у царя признания Французской республики, что,

в разгар интервенции царских войск против Венгрии, означало отказ французского правительства от помощи восставшим народам. Этим и объясняется возмущение, вызванное посольством Ламорисьера в прогрессивных кругах французского общества, а также и возмущение Тургенева.

[7] Тургенев приводит слова из дуэта Роже, исполнителя партии Иоанна Лейденского в «Пророке», и П. Виардо — Фидес.

[8] Слова Тассо из драмы Гёте «Торквато Тассо» (д. II, явл. 1). Этот же стих поставлен эпиграфом к V главе книги Герцена «С того берега», помеченной: «Париж, 1 марта 1849 г.».

116. Полине Виардо (с. 305 и 420)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: в русском переводе (как одно письмо с последующим, см. № 117) — *Рус Вед*, 1911, № 182, 9 августа; во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 26—31.

[1] Тургенев имеет в виду одну из двух картин А. Шеффера, изображающих Миньону, героиню романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

[2] Отношения Тургенева с матерью, давно уже натянутые, к лету 1849 г. стали близки к полному разрыву: В. П. Тургенева, недовольная долгим пребыванием сына во Франции и в особенности дружбой его с П. Виардо, прекратила высылку денег и, по-видимому, перестала ему писать.

[3] Речь идет о постановке «Пророка» Мейербера в лондонском театре Ковент-Гарден, с участием П. Виардо и певца Марио. Первое представление состоялось во вторник 24 июля н. ст.

[4] Мнение Тургенева о Ледрю-Роллене близко совпадает с отзывами Герцена (см. «Былое и думы», гл. LII).

[5] Преданный суду после событий 15 мая 1848 г. (см. письмо 88), Луи Блан эмигрировал в Англию. Говоря о его «новой газете», Тургенев имеет в виду «Le Nouveau Monde, rédigé par Louis Blanc. Revue historique et politique» («Новый мир, редактируемый Луи Бланом, журнал исторический и политический»)—ежемесячник, выходивший в Париже; первый номер журнала появился 15 июля 1849 г.

[6] Папа Пий IX 24 ноября 1848 г. бежал в Гаэту из Рима, где была объявлена республика, и город стал центром итальянского освободительного движения. Но реакционные силы католических государств — Австрии, Франции, Испании, Неаполя — объединились для интервенции против итальянского народа, в защиту папы. 3 июля 1849 г. Римская республика пала, 14 июля французский генерал Удино объявил о восстановлении светской власти папы, и Пий IX вскоре вернулся в Рим. Эти события означали победу реакции над демократией не только в Италии, но — несколько позже — и во всей Западной Европе.

[7] Источник цитаты не установлен.

[8] Роман Жорж Санд «Консуэло» (1842—1843) представлял собой интерес для Тургенева потому, что главным прототипом героини романа — певицы Консуэло — была, как известно, П. Виардо. Альберт — граф Рудольштадт, муж Консуэло, масон, мистик и духовидец, герой второй части романа «Консуэло» и следующего за ним романа «Графиня Рудольштадт» (1843—1844).

[9] Героиня повести Ж. Санд «Маленькая Фадетта», входящей в цикл ее «деревенских» романов.

[10] В середине июля в печати распространились ложные слухи о смерти А. Гёргея. Так, в «Journal des Débats» 18 июля н. ст. 1849 г. сообщалось: «Мы читаем в „Венской газете“ от 11 июля: „Последние три дня большое смятение царит среди мадьяр. Говорят, что Гёргей умер от ран. Достоверно то, что в последних столкновениях главное командование несет Клапка и что Гёргей был тяжело ранен“».

[11] М. А. Бакунин в это время находился в заключении, осужденный саксонским судом за участие в Дрезденском восстании в мае 1849 г. Тургенев, вероятно, ничего не знал о его судьбе.

117. Полине Виардо (с. 309 и 423)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «Oui, copiée» («Да, скопировано» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с незначительными пропусками и как продолжение и конец предшествующего письма, см. № 116) — *Рус Вед*, 1911, № 182, 9 августа; во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 31—32.

118. Полине Виардо (с. 310 и 424)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «autorisée, à lire, copiée» («разрешено, прочесть, скопировано» — *франц.*).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1899, № 10, 4 février, p. 33—36; в русском переводе — *Моск Вед*, 1899, № 174, 27 июня (9 июля). Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 92—95, XXI; *Письма к Виардо*, с. 205—210, XXI; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 112—117, XXI.

Полностью публикуется впервые.

[1] Опера Мейербера «Пророк», с участием П. Виардо в роли Фидес, прошла на сцене театра Ковент-Гарден 10 раз между 24 июля и 22 августа. Гастроли Виардо в Лондоне закончились 24 августа исполнением партии Церлины в «Дон-Жуане» Моцарта (см.: Illustrated London News, 1849, № 387, 25 августа). Состав исполнителей в «Пророке» был смешанный — в него входили итальянские, французские и английские певцы, и первые репетиции, по-видимому, не ладились, о чем Виардо сообщала в не дошедших до нас письмах из Лондона. Об улучшении ансамбля оперы от первого к шестому представлению писали рецензенты «Athenaeum» (1849, № 1136, 4 августа) и «Illustrated London News» (1849, № 385, 11 августа). См. также примеч. 3.

[2] Эти мысли Тургенева нашли место и в его творчестве — в повестях «Призраки» и «Довольно», в некоторых стихотворениях в прозе — таких, как «Разговор», «Necessitas, Vis, Libertas», «Природа», «Дрозд. I» и др.

[3] Английские журналы, перечисленные Тургеневым, освещали в рецензиях и статьях гастроли П. Виардо в Лондоне, в особенности ее выступления в новой для англичан опере «Пророк». Один из наиболее популярных журналов «Athenaeum», где сотрудничал авторитетный музыкальный критик Г. Ф. Чорли, еще 21 апреля н. ст. 1849 г. поместил в № 1121 (с. 416—418) большую статью о постановке «Пророка» в Париже, где особенно было выделено исполнение П. Виардо. В рецензии на первые представления «Пророка» в Лондоне (Athenaeum, 1849, № 1135, 28 июля, с. 771) отмечалось, что опера здесь, сверх ожидания, принята более горячо, чем в Париже, где первое представление было встречено сравнительно сдержанно. Другая сочувственная рецензия на оперу появилась в «Athenaeum» 4 августа (№ 1136, с. 794—795). В свою очередь и еженедельник «Illustrated London News» в кратких, но неизменно одобрительных отзывах отмечал почти в каждом номере, начиная с № 380 от 14 июля, представления «Пророка» с участием П. Виардо.

119. А. И. Герцену (с. 313)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 110, л. 1.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 87—88.

[1] 1 (13) июля 1849 г. Герцен принял участие в парижской демонстрации, направленной против Луи-Наполеона, и, вследствие преследований французской полиции, вынужден был уехать с чужим паспортом в Женеву. В Париж он вернулся в декабре 1849 г. (см.: *Герцен*, т. 23, с. 223).

[2] Речь идет о предоставлении Герценом Прудону крупной суммы на издание ежедневной демократической газеты «La Voix du Peuple». Соглашение по этому поводу между Прудоном и Герценом было подписано 14 августа н. ст. 1849 г. (*Герцен*, т. 23, с. 399—400). О намерении Герцена Тургенев узнал, вероятно, от Э. Гервег и Н. И. Сазонова (*Герцен, Летопись*, 1812—1850, с. 507).

[3] Г. Гервег эмигрировал из Парижа одновременно с Герценом и вместе с ним находился в Швейцарии. В июле 1849 г. они совершили вдвоем путешествие на ледник Монте-Роза, описанное Герценом в «Былом и думах» (гл. XXXVIII).

120. Полине Виардо (с. 314 и 426)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано (с незначительными пропусками, датой, неверно обозначенной самим Тургеневым (см. ниже), и как два отдельных письма): Revue Hebdomadaire, 1899, № 9, 28 janvier, p. 470—483; в русском переводе — *Моск Вед*, 1899, № 33 и 42, 2 (14) и 11 (23) февраля.

Вторично опубликовано во французском оригинале: *T, Quelques lettres*, p. 85—94.

Ошибочность авторской даты («4 июля» вместо «4 августа») подтверждается как содержанием письма и связью с другими письмами этого времени, так и календарем 1849 г., в котором «суббота, 4-е» приходится на август (н. ст.), а не на июль.

[1] См. письмо 118, примеч. 1.

[2] После спектаклей в Лондоне П. Виардо была приглашена на концертные выступления в Ливерпуль.

[3] «Другой брат» — вероятно, Мануэль Гарсиа, но, может быть, и брат Тургенева — Николай Сергеевич.

[4] Неточная цитата из эпиграммы Гёте «Meine Wahl» («Мой выбор», 1815). В подлиннике:

Wer sich nicht selbst zum besten haben kann,
Der ist gewiß nicht von den Besten.

(Тот, кто не умеет подтрунивать над самим собой,/Тот, конечно, не принадлежит к лучшим).

[5] Как указывает Тургенев, О. Отт был тесно связан с Ф.-Ж.-Б. Бюшезом, который в 1848 г. был председателем Национального учредительного собрания (Тургенев упоминает о нем, не называя его, в письме 88). Книга Отта, которую читал Тургенев,— «Руководство по всеобщей истории» («Manuel d'histoire universelle», 2 тома, 1840—1842) — написана в духе учения Бюшеза.

[6] В 1837—1841 гг. Н. Г. Устрялов издал «Русскую историю» в 5 томах, богатую (для своего времени) документами и фактическими данными, но консервативную по направлению. В Куртавнель мог ее привезти Л. Виардо из России.

[7] Тургенев читал, очевидно, раздел, посвященный средним векам, из «Всеобщей истории» К. Роттека («Allgemeine Geschichte», 9 томов, 1824—1827), неоднократно переиздававшейся с дополнениями. Говоря о том, что люди типа Роттека скатываются обычно до положения депутата «правой» Франкфуртского парламента, Тургенев имеет в виду судьбу Германского национального собрания, открывшегося во Франкфурте-на-Майне 18 мая 1848 г. Франкфуртский парламент, вследствие предательской роли нерешительных и колеблющихся либералов, составлявших большинство, не имел авторитета и в конце концов распался, а остатки его были разогнаны вюртембергским правительством (18 июня 1849 г.). К. Маркс и Ф. Энгельс сурово осудили деятельность собрания в работе «Революция и контрреволюция в Германии» и в статьях, опубликованных в «Новой Рейнской газете». Источник выражения «ejusdem farinae» — трактат Сенеки Философа «О благодеяниях».

[8] «Письма и сочинения» леди Монтегью (Letters and Works of Lady Mary Wortley Montague) были изданы в 1763 г. и в дальнейшем не раз переиздавались. Тургенев читал их, по-видимому, в одном из английских изданий (см. далее в письме приведенный им по-английски отрывок и примеч. 18 и 25); был и французский перевод, напечатанный в 1804 г. в Париже, в трех томах.

[9] Исторический роман Ф. Мартинеса де ла Роса «Донья Исабель де Солис» (1835) представляет собой «типичнейший испанский роман эпохи романтизма, написанный подражателем Вальтера Скотта» (Алексеев М. Тургенев и испанские писатели.— Литературный критик, 1938, № 11, с. 140).

[10] Речь идет об «Истории Испанской и Португальской войны» («Histoire de la guerre d'Espagne et de Portugal, de 1807 à 1814», 1814) Ж. Сарразена. Сарразен, генерал наполеоновских войск, известный авантюрист, перешел в 1810 г., из корыстных побуждений, на сторону Англии, за что заочно был присужден к смертной казни. В 1812—1813 гг. он сражался в Испании против французских войск, в 1815 г. поддерживал Бурбонов. Позднее он был осужден за троеженство и после помилования навсегда покинул Францию.

[11] Л.-Ф.-Ж. Боссе сопутствовал Наполеону во многих походах (его приезд в лагерь Наполеона накануне Бородинского сражения изображен Л. Н. Толстым в «Войне и мире» — т. III, ч. II, гл. XXVI), написал «Воспоминания о дворцовой жизни и о некоторых событиях времен империи... служащие к истории Наполеона» («Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques événements de l'empire... pour servir à l'histoire de Napoléon», 4 тома, 1827—1828).

[12] Из переводов Ж. Делиля наибольшей известностью пользовался перевод «Георгик» Вергилия — описательной поэмы о деревенской жизни и сельском хозяйстве — изданный в 1769 г. О летних приездах А. Мартена в Куртавнель говорит в своих воспоминаниях младший сын Виардо — Поль (см.: Viardot Paul. Souvenirs d'un artiste. Paris, 1910, p. 5).

[13] «Девственница» — «Орлеанская девственница» («La pucelle d'Orléans», 1755) — антиклерикальная поэма Вольтера.

[14] Тургенев имеет в виду составленный Ж. Дама-Инаром двухтомный сборник «Наполеон, его взгляды и суждения о людях и вещах» («Napoléon, ses opinions et jugements sur les hommes et les choses», 1838).

[15] Тургенев читал Коран, вероятно, во французском переводе А. Казимирского (1846), хотя пользовался известностью и старый французский перевод К.-Э. Савари (1783).

[16] Речь идет, очевидно, о сборнике нот — романсов П. Виардо на слова различных современных поэтов, издававшихся неоднократно. Упоминаемые Тургеневым романсы: «Ласточка и прелестный узник», «Светлячок» и «Мария и Юлия» — на слова Г. де Ларенодьера; «Ночь и день» — вероятно, «Мрак и свет» — на слова Э. Тюркети. Автор текста романса «Мечты» неизвестен. См. также письмо 56, примеч. 7.

[17] Т. е. песню с повторяющимся припевом в стиле Беранже.

[18] Тургенев имеет в виду следующее место из письма леди Монтегью к аббату *** (Конти) от 29 мая 1717 г. из Константинополя: «Всякая женщина, оставшаяся незамужней, осуждена на вечные муки. Обосновывая это верование, они ⟨турки⟩ утверждают, что творец создал женщину для того, чтобы люди плодились и размножались. Они говорят, что ее обязанность на этом свете состоит единственно в том, чтобы рожать детей и заботиться о них; что в этом заключается вся добродетель, предписанная ей богом» (Letters of Lady Mary Wortley Montague, written during her travels in Europe, Asia and Africa... Stereotype edition. Paris, 1817, p. 136—137).

[19] Свадьба Антонии Сичес ди Менди, двоюродной сестры П. Виардо, и бельгийского скрипача Юбера Леонара состоялась в Брюсселе. Позднее, в марте-апреле 1853 г., супруги Леонар были в Петербурге и дали здесь несколько концертов.

[20] Партия Фидес в опере Мейербера «Пророк» исполнялась обычно на текст, написанный Скрибом (как и всё либретто оперы) по-французски. П. Виардо пела ее в Лондоне по-итальянски, вероятно, в своем собственном переводе.

[21] Одноактная комедия — «Завтрак у предводителя». Отправленная Некрасову для «Современника», она была, уже в корректурных листах, задержана и затем запрещена цензурой. Несмотря на это, комедия, в приспособленной к требованиям театральной цензуры редакции, была поставлена на сцене в Петербурге 9 декабря 1849 г.

[22] Вероятно, комедия «Где тонко, там и рвется», написанная в середине 1848 г. и напечатанная в «Современнике» (1848, № 11). Возможно, впрочем, что речь идет о комедии «Нахлебник», запрещенной цензурой (см. письмо 93, примеч. 5); это могло вызвать у Тургенева желание напечатать ее в переводе, что, однако, осуществилось лишь в 1858 г.

[23] М. Сичес уехала в Брюссель на свадьбу дочери Антонии и Ю. Леонара.

[24] Возможно, что Тургенев приводит по памяти и поэтому очень неточно (притом в ироническом смысле) цитату из «Новой Элоизы» Руссо, где Сен-Пре говорит о Юлии: «celle qui devrait être sur le trône de l'univers» — «та, которая должна была бы быть на престоле вселенной» (часть I, письмо XXXI Сен-Пре к Юлии; см., например: La nouvelle Héloïse, par J.-J. Rousseau. Paris, 1844, p. 84).

[25] Цитата из письма леди Монтегью к мистеру П., т. е. поэту Александру Попу, без обозначения места и даты, но, очевидно, из Парижа, в октябре 1718 г. (а не 1717, как считал Тургенев). Леди Монтегью описывает французское общество и его характерные черты, сопоставляя французов с турками и англичанами (см., например, указ. в примеч. 18 издание, с. 242).

[26] Эпизод, рассказанный здесь, Тургенев впоследствии положил в основу очерка «Перепелка» (1882), изобразив этот случай как воспоминание своего детства.

121. Полине Виардо (с. 323 и 434)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано (с пропусками): во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1899, № 10, 4 février, p. 36—40; в русском переводе — *Моск Вед*, 1899, № 174, 27 июня (9 июля). Полностью во французском оригинале опубликовано: *T*, *Quelques lettres*, p. 99—102.

[1] Тургенев перефразирует название очень ценившейся им драмы Кальдерона «Жизнь есть сон».

[2] Рассказанный Тургеневым сон является как бы первым наброском к его позднейшей повести «Призраки» (1863).

[3] Цитируемые Тургеневым четыре стиха — почти полная строфа стихотворения Беранже «Les Bohémiens» («Цыгане»).

[4] Это письмо Чорли и ответ на него Тургенева неизвестны.

122. Полине Виардо (с. 327 и 436)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «à relire, [inutile]» («перечесть, бесполезно» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1899, № 10, 4 février, p. 40—44; в русском переводе — *Моск Вед*, 1899, № 174, 27 июня (9 июля). Перепечатано: в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 100—105, XXIII; *Письма к Виардо*, с. 225—232, XXIII; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 123—129, XXIII.

[1] См. письмо 120, примеч. 19 и 23.

[2] По библейскому преданию, среди десяти «казней египетских», посланных богом на египтян за то, что фараон удерживал в Египте иудеев, были нашествие жаб, саранчи, песьи мухи, гнойные язвы и т. д. (Исход, 7—11).

[3] Красношейка (rouget) — паукообразное насекомое из семейства клещей (Trombidium holosericeum).

[4] Ипполит — мифологический персонаж, сын афинского царя Тесея; оклеветанный влюбленной в него мачехой Федрой, был по просьбе отца покаран Посейдоном: когда Ипполит на колеснице мчался по берегу, Посейдон послал из моря быка, испугавшего коней, которые сбросили юношу на землю, и он погиб.

[5] Здесь приводится в неточном пересказе фраза из начала первой книги романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (Les aventures de Télémaque, 1699), где изображен остров нимфы Калипсо: «Le figuier, l'olivier, le grenadier et tous les autres arbres couvraient la campagne et en faisaient un grand jardin» («Фиговые, оливковые, гранатовые и всякие иные деревья покрывали местность и обращали ее в обширный сад»).

[6] «Авантюристка» — комедия в пяти действиях, в стихах, Э. Ожье, поставленная впервые в Париже 23 марта 1848 г. Аннибаль — брат героини пьесы, авантюристки Клоринды, сам авантюрист и плут.

123. Луи и Полине Виардо (с. 329 и 438)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 182, 9 августа; во французском оригинале (без приписки, обращенной к П. Виардо) — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 7—9.

[1] Латинское выражение, восходящее к одной из макаронических поэм французского поэта XVI в. Антуана д'Арена; в буквальном переводе: верь Роберту, знающему (это) по опыту; употребляется в смысле: верьте моему опыту.

[2] Перевод «Шинели» Гоголя Л. Виардо не осуществил.

[3] Вероятно, имеется в виду письмо от брата, Н. С. Тургенева, не дошедшее до нас; переписка И. С. Тургенева с матерью к этому времени прекратилась. Ср. в письме 126.

[4] Французская газета «Le National», основанная в 1830 г., умеренно-конституционная и оппозиционная во время Июльской монархии, буржуазно-республиканская после февральской революции, выходила под редакцией сторонника Л.-Э. Кавеньяка — А. Марраста и отрицательно относилась к диктатуре Луи-Наполеона; закрыта после переворота 2 декабря 1851 г.

124. Луи Виардо (с. 331 и 440)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Рус Вед*, 1911, № 182, 9 августа; во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 9—10.

[1] По сообщениям английской печати (Illustrated London News, 1849, № 386, 18 августа; The Athenaeum, 1849, № 1140, 1 сентября, и др.), музыкальный фестиваль в концертном зале Ливерпульской филармонии происходил с 27 по 31 августа н. ст. В нем, кроме П. Виардо, участвовали Дж. Гризи, М. Альбони, Дж. Марио, Л. Лаблаш и другие итальянские, а также английские артисты. В программу входили произведения духовной музыки — оратории Генделя, Россини, Мендельсона, а также сцены и арии из опер Моцарта, Чимарозы, Доницетти, Беллини, Россини, Мейербера и других. П. Виардо исполняла контральтовые и меццо-сопрановые партии.

[2] В опере Моцарта «Дон-Жуан» П. Виардо пела партии Эльвиры и Церлины.

[3] Жарриель и Водуа — деревни близ Куртавнеля, в местах охоты Тургенева и Л. Виардо.

125. Эмме Гервег (с. 332 и 440)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 37, л. 7.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. 1, с. 374.

Письмо датируется концом (не позднее утра 30-го) октября н. ст. по содержанию.

[1] Шопен умер в Париже 5 (17) октября 1849 г. Отпевание и похороны состоялись 18 (30) октября.

[2] Шопен завещал, чтобы в его отпевании был исполнен «Реквием» Моцарта в инструментовке А. Ребера. Это завещание было выполнено; сольные партии пели П. Виардо, Ж. Кастеллан и Л. Лаблаш. См. также письмо 127.

126. А. А. Краевскому (с. 332)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 164—165.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 7—9.

Стр. 333. предназначенных для (*франц.*).
Стр. 333. Улица и гостиница Пор-Магон (*франц.*).

[1] Комедия Тургенева «Холостяк» напечатана в «Отечественных записках», 1849, № 9.

[2] Письмо Н. С. Тургенева до нас не дошло.

[3] Речь идет о запрещении «Нахлебника» в «Отечественных записках» (см. письмо 99, примеч. 3).

[4] На этом письме имеется помета Краевского: «3 дек. 1849. Послал вексель в 50 дней от 29 ноября на 300 р. сер.». Как видно из письма Тургенева к Краевскому от 13 (25) декабря 1849 г. (№ 129), Тургенев вместе с деньгами получил от него не дошедшее до нас письмо.

[5] Комедии «Вечеринка» и «Гувернантка» Тургеневым написаны не были. Набросок первой из них см.: наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 520—523. Сведения об этих неосуществленных замыслах писателя см. там же, с. 691—695.

127. **Генри Чорли** (с. 334 и 440)

Печатается по подлиннику: Фицвильямский музей (Кембридж).
Впервые опубликовано: New Zealand Slavonic Journal, 1978, № 2, p. 28—30.

[1] См. письмо 91, примеч. 6.

[2] Тургенев имеет в виду, очевидно, вечер, устроенный супругами Виардо 8 августа н. ст. 1849 г. в Лондоне (Клифтон Виллаз, 27, Мейде Вейл) в честь их друзей Э. Араго, А. Ледрю-Роллена и Луи Блана, известных деятелей французской революции 1848 г. (см. статью: W a d d i n g t o n Patrick. Turgenev's relations with Henry Fothergill Chorley.— New Zealand Slavonic Journal, 1978, № 2).

[3] В своем письме к гр. Матв. Ю. Виельгорскому от 29 октября (12 ноября) 1849 г. П. Виардо так описывает траурную церемонию отпевания Шопена: «Он выразил желание, чтобы на его похоронах исполнен был „Реквием" ‹Моцарта›, и мы сделали это в церкви Мадлен, в прошлый вторник. Я не сумею передать вам того огромного впечатления, которое произвело это великое произведение. Соло пели г-жа Кастеллан, Лаблаш, Алексис Дюпон и я. Оркестр и хор — из Оперы. Ребер аранжировал для этой церемонии похоронный марш из Большой сонаты Шопена. Его играли во время следования тела от главного входа до катафалка. Перед „Sanctus" превосходный органист Лефебюр сыграл две прелюдии Шопена, в ми и си миноре ‹...› Мы все утопали в слезах, взволнованы были даже самые равнодушные (этих последних было немного) ‹...› Это была одна из тех редких избранных натур, встречу с которыми надо считать большим счастьем в жизни» (*Муз Насл*, с. 84). Ср. с сообщением о похоронах Шопена в 261-м номере «С.-Петербургских ведомостей» от 20 ноября (2 декабря) 1849 г.: «Сестра покойника, г-жа Иендршеевич (Jendrzejewicz) созвала на это печальное торжество все знаменитости Парижа. Отпевание происходило 30 октября, в церкви св. Магдалины, в обществе певцов, в числе которых находились: г-жи Виардо и Кастеллани, гг. Дюпон и Лаблаш исполнили по завещанию умершего Requiem Моцарта; органист церкви св. Магдалины, г. Лефебюр-Вели сыграл на органе две прелюдии Шопена, кроме того, была исполнена его же соната (оп. 59), переложенная для большого оркестра г. Робером. Множество народу провожало погребальную колесницу до самого кладбища отца Лашеза; гроб несли: известный виолончелист Франшом, знаменитый живописец Эжен Делакроа, Мейербер и один из соотечественников Шопена».

[4] Речь идет о некрологической статье Г. Чорли о Шопене в «The Athenaeum» от 27 октября 1849 г.

[5] Первое представление оперы Мейербера «Гугеноты» в новой редакции после длительного репетиционного периода состоялось в парижской Большой опере 18 ноября 1850 г. Партию Валентины исполняла П. Виардо, Рауля — Роже, Маргариты — Лаборд (см. письмо П. Виардо к Матв. Виельгорскому от 4 марта 1850 г. и примеч. к нему А. С. Розанова — *Муз Насл*, с. 87, 127).

[6] Жанна-Маргарита Виардо.

[7] Осенью 1849 г. П. Виардо подписала контракт с Берлинской оперой и в апреле 1850 г. пела там «Пророка» (см.: *Муз Насл*, с. 85).

128. А.А. Краевскому (с. 336)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 159—160.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 9—11.

Стр. 336. «Эту пьесу *еще* не играли» (*франц.*).
Стр. 337. Умеренный успех (успех из вежливости) (*франц.*).
Стр. 337. Улица и гостиница Пор-Магон (*франц.*).

[1] См. письмо 126. 300 руб. серебром, о которых там идет речь, составляют 1050 руб. ассигнациями.

[2] Гр. Матв. Ю. Виельгорский оказывал поддержку многим литераторам, артистам, художникам. Письмо Виельгорского, по-видимому, было адресовано П. Виардо, и в нем рассказывалось о чтении М. С. Щепкиным «Нахлебника» у Одоевских. 2 ноября ст. ст. 1849 г. В. Ф. Одоевский писал П. А. Плетневу: «Завтра в 9 часов у нас читает Щепкин, любезный Петр Александрович; можем ли мы надеяться, что вы осчастливите нас своим присутствием, вы и ваша супруга... Оленьку (дочь Плетнева.— *Ред.*) не смею звать потому, что предмет чтения „Нахлебник“, говорят, не для юных девственных ушей» (*ИРЛИ*, ф. 234, он. 3, № 484, л. 17).

[3] «Холостяк» был поставлен на сцене Александринского театра в Петербурге 14 (26) октября 1849 г.

[4] См. письма 129 и 130, а также письмо 131 (наст. изд., Письма, т. 2).

129. А. А. Краевскому (с. 337)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 166.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 11—13.

Стр. 338. с увлечением (*итал.*).

[1] См. письмо 126, примеч. 4.

[2] В письме к Краевскому от 1 (13) декабря 1849 г. (№ 128) Тургенев писал, что оканчивает «Дневник лишнего человека». Речь шла о переписывании, а основная работа над повестью, как видно из настоящего письма, а также из письма Тургенева к Краевскому от 2 (14) апреля 1849 г. (№ 101), закончилась раньше.

[3] См. письмо 130.

[4] «Гувернантка» не была закончена, а пьеса «Студент» была позднее переделана и под названием «Месяц в деревне» появилась в «Современнике» (см. письма 101, примеч. 7, и 126, примеч. 5).

[5] О материальных затруднениях Тургенева см. письмо 116, примеч. 2.

[6] Еще за год до этого, 8 (20) декабря 1848 г., Краевский писал Тургеневу: «Вы зажились в Немечине; пора домой» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 144).

[7] Тургенев приехал в Петербург во второй половине июня ст. ст. 1850 г.

130. А. А. Краевскому (с. 339)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 162.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 13—14, с предположительной датировкой — конец 1849 г.

Датируется на следующих основаниях. Статья о «Пророке» появилась в «Отечественных записках» (1850, № 2) под заглавием «Несколько слов об опере Мейербера „Пророк“», с подзаголовком «(Письмо к редактору)» и датой: «Париж, 9 января н. ст. 1850», которую следует считать датой окончания статьи. Поскольку статья и письмо к Краевскому посланы одновременно, можно полагать, что письмо написано в день окончания статьи.

[1] «Дневник лишнего человека» был напечатан в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1850 г.

[2] Статья о «Пророке» имеет подпись: «—е—». Нежелание Тургенева раскрыть свое авторство объясняется, очевидно, тем обстоятельством, что в статье содержатся хвалебные отзывы об артистическом таланте П. Виардо.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1. В Правление Московского университета (с. 340)

Печатается по писарской копии в деле Правления имп. Московского университета 1833 г., № 108, «О принятии в университет в число студентов Ивана Тургенева»: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1. На прошении помета неизвестной рукой: «14 лет и 11 месяц».

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 423.

Подлинник неизвестен.

[1] Тургеневу в то время было неполных 15 лет.

[2] Тургенев успешно выдержал вступительные экзамены в сентябре 1833 г. и по решению совета Московского университета от 20 сентября ст. ст. 1833 г. был принят в число своекоштных студентов (см.: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 716).

2. В Правление Московского университета (с. 340)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 1, л. 19.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 424.

[1] Экзамены и прием Тургенева в Московский университет состоялись не в октябре, а в сентябре 1833 г.

[2] Перевод Тургенева в Петербургский университет был обусловлен семейными обстоятельствами. В своей автобиографии Тургенев пишет: «В 1834-м году отец И—а С—а перевел его в Петербургский университет для совместного жительства со старшим братом, поступившим в Гвардейскую артиллерию».

3. Ректору Петербургского университета (с. 341)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 2, л. 2.

Впервые опубликовано: *Лисовский*, *Материалы*, с. 4—5.

[1] Экзамены в Московском университете держали 13 студентов. Среди них Тургенев по результатам экзаменов оказался на третьем месте (см.: *BE*, 1894, № 2, с. 721).

[2] Тургенев был принят в число своекоштных студентов и учился в Петербургском университете с 1834 по 1837 г.

4. Ректору Петербургского университета (с. 342)

Печатается по подлиннику: *ГИАЛО*, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15953, л. 2.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. 1, с. 425—426.

5. Ректору Петербургского университета (с. 342)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 2, л. 4. На подлиннике служебная помета: «11 мая 1837».

Впервые опубликовано: *Лисовский*, *Материалы*, с. 5, с датой согласно служебной помете.

[1] В 1836 г., по окончании университета, Тургенев был удостоен только звания действительного студента. Повторное посещение лекций третьего курса вызвано было стремлением Тургенева получить степень кандидата. Он ее получил в конце следующего учебного года, набрав во время экзаменов необходимое для этого количество баллов. В копии аттестата Тургенева, хранящейся в *ЦГИАЛ* (ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 2), сказано: «Иван Тургенев... поступивший в число своекоштных студентов императорского С.-Петербургского университета по 1-му отделению Философского факультета, находясь в оном с июля месяца 1834 по июля 10-е 1837 года, при благонравном поведении, окончил полный курс учения и оказал следующие успехи: в законе божьем, политической экономии и русской истории — очень хорошие; в греческой и римской словесности, истории русской литературы, всеобщей истории и французском языке — отличные; и, по окончательном испытании, признан Советом университета достойным степени кандидата 1-го отделения Философского факультета 10-го июля 1837 года...».

6. В Тульское дворянское депутатское собрание (с. 343)

Печатается по подлиннику: *ГАТО*, ф. 39, оп. 2, № 2337, л. 63. Написано, как сказано в прошении, рукой Е. Д. Хрусталева. Рукой Тургенева написаны слова: «мною сочиненному прошению» и последний абзац, выделенные нами. На прошении после даты — помета: «с почты из Мценска».

Впервые опубликовано: Русская литература, 1972, № 3, с. 98.

[1] Это событие описано Тургеневым в рассказе «Un incendie en mer» («Пожар на море»).

[2] Документ о введении И. С. Тургенева в Тульскую Дворянскую родословную книгу за № 242 был выдан Н. Н. Тургеневу 11 июля 1842 г., о чем свидетельствует его собственная роспись на протоколе заседания (*ГАТО*, ф. 39, оп. 2, № 2337, л. 65 об.).

[3] В документе число не указано.

[4] Прошение Тургенева слушалось на заседании членов Тульского дворянского депутатского собрания. В протоколе заседания имеется запись: «Приказали: в уважение объясненных просителем сту-

дентом Иваном Тургеневым несчастных обстоятельств выдать ему вместо сгоревшей вновь копию с определения 1810 и 1832-го годов с надлежащею после указа 30 июля 1835 года надписью о времени представления в Герольдию доказательств, которые для доставления к нему отдать под расписку г. гвардии штаб-ротмистру Николаю Тургеневу». Но документы не были доставлены доверенному лицу, и 10 августа 1842 г. в Тульское дворянское депутатское собрание от Н. Н. Тургенева поступило вторичное прошение с просьбой о выдаче документов племяннику. Документы были выданы Н. Н. Тургеневу 31 августа 1842 г. (см.: Алексина Р. М. Тургеневские материалы из архива Тульской области.— Русская литература, 1972, № 3, с. 98—99).

7. Ректору Петербургского университета (с. 344)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1. Впервые опубликовано: *Лисовский*, *Материалы*, с. 5.

[1] Тургенев получил разрешение держать экзамены на степень магистра и успешно сдал их в течение апреля—мая 1842 г. Однако для получения магистерской степени требовалось еще написать диссертацию, которой Тургенев, по всей вероятности, так и не написал (см.: *Лисовский*, *Материалы*, с. 4—9).

[2] См. примеч. к документу 5.

8. Министру внутренних дел (с. 344)

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 1. На прошении помета: «Получено 8 генваря 1843».

Впервые опубликовано: *Т*, *Соч*, т. 12, с. 693—694.

Год написания, ошибочно проставленный Тургеневым, определяется по содержанию и служебной помете о получении.

[1] Речь идет о копии аттестата, отрывок из которого см. в примеч. к документу 5. На копии есть приписка: «Копия сия выдана г. Тургеневу вместо подлинного Аттестата, сгоревшего на пароходе „Николай I“».

[2] В связи с этим прошением Перовский обратился к министру народного просвещения с запросом, имеет ли Тургенев право поступить на службу в Министерство внутренних дел и если имеет, то не попросит ли министр народного просвещения «высочайшего разрешения». Министр народного просвещения ответил, что Тургенев выдержал магистерские экзамены, в недалеком будущем должен защищать диссертацию и тогда получит право на поступление в Министерство внутренних дел, не подчиняясь ограничениям. Таким образом, необходимо было «высочайшее разрешение». Оно было дано 2 июня ст. ст. 1843 г. На основании этого Перовский причислил Тургенева к Министерству внутренних дел и назначил его (8 июня ст. ст. 1843 г.) «для занятий по Особенной канцелярии министра». Указом Правительствующего сената от 29 июля ст. ст. 1843 г. Тургенев был утвержден в чине коллежского секретаря (см.: *Т*, *Соч*, т. 12, с. 694, 695). Вопрос о службе Тургенева подробно рассмотрен в статье Ю. Г. Оксмана «И. С. Тургенев на службе в Министерстве внутренних дел» (Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, т. LVI, Саратов, 1957. Вып. филолог., с. 172—183). Кроме настоящего прошения и других документов, помещаемых в данном томе, известны следую-

щие документы о службе Тургенева: запрос К. К. фон Поля В. И. Далю от 6 (18) февраля 1845 г., ответ В. И. Даля от 7 (19) февраля 1845 г., отпускное свидетельство Тургенева за № 702 от 9 (21) февраля 1845 г., справка о болезни Тургенева («Свидетельство № 112») от 2 (14) апреля 1845 г. (см. в указанной выше статье Ю. Г. Оксмана).

9. В контору Штиглица (с. 345 и 442)

Печатается по тексту первой публикации: Минувшие годы, 1908, № 8, с. 98—99.

Подлинник неизвестен.

[1] В это время Л. И. Штиглица уже не было в живых (умер 6 марта ст. ст. 1843 г.). Известен еще один Штиглиц — его сын Александр Людвигович.

[2] См. письмо 52, примеч. 3. Тургенев обещал уплатить за Бакунина все его долги, но выполнил свое обещание только отчасти (см.: *Корнилов*, с. 242, 243, 252, 255, 258, 260—262, 264).

[3] Русский посол — П. К. Мейендорф.

10. Министру внутренних дел (с. 345)

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 21.

Впервые опубликовано: Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, т. LVI, Саратов, 1957. Вып. филолог., с. 181.

[1] По распоряжению министра внутренних дел Тургенев получил отпуск 14 февраля ст. ст. 1844 г. (*ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 22).

11. В департамент общих дел Министерства внутренних дел (с. 346)

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 24.

Впервые опубликовано: Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, т. LVI, Саратов, 1957. Вып. филолог., с. 181.

[1] Речь идет, несомненно, о невыплаченном долге Тургенева П. К. Мейендорфу. В связи с задержкой этих денег Тургеневым Мейендорф, очевидно, написал по месту службы Тургенева. Упомянутое здесь письмо Тургенева к Мейендорфу до нас не дошло.

12. Директору департамента общих дел Министерства внутренних дел (с. 346)

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 26.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 430.

[1] В свидетельстве московского обер-полицмейстера, датированном 31 марта ст ст. 1844 г., говорится о том, что Тургенев болен «воспалением слизистой оболочки зева и дыхательного горла (Angina Inflamatoria), при легочном катарре, так что впредь до выздоровления отправиться к месту службы не может» (*ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 27).

13. Директору департамента общих дел Министерства внутренних дел (с. 347)

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 29.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 430—431.

[1] Тургенев получил отпуск на 2 месяца 9 февраля ст. ст. 1845 г. (*ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 33).

14. Николаю I (с. 347)

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 36. Прошение написано писарской рукой, кроме скрепы «К сему» между первым и вторым абзацами и подписи от слова «прошению» до конца.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 1, с. 431.

[1] Согласно этому прошению, Тургенев был уволен со службы в Министерстве внутренних дел 18 апреля ст. ст. 1845 г. (*ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 40).

15. К. К. фон Полю (с. 348)

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 35.

Впервые опубликовано: Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, т. LVI, Саратов, 1957. Вып. филолог., с. 183.

[1] См. примеч. к документу 12. Сохранилось также свидетельство московского врача Дмитревского о болезни Тургенева, датированное 2 (14) апреля 1845 г. (*ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 38).

[2] По распоряжению министра внутренних дел Л. А. Перовского Тургенев был уволен от службы 18 (30) апреля 1845 г., согласно прошению, по болезни (*ЦГИАЛ*, ф. 1284, оп. 28, ед. хр. 7, л. 40). Он выехал в Петербург около 25 апреля ст. ст. 1845 г. вместе с П. Виардо и итальянской труппой.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА С 1831 ПО 1849 ГОД[1]

1831. Москва — январь — декабрь (?).
1832. Москва — январь — декабрь (?).
1833. Москва — январь — декабрь.
1834. Москва — январь — середина июня.
Петербург — середина июня — декабрь.
1835. Петербург — январь — май (?).
Москва и Спасское — июнь — август (?).
Петербург — сентябрь (?) — декабрь.
1836. Петербург — январь — декабрь (?).
1837. Петербург — январь — июль (?).
Спасское — август — сентябрь (?).
Петербург — октябрь — декабрь.
1838. Петербург — январь — 15 (27) мая.
Любек — 19 (31) мая.
Гамбург — середина мая — начало июня.
Эмс — около, не позднее 18 (30) июня.
Франкфурт и Кобленц — первая половина — середина июля.
Страсбург — первая половина августа.
Мюнхен — около, не позднее 15 (27) августа.
Дрезден — середина августа.
Берлин — конец августа — декабрь.
1839. Берлин — январь — середина августа (?).
Петербург — конец августа (?).
Москва и Спасское — сентябрь (?) — 22 октября (3 ноября).
Петербург — конец октября — декабрь.
1840. Петербург — первая половина (до 14—16) января ст. ст.
Вена — вторая половина января — начало февраля.
Рим — первая половина февраля — 12 (24) апреля.
Неаполь — около 13—14 (25—26) апреля.
Сорренто — 19 апреля (1 мая).
Рим — около 22 апреля (4 мая).
Чевита-Веккиа — около 23 апреля (5 мая).
Ливорно, Пиза — 20-е числа апреля.
Генуя — 26 апреля (8 мая).
Лаго-Маджоре — Сен-Готард — Люцерн — Базель — Мангейм — конец апреля — начало мая.
Майнц — 4 (16) мая.
Франкфурт-на-Майне — 5 (17) мая.
Лейпциг — между 5 (17) и 11 (23) мая.
Берлин — 11 (23) мая — июль.
Мариенбад — 7 (19) августа — 12 (24) сентября.
Лейпциг — 14 (26) сентября.
Дрезден — 16 (28) сентября — середина октября.
Берлин — середина октября — декабрь.
1841. Берлин — январь — 5 (17) мая.
Петербург — 14 (26) мая — 16 мая (7 июня).

---

[1] Неопределенные даты, не имеющие чисел месяца, даются по старому стилю, кроме случаев, особо оговоренных.

Премухино — конец мая.
Спасское — начало июня — начало августа.
Москва — первая половина августа — декабрь.
Премухино — 10—16 (22—28) октября и конец декабря.
1842. Москва — январь — 26 марта (7 апреля).
Петербург — 30 марта (11 апреля) — около 14 (26) мая.
Москва — середина мая.
Спасское — конец мая — 7 (19) июля.
Шашкино — начало июня.
Москва — первая половина июля.
Петербург — середина июля.
Мариенбад — конец июля.
Дрезден — 31 июля (12 августа) — начало августа.
Мариенбад — 7(19) августа — 18(30) сентября.
Дрезден — конец сентября — середина октября.
Берлин — середина октября — 20-е числа ноября.
Петербург — декабрь.
1843. Петербург — январь — начало апреля.
Москва — 10 (22) апреля — около 20 апреля (2 мая).
Тургенево — 23—24 апреля (5—6 мая).
Шашкино — конец апреля.
Спасское — начало — до 6 (18) мая.
Москва — первая половина мая.
Петербург — Павловск — Петербург — середина мая — декабрь.
1844. Петербург — январь — середина февраля.
Москва — конец февраля — конец апреля.
Петербург — май, после 5 (17).
Парголово — июнь — август.
Петербург — конец августа — декабрь.
1845. Петербург — январь — первая половина февраля.
Москва — середина февраля — 25 апреля (7 мая).
Петербург — конец апреля — первая половина мая.
Париж и Куртавнель — конец мая — 17 (29) июля.
Орлеан — Блуа — Тур — Пуатье — Ангулем — Бордо — Байона — Пиренеи — 17 (29) июля — начало августа.
Париж и Куртавнель — начало августа — октябрь.
Петербург — начало ноября — декабрь.
1846. Петербург — январь — начало мая.
Москва — первая половина мая.
Спасское — середина мая — начало октября.
Шашкино — начало июня (?).
Москва — первая половина октября.
Петербург — 17 (29) октября — декабрь.
1847. Петербург — первая половина — до 12 (24) января.
Берлин — вторая половина января — 13 (25) мая.
Дрезден — 14—20 мая (26 мая — 1 июня).
Бреслау — 21 мая (2 июня).
Зальцбрунн — 22 мая (3 июня) — начало июля.
Дрезден — начало июля.
Лондон — первая половина июля.
Булонь — первая половина июля.
Париж и Куртавнель — 18 (30) июля — декабрь.
1848. Париж — январь — начало февраля.
Брюссель — первая половина февраля.

Париж — около 15 (27) февраля — сентябрь.
Лион — 1 (13) октября.
Валанс — Авиньон — 3 (15) октября.
Ним — Арль — 4 (16) октября.
Марсель — Тулон — 5—7 (17—19) октября.
Иер — 7 (19) октября — 20-е числа октября.
Париж — 25 октября (6 ноября) — 20-е числа декабря.
Версаль — конец декабря.

1849. Париж — январь — начало июня.
Куртавнель — начало июня — сентябрь (?).
Париж — 27—29 июня (9—11 июля), 14—15 (26—27) июля, 19 (31) июля.
Париж — октябрь — декабрь.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА[1]

[1] Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ[1]

[1] В указатель входят все личные имена, а также названия периодической печати, упоминаемые в текстах и переводах писем и примечаниях. Имена и названия, содержащиеся в предисловии «От редакции» (с. 5—8) и в статье М. П. Алексеева «Письма И. С. Тургенева» (с 9—115), в указатель не включены. Имена лиц, являющихся адресатами в настоящем томе, отмечены звездочками. Некоторые имена, лишь упоминаемые в настоящем томе, но принадлежащие лицам, которые становятся адресатами в последующих томах, даются без подробных аннотаций, с отсылкой к томам настоящего издания писем или указанием на годы, где они являются адресатами.

410, 412—414, 417—419, 423, 427, 429, 434, 437, *478*, *479*, *485*, *486*, *490*, *491*, *495*, *499*, *502*, *506—508*, *512*, *513*, *518*, *526*, *533*

«Охотничьи воспоминания» («Souvenirs de chasses») — 215, *479*, *487*, *495*

«Пасхальная ночь в Московском Кремле» — *485*

Виардо (Viardot) Луиза-Полина-Мария, в замужестве Эритт (Héritte) (1841—1918), старшая дочь Л. и П. Виардо, пианистка, композитор и преподавательница пения. Отношения между ней и Тургеневым всегда были холодны и неприязненны. В 1907 г. опубликовала в газете «Frankfurter Zeitung» от 10 февраля н. ст. отрывок из воспоминаний, крайне враждебный Тургеневу. Воспоминания эти полностью изданы ее сыном (Une famille de grands musiciens. Mémoires de Louise Héritte-Viardot, rec. par Louis Héritte de la Tour. Paris, 1922; 3-me éd.—1923)—204 («votre enfant»), 209, 213, 216, 229, 236, 239, 242, 244, 247 («enfant»), 264, 289, 292, 327, 329, 331, 355 («вашим ребенком»), 359, 367, 371, 374, 376, 378, 380 («ребенок»), 393, 408, 410, 438, *498*, *506*, *511*

* *Виардо* Мишель Фернанда Полина, рожд. Гарсиа (Viardot-Garcia, 1821—1910), дочь известного певца Мануэля Гарсиа и певицы Хоакины Гарсиа (см.),— знаменитая певица, выступавшая на оперных сценах Европы с 1839 по 1861 г., преподавательница пения и композитор — автор романсов на слова Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Фета, Ламартина, Т. Готье и других поэтов, четырех оперетт на тексты Тургенева и пр. В 1840 г. вышла замуж за Л. Виардо. Выступала в Петербурге и Москве в сезоны 1843/44, 1844/45, 1845/46, 1852/53 г. С Тургеневым познакомилась в ноябре 1843 г., в свой первый приезд в Петербург (см. наст. том, с. 478—479). Сорокалетняя дружба Тургенева и П. Виардо, оборвавшаяся лишь со смертью писателя, нашла отражение в их переписке, которая до сего времени известна не полностью. Публикация части писем Тургенева к П. Виардо, утраченной ею во время франко-прусской войны, началась еще при жизни певицы и вызвала резкий протест с ее стороны, который привел к тому, что она выступила своего рода редактором писем Тургенева, выбрасывая из них по своему усмотрению то, что ей казалось неудобным для печати, а некоторые письма запрещая печатать совсем. Подробнее об этом см. в наст. томе с. 101—103, а также: W a d d i n g t o n P. Pauline Viardot as Turgenev's censor.— Times Literary Supplement, 1970, jan. 1, p. 16—17. Отредактированные П. Виардо письма печатались и перепечатывались в русских и французских изданиях в переводах и по-французски, причем оригиналы многих из них оставались неизвестными (свод публикаций см. в примеч. к каждому отдельному письму). Первым публикатором писем Тургенева к П. Виардо был И. Д. Гальперин-Каминский, который после многократных отдельных публикаций их во французской и русской периодической печати выпустил в 1900 г. собрание писем на русском и в 1901 г. на французском языках (см.: *Гальп.-Кам.*, *Письма*; *Halp-Kam*, *Corr.*) Издание Гальперина-Каминского 1907 г. (*Halp-Kam*, *Viardot*), насчитывающее 67 писем за 1846—1871 гг., до недавнего времени продолжало оставаться наиболее полным изданием писем Тургенева к П. Виардо. Всего в печати до 1971 г. было известно 153 письма писателя к певице, пять из которых были обращены к ней и Л. Виардо (1844—1871), и 10 писем Тургенева к Луи Виардо (см.) Подлинники лишь шести из них (1850. 1864, 1867, 1870, 1871 гг.) были приобретены в 1911 г. имп. Публичной библиотекой

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения автографов

ГАТО — Государственный архив Тульской области.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).
ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области.
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
Bibl Nat — Национальная библиотека (Париж).

Собрания сочинений, сборники и другие издания

Анненков — Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1960.
Анненков и его друзья — П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.
Белинский — Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР. 1953—1959, т. 1—13.
Белинский, Письма — Белинский, Письма/ Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914, т. 1—3.
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
Вольф, Хроника — Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877—1884, ч. I—III.
Гальп.-Кам. Письма — Письма И. С. Тургенева к Полине Виардо и его французским друзьям/Изд. Гальпериным-Каминским. М., 1900.
ГБЛ, Записки — Записки Отдела рукописей. М., 1938—1957 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина). Вып. 1—19. Издание продолжается.
Герцен — Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Наука, 1954—1965.
Герцен, Летопись — Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812—1870. М.: Наука, 1974 (1812—1850), 1976 (1851—1858). Издание продолжается.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952. Т. 1—14.

Гол Мин — «Голос минувшего» (журнал).

Житова — Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

Звенья — Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв./Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др. М.; Л: Academia. 1931—1951, т. 1—9.

Корнилов — Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М.: ГИЗ, 1925.

Лисовский, Материалы — Лисовский Н. М. Новые материалы для биографии И. С. Тургенева. СПб., 1892.

Лит Арх Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения/Ин-т рус. лит.— Пушкинский Дом. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938—1953. Т. 1—4

Лит Музеум — Литературный Музеум (Цензурные материала 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда)/Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.

Лит Мысль — Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922; Л., 1925. Т. I—III.

Лит Насл — Литературное наследство. М.: Наука, 1931—1982. Т. 1—92. Издание продолжается.

Моск Вед — «Московские ведомости» (газета).

Москв — «Московитянин» (журнал).

Муз Насл — Музыкальное наследство. М.: Музгиз, 1968. Т. 2, ч. 2.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем/Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М.: Гослитиздат, 1948—1953. Т. 1—12.

Отеч Зап — «Отечественные записки» (журнал).

Письма к Виардо — Письма И. С. Тургенева к Паулине Виардо. М.: Университетская тип., 1900.

Письма к Герцену — Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснит. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892.

Письма к Краевскому — Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена к А. А. Краевскому. (Из собрания автографов имп. Публичной библиотеки). СПб, 1893. (Отд. оттиск из «Отчета имп. Публичной библиотеки за 1889 г.», СПб., 1893, Приложение).

Пушкин — Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16.

Розанов — Розанов А. Полина Виардо-Гарсиа. Л.: Музыка, 1973.

Рус Арх — «Русский архив» (журнал).

Рус Вед — «Русские ведомости» (газета).

Рус Вест — «Русский вестник» (журнал).

Рус Мысль — «Русская мысль» (журнал).

Рус Ст — «Русская старина» (журнал).

Сев Пчела — «Северная пчела» (газета).

Совр — «Современник» (журнал).

СПб Вед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Станкевич, Переписка — Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840/Ред. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914.

Т и его время — Тургенев и его время/Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг.: ГИЗ, 1923.

Т, ПСС и П, Письма — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961—1968.

Т, ПСС и П, Сочинения — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960—1968.

Т, Сб (Бродский) — Тургенев И. С.: Материалы и исследования. Сборник/Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.

Т, Соч — Тургенев И. С. Сочинения/Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929—1934. Т. 1—12.

Т, Стих, 1891 — Стихотворения И. С. Тургенева. 2-е изд. СПб., 1891.

Т сб (Пиксанов) — Тургеневский сборник. Пг.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).

Тучкова-Огарева — Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.

Центрархив, Документы — Документы по истории литературы и общественности.— И. С. Тургенев. М.; Пг.: Центрархив РСФСР, 1923. Вып. 2.

Щукинский сб — Издание Отделения имп. Российского Исторического музея им. императора Александра III — музея П. И. Щукина. М., 1902—1912. Вып. 1—10.

Halp.-Kam., Viardot — Tourguéneff Ivan. Lettres à Madame Viardot, publiées et annotées par E. Halpérine-Kaminsky. Paris: (Bibliothèque Charpentier), 1907. Перепечатано: 1926.

Marix-Spire — Lettres inédites de George Sand et de Pauline Viardot. (1839—1849). Recueillies, annotées et précédées d'une introd. par Thérèse Marix-Spire. P., 1959.

Mazon — Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930 (Bibliothèque de l'Institut français de Léningrad. Tome IX).

T, Lettres inéd — Lettres inédites de Tourguénev à Pauline Viardot et à sa famille. Publ. et annot. par Henri Granjard et Alexandre Zviguilsky avec la collab. de Duša Perović. Introd. de Henri Granjard. Lausanne, 1972.

T, Nouv corr inéd — Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite. Textes rec., annot. et précédés d'une introd. par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1971 (t. 1), 1972 (t. 2).

T, Quelques lettres — Quelques lettres d'Ivan Tourguénev à Pauline Viardot. Textes établis, introd. et annot. par Henri Granjard. Paris: La Haye, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

ПРИМЕЧАНИЯ. УКАЗАТЕЛИ

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Тексты подготовили и примечания составили:
Р. М. Алексина, А. И. Батюто, Т. П. Голованова, Н. В. Гужиева, Т. П. Ден, А. Звигильский, Л. И. Кузьмина, Л. Н. Назарова, А. С. Розанов, П. Уоддингтон

Редакторы первого тома
М. П. Алексеев, П. Р. Заборов, Н. В. Измайлов

*

Редактор издательства *М. Б. Покровская*
Оформление художника *М. В. Большакова*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Н. П. Кузнецова*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, Л. И. Кириллова*

ИБ № 22474

Сдано в набор 05.08.82.
Подписано к печати 12.10.82.
Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 32. Усл. кр.-отт. 32,1.
Уч.-изд. л. 39,8
Тираж 50 000 экз. Тип. зак. 795
Цена 4 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10